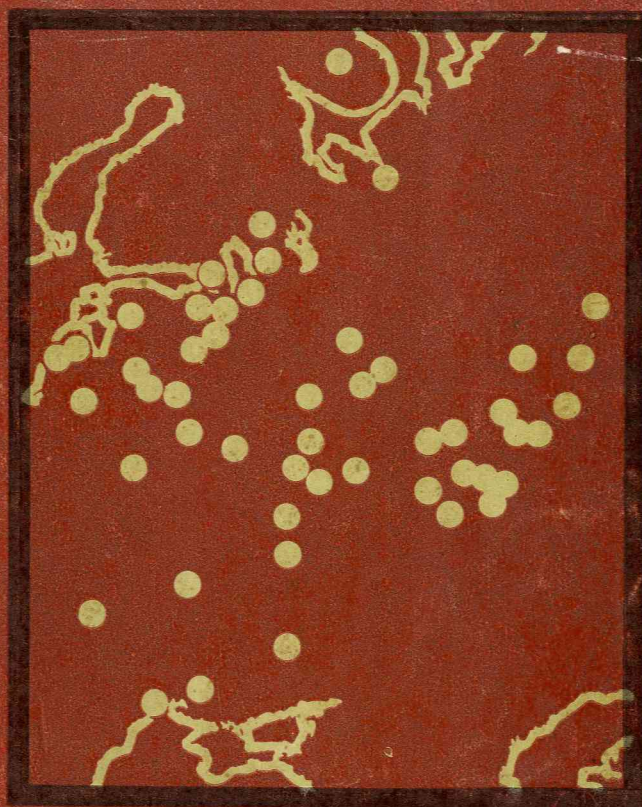

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

Книга посвящена происхождению народов Восточной Европы. На основе изучения большого антропологического материала, как хранящегося в наших музеях, так и найденного автором, решаются многие вопросы этой сложной проблемы. Широко представлены материалы по восточнославянским народам — русским, украинцам и белорусам.

Интересны сведения о различиях между современным и средневековым населением Русской равнины, о сходстве украинцев и средневековых древлян; о различии в антропологическом типе населения западных районов Латвии.

Издание рассчитано не только на антропологов. Оно интересно для специалистов, работающих над проблемами происхождения и истории народов, населяющих Европейскую часть СССР, а также для более широкого круга читателей; интересующихся проблемами этногенеза; — историков; биологов; географов; палеонтологов и др.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

(КРАНИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА • МОСКВА 1969

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
М. М. ГЕРАСИМОВ, Я. Я. РОГИНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема происхождения народов — одна из самых актуальных и важных проблем исторической науки. Генетические связи народов и их взаимное родство устанавливаются нередко на основании непосредственного изучения исторических источников, особенно, когда речь идет о народах древности. Но свидетельства исторических источников часто искажают действительную ситуацию, и искажения эти касаются именно этнических взаимоотношений. Родство народов — сложное понятие, не до конца разработанное даже в современной науке, тем труднее было разобраться в нём, когда создавались письменные свидетельства и когда не было никакой науки об этногенезе. Поэтому в настоящее время проблема родства и происхождения народов изучается как проблема комплексная, каковой она на самом деле и является. Не меньшую, если не большую, роль в ее решении играют по сравнению с исследованием письменных свидетельств о родстве народов этнография, археология, лингвистика, антропология. Последней принадлежит решающее слово при рассмотрении важнейшего аспекта этногенеза — физического родства народов, родства народов по генному составу или, как принято говорить в генетике, по генофонду. Этот аспект не является главным, так как основные характеристики народов — быт и культура, но значение его тем не менее велико потому, что генофонд и определяемый им антропологический облик народа более стабильны, чем язык и культура, подверженные иногда быстрым изменениям (переход народа с языка на язык, изменение культуры в процессе заимствования культурных элементов). Поэтому антропологическое исследование часто вскрывает такие глубокие истоки происхождения современных народов, которые не доступны анализу с позиций других научных дисциплин, занимающихся этногенезом. Краниологический материал приобретает в этой связи первостепенное значение, так как только он позволяет ввести хронологический аспект в изучении антропологического состава народов мира и осуществить сравнение антропологических особенностей современных и древних народов¹.

¹ См. об этом специально: В. П. Алексеев. Современное состояние краниологических исследований в расоведении. Вопросы антропологии, вып. 30, 1968.

Термин «краниология» не идентичен понятию «палеоантропология», как это часто предполагается. Учение о нормальных вариациях строения черепа, причинах этого, порождающих их морфо-функциональных закономерностях,— тоже краниология, но в этой своей части она смыкается теснее с анатомией и общей морфологией человека, со сравнительной анатомией, нежели с палеоантропологией. С другой стороны, палеоантропология базируется в своих выводах не только на исследовании черепа, но и скелета, она включает в себя изучение процессов направленных изменений признаков во времени, восстановление расовых ареалов в древности и для этого прибегает к материалам и методам, далеко выходящим за рамки учения о черепе, как таковом. Поэтому краниология человека и палеоантропология — неравнозначные понятия, неравнозначные разделы антропологической науки, частично покрывающие друг друга, но частично и не связанные непосредственно ни по материалу, ни по принципам подхода к нему и методике исследования.

Но помимо такого понимания границ краниологии, так сказать, классического, в последние годы в советской антропологической литературе укоренилось иное употребление термина «краниология», при котором он стал пониматься как синоним поздней палеоантропологии II тысячелетия н. э. и применяться для обозначения краниологических материалов из могильников эпохи позднего средневековья и близких к современности кладбищ, датируемых последними веками н. э. Применяется этот термин и для обозначения краниологических коллекций, хранящихся чаще всего на кафедрах нормальной анатомии медицинских институтов и собранных при мацерации трупов в конце прошлого — начале нашего века, т. е. практически относящихся к современности. Такое словоупотребление с точки зрения придирчивого отношения к терминам и представления о строгом подразделении любой науки на четко отграниченные области кажется вольным, но оно оправдано возникшим на протяжении последних 20 лет интересом к краниологическим материалам из поздних могильников (именно к этим годам относится и употребление термина «краниология» в новом его понимании) и удобством их противопоставления сериям из ранних могильников. Автор употребляет термин «краниология» в этом последнем смысле, что и определило хронологические границы исследования — последние пять — шесть веков н. э. В ряде случаев пришлось обращаться к самостоятельной обработке материалов из средневековых могильников, относящихся даже к эпохе раннего средневековья, когда они оказывались почему-либо (недостаточная программа измерений, неприемлемая разбивка по типам погребений, несравнимость в определении описательных признаков) не пригодными для сопоставления, но это не было самоцелью, и поэтому всю работу нужно рассматривать только как сводку по краниологии близкого к современности населения Восточной Европы: более

ранние серии изучались и приводились лишь по мере надобности для лучшего понимания и истолкования основного материала.

Однако краниологические рамки материала, положенного в основу работы, ни в коей мере не определяют хронологических рамок самой работы. Краниологический материал из поздних кладбищ именно потому и привлек к себе пристальное внимание, что он позволил прямо сопоставлять морфологические особенности современного и древнего населения и, следовательно, проследить преемственность антропологического состава, доводя ее до современности. Идя от современности вглубь, автор стремился проследить истоки формирования антропологических особенностей любой этнической группы и поэтому привлекал для анализа и сопоставления с современными или близкими к современности краниологическими материалами данные по древнему населению. В ряде случаев анализ и возможности сопоставления ограничивались первыми веками н. э. (славяне), в нескольких случаях наличный материал позволил углубиться в эпоху бронзы, преимущественно поздней (балты и финны). Совершенно естественно, что палеоантропологических материалов для таких хронологических сопоставлений было не всегда достаточно, и отсутствие их, где возможно, восполнялось археологическими и историко-этнографическими данными.

Географические рамки работы ограничены границами Восточной Европы. Краниологические данные по западноевропейским народам широко привлекались в качестве сравнительных, но не суммированы в специальных таблицах, чтобы не увеличивать объема и без того разросшегося материала.

Исследование краниологических материалов по народам Восточной Европы имеет своей конечной целью выяснение генетического родства и происхождения народов, т. е. попытку решения каких-то спорных вопросов, выдвигаемых исторической проблематикой. Методологические и методические требования, которые налагаются на краниологический материал таким аспектом исследования, освещены в самой работе, и здесь нет нужды на них останавливаться. Но форма изложения или даже, вернее говоря, форма подачи материала нуждаются в этой связи в специальной оговорке. Историческая проблематика палеоантропологии и краниологии вынесена на передний план, и основное внимание автора фиксировано на путях, формах и итогах сопоставления результатов антропологических исследований с археологическими, историко-этнографическими и отчасти лингвистическими данными. Что касается собственно антропологического анализа, то он освещен по возможности сжато — в ряде случаев произведена отсылка к уже опубликованным статьям как самого автора, так и других исследователей, иногда большая статистическая работа, обусловившая тот или иной вывод, вынесена в текст только в виде итогового графика или небольшой итоговой таблицы, сравнительно антропологические изыскания, пред-

шествовавшие установлению принятой в работе расовой классификации, также не всегда освещены достаточно подробно. Все это сделано для того, чтобы, повторяю, не затруднять восприятия исторических выводов из всех проделанных антропологических сопоставлений и по мере сил сократить объем работы.

Я посвящаю эту книгу бесконечно дорогому и близкому мне человеку — матери моей Анне Павловне Алексеевой, которой я обязан необъятно многим, и в том числе своим первым интересом к знанию.

НАКОПЛЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО НАРОДАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕРЕСА К КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В РОССИИ

Краниология на первых порах представляла собой ответвление сравнительной анатомии. Так, еще Л. Добантон в чисто сравнительноанатомической работе, посвященной положению большого затылочного отверстия у человека и млекопитающих (Daubanton, 1764), использовал угловые измерения для характеристики отличия человека по этому признаку от животных. С возникновением учения о расах краниология приобрела самостоятельное значение, но продолжала оставаться в основном описательной дисциплиной. Даже И. Блюменбах, больше чем кто бы то ни было другой сделавший для выяснения краниологических различий между расами в XVIII в., почти не пользовался измерениями и преимущественно описывал череп в разных нормах (Blumenbach, 1775, 1769, 1790—1828).

Пожалуй, единственное исключение составляют труды П. Кампера (Camper, 1792). Он первый предложил использовать определенную горизонталь при сравнении черепов разных рас, наметил их различия по так называемому лицевому углу, произвел отдельные измерения, характеризующие размеры черепа. В этом отношении его начинания опередили свое время на много лет, и фактически исследования К. Каруса, работавшего уже во второй четверти XIX в., ничего не прибавили к замечательным достижениям голландского анатома. Одно из сочинений К. Каруса, «Основания краниоскопии», было переведено на русский язык в 1844 г., и, по-видимому, с этой даты можно начинать историю краниологии в России. Она почти совпадает с датой выхода в свет знаменитой статьи А. Ретциуса, в которой он подразделил все человечество на группы по черепному указателю и выступанию лицевых костей в вертикальной плоскости (Retzius, 1842)¹, и с которой вообще начинается научный период в истории краниологии.

Развертывание и первые этапы краниологических исследований в России связаны с грандиозной по своей многосторонности деятельностью К. М. Бэра. Своим размахом она поражала как его современников и ближайших последователей (Stieda, 1878; Stolzle, 1897), так и следующие поколения ученых. Другой великий естествоиспытатель, наш современник В. И. Вернадский, назвал К. М. Бэра «великим естествоиспытателем и великим мудрецом» (Вернадский, 1927, стр. 9). Его деятельность получила тщательную и во многом исчерпывающую характеристику в целом ряде обстоятельных книг и статей (Левин, 1954; Павловский,

¹ Первое издание работы А. Ретциуса вышло на шведском языке и осталось мне недоступным. Я пользовался немецким переизданием (Retzius, 1845).

1948; Райков, 1951, 1961; Соловьев, 1934, 1941). В них представлена и полная библиография его произведений (см. также Бэр, 1953). Все это дает возможность ограничиться здесь лишь замечаниями по поводу значения краниологических работ К. М. Бэра в истории русской науки.

К. М. Бэр не занимался специально описанием краниологического типа народов Восточной Европы и Кавказа. Его основные работы посвящены краниологии сибирских народов, папуасов, альфуров, народов Западной Европы (Ваег, 1845, 1859, 1859а, 1860, 1863; Бэр, 1862, 1864). Исключение составляют две статьи о деформированных черепах из Крыма и о черепах из скифских погребений на юге Украины (Ваег, 1860а, 1877; Бэр, 1866). Но материал, в них описанный, невелик, и хотя рассмотрение его привлекает внимание широтой подхода и прогрессивностью положенных в его основу принципов, не это заставляет добрым словом вспомнить здесь знаменитого ученого. Основание для этого — его организационная деятельность и труды по теории и методике антропологии.

Теоретические взгляды К. М. Бэра оправдывают характеристику, данную ему В. И. Вернадским. Их отличает широта понимания места антропологии в системе других наук, тесная увязка антропологических и в первую очередь краниологических исследований с историческими, этнографическими и археологическими данными, подчеркивание роли палеоантропологии, признание единства человеческого рода и изменения расовых типов во времени в зависимости от географических условий (Бэр, 1851, 1862а). Не менее существенны заслуги К. М. Бэра в разработке методики антропологической науки, в частности, краниологии.

Он первым понял необходимость унификации измерений. Именно с этой целью был организован съезд антропологов в Геттингене осенью 1861 г., в созыве которого К. М. Бэр принял самое активное участие. На съезде были обсуждены наиболее целесообразные приемы краниологических измерений и впервые поставлен вопрос о создании единой международной системы (Wagner, 1861; Бэр, 1950, стр. 441—442). Разумеется, конкретная форма, в которую вылилось создание этой системы, полностью устарела, но сама попытка унификации оказала значительное влияние на дальнейшее развитие науки.

В 1846 г. К. М. Бэр был переведен с кафедры зоологии Академии наук на кафедру сравнительной анатомии и физиологии, которую он занимал до выхода в отставку в 1862 г. В связи с этим назначением под его началом оказался сравнительноанатомический кабинет, созданный его предшественником по кафедре П. А. Загорским (Тикотин, 1950). Небольшая краниологическая коллекция, уже собранная к тому времени в кабинете, за время его работы возросла в несколько раз и стала основой будущего замечательного собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР — одного из наиболее обширных хранилищ материалов по краниологии народов Восточной Европы и Кавказа (Гинзбург, 1949; Фирштейн, 1964).

Уже в 1850 г. К. М. Бэр обращал внимание на почти полное отсутствие краниологических материалов по народам России (Ваег, 1900), отчетливо понимая огромное историко-антропологическое значение таких материалов. «Несомненно, — писал он, — нет ни одного государства, для которого богатое краниологическое собрание имело бы такой интерес и было бы так важно и необходимо, как для России» (Ваег, 1859б, стр. 177). Поэтому основное внимание было уделено им сбору черепов российских народов (Ваег, 1860б, 1863а). Он осуществлялся с помощью ученых, выезжавших в разные области России в экспедиции, а также энтузиастов на местах, состоявших в основном из врачей и военных медиков. Сам К. М. Бэр привез краниологические коллекции из своих поездок по Волге и на Каспий. В результате к концу его пребывания в долж-

ности заведующего кабинетом собралась обширная коллекция в несколько сот черепов, среди которых были серии русских, народов Поволжья, кавказских народов (Якимов, 1964).

Все сказанное о К. М. Бэре и его антропологических исследованиях — их широте и высоком методическом уровне, организационной деятельности К. М. Бэра, наконец, популяризации им антропологических знаний в русском обществе — позволяет видеть в нем вслед за Е. В. Райковым основоположника антропологии в России. Только недооценкой незаурядной творческой личности К. М. Бэра и его замечательных работ можно объяснить то широко распространенное в историографической литературе мнение, согласно которому эта роль приписывается А. П. Богданову (см., например: Левин, 1946, 1960; Дебец, 1948, 1963). Кстати говоря, сам А. П. Богданов совершенно недвусмысленно писал о приоритете К. М. Бэра, отдавая ему пальму первенства: «История настоящей антропологии в России начинается с трудов знаменитого Бэра, основателя первого краниологического собрания в России при Академии наук в Петербурге» (Богданов, 1880, стр. 261). До работ К. М. Бэра не было антропологии в России (Левин, 1946), в них она оформилась в самостоятельную отрасль знания, хотя и продолжала оставаться академической дисциплиной, мало известной широкой публике.

Одновременно с К. М. Бэром в Петербурге работал В. Л. Грубер, заведовавший Анатомическим институтом в Медико-хирургической академии. Исключительно трудолюбивый и разносторонний анатом (Гинзбург, Кнорре, Куприянов, 1957), он не оставил исследований в области антропологии, но провел большую работу по расширению анатомического музея, в частности по сбору краниологических коллекций. Основу их составила многочисленная серия черепов русских северных областей, умерших в клиниках Медико-хирургической академии и подвергнутых там мацерации. В количественном отношении эта серия значительно превышает материалы по краниологии других народов Восточной Европы.

До того как в России возник интерес к коллекционированию краниологических материалов, а К. М. Бэр стал интенсивно работать в области краниологии, черепа, привозимые в столицу, часто передавались иностранным ученым. В ряде случаев они становились предметом описания (Van der Höven, 1844; Retzius, 1845). Однако эти единичные работы содержали лишь более или менее полное анатомическое описание без попытки использовать морфологические данные для каких-либо исторических выводов, и в этом отношении они невыгодно отличаются от исследований К. М. Бэра. Поэтому они заслуживают упоминания лишь в целях полноты обзора.

ОРГАНИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В МОСКВЕ, ПЕТЕРБУРГЕ И КАЗАНИ И КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1860-е годы — годы основания антропологических обществ во многих странах Западной Европы. В 1859 г. антропологическое общество создается во Франции, в 1863 г. — в Англии, в 1869 г. — в Германии и Австрии, в 1871 г. — в Италии. В России первым антропологическим обществом можно считать антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, организованный в 1864 г., на год позже основания самого общества (Гладкова, 1863). Основатель отдела А. П. Богданов внес неоценимый вклад в развитие антропологических исследований в России и среди прочего ввел в науку громадный новый материал по краниологии восточноевропейских народов (Левин, 1946; Райков, 1959).

А. П. Богданов — не только блестящий организатор, но и пропагандист антропологии в России, фактически именно последнему обстоятельству он в первую очередь обязан своей широкой известностью и титулом основателя русской антропологии, укрепившимся за ним в литературе. Действительно, создание антропологического отдела, организация и проведение крупнейших выставок — Этнографической и Антропологической, которые заложили фундамент богатейшему краниологическому собранию Института и Музея антропологии МГУ (Бунак, 1930; Гладкова, 1959) перевод и издание наиболее выдающихся руководств по методике антропологических и собственно краниологических исследований (Брока, 1865, 1879) — все это в условиях зависимости науки от частных пожертвований должно было исчерпать силы одного человека. Но у А. П. Богданова их хватало и на то, чтобы добиваться правительственных ассигнований для развития любимого дела, а главное — много и плодотворно работать самому на научном поприще.

Основное в творчестве А. П. Богданова на ниве антропологии — его краниологические исследования. Здесь и публичные лекции о значении краниологии для сравнительной анатомии, и учения о человеческих расах, истории народов, и разработка некоторых теоретических вопросов краниологии, в частности важнейшей проблемы изменения признаков во времени, и конкретные работы по краниологии народов Восточной Европы, Кавказа, Сибири, Средней Азии и по палеоантропологии, которых насчитывается больше трех десятков (Райков, 1959). Некоторые из этих работ А. П. Богданова посвящены описанию коллекций, собранных другими исследователями, но для многих коллекций материал собран им самим в процессе раскопок в различных районах европейской России.

Отмечая, что «...родство племен по языку, быту и обычаям не есть еще родство по происхождению» (Богданов, 1868, стр. 11), А. П. Богданов исследовал генетические связи между народами, основываясь на антропологических и в первую очередь краниологических данных. При этом в отличие от многих своих современников он не ставил знак равенства между расой и народом и отчетливо понимал, что краниологическое исследование, чтобы быть полноценным, должно базироваться на совокупности материалов, для чего следует широко привлекать историко-этнографические и археологические данные. Так написаны его основные краниологические и палеоантропологические работы и прежде всего его докторская диссертация по палеоантропологии славян (Богданов, 1867).

В докторской диссертации, а также в целом ряде других исследований (см., например, Богданов, 1879) А. П. Богданов установил факт кардинального значения — различие в форме черепной коробки между длинноголовым курганным населением и круглоголовыми современными представителями русского народа. Сначала он трактовал его как результат проявления в современном населении какого-то иного типа по сравнению с древним, как следствие отсутствия генетической преемственности между русским народом и курганным населением, жившим в тех же районах. Но в последней работе, которая как бы подводит итог всем исследованиям А. П. Богданова по краниологии славян и современных народов Восточной Европы, он приходит к выводу о брахикефализации современного населения под воздействием «развития цивилизации», иначе говоря, вследствие морфологической перестройки типа во времени в зависимости от уровня культуры и других факторов социального порядка, оказывающих влияние на биологию человека (Bogdanov, 1892). Этот вывод А. П. Богданова, чрезвычайно яркий и передовой для своего времени, получил многостороннее подтверждение на самых разнообразных материалах и прочно вошел в золотой фонд достижений русской антропологии (Дебец, 1948, 1961).

Наряду с изучением краниологии русского народа А. П. Богданов описал большие материалы по краниологии некоторых народов Поволжья. Так, им были исследованы краниологические серии башкир (Богданов, 1880а) и чувашей (Богданов, 1880б). Сопоставление результатов изучения краниологического типа современных народов с палеоантропологическими данными позволило ему прийти к целому ряду важных для того времени этногенетических заключений и продемонстрировать удельный вес краниологических материалов в выяснении происхождения современных народов. А поскольку эта интенсивная исследовательская работа над специальными вопросами умело сочеталась с чрезвычайно большим размахом популяризации этих вопросов, значение краниологических материалов и внимание к ним резко возросли, и краниология, а вместе с ней и антропология в целом получили права гражданства среди других научных дисциплин. К. М. Бэр создал антропологию в России, А. П. Богданов оповестил о ней образованное русское общество и отвоевал ей полноправное положение.

В Петербурге одновременно с А. П. Богдановым работал А. И. Таренецкий (см. Ивановский, 1905). Заняв место В. Л. Грубера и руководя кафедрой нормальной анатомии Военно-медицинской академии, А. И. Таренецкий много сделал для развития антропологических и особенно краниологических исследований в Петербурге. Созданное им в 1893 г. Антропологическое общество при Военно-медицинской академии выпустило целый ряд антропологических работ, посвященных преимущественно соматологии (см. Дебец, 1963; Лев, 1964). Но интересы самого А. И. Таренецкого лежали в области краниологии. Он продолжил деятельность В. Л. Грубера по сбору краниологических материалов, в основном по русскому населению, и описал их в целом ряде обстоятельных публикаций (Tarenetzky, 1890, 1893, 1900).

Особое значение для нашей темы имеет работа А. И. Таренецкого по краниологии русского населения (Tarenetzky, 1884). В ней представлены результаты измерений почти 200 черепов из северных и центральных районов России, а также дана их морфологическая характеристика и произведено сравнение отдельных локальных групп между собой. Автор не вычислял средних, и сравнение локальных групп производил на основании вариаций отдельных размеров внутри групп, т. е. пользовался вполне допустимой в его время, но к настоящему времени полностью устаревшей методикой. Однако тщательное описание материала и индивидуальные измерения всех исследованных черепов сохраняют за этой работой значение одного из основных источников сведений о краниологическом типе русского народа (см., например, Morgan, 1928).

Непосредственно с деятельностью Антропологического общества при Военно-медицинской академии связан выход в свет еще одной публикации, содержащей краниологические данные. Речь идет о диссертации ученика А. И. Таренецкого Д. П. Никольского, посвященной антропологическому типу башкир (1899). Наряду с результатами изучения современного населения в ней представлена краниологическая серия в несколько десятков башкирских черепов, полученных самим автором при раскопках поздних башкирских кладбищ. Работа не содержит индивидуальных измерений, сама программа измерений меньше, чем у А. И. Таренецкого, поэтому использование данных Д. П. Никольского очень затруднительно.

Наряду с Москвой и Петербургом крупным центром краниологических исследований в 70—80-х годах прошлого века выступала Казань. Основная работа там проводилась в рамках Общества естествоиспытателей при Казанском университете (Отчет..., 1879; Обзор..., 1894; Алексеев, 1863), в состав которого с 1869 г. (когда Общество было организовано) вошел Анатомический музей кафедры нормальной анатомии меди-

цинского факультета университета (Хомяков, 1914; Яхонтов, 1915; Сысак, 1958). В 1870 г. в составе Общества был создан Отдел антропологии и этнографии. Музей вскоре превратился в обширное хранилище палеоантропологических и краниологических материалов, чем история русской антропологии обязана в основном деятельности Н. М. Малиева и С. М. Чугунова.

Н. М. Малиев много работал в области соматологии и является пионером в изучении антропологического типа современных народов Поволжья (библиографию см. Загоскин, 1900, 1904). Но не меньшее внимание уделялось им и краниологическим исследованиям. Он лично проводил раскопки близких к современности кладбищ и собрал краниологические серии по удмуртам, башкирам, коми-пермякам (Малиев, 1872, 1874, 1876, 1887). Им же собрана интересная серия из древнебулгарских могильников (Малиев, 1881, 1881а). Вместе с тем Н. М. Малиев постоянно обрабатывал краниологические материалы, поступающие от других исследователей, и издал краниологические характеристики русских, казанских татар, марийцев и узбеков (Малиев, 1874а, 1882, 1886, 1888). Таким образом, в его работах краниологические типы народов Поволжья не только были охарактеризованы сами по себе, но и сопоставлялись с морфологическими особенностями других народов.

Попытки такого сопоставления, чрезвычайно прогрессивные для своего времени, но не имевшие под собой достаточно разработанной методической базы, ставили их автора в трудное положение. Программа измерений в работах Н. М. Малиева в соответствии с уровнем науки того времени состояла в основном из измерений черепной коробки. Между тем народы Поволжья мало отличаются друг от друга по размерам головы и их соотношениям. Для установления различий между ними нужны были другие приемы, появившиеся в краниологии на 50—60 лет позже. Поэтому многие выводы Н. М. Малиева оказались неверными. Но его попытка сравнительной характеристики антропологического типа народов Поволжья была чрезвычайно перспективна и принесла ему почетное место в истории русской антропологии.

Следует специально подчеркнуть, что прогрессивные традиции русской антропологии, с первых своих шагов рассматривавшей антропологический состав изучаемых народов в тесном и неразрывном единстве с их историей, оказали большое влияние на творчество Н. М. Малиева, увязывавшего результаты своих краниологических и палеоантропологических исследований с проблемами этногенеза. Особенно интересны его статьи по палеоантропологии болгар (Малиев, 1881, 1881а), в которых он использовал факт долихокрании волжских болгар и средневековых восточных славян для предположения о генетической связи между ними. Это предположение впоследствии не получило поддержки в более полных материалах, но заслуживает внимания сама попытка исторического истолкования результатов антропологического исследования.

Ближайшим соратником Н. М. Малиева был С. М. Чугунов (см. Краткий исторический очерк Томского университета..., 1917; Розов, 1960). Он проработал в Казани до переезда в Томский университет всего несколько лет, но и они были ознаменованы плодотворными исследованиями. В основном работы С. М. Чугунова были посвящены краниологической характеристике мордвы (Чугунов, 1878, 1879, 1882). Но в этих работах, материал для которых он так же, как и Н. М. Малиев, собирал сам, производя раскопки современных кладбищ, были описаны и краниологические особенности серий из татарских и русских кладбищ. Не чуждался С. М. Чугунов и теоретических вопросов краниологии (Чугунов, 1878а). После переезда в Томск основным предметом его занятий стала антропология Западной Сибири, но иногда он возвращался к своим прежним интересам, в частности описал несколько башкир-

ских черепов (Чугунов, 1893, 1896) и дал характеристику краниологического типа русских Сибири (Чугунов, 1905).

Научную деятельность С. М. Чугунова отличает редкая целеустремленность. Поставив своей целью выяснение этнической принадлежности населения, оставившего кладбище на площади Старого Венца в Симбирске, он раскопал здесь около десятка кладбищ (в том числе три русских и три татарских) и собрал очень большой по тому времени материал. При сравнении материала из разных кладбищ и отнесении его к представителям монголоидной или европеоидной рас, С. М. Чугунов обращал внимание на такие признаки, как ширина и уплощенность лицевого скелета, и в настоящее время служащие для дифференциации монголоидного и европеоидного расовых стволов. Антропологический материал не только последовательно использовался для решения определенной исторической задачи, но и планомерно собирался им для этой цели. Короче говоря, работы С. М. Чугунова характеризовались высоким методическим уровнем и ясным пониманием широких возможностей краниологических данных.

В теории краниологии С. М. Чугунов уделял большое внимание вскрытию основных закономерностей в соотношении отдельных размеров черепа. Им, в частности, кажется, впервые, было замечено относительно постоянное соотношение продольного диаметра и длины основания черепа, что позволило предложить вычислять одну величину по другой в случае отсутствия одной из них, т. е. подойти к пониманию корреляционных связей в строении различных отделов черепа.

Тремя перечисленными центрами исчерпывалась планомерная работа в области восточноевропейской краниологии в последней четверти XIX в. Однако в некоторых других городах также накапливался, а иногда изучался краниологический материал. Так, большие коллекции по краниологии русского и украинского народов были собраны в Одессе на кафедре нормальной анатомии медицинского факультета университета под руководством Н. А. Батуева. Но впервые исследовались они уже в XX в. Значительный в количественном отношении краниологический материал по русским и украинцам был описан В. Проценко (1871) и М. А. Поповым (1890). Но и того и другого интересовали в основном морфологические вариации сами по себе, без попытки дать им генетическое истолкование. Поэтому их работы не содержат никаких исторических выводов.

Следует упомянуть также и работы зарубежных исследователей, посвященные краниологии народов Восточной Европы и относящиеся хронологически к этому периоду. Это публикации И. Коперницкого (1861), Х. Велькера (1862, 1866), Т. Ландцверта (1867), Б. Дэвиса (1867), А. Катрфажа (1871), Х. Мейера (1875), А. Лиссауэра (1878), Р. Вирхова (1873, 1880), Е. Веймарна (1881, 1881a), П. Зоммера (1884) и Э. Шмидта (1887). Все они в большинстве своем основаны на изучении небольших серий, а иногда и единичных черепов и не оказали скольконибудь существенного влияния на формирование представлений об антропологическом составе восточноевропейских народов и его истории.

НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПО КРАНИОЛОГИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Начало XX в. знаменует собой важнейший период в истории краниологии. В соответствии с возрастающим значением антропологических данных в определении генетического родства народов, а также с дальнейшим развитием общепрограммической теории, потребовавшей изучения массового материала, а не единичных объектов, краниология, с одной стороны, заняла большое место в антропологических исследованиях, а с другой стороны, основным предметом краниологического исследования стали значительные в количественном отношении серии, почему и выводы приобрели полноценность и убедительность. Особое внимание было уделено также методике краниологии.

Немалую роль в развитии краниологии сыграла английская биометрическая школа. Ее основатель К. Пирсон как философ и теоретик естествознания критиковался В. И. Лениным. Математические работы К. Пирсона также вызвали серьезные возражения, хотя и сыграли определенную роль в развитии математических методов анализа массового материала (Леонтович, 1911; Чепурковский, 1916; Игнатъев, 1935, 1937). Однако в целом ряде конкретных областей биологии биометрическая школа добилась значительных успехов. К их числу относится и краниология.

Прежде всего большое внимание было уделено унификации краниометрических измерений и расширению измерительной программы. Различия между разными программами в краниологии всегда были в общих чертах оговорены и не достигали такого разнообразия, как в соматологии. Это объяснялось прежде всего гораздо большей определенностью краниометрических точек по сравнению с точками на мягких тканях лица. Субъективизм в измерениях на живом субъекте был отчетливо продемонстрирован Е. М. Чепурковским (1913). Аналогичная работа из биометрической лаборатории К. Пирсона появилась, кстати говоря, на 15 лет позже (Mahalanobis, 1928). Но необходимость унификации методики английские биометрики ясно понимали с самого начала своей работы.

Первый вариант краниометрической программы биометрической школы был опубликован ученицей К. Пирсона С. Фосетт (Fawcett 1902). Он содержит большое количество измерений не только черепной коробки, но и лицевого скелета, на которые раньше не обращалось достаточного внимания. Но эта работа не устранила имеющихся разногласий в определении отдельных размеров даже среди работников биометрической школы. Особенно это относится к определению высоты черепной коробки и ширины орбиты (см. Tildesley, 1921). С другой стороны, программа продолжала расширяться. Так, в нее было введено предложенное в 1882 г. К. С. Мережковским измерение симметрической высоты, к которому были добавлены дакриальная высота и определение одноименных хорд (Ruley, 1913). Все это обусловило появление второго варианта техники биометрической школы (Morant, 1923).

Краниологический материал широко привлекался биометриками для установления генетического родства антропологических типов (например, Morant, 1924, 1928; Woo, Morant, 1932; Wagner, 1937) и решения исторических вопросов (например, Morant, 1925, 1926). Но сами типы рассматривались ими как неподвижные категории, а для их сопоставления использовался прием суммарного сравнения по многим признакам, так называемый коэффициент расового сходства (Pearson, 1926). Его применение приводило к тому, что вариации важных морфологических особенностей приравнивались к признакам, не имевшим почти никакого значения для дифференциации рас, за что этот коэффициент и

был подвергнут убедительной критике, правда, на десяток лет позже его введения в практику (Fischer, 1936; Seltzer, 1937). В результате, несмотря на большой объем проделанной биометриками работы, только описанный ими обширный материал по краниологии древнего и современного населения сохранил свое значение до настоящего времени.

В Германии к началу века относится возникновение школы известного реформатора антропологической методики Р. Мартина. Разработка многих разделов морфологии, до него оставшихся малоизученными, позволила ему создать обстоятельное руководство, последовательно рассматривающее вариации систем человеческого тела (Martin, 1914). Но в антропогенезе и расоведении Р. Мартин и его ученики были представителями одностороннего морфологизма и не придавали антропологическому материалу никакой роли в качестве исторического источника.

Наоборот, последователи Р. Мартина, много занимавшиеся палеоантропологическими изысканиями (Schlitz, 1910, 1914; Scheidt, 1923, 1924, 1930; Saller, 1925, 1925a, 1926, 1927), часто сознательно игнорировали исторические проблемы, и изучение палеоантропологического материала у них сводилось к дефиниции типов без какого-либо внимания к их распространению в пространстве и времени. Сами типы рассматривались как неизменные, что обуславливало метафизический подход к антропологическому материалу вообще. Поэтому в конечном итоге, хотя методические приемы школы Р. Мартина широко вошли в практику антропологических и особенно краниологических исследований (набор признаков, цифровая символика их обозначения), в частности в Советском Союзе, ее теоретические установки, так же как и взгляды английских биометриков, не оказали существенного влияния на дальнейшее развитие краниологии. Однако реминисценции их продолжают встречаться и сейчас (Gerhardt, 1953, 1953a).

В России первое двадцатилетие XX в. характеризовалось некоторым упадком в развитии антропологии. Отчасти это, по-видимому, объясняется общей депрессией в стране, наступившей после поражения революции 1905 г., отчасти — увлечением морфологическими темами, которые отодвинули на задний план исторический аспект антропологической науки. Особенно заметны эти изменения на примере деятельности казанских антропологов. В Казани практически прекратилось собирание краниологических материалов, а их изучение пошло по пути исследования морфологических вариаций — пути, намеченному еще в конце XIX в. работой А. М. Фортунатова (1889). Таковы работы и М. М. Хомякова (1908, 1908a, 1908б, 1909), представляющие значительный вклад в изучение морфологии черепа. В то же время его работы в области палеоантропологии и краниологии современного населения демонстрируют отсталую методику и неумение использовать палеоантропологический и краниологический материал для каких-либо исторических выводов (Хомяков, 1909a, 1910, 1910б, 1911, 1911a, см. также Алексеев, 1963).

Известную роль в охлаждении археологов и историков к антропологической науке сыграла, очевидно, и попытка ввести в антропологию формально-статистические методы анализа материала, базирующиеся на суммарном сопоставлении многих признаков. Этот метод связан в России с именем А. А. Ивановского. Энергичный исследователь, А. А. Ивановский издал две сводные работы по антропологии России (1904) и земного шара (1911, 1912) и, кроме того, в какой-то мере влиял на развитие антропологии в России, как ответственный секретарь Антропологического журнала. Но работы его, методически совершенно беспомощные, давали извращенное представление о родственных взаимоотношениях между народами, почему, естественно, ни в коей степени не могли удовлетворить представителей смежных с антропологией специальностей (см. Руденко, 1913; Чепурковский, 1912, 1913; Tschepourkov-

sky, 1911; Дебед. 1963). Что же касается краниологических исследований А. А. Ивановского, например его работы по палеоантропологии Северного Кавказа (Ивановский, 1891), то и они по своему методическому уровню не поднялись над сочинениями антропологов предшествующего поколения.

Однако, несмотря на все эти тормозящие обстоятельства, изучение краниологии восточноевропейских народов продолжалось, хотя и шло очень медленными темпами. Краниологические материалы как из случайных сборов, так и полученные в результате планомерных раскопок и мацерации скелетов в клиниках поступали в Музей антропологии при МГУ, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Музей кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, в музеи кафедр нормальной анатомии медицинских факультетов университетов во многих городах Европейской России. Так, по-прежнему большое внимание сбору краниологических коллекций уделялось на кафедре нормальной анатомии медицинского факультета Одесского университета.

Время от времени продолжали появляться и отдельные публикации по краниологии близкого к современности населения. К последним годам прошлого века относятся работы Н. Ю. Зографа (Zograf, 1896) и Н. П. Константинова-Шипунина (1897) по краниологии средневекового восточнославянского и московского населения XV—XVI вв. Неоднократно использовал краниологические материалы для обоснования своих выводов об истории расовых типов русского народа Е. М. Чепурковский (1911, 1913), ограничивавшийся, правда, лишь анализом вариаций диаметров черепной коробки и их соотношений. В Прибалтике в начале века энергично работал Р. Л. Вейнберг (см. Вишневский, 1926). Ему принадлежит первое и единственное до сих пор исследование по краниологии средневековых ливов (Weinberg, 1902). Наконец, следует упомянуть о работах польского антрополога Ю. Талько-Гринцевича (1902, 1910), посвященных палеоантропологии восточных славян. Но они характеризовались низким методическим уровнем, реакционными методологическими установками (крайний миграционизм, выпячивание расового момента в истории культуры, националистические тенденции), и поэтому не сыграли положительной роли в истории русской краниологии (см. Дебед, 1948).

Октябрьская революция оказала огромное влияние на организацию антропологических исследований в стране. Энергия и авторитет Д. Н. Анучина позволили ему организовать Научно-исследовательский институт антропологии при Московском университете и кафедру антропологии на физико-математическом факультете университета. Перевод всех научных учреждений на государственный бюджет дал возможность значительно расширить рамки проводимых исследований и придать им планомерный характер (Бунак, 1940; Дебед, 1957; Карпов, 1958). Результаты не замедлили сказаться и выразились в усовершенствовании методики (Бунак, 1925). Но оно не коснулось краниометрии. Что же касается методологических основ антропологии, то они перестраивались медленно, и эта перестройка в основном падает на 30-е годы. Вышедшие после революции краниологические работы не обнаруживают существенных отличий от дореволюционных исследований.

Среди них в первую очередь следует назвать работу Д. В. Держва (1923; см. также Григорьев, 1923). Он сочувственно цитирует общее заключение из ранней работы Д. Н. Анучина (1909) о генетическом родстве средневекового восточнославянского населения и более позднего населения Москвы. С другой стороны, подобно Д. Н. Анучину, он не отрицает полностью и метисационной гипотезы, в частности, для объяснения временной динамики черепного указателя. К сожалению, рассмотрением черепного указателя и некоторых других размеров, в основном

черепной коробки, и ограничиваются рамки исследования Д. В. Дервиша, что сохранило за его работами лишь историческое значение.

К работе Д. В. Дервиша примыкает статья В. В. Бунака о краниологических типах восточных славян (Бунак, 1932; см. также Дебец, 1934), представляющая собой палеоантропологическое дополнение к сочинению о классификации и генетических взаимоотношениях антропологических типов современного населения Восточной Европы (Бунак, 1932а). Эта статья ввела в изучение антропологического состава восточнославянских народов новую и чрезвычайно перспективную гипотезу, согласно которой повышение черепного указателя в более поздние эпохи происходит в результате интенсивного смешения относительно длинноголовых типов.

Изучение краниологии народов Восточной Европы проводилось не только в Москве. Богатые краниологические коллекции кафедры нормальной анатомии в Одессе послужили материалом для работы А. М. Габинского по краниологии украинских евреев, оставшейся неопубликованной (см. Бушкович, 1930), и работы В. И. Бушковича по краниологии украинцев (Buschkovitsch, 1927—1928). В последней из этих работ преимущественное внимание в связи со специальностью автора уделяется характеристике морфологических вариаций и исторические вопросы почти не ставятся.

Несколько работ, содержащих более или менее подробное описание краниологических серий из поздних кладбищ, было выполнено в эти годы в буржуазной Латвии (Primanis, 1925; Кнопге, 1930). Чтобы не возвращаться еще раз к краниологическим исследованиям буржуазного времени в прибалтийских республиках, можно здесь же упомянуть опубликованные позже работы И. Лициса по краниологии восточных латышей (Licis, 1939), а также И. Жилинскаса и А. Юргутиса по краниологии городского и сельского населения Литвы (Zilinskas, Jurgutis, 1939). По своему методологическому и методическому уровню они не отличаются от исследований, вышедших в Советском Союзе в первое десятилетие после революции, а иногда и уступают им, преша полным пренебрежением к проблемам изменения расовых признаков и расовых типов во времени и крайним схематизмом в исторической интерпретации антропологических данных.

ОФОРМЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Оформление современных представлений в области методологии краниологических исследований непосредственно связано с перестройкой антропологической методологии вообще и падает на 30-е годы. Эта перестройка явилась следствием широкого и всестороннего внедрения марксистской диалектики и исторического материализма в изучение происхождения человека и его рас, а также сознательной постановки антропологической работы на службу социалистическому строительству. Громадную организационную роль в поисках и оформлении новых идей, в закладке теоретического фундамента советской антропологии, в приближении антропологии к жизни сыграли IV съезд зоологов, анатомов и гистологов, особенно его антропологическая секция (Тр. IV Всесоюзного съезда..., 1931), а также преобразованный Антропологический журнал, начавший выходить в 1932 г. и ставший активным органом в борьбе за утверждение передовой диалектико-материалистической методологии антропологической науки.

В применении к антропологии последовательное проведение принципов диалектического и исторического материализма сказалось в разработке трудовой теории антропогенеза (Нестурх, 1934, 1941), учении об этапах и скачках в эволюции человека (Толстов, 1931; Рогинский, 1936, 1938; Золотарев, 1936), борьбе против всяких проявлений идеализма и особенно расизма в теории расоведения (Ярхо, 1931, 1932; Дебец, 1938), представлении о расе как об исторической категории (Ярхо, 1934; Бунак, 1938), утверждении принципа таксономической неравноценности расовых категорий (Ярхо, 1932а, 1933, 1934а). Все эти важнейшие теоретические достижения в совокупности наложили определенный отпечаток на конкретные исследования в любой области антропологической науки, в том числе и в области краниологии.

В первую очередь это относится к древнему населению. Усиленное внимание к истории формирования и этапам дифференциации антропологических типов, а также стремление использовать антропологические данные для освещения исторических, раньше всего этнографических, проблем вдохнули жизнь в увядшую со времен А. П. Богданова традицию и вызвали значительное оживление палеоантропологических исследований. В известной мере этому способствовал и широкий разворот археологических работ, достигший в эти годы огромного размаха и превратившийся из случайных поисков отдельных любителей, как это было до революции, в государственное дело первостепенного значения (см. Археологические экспедиции..., 1962). В результате Г. Ф. Дебец в сводной работе, вышедшей после Отечественной войны, но подготовленной в конце 30-х годов, с полным правом писал, что «...настоящая работа главным образом и основана на материалах раскопок последних лет, количественно, а особенно качественно значительно превысивших все дореволюционные сборы» (Дебец, 1948, стр. 14).

Палеоантропологические исследования охватили древнее население многих районов, бывших ранее «белым пятном» в палеоантропологическом отношении. Перечислю здесь лишь те исследования, которые имеют непосредственную связь с темой. Древнейшим этапам формирования европеоидной расы и ее ареала были посвящены работы Г. Ф. Дебеца (1931, 1932, 1936, 1936а) и Е. В. Жирова (1940), истории антропологических типов Восточной Европы — работы Г. Ф. Дебеца (1928, 1930, 1931а, 1932а, 1932б), Е. В. Жирова (1940а), Т. А. Трофимовой (1936, 1941, 1949). Во всех этих работах нашли конкретную разработку пути и принципы использования антропологического материала в качестве исторического источника, что получило освещение в специальной статье (Дебец, Левин, Трофимов, 1952). Одновременно с этим большое внимание было уделено изменению европеоидных типов во времени (Дебец, 1936б) и распределению их в разные эпохи по территории (Дебец, 1934а; Рогинский, 1941). Все это позволило Г. Ф. Дебецу в первой сводке по палеоантропологии СССР (1948) дать не только обзор многочисленных новых материалов, но и использовать их для ответа на многие исторические вопросы и освещения динамики и закономерностей расообразовательного процесса.

Материалы по краниологии близкого к современности населения рассматривались в тесной увязке с палеоантропологическими данными. Таковы работы Г. Ф. Дебеца по краниологии чувашей и финских групп Поволжья — предков современных финноязычных народов (1932б), исследования Е. В. Жирова и Т. А. Трофимовой по краниологии русского народа (Жиров, 1936; Трофимова, 1941а), сочинение Е. В. Жирова о серии черепов из, по-видимому, позднесредневекового Ижорского могильника (1937). Хотя уже в 30-е годы было ясно, что краниологический материал имеет самостоятельное значение, в частности, в силу своей полной сравнимости для изучения классификации и генетических взаи-

моотношений антропологических типов, он исследовался в основном как дополнение к палеоантропологическим данным, как материал, освещающий заключительные этапы расообразования и дающий возможность заполнить конкретным содержанием последнюю главу палеоантропологии СССР. Значение его как основной базы для расовой классификации было осознано, но практически это не привело к появлению соответствующих конкретных исследований, по-видимому, вследствие оставшихся в нем больших пробелов. Заполнение их — основное достижение следующего периода, начавшегося после Отечественной войны.

Обработка многочисленных типологически разнородных и хронологически разновременных серий и их сопоставление накопили большой опыт в методике расогенетических исследований, выразившийся в критическом освоении результатов работы зарубежных исследователей и введении некоторых новых приемов расового анализа на палеоантропологическом материале. Так, исчерпывающей критике была подвергнута методика «львовской» школы и, в частности, критически рассмотрено ее применение к анализу палеоантропологического материала (Дебец, Игнатъев, 1938; Дебец, 1948), показана несостоятельность многих показателей, использовавшихся для характеристики внутригрупповой изменчивости краниологических серий английскими биометриками (Дебец, 1936б) и т. д.

Положительные достижения методики расового анализа на краниологическом материале свелись к последовательному проведению в палеоантропологическом и краниологическом исследовании тех принципов, которые были сформулированы по отношению к соматологическому материалу. При этом учитывалась, конечно, специфика палеоантропологических данных — малочисленность и резкая выборочность, гораздо более частая, чем в самотологии, возможность встретиться не с биологическим, а с механическим смешением, трудность использования географического критерия, необходимость гораздо более широкой географической и хронологической интерполяции. Все это преодолевалось с помощью выделения на черепе групп признаков разной таксономической ценности, т. е. их дифференцированной оценки, тщательного учета историко-этнографического фона, вскрываемого археологическими данными, объединением серий в максимально однородные группы (чаще всего по отдельным могильникам), стремлением к возможной полноте и широте географических (в пределах одной эпохи) и хронологических (в пределах одной территории) сопоставлений.

Особенное значение имел принцип таксономической неравноценности признаков. При изучении палеоантропологических и краниологических материалов с территории Советского Союза, представляющих в подавляющем большинстве монголоидную и европеоидную расы, прежде всего было отмечено дифференцирующее значение лицевых размеров по сравнению с размерами черепной коробки. Но еще большее внимание было уделено уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости, выступанию носовых костей и способам их оценки. Определение угла выступления носовых костей к линии лицевого профиля (75(1) по Мартину) именно в 30-е годы вошло в практику работы советских антропологов. К концу 30-х годов относится расширение программы за счет дакриальных и симотических размеров и назомаллярного угла, являющегося функцией одноименного указателя в работах английских биометриков. Наконец, в эти же годы Н. А. Абиндер предложил способ определения зигомаксиллярного угла и глубины клыковой ямки с помощью измерения, что было опубликовано, правда, много позднее (Абиндер, 1960).

Наиболее ощутимые разногласия между отдельными советскими специалистами касались принципов и приемов внутригруппового анализа на палеоантропологическом и краниологическом материале. Некоторые

работники считали возможным широко использовать индивидуальную диагностику и, основываясь на черепной морфологии, определять на отдельных индивидуумах не только принадлежность к большим расам, но и принадлежность к расовым типам гораздо более низких порядков (работы Т. А. Трофимовой, например). Другие исследователи прибегали к внутригрупповому анализу только после того, как была предварительно доказана смешанность группы, и анализ этот проводили, отдавая предпочтение не визуальной морфологической характеристике, а статистическим приемам (Г. Ф. Дебец).

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В КРАНИОЛОГИИ И НАКОПЛЕНИЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО НАРОДАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Послевоенный период в истории советской антропологии ознаменован бурным ростом исследовательской работы, в первую очередь в изучении антропологического состава народов СССР и его эволюции. Поэтому палеоантропология и краниология народов СССР также претерпели в связи с этим интенсивное развитие, а количество данных, собранных за последние 15—20 лет, превысило довоенный уровень приблизительно в два раза, причем эта цифра относится прежде всего к палеоантропологическим материалам. Что же касается краниологических материалов, то фактически сбор их только в эти годы приобрел нужный размах и планомерный характер, а раскопки близких к современности кладбищ, проводимые в основном самими антропологами, стали таким же обыкновенным делом, как обработка палеоантропологических коллекций и соматологические исследования.

Прежде всего значительно обогатились палеоантропологические материалы ранних эпох с территории Восточной Европы и Кавказа. Не касаясь палеолита, материал по которому и сейчас представлен единичными находками, укажу на неолитические серии с территории Украины (Кондукторова, 1957; Гохман, 1963), неолитические серии с территории Эстонии (Марк, 1954, 1956), Латвии (Денисова, 1960), северных районов европейской части СССР (Дебец, 1948; Акимова, 1953; Якимов, 1960), Украины (Гохман, 1958, 1959, 1963; Кондукторова, 1960; Зиневич, 1961, 1964). Обширные материалы получены из различных могильников эпохи бронзы центральных районов Русской равнины (Акимова, 1963), Нижнего и Среднего Поволжья (Герасимова, 1958; Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Дебец, 1954), Украины (Кондукторова, 1956; Зиневич, 1964).

Все эти данные в совокупности с теми, которые были опубликованы ранее, послужили для разработки и освещения исторических вопросов, например, вопроса о происхождении населения фатьяновской культуры (Трофимова, 1949а), роли элементов восточного происхождения в формировании антропологического типа населения Восточной Прибалтики и северных районов европейской части Советского Союза (Витов, Марк, Чебоксаров, 1959; Дебец, 1961), ранней дифференциации северной и южной ветвей европеоидной расы (Дебец, 1948, 1954; Дебец, Трофимов, Чебоксаров, 1951), удельного веса южных элементов в сложении населения юга Русской равнины (Дебец, 1955, 1955а). В результате картина антропологического состава населения Восточной Европы в эпоху камня и бронзы приобрела более определенные очертания, а генетические связи населения отдельных археологических культур, как они вырисовываются по палеоантропологическим данным, стали яснее и четче.

Значительно пополнился материал и в отношении более поздних эпох. Не имея возможности перечислить все крупные публикации, посвя-

ценные описанию этих материалов, замечу, что в настоящее время в Восточной Европе не осталось территории, с которой не было бы известно никаких палеоантропологических серий. Белые пятна остались, пожалуй, только в районах Крайнего Севера. Это не означает, разумеется, что для каждой области можно составить палеоантропологическую шкалу, основанную на многочисленных хронологически одновременных сериях. Часто в том районе, из которого происходят материалы скифского или сарматского времени, неизвестны или не раскопаны могильники эпохи средневековья, и наоборот. Поэтому известная экстраполяция при рассмотрении данных должна иметь место в настоящее время также, как и 20—30 лет назад. Но масштабы этой экстраполяции значительно меньше.

Из работ, посвященных краниологии современного населения СССР, проживающего за пределами интересующих нас областей, следует назвать исследования Б. В. Фирштейн (1950), Г. Ф. Дебеца (1951), Н. Н. Миклашевской (1959), В. В. Гинзбурга (1963), О. Исмагулова (1963, 1963а). Г. Ф. Дебеч описал все известные к концу 40-х годов краниологические серии по народам Сибири, хранившиеся в музеях СССР, Н. С. Розов дополнил его обширные материалы данными по чувлымским татарам и селькупам, Н. Н. Миклашевская добыла при раскопках современных кладбищ и описала краниологический материал по киргизам, О. Исмагулов раскопал казахские кладбища. В их исследованиях краниологические особенности сибирских монголоидов получили полную характеристику, что в дальнейшем позволит обращаться к ним при оценке масштабов изменчивости в пределах краниологических типов Европы.

Разработка вопросов краниологии европеоидной расы не отставала от краниологического изучения монголоидов и велась как путем исследования всех сколько-нибудь полных краниологических коллекций, сохранившихся в музеях, так и с помощью новых материалов, полученных при раскопках близких к современности могильников. В Прибалтике эту работу ведет К. Ю. Марк, описавшая большие материалы по краниологии эстонцев, а также осуществившая дополнительную обработку больших серий черепов литовцев, изученных И. Жилинским и А. Юргутисом². Огромную работу по сбору и исследованию краниологических материалов по народам Поволжья провела М. С. Акимова, добывшая и описавшая черепа удмуртов, марийцев, мордвы и чувашей. Благодаря ее публикациям Среднее Поволжье и Приуралье стали одними из наиболее изученных районов европейской части СССР.

Накопление краниологических данных поставило вопрос о путях и границах их использования. В большинстве работ они используются в качестве моста между палеоантропологическими и соматологическими материалами, так как прямое сопоставление по вполне понятным причинам затруднительно. В связи с решением проблем этногенеза современных народов это обстоятельство приобретает первостепенное значение. Но при достаточной многочисленности и широком территориальном охвате краниологических данных они имеют и самостоятельное значение в дифференциации расовых комплексов, а строгая оговоренность подавляющего большинства краниометрических программ делает из них гораздо более надежную основу для расовой классификации, чем соматологические материалы (см. например, Чебоксаров, 1947). Наконец, коннекция последних при несравнимости результатов измерений разных исследователей может быть с успехом осуществлена с помощью краниологической шкалы (см. Дебеч, 1956).

² К работам, посвященным краниологии современного населения Восточной Европы, придется обращаться не один раз. Они будут указаны в соответствующих местах.

Опыт, накопленный в процессе разработки богатых краниологических материалов по народам Европы, сопоставление их с палеоантропологическими и соматологическими данными, а также с данными смежных наук, освещение и решение с их помощью исторических проблем, широкая дискуссия по спорным вопросам методологии и методики между советскими специалистами создали определенное единство мнений по кардинальным проблемам теории расоведения, которое отразилось и в советской краниологической и палеоантропологической литературе. В качестве отличительных особенностей краниологических работ советских исследователей можно назвать следующие.

1. Признание расы динамической категорией. Это означает внесение диалектического принципа развития в понимание расообразования у человека. Речь идет не только об изменении расы вследствие смешения и изоляции, но и о направленном изменении многих признаков, являющемся, с одной стороны, выражением морфологической перестройки организма, а с другой, — очевидно, результатом средовых воздействий. В практике такое понимание расы требует тщательного обоснования при генетическом истолковании морфологического сходства (возможность конвергентного развития) и в то же время, наоборот, известного скептицизма при попытках отрицать родство, основываясь на признаках, подверженных быстрым изменениям во времени.

2. Признание расы исторической категорией. Такой подход к расе основан на ведущей роли социально-исторических закономерностей в процессах расообразования. Иными словами, биологические по своему характеру процессы смешения, изоляции, направленного изменения признаков приобретают у человека качественно иную окраску по сравнению с популяциями животных, так как определяются историческими причинами — уровнем развития культуры, демографической структурой человеческих коллективов и т. д. Это обстоятельство позволяет реконструировать по антропологическим данным некоторые исторические моменты — продолжительность жизни, уровень детской смертности, соотношение полов в древних коллективах (см., например, Великанова, 1961), а также включает в круг внимания палеоантропологов и краниологов археологические и историко-этнографические данные, которые являются как бы фоном, на котором разворачивается любое антропологическое исследование. Специфика краниологических данных по сравнению с палеоантропологическими заключается в том, что этот фон в краниологической работе несравненно более богат (близость к современности и обилие исторических источников), но и значение их для исторических реконструкций по тем же причинам заметно меньше.

3. Последовательное проведение принципов соподчинения расовых категорий. Оно дает возможность построить расовую классификацию в виде родословного древа и выделять расовые комплексы разных уровней значимости. Предложенные для этого приемы — учет древности признаков, положенных в основу выделения типов, определение величины и компактности их ареалов (Дебец, 1951) и оценка степени их исторической корреляции с другими признаками (Рогинский, Левин, 1955, 1964; Левин, 1958) — позволяют пользоваться принципом соподчинения расовых категорий в практической работе и от констатации морфологического сходства переходить к установлению генетического родства.

4. Дифференцированная оценка признаков. Такая оценка автоматически вытекает из строгого соблюдения предыдущего принципа. Она не означает, конечно, что статистические приемы суммарной оценки признаков должны быть полностью исключены из палеоантропологического и краниологического исследования. В ряде случаев, как, например, при классификации и сопоставлении почти неразличающихся морфологических комплексов, у которых пока не могут быть выделены ведущие при-

знаки, суммарная оценка вполне правомерна (см. Алексеев, 1962). Но она базируется в таких случаях на предположении о полной равнозначности признаков, а не на нигилистическом пренебрежении вообще к их иерархии и способам ее оценки. Налицо, следовательно, такое же последовательное применение указанного принципа, как и при дифференцированном подходе.

5. Единство методических приемов. К их числу относятся одинаковый или почти одинаковый набор признаков, выбор близких критериев их статистической оценки, сходные способы графического воспроизведения данных и др.

Каждая из перечисленных особенностей не является специфической только для работ советских антропологов. Так, признание расы динамической категорией характерно, например, для работ американских исследователей (Coon, Garn, Birdsell, 1950; Garn, 1962; Dobzhansky, 1962), но они придают громадную роль в расообразовании у человека естественному отбору и, следовательно, отрицают качественную специфику этого процесса по сравнению с аналогичным явлением у животных. Такие примеры можно было бы умножить, но в этом нет необходимости. И так очевидно, что только совокупность этих особенностей может служить для дифференциации работ советских антропологов от исследований буржуазно-либеральных ученых. Но она достаточно специфична, чтобы говорить о советской школе в антропологии, а следовательно, и в краниологии (см. также Алексеев, 1964).

ЛИТЕРАТУРА

- Абдушлишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954.
- Абдушлишвили М. Г. Палеоантропологический материал из поздних погребений Самтаврского могильника. Тр. Ин-та эксперимент. морфологии АН Грузинской ССР, т. VIII. Тбилиси, 1960.
- Абдушлишвили М. Г. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXIII, 1960а.
- Абдушлишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Автор. дисс. Тбилиси, 1963.
- Абиндер Н. А. Трансверзальная уплощенность лицевого скелета. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. L. М., 1960.
- Акимова М. С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XVIII, 1953.
- Акимова М. С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
- Алексеев В. П. Антропология Салтівського могильника. Матеріали з антропології України, вип. 2. Київ, 1962.
- Алексеев В. П. Этническая антропология в Казани во второй половине XIX — начале XX века. Этническая антропология во второй половине XIX — начале XX века. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. II. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 85. М., 1963.
- Алексеев В. П. Антропологические исследования в СССР. Сов. этнография, 1964, № 4.
- Анучин Д. П. Доисторическая Москва. В кн.: «Москва в ее прошлом и настоящем». М., 1909.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919—1956 гг. Указатель. М., 1962.
- Богданов А. П. Антропологические материалы, ч. I. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. IV, вып. 1. М., 1867.
- Богданов А. П. Значение краниологии. М., 1868.
- Богданов А. П. Черепа из старых Московских кладбищ. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXI, вып. 5. М., 1879.
- Богданов А. П. Речь 29 июля 1879 г. на второй сессии Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии по поводу Антропологической выставки. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. 1, вып. 1—3. М., 1880.

- Богданов А. П. Курганные приуральцы по раскопкам г. г. Зографа и Нефёдова. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. 1, вып. 1—3. М., 1880а.
- Богданов А. П. Жители древних болгар по краниологическим признакам. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. 1, вып. 4. М., 1880б.
- Богданов А. П. О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. 1, вып. 4. М., 1880в.
- Бунак В. В. (ред.). Методика антропологических исследований. М.—Л., 1925.
- Бунак В. В. *Stania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. Тр. Антропологического н.-и. ин-та при МГУ, вып. II. М., 1927.
- Бунак В. В. Антропологическая выставка О. Л. Е. и ее наследие (к 50-летию со дня выставки). Русский антр. журнал, т. 19, 1930, вып. 1—2.
- Бунак В. В. Раса как историческое понятие. Наука о расах и расизм. Тр. Н.-и. ин-та антропологии МГУ, вып. IV. М.—Л., 1938.
- Бунак В. В. Морфология человека в Московском университете. Уч. зап. МГУ, вып. III. М., 1940.
- Бушкович В. И. Антропологическая работа в Одессе. Русский антр. журнал, т. 19, 1930, вып. 1—2.
- Бэр К. М. Человек в естественноисторическом отношении. В кн.: Ю. Симашко. Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской, ч. 1. СПб., 1851.
- Бэр К. М. О черепах ретийских романцев. Зап. Академии наук, т. I, кн. 2. СПб, 1862.
- Бэр К. М. Антропология. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами, т. V. СПб, 1862а.
- Бэр К. М. Об одном мнимо-вендском черепе в Мекленбурге. Зап. Академии наук, т. V. СПб., 1864.
- Бэр К. М. Описание черепов, вырытых из Александровского кургана. Древности Городотовской Скифии, вып. 1. СПб., 1866.
- Бэр К. М. Автобиография. Л., 1950.
- Бэр К. М. История развития животных. Наблюдения и размышления, т. II. М.—Л., 1953.
- Белкканова М. С. Антропологический материал Выхватинского могильника. В кн.: Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 84. М., 1961.
- Вернадский В. И. Памяти академика К. М. фон-Бэра. Первый сборник памяти Бэра. Л., 1927.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 2. М., 1959.
- Вишневский Б. Н. Памяти Р. Л. Вейнберга. Русский антр. журнал, т. 15, 1926, вып. 1—2.
- Гаджиев А. Г. Данные по палеоантропологии Дагестана. Уч. зап. Дагестанск. фил. АН СССР, т. X. Махачкала, 1962.
- Герасимова М. М. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье. Кр. сообщ. Ин-та истории матер. культуры, вып. 71, 1958.
- Гинзбург В. В. Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XII. М.—Л., 1949.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X. М.—Л., 1949а.
- Гинзбург В. В. Этнические связи древнего населения Волгоградского Заволжья. (По антропологическим материалам Калиновского могильника). Материалы и исследования по археологии СССР, № 60. М., 1959.
- Гинзбург В. В. Краниологическая характеристика узбеков. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 82. М., 1963.
- Гинзбург В. В., Кнорре А. Г., Куприянов В. В. Анатомия, гистология и эмбриология в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Л., 1957.
- Гладкова Т. Д. Антропологическая выставка 1879 г. и основание Музея антропологии. Сов. антропология, 1959, № 2.
- Гладкова Т. Д. Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. II. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 85. М., 1963.
- Глазкова Н. М., Чтецов В. П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Волгоградской экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР, № 78. М., 1960.
- Гохман И. И. Палеоантропологические материалы из раннеолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье. Сов. этнография, 1958, № 1.
- Гохман И. И. Антропологический материал из Мариупольского могильника. Сов. антропология, 1959, № 2.

- Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. Антропологический очерк. Автореф. дисс. Л., 1963.
- Григорьев С. П. Д. В. Дервиз (1893—1919). Русский антр. журнал, т. 12, 1923, кн. 3—4.
- Дебец Г. Ф. Череп из финских могильников. (По материалам Антропологического отдела МАЭ). Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII. Л., 1928.
- Дебец Г. Ф. Черепи кочовиків. (З розкопів В. О. Городцова в Озюмському та Бахмутському повітах). Антропологія, т. III. Київ, 1930.
- Дебец Г. Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. Сов. Азия, 1931, кн. 5—6.
- Дебец Г. Ф. Черепи з Верхнє-Салтівського могильника. Антропологія, т. IV. Київ, 1931а.
- Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе). Антр. журнал, 1932, № 2.
- Дебец Г. Ф. Чарапы Люцьнскага магільніку. Працы сэкціі археолёгіі Беларускай АН, т. III. Менск, 1932а.
- Дебец Г. Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии. Антр. журнал, 1932б, № 1.
- Дебец Г. Ф. Рецензия на статью: V. Випак. The craniological types of the East slavie kurgans. Антр. журнал, 1934, № 1—2.
- Дебец Г. Ф. К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира. Антр. журнал, 1934а, № 1—2.
- Дебец Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антр. журнал, 1936, № 1.
- Дебец Г. Ф. Гарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. Антр. журнал, 1936а, № 2.
- Дебец Г. Ф. Брюнн-Пшедмост, Кроманьон и современные расы Европы. Антр. журнал, 1936б, № 3.
- Дебец Г. Ф. Расы, языки, культуры. Наука о расах и расизм. Тр. Н.-и. ин-та антропологии МГУ, вып. IV. М.—Л., 1938.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV. М.—Л., 1948.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 42. М., 1954.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропологические находки в Костёнках. Сов. этнография, 1955, № 1.
- Дебец Г. Ф. Череп из эпипалеолитического могильника у села Волошского. Сов. этнография, 1955а, № 3.
- Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1956.
- Дебец Г. Ф. Сорок лет советской антропологии. Сов. антропология, 1957, № 1.
- Дебец Г. Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. Сов. этнография, 1961, № 6.
- Дебец Г. Ф. Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (петербургская и московская школы). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. II. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 85. М., 1963.
- Дебец Г. Ф., Игнатъев М. В. О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии. (Школа Чекановского), Наука о расах и расизм. Тр. Н.-и. ин-та антропологии МГУ, вып. IV. М.—Л., 1938.
- Дебец Г. Ф., Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Происхождение человека и древнее расселение человечества. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XVI. М., 1951.
- Денисова Р. Я. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. Сов. этнография, 1960, № 3.
- Дервиз Д. В. Череп из старых московских могильников. Русский антр. журнал, т. 12, 1923, кн. 3—4.
- Жиров Е. В. Череп из русских погребений XV—XVI веков на территории бывшего Тихвинского уезда. Антр. журнал, 1936, № 1.
- Жиров Е. В. Древние ижорские черепя. Сов. археология, т. II. М.—Л., 1937.
- Жиров Е. В. Костяки из грота Мурзак-Коба. Сов. археология, т. V. М.—Л., 1940.
- Жиров Е. В. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. Кр. сообщ. Ин-та истории матер. культуры, вып. 6, 1940а.
- Загоскин Н. П. (ред.). Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804—1904), ч. II. Казань, 1904.
- Загоскин Н. П. Деятели Казанского ун-та (1805—1900). Казань, 1900.

- Зиневич Г. П. К палеоантропологии Никольского могильника. Кр. сообщ. Ин-та археологии АН Украинской ССР, вып. 11. Киев, 1961.
- Зиневич Г. П. Антропологические особенности древнего населения Украины. Автореф. дисс. Киев, 1964.
- Золотарев А. М. Исторические предпосылки формирования Homo sapiens в освещении советских археологов. Антр. журнал, 1936, № 3.
- Ивановский А. А. Черепа из могильников Осетии. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXI, вып. 5. М., 1891.
- Ивановский А. А. Об антропологическом составе населения России. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CV. М., 1904.
- Ивановский А. А. И. Таренецкий. Русский антр. журнал, 1905, № 3—4.
- Ивановский А. А. Население земного шара. Опыт антропологической классификации. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CXXI. М., 1911.
- Ивановский А. А. Добавление к «Населению земного шара». Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1912.
- Игнатъев М. В. Учение о роли наследственности и среды у К. Пирсона и биометриков. Успехи совр. биологии, т. IV, 1935, вып. 3.
- Игнатъев М. В. Карл Пирсон (1857—1936). Антр. журнал, 1937, № 1.
- Исмагулов О. Краниологические материалы к антропологии современного населения Казахстана. Вопросы антропологии, 1963, вып. 13.
- Исмагулов О. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 82. М., 1963а.
- Карпов Г. В. Путь ученого. М., 1958.
- Карус К. Основания краниоскопии. СПб., 1844.
- Кондукторова Т. С. Материалы по палеоантропологии Украины. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I. Сов. антропология, 1957, № 2.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологічні матеріали Вовнизьких пізньонеолітичних могильників. Матеріали з антропології України, вип. 1. Київ, 1960.
- Константинов-Шипулин Н. П. К краниологии древнего населения Костромской губернии. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XC, вып. 3 (приложения). М., 1897.
- Коперницкий И. Предварительные сведения о краниологических исследованиях над строением славянских черепов. Киевские университетские известия, кн. I. Киев, 1861.
- Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888—1913). Томск, 1917.
- Лев И. Д. Антропологическое общество при Военно-медицинской академии в Петербурге. Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, 1964, № 3.
- Левин М. Г. А. П. Богданов и русская антропология. (К 50-летию со дня смерти). Сов. этнография, 1946, № 1.
- Левин М. Г. Антропологические работы К. М. Бэра. Сов. этнография, 1954, № 1.
- Левин М. Г. У истоков русской антропологии. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. 1. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXX. М., 1956.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXVI. М., 1958.
- Левин М. Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.
- Леонтович А. Элементарное пособие к применению методов Gaussa и Pearson'a при оценке ошибок в статистике и биологии. Киев, 1911.
- Малиев Н. М. Об антропологической экскурсии летом 1871 года. Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1871—1872 гг. Казань, 1872.
- Малиев Н. М. Краткий отчет об экскурсии в Вятскую губ. для исследования вотяков в антропологическом отношении. Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1873—1874 гг. Казань, 1874.
- Малиев Н. М. Материалы для сравнительной антропологии. (К учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас. Материалы для антропологии восточного края России). Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. IV, № 2. Казань, 1874а (отдельное издание: Казань, 1874).
- Малиев Н. М. Антропологический очерк башкир. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. I, № 5. Казань, 1876 (отдельное издание: Казань, 1876).
- Малиев Н. М. Сообщение о болгарских черепах. Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1880—1881 гг. Казань, 1881.
- Малиев Н. М. Антропологические изыскания 1880 года. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. X, вып. 4. Казань, 1881а.
- Малиев Н. М. О строении русского черепа «Врач», 1882, № 49.
- Малиев Н. М. Об узбекских черепах. Приложения к протоколам заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1885—1886 гг. Казань, 1886.

- Малиев Н. М. Антропологический очерк племени пермяков. (Материалы для сравнительной анатомии финских народностей. Отчет о поездке к пермякам с антропологической целью). Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XVI, вып. 4. Казань, 1887.
- Малиев Н. М. Каталог краниологической коллекции Казанского университета. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XIX, вып. 2. Казань, 1888.
- Марк К. Ю. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук), 1956, № 1.
- Марк К. Ю. Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954.
- Миклашевская Н. Н. Краниология киргизов. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1959.
- Мисиков М. А. Антропологические сведения об осетинах. Протоколы заседаний и отчеты Русского антр. об-ва за 1909/1910—1911/1912 гг. СПб., 1912.
- Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916.
- Нестурх М. Ф. Человек и его предки. М., 1934.
- Нестурх М. Ф. Антропогенез. В кн.: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. М., 1941.
- Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.
- Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое двадцатилетие его существования. Казань, 1894.
- Отчет о деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое десятилетие (1868—1879) его существования. Казань, 1879.
- Павловский Е. Н. Академик К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия. М.—Л., 1948.
- Попов М. А. К учению о черепах. Харьков, 1890.
- Проценко В. Антропологические этюды. Зап. Киевского об-ва естествоиспытателей, т. II. Киев, 1871.
- Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России, т. II. М.—Л., 1951.
- Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России, т. IV. М.—Л., 1959.
- Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.—Л., 1961.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции. Антр. журнал, 1936, № 3.
- Рогинский Я. Я. Проблема происхождения *Homo sapiens* (по данным работ последнего двадцатилетия). Успехи совр. биологии, т. IX, 1938, вып. 1.
- Рогинский Я. Я. Человеческие расы. В кн.: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. М., 1941.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1963.
- Розов Н. С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Розов Н. С. Антропологические исследования в Западной Сибири. Вопросы биологии. Тр. Томск. гос. ун-та, т. 148. Томск, 1960.
- Руденко С. И. По поводу опыта антропологической классификации населения земного шара А. А. Ивановского. Ежегодник Русского антр. об-ва, т. IV. СПб., 1913.
- Соловьев М. М. Бэр на Новой Земле. Л., 1934.
- Сысак Н. С. К истории работы кафедры анатомии Казанского медицинского института в области антропологии (к 150-летию существования кафедры). Сов. антропология, 1958, № 4.
- Талько-Гринцевич Ю. Д. Два слова о происхождении славян с антропологической точки зрения (автореф.). Русский антр. журнал, 1902, № 4.
- Талько-Гринцевич Ю. Д. Опыт физической характеристики древних восточных славян. Статьи по славяноведению, вып. III. СПб., 1910.
- Тикотин М. А. П. А. Загорский и первая русская анатомическая школа. М., 1950.
- Толстов С. П. Проблемы родового общества. Сов. этнография, 1931, № 3—4.
- Трофимова Т. А. Краниологический очерк татар Золотой Орды. Антр. журнал, 1936, № 2.
- Трофимова Т. А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Трофимова Т. А. Черепа из Никольского кладбища. (К вопросу об изменчивости типа во времени). Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941а.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии АН СССР (нов. серия), т. VII. М.—Л., 1949.
- Трофимова Т. А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. Сов. этнография, 1949а, № 3.
- Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, Киев, 1931.

- Фирштейн Б. В.** Материалы к краниологии узбеков Ташкента. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XIII, 1950.
- Фирштейн Б. В.** Краниологические коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (поступления за 15 лет, 1947—1962 гг.). Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XXII. М.—Л., 1964.
- Фортунатов А. М.** Материалы к вопросу о последовательности и порядке закрытия черепных швов у инородцев России. Зап. Академии наук, т. X, приложение № 2. СПб., 1889.
- Хомяков М. М.** К вопросу о брахи- и долихоцефалии. Приложения к протоколам заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1907—1908 гг. Казань, 1908.
- Хомяков М. М.** *Togus palatinus* (антропологический этюд). Казань, 1908а.
- Хомяков М. М.** Синостоз черепных швов у населения бассейна Волги и Камы. Казань, 1908б.
- Хомяков М. М.** Лобный шов и затылочный бугор у населения востока России. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XLI, вып. 5, Казань, 1909.
- Хомяков М. М.** Материалы по антропологии востока России. Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXIV, вып. 6. Казань, 1909а.
- Хомяков М. М.** Деформированные черепа Казанской коллекции. Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXIV, вып. 1—2. Казань, 1910.
- Хомяков М. М.** Материалы по антропологии востока России. Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. XXVI, вып. 3. Казань, 1910а.
- Хомяков М. М.** Материалы по краниологии Камско-Волжского четырехугольника. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XLII, вып. 6. Казань, 1910б.
- Хомяков М. М.** Этнологическая история Поволжья по новейшим литературным данным (с приложением: Мерянские черепа коллекции Бекаревича из Казанского анатомического института). Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии, т. XXVII, вып. 1. Казань, 1911.
- Хомяков М. М.** Антропология в Казани за 43 года. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XLVI, вып. 6. Казань, 1914.
- Чебоксаров Н. Н.** Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. II. М.—Л., 1947.
- Чепурковский Е. М.** О классификациях человеческих рас и некоторых задачах антропологии в России. Естествознание и география, кн. 2, 1912.
- Чепурковский Е. М.** Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CXXIV, вып. 2. М., 1913.
- Чепурковский Е. М.** Статистический и биологический методы в изучении наследственности у человека. I. Биометрия. Русский антр. журнал, 1916, № 1—2.
- Чугунов С. М.** О костях, найденных в г. Симбирске. Приложения к протоколам заседаний Об-ва любителей естествознания при Казанском ун-те за 1877—1878 гг. Казань, 1878.
- Чугунов С. М.** Значение отношения вышины черепа к ширине совместно с отношением длины к основанию, как отличительного признака рас. К учению о дифференциальной диагностике рас по черепу. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. VII, вып. 5. Казань, 1878а.
- Чугунов С. М.** Материалы для антропологии востока России (отчет о раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 г.). Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. VIII, вып. 5. Казань, 1879.
- Чугунов С. М.** Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. I. Исследование скелета мордвы. Приложения к протоколам заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1881—1882 гг. Казань, 1882.
- Чугунов С. М.** Материалы для антропологии Сибири. III. Татарский и два башкирских черепа от трупов, поступивших в 1888 и 1891 гг. в Томский анатомический институт. Изв. Томского ун-та, кн. VI. Томск, 1893.
- Чугунов С. М.** Материалы для антропологии Сибири. VII. К вопросу о краниологическом типе башкиров. Изв. Томского ун-та, кн. X. Томск, 1896.
- Чугунов С. М.** Материалы для антропологии Сибири. XV. Антропологический состав населения Томска по данным пяти старинных православных кладбищ, ч. I. Томск, 1905.
- Якимов В. П.** Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XIX. М.—Л., 1960.
- Якимов В. П.** Антропологический отдел Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, 1964, № 3.
- Ярхо А. И.** Основные направления расовой антропологии в СССР. Тр. IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Киев, 1931.

- Ярхо А. И. Против идеалистических течений в расоведении СССР. Антр. журнал, 1932, № 1.
- Ярхо А. И. Ганджинские тюрки (Азербайджанская ССР). Антр. журнал, 1932а, № 2.
- Ярхо А. И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропологический очерк о длиннолобом европеоидном компоненте турецких народностей СССР. Антр. журнал, 1933, № 1—2.
- Ярхо А. И. Очередные задачи советского расоведения. Антр. журнал, 1934, № 3.
- Ярхо А. И. О некоторых вопросах расового анализа. Антр. журнал, 1934а, № 3.
- Яхонтов К. М. Музей при кафедре нормальной анатомии Казанского университета. Казань, 1915.
- Baer K. Vergleichung eines von Herrn Obrist Hofmann mitgebrachten Karagassen — Schädeln mit dem von Herrn Dr. Ruprecht mitgebrachten Samojedn-Schädel. Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, t. III, N. 12 (60), 1845.
- Baer K. Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae Imperialis Petropolitanae. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, sér. VI. Sciences naturelles, t. VIII, 1859.
- Baer K. Über Papuas und Alfuren. Ein Commentar zu den beiden ersten Abschnitten der Abhandlung «Crania selecta ex thesauris anthropologicis Academiae Imperialis Petropolitanae». Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, sér. VI. Sciences naturelles, t. VIII, 1859a.
- Baer K. Nachrichten über die ethnographisch-craniologische Sammlung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, t. XVII, NN 12, 13, 14, 1859b.
- Baer K. Über den Schädelbau der Rätischen Romanen. Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, t. I, 1860.
- Baer K. Die Macrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs, verglichen mit der Bildungs-Abweichung, welche Blumenbach Macrocephalus genannt hat. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, sér. VII. t. II, N 6, 1860a.
- Baer K. Bericht über die neuesten Acquisitions der craniologischen Sammlung. Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, t. I, 1860b.
- Baer K. Über einen alten Schädel aus Meklenburg, der als von einem dortigen Wenden oder Obotriten stammend betrachtet wird, und seine Ähnlichkeit mit Schädeln der nordischen Bronze-Periode. Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, t. VI, 1863.
- Baer K. Bericht über die Bereicherungen der craniologischen Sammlung der Akademie in den Jahren 1860 und 1861. Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, t. V, 1863a.
- Baer K. Beschreibung der Schädel, welche aus dem Grabhügel eines skethischen Königs ausgegraben sind, Archiv für Anthropologie, B. X, 1877.
- Baer K. Über den jetzigen Zustand und die Geschichte des Anatomischen Cabinets der Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Сб. Музея по антропологии и этнографии Академии наук, вып. 1. СПб., 1900.
- Baer K., Wagner R. Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen in September 1861 in Göttingen, zum Zwecke gemeinsamer Besprechungen. Leipzig, 1861.
- Bogdanov A. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? Congrès International d'archéologie préhistorique et d'anthropologie, II-ème session à Moscou, t. I, 1892.
- Blumenbach J. De generis humani varietates nativa, Cöttingen, 1775.
- Blumenbach J. Über Menschen-Racen und Schweine-Racen. Magazin für das Neueste aus der Physik und Naturgeschichte, B. 6, Cotha, 1789.
- Blumenbach J. Über die natürlichen Verschiedenheiten im Menschen-Geschlechte. Leipzig, 1798.
- Blumenbach J. Collectiones craniorum diversarum gentium. Göttingen, 1790—1828.
- Bunak V. The craniological types of the East slavic kurgans. Anthropologie, t. X. Praha, 1932.
- Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, B. XXX, 1932a, H. 3.
- Buschkowitsch W. Grania ucrainica, ч. I. Укр. медичний архив. Харьків, 1927, № 2—3; ч. II, Одесса, 1928.
- Camper P. Über den natürlichen Unterschied der Gesichtzüge im Menschen verschiedener Gegenden und verschiedenen Alters. Berlin, 1792.
- Coon C., Carn S., Birdsell J. Races. A study of the problems of race formation in man, Springfield, 1950.
- Daubanton L. Sur les différences del a situation du grand trou occipital dans l'homme et dans les animaux. Mémoires de l'Académie Royal de sciences. Paris, 1764.
- Davis B. Thesaurus craniorum. London, 1867.
- Dobzhansky T. Mankind evolving. New Haven, 1962.

- Fawcett C. A second study of the variation and correlation of the human skull, with special reference to the Naqada crania. *Biometrika*, vol. I, part 4, 1902.
- Fischer R. The coefficient of racial likeness and the Future of craniometry. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 66, 1936.
- Garn S. *Human races*, Springfield, 1962.
- Cerhardt K. *Die Glockenbecherleute in Mittel- und Westdeutschland*. Stuttgart, 1953.
- Cerhardt K. Studien zur Anthropologie des mitteleuropäischen Neolithikums. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, B. XLV, 1953a.
- Knorre C. Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Letgallens. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, B. XXVIII, 1930, H. 3.
- Landzert T. Beiträge zur Kenntnis der Grossrussenschädel. *Archiv für Anthropologie*, B. II, 1867.
- Licis J. Kraniologische Untersuchungen an Schädeln atlantischer Stämme, Riga, 1939.
- Lissauer A. *Crania prussica*. *Zeitschrift für Ethnologie*, B. II, 1878.
- Mahalanobis P. On the need for standardisation in measurements on the living. *Biometrika*, vol. XX-A, part 1—2, 1928.
- Meyer H. Beitrag zur Kenntnis der Estenschädel. *Archiv für Anthropologie*, B. VIII, 1875.
- Morant G. A first study of the Tibetan skull. *Biometrika*, vol. XIV, part 3—4, 1923.
- Morant G. A study of certain oriental series of crania including the Nepalese and Tibetan series in the British Museum (Natural History). *Biometrika*, vol. XVI, part 1—2, 1924.
- Morant G. A study of Egyptian craniology from prehistoric to Roman times. *Biometrika*, vol. XVII, part 1—2, 1925.
- Morant G. A first study of the craniology of England and Scotland from Neolithic to early historic times, with special reference to the Anglo-Saxon skulls in London Museum. *Biometrika*, vol. XVIII, part 1—2, 1926.
- Morant G. A preliminary classification of European races based on cranial measurements. *Biometrika*, vol. XX-B, part 3—4, 1928.
- Pearson K. On the coefficient of racial likeness. *Biometrika*, vol. XVIII, part 1—2, 1926.
- Primanis J. Pales galvas kausi. *Latvijas universitates Raksti*, s. XII. Riga, 1925.
- Quatrefages A. *Histoire naturelle de l'homme. La race prussienne*. *Revue des deux Mondes*, t. 91. Paris, 1871.
- Retzius A. Über die Schädelform der Nordbewohner, *Müller's Archiv für Anatomie*, 1845.
- Ryley K. A study of the nasal bridge in the anthropoid apes and its relationship to the nasal bridge in man. *Biometrika*, vol. IX, part 3—4, 1913.
- Saller K. Die Rassen der jüngeren Steinzeit im Donaustromgebiet. *Zeitschrift für Anatomie und Entwicklungsgeschichte*, B. 77, 1925.
- Saller K. Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen Jungpaleolithischen Langschädelrassen. *Zeitschrift für induktive Abstammungs- und Vererbungslehre*, B. 39, H. 2, 1925a.
- Saller K. Die Rassen der jüngeren Steinzeit in den Mittelmeerländern. *Bulletin de l'Association Catal. Anthrop.*, t. IV, 1926.
- Saller K. Die Entstehung der „nordischen“ Rasse. *Zeitschrift für Anatomie — und Entwicklungsgeschichte*, B. 83, 1927.
- Scheidt W. Die eiszeitliche Schädelkunde aus der Groben Oinet-Höhle und vom Kaufertsberg bei Nordlingen. Beiträge und Sammelarbeiten zur Rassenkunde Europas, B. I, München, 1923.
- Scheidt W. Die Rassen der jüngeren Steinzeit in Europa. Beiträge und Sammelarbeiten zur Rassenkunde Europas, B. II, München, 1924.
- Scheidt W. Die rassische Verhältnisse in Nordeuropa. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, B. XXVIII, 1930.
- Schlitz A. Die vorgeschichtlichen Schädeltypen der deutschen Länder in ihrer Beziehungen zu den einzelnen Kulturkreisen der Urgeschichte *Archiv für Anthropologie (neue Folge)*, B. IX, 1910.
- Schlitz A. Die Vorstufen der nordisch — europäischen Schädelbildung, *Archiv für Anthropologie (neue Folge)*, B. XIII, 1914.
- Schmidt E. Die anthropologischen Sammlungen Deutschlands. *Privat-Sammlungen*, Lieferung I, Leipzig-Braunschweig, 1887. (нег в библиотеках СССР).
- Seltzer C. A critique of the coefficient of racial likeness. *Am. Journal of Phys. Anthropology*, vol. 23, 1937, N 1.
- Sommer P. Der Rinnekalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands. *Archiv für die Naturkunde Liv — Est und Kurlands*, ser. II, B. IX. Lieferung 5, Dorpat, 1884.
- Stieda L. Karl Ernst von Baer. Eine biographische Skizze. Braunschweig, 1878.
- Stölzle R. Karl Ernst von Baer und seine Weltanschauung, Regensburg, 1897.
- Tarenetzky A. Beiträge zur Craniologie der grossrussischen Bevölkerung der nördlichen und mittleren Gouvernements des europäischen Russlands. *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*, sér. VII, t. XXXII, N 13, 1884.

- Tarenetzky A. Beiträge zur Craniologie der Ainos auf Sachalin. Memoires de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, sér. VII, t. XXXVII, N 13, 1890.
- Tarenetzky A. Weitere Beiträge zur Craniologie der Bewohner von Sachalin — Aino Giljaken und Oroken. Mémoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg, sér. VII, t. XLI, N 6, 1893.
- Tarenetzky A. Beiträge zur Skelet-und Schädelkunde der Aleuten, Konaegen, Kenai und Koljuschen mit vergleichend anthropologischer Bemerkungen. Mémoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg, sér. VIII. Classe physico-mathématique, t. IX, N 4, 1900.
- Tildesley M. A first study of the Burmese skull. Biometrika, vol. XIII, part 2—3, 1921.
- Tschepourkovsky E. Anthropologische Studien. Archiv für Anthropologie (neue Folge), B. X, 1911, H. 2—3.
- Van der Höven J. Über die Schädel slavonischer Völker, Müller's Archiv für Anatomie, 1844.
- Virchow R. Messungen estnischer Schädel. Zeitschrift für Ethnologie, 1873.
- Virchow R. Vergleichung finnischer und estnischer Schädel mit alten Gräberschädeln des nordöstlichen Deutschlands. Zeitschrift für Ethnologie, B. IV, 1880.
- Wagner K. The craniology of the Oceanic races. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. I. Mat.-Naturv. Klasse, N 2. Oslo, 1937.
- Weinberg R. Crania livonica. Untersuchungen zur prähistorischen Anthropologie des Baltiums. Archiv für die Naturkunde Liv-, Est-und Kurlands, B. XII, Dorpat, 1902.
- Welcker H. Untersuchungen über Wachstum und Bau des menschlichen Schädels. Leipzig, 1862.
- Welcker H. Kraniologische Mitteilungen. Archiv für Anthropologie, B. I, 1866.
- Weymarn E. Crânes trouvés en Carélie dans la paroisse de Ruokolaks, gouvernement de Wiborg. Matériaux pour servir à la connaissance des cranes des peuples finnois, Helsinki, 1881.
- Weymarn E. Cranés trouvés en Carelie dans la paroisse de Kaukola, gouvernement de Wiborg. Matériaux pour servir à la connaissance des crânes des peuples finnois, Helsinki, 1881a.
- Woo T., Morant G. A preliminary classification of Asiatic races based on cranial measurements. Biometrika, vol. XXIV, part 1—2, 1932.
- Zilinskas J., Jurgutis A. Crania lithuanica. Acta medicinae facultatis Vytauti Magni universitatis, vol. V, pars. 3. Kaunas, 1939.
- Zografi N. Über altrussische Schädel aus dem Kreml (Burg) von Moskau. Archiv für Anthropologie, B. XXXIV, 1896, H. 1—2.

ИЗУЧЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

ЗНАЧЕНИЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Быстрое накопление палеоантропологических и соматологических данных настоятельно требует разработки вопросов их коннексии. Это особенно ясно сейчас, когда вся территория Советского Союза, за исключением единичных районов, охвачена соматологическими исследованиями, а палеоантропологические материалы значительно возросли по сравнению с теми, которыми мы располагали 20—30 лет назад. Использование антропологических данных при решении вопросов этногенеза оставляет тем не менее много дискуссионных, а иногда и просто на современном уровне знаний неразрешимых вопросов. Палеоантропологический материал дает отчетливое представление о динамике типа во времени, но в силу своей специфики он чаще всего бессилен при решении вопросов этногенеза современных народов. Соматологическое исследование позволяет проследить изменение типов в пространстве, но оно, как правило, оставляет без прямого ответа вопрос об их древности и этапах формирования. Следовательно, как можно более совершенное сопоставление соматологических и палеоантропологических данных является одной из насущных задач антропологии в настоящее время. Только в этом случае мы получим возможность свести воедино результаты исследования всех видов антропологических материалов, используемых для решения этноисторических вопросов.

Коннексия палеоантропологических и соматологических данных может быть осуществлена в результате создания шкалы стандартов толстот мягких тканей лица. Работы в этой области морфологии насчитывают более чем полустолетнюю давность (библиографию см. Герасимов, 1955). В результате были предложены стандартные величины разниц между некоторыми общеупотребительными измерениями на живом субъекте и черепе (Бунак, 1922). Однако они охватывают далеко не все признаки, фигурирующие в современных соматологических и краниологических программах, и сами по себе не могут считаться достаточно точными. Наблюдения М. М. Герасимова основаны на сравнительно большом материале, но все же их количество также не дает возможности считать полученные стандарты удовлетворяющими требованиям статической достоверности. Следовательно, имеющийся материал может послужить в качестве основы для создания шкалы толстот мягких тканей лица, но создание самой шкалы требует еще большой экспериментальной работы.

Широкие возможности в этой области открываются применением рентгенографии. Получение рентгеновских снимков со специальной целью измерения толщины тех или иных структурных элементов прочно

вошло в практику морфологических работ и может считаться одним из действенных методов морфологического анализа. Невозможность полностью избежать некоторого искажения при рентгенографировании в конце концов является лишь временным этапом в рентгенотехнике и, по видимому, может быть преодолена в ближайшем будущем. Однако создание шкалы стандартов толстот с помощью как этого, так и других методов сталкивается с трудностями чисто морфологического порядка. Речь идет об очень сложной и опосредствованной связи многих элементов строения мягких тканей лица с костной основой. Так, уплощенность лица в горизонтальной плоскости, являющаяся одним из ведущих признаков расового анализа на краниологическом материале, есть выражение очень сложных взаимоотношений отдельных элементов строения лицевого скелета. Поскольку приемы измерения, с помощью которых фиксируется этот комплекс морфологических особенностей, представляют собой большей частью не линейные, а тригонометрические отношения, вряд ли возможен их эквивалентный перевод на показания самологической шкалы. С другой стороны, вариации многих морфологических признаков, определяемых на живом субъекте, в частности особенностей строения глазной области, также являющихся признаками высокой таксономической ценности, несмотря на отдельные успешные попытки увязать их с особенностями строения лицевого скелета (Лебединская, 1957), не могут быть сопоставлены с результатами краниологических исследований с достаточной достоверностью. Таким образом, возможности увязки палеоантропологических данных и результатов соматологического исследования с помощью стандартов толстот мягких тканей лица нельзя считать безграничными. В этой связи особое значение приобретает сбор краниологических материалов по современному или близкому к современности населению.

Значение современных или близких к современности краниологических материалов определяется целым рядом обстоятельств.

1. Возможностью использования их в качестве «моста» при переходе от соматологических наблюдений к данным палеоантропологического исследования, что требует, разумеется, разработки соответствующих приемов коннекции.

2. Возможностью непосредственного сопоставления их с палеоантропологическими материалами, что позволяет решать не только вопросы преемственности типа во времени, но и рассматривать проблемы общей динамики расообразовательного процесса — эпохальную изменчивость признаков, вариабильность признаков и характер межгрупповой изменчивости на разных этапах расообразования, характер географического распределения признаков в разные эпохи в сравнении с современностью и т. д.

3. Полной сравнимостью краниологических данных, что выгодно отличает их от соматологических наблюдений. Известная субъективность последних была установлена еще Е. М. Чепурковским (1913), показавшим, что в измерительных признаках разница между различными группами, исследованными одним работником, часто бывает меньше, чем между близкими или даже тождественными группами, исследованными разными авторами, и что, таким образом, ошибка наблюдения превышает реальную разницу между группами. В еще большей степени это относится к описательным характеристикам. Поэтому в последнее время все чаще выдвигаются пожелания персонального контакта между исследователями, повторного исследования одних и тех же групп и введения поправочных коэффициентов при сопоставлении материалов разных авторов (Дебец, 1956; Левин, 1958). Этот путь преодоления субъективности соматологических наблюдений вызывает возражения со стороны В. В. Бунака, однако они не меняют существа дела, так как самый факт

их субъективности и для него остается бесспорным (Бунак, 1954). С другой стороны, различия в имеющихся краниологических программах П. Брока, франкфуртского съезда, биометрической школы, Р. Мартина и основанных на них, но модифицированных схемах А. Грдлички, Э. Хуттона и других, всегда строго оговорены, что в большинстве случаев позволяет включать в анализ даже старые данные. Этим и объясняется то обстоятельство, что при построении расовых классификаций населения достаточно обширных территорий краниологические данные используются в первую очередь. В качестве примера можно указать на работы Дж. Моранта по Европе, Н. Н. Чебоксарова по Азии и К. Вагнера по Австралии и Океании.

4. Сравнительно поздним оформлением большинства современных народов. Это относится к тюркским и славянским народам, к народам Северного Кавказа и др. Так, судя по археологическим данным, преемственность между восточнославянскими памятниками и археологическими культурами предшествующего времени может быть доведено до II тысячелетия до н. э. Лингвистические данные также свидетельствуют о довольно раннем отделении славянских языков от общего индоевропейского ствола. Однако формирование современных восточнославянских народов падает на значительно более позднюю эпоху и датируется концом первой половины II тысячелетия н. э. (см. Черепнин, 1958). То же самое справедливо и по отношению к народам тюркской языковой семьи. Истоки этногенеза многих тюркских народов уходят в глубокую древность и, во всяком случае, могут быть прослежены до рубежа н. э., но оформление большинства современных тюркских народностей произошло уже во II тысячелетии н. э. (см., например, Токарев, 1958). Аналогичную картину этногенетического процесса мы имеем и на Северном Кавказе. Преемственность между культурой современных адыгских народов и культурой древних народов Северного Кавказа прослеживается начиная с эпохи бронзы, но окончательное формирование адыгских народов может быть приурочено к середине последнего тысячелетия (см., например, Лавров, 1956). Таким образом, ясно, что при использовании антропологических данных для решения вопросов этногенеза этих и многих других современных народов первостепенное значение приобретают краниологические материалы по населению II тысячелетия н. э. Только эти материалы могут осветить отдельные этапы этногенетического процесса в той мере, в какой он вообще отразился в расовых типах народов.

Однако всестороннее использование всех этих материалов как полноценного исторического источника может быть осуществлено только при разработке ряда общих проблем расового анализа. Важнейшей из этих проблем является, как уже говорилось, вопрос о принципах и методах сопоставления краниологических и соматологических наблюдений.

Первая попытка такого рода была сделана Г. Ф. Дебецом (1956). Им были выбраны признаки, характеризующие степень выраженности монголоидных особенностей. Однако он исходил из наличия стопроцентной корреляции между степенью выраженности монголоидных особенностей по соматологическим и черепным признакам, что само по себе нуждается в доказательстве. В случае положительного решения этого вопроса или хотя бы для выяснения характера связи между ними, что позволит вводить поправочные коэффициенты, проблема коннекции соматологических и краниологических данных потребует для своего решения преодоления уже чисто технических трудностей, связанных с недостаточностью материала, несравнимостью соматологических наблюдений разных авторов и т. д. Ведущими принципами здесь должны быть тождественность крайних групп соматологической и краниологической шкал и широта самих шкал, т. е. как можно более значительная разли-

ца между крайними группами. В противном случае даже при достаточном числе наблюдений возрастает роль случайных колебаний в изменчивости взятых для сопоставления признаков, что может изменить место любой группы по отношению к другим внутри шкалы.

С другой стороны, дальнейшее накопление краниологических материалов и разработка их под соответствующим углом зрения сами по себе позволят внести ясность в некоторые дискуссионные вопросы общего расоведения и поставить ряд новых. Так, недостаточная четкость представлений в вопросах таксономической оценки черепных признаков имеет своим результатом полное отсутствие ясности в методике выделения мелких единиц расовой систематики на палеоантропологическом материале. Решение встающих в этой связи трудностей лежит за пределами возможностей этого палеоантропологического материала и может быть достигнуто только в процессе накопления достаточно полных краниологических материалов по современному населению, так как только в этом случае результаты изучения черепных признаков будут иметь необходимый контроль со стороны соматологических наблюдений. Наконец, невозможная без исчерпывающей краниологической характеристики выделенных в современном населении вариантов оценка сравнительного значения вариаций черепных особенностей и мягких тканей лица для целей классификации впервые достаточно определенно очертит границы и возможности палеоантропологического исследования в этой области.

Совершенно очевидно, что по мере все более полного накопления палеоантропологических материалов и все более дробного изучения антропологических особенностей современных этнических группировок значение краниологических материалов будет возрастать и они смогут быть использованы даже на тех территориях, где в настоящее время без соответствующих палеоантропологических данных повисают в воздухе.

ИЗУЧЕННЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ СЕРИИ

Латыши. Упомянутые в главе 1 работы И. Приманиса, Г. Кнорре и Я. Лициса содержат в совокупности довольно значительный материал по краниологии близкого к современности населения, но он описан по краткой программе. Краниологический материал из могильника в Тервете (Земгалия, XVI—XVII вв.) описан по подробной программе, но невелик (см. Витов, Марк, Чебоксаров, 1959).

В 1957 г. автор раскопал кладбище XVIII в. под Лудзой, из которого была получена довольно обширная серия черепов (около 100), равномерно распределенных по полу (Алексеев, 1961). Кладбище датируется найденными монетами серединой XVIII в. Черепа из него положены в основу краниологической характеристики восточных латышей. При вычислении средних к этим черепам присоединены три черепа латышей бывш. Люцинского уезда, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (1831—1, 2223—1, 2232—7)¹.

Для аналогичной характеристики западных латышей использован краниологический материал, полученный из могильника XVII—XVIII вв. у Дурбе. Он датируется с помощью монет. Могильник был раскопан автором совместно с П. Степеньшем в 1962 г. В процессе этих раскопок получена серия черепов, численностью около 120, равномерно распределенных по полу. Она практически синхронна серии из-под Лудзы и полностью удовлетворяет самым строгим требованиям в отношении сравнимости данных по западным и восточным группам латышского на-

¹ Здесь и дальше — инвентарные номера соответствующих хранилищ.

рода. Для характеристики западных латышей также использованы краниологические коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (5005, 5151), на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии в Ленинграде (54, 68, 557, 607—609, 615—617, 623, 742, 787, 814—815, 818, 856—857, 867, 884, 899), а также на кафедре нормальной анатомии Одесского медицинского института (6,607). Эти коллекции составлялись во второй половине прошлого века в основном при мацерации трупов людей, умерших в городских клиниках. В сопровождающей документации содержатся сведения об имени, фамилии, возрасте, национальной принадлежности, месте рождения, а иногда вероисповедании умерших. Не исключено, что в эту серию, в целом представляющую западные районы, попало несколько черепов людей из центральных районов. Но в общем она с достаточным основанием также может быть противопоставлена серии из-под Лудзы (Алексеев, 1963).

С целью расширения круга сравнительных материалов были изучены черепа из известного Люцинского могильника (Люцинский могильник, 1893). Серию из него впервые описал Г. Ф. Дебец (1932), но им были изучены только мужские черепа. Углы вертикального лицевого профиля и горизонтальной профилировки, дакриальные и симотические размеры были определены на них И. В. Дайгой (1957). Я исследовал серию вновь, измерив и женские черепа (МГУ, 2552—2619). Заметная разница в скуловой ширине по сравнению с измерениями Г. Ф. Дебца объясняется тем, что на одном из черепов она была случайно занижена на 30 мм.

Литовцы. Многочисленный материал по краниологии литовцев был подробно и тщательно описан Х. Жилинским и А. Юргутисом в работе, содержащей также библиографию и обзор предшествующих данных. Авторы исследовали две обширные серии (каждая около 300 черепов), происходящие из городских кладбищ города Каунаса и датирующиеся XVIII—XIX вв., а также собранные при мацерации трупов в основном сельского населения разных районов Литвы в начале XX в. На черепах определено большое количество линейных и дуговых размеров. Углы вертикального и горизонтального профиля, дакриальные и симотические размеры определены на них К. Ю. Марк, которая любезно предоставила автору эти данные для ознакомления и использования. В 1962 г. все изученные И. Жилинским, А. Юргутисом и К. Ю. Марк материалы были осмотрены мной на кафедре нормальной анатомии Каунасского медицинского института. К сожалению, часть материалов оказалась потерянной, а паспортизация оставшейся части — плохой, поэтому этот материал и не был подвергнут повторному исследованию.

Есть основания полагать, что в XVIII—XIX столетиях литовцы не составляли подавляющего большинства населения Каунаса, в котором было много поляков и евреев. Это находит себе подтверждение и в отличиях, которые обнаруживает городская серия по сравнению с сельской. Очевидно, последняя является более представительной для характеристики краниологического типа литовцев, поэтому ей и отдается предпочтение.

С а м ы. Краниологический материал по русским лопарям крайне мал. Он хранится в Музее антропологии МГУ (4332—4338) и в Музее антропологии и этнографии АН СССР (5028—6). Все черепа происходят из случайных сборов. Впервые они были измерены В. П. Якимовым (1953). Чтобы исключить вероятность индивидуальных различий в измерении и особенно в определении описательных признаков, мной они были подвергнуты повторному измерению. Датировка их — последние века.

Для суждения о краниологическом типе саамов в целом этот материал, разумеется, мало пригоден в силу своей фрагментарности. Гораздо более многочисленные серии по краниологии норвежских саамов опубликовал К. Скрейнер (1931—1935, 1945), в работе которого содержится также полная библиография предшествующих исследований. К сожалению, программа К. Скрейнера содержит существенные пробелы в части лицевых размеров. Неопубликованные данные по краниологии саамов Финляндии, собранные Г. Ф. Дебецом в 1960 г. при работе в финских музеях, не имеют этого недостатка. И в количественном, и в качественном отношении именно они, очевидно, должны составлять базу для суждения о краниологическом типе саамов.

Финны. Краниологический тип финнов давно привлекал внимание антропологов. Значительные серии были описаны Г. Ретциусом (1874, 1878) и К. Хельстеном (1881—1893). Кроме их публикаций появилось еще с десяток работ, содержащих описание единичных черепов (Mogant, 1931). Но описание это произведено, как у Г. Ретциуса, так и у К. Хельстена, по устаревшей методике и пользоваться им сейчас затруднительно.

Краниологический материал, использованный в этой работе, изучался автором в Ленинграде (кафедра нормальной анатомии Военно-медицинской академии и Музей антропологии и этнографии АН СССР) и Москве (Музей антропологии МГУ). Он уже был предметом предварительного сообщения (Алексеев, 1963а). Черепы, хранящиеся на кафедре нормальной анатомии ВМА, получены в конце прошлого века при мацерации трупов лиц, в основном принадлежавших к сельскому населению и умиравших в петербургских больницах. Их происхождение — преимущественно южные районы Финляндии и нынешняя Ленинградская область (59, 66—67, 96, 154—156, 158—159, 161—163, 165—173, 175—184, 186—190, 192—195, 197, 424, 618—620, 642, 789, 811—812). В Музее антропологии и этнографии АН СССР хранятся черепы, полученные К. С. Мережковским в 1886 г. при раскопках кладбищ вокруг Выборга (167—33, 167—46), а также из случайных сборов разных исследователей (1831—4, 1992—2, 2223—3 и 4, 5008—1 и 2, 5028). Наконец, в Музее антропологии было изучено около двух десятков черепов, полученных либо из Хельсинки и относящихся к населению разных районов Финляндии, либо при случайных раскопках в Ленинградской области (3228, 3413—3426, 8497—8498). Ко всем этим материалам присоединен один череп финна неизвестного происхождения, хранящийся на кафедре нормальной анатомии Одесского медицинского института (358).

Все черепы, добытые при мацерации, имеют точные данные о поле, возрасте и происхождении. То же можно сказать и о подавляющем большинстве остальных материалов. В целом все они относятся к населению разных, преимущественно южных районов Финляндии, окрестностей Выборга и нынешней Ленинградской области. Население Ленинградской области называлось, как известно, в старой этнографической литературе ингерманландцами. Неоднократно высказывалось предположение, что они являются потомками самостоятельных племенных объединений эпохи средневековья (Lehrgberg, 1816; Токарев, 1958). Однако исторически засвидетельствованный факт переселения финнов на территорию нынешней Ленинградской области в XVII в., а также лингвистическая и этнографическая близость ингерманландцев к коренному населению Финляндии (Поппе, 1928; Аристэ, 1956) мешают принять эту точку зрения и позволяют рассматривать находящиеся в нашем распоряжении материалы суммарно. Это оправдывается и их датировкой — кладбища, из которых он получен, датируются XVIII — началом XIX в., мацерированные черепы датируются, как уже указывалось, второй половиной XIX в.

Для контроля и сопоставления с любезного согласия Г. Ф. Дебеца привлекаются его неопубликованные данные по краниологии финнов. Изученная им серия хранится в Хельсинки и относится к населению разных районов Финляндии. В географическом отношении она не может быть противопоставлена моим данным даже при не строгом подходе. Но все же, если рассматривать территорию расселения финнов в целом, **наши данные относятся к населению юго-восточной периферии их ареала, данные Г. Ф. Дебеца — к северо-западной.**

Эстонцы. Эстонские черепа изучались на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии (72, 467, 477, 481, 612—614, 817, 869, 919), в Музее антропологии и этнографии АН СССР (1331—2,3 и 5, 1994—1, 2223—2, 4646—3 и 4, 4647—1), на кафедре нормальной анатомии Одесского медицинского института (736—737) и в Музее антропологии МГУ (3490). Почти все они получены при мацерации трупов и датируются концом XIX—началом XIX в. Материал происходит из разных районов Эстонии.

Для сравнения с ним использованы данные К. Ю. Марк по краниологии населения восточных районов Эстонии XVII—XVIII вв. (Марк, 1956, 1956а; Марк, 1958). Ею изучены черепа из трех могильников этого времени — Кабина, Ряпина и Кохтла-Ярве. Так как количество черепов из каждого могильника невелико, а средние по ним не обнаруживают ощутимых различий, они суммированы для получения общей средней по населению XVII—XVIII вв. Все эти серии были осмотрены мной в Институте истории АН Эстонской ССР в 1959 и 1960 гг. с целью убедиться в унифицированности методики в определении описательных признаков.

Ижоры. В отличие от уже описанных материалов, происходящих из могильников XVII—XVIII вв., материал, о котором пойдет речь, происходит из могильника, датируемого XIII—XV вв. Он был раскопан В. И. Равдоникасом в 1932 г. на территории города Гатчины (Равдоникас, 1932). Естественно, что определение этнической принадлежности могильника, произведенное только на основании археологических данных, менее точно, чем во всех предыдущих случаях. Поэтому использовать эту серию для характеристики краниологического типа ижорцев можно лишь с известными оговорками. Впервые она была описана Е. В. Жировым (1937). Мной черепа измерены вновь в Музее антропологии и этнографии АН СССР (коллекция 5095).

Карелы. Хранящийся в музеях материал по краниологии карел состоит из единичных черепов. В Музее антропологии МГУ было изучено около 10 черепов, относящихся как к северным, так и к поволжским карелам (943—944, 950—955, 957, 1005—1006). Они рассмотрены суммарно как из-за малочисленности серии, так и из-за того, что калининские карелы представляют собой потомков северных. Черепа происходят из случайных сборов и датируются, очевидно, последними столетиями. Более точная датировка невозможна. В общем этот малочисленный материал, по-видимому, не может быть использован безоговорочно для характеристики краниологического типа карел и требует осторожного к себе отношения.

Коми. Единственный мало-мальски полный материал по краниологии коми происходит из кладбища, раскопанного в 1886 г. Н. М. Малиевым в бывш. деревне Кудымкар, расположенной на месте прежней резиденции князей Кудымовых (Малиев, 1887). Кладбище датируется с помощью монет концом XVIII — началом XIX в. Принадлежность его предкам современных коми-пермяков устанавливается как на основании этнографической традиции, так и по этнографическим особенностям погребений. В частности, в них обнаружен пермяцкий женский головной убор — самшуру (Белицер, 1952, 1958). Черепа хранятся в музеях ка-

федр нормальной анатомии Казанского медицинского института (28—35, 37, 39—41, 43—52) и Военно-медицинской академии (894—895). К этой серии присуммированы четыре черепа коми-зырян, измеренные в Музее антропологии и этнографии АН СССР (1185, 1986) и на кафедре нормальной анатомии ВМА (143). Краниологически они не отличаются от пермяцкой серии.

Удмурты. Первые краниологические материалы по удмуртам были получены Н. М. Малиевым при раскопках удмуртских кладбищ под Мамадышем и Малмыжем в 1871 г. (Малиев 1872, 1874). Им же они и были впервые описаны (Малиев, 1874, 1888). После работ Н. М. Малиева в изучении краниологии удмуртов наступил перерыв в 70 лет. В 1956—1957 гг. М. С. Акимова раскопала три удмуртских могильника, очевидно, XVI—XVIII вв. (Акимова, 1961, 1962). Один из них расположен на территории северной Удмуртии, два других — на территории южной. В целом они дали свыше 150 черепов.

Материал, описанный Н. М. Малиевым, изучен мной на кафедре нормальной анатомии Казанского медицинского института (12, 124—127, 129—141, 143—163, 165—167). М. С. Акимова любезно предоставила бланки измерений черепов из раскопанных ею Можгинского, Аксакшурского и Буринского могильников. Они использовались с небольшими дополнениями и поправками, в первую очередь в отношении пола (черепа хранятся в Музее антропологии МГУ: 9941—9965, 10102—10198, 10790—10845, 11113—11133, 11209). Описательные признаки на всех черепках определены заново. Материал из Буринского могильника составляет группу северных удмуртов. В нее включены три черепа из могильника XVII в. у села Болезина бывш. Глазовского уезда Вятской губернии, раскопанного П. Г. Тарасовым в 1906 г. (МАЭ, 1127). Материал из Можгинского и Аксакшурского могильников, а также из могильников под Мамадышем и Малмыжем объединен, так как последние также датируются, по-видимому, XVII—XVIII вв. Это — группа южных удмуртов. В нее включен также один череп, изученный на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии (913).

Марийцы. Введение в научный оборот первых данных по краниологии марийцев также связано с деятельностью Н. М. Малиева (1874а, 1888). Через 60 лет после него очень небольшой материал из марийских могильников XVI—XVIII вв. был описан Г. Ф. Дебецом в сводной работе по палеоантропологии СССР. Достаточно обширные материалы по краниологии марийцев появились только после раскопок М. С. Акимовой (1958, 1960). Раскопанные ею могильники датируются XVII—XIX вв. и дали значительный костный материал как по горным, так и по луговым марийцам. В этом случае использованы измерения М. С. Акимовой с небольшими поправками. Описательные признаки определены повторно (МГУ, 9514—9558, 9636—9710, 9831—9834, 10598). Черепа из сборов казанского археолога А. Н. Стоянова были измерены на кафедре нормальной анатомии Казанского медицинского института (53—64, 65—70). Они найдены А. Н. Стояновым в 1871 г. при раскопках кладбищ (приблизительно XVII—XVIII вв.) у деревни Малый Сундырь, у Козьмодемьянска и Нурбель под Уржумом. В настоящее время не представляется возможным установить, какие черепа происходят из того или иного кладбища, — соответствующая документация утеряна. Но из каталога Н. М. Малиева видно, что у деревни Нурбель было добыто лишь пять черепов. Поэтому есть веские основания полагать, что подавляющее большинство находящихся в нашем распоряжении черепов происходит из кладбища у деревни Малый Сундырь и, следовательно, относится к горным марийцам.

Кроме этих серий в Музее антропологии МГУ были измерены черепа из марийских могильников, изученные Г. Ф. Дебецом (30, 3527—3535,

3373—3874), а также происходящие из случайных раскопок на марийских кладбищах примерно того же времени (1717—1718, 8885), а на кафедре нормальной анатомии Казанского медицинского института — небольшая серия черепов из Русско-Луговского могильника, раскопанного А. Х. Халиковым в 1956 г. и датируемого также XVII—XVIII вв. Весь этот материал включен в группу луговых марийцев на основании географического положения могильников. В нее же включены два черепа с марийского кладбища около Малмыша (из погребений, по-видимому, начала XIX в.), один череп из случайных находок, хранящихся на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии (57—58, 952), а также один череп из случайных сборов, находящийся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (5286—1).

Мордва. Изучение краниологии мордовского народа началось с работ С. М. Чугунова (1882). Основным итогом его исследовательской деятельности в Казани — раскопки кладбища на площади Старого Венца в Ульяновске, которое он также считал мордовским и относил его к мокше (Чугунов, 1878, 1879). После работ С. М. Чугунова краниологический материал из мордовских могильников XIV—XVII вв. был описан Г. Ф. Дебецом (1929, 1932а, 1948), М. С. Акимовой (1958, 1960) и Т. И. Алексеевой (1959).

Многие изучены все коллекции по краниологии мордвы, хранящиеся в Музеях антропологии МГУ и антропологии и этнографии АН СССР, а также на кафедрах нормальной анатомии Казанского медицинского института и Военно-медицинской академии. По коллекциям, которые изучались М. С. Акимовой и Т. И. Алексеевой, с разрешения авторов использованы их измерения (МГУ, 41—45, 47—60, 62—70, 222—228 — Бутский могильник; 1719—1733, 1740—10056—10058 — Муранский могильник; 8426—8428, 8430—8432, 8435, 8438, 8440, 8864—8866, 8878—8884 — Кужадонский и Сарлейский могильники; 9559—9635, 9835—9889 — Ново-Пырмский и Паёвский могильники) с дополнениями и поправками, целый ряд коллекций измерен вновь (МГУ, 1244—1246—1710—1716, 1750, 10256; МАЭ, 816, 3988—3, 6221; ВМА, 914; КМИ, 11, 893, 395—396, 398, 401—412, 414). К сожалению, мне не удалось разыскать черепа из Барабашинского и Аткарского могильников, изученные Г. Ф. Дебецом в Саратове и Куйбышеве, и они включены в подсчет по его измерениям.

Разбивка материала по хронологическим и территориальным группам не может считаться полностью безупречной как из-за трудности точной датировки многих могильников, так и вследствие неясности их этнической принадлежности. Сарлейский и Кужадонский могильники образуют серию терюхан. Основания для этого — их географическое положение и сопровождающий костяки археологический инвентарь. В эту же группу включены три черепа из мордовского могильника у Покровской церкви в Горьком, по-видимому, приблизительно того же времени. Мордва-эрзя представлена большой серией из Новой Пырмы, к которой присоединены два черепа из примерно синхронного кладбища у села Шугурова бывш. Симбирской губернии. Наконец, в группу мордвы-мокши объединены кладбища Ульяновской, Куйбышевской и Пензенской областей. Их этническая принадлежность вызывает наибольшие сомнения. Известно, что южная периферия ареала мордовского народа заселялась не только мокшей, но и эрзей (см. Козлов, 1960). Однако отделить эрзянские могильники от мокшанских, если они и были, пока невозможно (Алихова, 1949).

Муранский могильник, как известно, был сначала отнесен к XIV—XV вв. (Поливанов, 1896). Эта дата была повторена и при публикации новых материалов из этого могильника (Алихова, 1954). Однако А. П. Смирнов отметил в его инвентаре целый ряд находок более ранне-

го времени (Смирнов, 1952, 1957). Аналогичное наблюдение было сделано им и по отношению к Барбашинскому могильнику. На этом основании А. П. Смирнов отнес эти могильники к X—XIII вв. и высказал предположение, что они оставлены не мордвой-мокшей, а буртасами. Этническая принадлежность последних — до сих пор предмет острой дискуссии (Гольмстен, 1946; Алихова, 1949а; Васильев, 1960). Поэтому Муранский и Барбашинский могильники объединены в особую группу. В нее же включен и синхронный им Аткарский могильник (Арзютов, 1929).

Череп, добытые С. М. Чугуновым на площади Старого Венца в Ульяновске, выделяются высоким черепным указателем и несколько более плоским лицевым и носовым скелетом по сравнению с остальными мордовскими сериями. В погребениях с ними не было обнаружено никаких вещей, что может быть истолковано как свидетельство мусульманского обряда. Весьма вероятно, что этот могильник был оставлен каким-то немордовским населением. Поэтому он тоже выделен в отдельную группу.

Русские. Материалы по краниологии русского народа, находящиеся в нашем распоряжении, — двоякого рода. Частично они были собраны в конце XIX — начале XX в. при мацерации трупов в клиниках при медицинских факультетах университетов и на кафедрах нормальной анатомии, частично происходят из раскопок кладбищ последних веков. Другая группа получена при раскопках (как планомерных, так и случайных) кладбищ XVII—XVIII в.

Что касается краниологического материала, приготовленного при мацерации, то он практически может рассматриваться как полностью представительный для современного населения, так как отстоит от современности приблизительно на 60—80 лет. Поэтому при группировке данных этот материал условно рассматривается как характеризующий современное население, тогда как серии из кладбищ выделены в специальные группы по отдельным кладбищам.

Современный краниологический материал охватывает почти всю территорию нынешнего расселения русского народа, исключая Сибирь, по которой нет данных. Но территория Сибири выходит за пределы нашей темы. Группировка этого обширного материала по территориальным группам встречается с известными трудностями. В целом ряде случаев не указано точное место жительства и уезд, из которого происходили люди, умершие в клиниках, — информация о месте жительства ограничивается губернией. Поэтому основной территориальной единицей для группировки материала пришлось выбрать губернию, внося, однако, в это распределение известные коррективы при возможности по-уездной разбивки. Некоторые губернии оказались представленными малочисленными группами, но и в этих случаях я выделил их и рассматривал отдельно перед суммированием, чтобы не упустить из виду мелкие локальные различия. Весь материал хранится на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии и в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, в Музее антропологии при Московском государственном университете и на кафедрах нормальной анатомии Казанского и Одесского мединститутов. Часть его, хранящаяся на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии, была описана А. И. Таренецким (Tarenetzky, 1884), но его описание, как легко понять, охватывает коллекции, накопленные только к концу 70-х годов прошлого века. Средние по приведенным им индивидуальным данным были вычислены Дж. Морантом (Mogant, 1928).

Данные по северным районам европейской части СССР сгруппированы отдельно по бывшим Архангельской (ВМА, 198, 201—203, 207, 209, 212, 214—215, 217, 222—224, 661), Олонецкой (ВМА, 225, 227—228,

230, 232—233, 235, 237, 240—245; МАЭ, 1830—20), Петербургской (ВМА, 379, 386—388, 390—392, 394—401, 405—406, 408—417, 419—422, 426, 429, 431—433, 664, 786; МАЭ, коллекции 1880, 1831, 2222, 2282, 2303; Одесса, 606), Новгородской (ВМА, 502—506, 508—509, 511—517; МАЭ, коллекции 1830 и 2222) и Псковской (ВМА, 360—363, 365, 369, 372—375, 377—378, 381, 383, 386; МАЭ, коллекции 1830, 1989, 2222, 2272, 2303) губерниям. Затем эти данные объединены, так как все перечисленные губернии представляли собой в далеком прошлом области новгородской колонизации и население их может рассматриваться как потомки словен новгородских (см., например, Гадзяцкий, 1941; Насонов, 1951). Правда, есть исторические свидетельства о том, что Псков до начала новгородской колонизации входил в «кривичскую» территорию (Седов, 1953, 1960), а Архангельская земля заселялась русским населением не только из Новгорода, но и из Ростово-Суздальского княжества (Очерки..., 1953). Однако и в том и другом случае волна новгородской колонизации была гораздо более мощной, что и дает право суммировать данные по всем северным областям и противопоставлять их в целом центральным, западным и южным районам.

Данные по центральным областям распределены на пять групп — по бывшим Московской (ВМА, 97, 518—519, 521; МГУ, 630—632, 634—636, 802, 852, 869—870, 874—875, 885; Одесса, 605), Тверской (ВМА, 130, 200, 303—304, 307—311, 313—315, 319—322, 324, 326—327, 329—332, 334—335, 337, 340—341, 344, 346—350, 352—354, 356, 358, 887; МАЭ, коллекции 1830, 1831, 1989, 2222, 2282, 2303; МГУ 911, 973), Ярославской (ВМА, 92, 434, 437, 441—442, 444, 446—450, 452, 454—455, 457, 460, 463—464, 463, 471—472, 474, 479—480, 488—489, 492—493, 495, 498—501, 600; МАЭ, коллекции 1830, 1831, 1989, 2222, 2282, 2303; Казань, 699), Костромской (ВМА, 135 — номер отдела остеологии, 263, 265—268, 273—275, 277—278, 280—281, 284, 286—288, 293, 295—297, 299—302, 639; МАЭ, коллекции 1830, 1989, 2222; Одесса, 580—581) и Вологодской (ВМА, 256—249, 252—254, 258—262; МАЭ, коллекции 1830, 2222; Одесса, 374 — номер учебного музея, 610) губерниями. Основанием для последующего суммирования этих пяти групп — в сводную группу включены также единичные черепа населения бывших Владимирской (ВМА, 522—524; Одесса, 575) и Нижегородской (ВМА, 525; Одесса, 572) губерний — является то, что это области расселения кривичей (Третьяков, 1941, 1953, 1958). Правда, на территории бывш. Московской губернии известны и древности вятичей (Арцыховский, 1930; Соловьева, 1956; Никольская, 1959), но они располагаются в основном на юге и на востоке от Москвы, тогда как находящийся в нашем распоряжении материал происходит в основном из уездов к западу и к северу от Москвы, входивших в зону расселения кривичей. Небольшая серия из Рязанской губернии выделена и рассматривается отдельно, как характеризующая предположительно потомков вятичей (ВМА, 541—549, 551—556, 558—561, 563; МАЭ, 1830—37; Одесса, 476—477).

Серии по населению бывших Смоленской (ВМА, 528, 567, 569—571, 574—576, 578, 580—581, 583—584, 586; МАЭ, коллекции 1830, 2303; МГУ, 1508—1509) и Витебской (ВМА, 589—593, 595—597, 601—603, 610; МАЭ, коллекции 1830 и 1831; МГУ, 2626—2628) губерний, также входивших в границы обширной области древнего расселения кривичей, не включены при суммировании в общую «кривичскую» группу из центральных районов, а суммируются отдельно. Во-первых, это сделано потому, что на «кривичской» территории выделяются отдельные локальные группы памятников, в частности памятники смоленских и тверских кривичей, и, следовательно, суммируя материал по всей «кривичской» территории, можно проглядеть и некоторые антропологические различия между от-

дельными территориальными группами. Во-вторых интересные исследования В. В. Седова показали, что в составе западных кривичей можно предполагать наличие балтийской примеси (Седов, 1954, 1961). Правда, аргументация В. В. Седова встретила возражения (Соловьева, 1963). С другой стороны, она как будто поддерживается П. Н. Третьяковым (1963). Так или иначе известное своеобразие кривичских памятников западных районов налицо, а следовательно, оправдано и выделение западных групп русского народа и противопоставление их центральным.

Аналогичным образом выделен в самостоятельную группу материал по бывшим Калужской (ВМА, 530; МАЭ, 1830—45, 1831—16; МГУ, 1662—1664; Одесса, 466, 469, 471—472, 475) и Тульской (ВМА, 529, 531, 533—534, 538; МАЭ, 1830—5, 1831—13, 2222—6; МГУ, 1677—1681; Одесса, 486—489, 491, 493—496, 498—508, 510, 659) губерниям. Население последней губернии в эпоху позднего средневековья, по-видимому, включалось в состав Рязанского княжества и на протяжении всей своей истории испытывало интенсивное влияние со стороны рязанских вятичей (Монгайт, 1961). Но кривичский элемент и в Калужской и в Тульской земле всегда сохранял значительную роль, почему население их и целесообразно рассматривать отдельно как смешанное или, во всяком случае, характеризующееся своеобразными историческими судьбами.

Помимо районов, входящих в первоначальный ареал восточнославянских племен, следует, на наш взгляд, специально выделить данные по областям сравнительно поздней колонизации. На северо-востоке, востоке и юго-востоке — это серии из бывших Вятской (Казань, 27, 31, 50, 51 (все номера — по каталогу скелетов), 654, 673, 695, 698; Одесса, 616, 972), Казанской (Казань, 21, 23, 35, 46, 49, 80 (все номера — по каталогу скелетов), 442—444, 447—459, 658, 712, 715, 721—724, 729, 738, 742, 752, 758, 762—763, 768, 770—771, 773, 776—778, 782, 785, 787, 789, 791, 795—798, 801, 804—807, 816, 820, 843—847, 849—852), Симбирской (Казань, 485, 615—618, 620—631, 633—639, 641—643, 666—667, 670, 687; Одесса, 617) и Пензенской (ВМА, 565; МАЭ, коллекции 3988; Одесса, 568—569) губерний, на юге — из бывших Орловской (ВМА, 99; Одесса, 484, 511—513, 515—517, 520—524, 526, 528, 530—534, 537—538, 542—554, 553 — номер по старому каталогу) и Курской (Одесса, 555—562, 564, 566, 571, 632) губерний (Тихомиров, 1962). Две последние серии, как территориально близкие и относящиеся, по-видимому, к однородному в этническом отношении населению, после дифференциальной разбивки объединены. К ним прибавлены единичные черепа из Тамбова и Воронежа (ВМА, 564; МАЭ, 1830—18; Одесса, 574, 577—578). В состав серии из Симбирской губернии включен один череп уроженца бывшей Самары, в состав серии из Пензенской губернии — два черепа уроженцев Саратова, что оправдано как географически, так и этнографически. Кстати говоря, по отношению к населению Казанской и Симбирской губерний нарушен принцип разбивки данных на две группы — одну практически современную (мацерированные скелеты) и другую, происходящую из кладбищ. В суммарной серии из Казанской губернии объединены именные черепа от мацерированных скелетов и черепа, полученные при раскопках кладбища у Воскресенской церкви Н. М. Малиевым в 1879 г. и им же описанные (Малиев, 1888). Кладбище датируется, очевидно, концом XVII—XVIII в. В серии из Симбирской губернии объединены черепа, добытые при раскопках С. М. Чугунова в 1872—1878 гг. в Симбирске. С. М. Чугунов дал и первое описание этой серии (Чугунов, 1879). Все раскопанные С. М. Чугуновым кладбища приблизительно синхронны кладбищу у Воскресенской церкви в Казани. Объединение современных и более древних черепов в первом случае диктуется тем обстоятельством, что коллекция мацерированных черепов населения Казанской губернии слишком мала для того, чтобы ее можно было рассматривать отдельно,

а по Симбирской губернии современных материалов вообще нет. Во всех остальных случаях имеющиеся данные как по современному, так и по отстоящему от современности на несколько столетий населению одной территории выделены, что позволяет производить их порайонное хронологическое сопоставление.

Особую группу составляет краниологическая коллекция, относящаяся к населению Одессы конца XIX — начала XX в. и хранящаяся на кафедре нормальной анатомии Одесского мединститута (8—9, 102, 104, 108—109, 111, 113—119, 121—122, 125, 128—130, 135—137, 139—141, 143, 146—147, 150—151, 153—154, 155, 162—168, 171, 173, 176—178, 181—183, 185, 187, 190—192, 194, 200—202, 204, 206, 210, 212—213, 218, 220—224, 314, 379, 978). Этническая принадлежность в инвентарных книгах не указана, но указано вероисповедание — православное. Таким образом, в серии могут быть представлены как русские, преимущественно, конечно, южных районов, так и украинцы. Первые, очевидно, составляли среди православных так называемого мещанского сословия (именно это сословие в первую очередь и представлено) города Одессы подавляющее большинство. Не исключено, конечно, что в серию попали отдельные черепа крещеных евреев или представителей других национальностей, но такие случаи, разумеется, единичны. В целом серию можно считать принадлежащей русскому населению с небольшой, возможно, примесью украинского. В нее включено несколько черепов православного населения городов Крыма, которое в основной его массе также было русским (Одесса, 227—229, 231, 239, 242—243, 245, 977, 980—981).

Помимо краниологических материалов, характеризующих близкое к современности население, в работу включены и некоторые результаты краниологического изучения населения XVII—XVIII вв. О сериях из Казани и Симбирска уже упоминалось. К ним могут быть прибавлены еще две — из Старой Ладogi и из Себежа. Первая хранится в МАЭ (коллекция 6187, 5720, 5758, 5681), вторая получена автором при раскопках старого кладбища в пределах самого города Себежа и хранится также в МАЭ. Кроме них, можно было бы ввести в анализ краниологический материал из московских кладбищ. Он в большом количестве хранится в Музее антропологии при МГУ. Но происхождение, а самое главное датировка его в подавляющем большинстве случаев недостаточно ясны — это плоды случайных раскопок чаще всего без сохранившейся документации. Установить более или менее точную датировку кладбищ, из которых происходят хранящиеся в МГК серии, можно по времени функционирования церквей, но это требует больших, иногда архивных разысканий и должно составить тему отдельной крупной работы. Кроме этого, специфика материала, как отражающего антропологические особенности городского населения, делает его плохо сопоставимым с другими нашими данными, которые почти всегда относятся к сельскому населению. Анализ этой специфики и ее учет требуют специальных приемов. Поэтому мы и ограничиваемся, кроме двух серий XVII—XVIII вв. из районов очень поздней русской колонизации (Казань и Симбирск), еще только двумя сериями из районов средневекового расселения предков русского народа — из Себежа (кривичи западной группы) и Старой Ладogi (словене), введя их в таблицы просто для сравнения. Данные о московских сериях, полученных при раскопках, проведенных до Великой Отечественной войны, можно почерпнуть из работы Т. А. Трофимовой (1947).

Белорусы. Краниологические материалы по белорусам малочисленны и явно мало пригодны поэтому для суждения о краниологических особенностях многомиллионного народа. 16 черепов из разных областей Белоруссии на кафедре нормальной анатомии Одесского медицинского института (433—436, 439, 441—442, 445, 449, 451, 455, 458, 482, 485, 976)

Рис. 1. Карта географических местоположений исследованных серий

1 — западные латыши XVII—XVIII в.; 2 — западные латыши; 3 — восточные латыши; 4 — Люцинский могильник; 5 — литовцы; 6 — саамы; 7 — финны; 8 — эстонцы; 9 — ижорцы; 10 — карелы; 11 — коми-пермяки; 12 — северные удмурты; 13 — южные удмурты; 14 — горные марийцы; 15 — луговые марийцы; 16 — мордва-эрзя; 17 — мордва-мокша; 18 — мордва-терюхане; 19 — средневековая мордва; 20 — могильник на площади Старого Венца (Симбирск); 21 — русские (Архангельская губ.); 22 — русские (Олонекская губ.); 23 — русские (Петербургская губ.); 24 — русские (Новгородская губ.); 25 — русские (Псковская губ.); 26 — русские XVII—XVIII вв. (Старая Ладога); 27 — русские XVIII в. (Себеж); 28 — русские (Витебская губ.); 29 — русские (Смоленская губ.); 30 — русские (Вятская губ.); 31 — русские (Вологодская губ.); 32 — русские (Костромская губ.); 33 — русские (Ярославская губ.); 34 — русские (Тверская губ.); 35 — русские (Московская губ.); 35 — русские (Рязанская губ.); 37 — русские (Тульская губ.); 38 — русские (Калужская губ.); 39 — русские (Орловская губ.); 40 — русские (Курская губ.); 41 — русские (Казань); 42 — русские конца XVII—XVIII вв. (Казань); 43 — русские конца XVII—XVIII вв. (Симбирск); 44 — русские (Пензенская губ.); 45 — русские с украинской примесью (Одесса); 46 — украинцы центральных районов; 47 — украинцы восточных районов; 48 — украинцы южных районов; 49 — украинцы западных районов; 50 — белорусы

и один череп белоруса на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии (788) — это все, что мне удалось разыскать среди музейных коллекций. Поэтому получение полноценного материала по белорусам — одна из важнейших задач изучения краниологии Восточной Европы. Автор для этой цели раскопал в 1958 г. несколько поздних кладбищ в Могилевской области. К сожалению, они не дали никакого краниологического материала, не сохранившегося, по-видимому, в условиях особого химизма почвы.

Украинцы. Основная часть изученных черепов хранится в Музее кафедры нормальной анатомии Одесского медицинского института. Они получены при мацерации трупного материала в различных клиниках Одессы в конце прошлого века. Регистрационные книги музея содержат сведения о месте рождения, вероисповедании, поле и возрасте умерших. Можно предполагать, что среди лиц христианского вероисповедания, родившихся на Украине, могли оказаться русские, но, несомненно, они составляют незначительное меньшинство. Большинство черепов было описано В. И. Бушковичем (Buschkowitsch, 1927, 1928), но по устаревшей методике. Мною они измерены повторно (248—249, 251, 253, 258—260, 262, 264, 266—268, 270, 274—275, 279, 281, 285—288, 292, 297—300, 303, 305, 309, 312, 316, 318—320, 328—330, 334, 336, 338—345, 353, 355—359, 361—365, 367, 370—377, 380, 383—385, 387—388, 390—369, 398—400, 403, 405, 408, 410—411, 413—416, 418—420, 422, 424—426, 432, 437—438, 443, 924—925, 973—986).

Остальной материал хранится в Музее антропологии МГУ и Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. В Музее антропологии МГУ он занесен в инвентарные книги под номерами 2336—2339 и 2244—2260. Первая серия доставлена М. А. Малиновским и относится к близкому к современности населению Харьковской губернии, вторая — И. А. Зарецким и получена при раскопках кладбища у Спасской церкви города Полтавы. На основании находок монет раскопанные погребения датируются концом XVIII в. В Музее антропологии и этнографии АН СССР украинские черепа хранятся под инвентарными номерами 3988—1, 5036 и 5142. Череп 3988—1 доставлен В. Г. Украинским в 1929 г. из патологоанатомического кабинета города Пензы. Черепа, хранящиеся под номером 5036, были доставлены из Харькова проф. Струве в 1846 г. Изображение одного из них уже фигурировало в литературе (Ваег, Wagner, 1861, стр. 85). Черепа, хранящиеся под номером 5142, были переданы в Музей проф. Вальтером в 1860 г. Они были получены при раскопках кладбища при Троицкой церкви в Киеве и датируются XVII—XVIII вв.

Территориальная разбивка материала произведена в соответствии с указанным в инвентарных книгах музеев, где этот материал изучен, старым административным делением. Но малочисленные серии из бывших губерний объединены в более крупные территориальные группы. К южной группе отнесены черепа из Херсонской и Екатеринославской губерний, к восточной — из Харьковской и Полтавской, к центральной — из Киевской и Черниговской, наконец, к западной — из Волынской и Подольской (рис. 1).

МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Методический подход к антропологическому материалу, как легко понять, во многом определяется истолкованием имеющих данных о закономерностях наследственной передачи расовых признаков. К сожалению, эти данные противоречивы и пока не позволяют прийти к однозначному решению. Все же в целом ряде пунктов они дают возможность сделать определенные выводы.

Основной из них, имеющий первостепенное значение для расового

анализа, это независимость передачи по наследству расовых признаков. Все случаи наследования признаков целым комплексом, которые, кстати говоря, сейчас неплохо изучены (Haldane, 1936; Haldane, Smith, 1947; Neel, Schull, 1954; Mohr, 1954) и которые могут быть представлены либо в виде плейотропии, либо в виде комбинированного действия нескольких наследственных факторов, относятся в основном к генетике патологий. Единичные данные о связи пигментации с полом (Julien, 1937) или пигментации с группами крови (Dzierzykrai-Rogalski, Olekiewicz, 1958) носят пока случайный характер, относятся к признакам с простой наследственной структурой и ни в коем случае не могут быть распространены на большинство морфологических особенностей, наследование которых управляется, очевидно, многими наследственными факторами (Cates, 1964; Stern, 1960). Все эти обстоятельства мешают принять гипотезу наследования расовых признаков целым комплексом, интенсивно защищаемую польскими антропологами (Wiercinski, 1958, 1962; Верцинский, 1962; Michalski, 1962) и в особенности Я. Чекановским (Czekanowski, 1921, 1921a, 1925, 1928; Чекановский, 1962).

Я. Чекановский утверждал, что его гипотеза, ставящая знак равенства между всем комплексом расовых признаков и одним наследственным фактором, основывается на правилах Менделя. Между тем плейотропия и сцепление наследственных факторов, в форме которых только и можно представить себе реальное проявление равенства, «расовый тип — наследственный фактор», являются исключением из правил Менделя. Однако это соображение не носит принципиального характера. Гораздо менее приемлемо перенесение на наследование расовых признаков старой гипотезы Ф. Бернштейна, разработанной для групп крови системы АВО и постулирующей управление их наследованием тремя аллеломорфными факторами (Bernstein, 1925, 1925a, 1928, 1930, 1931). Нет надобности доказывать, что раса представляет собой гораздо более сложное явление даже в морфофизиологическом отношении, чем те или иные биохимические характеристики человеческого организма. Поэтому закономерности наследования последних нет оснований переносить на наследственную передачу целой совокупности морфофизиологических свойств, неоправданно рассматривая их при этом как неразрывный комплекс. И это уж не говоря о том, что гипотеза Ф. Бернштейна вызывает сейчас некоторые возражения и с фактической стороны (Wiener, 1953; Dausset, 1956). Впрочем, успехи генетики вообще прошли мимо Я. Чекановского, который вместо их серьезного разбора реагировал на них только утверждениями об умозрительном характере трактовки результатов генетических исследований (Czekanowski, 1962). На это уже указывали многие критики гипотезы Я. Чекановского (Дебец, Игнатъев, 1938; Дебец, 1959, 1962; Алексеев, Трофимова, Чебоксаров, 1962; Aleksiejew, 1958; Алексеев, 1962).

Гипотеза независимого наследования расовых признаков получает ощутимое подтверждение также и в морфологических данных. Я имею в виду связь между признаками, выражаемую коэффициентами корреляции. Анализ соотношений основных элементов лицевого скелета и черепной коробки с помощью коэффициентов корреляции производился многократно (Pearson, Davin, 1924; Hooton, 1925, 1930; Wallis, 1934; Рогинский, 1954). Неоднократно указывалось и на малую связь отдельных элементов мягких тканей лица между собой, служащих для разграничения расовых типов (Рогинский, 1941; Дебец, 1951). Вопрос ввиду своей важности нуждается в специальном и очень серьезном исследовании. Основная задача такого исследования — выявление зависимости между тесной морфологической связью отдельных расовых признаков и их значением для дифференциации расовых комплексов. Есть основания полагать, что эта зависимость будет, во-первых, положительна, во-

вторых, достаточно высока. Иными словами, наибольшая степень дифференциации отдельных расовых комплексов, по-видимому, осуществляется по признакам, в наименьшей мере связанным между собой. Но и без такого исследования уже сейчас ясно, что морфологические признаки, служащие для характеристики основных расовых делений, не обнаруживают высоких коэффициентов связи между собой. Этот бесспорный факт трудно согласовать с гипотезой наследования расовых признаков целым комплексом и, наоборот, он легко понятен с позиций противоположной гипотезы независимого наследования.

Из этой гипотезы закономерно вытекает представление о расе как о популяции, представление о сложении расовых признаков в определенные комплексы только в пределах группы индивидуумов, а не у отдельного индивидуума. Разный характер сочетаний признаков у индивидуума и в пределах популяции, в пределах гомогенной популяции и группы популяций, другими словами, разный характер межгрупповой и внутригрупповой изменчивости, продемонстрированный целым рядом исследователей (Fawcett, 1902; Jacob, Lee, Pearson, 1903; Tschepoukowsky, 1905; Чепурковский, 1913) и уже использованный в расовом анализе (Ярхо, 1932, 1933, 1934; Дебец, 1947), лучше, чем любые другие факты, демонстрирует плодотворность такого понимания расы. А оно в свою очередь ставит вопрос об использовании и границах применения в расовом анализе индивидуально-типологического метода, т. е. о правомерности определения расового типа индивидуума.

Полемика по этому поводу возникла с первых шагов расогенетических исследований, примером чего является острая дискуссия между А. Терекем и К. Пирсоном в начале века (Tègèk, 1903; Pearson, 1903). Наиболее последовательное обоснование применимости метода индивидуальной типологии содержится в работах польских исследователей (Czekanowski, 1954; Henzel, Michalski, 1955; Michalski, 1949, 1953, 1957), для которых он является практически единственным приемом анализа как палеоантропологических, так и соматологических данных. Но широкое применение он нашел и в других странах — Венгрии (Bartucz, 1960, 1961; Bartucz, Farkas, 1956, 1957, 1958; Liptak, 1950, 1951, 1953, 1953a, 1954, 1955, 1957, 1957a, 1961; Liptak, Farkas, 1962; Nemeskéri, 1951, 1954, 1955, 1956, 1956a; Wenger, 1952, 1953, 1955), Румынии (Necrasov, 1961; Necrasov, Cristesco, 1957, 1961; Хаас, Максимилиан, 1958; Maximilian, 1962), Чехословакии (Mala, 1961; Hanulik, 1961; Vlcek, 1957; Elinek, 1959; Stloukal, 1962), ФРГ (Gerhardt, 1951, 1953, 1953a), Австрии (Ehgartner, 1959), Франции (Vallois, 1940; Vallois, Ferembach, 1962). Разумеется, здесь указаны лишь основные работы. В действительности их число может быть значительно увеличено. Даже в Соединенных Штатах Америки, где в целом развивается популяционный подход к антропологическому материалу, продолжают выходить в свет работы и противоположного направления, основанные на визуальном выделении типов, подсчете их процентного соотношения и т. д. (Briggs, 1955; Newman, 1957; Hooton, Dupertuis, 1955) и восходящие, очевидно, к традициям Э. Хутона (Hooton, 1925, 1930).

В Советском Союзе приемы индивидуально-типологического определения особенно широко применяют М. С. Акимова (1947, 1960, 1963), В. В. Гинзбург (1951, 1951a, 1954, 1956, 1963, 1963a), Т. А. Трофимова (1958, 1958a, 1959, 1961, 1963), а также Б. В. Фирштейн (1961, 1963), но иногда эти приемы используются и другими учеными (Гохман, 1958; Зіневич, 1960, 1962; Кияткина, 1961; Соколова, 1958, 1958a, 1960, 1963). Преимущественное распространение они находят в палеоантропологии, тогда как в анализе соматологического материала они применялись раньше (Ярхо, 1932, 1933; Трофимова, 1949), но теперь оставлены. Теоретическое обоснование использования типологической методики, одна-

ко, менее последовательно в данном случае, чем, скажем, в польской антропологической литературе, и сопровождается даже признанием принципа независимого наследования расовых признаков (см. Алексеев, Трофимова, Чебоксаров, 1962), критикой индивидуально-типологических схем Я. Чекановского (Гинзбург, Трофимова, Чебоксаров, 1963) и т. д.

Коль скоро мы признали независимый характер наследования расовых признаков и рассматриваем расу как популяцию, мы имеем полное основание высказаться против возможности определения расового типа индивидуума. Совершенно очевидно, что у индивидуумов расовые признаки складываются в случайные сочетания, не совпадающие с историческими корреляциями тех же признаков. Сложная мозаика этих сочетаний может быть классифицирована в типы либо при игнорировании исторических корреляций, либо при пренебрежении морфологической стороной дела. Действительно, при типологическом разложении какой-нибудь краниологической серии на составляющие ее компоненты и выделении в ней типов, отождествляющихся с единицами существующих расовых классификаций, часто оставляются без внимания значительные отклонения в вариациях отдельных признаков, т. е. осуществляется «подгонка» морфологических сочетаний под исторические корреляции. С другой стороны, если этого не делается и типы выделяются по морфологической рубрикации отдельных особенностей, чаще всего традиционно связанных с формой черепной коробки и лицевого скелета (долихокранные типы, лентопрозопные типы и т. д.), то такое выделение, игнорируя характер и направление исторически сложившихся связей между признаками, бессильно приблизит исследователя к пониманию генезиса изучаемой группы.

Другой существенный недостаток индивидуально-типологической методики заключается в том, что она полностью пренебрегает широко известным и твердо установленным фактом эволюционной биологии — изменчивостью, проявляющейся в любой, даже гомогенной популяции. Изменчивость — это характерное свойство всего живого, такое же, как обмен веществ или размножение, и человек не составляет в этом отношении исключения. Казалось бы, это очевидное положение само по себе должно было предостеречь краниологов от выделения типов в серии из нескольких черепов, при котором число типов часто равно количеству черепов. Пределы и закономерности изменчивости расовых признаков в гомогенных популяциях также изучены достаточно обстоятельно (Johannsen, 1909; Филиппенко, 1926; Игнатъев, 1951). Статистические характеристики этой изменчивости можно найти в любом достаточно полном руководстве по статистике (Игнатъев, 1959; Weber, 1962). Так, если две краниологические серии различаются на пять единиц черепного указателя, квадратическое отклонение которого равно примерно 3,0, то статистически реальной при уровне значимости 0,01 эта разница будет только при 30 наблюдениях на серию. При визуальном выделении типов в малочисленных палеоантропологических сериях (а они часто состоят меньше, чем из 30 черепов) статистические критерии значимости различий просто не применяются, будто их и нет. Но в конечном итоге это равносильно тому, что несуществующей молчаливо признается важнейшая отрасль современной биологии — биометрия, как раз в последние годы достигшая больших успехов.

Наконец, индивидуально-типологический анализ опять-таки без серьезного обоснования ставит знак равенства между фенотипическим комплексом и его генетической обусловленностью, т. е. не учитывает возможности параллельного и генетически независимого возникновения сходных, а иногда и тождественных морфологических комбинаций признаков при смешении, например. Очень часто реальное существование какого-нибудь морфологически специфического типа в серии истолковывается как факт

генетического значения, а между тем он образовался просто в результате смешения двух других компонентов, и более внимательный морфологический анализ этих компонентов дает возможность показать это с достаточной ясностью.

Все сказанное не означает призыва к полному отказу от типологического анализа. При механическом смешении, т. е. тогда, когда в материале представлен первый этап смешения, падающий на первое поколение, типологический внутригрупповой анализ может оказать существенную помощь в определении места серии в расовой систематике. И в этом случае следует предпочесть рассмотрение коэффициентов корреляции визуальному выделению типов, сопровождая его, конечно, морфологическим анализом. Но такая счастливая возможность фиксировать первое поколение после начала смешения при существующей очень общей, охватывающей чаще всего несколько веков датировке могильников выпадает на долю исследователей крайне редко и практически представляет собой нечто исключительное. Иное дело, когда в силу неясности археологической характеристики могильников материал объединяется в группы, не отражающие древние этнические или социальные границы. Но и такие случаи мало типичны, так как чаще всего единицей палеоантропологического исследования является могильник. Тем меньше типичны они для краниологических материалов, которые, как правило, добываются при раскопках кладбищ, функционирующих не одно столетие.

В итоге мы приходим к выводу, что основной базой для сопоставлений должна быть средняя арифметическая с характеризующими ее параметрами. Как совершенно справедливо писал Г. Ф. Дебец, «даже при заведомой смешанности группы она дает указание на направление отличий, что не менее важно, чем степень» (Дебец, 1948, стр. 29). Но заведомой смешанности следует, разумеется, избегать. Для этого следует объединять материал по как можно более мелким категориям — могильникам, небольшим территориальным группам и т. д. Могильники и кладбища, охватывающие большой отрезок времени и давшие большой материал, следует при возможности дифференцировать на хронологические группы. Одним словом, в идеале единицей исследования должна быть все же гомогенная группа. Но гомогенность (повторяю, хотя речь идет об очевидном факте, но забытом в пылу увлечения типологическим анализом) не следует понимать как полную тождественность объектов исследования. Достаточно, если параметры изменчивости в исследуемой группе, в частности исследуемой краниологической серии, совпадают с аналогичными величинами, стандартными для гомогенных популяций. Итак, арифметическая средняя, вычислявшаяся при постоянном стремлении автора достичь максимальной однородности изученных серий, — основа всех дальнейших сопоставлений.

На первый взгляд всем приведенным рассуждениям противоречит определение доли исходных компонентов в смешанных популяциях, что автор проделывал неоднократно (Алексеев, 1961, 1963, 1963а). По существу аналогичная операция, хотя удельных вес исходных компонентов выражался не в процентах, произведена и в моих работах по краниологии хакасов (Алексеев, 1960, 1963б). Г. Ф. Дебец разработал приемы таких определений (Дебец, 1956, 1961а), соединяя их с популяционным подходом к палеоантропологическому исследованию (см., например: Дебец, 1948). В той форме, в какой эти приемы использовались мною, они получили резкую отповедь (Гусева, 1963). Не останавливаясь на ней, так как я отвечаю на нее в другом месте (глава 3), укажу на правомерность подсчета доли исходных компонентов в смешанной популяции в тех случаях, когда популяция заведомо смешана, что может быть продемонстрировано, например, историческими или археологическими данными, когда в смешении приняли участие только два компонента и когда,

наконец, подсчет производился по признакам, связанным между собой высокой исторической корреляцией. Исходной предпосылкой такого подсчета является представление о пропорциональности величин признаков в смешанной группе доле исходных компонентов, но оно находит поддержку по отношению к количественным признакам (Мацокин, 1904; Ярхо, 1947; Дебец, 1951; Trevor, 1953), а именно, к этой категории относятся подавляющее большинство краниологических признаков, с которыми приходится работать в настоящее время. Вопрос этот в целом имеет второстепенное значение для нашей темы, но я остановился на нем во избежание дальнейших недоразумений.

После работ Е. М. Чепурковского нет надобности доказывать значение географического распределения признаков для определения их древности, а следовательно, и таксономической значимости. Большую роль при этом, как справедливо отмечал Г. Ф. Дебец (1951), играет не только широта, но и компактность ареала. Последняя должна сочетаться с дисперсным распределением признаков более низких таксономических категорий и только в этом случае свидетельствует о древности основного комплекса признаков и его высокой таксономической значимости. Такой подход к филогении признаков через их географию и выделение ведущих комплексов представляется мне гораздо более перспективным и действенным, чем все способы их оценки, основанные на широком применении статистики. Старые статистические приемы для межгрупповых сопоставлений — коэффициент расового сходства, первые редакции метода П. Чекановского страдали, как правило, недоучетом морфологической связи признаков между собой. Новые гораздо более мощные методы — обобщенный показатель расстояния (Mahalanobis, Majumdar, Rao, 1941; Игнатъев, Пугачева, 1961), дискриминантная функция (Fischer, 1938), дисперсионный анализ (Hiegnaux, 1956) учитывают степень связи между признаками и их изменчивость, но это обстоятельство помогает избавиться только от статистической и частично морфологической их неравноценности, не давая возможности привлечь в полной мере такие важные при их оценке факторы, как характер географического распределения и историческая корреляция. Поэтому, не разделяя скептического отношения к введению статистических методов в антропологию (Boyd, 1958) и присоединяясь в общей форме к мнению тех исследователей, которые придают им большое значение (Верцинский, 1956; Leguebe, 1962; Knusman, 1962), я все же считаю их вспомогательными.

Итак, географический метод Е. М. Чепурковского в той форме, которую он приобрел после некоторых модификаций и дополнений, в последние годы выбран в качестве основного при анализе материала и является базой всех дальнейших сопоставлений. После первой предпосылки для такого анализа, заключающейся в независимом наследовании признаков, из чего автоматически вытекает отрицание индивидуально-типологической оценки и утверждение популяционного подхода к расе, вторая предпосылка как раз и заключается в признании первостепенного значения географического критерия для установления генезиса расовых типов. Из нее также автоматически вытекает представление об их соподчинении. Третья предпосылка — качественно различный характер расообразования в зависимости от степени изоляции (географической или социальной) и интенсивности смешения, на чем нужно остановиться особо, так как контуры этой проблемы приобрели некоторую определенность лишь в последние годы, а сама проблема является предметом острой дискуссии.

Все предложенные до сих пор схемы группировки человечества по антропологическим признакам, количество которых, очевидно, превышает несколько десятков и которые иногда очень резко различаются по принципам группировки, числу выделенных типов, порядку их соподчи-

нения, имеют одну общую особенность — они подразумевают под процессом расообразования постепенную дифференциацию человечества на все более мелкие расовые варианты. История расовых типов, следовательно, графически может быть изображена в виде родословного древа (см., например; Бунак, 1956; Дебец, 1958) или нескольких вписанных один в другой кругов со все более узкими секторами (Рогинский, Левин, 1955, 1964). В принципе такое изображение не отличается от графических схем, используемых в ботанике (Гроссгейм, 1945, 1948) и зоологии (Gregory, 1951). Различные антропологические типы отличаются один от другого количественно, но не качественно, по количеству общих признаков, а не по характеру процессов формообразования, по степени дифференциации, но не по специфике самих типов. Между тем такое понимание процесса расообразования у человека не отражает его специфики, а изображение его в виде симметричного родословного древа или круга, разбитого на секторы, не охватывает путей и форм расообразовательного процесса и не только схематизирует, но и извращает его содержание.

Первые бреши в традиционном понимании расы были пробиты фактами, свидетельствующими о чрезвычайной динамичности расовых категорий, — быстрым изменением серологических характеристик в условиях изоляции, эпохальным изменением признаков и т. д. Американские исследователи считают началом динамического понимания расы 1950 год — год известного симпозиума по количественной биологии, на котором было сделано большое число докладов об изменении расовых признаков во времени (см. Garn, 1960). Справедливости ради следует отметить, что в советской антропологической литературе эти факты освещались значительно раньше (Дебец, 1936; Бунак, 1938). В настоящее время количество их растет с огромной быстротой, что настоятельно требует их теоретического осмысления и если не выработки новой, то значительного обновления старой концепции расы.

Сплошное обследование обширных контингентов населения на больших территориях показало, что четко очерченные морфологические комплексы признаков, положенные в основу старых классификаций, на самом деле не имеют такой четкой определенности ни в морфологическом, ни в географическом отношении и очень часто связаны между собой цепочкой переходных форм. Это обстоятельство ясно продемонстрировало непостоянство, текучесть расовых категорий не только во времени, но и в пространстве. С другой стороны, широкое изучение серологических факторов и их географического распространения (Mourant, 1954, Walter, 1962; Prokor, 1963), дерматоглифических показателей и некоторых физиологических признаков в разных территориальных группах (Schwartzky, 1962; Chamla, 1963) обнаружило несовпадение географических вариаций по отдельным системам и привело к выделению расовых типов, например, по групповым факторам крови, расовых типов, не совпадающих с единицами расовой классификации человечества по морфологическим признакам (Boyd, 1950, 1958a). Этот факт показал, что раса представляет собой не морфологическую, а морфофизиологическую категорию, и открыл множество локальных вариантов в современном человечестве, внутри которых вариации отдельных систем группируются самым разнообразным образом (см., например, A survey..., 1962).

Потеря расовыми категориями четкой морфологической специфики и определенных географических границ на протяжении последних полутора-двух десятилетий интенсивных исследований привела некоторых исследователей к полному изменению старых представлений о расе, к коренной ломке сложившейся концепции расообразования у человека, что нашло свое выражение прежде всего в отрицании реального существования расовых категорий (см., например, Livingstone, 1962). Однако

такая революция во взглядах на расу не встретила поддержки. Наоборот, в ходе дискуссии по этому вопросу выявилось, что подавляющее большинство сторонников взгляда на расу как на категорию, не имеющую определенных морфологических и географических границ, признает тем не менее реальное существование расовых типов (Dodzhansky, 1962; см. также Current anthropology, 1962). Синтез обоих этих воззрений найден в представлении о расе как об эпизоде в эволюции, как о реально существующем, но быстро меняющемся явлении, ознаменованном в каждом отдельном случае кратковременный период в морфологической перестройке человечества (Hulse 1962).

Оборотная сторона такой теоретической платформы, во многом соответствующей, нужно признаться, современному состоянию фактических данных, состоит тем не менее в недооценке случаев четкой выраженности (морфологической и географической) расовых типов, чаще всего в условиях взаимной изоляции и значительного постоянства их на протяжении длительных отрезков времени. Один из примеров рассмотрен в статье о происхождении населения центральных предгорий Кавказского хребта (Алексеев, 1963б). Поэтому будет правильным, как мне представляется, объединить традиционную идею о симметричности процесса расообразования и представления о текучести расовых категорий в единую концепцию асимметричного расообразования у человека. Основа такой концепции — разная динамика расообразовательного процесса в различных географических зонах и, следовательно, признание качественного своеобразия единиц расовой систематики не только по уровню дифференциации и объему входящих в их состав более мелких единиц, но и по морфологической специфике, по характеру сочетаний признаков, наконец, по степени выраженности отличительных особенностей того или иного расового типа. Антропологический тип при таком понимании перестает быть единственной единицей и основной ячейкой расовой классификации и превращается лишь в один из способов выражения многообразия расовых категорий.

С целью конкретизации изложенного взгляда целесообразно ввести два понятия — уровень дифференциации и степень морфологической специфичности. Под первым подразумевается, насколько далеко зашло расхождение расовых категорий между собой, под вторым — характер сочетаний признаков внутри них. Если мы сталкиваемся с высоким уровнем дифференциации и достаточную степень морфологической специфичности, правильной будет, очевидно, группировка морфологических комплексов по принципу симметричного родословного дерева. Если же, наоборот, дифференциация не зашла сколько-нибудь далеко, а морфологическая специфичность расовых комплексов не выражена сколько-нибудь отчетливо, то группировка их по принципу соподчинения, по-видимому, неоправдана. Они представляют собой в этом случае пучок равноценных вариантов, сложно перекрещивающихся друг с другом в своем происхождении. Графически такие взаимоотношения могут быть изображены в виде пучка сложно перекрещивающихся линий. Весь процесс расообразования, следовательно, может быть представлен графически в виде асимметричного куста с ветвями разной толщины и разной графической насыщенности (сплошные ветви или ветви, состоящие из отдельных пересекającychся линий).

Эти по необходимости беглые замечания нуждаются, разумеется, в серьезной аргументации, что автор и собирается сделать в специальной работе. Здесь же отметим лишь, что они подводят нас к признанию еще большей качественной специфики расообразовательного процесса у человека по сравнению с расообразованием у животных, чем это было до сих пор. Различный характер расовых группировок человечества в разных географических областях подчеркивает их отличие от географиче-

ских рас животных, таксономически равноценных и качественно однородных по всему ареалу вида.

Возвращаясь от обсуждения кардинальных теоретических вопросов расоведения и к конкретным задачам расового анализа, мы должны констатировать, что последний начинается не с отнесения исследуемой группы к тому или иному антропологическому типу, как это почти всегда делается, а с определения характера расообразовательного процесса. Отнесение изучаемой группы к тому или иному расовому комплексу с определенным систематическим положением не может быть предпосылкой исследования, так как такой предпосылкой должно быть установление факта самой правомерности такой операции. Лишь после того, как это установлено на основании закономерностей географического распределения признаков и четкости совпадения их вариаций в отдельных зонах, можно переходить к таксономическим операциям и определять положение изученных групп в расовой систематике, пользуясь при этом, конечно, комплексом ведущих признаков. В принципе такой анализ чаще всего возможен и оправдан в условиях географической (иногда социальной) изоляции при отсутствии смешения и вообще влияния иных этнических и расовых компонентов на протяжении длительных промежутков времени.

При анализе антропологических материалов с обширной территории, лишенной резких географических рубежей и к тому же заселенной однородным в этническом отношении населением (а мы столкнемся с таким случаем при изучении краниологии русского народа), такой метод исследования неприменим. Процесс расообразования в этом случае и дивергентное расхождение территориальных комплексов между собой определяются в основном размерами круга брачных связей. В принципе уровень дифференциации и здесь должен быть выше по мере географической разобщенности групп. Но в дело вмешивается значительная локальная изменчивость от случайных причин, которая незаметна при интенсивно идущем процессе расообразования, но играет существенную роль при малой выраженности морфологической специфичности. Изучение изменчивости такого типа только еще начинается (Schwidetzky, 1937, 1950, 1962; Hulse, 1957; Бунак, 1962; Алексеева, 1964), и оно обещает дать интересные результаты, особенно в части выяснения относительного значения географической удаленности и разных типов социально-исторических барьеров. Однако и сейчас ясно, что сопоставление по комплексу ведущих признаков в этом случае не дает ощутимых результатов, в первую очередь из-за невозможности выделить такой комплекс.

Мне думается, что единственным способом сравнения групп с целью выяснения их генетических взаимоотношений остается здесь суммарное сопоставление по многим признакам. Правда, оно не избавляет от ошибок, так как при нем параллельно возникшее сходство может быть принято за генетическое родство. Но известной превентивной мерой может послужить, во-первых, привлечение к анализу как можно большего числа признаков, не связанных высокой морфологической корреляцией, по которым, чем их больше, тем вероятность совпадения меньше, и, во-вторых, сопоставление по полимерным признакам, меньше подверженным случайным колебаниям. При работе с краниологическим материалом сопоставление по полимерным признакам вообще, к счастью, является почти единственной возможностью. Таким образом, мы возвращаемся к известной реабилитации суммарного сопоставления по комплексу признаков. Ведь теоретическая предпосылка такого сопоставления состоит в таксономическом уравнивании признаков между собой, а оно как раз и оправдано при слабой дифференциации и невыраженности морфологической специфичности.

Сложные приемы суммарного сопоставления по большому числу признаков, учитывающие их изменчивость и корреляцию между собой, разумеется, лучше сопоставления по сумме отклонений, но они очень трудоемки. Однако при достаточно тщательном эмпирическом выборе некоррелированных или, вернее говоря, слабо коррелированных признаков и взвешивании разниц с помощью стандартных квадратических отклонений, как это автор уже проделал в одной из работ (Алексеев, 1962а), можно получить удовлетворительные результаты.

Сформулирую некоторые итоги.

1. Расовые признаки передаются по наследству не комплексом, а независимо.

2. Независимое наследование расовых признаков приводит к отрицанию индивидуально-типологических систем анализа антропологического материала и к утверждению популяционного подхода к расе.

3. Основой сопоставления является средняя арифметическая с характеризующими ее параметрами изменчивости, вычисляемая по возможности для гомогенных групп.

4. Определение процентного соотношения разных типов в составе группы возможно в отдельных случаях (заведомая смешанность группы, заведомое участие в образовании ее антропологического состава только двух определенных типов, высокая корреляция между признаками, разграничивающими эти типы), но оно осуществляется не с помощью внутригруппового анализа, а по межгрупповой шкале.

5. Географический критерий является основным для восстановления генезиса расовых признаков и установления родства расовых группировок человечества.

6. Процесс расообразования у человека асимметричен и характеризуется разным уровнем дифференциации и разной степенью морфологической специфичности в различных областях эйкумены в зависимости от силы действия изоляции и интенсивности смешения.

7. При высоком уровне дифференциации и значительной морфологической специфичности положение исследуемой группы устанавливается по комплексу ведущих признаков.

8. При слабой дифференциации и невыраженности морфологической специфичности родство исследуемых групп устанавливается суммарным сопоставлением по максимально большому числу некоррелированных или слабо коррелированных полимерных признаков.

Все эти положения составляют основу дальнейшего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М. С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 1. М.—Л., 1947.
- Акимова М. С. Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXIX, 1958.
- Акимова М. С. Краниологическая характеристика мордвы-эрзи. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XIII. М., 1960.
- Акимова М. С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. Вопросы антропологии, 1961, вып. 7.
- Акимова М. С. Краниологический очерк удмуртов. Вопросы антропологии, 1962, вып. 10.
- Акимова М. С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
- Алексеев В. П. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. Сов. этнография, 1961, № 6.
- Алексеев В. П. О некоторых положениях теории расового анализа. Вопросы антропологии, 1962, вып. 9.

- Алексеев В. П. Антропология Салтівського могильника. Матеріали з антропологи України, вып. 2. Київ, 1962а.
- Алексеев В. П. Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвии. Изв. АН Латвийской ССР, 1963, № 10.
- Алексеев В. П. Краниологический тип финнов и некоторые вопросы происхождения прибалтийско-финских народов. Изв. АН Эстонской ССР, т. XII (серия общественных наук), 1963а, № 2.
- Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXI. М., 1963б.
- Алексеев В. П., Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Некоторые замечания по поводу методов расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы. Сов. этнография, 1962, № 4.
- Алексеева Т. И. Черепа из Березовского могильника. Сов. антропология, 1958, № 3.
- Алексеева Т. И. Черепа из Муранского могильника. Сов. антропология, 1959, № 1.
- Алексеева Т. И. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян. Сов. археология, 1964, № 3.
- Алексеева Т. И., Васильев Б. А. К вопросу о генетическом родстве русской пещеры и татар-мишарей. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXI, 1959.
- Алихова А. Е. Мордовские могильники X—XIV вв. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. XXV, 1949.
- Алихова А. Н. К вопросу о буртасах. Сов. этнография, 1949а, № 1.
- Алихова А. Е. Мурманский могильник и солище. Материалы и исследования по археологии СССР, № 42. М.—Л., 1954.
- Араюттов Н. К. Финские могильники XIII—XIV вв. близ г. Аткарска. Тр. Нижне-Волжского краевого музея, т. 1. Саратов, 1929.
- Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Арциховский А. В. Курганы вятичей, М., 1930.
- Белицер В. Н. У зюздинских коми-пермяков. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XV, 1952.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народа Коми XIX — начало XX в. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XV. М., 1958.
- Бельковский В. Е. Село Матаки (Каз. губ. Спасского у.) в археологическом отношении. Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1879.
- Богданов А. П. Жители древних Болгар по краниологическим признакам. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. 1, вып. 4. М., 1880.
- Бунак В. В. Основные морфологические типы черепа человека и их эволюция. Русский антр. журнал, т. 12, 1922, вып. 1—2.
- Бунак В. В. Раса как историческое понятие. Наука о расах и расизм. Тр. Н.-и. ин-та антропологии МГУ, вып. IV. М.—Л., 1938.
- Бунак В. В. Структурные изменения черепа в процессе брахицефализации. Тр. V Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов. Л., 1951.
- Бунак В. В. О методе и программе изучения описательных признаков в антропологии и о необходимости их пересмотра. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XX, 1954.
- Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования. Сов. этнография, 1956, № 1.
- Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. X, IX, М., 1959.
- Бунак В. В. Антропологические типы русского народа и вопросы истории их формирования. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXVI, 1962.
- Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XIII. М., 1960.
- Верцинский А. Заметки по вопросу о применении математического метода в биологических науках. Вопросы философии, 1956, № 1.
- Верцинский А. Об общих положениях теории расового анализа. Вопросы антропологии, 1962, вып. 9.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 2. М., 1959.
- Гадзяцкий С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXVIII. М., 1955.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения хазарского жаяганата. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XIII. М.—Л., 1951.
- Гинзбург В. В. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. Происхождение человека и древнее расселение человечества. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XVI. М., 1951а.

- Гинзбург В. В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алтая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXI. М., 1954.
- Гинзбург В. В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XXI. М.—Л., 1963.
- Гинзбург В. В. Антропологический состав Саркела-Белой Вежи и его происхождение. Материалы и исследования по археологии СССР, № 109. М.—Л., 1963а.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Некоторые данные о состоянии антропологии в Польской Народной Республике. Сов. этнография, 1963, № 6.
- Гольмстон В. В. Буртасы. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. XIII, 1946.
- Гохман Н. И. Палеоантропологические материалы из раннеолитического могильника Васильевка II в Днепровском Надпорожье. Сов. этнография, 1958, № 1.
- Гроссгейм А. А. К вопросу о графическом изображении системы цветковых растений. Сов. ботаника, 1945, т. 13, № 3.
- Гроссгейм А. А. К вопросу о графическом изображении характера эволюции на филогенетических схемах. Ботанический журнал СССР, 1943, т. 33, № 4.
- Дайга И. В. Антропологический материал Нукшинского могильника. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1957.
- Дебец Г. Ф. Черепа из финских могильников. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII. Л., 1929.
- Дебец Г. Ф. Черепа Люцынскага магільніку. Працы сэкціі археологіі Беларускай АН, т. III. Менск, 1932.
- Дебец Г. Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье. Антр. журнал, 1932а, № 1.
- Дебец Г. Ф. Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. Антр. журнал, 1936, № 3.
- Дебец Г. Ф. Селькупы (антропологический очерк). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. I, 1947.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV. М.—Л., 1948.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XVII. М., 1951.
- Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 1. М., 1956.
- Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас. Сов. этнография, 1958, № 4.
- Дебец Г. Ф. Методы расового анализа Я. В. Чекановского и его школы. Сов. этнография, 1958, № 3.
- Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. Сов. этнография, 1961, № 2.
- Дебец Г. Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. Сов. этнография, 1961а, № 6.
- Дебец Г. Ф., Игнатъев М. В. О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии (школа Чекановского), Наука о расах и расизм. Тр. Н.-и. ин-та антропологии МГУ, вып. IV. М.—Л., 1938.
- Жиров Е. В. Древние ижорские черепа. Сов. археология, т. II. М.—Л., 1937.
- Зіневич Г. П. Матеріали до вивчення антропологічних особливостей черепів з Каїрського могильника XI—XIII ст. Матеріали з антропології України, вип. 1. Київ, 1960.
- Зіневич Г. П. Матеріали до вивчення антропологічних особливостей черепів з Шестовицького могильника. Матеріали з антропології України, вип. 2. Київ, 1962.
- Игнатъев М. В. Анализ антропометрических данных, применяемых при построении стандартов. Теория и методы антропологической стандартизации применительно к массовому производству изделий личного пользования. М., 1951.
- Игнатъев М. В. Статистический метод в антропологии. Проблемы демографической статистики. М., 1959.
- Игнатъев М. В., Пугачева А. В. Опыт оценки различий между группами с помощью «обобщенного расстояния». Вопросы антропологии, 1961, вып. 8.
- Кияткина Т. П. Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXI. М., 1961.
- Козлов В. И. Расселение мордвы. (Исторический очерк). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XIII. М., 1960.
- Лебединская Г. В. К вопросу об объективном воспроизведении разреза глаз при реконструкции лица по чертежу. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXVII, 1957.

- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXVI, М., 1958.
- Люцинский могильник. Древности Северо-Западного края, т. 1, вып. 2. Материалы по археологии России, № 14. СПб., 1893.
- Малиев Н. М. Об антропологической экскурсии летом 1871 г. Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1871—1872 гг. Казань, 1872.
- Малиев Н. М. Краткий отчет об экскурсии в Вятскую губ. для исследования вотяков в антропологическом отношении. Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1873—1874 гг. Казань, 1874.
- Малиев Н. М. Материалы для сравнительной антропологии. (К учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас. Материалы для антропологии восточного края России). Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. IV. Казань, 1874а, № 2.
- Малиев Н. М. Антропологический очерк племени пермяков. (Материалы для сравнительной анатомии финских народностей. Отчет о поездке к пермякам с антропологической целью). Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XVI, вып. 4. Казань, 1887.
- Малиев Н. М. Каталог краинологической коллекции Казанского университета. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. XIX, вып. 2. Казань, 1888.
- Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII, М., 1956.
- Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956а.
- Мацокин П. Г. Метисы Забайкалья. Зап. Академии наук по физико-математическому отделению, т. XV, № 1. СПб., 1904.
- Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, № 72, М., 1959.
- Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I—II. М., 1953.
- Поливанов В. Н. Муранский могильник. М., 1896.
- Поппе П. Н. Этнографическое изучение финно-угорских народов СССР. Финно-угорский сборник. Л., 1928.
- Равдоникас В. И. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина). Сообщения Государственной академии истории материальной культуры, 1932, № 1—2.
- Рогинский Я. Я. Человеческие расы. В кн.: В. В. Бунак, И. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. М., 1941.
- Рогинский Я. Я. Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека. Уч. зап. МГУ, вып. 166. М., 1954.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1964.
- Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). Сов. археология, т. XVIII, М., 1953.
- Седов В. В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. Сов. этнография, 1954, № 3.
- Седов В. В. Кривичи. Сов. археология, 1960, № 1.
- Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. Сов. археология, 1961, № 2.
- Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28. М., 1952.
- Смирнов А. П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957.
- Соколова К. Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
- Соколова К. Ф. Тавры Крымского полуострова (по антропологическим данным). Вопросы антропологии, 1960, вып. 3.
- Соколова К. Ф. Антропологічні матеріали могильників в Янкерменській долини. Археологічні пам'ятки УРСР, т. XIII. Київ, 1963.
- Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VII—XIV вв. н. э. (Святичи, радимичи, северяне). Сов. археология, т. XXV. М., 1956.
- Соловьева Г. Ф. К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. Сов. археология, 1963, № 2.
- Сысак Н. С. Антропологическая характеристика так называемой буртасской культуры. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XIV, 1952.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.
- Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. Материалы и исследования по археологии СССР, № 6. М.—Л., 1941.

- Гретьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Гретьяков П. Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. IV Международный съезд славистов (доклады). М., 1958.
- Гретьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. История, фольклор, искусство славянских народов (доклады советской делегации на V Международном съезде славистов). М., 1963.
- Трофимова Т. А. К айнской проблеме. Антр. журнал, 1932, № 2.
- Трофимова Т. А. Черепа из Никольского кладбища. (К вопросу об изменчивости типа во времени). Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 68. М., 1941.
- Трофимова Т. А. Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1958.
- Трофимова Т. А. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1958а.
- Трофимова Т. А. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2. М., 1959.
- Трофимова Т. А. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 5. М., 1961.
- Трофимова Т. А. Приаральские саки. (Краниологический очерк). Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 6. М., 1963.
- Филипченко Ю. А. Изменчивость и методы ее изучения. Л., 1926.
- Фирштейн Б. Б. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Волгоградской области). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXI. М., 1961.
- Фирштейн Б. Б. Черепа из насыпей возле Белой Вежи. Материалы и исследование по археологии СССР, № 109. М.—Л., 1963.
- Хаас Н., Максимилян К. Антропологическое исследование окрашенных костяков из комплекса могил с охрой в Главэншти Вень, Кортэтен и Стойкань Четзууйс. Сов. антропология, 1958, № 4.
- Чекановский Я. В. К оценке «львовской школы» профессором Г. Ф. Дебецом. Сов. этнография, 1962, № 4.
- Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великодержавии в связи с колонизацией ее славянами. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. СХХIV, вып. 2. М., 1913.
- Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.—Л., 1958.
- Чугунов С. М. О костях, найденных в г. Симбирске. Приложения к протоколам заседаний Об-ва любителей естествознания при Казанском ун-те за 1877—1878 гг. Казань, 1878.
- Чугунов С. М. Материалы для антропологии востока России (отчет о раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 г.). Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, т. VIII, вып. 5. Казань, 1879.
- Чугунов С. М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г., I. Исследование скелета мордвы. Приложения к протоколам заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те за 1881—1882 гг. Казань, 1882.
- Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море). Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XV. М.—Л., 1953.
- Ярхо А. И. Ганджинские тюрки (Азербайджанская АССР). Антр. журнал, 1932, № 2.
- Ярхо А. И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропологический очерк о длинноголовом европеоидном компоненте турецких народностей СССР. Антр. журнал, 1933, № 1—2.
- Ярхо А. И. Очередные задачи советского расоведения. Антр. журнал, 1934, № 3.
- Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей за 10 лет (1924—1934). Антр. журнал, 1936, № 1.
- Ярхо А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947.
- Aleksiejew V. P. Skład antropologiczny ludności pogórza Altaju — Sajanskiego w epoce neolitu i wczesnego brązu. Przegląd antropologiczny, t. XXIV, 1958, z. 1.
- A survey of some genetical characters in Ethiopian tribes. Am. Journal of Phys. anthropology (n. s. ser.), vol. 20, 1962, N 2.
- Baer K. Bericht Über die neuesten Acquisitionsen der craniologischen Sammlung. Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg, t. 1, 1860.
- Baer K. Die Macrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs, verglichen mit der Bildungs — Abweichung, welche Blumenbach Macrocephalus genant hat. Mémoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg, ser. VII, t. II, N 6, 1860a.

- Baer K., Wagner R. Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen im September 1861 in Gottingen, zum Zwecke gemeinsamer Besprechungen. Leipzig, 1861.
- Bartucz L. Die anthropologischen Merkmale der Bevölkerung aus der Umgebung von Zombor (Sombor) im XV—XVII Jahrhundert. *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis (Sec. biologica)*, t. 3. Budapest, 1960.
- Bartucz L. Anthropologische Beiträge zur I. und II. Periode der Sarmatenzeit in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Bd. 13. Budapest, 1961.
- Bartucz L., Farkas G. Anthropologische Untersuchung der in Csongrád—Felgyő gefundenen Skelette aus der Arphadenzeit. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta Biologica (nova series)*, t. II, fasc 1—4 (pars anthropologica). Szeged, 1956.
- Bartucz L., Farkas G. Zwei Adorjaner Gräberfelder der Awarenzeit aus anthropologischen Gesichtspunkte betrachtet. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta Biologica (nova series)*, t. III, fasc. 3—4 (pars anthropologica), Szeged, 1957.
- Bartucz L., Farkas G. Die Bevölkerung von «Czésztő» in der Arpádenzeit aus anthropologischem Gesichtspunkte betrachtet. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta Biologica*, t. IV, fasc. 3—4 (pars anthropologica). Szeged, 1958.
- Bernstein T. Zusammenfassende Betrachtungen über die erblichen Blutstrukturen des Menschen. *Zeitschrift für induktive Abstammung—und Vererbungslehre*, Bd. XXXVII, 1925.
- Bernstein T. Beiträge zur mendelistischen Anthropologie, Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. V, 1925a.
- Bernstein T. Über mendelistische Anthropologie. *Zeitschrift für induktive Abstammung- und Vererbungslehre*, Bd. XL, suppl. 1, 1928.
- Bernstein T. Fortgesetzte Untersuchungen aus der Theorie der Blutgruppen. *Zeitschrift für induktive Abstammung- und Vererbungslehre*, Bd. LVI, 1930.
- Bernstein T. Zur Grundlegung der Chromosomentheorie der Vererbung beim Menschen mit besonderer Berücksichtigung der Blutgruppen. *Zeitschrift für Abstammung- und Vererbungslehre*. Bd. LVII, 1931.
- Boyd W. *Genetics and the races of man*. Boston, 1950.
- Boyd W. Has statistics retarded the progress of physical anthropology. *Am. Journal of Phys. Anthropology (new series)*, vol. 16, 1958, N 4.
- Boyd W. *Genetics and the races of man*. Boston University lecture. Boston, 1958a.
- Briggs Cabot L. The stone age races of Northwest Africa. *Am. school of prehistoric research, bulletin 18*. Cambridge, 1955.
- Buschkowitsch W. *Crania ucrainica*, r. 1. *Укр. медичний архив*, Харків, 1927, № 2—3; ч. II, Одесса, 1928.
- Chamla M. La répartition géographique des cretes papillaires digitales dans le monde: nouvel essai de synthèse. *L'Anthropologie*, t. 67, 1963, N 1—2.
- Current anthropology*, vol. 3, 1962, N 1.
- Czekanowski J. Le vois de Mendel et Galton et les coefficients de l'hérédité de Peason. *Revue générale de sciences*, t. 32, 1921, N 22.
- Czekanowski J. Prawa Mendla i Galtona i współczynniczności Pearsona. *Archiwum towarzystwa naukowego, Dział matematyczno przyrodniczy*, t. 1. Lwow, 1921a.
- Czekanowski J. Zum Problem der Systematik der kurzköpfigen schweizerischen Pfahlbau—Wohnen, *Archiv für Anthropologie (new Folge)*, Bd. XX, 1925.
- Czekanowski J. Das Typenfrequenzgesetz. *Anthropologischer Anzeiger*, Jahrgang 5, 1928, H. 4.
- Czekanowski J. Schweizerische anthropologische Aufnahme im Lichte der polnischen Untersuchungsmethoden. *Przegląd antropologiczny*, t. XX, 1954.
- Czekanowski J. The theoretical assumptions of Polish anthropology and the morphological facts. *Current anthropology*, vol. 3, 1962, N 5.
- Dausset J. *Immuno-hematologie biologique et clinique*. Paris, 1956.
- Dobzhansky T. Comments on Levingstone's article. *Current anthropology*, vol. 3, 1962, N 3.
- Dzierzykrai-Rogalski T., Olekiewicz M. Barwa oczu i włosow a grupy krur. *Materialy i prace antropologiczne*, N 44. Wroclaw, 1958.
- Ehgartner W. Die Schädel aus dem frühbronzezeitlichen Gräberfeld von Hainburg, Niederösterreich. *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*, Bd. LXXXVII—LXXXIX, 1959.
- Elinek J. *Anthropologie der Bronzezeit in Mähren. Anthropos-studie z oboru antropologie, paleoetnologie a kvarterni geologie*, N 10. Brno, 1959.
- Pawcett C. A second study of the variation and correlation of the human saull, with special reference of the Nagada crania. *Biometrika*, vol. 1, part 4, 1902.
- Fischer R. The statistical utilisation of multiple measurements. *Annales of eugenics*, vol. XIII, 1938.
- Garn S. (ed.). *Readings on race*. Illinois, 1960.
- Gates R. *Human genetics*, vol. I—II. New York, 1946.

- Gerhardt K. Zur Anthropologie des Endneolithikums und der frühen Bronzezeit im untermainisch—mittelrheinischen Gebiet. *Germania*, Bd. XXXIX, 1951.
- Gerhardt K. Die Glockenbecherleute in Mittel- und Westdeutschland. Stuttgart, 1953.
- Gerhardt K. Studien zur Anthropologie des mitteleuropäischen Neolithikums. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, Bd. XLV, 1953a.
- Gregory W. *Evolution emerging*, vol. I—II. New York, 1951.
- Haldane J. Search for incomplete sex—linkage in man. *Annales of eugenics*, vol. VII, 1936.
- Haldane J., Smith C. A new estimate of the linkage between the genes for color-blindness and hemophilia in man. *Annales of eugenics*, vol. XIV, 1947.
- Hallstén K. *Materiaux pour servir à la connaissance des cranes des peuples finnois. Bidrog till kännedom of Finlands natur och folk, utgifna of finska vetenskaps-societeten*, H. 35, 40, 52. Helsinki, 1881—1893.
- Hanulík M. Bemerkungen sur typologischen Analyse der slawischen Begräbnisstätte aus dem XII—XIV. Jahrhundert in Krasno (Bez. Partizánske, West-Slowakei) durchgeführt nach der typologischen Methode von A. Wanke. *Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae*, t. V, fasc. VII—VI (anthropologia). Bratislava, 1961.
- Henzel T., Michalski I. *Podstawy klasyfikacji człowieka w ujeciu Tadeusza Henzla i Ireneusza Michalskiego. Przegląd antropologiczny*, t. XXI, 1955, z. 2.
- Hiernaux J. Analyse de la variation des caractères physiques humains en une région de l'Afrique centrale: Ruanda—Urundi et Kivu. *Ann. Musee Royal Congo Belge (anthropologie)*, t. 3. Bruxelles, 1956.
- Hooton E. The ancient inhabitants of the Canary islands. *Harvard African studies*, vol. VII. Cambridge, 1925.
- Hooton E. *The indians of Pecos Pueblo*. New Haven, 1930.
- Hooton E., Depertuis C. The physical anthropology of Ireland, with a section on the West Coast Irish females by H. Dawson. *Papers of the Peabody Museum of archaeology and Ethnology*, vol. 30, N 1—2. Cambridge, 1955.
- Hulse F. Linguistic barriers to gene-flow. *Am. Journal of Phys. Anthropology (New ser.)*, vol. 15, 1957, N 2.
- Hulse F. Race as an evolutionary episode. *Am. Anthropologist*, vol. 64, 1962, N 5.
- Jacob S., Lee A., Pearson K. Preliminary note on interracial characters and their correlation in man. *Biometrika*, vol. II, part. 3, 1903.
- Johannsen W. *Elemente der exakten Erblichkeitslehre*. Jena, 1909.
- Julien P. Die Blutgruppen-verteilung bei einigen Volkern von Liberia und Sierra Leone, Westafrika. *Zeitschrift für Rassenphysiologie*, Bd. 9, 1937.
- Knussman R. *Moderne statistische Verfahren in der Rassenkunde. Die new Rassenkunde (herausgegeben von I. Schwidetzky)*. Stuttgart, 1962.
- Leguebe A. Has statistics retarded the progress of physical anthropology? *Current anthropology*, vol. 3, 1962, N 3.
- Lehrberg A. Über die Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte Neu-Finnlands. *Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands*. St.-Petersburg, 1816.
- Liptak P. Étude anthropologique des cranes ostiaks. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 1. Budapest, 1950.
- Liptak P. Anthropologische Beiträge zum Problem der Ethnogenesis der Altungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 1. Budapest, 1951.
- Liptak P. L'analyse typologique de la population de Képuszta au Moyen age. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 3. Budapest, 1953.
- Liptak P. La population de la région de Nográd au Moyen age. *Essai d'anthropologie historique*, *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 3, Budapest, 1953a.
- Liptak P. An anthropological survey of Magyar prehistory, *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 4. Budapest, 1954.
- Liptak P. Recherches anthropologiques sur les ossements avars des environs d'Ulló. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 6. Budapest, 1953.
- Liptak P. Homokmégy-Halom avarkori népessége. *Anthropológiai közlemények*, t. IV, 1957, N 2.
- Liptak P. Awaren und Magyaren im Donau-Theiss Zwischenstromgebiet. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 8. Budapest, 1957a.
- Liptak P. Die Bedeutung der taxonomischen Fragen in der historischen Anthropologie. *Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae*, t. V, fasc. III—VI (anthropologia), Bratislava, 1961.
- Liptak P., Farkas G. Anthropological analysis of the Arpadian age population of Orosháza-Rákóczitelep. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta biologica (nova series)*, t. VIII, fasc. 1—4. Szeged, 1962.
- Livingstone F. On the non-existence of human races. *Current anthropology*, vol. 3, 1962, N 3.

- Mahalanobis P., Majumdar D., Rao C. Anthropometric survey of the United provinces, 1941: A statistical study. *The Indian Journal of Statistics*, vol. 8, part 2—3, 1949.
- Mala H. Typologická analýza staroslovanského lidu z Mejnárna a Hollár na Jizním Slovensku. *Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae*, t. V, fasc. III—VI (anthropologia). Bratislava, 1961.
- Mark K. Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum. *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja finska fornminnes foreningens tidskrift*, t. 59, N 4. Helsinki, 1958.
- Maximilian C. Sarata-Monteoru. *Studiu antropologie*, Bucuresti, 1962.
- Michalski I. Struktura antropologiczna Polski w swietle materialów wojskowego zdjecia antropologicznego. *Acta Anthropologica Universitatis Lodzensis*, t. 1, Łódź, 1949.
- Michalski I. Metoda morfologiczna w zastosowaniu do określania taksonomicznego materialu ludzkiego. *Przegląd antropologiczny*, t. XIX, 1953.
- Michalski I. Charakterystyka antropologiczna ludności dorzecza Kwilu. *Acta Anthropologica Universitatis Lodzensis*, t. 4, Łódź, 1957.
- Michalski I. Comments on Wiercinski's and Bielicki's article. *Current anthropology*, vol. 3, 1962, N 1.
- Mohr J. *A study of linkage in man*. Copenhagen, 1954.
- Morant G. A first study of the Tibetan skull. *Biometrika*, vol. XIV, part 3—4, 1923.
- Morant G. A preliminary classification of european races based on cranial measurements. *Biometrika*, vol. XX—B, part 3—4, 1928.
- Morant G. (with assistance from M. Hoadley). *A study of the recently excavated Spitalfields crania*. *Biometrika*, vol. XXIII, part I—II, 1931.
- Mourant A. *The distribution of human blood groups*. Oxford, 1954.
- Necrasov O. Considerations sur la structure anthropologique des populations de l'age de la pierre en Roumanie et les problemes qui s'y rattachent. *Anthropologiai közlemények*, t. V, 1961, N 1—4.
- Necrasov O., Cristesco M. Contribution à l'étude anthropologique de la population Moldave du XVI-eme siècle. *Analele stiintifice ale universitatii «Al. I. Cuza» din Iasi (Serie noua)*, sectiunea II (stiinta Naturale — Geografie), t. III, fasc. 1—2. Iasi, 1957.
- Necrasov O., Cristesco M. Etude anthropologique des squelettes de Dridu (culture Gumelnitza). *Analele stiintifice ale universitatii «Al. I. Cuza» din Iasi (serie noua)*, sectiunea II (stiinta naturale), t. VII, fasc. 1. Iasi, 1961.
- Neel I., Schull W. *Human heredity*. Chicago, 1954.
- Nemeskéri I. Anthropologische Untersuchung der Skelettfunde von Alsónémedi. *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. 1. Budapest, 1951.
- Nemeskéri I. Anthropologische skizze der Bevölkerung von Intercisa im spätrömischen Zeitalter. *Archaeologia Hungarica (nova series)*, t. 33. Budapest, 1954.
- Nemeskéri I. Etude anthropologique des squelettes du clan princier avar découverts au cimetiere de Kiskörös — Vágohid. *Archaeologia Hungarica (nova series)*, t. 34. Budapest, 1955.
- Nemeskéri I. La population de Csákvár dans l'époque romaine tardive. *Crania Hungarica*, t. 1, N 1. Budapest, 1956.
- Nemeskéri I. La population de Brigetio. *Crania Hungarica*, t. 1, N 2. Budapest, 1956a.
- Newman R. A comparative analysis of prehistoric skeletal remains from the lower Sacramento valley. *Reports of the University of California archaeological survey*, N 39, California, 1957.
- Pearson K. Remarks on professor Aurel von Török's note. *Biometrika*, vol. II, part 4, 1903.
- Peason K., Davin A. On the biometric constants of the human skull. *Biometrika*, vol. XVI, part 3—4, 1924.
- Prokop O. Die menschlichen Blut — und Serumgruppen. *Genetika (Grundlagen, Ergebnisse und Probleme in Einzeldars tellung)*. Beitrag 2. Jena, 1963.
- Retzius G. Matériaux pour servir à la connaissance des caractères ethniques des races finlandaises. *Congres international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques*, 7-e session. Stockholm, 1874.
- Retzius G. *Finska kranier*. Stockholm, 1878.
- Risdon D. A study of the cranial and other human remains from Palestine. *Biometrika*, vol. XXXI, part 1—2, 1939.
- Schreiner K. *Zur Osteologie der Lappen*, Bd. I—II Institutet for sammenlingen de kulturforskning, ser. B, skrifter XVIII—1. Oslo, 1931—1935.
- Schreiner K. Further note on the craniology of the Lapps. *Institutet for sammenlingen de kulturforskning*, ser. B, skrifter XVIII—3. Oslo, 1945.
- Schwidetzky I. Heiratskreise in Oberschlesien. *Zeitschrift für Rassenkunde*, Bd. 6, 1937.
- Schwidetzky I. *Grundzüge der Völkerbiologie*. Stuttgart, 1950.
- Schwidetzky I. *Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen*. Die new

- Rassenkunde (herausgegeben von I. Schwidetzky). Stuttgart, 1962.
- Stern K. Principles of Human genetics, San Francisco, 1960.
- Stiouka I. M. Mikulcice. Antropologický materiál z 1. pohřebiště. Fontes Archaeologiai Moraviae, t. III. Brno, 1962.
- Tarenetzky A. Beiträge zur Craniologie der grossrussischen Bevölkerung der nördlichen und mittleren Gouvernements des europäischen Russlands. Mémoires de L'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, sér. VII, t. XXXII, N 13, 1884.
- Török A. Note on craniological types. Biometrika, vol. II, part 4, 1903.
- Trevor I. Race crossing in man. Eugenics laboratory memoirs, vol. XXXVI. Cambridge, 1953.
- Tschepourkowsky E. Contribution to the study of interracial correlation. Biometrika, vol. IV, part 3, 1905.
- Vallois H. Les ossements humains de Sialk, Contribution à l'étude de l'histoire raciale de l'Iran ancien. B k.: R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, t. II. Paris, 1940.
- Vallois H., Ferembach D. Les restes humains de Ras Shamra et de Minetel-Beida: étude anthropologique. Ugaritica, t. IV. Paris, 1962.
- Vlček E. B., Benadik, E. Vlček, C. Ambros. Keltské pohřebiště na Iuhozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957.
- Wallis R. Cranial relationships and correlations. Human biology, vol. VI, 1934.
- Walter H. Die Bedeutung der serologischen Merkmale für die Rassenkunde. Die neue Rassenkunde (herausgegeben von I. Schwidetzky). Stuttgart, 1962.
- Weber E. Grundriss der biologischen Statistik für Naturwissenschaftler, Landwirte und Mediziner. Jena, 1961.
- Wenger S. Contributions à l'anthropologie des avars en Hongrie. (Le cimetière d'Alattyán-Tulát). Annales Historico-Naturales Musei Nationalis Hungarici (nova series), t. II. Budapest, 1952.
- Wenger S. L'anthropologie du cimetière de Iánoshida-Tótképuszta. Annales Historico-Naturales Musei Nationalis Hungarici (nova series), t. IV. Budapest, 1953.
- Wenger S. Szentés Kaján népvándorláskori népességének embertani típusai (VII—VIII. szd.). Annales Historico—Naturales Musei Nationalis Hungarici (nova series), t. VI. Budapest, 1955.
- Wiener A. The blood factor C of the ABO system with special reference to the rare blood group C. Annales of eugenics, vol. XVIII, 1953.
- Wiercinski A. Dziedziczenie typu antropologicznego. Materiały i prace antropologiczne, N 43. Wrocław, 1958.
- Wiercinski A. The racial analysis of human populations in relation to their ethnogenesis. Current anthropology, vol. 3, 1962, N 1.

БЕССПОРНОЕ И СПОРНОЕ
В ПРОИСХОЖДЕНИИ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА
ЛЕТТО-ЛИТОВСКИХ НАРОДОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Антропологический состав населения Латвии и Литвы неоднократно являлся предметом научного исследования. Первые работы, в которых дается антропологическая характеристика латышей и литовцев, относятся еще к последней четверти прошлого века (Waeber, 1879; Brennehn, 1883). Позже антропологические особенности разных этнографических групп латышского и литовского народов неоднократно изучались в различных районах Латвии (Витов, Марк, Чебоксаров, 1959). Однако почти все вышедшие в буржуазной Латвии и Литве работы, в которых освещалась антропология латышей и литовцев, в настоящее время имеют лишь исторический интерес. Это объясняется тем, что за последние 20—30 лет антропологическая методика шагнула далеко вперед, а требования к антропологическому материалу как историческому источнику резко возросли. В частности, было показано, что эффективность антропологических сопоставлений возрастает по мере увеличения числа сопоставляемых групп. В то же время на нее решающее влияние оказывает сравнимость данных по разным группам, что достигается только при изучении всех групп одним исследователем. П. Авижонас, Г. Бакман, И. Баронас, И. Бреннсон, Д. Букантас, И. Вилде, Т. Витолс, Л. Ерума, Н. Ерумс, И. Жилинскас, Я. Мидлярский, В. Олехнович, И. Приманис, К. Собольский, И. Талько-Гринцевич, М. Хош, С. Эрхарт и другие антропологи, работавшие в буржуазное время в Латвии и Литве, характеризовали антропологический тип латышей и литовцев либо суммарно, либо применительно к населению отдельных районов расселения латышского и литовского народов. Таким образом, их исследования имели узко локальное значение. В то же время несопоставимость материалов, собранных разными авторами, не дает возможности преодолеть этот недостаток и составить ясное представление о вариациях антропологического типа латышского и литовского народов на всей территории Литвы и Латвии.

Другой недостаток исследований названных авторов заключается в неполноте данных. Все они содержат измерения крайне малого количества признаков, притом не играющих первостепенной роли в расовой диагностике. Так, из числа описательных признаков определялись только вариации пигментации — цвета волос и глаз. Между тем как раз описательные признаки, как известно, в наибольшей степени разграничивают отдельные антропологические типы и дают действительно полную информацию о степени морфологического сходства или различия разных групп. Все это очень сужает возможность использования старых данных и позволяет обращаться к ним только в самых крайних случаях, да и то

тогда, когда возникает необходимость охарактеризовать антропологически население того или иного отдельного района.

Новый этап в изучении антропологии латышского и литовского народов начинается с работы антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Наряду со сбором обширных материалов по антропологии эстонцев, белорусов и ливов этим отрядом было изучено 13 территориальных групп латышского и 13 территориальных групп литовского народов, равномерно распределяющихся по территории Литвы и Латвии и, следовательно, достаточно представительных для того, чтобы составить по ним суждение о вариациях антропологического типа литовцев и латышей в целом (Чебоксаров, 1954; Витов, 1959; Витов, Марк, Чебоксаров, 1959). К сожалению, данные, собранные отрядом на протяжении трех полевых сезонов (1952—1954), также не полностью сравнимы между собой, так как в 1953 г. они собирались не теми исследователями, которые принимали участие в организации и работе экспедиций 1952 и 1954 гг. Однако повторное изучение одних и тех же или близко расположенных районов в разные годы позволило внести поправки по большинству признаков, практически сводящие разницу между материалами разных лет к нулю. Таким образом, эти материалы могут быть положены в основу антропологической характеристики латышского народа, тем более что они могут быть дополнены материалами Р. Я. Денисовой по антропологии ливов, а также литовцев и латышей восточных районов Литвы и Латвии (Денисова, 1956, 1958, 1963, 1965; Denisova, 1962). Она принимала участие в работах антропологического отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, и поэтому в данном случае субъективные методические расхождения в оценке в первую очередь описательных признаков между ней и работниками антропологического отряда можно считать несущественными.

Что в первую очередь останавливает на себе внимание при рассмотрении территориальных вариаций антропологических признаков на территории Латвии? Сразу же следует подчеркнуть, что различия между отдельными районами чрезвычайно малы, и с этой точки зрения антропологический тип латышей характеризуется достаточно отчетливо выраженным единством. Но в то же время может быть отмечена очень незначительная по абсолютной величине различий, но вполне определенная по их направлению разница между населением западных и восточных районов. Западные латыши отличаются от восточных более высоким ростом, более длинной и узкой головой и, следовательно, более низким головным указателем, менее выступающими скулами и более интенсивным ростом бороды. Различия в росте часто во многом зависят от непосредственного влияния условий жизни; различия в величине горизонтальных диаметров головы и их соотношение, выражаемое головным указателем, обычно дифференцируют мелкие единицы расовой систематики, т. е. имеют низкий таксономический ранг и, следовательно, малую ценность для установления родства между группами. Это усиливается их быстрым и резким изменением во времени. Но на различиях в степени выступления скул и интенсивности роста бороды остановимся особо.

Разная выраженность данных признаков характерна для представителей монголоидной и европеоидной рас, что определяет большое таксономическое значение этих признаков. Правда, по высоте переносья, горизонтальной профилировке лица и выраженности складки верхнего века — другим признакам, разграничивающим основные расовые деления человечества, — различия между латышами западных и восточных районов незаметны. Таким образом, на первый взгляд можно пренебречь различиями в росте бороды и выступании скул и считать, что они образовались в результате случайной изменчивости. Но такому предположению противоречит аналогичная географическая изменчивость признаков на

территории Эстонии. Там наибольшие различия между западными и восточными группами проявляются в выступании скул и развитии складки века, т. е. опять-таки в признаках первого порядка, дифференцирующих европеоидов и монголоидов. На этом основании Н. Н. Чебоксаров, К. Ю. Марк и М. В. Витов высказывали мысль о том, что формирование антропологического состава народов Восточной Прибалтики, в том числе и латышского народа, происходило при небольшом, но все же ощутимом участии монголоидных элементов. Это казалось тем вероятнее, что исследованиями Н. Н. Чебоксарова установлено распространение монголоидной примеси на запад, вплоть до центральной Германии (Чебоксаров, 1941).

Наличие монголоидной примеси в составе населения восточных районов Советской Прибалтики находит подтверждение и в палеоантропологических данных. Первым исследователем, указавшим на монголоидную примесь в составе древнего населения севера европейской части СССР, был Е. В. Жиров (1940). В серии из неолитического могильника на Южном Оленьем острове он выделил несколько черепов, морфологические особенности которых свидетельствовали, по его мнению, о наличии небольшой монголоидной примеси. Это обстоятельство рассматривалось им как свидетельство восточного происхождения части населения, захороненного в Оленьеоостровском могильнике. Заключение Е. В. Жирова было поддержано археологами и получило дополнительное подтверждение в археологических материалах могильника на Онежском озере и других памятников на смежных территориях (Брюсов, 1952; Фосс, 1952; Гурина, 1956; Моора, 1956; Янитс, 1950). Некоторые черепа из могильников культуры ямочно-гребенчатой керамики северных и центральных районов Русской равнины также характеризовались комплексом монголоидных признаков (Дебец, 1948; Герасимов, 1949, 1955; Акимова, 1953). Наконец, те же особенности были отмечены на черепах из неолитических погребений Латвии и Эстонии, исследованных К. Ю. Марк (1954, 1956, 1956а; Марк, 1953, 1958) и Р. Я. Денисовой (1960).

Традиционная точка зрения о наличии монголоидной примеси в составе древнего населения северо-западных районов европейской части РСФСР и Восточной Прибалтики была оспорена В. П. Якимовым. Он указал на то, что монголоидные особенности на черепах эпохи неолита из Восточной Прибалтики выражены очень неотчетливо, приблизительно в такой же мере, в какой они выражены на верхнепалеолитических черепах Западной Европы, по отношению к которым никто не ставит вопроса о генетическом значении этих особенностей (Якимов, 1956). Это утверждение было повторено им и при вторичном исследовании на Южном Оленьем острове (Онежское озеро) (Якимов, 1960). В последних публикациях В. П. Якимова его гипотеза вышла за рамки территории Восточной Прибалтики и севера европейской части СССР и превратилась в предположение о наличии в составе верхнепалеолитического населения Европы групп, характеризовавшихся некоторой уплощенностью лица и относительно незначительным выступанием носа, т. е. морфологически «монголоидными» признаками, и о переживании этих групп в более поздние эпохи (Якимов, 1957, 1960а, 1961, 1961а). Это последнее предположение встретило поддержку и дополнительное обоснование в целом ряде работ (Гусева, 1962; Цуй Чен-яо, 1960, 1962).

Приблизительно одновременно с В. П. Якимовым В. В. Бунак, отказавшись от своих прежних взглядов на генезис уральской расы (Бунак, 1924, 1924а), выступил с гипотезой ее недифференцированного происхождения (Бунак, 1956). Он исходит в своей критике в основном из общетеоретических представлений о разном характере географической изменчивости признаков в смешанных и недифференцированных популяциях и большой роли недифференцированных типов в сложении расо-

вого состава современного человечества. Его точка зрения оставляла без внимания некоторые результаты предшествующих исследований антропологии народов Приуралья и Западной Сибири, в частности характер исторической корреляции между признаками на этой территории, свидетельствующий о сложении уральской расы в результате древних смешений между представителями европеоидной и монголоидной рас (Зенкевич, 1934, 1941, 1941а; Левин, 1941; Трофимова, Чебоксаров, 1941; Чебоксаров, Трофимова, 1941; Дебец, 1947). Поэтому она сразу же подверглась резкой критике (Дебец, 1956). Но так или иначе признание возможности доживания недифференцированных типов до современности открывает дорогу для объяснения некоторых морфологических особенностей населения Восточной Прибалтики, в частности латышей, не наличием в их составе небольшой доли монголоидной примеси, а сохранением черт древнего нейтрального типа, отличавшегося морфологической промежуточностью по отношению к европеоидной и монголоидной расам. Такое объяснение фактически и предлагает В. П. Якимов (1962) в своем ответе на критику, которой подверглись его представления со стороны М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова.

Разбор теоретических оснований взглядов В. В. Бунака и В. П. Якимова лежит за пределами нашей темы. Общие соображения в пользу малого значения недифференцированных типов в процессах расообразования у человека и против возможности их длительного переживания приведены автором настоящей работы в другом месте (Алексеев, 1960). Кроме того, они специально аргументированы применительно к проблеме происхождения уральской расы (Алексеев, 1961). Солидную и во многом новую фактическую аргументацию в пользу ее смешанного происхождения, а также наличия монголоидной примеси в составе населения Восточной Прибалтики привел недавно Г. Ф. Дебец, базировавшийся, правда, в основном на палеоантропологических и краниологических данных (Дебец, 1961). Все это, однако, не избавляет от необходимости пополнения имеющихся материалов с целью более обстоятельного обоснования противоположной гипотезы. В первую очередь это относится к палеоантропологическим и краниологическим данным, имеющим много лакун. В связи с этим и будут рассмотрены находящиеся в нашем распоряжении краниологические материалы.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТЫШСКИХ СЕРИЙ

Череп из-под Дурбе имеют длинную, средней ширины и высоты черепную коробку. По черепному указателю она относится к категории мезокранных. Лобная кость и абсолютно и по указателям характеризуется средней шириной. Наклон ее скорее значительный. Но при относительно наклонном лбе черепа западных латышей не отличаются сильно развитым надбровьем — надглабеллярная область выступает умеренно, а надбровные дуги характеризуются незначительной протяженностью в поперечном направлении.

Лицевой скелет невелик, особенно по высоте. Орбиты скорее низкие, а грушевидное отверстие узкое. Высота средняя, поэтому носовой указатель малый. Вертикальная профилировка лицевого профиля ортогнатная, что выявляется как по соотношению длины основания лица и длины основания черепа, так и по углу лицевого профиля. Наряду с этим углы горизонтальной профилировки отличаются малыми величинами. Таким образом, в горизонтальной плоскости лицевой скелет профилирован резко, как в верхней, так и в нижней части.

Последняя особенность хорошо согласуется с очень сильным выступанием носовых костей, так как эти признаки, хотя и не связаны между собой тесной функциональной корреляцией, но обнаруживают значительную историческую связь, и в их межгрупповых вариациях виден заметный параллелизм, во всяком случае, на территории Советского Союза. При сильном выступании носовых костей переносье, естественно, также имеет большую высоту. Таким образом, подытоживая морфологическую характеристику черепов из-под Дурбе, следует подчеркнуть, что все признаки, типичные для европеоидной расы, чрезвычайно сильно выражены на них, а вся серия демонстрирует единство и гомогенность в проявлении европеоидных черт.

Морфологический тип черепов из могильника у Дурбе удобнее всего характеризовать в сравнении с близкими этнически и территориально сериями. Наиболее близкая из них — серия черепов из могильника под Лудзой, также датируемая приблизительно этим же временем и оставленная потомками средневековых латгалов. Сопоставление этих двух серий позволит уловить территориальные вариации в краниологическом типе латышей, если, конечно, они имеются.

Серия из-под Лудзы в целом характеризуется сравнительно длинной среднеширокой черепной коробкой. Это дает соотношение горизонтальных диаметров, находящееся на грани мезо- и брахикрании. Формально черепа попадают в категорию мезокранных, но занимают место, близкое к границе этой категории. Поэтому наибольший процент в горизонтальной норме составляют овоидные формы. Высотные диаметры черепной коробки имеют среднюю величину, что находит также отражение в величине указателей. Лобная кость узкая в области наименьшего диаметра, но расширяется сзади довольно значительно, и наибольший лобный диаметр характеризуется уже средней величиной. В категорию приблизительно средних величин попадает и лобный указатель. Что же касается лобно-поперечного указателя, то он на большинстве черепов имеет малые размеры. Наклон лба скорее средний. Надглазничный рельеф развит значительно, так же как и сосцевидные отростки. Таким образом, при средних в общем размерах черепная коробка отличается массивным строением.

Размеры лицевого скелета в высоту и ширину попадают в различные категории. Высота лица скорее малая, как от альвеолярной точки, так и при измерении вместе с нижней челюстью. Широтные диаметры лицевого скелета попадают в категорию средних величин. Отсюда и лицевые указатели невелики так же, как и вертикальный краниофациальный указатель. Наоборот, высота носа, связанная с высотным диаметром лица довольно тесной морфологической корреляцией, относительно велика. При малой ширине носа получаем и малую величину носового указателя. Орбиты низкие, но довольно широкие, и поэтому оба орбитных указателя не выходят из класса средних величин. Межорбитное расстояние большое. По вертикальному профилю лицевого скелета вся серия обнаруживает ясно видную мезогнатию, но это в значительно большей степени заметно по общему углу лицевого профиля, нежели по указателю выступления лица. Общая мезогнатность лицевого профиля сопровождается чрезвычайно стабильным соотношением всех трех углов лицевого профиля. Правда, на женских черепах видна некоторая тенденция к альвеолярной мезогнатии, но и на тех разница между углами общего и альвеолярного профиля не превышает $2,5^\circ$. Горизонтальная профилировка лицевого скелета определяется малой величиной обоих углов — на уровне биорбитальных и зигомаксиллярных точек. Но указатель высоты изгиба скуловой кости по Ву имеет очень большую величину даже на женских черепах, что говорит о значительном выступании вперед и резком изгибе скуловых костей. Таким образом, горизонтальный профиль лицевого скелета

характеризуется не очень типичным соотношением малых углов профилировки и большой величины указателя высоты изгиба скуловой кости.

Носовые кости выступают значительно и на мужских, и на женских черепах, хотя разница в величине угла выступления носовых костей к плоскости лицевого скелета между ними больше, чем обычно наблюдаемая. Это означает, что при суммировании наблюдений по обоим полам с использованием поправки, отражающей среднюю межгрупповую разницу между мужскими и женскими группами (поправку см.: Алексеев, 1960а), величина угла уменьшается приблизительно на $1,5^\circ$. Дакриальная высота — большая, что определяет как будто значительную высоту переносья. Но симотическая высота — средняя, а это при большой величине дакриальной и симотической широт дает средние величины дакриального и симотического указателей. Переносье в целом характеризуется, следовательно, средней высотой. Это же, по-видимому, можно повторить и по отношению к выступанию в целом носовых костей.

От черепов восточных латышей черепа западных латышей отличаются большей длиной и меньшей шириной черепной коробки и соответственно меньшим черепным указателем. Черепная коробка ниже в западной серии, чем в восточной. По длине основания лица различия практически отсутствуют. Лобная кость несколько шире на западе по сравнению с восточной группой. Но угол наклона лба заметно больше на западе, чем на востоке. При таком соотношении следовало бы ожидать у западных латышей более сильного развития надбровья, чем у восточных. На самом деле при более прямой лобной кости восточная серия имеет и более развитое надбровье. Лицевой скелет на западе чуть-чуть уже и ниже, чем у восточных латышей, нос уже, но последнее различие более или менее отчетливо проявляется только по носовому указателю. Орбитные размеры практически совпадают в обеих сериях. Таким образом, видно, что по всем основным соотношениям мозговой коробки и лицевого скелета обе серии очень близки, что в общем и следовало ожидать, исходя еще из соматологических данных. Практически ощутимые различия можно отметить только в черепном указателе и ширине, а может быть, и высоте лица, причем в серии из западных районов все перечисленные измерения меньше и они идут параллельно. Но и по этим признакам единство типа латышей налицо; различия значительно меньше, чем обычно между резко разграничивающимися типами.

Не так обстоит дело по признакам, определяющим горизонтальную профилировку лица и выступание носа. В западной серии по сравнению с восточной меньше углы горизонтальной профилировки, больше угол носа к линии лицевого профиля, дакриальная и симотическая высоты, дакриальный и симотический указатели. Следовательно, по всему комплексу этих признаков, не связанных морфофизиологически или связанных слабо (особенно малы коэффициенты корреляции между углами горизонтальной профилировки и размерами, отражающими выступание носа), наблюдается такое направление различий, которое соответствует направлению исторической дифференциации антропологических типов на территории СССР по этим признакам, а шире говоря — вообще исторической дифференциации монголоидов и европеоидов. Поэтому в отличие от некоторой разницы в мозговых и лицевых размерах, которую мы оставили без внимания, данному комплексу различий трудно не придать определенного значения.

Любопытной иллюстрацией к этому является сравнение серии восточных латышей с синхронной серией из русского кладбища в городе Себеже. Различия в краниологическом типе латгалов и русских проявляются достаточно отчетливо по целому комплексу важных признаков. Речь идет, как и в предшествующем случае, в первую очередь о горизонтальных диаметрах черепа и черепном указателе, о горизонтальной профилировке

и выступании носа. Черепа русских более круглоголовы, что выражается одновременно в укорочении продольного и расширении поперечного диаметров черепной коробки. Что же касается различий в величинах уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости и выступании носовых костей, то о них нужно сказать подробнее.

Назomалярный угол горизонтальной профилировки и в латгальской и в русской сериях попадает в границы вариаций европеоидных групп. Различия между сериями невелики по абсолютной величине и неопределенны по направлению: мужские черепа латгальской серии имеют большую величину назомалярного угла, чем русские, женские группы характеризуются обратным соотношением. В отличие от назомалярного зигомаксиллярный угол позволяет дифференцировать исследуемые серии. И мужские и женские черепа восточных латышей характеризуются большей величиной зигомаксиллярного угла, чем русские, и, следовательно, большей уплощенностью нижнего отдела лицевого скелета. Разумеется, величина зигомаксиллярного угла в латгальской серии не выходит за пределы вариаций европеоидных групп. Но разница между русскими и латгалами достигает все же 2°.

По степени выступления носа различия между латгальской и русской сериями гораздо отчетливее проявляются на женских черепах, хотя на мужских эти различия имеют то же направление. И мужские и женские черепа восточных латышей имеют менее выступающие носовые кости, чем в русской серии. Таким образом, и по углу выступления носа, так же как и по зигомаксиллярному углу горизонтальной профилировки, отличия латгальских черепов от русских имеют то же направление, что и отличия популяций монголоидной расы от европеоидной. Дакриальная высота в исследуемых группах варьирует аналогичным образом. И на мужских и на женских черепах латгалов она ниже, чем в русской серии. Различия сохраняются и при сопоставлении величин дакриального указателя. Симотическая высота и симотический указатель также меньше на черепах восточных латышей. Таким образом, все имеющиеся способы определения высоты перенося согласованно указывают на тенденцию к уплощенности перенося, проявляющуюся в латгальской серии. Высота перенося дифференцирует обе серии не менее отчетливо, чем зигомаксиллярный угол горизонтальной профилировки и угол носовых костей к линии лицевого профиля.

Итак, мы фиксируем сильно профилированное лицо и резко выступающий нос в западных районах Латвии, затем ослабление горизонтальной профилировки и выступления носа в восточных районах Латвии и, наконец, опять усиление горизонтальной профилировки и выступления носа у русского населения примыкающих к восточной границе Латвии областей. Эти различия в таксонсмическом отношении, очевидно, более существенны, чем различия в ширине лица между западными и восточными латышами или в черепном указателе между латышами и русскими. Численность серий, на основании которых они установлены, достаточно велика для того, чтобы можно было предполагать отражение в этих различиях реальной действительности. Однако все же следует использовать находящуюся в нашем распоряжении возможность проверить это заключение с помощью сравнения с серией восточных латышей краниологического материала конца XIX в. из западной Латвии.

В общем и восточная и западная серии обнаруживают по размерам лицевого скелета и черепной коробки очень сходный морфологический тип, находящийся себе место в пределах северной ветви большой европеоидной расы. Ощутимые различия между ними проявляются, пожалуй, только в ширине лицевого скелета: западные латыши более узколицы, чем восточные. Это проявилось и при предыдущем сравнении восточно-латышской серии с западнолатышской, датируемой XVII—XVIII вв.

В абсолютном выражении эта разница очень мала, но она повторяется и в мужской и в женской группах, что как будто заставляет считать ее реальной. Однако, с другой стороны, материалы по антропологии современного населения не выявляют разницы между западными и восточными группами по ширине лица. Таким образом, как видно, нет больших оснований для того, чтобы настаивать на действительном характере этих различий и полностью исключать роль случайности. Но даже, если бы они были реальными, повторяю, абсолютная величина их очень невелика, и они не меняют представления о значительном морфологическом сходстве, объединяющем западные и восточные группы латышского народа.

Если судить по углам горизонтальной профилировки лицевого скелета — назомаллярному и зигомаксиллярному, то мужские черепа из западных районов имеют заметно менее уплощенное лицо, чем восточная латгальская серия. Разница в этих признаках между женскими черепами практически отсутствует, но выше уже указывалось, что преимущественное значение должно отдаваться показаниям по мужским сериям из-за их многочисленности. Итак, по краниологическим данным, латыши западных районов, как и в предыдущем случае, более удалены от представителей монголоидной расы, чем латгалы.

Аналогичные различия прослеживаются и по признакам, характеризующим выступание носовых костей. Все признаки дают согласованные показания. Так, например, по углу выступания носовых костей разницы между мужскими черепами практически нет, но она совершенно отчетливо проявляется в женской серии, где величина различий значительна и ею нельзя пренебречь даже при малом количестве наблюдений: западная серия в женской группе отличается заметно более выступающими носовыми костями, чем восточная. С другой стороны, в мужской группе совершенно определенные различия фиксируются в высоте переносья: и дакриальные, и симотические высоты, и указатели в западной серии выше, чем в латгальской. Таким образом, мужские черепа западной группы имеют более высокое переносье, чем в восточной. Аналогичное заключение справедливо и по отношению к женским черепам, хотя абсолютная величина разниц в женской группе меньше, чем в мужской. Общий вывод очевиден — краниологический тип серии XIX в. из западных и центральных районов Латвии характеризуется по сравнению с латгальским краниологическим типом помимо более профилированного лицевого скелета также более сильным выступанием носа, т. е. отличается также и в том же направлении, в каком различаются между собой серии XVIII в.

КОМПОНЕНТЫ ПЕРВОГО ПОРЯДКА В СОСТАВЕ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

Рассмотренный выше комплекс признаков, отличающих все латышские серии, в целом, несомненно, находит себе место в пределах европеоидной расы. Об этом свидетельствуют в первую очередь среднее в масштабе европеоидной расы, но сильное в масштабе вариаций по всему земному шару выступание носовых костей и резкая горизонтальная профилировка. Именно эти признаки обнаруживают наибольшую межгрупповую изменчивость на территории СССР, в наибольшей степени по сравнению с остальными дифференцируя сибирских монголоидов и представителей европеоидной расы. Европеоидное строение лицевого скелета демонстрируется и соотношением лицевых размеров, низкими орбитами и т. д. Таким образом, в пределах рас первого порядка положение исследованных групп вполне определено, и они, несомненно, попадают в круг европеоидных форм. Однако такое альтернативное решение вопроса

заранее не исключает в составе серии восточных латышей небольшой примеси монголоидной расы. Ее отличие от серий западных латышей получило свое предварительное генетическое истолкование в увязке их морфологического типа с древним европеоидным населением культуры боевых топоров и шнуровой керамики, в котором многие исследователи видят древних балтов (см., например, Третьяков, 1963). Восточные латыши сопоставлялись с тем же населением, но с включением в его состав монголоидных элементов восточного происхождения (Алексеев, 1961а, 1963)¹. По поводу этой монголоидной примеси в составе населения восточной Латвии в частности и Восточной Прибалтики в целом в советской антропологической литературе разгорелась большая дискуссия, которая затронула и теоретические вопросы общего расоведения. Рассмотрение этой дискуссии в полном объеме завело бы нас слишком далеко, так как в ходе ее были привлечены материалы, выходящие за рамки территории собственно Прибалтики. Но некоторые выводы из этой дискуссии применительно к интересующей нас теме о наличии небольшой монголоидной примеси в составе восточных латышей заслуживают рассмотрения.

Гипотеза о небольшой монголоидной примеси в составе древнего и современного населения Восточной Прибалтики исходит из представления о контакте неолитических племен Восточной Прибалтики и Севера европейской части СССР с племенами Приуралья и Западной Сибири через брачные связи, нашедшие отражение в антропологических особенностях древнего прибалтийского населения, сохранившихся до современности. Ее защищают Г. Ф. Дебец (1948, 1961), Н. Н. Чебоксаров (1950, 1954, 1954а), К. Ю. Марк (1953, 1954, 1956, 1956а, 1956б, 1958), Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин (1955, 1963), М. В. Витов (1955, 1959, 1964), Р. Я. Денисова (1958, 1958а, 1960, 1965), Т. И. Алексеева (1960) и автор настоящей работы (Алексеев, 1961, 1961а, 1963, 1963а). Как уже указывалось выше, на основании исследования черепов из неолитического могильника на Южном Оленьем острове в пользу этой гипотезы высказывался Е. В. Жиров (1940). Противоположная точка зрения защищается В. П. Якимовым. До него мысль о переживаниях кроманьонского типа с такими особенностями высказывалась И. Швидецкой (Schwidetzky, 1933, 1951). Поскольку автор является сторонником гипотезы о наличии монголоидной примеси в Восточной Прибалтике, естественно привести аргументы в ее пользу, попутно разбирая контраргументы В. П. Якимова.

1. Тенденция к уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости и малому выступанию носовых костей по отношению к плоскости лица на неолитических черепах из погребений ямочно-гребенчатой керамики в то время, как такие сдвиги в изменчивости этих признаков незаметны на черепах культуры боевых топоров. В рамках гипотезы о смешении древнего населения Восточной Прибалтики с представителями монголоидной расы это обстоятельство полностью объяснимо, так как именно для ямочно-гребенчатого неолита можно говорить о восточных связях, тогда как культура боевых топоров имеет, по-видимому, западное происхождение. В. П. Якимов полагает, что некоторые группы населения Западной Европы в эпохи верхнего палеолита и мезолита характеризовались уплощенностью лицевого скелета, не меньшей, чем у населения Восточной Прибалтики и даже у сибирских монголоидов. Последнее не соответствует действительности, в чем легко убедиться, сопоставляя содержащиеся в работах В. П. Якимова и тех исследователей, на которых

¹ Применительно ко всему комплексу сведений об антропологическом составе латышей и истории его формирования эта гипотеза была аргументирована впервые, какжется, Н. Н. Чебоксаровым (1950).

он опирается, фактические данные о горизонтальной профилировке верхнепалеолитических черепов с аналогичными данными по сибирским монголоидам (Дебец, 1951; Розов, 1956; Миклашевская, 1959; Исмагулов, 1963; Алексеев, 1960б).

Что же касается совпадения величин назомалярного или зигомаксиллярного углов на некоторых верхнепалеолитических черепах и в серии ямочно-гребенчатого неолита, то это обстоятельство само по себе без рассмотрения степени выступления носа не может свидетельствовать ни о монголоидной примеси в составе населения культуры, ямочно-гребенчатой керамики, ни о сохранении уплощенности лицевого скелета в результате переживания морфологических черт более древнего населения. В. П. Якимов абсолютно прав, когда пишет о неправомерности установления наличия монголоидной примеси на основании рассмотрения только углов горизонтальной профилировки. Но ведь никто из его оппонентов и не писал о монголоидной примеси, скажем, в серии из Васильевки II, хотя почти все черепа из этого могильника отличаются большими величинами назомалярного и зигомаксиллярного углов (Гохман, 1958), не писал именно потому, что носовые кости на этих черепах выступают очень сильно. По выступанию носовых костей верхнепалеолитические черепа существенно отличаются от черепов ямочно-гребенчатого неолита. Первые характеризуются вполне европеоидными величинами, вторые — промежуточными между европеоидными и монголоидными вариациями. Таким образом, бросая своим противникам упрек в игнорировании комплекса признаков и указывая на необходимость учета всего многообразия морфологических вариаций, В. П. Якимов не следует своим рекомендациям в конкретных сопоставлениях. Именно комплекс признаков и говорит о монголоидной примеси в составе древнего населения Восточной Прибалтики.

2. Сдвиг в «монголоидном» направлении черепов ямочно-гребенчатого неолита по соотношениям диаметров и отдельным размерам черепной коробки и лицевого скелета. Последнее обстоятельство, установленное Г. Ф. Дебецом, еще раз расширяет фактическую базу только что приведенного утверждения о комплексном характере сдвигов в изменчивости, сближающих неолитическую серию из Восточной Прибалтики и северной полосы Восточной Европы с сибирскими монголоидами. Ее промежуточное положение между краниологическими сериями монголоидной и европеоидной рас продемонстрировано для совокупности из 10 признаков: лобно-поперечного, лобно-скулового, высотного-поперечного, вертикального краниофациального и орбитного указателей, а также для наименьшей ширины лба, высотного диаметра черепной коробки от базиса, угла лицевого треугольника при альвеолярной точке, длины основания черепа и высоты орбиты, т. е. для тех признаков, которые обычно кладутся в основу классификации на краниологическом материале и которые имеют достаточно высокую таксономическую ценность. В. П. Якимов признал обстоятельность аргументации Г. Ф. Дебеца и то, что она «заслуживает специального критического рассмотрения» (Якимов, 1962, стр. 131), но пока мы не имеем такого рассмотрения.

3. Сходство материальной культуры племен ямочно-гребенчатой керамики с археологическим инвентарем неолитических культур Урала и Западной Сибири. Соответствующие аналогии приведены в работах таких авторитетных специалистов, как М. Е. Фосс (1952), А. Я. Брюсов (1952), Н. И. Гурина (1956), Х. А. Моора (1954, 1956), Л. Ю. Янитс (1956, 1959; Jaanits, 1957), которые на основании этих аналогий делают вывод о реальной генетической связи неолитического населения Восточной Прибалтики с синхронными неолитическими племенами востока. Написав в одной из своих статей, что к разбору этих материалов «мы вернемся в связи с анализом наиболее ранних антропологических

материалов, происходящих с территории Советской Прибалтики» (Якимов, 1956, стр. 254), В. П. Якимов не сделал этого.

4. Сдвиг в изменчивости признаков, дифференцирующих европеоидные и монголоидные типы, у современного населения восточных районов Советской Прибалтики по сравнению с населением западных районов. Этот сдвиг проявляется по таким признакам, как развитие складки верхнего века, горизонтальная профилировка лицевого скелета, выступание скулы и т. д., приближая восточные группы к представителям монголоидной расы в большей степени, чем западные. Речь идет, конечно, не о промежуточном положении восточных групп между представителями монголоидной и европеоидной рас, а лишь о слабо выраженной тенденции, которая свидетельствует о небольшой примеси монголоидных элементов, а не о равном участии монголоидного и европеоидного компонентов в смешении. Проявляясь по разным, как правило, морфологически независимым признакам, она тем не менее не может быть оставлена без внимания именно в силу малой вероятности случайного сочетания независимо варьирующих признаков в исторически связанный комплекс. В. П. Якимов оставляет без внимания это обстоятельство.

5. Совпадение направления различий между западными и восточными группами современного населения Советской Прибалтики с исторической корреляцией признаков на территории европейской части СССР, Приуралья и Сибири. Впервые направление межгрупповой изменчивости признаков в группах, занимающих промежуточное положение между вариантами монголоидного и европеоидного расовых стволов, было статистически показано П. И. Зенкевичем на богатых материалах, собранных им среди финноязычных народов Поволжья (Зенкевич, 1934). Высокие положительные межгрупповые коэффициенты корреляции по признакам, подразделяющим европеоидные и монголоидные группы, и послужили для П. И. Зенкевича основным аргументом в пользу смешанного происхождения финских народов Поволжья. Дополнительные данные о величине коэффициентов межгрупповой корреляции между признаками высокого таксономического ранга, демонстрирующие закономерный характер различий, соответствующий территориальной дифференциации их во всей обширной зоне смешения европеоидных и монголоидных типов на территории СССР, были приведены Г. Ф. Дебецом по отношению к народам Западной Сибири (Дебеч, 1947). Наконец, в дополнение к ним им же были вычислены коэффициенты корреляции по материалам, собранным Н. Н. Чебоксаровым среди народов Приуралья (Дебеч, 1961; см. также Чебоксаров, 1946). Эти коэффициенты полностью соответствуют величине и направлению связи признаков в группах Западной Сибири и Поволжья. В. П. Якимов оставляет без внимания также и это обстоятельство.

Переходя от рассмотрения вопроса о наличии монголоидной примеси у населения Восточной Прибалтики в целом к конкретной проблеме наличия ее в составе населения восточной Латвии, следует отметить, что указанные выше различия между русской и восточнолатвийской сериями дают в целом дополнительный аргумент для ее признания. Но в принципе, если стоять на априорных позициях отрицания этой примеси, можно предполагать, что формирование антропологического типа латышей на основе малодифференцированного типа с уплощенным лицом, характерного для какой-то части древнего населения Европы, определило их морфологические особенности, тогда как русские сложились на иной антропологической основе.

Для окончательного выбора между этими двумя гипотезами существенно сравнение латвийской серии с сериями из западных районов. Степень профилированности лицевого скелета в горизонтальной плоскости и выступления носовых костей объединяет их с русскими, отличая от лат-

галов. Последние как бы вклиниваются между русскими и западными латышами, и создается ситуация, отдаленно напоминающая «эскимосский клин» на северо-востоке Азии и на Аляске, который много лет фигурировал в сибирской и американской этнографической литературе, но в конце концов оказался научной фикцией (Левин, 1949, 1958; Дебец, 1957). В противоположность этому в интересующем нас случае своеобразное положение восточных латышей, не занимающих промежуточного места между западными латышами и русскими, не вызывает сомнений.

С точки зрения гипотезы монголоидной примеси это обстоятельство получает разумное объяснение. Как бы ни относиться к существующим теориям происхождения восточнославянского населения северных и северо-западных районов, можно с достаточным основанием полагать, что восточнославянское население появилось здесь сравнительно недавно и что до него эти области были заняты либо финскими, либо летто-ливовскими племенами (см., например, Третьяков, 1941, 1953, 1958; Седов, 1960). Таким образом, славяне сформировались на иной антропологической основе в более южной зоне, почему они и не имеют в своем составе монголоидной примеси. В то же время местные корни этногенеза латышей несомненны, и участие в формировании их антропологического состава типов, характерных для населения Восточной Прибалтики в эпоху неолита и бронзы, доказывается всей совокупностью имеющихся данных об этногенезе прибалтийских народов (Чебоксаров, 1950; Моора, 1950; Тараканова, Терентьева, Чебоксаров, 1956). Современное население восточной Латвии увязывается преимущественно с населением культуры ямочно-гребенчатой керамики, современное население западной Латвии — преимущественно с населением культуры боевых топоров.

Имеющиеся данные о расселении финноязычных племен на территории Латвии в эпоху средневековья и в более позднее время состоят из прямых безоговорочных свидетельств для западной Латвии (см., например, Аристэ, 1954) и косвенных соображений для восточной Латвии. Последние были высказаны В. Е. Седовым в рецензии на публикацию материалов из Нукшинского могильника (Седов, 1959). Но финноязычное население Восточной Прибалтики в эпоху средневековья, по-видимому, не было однородным в антропологическом отношении. Сопоставление палеоантропологических материалов из славянских и финских могильников Новгородской земли показало, что финское население Севера европейской части СССР включало в свой состав небольшой процент монголоидных элементов (Седов, 1952). Однако изучение современных ливов свидетельствует о том, что европеоидный комплекс признаков выражен у них чрезвычайно резко и в этом отношении они сближаются с населением западных, а не восточных районов Латвии (Денисова, 1955, 1956). Об этом же свидетельствует палеоантропологический материал по отношению к средневековым предкам современных ливов (Weinberg, 1902). Таким образом, разную долю монголоидной примеси у западных и восточных латышей можно объяснить и за счет влияния финских групп, различавшихся по своим антропологическим особенностям.

Противоположная гипотеза о происхождении восточных латышей от древних групп европеоидной расы, характеризовавшихся уплощенным лицом, оставляет без объяснения очевидный факт разницы между западными и восточными латышами в этом признаке. По-видимому, следует предполагать, что западные группы латышского народа имели иных предков в пределах европеоидной расы, не отличавшихся по уплощенности лицевого скелета от современных европеоидных групп. Но тогда в чем же причина формирования разных территориальных групп латышского народа на основе разных антропологических типов? В случае «монголоидной» гипотезы такими причинами являются разный ареал европеоидной и монголоидной рас и переселение монголоидных групп

с востока на запад. В соответствии с гипотезой «недифференцированности» обе различающиеся по степени уплощенности лица группы европеоидной расы были распространены попеременно на территории Европы одновременно. И еще один вопрос можно задать сторонникам этой гипотезы: почему некоторая уплощенность лица и понижение выступающего носа отмечаются в Восточной Прибалтике, для которой связь с Западной Сибирью и Приуральем как раз наиболее вероятна? Ведь в качестве древних форм европеоидной расы с уплощенным лицом указываются верхнепалеолитические и мезолитические черепа из Западной Европы, из чего следует, что уплощенность лица, если она действительно связана с переживанием морфологических особенностей древних европеоидных групп, должна проявляться в наибольшей степени в западной Латвии.

Наконец, укажем еще на один дополнительный, но существенный аргумент в пользу наличия небольшой монголоидной примеси в составе населения восточной Латвии. Речь идет об одонтологическом исследовании латгальской серии, произведенном А. А. Зубовым². По некоторым особенностям строения коренных зубов, четко разграничивающим представителей европеоидной и монголоидной рас («затек эмали» и др.), черепа латгалов занимают промежуточное положение между ними. Неясно, как это обстоятельство можно согласовать с гипотезой, полностью отрицающей монголоидную примесь в составе латгалов.

СУММАРНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

По отношению ко всем перечисленным выше признакам, характеризующим горизонтальную уплощенность лица и выступание носовых костей, можно утверждать, что их таксономическая значимость велика, но отдать предпочтение какому-либо из них в ущерб другим в настоящее время невозможно. Поэтому целесообразно суммировать показания по отдельным признакам в каждой из исследуемых серий и, таким образом, получить обобщенную характеристику различий между сериями по уплощенности лицевого скелета и выступанию носовых костей и того, насколько эти различия могут считаться существенными в межгрупповом масштабе. С этой целью был выбран чисто эмпирический прием, теоретически возможный лишь при допущении равнозначности рассмотренных признаков. Прием этот прост и дает наглядные результаты. За основу сопоставления взяты данные, суммированные по обоим полам с использованием средних поправок на половой диморфизм (см. Алексеев, 1960а). Для сравнения привлечены краниологические серии армян и тунгусов. Данные по тунгусам взяты из работы Г. Ф. Дебеца (1951). Обе серии выбраны в качестве характерных представителей европеоидного и монголоидного расовых типов, различия между которыми практически соответствуют амплитуде колебаний антропологических признаков между крайними вариантами европеоидной и монголоидной больших рас. Результаты сопоставления представлены в табл. 1 (см. также рис. 2).

Разница между армянами и тунгусами по каждому признаку принята за 100,0. По всем признакам эта величина падает на тунгусскую серию. Не составляют исключения и те признаки, которые имеют наименьшие величины в монголоидных популяциях, как-то: угол выступающего но-

² Пользуюсь случаем принести А. А. Зубову глубокую благодарность за предоставленную мне возможность ознакомиться с результатами его исследований до их публикации.

Таблица 1

Суммарное сопоставление латышских и северо-западной русской серий по признакам, отражающим уплощенность лицевого скелета и носовых костей

Признаки	Армяне	Русские (Себеж, XVIII в.)	%	Западные латыши (Дурбе, XVII— XVIII вв.)	%
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	136,6 (154)	140,4 (159)	29,5	139,0 (94)	18,6
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	124,6 (139)	125,2 (146)	3,4	127,2 (70)	14,9
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	34,2 (127)	31,3 (130)	18,1	31,2 (56)	18,8
DS. Дакриальная высота . .	13,2 (149)	12,9 (131)	6,7	13,7 (61)	—11,1
DS:DC. Дакриальный указатель	62,6 (149)	61,1 (131)	6,9	61,4 (61)	5,6
SS. Симотическая высота . .	5,5 (146)	4,6 (141)	28,1	4,9 (71)	18,7
SS:SC. Симотический указатель	55,3 (146)	51,1 (141)	17,9	48,8 (71)	27,8
Итого . . .	0%	—	15,8	—	13,3

Таблица 1 (окончание)

Признаки	Западные латыши (XIX в.)	%	Восточные латыши	%	Тунгусы
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	138,4 (31)	14,0	140,1 (91)	27,1	149,5 (55)
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	124,9 (31)	1,7	127,1 (79)	14,3	142,1 (55)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	30,8 (29)	21,2	28,7 (81)	34,4	18,2 (43)
DS. Дакриальная высота . .	12,7 (30)	11,1	12,2 (83)	22,2	8,7 (55)
DS:DC. Дакриальный указатель	60,2 (30)	11,1	57,0 (83)	25,9	41,0 (55)
SS. Симотическая высота . .	4,7 (32)	25,0	4,2 (87)	40,6	2,3 (56)
SS:SC. Симотический указатель	52,5 (32)	12,0	44,6 (87)	45,7	31,9 (56)
Итого . . .	—	13,7	—	30,0	100%

совых костей, дакриальные и симотические высоты и указатели. За нулевую величину по каждому признаку принята величина его в армянской серии, не исключая и только что перечисленных носовых размеров, по которым армяне характеризуются максимальными величинами. Место каждой из взятых для сравнения серий выражается в процентах расстояния между армянами и тунгусами. Таким образом, чем выше величина процентного соотношения, тем больше исследуемая группа отличается от армянской и приближается к тунгусской. Сумма процентных величин, разделенная на количество признаков (в данном случае семь), дает суммарный коэффициент, выражающий то же самое уже не по отношению к каждому отдельному признаку, а по отношению ко всему комплексу признаков.

Рассмотрение таблицы показывает, что различия между русской и западнолатышскими сериями, с одной стороны, и латгальской серией, — с другой, сохраняют свое направление и масштаб и при суммировании наблюдений по отдельным признакам. Русская и западнолатышская серии сравнительно мало отличаются от армянской, тогда как латгаль-

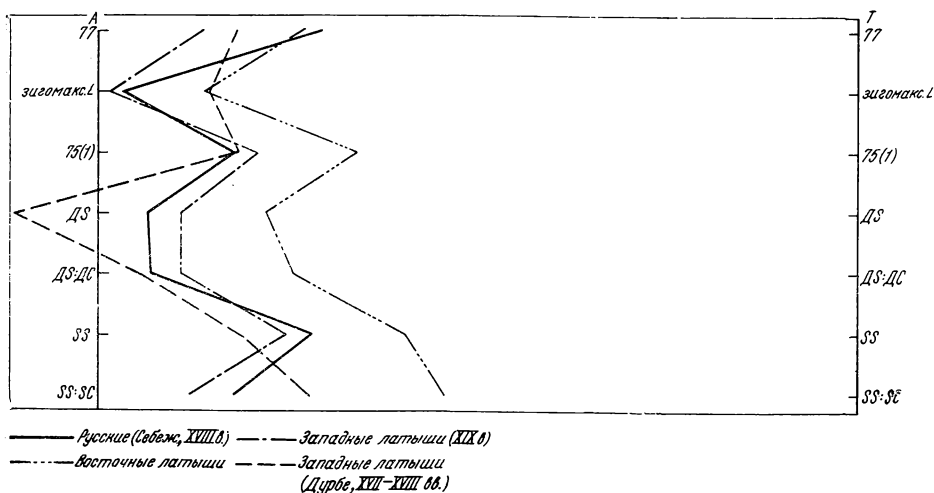

Рис. 2. График сопоставления латышских и северо-западной русской серий по уплощенности лицевого скелета и носовых костей:

А — армяне; Т — тунгусы

ская отклоняется от армянской почти на треть принятой за масштаб разницы между армянской и тунгусской сериями. Любопытно отметить, что это отклонение проявляется не только в углах горизонтальной профилировки, но и в размерах, характеризующих выступание носа. Подсчет суммарного коэффициента только для носовых размеров дает приблизительно те же величины, что и общего для носовых размеров и углов горизонтальной профилировки. Таким образом, как уже указывалось при обзоре по отдельным признакам, налицо комплекс изменений, не связанных прямой функциональной зависимостью, но в то же время находящихся в тесной исторической корреляции на территории Советского Союза. Это явление вряд ли могло бы иметь место, если бы речь шла только о чистых представителях европеоидной расы. Таким образом, и суммарное сопоставление приводит к тому же выводу, к какому мы пришли в предыдущем разделе, — к выводу о наличии небольшой монголоидной примеси в составе населения восточных районов Латвии.

В предварительном сообщении о результатах изучения латгальской серии автор для иллюстрации того, на сколько латгальские черепа отличаются от других европеоидных серий по углам горизонтальной профилировки лицевого скелета и выступанию носа, также воспользовался приемом суммарного сопоставления по этим признакам в той форме, в какой оно произведено выше. Причем этот прием и в предварительном сообщении был назван «чисто эмпирическим» (Алексеев, 1961а, стр. 35) и использован только в силу его простоты и наглядности. Однако, не смотря на эту оговорку, которая сама по себе достаточна, чтобы дать понять читателю, что прием этот имеет лишь иллюстративное значение, он вызвал резкие критические возражения и послужил предметом разбора в специальной статье (Гусева, 1963)³. Последнее обстоятельство вы-

³ Статья И. С. Гусевой называется «По поводу статьи В. П. Алексеева «Краниологические материалы к проблеме происхождения латышей». Во избежание недоразумения должен сказать, что я не печатал статьи под таким названием. Статья, которая разбирается И. С. Гусевой, в действительности называется «Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей», и она уже неоднократно упоминалась в этой работе.

зывает даже чувство некоторого недоумения: сам автор не придает форме суммирования данных по отдельным признакам, которая им принята, того значения, которое, очевидно, придается ей рецензентом. Но необходимость ответить на замечания вынуждает затронуть вопрос о правомерности такого суммирования тем более, что в данном случае он непосредственно связан с интересующей нас темой о наличии монголоидной примеси у населения восточной Латвии.

В качестве первого возражения против суммирования данных, которое было произведено не только по отдельным признакам, но и по обоим половым группам, указывалось на разный характер полового диморфизма в популяциях, относящихся к разным расовым типам. Однако это возражение не было аргументировано какими-либо данными. Между тем оно не является бесспорным. Специальная работа В. Г. Власовского, вопреки категорическому выводу автора о существовании вариаций в степени полового диморфизма, показала лишь весьма слабые и неотчетливые тенденции по отдельным признакам (Власовский 1961). Просмотр публикаций, содержащих обширные краниологические данные по достаточно большому количеству этнических групп, — К. Вагнера по Океании (Wagner, 1937), Г. Шима и Г. Ф. Дебеца по Восточной Азии (Shima, 1933; Дебеч, 1951), Б. Оттекинга и А. Грдлички по Северной Америке (Oettinger, 1930; Hrdlicka, 1924—1944) и других, а также наши собственные данные показывают, что половой диморфизм в разных группах современного человечества приблизительно одинаков, и если половые различия по отдельным признакам и обнаруживают определенные колебания, то вокруг каких-то величин, характерных для человека современного вида в целом⁴. Об этом свидетельствуют и палеоантропологические данные⁵. Таким образом, критическое отношение к суммированию данных по полам само по себе базируется на априорной предпосылке, нуждающейся в специальных и очень серьезных доказательствах. В статье моего оппонента таких доказательств нет.

Второе соображение, которое выставлено против суммирования данных, на сей раз по отдельным признакам, а не по половым группам, — это то, что «метод констатирует результат биоморфологических вариаций, но совершенно не вскрывает причин отклонения исследуемой группы от одной из крайних, принятых за основную, т. е. не отвечает на вопрос, интересующий В. П. Алексева (Гусева, 1963, стр. 142). Но именно определенные отклонения в «биоморфологических вариациях» и интересовали В. П. Алексева в первую очередь, а исторические причины их изыскивались с помощью анализа собственно исторических и палеоантропологических данных. Поэтому «не вдаваться в анализ палеоантропологических и исторических данных», как это сознательно делает И. С. Гусева (1963, стр. 145), нельзя без искажения моей аргументации, в которой как раз эти данные и составляют основное звено. Что же касается самого приема суммирования, то он сам по себе, разумеется, «не вскрывает наличия расовой примеси» (Гусева, 1963, стр. 142). Но какой из биометрических методов вообще позволяет это сделать? В любой книге и статье о границах применения математики в биологии общим местом стало указание на то, что любые статистические приемы дают лишь материал для каузального анализа, но они бессильны его заменить. Что же касается «показательной», иллюстрационной стороны дела, то примененный прием суммирования помогает уловить общую

⁴ Не имея возможности аргументировать здесь положение об одинаковом характере полового диморфизма в разных расовых группах, автор надеется привести соответствующие фактические данные в специальной работе.

⁵ См. палеоантропологические работы, содержащие большой цифровой материал, например: Сооп, 1939; Г. Ф. Дебеч, 1948.

тенденцию изменчивости по комплексу признаков, которая менее заметна при рассмотрении отдельных признаков.

Неправомерность произведенного суммирования иллюстрируется моим оппонентом с помощью введения в подсчет эскимосов. Но можно было бы назвать еще много групп — бушменов или суданских негров, например, которые также дали бы малопонятные и с трудом объяснимые показатели, но в то же время не опровергли бы правомерности самих подсчетов в интересующем нас случае. Дело в том, что И. С. Гусева оставляет без внимания единственный критерий возможности или невозможности суммирования данных по отдельным признакам — наличие высокой исторической корреляции между ними. При корреляции суммирование выполняет свои функции оценки серии по комплексу признаков, при отсутствии корреляции может привести к противоречивым и даже абсурдным выводам. Комбинации признаков внутри тихоокеанской ветви монголоидной расы складываются в иные территориальные комплексы по сравнению с северными монголоидами. Поэтому и введение в подсчет эскимосов вряд ли оправдано. О высокой исторической корреляции между признаками «монголоидного комплекса» на территории Западной Сибири, Поволжья и Восточной Прибалтики уже говорилось выше. Вряд ли эта корреляция была меньше и в эпоху неолита. Во всяком случае, характерные особенности современных типов европеоидной и монголоидной рас уже были выражены у неолитического населения вполне отчетливо.

Все сказанное о статье И. С. Гусевой говорит о чрезвычайной спорности выставленных в ней положений и о недостаточном внимании автора к фактическим данным, с одной стороны, и некоторым важным положениям расового анализа — с другой. Статья эта ни в коей мере не колеблет вывода, который покоится на анализе обширных и разнообразных данных по древнему и современному населению Восточной Европы и Западной Сибири. Этот вывод — наличие в составе населения Восточной Прибалтики очень небольшой монголоидной примеси. Таким образом, хотя в целом латыши и относятся к европеоидной расе, восточные группы латышского народа характеризуются некоторой неоднородностью в пределах больших расовых делений современного человечества.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Каковы те палеоантропологические материалы, которые позволили бы нарисовать картину истории антропологического состава населения Латвии от неолита до современности? Если говорить о Восточной Прибалтике в целом, то эта задача выполняется книгой М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова, на которую мы уже ссылались. Но нас интересует в данном случае гораздо более узкая территория собственно Латвии и возможность перекинуть мост от палеоантропологических данных к современности, от древнего населения Латвии к его потомкам. Наиболее ранний материал такого рода был опубликован Р. Я. Денисовой из могильника Крейчи (Денисова, 1960).

Могильник дал интереснейший и очень богатый археологический материал, с несомненностью свидетельствующий о его принадлежности к кругу памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики⁶. К сожалению, слов о богатстве находок нельзя повторить по отношению к палеоантропологическому материалу — он представлен всего тремя черепа-

⁶ Он хранится в Краеведческом музее г. Лудзы, где автор имел возможность познакомиться с частью коллекций.

ми, подвергшимся к тому же из-за своей плохой сохранности значительной реставрации. Один из этих черепов несомненно европеоидный, длинноголовый, довольно массивный. Два других отличаются более высоким черепным указателем, уплощенным лицом, уплощенным носом. Автор публикации отнесла их к различным типам и связала первый с европеоидным населением, представлявшим культуру боевых топоров и шнуровой керамики, два последних с тем смешанным населением, включавшим в свой состав небольшую монголоидную примесь, которое было характерно для культуры ямочно-гребенчатой керамики. Сам по себе факт наличия не очень больших различий даже в важных признаках на трех черепах, конечно, не был бы достаточен для столь ответственного вывода, но реальность его получала подтверждение в аналогичных различиях на материалах с территории Эстонии, Литвы, северных районов РСФСР. Таким образом, очевидно, можно утверждать, что на территории Латвии в неолитическое время уже проживало население, относившееся к двум антропологическим вариантам, выделенным в составе современных латышей.

Дальше, к несчастью, в материалах по палеоантропологии Латвии имеется пробел, который пока не может быть заполнен, несмотря на большой размах археологических исследований, проводимых в настоящее время. Речь идет об эпохе бронзы и первых этапах эпохи железа. Основную роль в разрушении палеоантропологических материалов этого времени сыграл обычай трупосожжения, широко распространившийся в Латвии и Литве. После длительного перерыва начиная с неолитического времени мы получаем первые серии, лишь переходя к середине I тысячелетия н. э. Для иллюстрации вариаций основных признаков данные по ним представлены в табл. 2. В этой таблице фигурируют и серии более позднего периода вплоть до эпохи позднего средневековья. Черепа из Добельского района (могильники Оши, Беляс, Шкерстайни, Стури, Лейниекс, датируемые V—VII вв.), а также из Прейлского, Карсавского, Цесвайньского и Гауйенского районов (могильники Кристапени, Мердзене, Кална—Паукиши, Яунпиебалга, датируемые X—XII вв.) описаны Я. Лицисом (Licis, 1939). Черепа ливов описаны Р. Вайнбергом (Weinberg, 1902). Суммарная серия черепов латгалов составила по Нукцинскому (Дайга, 1957), Люцинскому, Цибласкому и Рикополскому (Кпоге, 1930) могильникам. При вычислении средних в нее включены черепа из Циблаского могильника, измеренные автором в музее Института антропологии МГУ. Латгальская серия из могильника Кивти ввиду заметных морфологических отличий от других латгальских серий представлена отдельно (Денисова, 1964). Материал по краниологии средневековых селов из могильника Леясдопелес описан Р. Я. Денисовой (1964а). Данные о черепах из Пале взяты из работы И. Приманиса (Primanis, 1925), о черепах из Риннюкалса — из старой работы А. Зоммера (Sommer, 1884). Наконец, серия из центральных районов Латвии, датируемая XVI—XVII вв., составила из данных, опубликованных Я. Лицисом в только что отмеченной книге, и данных И. Дайги (см. Витов, Марк, Чебоксаров, 1959, стр. 215—217). Из книги М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова взяты многие размеры, отсутствующие в оригинальных публикациях, — углы лба, лица и горизонтальной профилировки, симотические и дакриальные размеры и указатели, определение которых было проведено преимущественно К. Ю. Марк. Использованы данные только по мужским группам, так как женские группы в большинстве случаев малочисленны.

Какие выводы можно сделать из рассмотрения материалов табл. 2? В общем они более или менее равномерно охватывают всю территорию Латвии. Разумеется, остается еще много не только хронологических, но и территориальных пробелов, но все же нет сколько-нибудь крупного

Краниологические серии эпохи средневековья с территории

Происхождение	Добельский район (земгалы)	Лимбажский и Сигулдаский районы (ливвы)	Прейльский, Карсавский, Цесвайнский, Гауйенский районы (латгалы)	Лудзенский, Резекнеский районы (латгалы)	Лудзенский район (мог. Кивти, латгалы)
	V—VII вв.	XI в.	X—XII вв.	X—XII вв.	VII—XII вв.
Признаки					
1. Продольный диаметр	195,0 (10)	185,7 (6)	192,5 (12)	188,0 (58)	188,0 (5)
8. Поперечный диаметр	136,6 (10)	135,8 (5)	140,8 (12)	138,3 (57)	141,4 (5)
8:1. Черепной указатель	70,0 (10)	73,5 (5)	73,5 (12)	73,4 (54)	72,5 (5)
17. Высотный диаметр (ba—br)	139,7 (9)	132,2 (5)	137,8 (11)	138,2 (39)	139,4 (5)
5. Длина основания черепа	108,8 (8)	—	106,8 (9)	105,1 (40)	107,5 (4)
9. Наименьшая ширина лба	97,8 (10)	97,8 (5)	99,1 (11)	98,2 (53)	99,0 (5)
32. Угол лба (па—ме)	80,3 (9)	—	85,8 (5)	81,9 (31)	83,5 (4)
Надбровье (1—6 по Мартину)	5,50 (10)	—	4,70 (6)	3,36 (60)	3,75 (4)
40. Длина основания лица	—	—	100,2 (9)	98,1 (25)	96,5 (4)
45. Скуловая ширина	132,7 (6)	128,3 (3)	134,0 (4)	136,7 (22)	139,3 (4)
48. Верхняя высота лица	72,7 (7)	71,8 (5)	72,3 (7)	70,3 (27)	70,3 (4)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	42,6 (8)	—	44,7 (10)	42,5 (28)	44,0 (4)
52. Высота орбиты (лев.)	31,9 (8)	—	34,1 (10)	32,9 (27)	33,8 (4)
54. Ширина носа	26,2 (6)	—	25,9 (8)	25,8 (25)	25,3 (4)
55. Высота носа	53,3 (6)	—	51,9 (9)	51,1 (29)	54,5 (4)
DC. Дакриальная хорда	23,3 (3)	—	21,6 (11)	22,2 (22)	—
DS. Дакриальная высота	14,6 (3)	—	14,0 (11)	12,5 (22)	—
DS:DC. Дакриальный указатель	64,4 (3)	—	66,2 (11)	59,8 (22)	—
SC. Симотическая хорда	9,3 (4)	—	10,4 (11)	10,0 (30)	10,0 (4)
SS. Симотическая высота	5,0 (4)	—	4,6 (11)	4,9 (29)	4,0 (4)
SS:SC. Симотический указатель	56,0 (4)	—	45,7 (11)	48,6 (29)	39,9 (4)
72. Угол профиля лица общий	84,0 (3)	—	85,8 (5)	84,1 (21)	90,5 (4)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	32,0 (4)	—	33,9 (8)	31,7 (21)	28,0 (3)
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	140,8 (5)	—	136,6 (12)	137,7 (29)	144,5 (4)
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	120,0 (2)	—	124,4 (3)	123,0 (20)	125,8 (4)

географического района Латвии, который бы не был представлен хотя бы одной серией. Антропологические особенности населения, оставившего все эти серии, очень близки и позволяют говорить о едином типе, отличающемся резкой выраженностью европеоидных признаков и сближающемся с древним населением культуры боевых топоров и шнуровой керамики. Антропологические материалы дают все основания видеть в последнем непосредственных предков людей более поздних эпох и вести от них через хронологические этапы, представленные в наших материалах, происхождение современных латышей.

Но где же потомки населений ямочно-гребенчатой керамики? Или оно не оставило потомков, само растворившись в составе более многочисленных и сильных племен культуры шнуровой керамики и бое-

Латвии в сравнении с современными ♂

Екабпилский район (мог. Леядопелес, селы)	Северная Латвия (мог. Пале)	Северная Латвия (мог. Рин-нюкалс)	Центральная Латвия (земгалы)	Западная Латвия (курши)	Западная Латвия (курши)	Восточная Латвия (латгалы)
XI—XIII вв.	XVII в.	XV—XVII вв.	XVI—XVII вв.	XVII—XVIII вв.	XIX в.	XVIII в.
187,6 (7)	182,6 (21)	180 (26)	190,2 (16)	184,6 (59)	184,1 (22)	182,4 (46)
140,3 (7)	142,1 (21)	141 (26)	144,3 (16)	144,1 (58)	145,0 (22)	144,1 (47)
74,8 (7)	78,0 (21)	77,6 (20)	76,3 (15)	78,2 (58)	78,9 (22)	79,2 (46)
137,2 (5)	131,8 (21)	—	136,1 (16)	132,6 (47)	132,5 (20)	134,3 (43)
105,6 (5)	100,3 (21)	—	—	101,1 (46)	101,6 (22)	101,9 (43)
97,6 (5)	97,0 (21)	98 (26)	102,0 (7)	99,4 (60)	97,5 (22)	96,9 (46)
84,4 (5)	82,5 (2)	—	81,5 (13)	80,3 (45)	81,2 (20)	84,4 (44)
1,71 (7)	2,30 (21)	—	4,50 (18)	2,61 (61)	2,64 (22)	3,06 (47)
98,8 (4)	98,9 (12)	—	—	96,6 (38)	100,8 (21)	98,8 (42)
132,2 (5)	130,6 (11)	131 (26)	136,5 (10)	133,5 (47)	133,9 (22)	133,9 (46)
67,8 (5)	66,4 (12)	69 (26)	71,1 (13)	69,4 (47)	72,3 (20)	70,4 (45)
42,2 (5)	—	—	43,3 (13)	42,6 (48)	43,5 (21)	42,0 (46)
32,4 (6)	—	—	32,9 (13)	33,0 (51)	33,0 (21)	32,4 (46)
25,8 (5)	—	26 (26)	24,6 (14)	25,2 (44)	25,5 (20)	24,9 (43)
50,6 (5)	—	52 (26)	51,8 (13)	51,7 (47)	52,2 (21)	51,2 (46)
—	21,3 (8)	—	21,3 (8)	23,3 (32)	21,8 (21)	21,9 (45)
—	13,1 (7)	—	13,1 (8)	13,6 (32)	13,1 (21)	12,4 (45)
—	62,0 (7)	—	60,0 (8)	58,6 (32)	60,6 (21)	56,8 (45)
11,7 (5)	10,7 (9)	—	10,1 (8)	10,5 (37)	9,3 (22)	9,5 (45)
5,5 (5)	4,5 (9)	—	4,7 (8)	4,9 (37)	4,8 (22)	4,3 (45)
46,8 (5)	42,8 (9)	—	46,5 (8)	47,6 (37)	51,4 (22)	46,0 (45)
88,2 (5)	82,7 (6)	85 (26)	82,6 (12)	86,0 (40)	83,4 (20)	84,9 (40)
32,0 (2)	29,7 (6)	—	33,1 (8)	31,7 (33)	31,0 (20)	30,4 (41)
134,0 (5)	136,3 (10)	—	140,3 (8)	139,5 (52)	138,1 (21)	140,9 (46)
126,0 (1)	126,8 (5)	—	128,4 (7)	126,9 (36)	123,5 (21)	127,1 (42)

вых топоров? Так можно было бы думать, если бы в нашем распоряжении не было серии из восточной Латвии, относящейся к XVIII в. Мы уже отмечали ее своеобразие в сравнении с синхронной серией из западных районов Латвии. Но это своеобразие (и нужно это особенно подчеркнуть) проявляется при сравнении серии XVII в. из восточных районов с любой другой известной нам серией с территории расселения западных латышей в относительно высоких величинах углов горизонтальной профилировки и более низких величинах дакриальных и симотических высот и указателей и угла носовых костей. Пожалуй, только симотический указатель обнаруживает исключение, не выдаваясь ни в ту, ни в другую сторону из ряда вариаций в других сериях. Это своеобразие черепов восточных латышей XVIII в., как мы пытались показать, объясняется

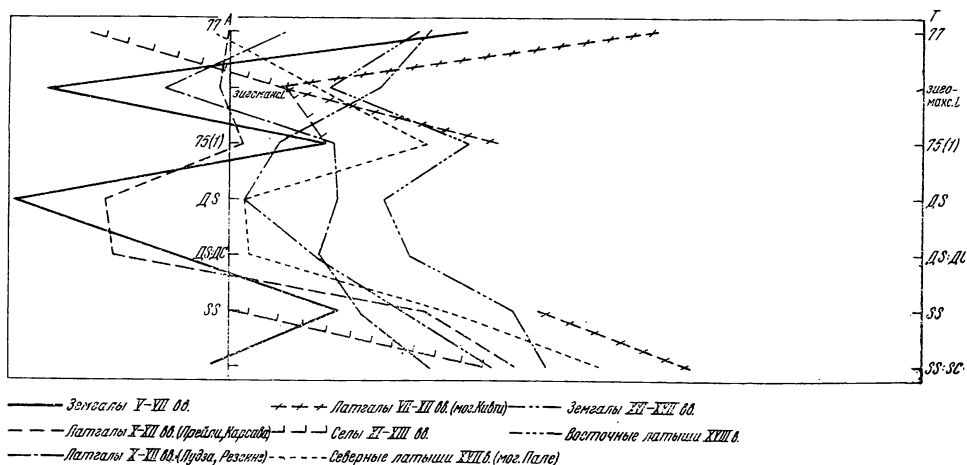

Рис. 3. График сопоставления средневековых серий с территории Латвии по уплощенности лицевого скелета и носовых костей:

А — армяне; Т — тунгусы

с помощью гипотезы наличия в составе восточных латышей монголоидной примеси. В этой серии, как мы полагаем, небольшая монголоидная примесь есть, тогда как в других она полностью отсутствует.

Примесь эта не выражается в присутствии нескольких четко выделяющихся монголоидных черепов, которые могли бы рассматриваться как доказательство ее позднего происхождения. Нет, она обнаруживается по небольшому сдвигу средних величин и не деформирует кривых распределения. Это обстоятельство само по себе свидетельствует о ее древнем происхождении и возможности видеть в латгалах XVIII в., а по-видимому, и современности потомков населения культуры ямочно-гребенчатой керамики. Такой вывод носит, правда, сугубо предварительный характер, так как в нашем распоряжении нет данных о многих промежуточных этапах расогенеза — антропологическом типе населения эпохи бронзы и раннего железа. Да и палеоантропологические данные об эпохе неолита, как уже отмечалось, весьма фрагментарны. И все же этот вывод, пусть предварительно, может быть высказан, так как морфологические основания для него есть.

Возникает вопрос, почему комбинация признаков, аналогичная только что отмеченной в серии XVIII в. из восточной Латвии, не фиксируется в латгальских сериях X—XII вв. отсюда же. Казалось бы, латгалы XVIII в. — непосредственные предки средневекового населения. Случайность выбора, которая могла бы привести к случайному подбору индивидуумов с разными признаками, исключена в данном случае, так как обе выборки достаточно многочисленны. Таким образом, морфологическая разница между сериями X—XII вв. и XVIII в., по-видимому, факт, отражающий реальную действительность. Он может быть проиллюстрирован и с помощью суммарного сопоставления средневековых серий и серии XVIII в. из восточной Латвии, основанного на том же приеме, который применен для сравнения близких к современности латышских серий и русской серии XVIII в. из Себежа. Результаты представлены в табл. 3. Подсчет процентных соотношений основан на средних по отдельным признакам, представленным в табл. 2. По суммарному коэффициенту латгальские серии X—XII вв. также заметно отличаются от латгальской серии XVIII в., сближаясь с сериями XVIII и XIX вв. из западной Латвии (рис. 3).

Можно предположить две возможности для объяснения этого факта. Проще всего предположить, что в орбиту наших знаний попали случайно средневековые могильники, которые были оставлены населением, преимущественно концентрировавшим в своем типе те же особенности, которые были характерны для потомков племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров. Ведь их было много больше, чем людей, сохранивших в своем антропологическом типе примесь элементов восточного происхождения. В случае, если такое предположение справедливо, дальнейшие исследования должны открыть могильники, палеоантропологический материал из которых окажется тождественным с серией

Таблица 3

Суммарное сопоставление средневековых серий с территории Латвии по признакам, отражающим уплощенность лицевого скелета и носовых костей ♂

Признаки	Земгалы V—VII вв.	Латгалы X—XII вв. (Прейли, Карсава)	Латгалы X—XII вв. (Лудза, Резекне)	Латгалы VII—XII вв. (мог. Кивти)
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	34,1	0	3,5	61,2
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	—26,3	—1,1	—9,1	6,9
75 (1). Угол носовых костей и линии профиля	—13,8	1,9	15,0	38,8
DS. Дакриальная высота	31,1	—17,8	15,6	—
DS:DC. Дакриальный указатель	—8,3	—16,7	13,0	—
SS. Симотическая высота	15,6	28,1	18,7	46,8
SS:SC. Симотический указатель	—3,0	41,0	28,6	65,8
Итого	—0,7	5,1	12,9	43,9

Таблица 3 (окончание)

Признаки	Селы XI—XIII вв.	Северные латыши XVII в. (мог. Пале)	Земгалы XVI— XVII вв.	Восточные латыши XVIII в.
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	—20,2	—2,3	28,7	27,1
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	8,0	12,6	21,7	14,3
75 (1). Угол носовых костей и линии профиля	13,8	28,1	6,9	34,4
DS. Дакриальная высота	—	2,2	2,2	22,2
DS:DC. Дакриальный указатель	—	2,8	12,0	25,9
SS. Симотическая высота	0	31,2	25,0	40,6
SS:SC. Симотический указатель	86,3	58,4	37,6	45,7
Итого	7,6	18,3	19,2	30,0

XVIII в. По другому предположению, высказанному раньше, различие между средневековым населением и населением XVIII в. неслучайно. Оно может быть объяснено при учете археологических данных, рисующих сложную картину взаимодействия собственно балтийских и финских элементов в Восточной Латвии в эпоху средневековья. Известная публикация археологических материалов из Нукшинского могильника может служить тому примером. В рецензии на эту книгу В. В. Седов выделил группу погребений с трупосожжением, которые, по его мнению, относятся

ся к финскому субстрату в составе латгалов (Седов, 1959). При этом следует учитывать, что, с одной стороны, этот субстрат был немногочисленным, а с другой — примесь финских элементов может фиксироваться не только в составе населения, оставившего Нукшинский могильник, но и в других средневековых могильниках в восточных районах Латвии. Если это так, то монголоидная примесь не фиксируется в средневековом населении потому, что она не доходит до нас в наличных палеоантропологических материалах (обычай трупосожжения, распространенный у финского по происхождению населения, которое как раз, по-видимому, и являлось основным носителем монголоидной примеси).

Последнее утверждение может быть аргументировано палеоантропологическими данными о средневековом населении северных районов РСФСР. Произведенный В. В. Седовым тщательный анализ погребального инвентаря курганов, распространенных в северо-западных землях Великого Новгорода, показал, что в составе этих курганов могут быть выделены памятники двух типов: собственно курганы словен новгородских и курганы «чуди» — финского по происхождению населения (Седов, 1953). Палеоантропологический материал из этих двух групп курганов также различен — черепа «чудского» населения отличаются, как уже отмечалось, уплощенностью лица и носа и несут в своем составе небольшую монголоидную примесь (Седов, 1952). Аналогичная примесь характерна и для средневекового населения Эстонии, а также Верхнего и Среднего Поволжья — предков современных восточнофинских народов (см. дальше). Правда, на западе Латвии финский элемент не включает монголоидной примеси — пример тому современные ливы. Но финский компонент этногенеза латгалов, очевидно, ближе к восточным группам прибалтийско-финских народов, а может быть, и к восточным финнам в целом, нежели к западным прибалтийско-финским группам.

Особое внимание в этой связи привлекает небольшая серия из могильника Кивти. Описавшая ее Р. Я. Денисова, основываясь на тех же самых признаках, о которых много писалось выше, отмечает наличие в серии монголоидной примеси. Действительно, и по отдельным признакам, характеризующим уплощенность лицевого скелета и носовых костей, и по их комплексу, выражаемому суммарным коэффициентом (см. табл. 3, рис. 3), серия из Кивти отличается от других средневековых латгальских серий, не говоря уже о средневековых сериях из центральных и западных районов Латвии, и сближается с восточнолатышской серией XVIII в. Обстоятельство это приобретает особое значение из-за датировки серии из Кивти — большинство черепов происходит из погребений VIII в., т. е. датируется гораздо более ранним временем, чем остальные латгальские материалы. Может быть, именно поэтому монголоидная примесь, которая предположительно увязывается с финским этническим компонентом, выражена в этом могильнике достаточно отчетливо, тогда как она не ощущается в средневековых латгальских могильниках более поздней эпохи?

Любое из двух перечисленных предположений вполне удовлетворительно объясняет отличие латгалов XVIII в. от их средневековых предков в концентрации монголоидных особенностей. Какое из них ближе к истине и нет ли какой-нибудь иной возможности объяснить это различие, покажет будущее.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕВРОПЕОИДНОГО КОМПОНЕНТА В СОСТАВЕ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

Проблема происхождения европеоидного компонента, представленного в исследуемых сериях, является одновременно, как легко было понять из предшествующего изложения, проблемой происхождения подавляющего большинства того населения, которое известно нам по этим сериям, иными словами, проблемой происхождения преобладающего компонента в составе латгалов. Для западных латышей этот компонент, если его рассматривать под углом зрения только антропологических данных, является, по-видимому, не только основным, но и единственным. Таким образом, речь идет о сложении основного антропологического пласта, входящего в состав латышей в целом.

Палеоантропологические материалы с территории Латвии, как мы убедились, очень невелики и явно недостаточны для сколько-нибудь полноценного суждения об истории антропологических типов с древности до современности и о связи их с типами окружающих областей. Можно утверждать, что для древнего населения Латвии в частности и Восточной Прибалтики в целом был характерен среднемассивный длинноголовый европеоидный тип с резко выраженными европеоидными особенностями. Формирование этого типа, характеризовавшегося, кстати сказать, в дополнение к перечисленным признакам среднешироким лицом, очевидно, восходит к глубокой древности и произошло в результате эпохальной перестройки протоморфного широколицего типа верхнепалеолитического населения Европы (обоснование гипотезы см.: Дебец, 1948, 1961а). Определенный тип этой перестройки улавливается с помощью небольшого палеоантропологического материала из могильников культуры шнуровой керамики с территории Эстонии (см. указанные работы К. Ю. Марк).

Череп из этих могильников характеризуются большими размерами всех диаметров удлинённой по форме черепной коробки, массивностью, резкой горизонтальной профилировкой лицевого скелета и сильно выступающим носом, т. е. четкой выраженностью морфологических особенностей европеоидной расы, средним по ширине лицом. По большинству признаков и особенно по ширине лица и степени массивности черепа они занимают промежуточное положение между суммарной серией из верхнепалеолитических погребений Европы и современными краниологическими сериями латышей и эстонцев. Но в общем, несмотря на некоторые отличия серии шнуровой керамики от современных, можно утверждать, что представленный в ней комплекс морфологических признаков лег в основу формирования антропологического типа современного населения Латвии и Эстонии. Кстати говоря, судя по палеоантропологическому материалу из могильника Крейчи, этот комплекс признаков был представлен и в составе неолитического населения Латвии.

Совершенно очевидно, что этот тип подвергся некоторому изменению уже на территории Прибалтики как в результате контакта с представителями монголоидной расы, о чем говорилось выше, так и в процессе эпохальной трансформации, сказавшейся на сужении лицевого скелета и увеличении черепного указателя (см. ниже). Но это — позднейшие явления, не имеющие непосредственного отношения к проблеме его генезиса. Между тем именно эта проблема является основной для выяснения путей и этапов формирования антропологического состава современного населения Восточной Прибалтики. К сожалению, для ее решения пока мало данных.

В качестве ближайших аналогий тому комплексу морфологических признаков, который мы находим в погребениях шнуровой керамики с территории Эстонии, можно назвать краниологические типы, зафиксиро-

Сопоставление неолитических серий с территории Эстонии, скандинавских стран и северной Германии

Признаки	♂						♀								
	Эстония	северная Германия	Дания	Швеция	Норвегия*	Эстония	северная Германия	Дания	Швеция	Норвегия*	Эстония	северная Германия	Дания	Швеция	Норвегия*
1. Продольный диаметр	195,4 (5)	190,0 (5)	185,8 (56)	187,8 (45)	189,6 (7)	180,3 (3)	179,3 (4)	178,3 (16)	178,8 (24)	178,0 (10)	178,0 (3)	179,3 (4)	178,3 (16)	178,8 (24)	178,0 (10)
8. Поперечный диаметр	137,2 (5)	138,4 (5)	143,3 (56)	140,6 (44)	144,3 (6)	136,0 (3)	127,8 (4)	137,8 (16)	134,0 (25)	134,9 (9)	136,0 (3)	127,8 (4)	137,8 (16)	134,0 (25)	134,9 (9)
8:1. Черепной указатель	70,3 (5)	72,9 (5)	77,2 (56)	75,1 (44)	75,5 (6)	75,7 (3)	74,3 (4)	77,4 (16)	74,9 (24)	75,4 (9)	75,7 (3)	74,3 (4)	77,4 (16)	74,9 (24)	75,4 (9)
17. Высотный диаметр (ba—br)	140,7 (3)	134,0 (5)	144,2 (42)	136,4 (29)**	134,0 (2)	130,5 (2)	136,2 (4)	133,0 (12)	130,1 (13)**	129,0 (5)	130,5 (2)	136,2 (4)	133,0 (12)	130,1 (13)**	129,0 (5)
9. Наименьшая ширина лба	97,5 (4)	98,2 (5)	98,4 (56)	98,3 (42)	99,9 (7)	93,7 (3)	93,2 (4)	96,5 (15)	94,6 (23)	92,7 (9)	93,7 (3)	93,2 (4)	96,5 (15)	94,6 (23)	92,7 (9)
9:8. Лобно-поперечный указатель	71,5 (4)	71,0 (5)	68,6 (56)	70,2 (41)	69,3 (6)	69,0 (3)	73,0 (4)	70,2 (15)	70,0 (23)	68,9 (8)	69,0 (3)	73,0 (4)	70,2 (15)	70,0 (23)	68,9 (8)
45. Скуловая ширина	136,5 (2)	136,2 (5)	135,5 (43)	129,5 (21)	—	128,3 (3)	127,7 (4)	128,5 (13)	123,1 (8)	—	128,3 (3)	127,7 (4)	128,5 (13)	123,1 (8)	—
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	103,5 (2)	98,5 (5)	94,4 (42)	92,1***	—	94,3 (3)	100,1 (4)	93,8 (13)	91,9***	—	94,3 (3)	100,1 (4)	93,8 (13)	91,9***	—
48. Верхняя высота лица	74,6 (5)	68,0 (5)	70,5 (44)	70,2 (23)	64,5 (2)	65,3 (3)	64,0 (4)	65,8 (12)	65,1 (10)	64,0 (3)	65,3 (3)	64,0 (4)	65,8 (12)	65,1 (10)	64,0 (3)
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	57,4 (3)	50,7 (5)	52,2 (39)	51,5***	48,8 (2)	50,6 (2)	47,1 (4)	51,2 (11)	50,4***	49,4 (3)	50,6 (2)	47,1 (4)	51,2 (11)	50,4***	49,4 (3)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,7 (2)	49,8 (5)	52,3 (38)	54,2 (19)	—	51,2 (3)	50,2 (4)	51,2 (11)	53,9 (8)	—	51,2 (3)	50,2 (4)	51,2 (11)	53,9 (8)	—
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	44,5 (4)	39,2 (5)	41,2 (48)	44,2 (20)	41,3 (3)	42,0 (3)	39,8 (4)	39,8 (13)	37,3 (6)	39,5 (4)	42,0 (3)	39,8 (4)	39,8 (13)	37,3 (6)	39,5 (4)
52. Высота орбиты (лев.)	32,6 (5)	32,2 (5)	31,3 (48)	32,7 (20)	31,3 (3)	32,3 (3)	32,5 (4)	30,8 (12)	30,6 (8)	31,7 (4)	32,3 (3)	32,5 (4)	30,8 (12)	30,6 (8)	31,7 (4)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	72,5 (4)	82,5 (5)	75,1 (45)	79,1 (19)	75,9 (3)	77,0 (3)	78,1 (4)	77,1 (12)	80,0 (6)	80,5 (4)	77,0 (3)	78,1 (4)	77,1 (12)	80,0 (6)	80,5 (4)
54. Ширина носа	27,0 (5)	24,4 (5)	24,6 (40)	23,6 (22)	24,0 (2)	22,3 (3)	24,2 (4)	23,9 (11)	22,9 (8)	23,7 (3)	22,3 (3)	24,2 (4)	23,9 (11)	22,9 (8)	23,7 (3)
55. Высота носа	53,8 (5)	45,4 (5)	49,9 (41)	51,7 (23)	48,0 (2)	48,0 (3)	46,5 (4)	46,9 (11)	46,8 (8)	45,7 (3)	48,0 (3)	46,5 (4)	46,9 (11)	46,8 (8)	45,7 (3)
52:55. Носовой указатель	50,2 (5)	54,0 (5)	49,5 (37)	45,7 (22)	50,3 (2)	46,7 (3)	52,4 (4)	51,1 (10)	49,0 (8)	51,8 (3)	46,7 (3)	52,4 (4)	51,1 (10)	49,0 (8)	51,8 (3)

* Суммарная серия эпохи неолита и бронзы. Суммировангл.: вывано малочисленностью данных.

** Высота черепной коробки вертикальная (ba—ve).

*** Индекс средних.

рованные в неолите Швеции (Retzius, 1900; Fürst, 1912), позднем неолите Дании (Bröste и др., 1953), неолите Норвегии (Schreiner, 1946) и прибрежных районах Западной Балтики (Schlitz, 1908). Соответствующие данные частично представлены в табл. 4. Все это области, где была распространена культура шнуровой керамики или боевых топоров (см., например, Чайлд, 1952). На всей этой территории, практически почти охватывающей всю Северную Европу, в эпоху позднего неолита уже не существовало очень ширококоличных людей, в неизменности сохранявших тип верхнепалеолитического населения. Исключение составляют черепа из могильника на острове Готланд (Dahr, 1943), но там протоморфные особенности могли задержаться вследствие островной изоляции (скуловой диаметр на 11 мужских черепах — 139,6 мм, на 9 женских — 129,4 мм). Однако ареал культуры боевых топоров охватывал, как известно, и Восточную Европу. Х. А. Моора полагает даже, что фатьяновская культура, которая из всех восточноевропейских культур, по-видимому, обнаруживает наибольшие аналогии с памятниками Прибалтики, оставлена древними балтами (Моора, 1958). Палеоантропологический материал не противоречит такой гипотезе. Правда, черепа из фатьяновских могильников, описанные А. П. Богдановым (1881) и М. С. Акимовой (1947), характеризовались большой ширококоличностью, но их количество было недостаточно велико для окончательного суждения.

Новый палеоантропологический материал из раскопок Д. А. Крайнова вносит существенный корректив в старые данные и позволяет утверждать, что по ширине лица фатьяновцы не отличались от древнего населения Восточной Прибалтики. То же самое можно сказать и про остальные признаки.

Палеоантропологические данные заставляют, следовательно, критически отнестись к попытке увязать фатьяновские могильники с памятниками южных территорий и, в частности, Кавказа (см., например, Трофимова, 1949),⁷ что, очевидно, находит себе подтверждение и в археологических данных. Но в то же время такой вывод лишает нас возможности определенным образом высказаться о путях проникновения предков современных латышей на территорию их современного распространения. Совершенно очевидно, что основная волна населения, принесшего шнуровую керамику и боевые топоры, появилась в Восточной Прибалтике с юга. Но это заключение носит очень общий характер. Что же касается более детальных сопоставлений, то они затрудняются одинаковой степенью сходства единственной находящейся в нашем распоряжении серии шнуровой керамики, как с более западными, так и с фатьяновской сериями.

На основании археологических данных, очевидно, можно предполагать, что культура боевых топоров появилась в Восточной Прибалтике с юго-запада из центральной Европы и что из той же обширной зоны были принесены многие важнейшие элементы фатьяновской культуры (обзор исследований см.: Моора, 1956, 1958; Брюсов, 1965). Но такая же степень детализации выводов пока недостижима для палеоантропологических данных в этом случае.

Соматологические исследования показали с полной определенностью, что народы Восточной Прибалтики, так же как и народы Скандинавии, относятся к северной ветви европеоидной расы, отличающейся от южной в первую очередь посветлением пигментации волос, глаз и кожи. Н. Н. Чебоксаров (1954) писал, правда, о наличии небольшой при-

⁷ Правда, Т. А. Трофимова пишет в основном о Балановском могильнике, для которого южные связи, по-видимому, более вероятны (см. Бадер, 1950, 1963; Акимова, 1963).

меси южных средиземноморских элементов в составе литовцев, но это наблюдение, если даже оно и справедливо, не меняет общей картины. В пределах северной ветви европеоидной расы выделяются обычно две обширные группы антропологических типов — западная, или атлантико-балтийская, и восточная, или беломоро-балтийская (см., например, Чебоксаров, 1951). Раньше в качестве основного различия между ними фигурировал обычно черепной указатель. Но более полное накопление материалов с территории Скандинавии показало, что в Норвегии встречаются такие же брахикранные группы, как и в Восточной Прибалтике, а также среди северных групп русского народа (обзор материала см.: Чебоксаров, 1936; см. также Дебец, 1958; Алексеев, 1964). Таким образом, в качестве основного критерия дифференциации западной и восточной групп должны быть использованы различия по тому комплексу признаков, по которому различаются обычно европеоидные и монголоидные популяции, т. е. по выступанию скул, развитию складки верхнего века, интенсивности пигментации. Следует подчеркнуть еще раз, что масштаб этих различий очень мал, но тем не менее только они позволяют отдифференцировать атлантико-балтийскую группу типов от беломоро-балтийской.

Если исключить эту ничтожную по величине долю монголоидной примеси в составе беломоро-балтийских форм, то, по-видимому, они потеряют свое морфологическое своеобразие по сравнению с классическими представителями северной ветви европеоидов, для которых характерна наибольшая степень депигментации. Это означает, что вопрос о причинах депигментации представителей северной ветви не безразличен для нашей темы и имеет непосредственное отношение к генезису беломоро-балтийских типов. Пока, к сожалению, антропология не вышла из стадии догадок и более или менее правдоподобных гипотез в изучении факторов депигментации. Гипотеза прямой адаптации не в состоянии увязать посветление, скажем, кожи с малой интенсивностью солнечного облучения на севере, как она это делает на юге по отношению к потемнению кожи в условиях интенсивной инсоляции. Гипотеза косвенной адаптации пока не в состоянии объяснить механизм воздействия среды на организм в данном случае и указать приспособительные признаки, в коррелятивной зависимости от которых изменяются особенности пигментации.

В лучшем положении, как представляется автору, находится гипотеза, объясняющая интенсивную депигментацию в Скандинавии и Восточной Прибалтике накоплением рецессивных наследственных факторов, от которых как раз и зависит посветление волос, глаз и кожи. По отношению к северной ветви европеоидной расы она защищалась Н. Н. Чебоксаровым (1936)⁸. Он применил к конкретному случаю теоретический постулат Н. И. Вавилова о распространении рецессивных форм в основном на периферии ареала любого вида. Этот факт объясняется группировкой доминантных форм преимущественно в очагах интенсивного формообразования, т. е. в центрах видовых ареалов, и вытеснением ими оттуда рецессивов (Вавилов, 1927 и многие другие работы). Аналогичный процесс происходит и в условиях резкой географической изоляции. Н. И. Вавилову мы обязаны и первой попыткой распространения действий данной закономерности на человека — с ее помощью он объяснил посветление пигментации у кафиров Гиндукуша (Вавилов, Букиннич, 1929).

Против гипотезы накопления рецессивных наследственных факторов в зоне распространения северных европеоидов можно было бы в каче-

⁸ Автор уже высказался в поддержку этой гипотезы (Алексеев, 1964а).

стве возражения указать на темную пигментацию, скажем, эскимосов или канадских индейцев, которые также живут на окраине эйкумены в условиях изоляции. Но, во-первых, накопление рецессивов на окраине видового ареала — процесс вероятностный, т. е. не действующий автоматически во всех без исключения случаях. Легко можно представить себе, что при быстром переселении какой-либо этнической группы из центра эйкумены на ее окраины наследственный состав этой группы сохранит в основном доминантные факторы. Во-вторых, этот процесс требует длительного времени. Большой ареал, который занимают северные европеоиды, еще раз свидетельствует о том, что их допигментация представляет собой очень древнее явление, начавшееся, по-видимому, при первоначальном освоении человеком территории Северной Европы, т. е. не позже эпохи мезолита. Таким образом, можно предполагать, что население культуры шнуровой керамики или боевых топоров при своем появлении в Восточной Прибалтике отличалось во всяком случае более темной пигментацией волос, глаз и кожи, чем современное население Эстонии и Латвии.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОНГОЛОИДНОГО КОМПОНЕНТА В СОСТАВЕ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

При доказательстве наличия небольшой монголоидной примеси в составе восточных латышей и разборе гипотезы В. П. Якимова, отрицающей этот факт, выше уже частично затрагивался вопрос о происхождении этой примеси и о морфологическом типе принесшего ее населения. Вопрос этот выходит за пределы интересующей нас территории и является частью более широкой проблемы.

В качестве одной из основных особенностей монголоидной расы можно, как известно, назвать большие размеры лица, в частности большую высоту лица, которая фиксируется как на соматологическом, так и на краниологическом материале. Эта особенность очень резко выражена у центральноазиатских и южносибирских монголоидов, которые занимают по величине лица место, близкое к максимальным вариациям по земному шару. Характерна она и для представителей байкальского антропологического типа, которые занимают в основном таежные районы Сибири. Но исследования последних лет показали, что в пределах сибирских монголоидов выделяются варианты, отличающиеся низколицием. Г. Ф. Дебец (1947) и Н. С. Розов (1956, 1958, 1960, 1961, 1961а) отметили их среди народов Западной и Средней Сибири, М. Г. Левин (1954) — среди алтае-саянских народов. При этом низколицие типы сохраняют сильную выраженность монголоидности по другим признакам. В антропологическую литературу они вошли под названием «катангского типа» (Дебец, 1951, стр. 78—79; 1956а), подробное рассмотрение места которого в расовой классификации произведено М. Г. Левиным (1958).

На основании анализа в основном антропологических материалов по современному населению была сделана попытка показать чрезвычайно широкое распространение катангского типа среди древнего населения не только Западной и Средней, но и Восточной Сибири (Рычков, 1961), которая, правда, подверглась критическому рассмотрению и встретила возражения (Левин, 1962). Действительно, такая попытка прежде всего не находит себе подтверждения в палеоантропологическом материале. Черепа со сравнительно низким лицом известны из неолитических погребений и погребений эпохи бронзы в Восточной Сибири, но они единичны (Якимов, 1951; Дебец, 1956). Единственная достаточно многочисленная

и хорошая по сохранности материала неолитическая серия, отличающаяся сильно выраженными монголоидными признаками в сочетании с низким лицом, происходит из Фофановского могильника (Дебец, 1948; Гохман, 1954). Представление о низколицести населения, оставившего плиточные могилы в Забайкалье, также основывается на единичных находках (Гохман, 1958а). Между тем новый и еще неопубликованный палеоантропологический материал из Фофановского могильника, полученный при раскопках этого могильника в 1959 г. М. М. Герасимовым и обработанный М. М. Герасимовой и Г. В. Лебединской, показывает, что старые данные обнаруживают случайность выборки и что на самом деле фофановцы не отличались по высоте лица от современного населения Северной Азии⁹. Может быть, результат такой случайной выборки представляют собой и данные по населению культуры плиточных могил? Таким образом, твердых фактов для установления широкого распространения катангского типа в Восточной Сибири в древности нет.

На первый взгляд такие данные есть для Алтае-Саянского нагорья и Западной Сибири (Золотарева, 1957; Алексеев, 1955, 1961б, 1961в). Там низколицевые формы с монголоидными особенностями могут быть отмечены в погребениях как эпохи бронзы, так и раннего железа. В эпоху на рубеже бронзы и железа они, по-видимому, из Западной Сибири и появляются в Прикамье (Трофимова, 1941, 1954). По всей вероятности, именно с этого времени они и доживают до современности — во всяком случае, это можно проследить везде, где есть для этого необходимый палеоантропологический материал (см., например, Акимова, 1961). Но по отношению ко всем этим типам нельзя исключить небольшое влияние европеоидной примеси. Таким образом, их низколицевость может быть не независимой вариацией в пределах монголоидной расы, а следствием смешения с предшественниками европеоидной расы.

На этом основании автор, правда, без специальной аргументации, высказывал мысль, что низколицевые типы в пределах северной ветви монголоидной расы могут иметь разное происхождение (Алексеев, 1955а). На территории, скажем, бассейна Енисея это действительно может быть какой-то местной локальной вариацией, образовавшейся под влиянием пока не известных факторов, на территории Западной Сибири — результатом европеоидной примеси. Таким образом, низколицевость лопарей, например, — это такой признак, который они получили скорее всего вследствие того, что в их состав вошел какой-то восточный компонент или субстрат, по-видимому, самодийского происхождения (Sebestyen, 1953). Но это вовсе не означает, что мы непременно должны ставить их в генетическую связь с низколицевыми тунгусоязычными группами.

Происхождение низколицевого монголоидного с вероятной европеоидной примесью типа в составе населения Приуралья и Западной Сибири восходит к эпохе неолита, как об этом достаточно отчетливо свидетельствуют существующие палеоантропологические материалы (Жиров, 1940; Дебец, 1948, 1953; Герасимов, 1949, 1955; Акимова, 1953; Якимов, 1960). Совершенно несомненно, что тип этот вошел в состав финноязычных народностей Поволжья и в достаточно отчетливой форме проявляется у коми, марийцев, удмуртов и мордвы. Он может быть отмечен и в палеоантропологическом материале из тех могильников, которые с достаточными историческими и археологическими основаниями приписываются древним финнам (см. дальше). Если говорить о небольшой монголоидной примеси в составе современного населения Восточной Прибалтики и прежде всего в составе восточных латышей, то следует иметь в

⁹ Чрезвычайно признателен М. М. Герасимовой и Г. В. Лебединской за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными данными.

виду именно генетический контакт с относительно низкими монголоидами, образовавшимися в результате древнего смешения монголоидов и европеоидов и получившими в антропологической литературе наименование «уральского типа». От катангского, как легко было понять из предшествующего изложения, он отличается в своем генезисе смешанным происхождением, в своей морфологии — некоторым тяготением к европеоидному комплексу признаков. Итак, то слабое влияние монголоидного компонента, которое фиксируется в исследованном палеоантропологическом материале из могильника XVIII в. в восточной Латвии, — по-видимому, следствие примеси уже смешанного европеоидно-монголоидного типа древнейшего населения Севера европейской части СССР, Приуралья и Западной Сибири.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ВО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

Материал, суммированный в табл. 2, дает нам возможность подойти к рассмотрению еще одной проблемы — проблемы изменений признаков во времени на территории Латвии, которые получили в антропологической литературе не очень удачное наименование «эпохальных». Мы будем употреблять термин «временные изменения», делая ударение на последнем слоге. Проблема временных изменений, как она рисуется по данным современных исследований, распадается на несколько более частных проблем — грацилизации, брахикефализации или, наоборот, долихокефализации, увеличения длины тела, ускорения полового созревания, увеличения скорости роста и т. д. На краниологическом материале могут быть обсуждены только первые два из перечисленных явлений.

Что касается грацилизации, то она получила отчетливое доказательство на обширных палеоантропологических материалах с территории СССР (Дебец, 1948, 1961а). Явление грацилизации может быть отмечено также и на других территориях: в пределах ареала европеоидов в Западной Европе (Дебец, 1961а), Северной Африке (Schwidetzky, 1962), Передней Азии (Kurth, 1955, 1956), в пределах ареала монголоидов — в Японии (Suzuki, 1956). Темпы и масштабы этого явления различны, но еще никем не исследованы сколько-нибудь подробно на всем имеющемся палеоантропологическом материале. Различны и причины, объясняющие в разных гипотезах его возникновение. Ясно только, что преимущественно грацилизация падает на ранние эпохи развития человечества.

По-видимому, в связи именно с этим обстоятельством, в связи со сравнительно поздней датировкой находящихся в нашем распоряжении серий трудно заметить какие-либо существенные изменения в признаках, отражающих величину и массивность черепа, на территории Латвии. Можно назвать семь таких признаков: длину, ширину и высоту черепной коробки, наименьшую ширину лба, развитие надбровья, верхнюю высоту лица и скуловую ширину. Длина и ширина черепной коробки меняются в процессе брахикефализации, о чем будет сказано позже и что как раз имело место во II тысячелетии н. э. на территории Латвии. Поэтому эти два признака должны быть исключены из рассмотрения. Должно быть исключено из анализа и развитие надбровья, так как определяется оно описательно и определения разных авторов не вполне сравнимы, а иногда и совсем несравнимы между собой. В частности, у меня нет никакого доверия к цифре средней величины развития надбровья, приведенной Я. Лицисом для серии V—VII вв. из Добельского района. Оста-

ются, следовательно, четыре признака, вариации которых приведены на графиках отдельно для западных и восточных районов (рис. 4—7). В качестве наиболее ранней серии и в том и в другом случае, за неизменением других материалов, фигурируют черепа из земгальских могильников V—VII вв. На горизонтальной шкале — время, на вертикальной — изменения признака.

Из четырех рассмотренных признаков только один — высота черепной коробки — обнаруживает закономерные вариации, постепенно уменьшаясь по мере приближения к современности. По-видимому, основное уменьшение этого размера падает на II тысячелетие, потому что в восточной Латвии, откуда мы имеем серии, относящиеся к первым векам II тысячелетия, он продолжает сохраняться до XI—XII вв. на определенном уровне, характерном для земгальских черепов V—VII вв. Зато наименьшая ширина лба, сначала возрастая, затем падает до величины, немного ниже первоначальной, а скуловая ширина и верхняя высота лица изменяются вообще мало, хотя нужно отметить, что в поздних сериях скуловая ширина все же несколько выше, а верхняя высота лица — несколько ниже, чем в серии V—VII вв. Таким образом, ни о каком закономерном уменьшении массивности и величины черепа говорить не приходится, так как закономерное уменьшение одного признака не означает еще грацилизации в целом, а другие признаки не обнаруживают отчетливых вариаций.

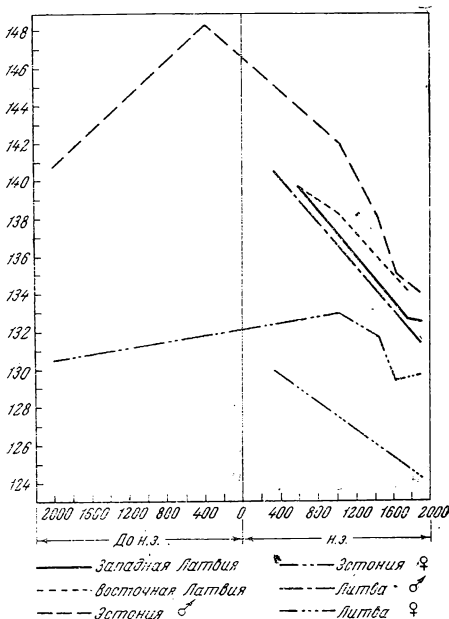

Рис. 4. График временных изменений высоты черепной коробки на территории Восточной Прибалтики

Другие изменения констатируются при рассмотрении формы черепной коробки. Вариации отражающих ее признаков представлены на графиках также отдельно для западных и восточных районов (рис. 8—10). Как и при рассмотрении размеров черепной коробки и лицевого скелета, за наиболее ранние взяты данные по черепам V—VII вв. из центральных районов Латвии.

В отличие от наименьшей ширины лба, верхней высоты лица и скуловой ширины горизонтальные размеры черепной коробки и их соотношение, выражаемое черепным указателем, изменяются закономерно и согласованно: продольный диаметр черепной коробки постепенно уменьшается, поперечный диаметр постепенно увеличивается и также посте-

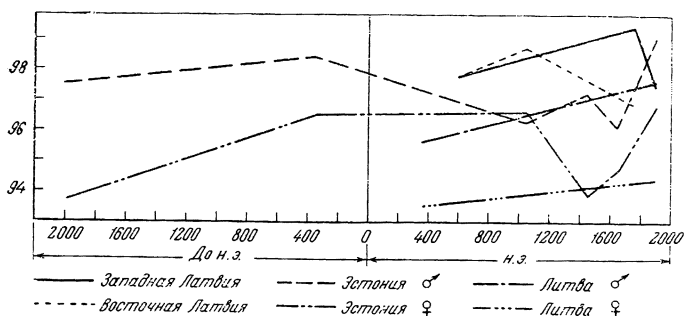

Рис. 5. График временных изменений наименьшей ширины лба на территории Восточной Прибалтики

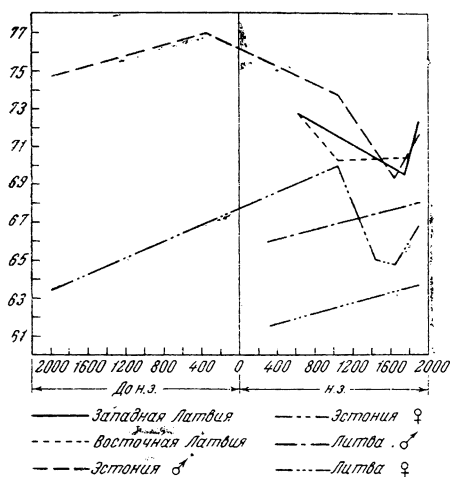

Рис. 6. График временных изменений верхней высоты лица на территории Восточной Прибалтики

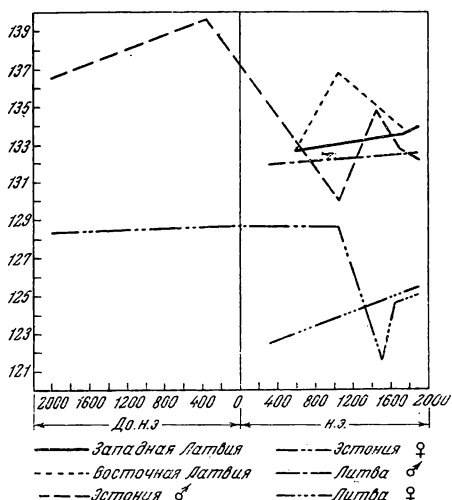

Рис. 7. График временных изменений скуловой ширины на территории Восточной Прибалтики

пенно увеличивается черепной указатель. Изменения эти охватывают как западные, так и восточные районы Латвии и, таким образом, являются для всей территории Латвии общим явлением, темп которого, насколько об этом можно судить сейчас, приблизительно одинаков и в западных и в восточных группах латышского народа. Любопытно, что все три графика показывают нарастающую прогрессию изменений по мере приближения к современности, причем особенно четко это заметно в западной Латвии, где мы имеем две серии XVII—XVIII и XIX—XX вв. Даже за короткий промежуток времени, разделяющий эти две серии, происходит изменение динамики признака, что выражается в характерном изломе кривой изменчивости признака. К сказанному можно еще добавить, что, сопоставляя непосредственно только земгальские серии — V—VII вв. из Добельского района и XVI—XVII вв., мы можем констатировать то же нарастание величины черепного указателя примерно на шесть единиц индекса (в противоположность этому при анализе явления грацилизации в Латвии следует учитывать увеличение наименьшей ширины лба и скуловой ширины на 4 мм в более поздней серии по сравнению с ранней). Одним словом, процесс брахикефализации в Латвии на протяжении полутора последних тысячелетий действовал достаточно интенсивно, продолжает действовать в настоящее время

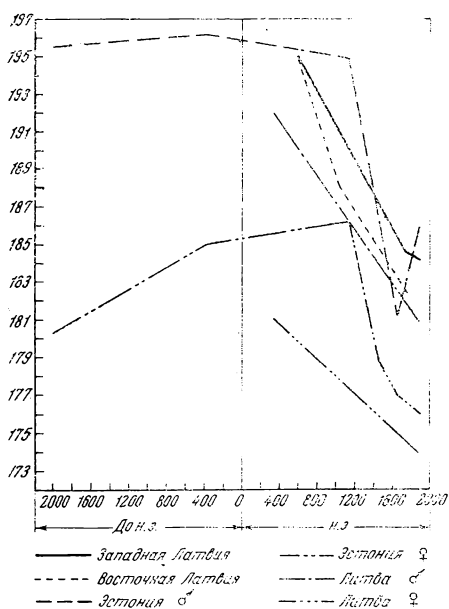

Рис. 8. График временных изменений длины черепной коробки на территории Восточной Прибалтики

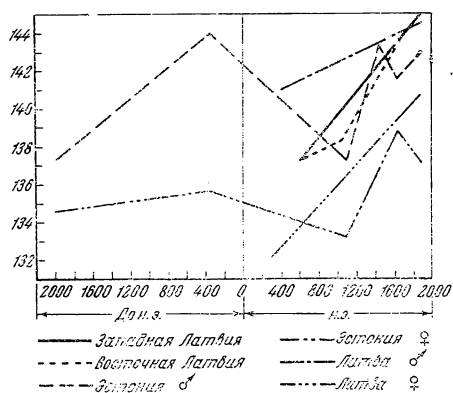

Рис. 9. График временных изменений ширины черепной коробки на территории Восточной Прибалтики

и, по-видимому, интенсивность его несколько не ослабляется, а может быть, даже постепенно усиливается.

Для оценки масштаба и скорости изменения признаков на территории Латвии можно воспользоваться аналогичными данными для территории других прибалтийских республик — Эстонии и Литвы. Находящаяся в нашем распоряжении практически современная краниологическая серия с территории Эстонии дает возможность произвести ее сопоставление с уже известными сериями из древних могильников, что трудно было сделать, пока мы располагали по современному населению лишь соматологическими наблюдениями. Палеоантропологический материал из древних могильников с территории Эстонии довольно обширен. Он описан в ряде публикаций К. Ю. Марк. Материал этот охватывает более или менее все географические области Эстонии и, что еще важнее, происходит из разновременных могильников от эпохи неолита до XVIII в. Разумеется, количество этих данных не всегда достаточно, например, увеличение неолитической серии и серии эпохи бронзы и раннего железа является насущной задачей палеоантропологии Эстонии. Но и в таком виде все эти материалы пригодны для сопоставлений, и Эстония остается пока единственной из прибалтийских республик, где это сопоставление может быть произведено на отрезке времени в 4000 лет.

Для рассмотрения этих явлений на территории Эстонии следует выбрать серии, преемственность между которыми не вызвала бы сомнений. Совершенно очевидно, что серию из погребений культуры шнуровой керамики (начало II тысячелетия до н. э.) и серию из могильников Муукси и Напа (середина I тысячелетия до н. э.) следует использовать в первую очередь, так как они являются пока единственными на территории Эстонии. Серия культуры ямочно-зубчатой керамики, хотя и является более древней, чем культура шнуровой керамики, не связана с ней генетически и поэтому не-

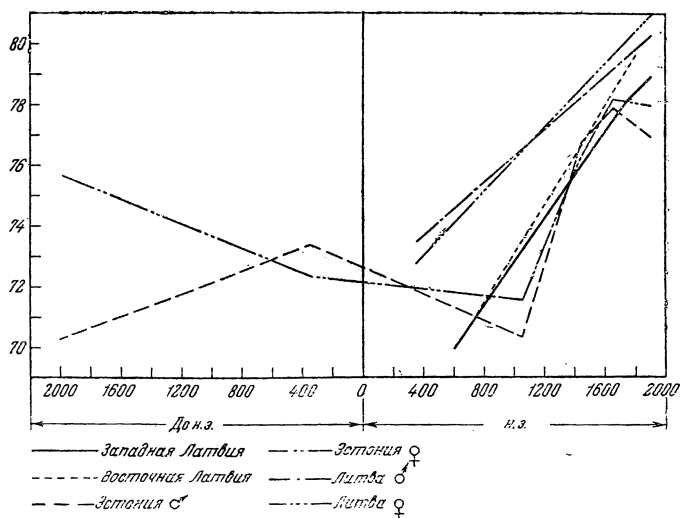

Рис. 10. График временных изменений черепного указателя на территории Восточной Прибалтики

ключена из рассмотрения. Далее следует перерыв почти в полтора тысячелетия. К началу II тысячелетия н. э. относятся черепа из многочисленных грунтовых могильников, оставленных, как аргументировано археологами, предками современных эстонцев. Серии из могильников Йыуга и Пюхтице также исключены из рассмотрения, так как они содержат финский элемент и население, их оставившее, по-видимому, преимущественно связано больше с населением культуры ямочно-ребенчатой керамики, нежели с племенами ладьевидных боевых топоров. Далее в последовательный ряд от неолита до современности включен могильник в Отепи, датирующийся серединой II тысячелетия н. э. Следовало бы использовать и палеоантропологический материал из могильника в Варбола, тем более что он датируется веком — двумя позже могильника в Отепя (см. Марк, 1962). Но расположен он на западе Эстонии (могильник в Отепя находится на юго-востоке), а направленное изменение признаков во времени может идти с различной скоростью в разных зонах. Поэтому сравнивать материал отсюда с материалом из Отепя рискованно, и он не включен в сравнение.

Для того чтобы получить более многочисленные и представительные данные по населению XVII—XVIII вв., суммированы измерения серий из трех могильников, относящихся к этому времени и расположенных, кстати сказать, также в восточных районах Эстонии — в Кабина, Ряпина и Кохтла-Ярве (суммарные средние см.: Алексеев, 1963а). Наконец, последним звеном в последовательном ряду хронологически разновременных серий является близкая к современности серия. Средние по всем перечисленным сериям представлены в табл. 5. Она включает данные всего о семи признаках — длине, ширине и высоте черепной коробки, наименьшей ширине лба, черепном указателе, скуловой ширине и верхней высоте лица. Это как раз те признаки, по которым производилось сопоставление разновременных серий с территории Латвии. Описательные признаки, как, например, развитие надбровья, не включены в сравнение, так как нет полной гарантии, что наши определения на современных черепах сравнимы с определениями К. Ю. Марк в других сериях. Из табл. 5 видно, что некоторые признаки в отдельных сериях измерены всего на двух черепах, так как пока это единственный материал, находящийся в нашем распоряжении. Все же это обстоятельство не нужно

Таблица 5

Изменение антропологических признаков на территории Эстонии во времени

Признаки	♂					
	Неолит	I тысячелетие до н. э.	XI—XIII вв. н. э.	XIV—XVI вв. н. э.	XVII—начало XVIII в. н. э.	Современность
1. Продольный диаметр	195,4 (5)	196,1 (9)	194,8 (6)	187,6 (20)	181,2 (46)	185,8 (17)
8. Поперечный диаметр	137,2 (5)	144,0 (9)	137,2 (6)	143,5 (20)	141,5 (46)	143,0 (17)
8:1. Черепной указатель	70,3 (5)	73,4 (9)	70,4 (6)	76,8 (20)	77,9 (45)	77,0 (17)
9. Наименьшая ширина лба	97,5 (4)	98,4 (9)	96,3 (6)	97,2 (20)	96,1 (47)	99,0 (17)
17. Высотный диаметр (ba—br)	140,7 (3)	148,2 (8)	141,8 (5)	138,0 (20)	135,0 (38)	134,0 (16)
45. Скуловая ширина . .	136,5 (2)	139,6 (7)	130,0 (4)	134,9 (11)	132,9 (28)	132,4 (17)
48. Верхняя высота лица	74,6 (5)	77,0 (6)	73,8 (6)	70,6 (15)	69,2 (39)	71,5 (17)

Таблица 5 (окончание)

Признаки	♀					
	Неолит	I тысячелетие до н. э.	XI—XIII вв. н. э.	XIV—XVI вв. н. э.	XVII—начало XVIII в. н. э.	Современность
1. Продольный диаметр	180,3 (3)	185,0 (4)	186,2 (5)	178,9 (13)	177,1 (38)	176,0 (4)
8. Поперечный диаметр	134,5 (3)	135,7 (3)	133,2 (5)	136,8 (13)	133,7 (38)	137,2 (4)
8:1. Черепной указатель	75,7 (3)	72,4 (3)	71,6 (5)	76,4 (12)	78,2 (38)	78,0 (4)
9. Наименьшая ширина лба	93,7 (3)	96,5 (2)	96,6 (5)	93,9 (12)	94,7 (34)	96,8 (4)
17. Высотный диаметр (ba—br)	130,5 (2)	150,0 (1)*	133,0 (4)	131,8 (13)	129,4 (33)	129,7 (3)
45. Скуловая ширина . .	128,3 (3)	128,5 (2)	128,5 (4)	121,5 (6)	124,4 (21)	125,0 (4)
48. Верхняя высота лица	65,3 (3)	74,0 (1)*	70,0 (4)	65,2 (8)	64,8 (26)	66,8 (4)

* Эти величины не учитывались при составлении графиков, как основанные в каждом случае на единичном наблюдении.

упускать из виду, так как, по-видимому, оно объясняет незакономерные скачки в вариабильности признаков в отдельных случаях.

Временная динамика всех перечисленных семи признаков представлена на рис. 4—10. Разумеется, датировка всех могильников дана с такой точностью лишь условно, чтобы иметь возможность построить нужные графики: неолитические погребения — 2000 лет до н. э., серия поздней бронзы и раннего железа — 350 лет до н. э. (средняя из VI—I вв. до н. э.), грунтовые могилы — 1150 г. н. э., могильник в Отепя — 1450 г. поздние могильники — 1650 г., современная краниологическая серия 1900 г. Можно было бы привести аргументы в пользу несколько иных цифр, правда близких к указанным, но небольшие изменения в датировке не имеют значения при рассмотрении динамики изменения признаков за 4000 лет. Гораздо большую роль играет определение правильной последовательности выбранных серий. Перейдем к рассмотрению вариаций отдельных признаков.

При сравнении начальной и конечной величин длины черепной коробки видно ее уменьшение и на мужских и на женских черепах. Но об уменьшении продольного диаметра можно говорить только начиная с

эпохи раннего средневековья. До эпохи раннего средневековья, до первых веков II тысячелетия длина черепной коробки не уменьшается, оставаясь на том уровне, на каком она находилась в эпоху неолита. И это на мужских черепках, тогда как на женских она даже увеличивается и довольно значительно. Любопытно, что это же повторяется и в кривой изменений ширины черепной коробки, но только в обратном порядке: ширина черепной коробки до эпохи раннего средневековья варьирует неопределенно, а начиная с первых веков II тысячелетия заметно увеличивается. Так как оба эти признака непосредственно связаны с изменением формы мозгового черепа и на них отражаются любое, даже незначительное изменение формы, то они имеют малую ценность для анализа процесса грацилизации, но зато сразу же дают возможность уловить наличие брахикефализации. Поэтому обратимся сразу же к временным изменениям черепного указателя.

Кривые изменения черепного указателя почти в точности повторяют форму кривых изменения ширины мозгового черепа. На мужских черепках он сначала увеличивается, потом уменьшается и затем опять уже закономерно увеличивается начиная с раннего средневековья. На женских черепках — сначала даже уменьшается и начинает закономерно увеличиваться опять с первых веков II тысячелетия. Таким образом, говорить с уверенностью о процессе брахикефализации на территории Эстонии можно только по отношению к периоду, начало которого падает на первые века II тысячелетия. Имеющийся материал не свидетельствует о том, что процесс этот продолжается и в настоящее время: и ширина черепной коробки, и черепной указатель уменьшаются в современной серии по сравнению с серией XVII—XVIII вв. Но в середине II тысячелетия брахикефализация фиксируется вполне отчетливо. Об этом свидетельствуют и палеоантропологические материалы из могильника в Каберла, откуда черепа XV—XVII вв. оказываются гораздо более круглоголовыми, чем серия XIII—XV вв. (Mark, 1962). Но, по-видимому, она прекращается где-то в XVII—XVIII вв., может быть, в начале XIX в. Что же касается сравнительно большой величины головного указателя в соматологических материалах по Эстонии (Витов, Марк, Чебоксаров, 1959; Ауль, 1964), то при измерении на живом субъекте он всегда больше, чем при измерении на черепе. Следует помнить, что на территории соседней Латвии брахикефализация, по-видимому, продолжается и в настоящее время. Причина этого различия в ходе процесса на близких территориях пока неясна.

После установления времени действия брахикефализации можно перейти к размерам, непосредственно отражающим величину черепа. Если начать с высоты черепной коробки, то можно сразу же заметить, что ее вариации повторяют в какой-то степени вариации длины черепа. Сначала высота черепа даже увеличивается в серии эпохи бронзы и раннего железа по сравнению с неолитической, но затем идет ее закономерное уменьшение до современной эпохи. Зато наименьшая ширина лба в общем изменяется незакономерно от эпохи к эпохе, но конечная величина современной серии все же выше несколько, чем в неолитической серии. Особенно это заметно на женских черепках. Таким образом, на основании рассмотрения черепных размеров трудно ответить на вопрос, имело ли место определенное изменение признаков в направлении уменьшения массивности или нет: горизонтальные диаметры мозгового черепа чутко реагируют на изменение его формы и поэтому не могут быть объективным критерием, высота черепа закономерно уменьшается, а наименьшая ширина лба скорее увеличивается.

Лицевые размеры — и скуловая ширина, и высота лица уменьшаются, но это уменьшение заметно только при сравнении начальных и конечных величин ряда. Да и то на женских черепках верхняя высота лица

выше, правда, очень не намного в современной серии по сравнению с неолитической. В скуловой ширине сначала наблюдается некоторое увеличение (заметное в мужских группах, но ничтожное в женских), затем уменьшение, но на мужских черепах оно падает на I тысячелетие н. э., а на женских — на начало II тысячелетия. Затем опять наступает увеличение размера, которое в мужской группе сменяется небольшим уменьшением, а в женской продолжается до сих пор. Что это — случайность или действительно в последние века намечается некоторая стабилизация и, может быть, даже увеличение размера? Трудно сейчас имея такой в общем немногочисленный и выборочный материал по отдельным эпохам, на этот вопрос ответить.

По высоте лица мы имеем ту же картину — увеличение размера, затем его уменьшение, затем опять увеличение. На мужских черепах высота лица в современной серии все равно, несмотря на это увеличение, далеко не достигает первоначальной величины, но на женских, как уже отмечалось, ее превосходит. Таким образом, по лицевым размерам также не фиксируется новых и четких временных изменений, направление которых не менялось бы от эпохи к эпохе. Суммируя все изменения в целом — и мозговой череп, и лицевой скелет, можно сказать, что некоторая грацилизация имела место на территории Эстонии, но характер этого процесса был сложен и датировать его, как датирована была брахикефализация, с определенностью довольно трудно. По-видимому, наиболее резкий сдвиг в массивности, как и в форме черепной коробки, падает на первые века и на середину II тысячелетия н. э. Материал из могильника Каберла также подтверждает это: поздняя серия менее массивна и более узколице, чем ранняя. Кстати говоря, ничего подобного незаметно при переходе от серии шнуровой керамики к черепах I тысячелетия до н. э. А в это время земледелие начинает играть в хозяйстве древнего населения Эстонии уже ощутимую роль (см., например, Моора, 1952). Этот факт — аргумент против точки зрения тех авторов, которые связывают наступление грацилизации с переходом к земледелию (Kurth, 1955, 1956; Дебец, 1961а).

Вообще говоря, дифференцированное рассмотрение временной динамики признаков по отдельным областям, по всей вероятности, перспективнее, чем суммарное рассмотрение какой-либо обширной зоны, как это однажды было сделано по отношению к территории СССР (Дебец, 1961). Правда, материалов в распоряжении исследователя при дифференцированном подходе, как правило, меньше, а картина получается менее четкой, чем при суммарном. Но в противовес этому есть возможность оценить своеобразие процесса в отдельных районах и его темпы, что абсолютно невозможно сделать при суммировании нескольких серий из разных районов по эпохам. Что же касается просто констатации факта наличия временных изменений, то сам по себе этот факт столько раз подтвержден разными данными, что стал тривиальным, и простая констатация его никого уже удовлетворить не может.

С территории Литвы палеоантропологические материалы гораздо менее многочисленны, чем с территории Эстонии. Известны три серии, относящиеся к I тысячелетию н. э., — серия так называемой рагиненской культуры, датируемая III—IV вв. и описанная М. Жилинским и Р. Масальским (Zilinskas, Masalskis, 1937), и две серии древних жемайтов, датируемые II—VI и III—IX вв. и измеренные К. Ю. Марк (см. Витов, Марк, Чебоксаров, 1959). Две последние серии очень неопределенно различаются в датировке, и поэтому их трудно использовать для хронологических сопоставлений. Поэтому же для сравнения с современной серией использован материал И. Желинскаса и Р. Масальскаса (см. рис. 4—10). Ограничиваясь двумя сериями, мы застаем, следовательно, только начало и конечный результат процесса и можем оп-

ределить только его направление. Черепа современных литовцев по сравнению с серией III—IV вв. более низкоголовы и брахикранны, но имеют более высокое и широкое лицо и более широкий лоб. Таким образом, никакой грацилизации незаметно, тогда как брахикефализация констатируется вполне отчетливо. Налицо, следовательно, тот же комплекс явлений, что и в Латвии. И на территории Латвии, и на территории Литвы грацилизация на протяжении последних 1500 лет не имеет места, скорее наоборот, может быть отмечена некоторая матуризация, брахикефализация, наоборот, интенсивно продолжается до настоящего времени. В Эстонии за этот же период времени шел процесс грацилизации (не очень интенсивный) и брахикефализации. Последняя сейчас, по-видимому, уже прекратилась. В этом основное отличие между северными и южными районами в ходе и направлении изменений антропологических признаков на территории Восточной Прибалтики.

Причины временных изменений — пока предмет острой дискуссии в антропологической литературе, но уже сейчас можно считать установленным, что они разные для брахикефализации и грацилизации, так как оба эти процесса идут непараллельно. Например, резкая брахикефализация совсем не обязательно совпадает по времени с уменьшением массивности, а уменьшение массивности совсем не обязательно сопровождается изменением формы черепной коробки из длинной в круглую. Для нас первостепенное значение имеет обсуждение причин брахикефализации, так как именно она оказала, как мы убедились, большое влияние на формирование антропологического типа летто-литовских народов. Для объяснения брахикефализации предложено много разных гипотез, которые можно объединить в четыре группы.

Первая группа — гипотезы прямого воздействия среды: брахикефализация происходит на базальтовых почвах (Vassal, 1957), брахикефализация происходит в горных местностях (Weninger, 1952) и т. д. С точки зрения этих гипотез трудно объяснить всеобщность процесса брахикефализации и тот несомненный факт, что она особенно интенсивно протекает на протяжении последних 1500—2000 лет. Вторая группа — генетические гипотезы, по которым брахикефализация наступает в результате постепенного изменения генофонда популяции, в которой проходит процесс брахикефализации. Примером генетического объяснения брахикефализации является гипотеза брахикефализации славянского населения в результате интенсификации смешений во II тысячелетии и, как следствие этого, в замещении длинноголовых вариантов круглоголовыми (Бунак, 1932). Однако в целом ряде случаев изменение формы черепной коробки происходит в таких группах, по отношению к которым нет видимых доказательств усиления смешения. Третья группа — ортогенетические гипотезы, примером каковых является известная гипотеза Ф. Вейденрейха (Weidenreich, 1945). Она неоднократно подвергалась критике, и повторять эту критику здесь нет никакой необходимости (см., например, Нестурх, 1954). Нужно отметить только, что помимо негодных теоретических предпосылок ортогенетические гипотезы и фактически несостоятельны — как объяснить с их помощью факты долихокефализации? Наконец, четвертая и последняя группа — гипотезы, которые можно назвать морфофизиологическими и которые объясняют изменения формы черепной коробки сдвигами в скорости роста, т. е. как частный случай ускорения (брахикефализация) или замедления (долихокефализация) роста (Бунак, 1951, 1959). Такие гипотезы наиболее универсальны, так как они могут объяснить противоположные по направлению изменения черепной коробки, их можно назвать также гипотезами косвенного влияния среды на перестройку формы черепной коробки, так как среда воздействует на эту перестройку через сдвиги в ростовых процессах.

Есть ли какие-нибудь основания полагать, что брахикефализация на территории Латвии и Литвы представляет собой следствие ускорения роста и, в частности, ускорения полового созревания за последние столетия? Автору неизвестны такие данные по населению Латвии и Литвы. Но вообще ускорение полового созревания за последние десятилетия, когда этот вопрос стал практически пристально изучаться,— широко распространенное явление как на территории европейской части СССР, так и во многих странах Западной Европы (Соловьева, 1962, 1964). Может быть, он начался значительно раньше, чем в конце прошлого — начале нашего века, но только с этого времени попал в орбиту внимания специалистов. Это объяснило бы усиление брахикефализации в Латвии и Литве на протяжении последних столетий, тем более, что нет ни малейших оснований исключать заранее эту территорию из той зоны, где ускорение роста и полового созревания прослеживается достаточно отчетливо.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТОВСКОЙ СЕРИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛИТОВСКОГО НАРОДА

Литовские черепа отличаются средними размерами как продольного, так и поперечного диаметра. Их соотношение соответствует варианту, стоящему на границе мезо- и брахикефализации. Высота черепной коробки скорее малая. Наименьшая ширина лба также приближается скорее к малым величинам. Лоб наклонный, надбровье развито сильно. По степени развития надбровья литовские черепа превосходят латышские. Таким образом, хотя в целом размеры черепной коробки в литовской серии превосходят размеры латышских черепов, литовская серия не обнаруживает признаков грацильности в развитии рельефа черепа. Такие признаки обнаруживаются в строении лицевого отдела черепа. Лицевой отдел в литовской серии и уже и ниже, чем у латышских черепов. Лицо характеризуется очень резкой горизонтальной профилировкой, носовые кости — значительным выступанием по отношению к плоскости лица. Переносье, правда, средней высоты. В вертикальной плоскости лицо обнаруживает некоторую тенденцию к мезогнатии по общему углу лица, но ортогнатно по указателю выступающего лица Фогта-Флауэра. Из других своеобразных признаков следует отметить очень узкий как по абсолютной величине, так и по указателю нос. В целом литовская серия отличается от латышских меньшими размерами черепной коробки и лица, более круглой формой черепной коробки, более профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом и более узким носом, т. е. своеобразным комплексом признаков, которому нелегко найти место в расовой систематике.

Обстоятельный обзор антропологических особенностей современного населения, произведенный недавно (Денисова, 1963), показал, что на территории Литвы несколько признаков обнаруживают весьма четкую географическую дифференциацию. Это длина тела, размеры головы и ширина лица, процент светлых глаз, форма волос, высота переносья. Восточные литовцы отличаются от западных меньшими размерами головы, более узким лицом, более низким ростом, более светлыми глазами, относительно прямыми волосами, более низким переносьем. По всем тем признакам, которые допускают непосредственное сравнение краниологических и соматологических данных, находящаяся в нашем распоряжении серия литовских черепов обнаруживает черты восточного варианта. К сожалению, остаются неизвестными районы, население которых представлено в этой серии, и это не дает возможности произве-

Палеоантропологические материалы с территории Литвы в сопоставлении с данными по палеоантропологии культуры шнуровой керамики Чехословакии *

Происхождение	Кирсна, Литва	Культура шнуровой керамики, Чехословакия	Центральные и северные районы Литвы		Западные и центральные районы Литвы		Северные районы Литвы		Современные литовцы
			III—IV вв.	III—IV вв.	II—VI вв.	III—IX вв.	III—IX вв.	Начало XX в.	
Признаки	Мезолит	Начало II тыс. следствия до н. э.	III—IV вв.	III—IV вв.	II—VI вв.	III—IX вв.	III—IX вв.	III—IX вв.	Начало XX в.
1. Продольный диаметр	193	193,7 (29)	191,9 (8)	193,4 (16)	193,4 (16)	190,2 (6)	180,8 (210)		
8. Поперечный диаметр	133	134,6 (28)	140,9 (8)	136,7 (16)	136,7 (16)	141,0 (6)	144,7 (210)		
8:1. Черепной указатель	68,9	69,6 (28)	73,5 (8)	70,8 (16)	70,8 (16)	73,4 (5)	80,3 (209)		
17. Высотный диаметр (ва—br)	142	142,5 (19)	140,3 (8)	139,9 (12)	139,9 (12)	138,5 (6)	131,4 (210)		
5. Длина основания черепа	—	—	104,9 (8)	105,4 (11)	105,4 (11)	104,3 (6)	100,4 (210)		
9. Наименьшая ширина лба	93	98,4 (28)	95,6 (8)	96,9 (15)	96,9 (15)	95,7 (6)	97,6 (210)		
9:8. Любно-поперечный указатель	69,9	73,1 (27)	—	70,9 (15)	70,9 (15)	67,9 (6)	67,4 (209)		
32. Угол лба (па—те)	81	—	—	84,2 (12)	84,2 (12)	83,0 (5)	81,1 (13)		
40. Надорыве (1—6 по Мартину)	5	—	3,12 (8)*	4,69 (16)	4,69 (16)	4,67 (6)	2,98 (196)		
45. Длина основания лица	129	130,4 (18)	99,6 (8)	97,7 (6)	97,7 (6)	—	97,1 (209)		
48. Скуловая ширина	75	69,4 (18)	132,0 (7)	130,1 (13)	130,1 (13)	135,8 (4)	132,6 (202)		
48:45. Верхняя высота лица	58,1	53,8 (18)	65,9 (8)	70,7 (12)	70,7 (12)	68,8 (6)	68,1 (210)		
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	43	40,5 (8)	50,1 (7)	54,4 (11)	54,4 (11)	51,4 (4)	52,0 (146)		
52. Высота орбиты (лев.)	34	32,0 (8)	44,1 (8)	43,6 (10)	43,6 (10)	41,5 (6)	40,4 (210)		
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	79,1	77,5 (22)	30,9 (8)	31,2 (10)	31,2 (10)	31,0 (6)	33,2 (210)		
54. Ширина носа	26	24,8 (7)	24,4 (8)	24,4 (11)	24,4 (11)	25,5 (6)	24,3 (208)		
55. Высота носа	54	50,0 (6)	49,3 (8)	50,3 (12)	50,3 (12)	50,2 (6)	52,5 (209)		
DC. Носовой указатель	48,2	47,3 (22)	49,8 (8)	48,8 (11)	48,8 (11)	50,9 (6)	46,7 (208)		
DC. Дакриальная хорда	21,6	—	—	22,6 (10)	22,6 (10)	24,5 (5)	22,0 (121)		
DS. Дакриальная высота	14,9	—	—	13,0 (11)	13,0 (11)	13,8 (5)	13,1 (121)		
DS:DC. Дакриальный указатель	69,0	—	—	58,2 (10)	58,2 (10)	57,1 (5)	59,4 (121)		
SC. Симотическая хорда	9,0	—	—	9,8 (12)	9,8 (12)	10,5 (5)	10,4 (123)		
SS. Симотическая высота	4,8	—	—	5,0 (12)	5,0 (12)	4,2 (5)	4,7 (123)		
SS:SC. Симотический указатель	53,3	—	—	51,2 (12)	51,2 (12)	43,9 (5)	47,8 (123)		
72. Угол профиля лица общий	82	—	85,8 (8)	82,8 (8)	82,8 (8)	85,0 (2)	84,5 (111)		
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	29	—	—	32,0 (5)	32,0 (5)	36,0 (2)	30,8 (113)		
77. Назомалярный угол (lmo—n—lmo)	141	—	—	138,6 (14)	138,6 (14)	136,6 (4)	135,8 (125)		
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	124	—	—	123,8 (10)	123,8 (10)	125,4 (4)	124,9 (116)		

* Определено по фотографии.

сти ее территориальную разбивку, но не исключено, что именно население восточных районов представлено в том краниологическом материале, по которому мы судим о краниологическом типе литовского народа в целом.

Именно своеобразие выборки этого материала — многочисленного, но сборного ограничивает наши возможности в его анализе и установлении происхождения обрисованного выше комплекса признаков. Брахи-кrania по сравнению с латышскими сериями не может быть объяснена хотя бы частично смешением с населением культуры ямочно-гребенчатой керамики, как это сделано по отношению к серии черепов из г. Каунаса, датируемой XVIII—XIX вв. и описанной в той же монографии И. Жилинскаса и А. Юргутиса, что и черепа, рассматриваемые нами (см. Витов, Марк, Чебоксаров, 1959, стр. 213). Литовские черепа тогда должны были бы обнаруживать другие особенности серии культуры ямочно-гребенчатой керамики — некоторую уплощенность лица и носа. Между тем они характеризуются как раз резко профилированным лицом, а по выступлению носа не уступают близким к современности сериям из западной Латвии. Поэтому речь должна идти скорее о более интенсивной брахицефализации в Литве по сравнению с Латвией.

Что касается других особенностей, которые выявляются материалом по краниологии литовцев, то для их объяснения чрезвычайно интерес представляет гипотеза, защищаемая и плодотворно в ряде работ разрабатываемая Н. Н. Чебоксаровым. Он полагает, что в состав литовцев вошел какой-то древний компонент южного происхождения. За счет примеси этого компонента могут быть отнесены некоторые своеобразные особенности антропологического типа литовцев по сравнению с антропологическим типом латышей, в частности более темная пигментация. Даже наиболее древний с территории Литвы краниологический материал, являющийся, кстати сказать, наиболее древним с территории Восточной Прибалтики вообще и датирующийся эпохой мезолита, позволяет говорить об узколице, хотя и массивном европеоидном типе древнего населения. Правда, речь идет об одном черепе из Кирсны (Zilinskas, 1931; см. также Марк, 1956а), так как череп, найденный около деревни Кебеляй в западной Литве и относящийся, по всей вероятности, к концу мезолитического времени или началу неолита (Гуделис, Павилонис, 1955), представлен лишь черепной крышкой. Наконец, тот же узколицый тип отчетливо выражен и на черепах культуры шнуровой керамики с территории Чехословакии (Reche, 1908; Chochol, 1964, 1964а), откуда он вместе с расселением людей культуры шнуровой керамики и боевых топоров в Восточной Прибалтике скорее всего мог попасть именно на территорию Литвы. Разумеется, не обязательно говорить о переселении этого типа в Литву непременно с территории Чехословакии — он мог быть широко представлен в составе южных групп населения культуры шнуровой керамики вообще.

В табл. 6 суммированы все имеющиеся небольшие палеоантропологические материалы с территории Литвы в сопоставлении с материалами по палеоантропологии культуры шнуровой керамики Чехословакии. Данные о черепах III—IV вв. н. э. взяты из указанной работы И. Жилинскаса и Р. Масальскиса и относятся к черепах из центральных и северных районов Литвы; две серии, измеренные К. Ю. Марк (см. Витов, Марк, Чебоксаров, 1959), происходят из грунтовых могильников западных и центральных районов (II—VI вв. н. э.) и грунтовых могильников и курганов северных районов (III—IX вв.). Предположительно эти две последние серии могут быть увязаны с племенным объединением жемайтов. Данные по культуре шнуровой керамики составились из суммирования измерений О. Рехе и Я. Хохоло. Основание для такого суммирования дает то обстоятельство, что Я. Хохолом изучены новые матери-

алы, полученные при раскопках последних лет и, естественно, не вошедшие в старую сводку О. Рехе. Наконец, в таблицу включен также череп из Кирсны по измерениям К. Ю. Марк. Используются данные только о мужских черепах, так как по двум сериям из Литвы, измеренным К. Ю. Марк, только они и опубликованы.

Из всех этих данных видно, что узколиций европеоидный тип, характеризовавшийся в то же время большими размерами черепа и умеренной массивностью, издавна был распространен на территории Литвы. Его сходство с аналогичным вариантом в составе южных групп населения культуры шнуровой керамики не вызывает сомнений. Весьма вероятно, что именно ко времени проникновения этого типа в Литву и примеси его к основному широколицему и массивному палеоевропейскому типу основной массы населения культуры шнуровой керамики и боевых топоров следует относить некоторое потемнение пигментации, отличающее современное население Литвы от населения более северных районов Восточной Прибалтики и, в частности, от населения Латвии. Об этом свидетельствует и археологические данные (Куликаускас, 1954), говорящие об интенсивных связях территории Литвы с более южными областями в эпоху неолита и бронзы. Что же касается генетического положения серий I тысячелетия н. э., то они явно недостаточны для того, чтобы с их помощью охарактеризовать этнически пестрое, как выясняется по археологическим данным, население этого периода, в составе которого можно выделить несколько групп (Яблонските-Риманте, 1955). Обращает на себя внимание широколицесть серии III—IX вв. из северных районов; может быть, это результат того, что в ней представлен материал не только из грунтовых могильников, но и из курганов, распространенных также и в восточной Латвии, для средневекового населения которой была характерна широколицесть. Серии из грунтовых могильников, по-видимому, могут рассматриваться как промежуточное звено между неолитическим и современным населением. Таким образом, резюмируя, можно сказать, что происхождение антропологического состава литовцев, так же как и латышей, восходит к населению культуры шнуровой керамики и боевых топоров, но с включением элементов не восточного (как в восточной Латвии), а южного происхождения.

ВЫВОДЫ

1. Краниологическая серия XVII—XVIII вв., полученная при раскопках могильника в западной Латвии, отличается от синхронной серии из восточной Латвии по комплексу признаков, включающему все основные дифференцирующие особенности монголоидного и европеоидного стволов. Аналогичные отличия обнаруживает и более поздняя серия из западных районов.

2. В составе населения западной Латвии нет монголоидной примеси, в составе населения восточной Латвии есть небольшая монголоидная примесь.

3. Основной европеоидный компонент антропологического типа латышей восходит к неолитическому населению культуры шнуровой керамики и боевых топоров.

4. Наиболее вероятная гипотеза сводится к тому, что монголоидная примесь в составе восточных латышей обязана своим появлением генетическому влиянию, оказанному на их этногенез неолитическим населением культуры ямочно-гребенчатой керамики.

5. Невозможность уловить монголоидную примесь в составе средневекового населения восточной Латвии может объясняться обычаем

трупосожжения среди той его части, которая характеризовалась монголоидной примесью.

6. Литовцы, как и латыши, представляют собой в массе потомков населения культуры шнуровой керамики и боевых топоров, но с примесью элементов южного происхождения.

7. Сопоставление краниологических данных по современному населению с палеоантропологическими сериями показывает, что во всяком случае на протяжении последних 1500 лет процесс грацилизации не имел места на территории Латвии.

8. То же сопоставление, наоборот, свидетельствует об интенсивно идущем на протяжении полутора тысяч лет процессе брахикефализации в Латвии. Аналогичный процесс интенсивной брахикефализации отмечается и в Литве.

9. Весьма вероятно, что брахикефализация в Латвии и Литве является побочным результатом сдвигов в скорости роста и ускорения полового созревания.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М. С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. II. М.—Л., 1947.
- Акимова М. С. Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XVIII, 1953.
- Акимова М. С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. Вопросы антропологии, вып. 7, 1961.
- Акимова М. С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник (из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы), М., 1963.
- Алексеев В. П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXI, 1955.
- Алексеев В. П. Черепа из древних погребений на территории Тувы. Уч. зап. Тувинского н.-и. ин-та языка, литературы и истории, вып. III. Кызыл, 1955а.
- Алексеев В. П. Энеолитический череп из Красноярска (к вопросу о южной примеси в населении Алтае-Саянского нагорья). Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXIV, 1960.
- Алексеев В. П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1960б.
- Алексеев В. П. О смешанном происхождении уральской расы. Вопросы археологии Урала, вып. 1. Свердловск, 1961.
- Алексеев В. П. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. Сов. этнография, 1961а, № 6.
- Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXI. М., 1961б.
- Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XX. М.—Л., 1961в.
- Алексеев В. П. Историческое значение антропологических различий между населением западных и восточных районов Латвийской ССР. Изв. АН Латвийской ССР, 1963, № 10.
- Алексеев В. П. Краниологический тип финнов и некоторые вопросы происхождения прибалтийско-финских народов. Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук), 1963а, № 2.
- Алексеев В. П. Антропологические типы. В кн.: Народы зарубежной Европы, т. I. М., 1964.
- Алексеев В. П. Некоторые проблемы происхождения народов Скандинавии и Восточной Прибалтики по данным антропологии. Скандинавский сборник, т. VIII. Таллин, 1964а.
- Алексеева Т. И. Рецензия на труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. II и 2. Вопросы антропологии, вып. 5, 1960.
- Аристэ П. А. К вопросу о развитии ливского языка. Тр. Ин-та языкознания АН СССР, т. IV. М., 1954.
- Бадер О. Н. К вопросу о балановской культуре. Сов. этнография, 1950, № 1.
- Бадер О. Н. Балановский могильник (из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М., 1963.
- Богданов А. П. Исследование черепов Фатьяновского могильника. В кн.: А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. II. М., 1881.

- Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк). Сов. археология, 1965, № 2.
- Бунак В. В. Антропологический тип черемис. Русский антр. журнал, т. 13, 1924, кн. 3—4.
- Бунак В. В. Антропологический тип мсрдвы. Русский антр. журнал, т. 13, 1924а, кн. 3—4.
- Бунак В. В. Структурные изменения черепа в процессе брахикефализации. Тр. V Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов. Л., 1951.
- Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования. Сов. этнография, 1956, № 1.
- Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. X—IX. М., 1959.
- Вавилов Н. И. Географические закономерности в распределении генов культурных растений (предварительное сообщение). Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, т. 17, 1927, № 3.
- Вавилов Н. И., Букиннич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
- Витов М. В. Антропологические типы современного населения Прибалтики. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955.
- Витов М. В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952—1954 гг.). Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 1. М., 1959.
- Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. История СССР, 1964, № 6.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 2. М., 1959.
- Властовский В. Г. О половом диморфизме расоводиагностических признаков. Вопросы антропологии, вып. 6, 1961.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXVIII. М., 1955.
- Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XX, 1954.
- Гохман И. И. Палеоантропологические материалы из ранне-неолитического могильника Васильевка II в Днепропетровском Надпорожье. Сов. этнография, 1958, № 1.
- Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, вып. XVIII. М.—Л., 1958а.
- Гуделис В. К., Павлонис С. В. Палеоантропологические находки в Литве. Бюлл. комис. по изучению четвертичного периода, 1955, № 20.
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1956, № 47.
- Гусева И. С. О взаимосвязи назомаллярного и зигомассиллярного углов горизонтального профиля лицевого скелета у некоторых современных антропологических типов. Вопросы антропологии, вып. 12, 1962.
- Гусева И. С. По поводу статьи В. П. Алексеева «Краниологические материалы к проблеме происхождения латышей». Вопросы антропологии, вып. 13, 1963.
- Дайга И. Антропологический материал Нукшинского могильника. В кн.: Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1957.
- Дебец Г. Ф. Селькупы (антропологический очерк). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. II. М.—Л., 1947.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV. М.—Л., 1948.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XVII. М., 1951.
- Дебец Г. Ф. К палеоантропологии Урала. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XVIII, 1953.
- Дебец Г. Ф. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. (Предварительное сообщение). Сов. этнография, 1955, № 3.
- Дебец Г. Ф. О генеалогической классификации человеческих рас. Сов. этнография, 1956, № 4.
- Дебец Г. Ф. Древний череп из Якутии. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXV, 1956а.
- Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас. Сов. этнография, 1958, № 4.

- Дебец Г. Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. Сов. этнография, 1961, № 6.
- Дебец Г. Ф. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. Сов. этнография, 1961а, № 2.
- Денисова Р. Я. Антропологический тип ливов. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955.
- Денисова Р. Я. Антропологический тип ливов. Балтийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956.
- Денисова Р. Я. К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев. Изв. АН Латвийской ССР, 1958, № 2.
- Денисова Р. Я. К истории формирования антропологического состава восточных латышей и восточных литовцев. Изв. АН Латвийской ССР, 1958, № 3.
- Денисова Р. Я. Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. Сов. этнография, 1960, № 3.
- Денисова Р. Я. Антропологический тип восточных литовцев. Изв. АН Латвийской ССР, 1963, № 9.
- Денисова Р. Я. Новый краниологический материал из могильника латгалов VII—XII веков и некоторые вопросы этнической антропологии восточных латышей. Изв. АН Латвийской ССР, 1964, № 2.
- Денисова Р. Я. К вопросу об антропологическом типе селов XI—XII вв. в связи с краниологическим материалом из могильника Леясдопелес. Изв. АН Латвийской ССР, 1964а, № 5.
- Денисова Р. Я. Особенности антропологического типа восточных латышей в связи с их этнической историей. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам экспедиции археологов, этнографов и фольклористов в 1964 г. Рига, 1965.
- Жиров Е. В. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. VI, 1940.
- Зенкевич П. И. Физический тип горных и луговых марий. Марийская автономная область. Йокшар-Ола, 1934, № 8—9, 10—12.
- Зенкевич П. И. Антропологические исследования в Чувашской АССР. Кр. сообщ. н.-и. Ин-та и музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг., 1941а.
- Золотарева И. М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь). Материалы и исследования по археологии СССР, № 58. М., 1957.
- Исмагулов О. Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии. Антропологический сборник. IV. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 32. М., 1963.
- Куликаускас П. З. Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных группах в I и в начале II тысячелетия н. э. по данным археологии. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954.
- Левин М. Г. Краниологический тип хантэ и манси. Кр. сообщ. н.-и. Ин-та и музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг., 1941.
- Левин М. Г. Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с вопросами этногенеза северо-восточной Азии). Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X. М.—Л., 1949.
- Левин М. Г. К антропологии Южной Сибири. (Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 г.). Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XX, 1954.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXVI. М., 1958.
- Левин М. Г. О некоторых вопросах этнической антропологии Северной Сибири. Вопросы антропологии, вып. 12, 1962.
- Марк К. Ю. Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954.
- Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР. Балтийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия) т. XXXII. М., 1956.
- Марк К. Ю. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. Изв. АН Эстонской ССР (сер. общественных наук), 1956а, № 1.
- Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956б.
- Миклашевская Н. Н. Краниология киргизов. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1959.
- Моора Х. А. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XII, 1950.
- Моора Х. А. Памятники неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. XLVIII, 1952.

- Моора Х. А. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. Сов. археология, т. XXI. М.—Л., 1954.
- Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен. Сов. археология, 1958, № 2.
- Нестурх М. Ф. Ископаемые гигантские антропиды Азии и ортогенетическая гипотеза антропогенеза Вейденрейка. Уч. зап. МГУ, вып. 166. М., 1954.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955.
- Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1963.
- Розов Н. С. Материалы к краниологии чулымцев и селькупов. Антропологический сборник. I. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Розов Н. С. Антропологический состав древнего населения Средней Оби (селькупов). Уч. зап. Томского ун-та, вып. 32, 1958.
- Розов Н. С. Антропологические исследования в Западной Сибири. Вопросы биологии. Тр. Томского ун-та, т. 148, 1960.
- Розов Н. С. Материалы по антропологии населения Причумылья. В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
- Розов Н. С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири. Вопросы антропологии, вып. 6, 1961а.
- Рычков Ю. Г. Материалы по антропологии западных тунгусов. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXI. М., 1961.
- Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XV, 1952.
- Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). Сов. археология, т. XVIII. М., 1953.
- Седов В. В. Рецензия на книгу «Нукшинский могильник». Сов. археология, 1959, № 1.
- Седов В. В. Кривичи. Сов. археология, 1960, № 1.
- Соловьева В. С. Материалы по половому созреванию подростков Саратова. Вопросы антропологии, вып. 11, 1962.
- Соловьева В. С. Материалы по половому созреванию школьников и студентов Москвы. Вопросы антропологии, вып. 17, 1964.
- Тараканова С. А., Терентьева Л. П., Чебоксаров Н. Н. Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики. Сов. этнография, 1956, № 2.
- Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. Материалы и исследования по археологии СССР. № 6. М.—Л., 1941.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П. Н. Итоги археологического изучения восточно-славянских племен (доклад на IV Международном съезде славистов). М., 1958.
- Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Оки. В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. (Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов). М., 1963.
- Трофимова Т. А. Череп из Луговского могильника ананьинской культуры. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Трофимова Т. А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. (Антропологический этюд). Сов. этнография, 1949, № 3.
- Трофимова Т. А. Череп из Гулькинского могильника ананьинской культуры. Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. М., 1954.
- Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Североуральская экспедиция Музея антропологии. Кр. сообщ. н.-и. Ин-та и музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг., 1941.
- Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 29. М., 1952.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Чебоксаров Н. Н. Из истории светлых расовых типов Евразии. Антр. журнал, 1936, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. Монголоидные элементы в населении Центральной Европы. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. Сов. этнография, 1946, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XII, 1950.
- Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XVI. М., 1951.
- Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики. (По материалам Балтийской этнографо-антропологической экспедиции). Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954.

- Чебоксаров Н. Н. Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954а.
- Чебоксаров Н. Н., Трофимова Т. А. Антропологическое изучение манси. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. IX, 1941.
- Цуй Чен-яо. Данные по горизонтальной профилированности лицевого скелета ископаемых людей. Вопросы антропологии, вып. 1, 1960.
- Цуй Чен-яо. Морфологический анализ некоторых элементов верхнего отдела лица в связи с его уплощенностью. Вопросы антропологии, вып. 9, 1962.
- Яблонските-Римантене Р. О древнейших культурных областях на территории Литвы. Сов. этнография, 1955, № 3.
- Якимов В. П. Череп человека бронзового века из Якутии. В кн.: А. П. Окладников. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1951.
- Якимов В. П. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. Балтийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956.
- Якимов В. П. О древней «монголоидности» в Европе. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXVIII, 1957.
- Якимов В. П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XIX. М.—Л., 1960.
- Якимов В. П. Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей. Вопросы антропологии, вып. 4, 1960а.
- Якимов В. П. Население европейской части СССР в позднем неолите и мезолите. Вопросы антропологии, вып. 7, 1961.
- Якимов В. П. Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей. Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae, t. V, fase. III—VI. Anthropologia, publicatio III, part. I. Bratislava, 1961а.
- Якимов В. П. Реплика оппонентам. Вопросы антропологии, вып. 9, 1962.
- Янитс Л. Ю. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
- Brenson I. Zur Anthropologie der Litauer. Dorpat, 1883.
- Gröste K., Jorgenson I., Becker C., Brondsted I. Prehistoric man in Denmark (a study of physical anthropology), vol. I—II. Copenhagen, 1956.
- Bunak V. The craniological types of the East slavic kurgans. Anthropologie, t. X, Praha, 1932.
- Chochol I. Antropologické materiály z nových výzkumů neolitu a doly bronzové v Čechách. Crania Bohemica (materiálu prehistorické a historické antropologie), t. 1, Praha, 1964.
- Chochol I. Neue Erforschung der tschechischen Populationen aus dem Neolith und der Bronzereit. Anthropologie, t. II. Praha, 1964а, N 2.
- Coon C. The races of Europe. New York, 1939.
- Dahr E. Anthropologischer Bericht. В кн.: M. Stenbergen, E. Dahr, H. Munthe. Das Grabfeld von Wästerbjers auf Gotland. Stockholm, 1943.
- Denisova R. Piczimes par latviesu antropologiska tipu Gulbenes rajona. Archeologija un etnografija, t. IV. Riga, 1962.
- Fürst C. Zur Kraniologie der Steinzeit. Svenska Vetenskaps Akademi Handlingar, Stockholm, 1912.
- Hrdlicka A. Catalogue of human crania in the United States National Museum. Proceedings of the United States National Museum, vol. 63, 69, 71, 78, 87, 91, 94, Washington, 1924—1944.
- Iaanits L. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja finska fornminnes föreningsens tidskrift, t. 58. Helsingfors, 1957.
- Knorre G. Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Letgallens Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, Bd. XXVIII, 1930, H. 3.
- Kurth G. Vorbericht über anthropologische Beobachtungen bei der Jerichograbung 1955. Homo, Bd. 6, 1955, H. 4.
- Kurth G. Überlegungen zu den zoogeographischen Klimaregeln. Forschung und Fortschritte, Bd. 30, 1956.
- Licis I. Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme. Riga, 1939.
- Mark K. Paleoantropoloogilistest uurimistest Eesti NSV — s. Изв. АН Эстонской ССР, т. II, 1953, № 4.
- Mark K. Zur Entstehung der gegenwärtiger Rassentypen im Ostbaltikum. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja finska fornminnesföreningsens tidskrift, t. 59. Helsingfors, 1958, N 4.

- Mark K. Kaberla kalmistu ahtropologiline aines. Археологический сборник, т. II. Древние могильники и клады, Таллин, 1962.
- Oetteking B. Craniology of the North Pacific coast. The Jesup North Pacific expedition, vol. XI, part I. New York — Leiden, 1930.
- Primanis I. Pales galvas kausi. Latvijas universitates Raksti, s. XII. Riga, 1925.
- Reche O. Zur Anthropologie der jüngeren Steinzeit in Schlesien und Böhmen. Archiv für Anthropologie (neue Folge), Bd. VII, 1908.
- Retzius G. Crania Suecica antiqua. Stockholm, 1900.
- Schlitz A. Die steinzeitlichen Schädel des Grossherzoglichen Museums in Schwerin. Archiv für Anthropologie (neue Folge), Bd. VII, 1908.
- Schreiner K. Crania Norvegica, vol. II. Oslo, 1946.
- Schwidetzky I. Rassenkunde der Altslawen. Beiheft zu B. VII der Zeitschrift für Rassenkunde und die gesamte Forschung am Menschen. Stuttgart, 1938.
- Schwidetzky I. Das Menschenbild der Biologie. Stuttgart, 1959.
- Schwidetzky I. Das Grauzisierungsproblem, Bd. 13, Homo, 1962, H. 3.
- Sebestyén I. N. Beiträge zum Problem der protolappischen Sprache. Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. III. Budapest, 1953.
- Shima G. Anthropological study of the Chinese skull obtained from the suburbs of Fushun, Manchuria. Journal of anthropological society of Tokyo, vol. XLVIII. Tokyo, 1933, N 550.
- Sommer A. Der Rinnekalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands. Archiv, für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, ser. II, Bd. IX, Lieferung 5. Dorpat, 1884.
- Suzuki H. Changes in the skull features of the Japanese people from ancient to modern times. Selected papers of the fifth International Congress of anthropological and ethnological sciences. Philadelphia, 1956.
- Vassal P. Brachycéphalie, droite et terrain granitique. Revue de pathologie genetique et physiologie clinique, t. 57, 1957, N 688.
- Wagner K. The craniology of the oceanic races. Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps — Akademie i Oslo, I. Mat.-Naturv. klasse. Oslo, 1937, N 2.
- Waeber O. Beiträge zur Anthropologie der Letten, Dorpat, 1879.
- Weidenreich F. The brachycephalisation of modern mankind. Southwestern journal of anthropology, vol. 1, 1945.
- Weinberg R. Crania livonica, Untersuchungen zur prähistorischen Anthropologie des Baltikums. Archiv für die Naturkunde Liv-, Est — und Kurlands, Bd. XII. Dorpat, 1902.
- Weninger I. Über die Brachykephalie bei Kaukasus — und Balkanvölkern. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, Bd. 44, 1952, H. 1—2.
- Zilinskas I. Akmens periodo zmogus Zemaitijoje ir Suvalkijoje, Kaunas, 1931.
- Zilinskas I., Masalskis R. Senojo gelezies periodo Lietuvos gyventojų kaukolių studija. Acta medicinae facultatis Vytauti Magni universitatis, vol. IV, fase. 1—3. Kaunas, 1937.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФИННОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

В советской этноисторической литературе крупнейшим знатоком финно-угорских языков Д. В. Бубрихом (1948, 1949) защищалась точка зрения, согласно которой народы, говорящие на языках угро-финской языковой семьи, образуют определенное единство. На этом основании Д. В. Бубрих выдвигал необходимость создания комплексной историко-лингвистической дисциплины для изучения угро-финских народов и присвоил ей наименование советского финно-угроведения. Его точка зрения была поддержана некоторыми из его последователей (см., например, Советское финно-угроведение, 1948). Однако она вызвала возражения со стороны этнографов и антропологов, справедливо указывавших на отсутствие единства в культуре и физическом типе угро-финских народов, которые могут быть объединены только на основании принадлежности к единой языковой семье и каждый из которых характеризуется своей этнической историей и особыми путями формирования (Чебоксаров, 1948, 1949). Все же языковая общность позволяет поставить какие-то общие вопросы происхождения группы народов и повлиять на рассмотрение этой проблемы под углом зрения любого вида исторических источников. В частности, антропологические данные были привлечены для решения вопросов происхождения финно-угорских народов Н. Н. Чебоксаровым (1952). По его мнению, они свидетельствуют о том, что финно-угры формировались в обширной зоне Приуралья и Зауралья в среде, обнаруживавшей этнические связи с населением западных, восточных и южных территорий. Таким образом, основным процессом, сформировавшим этническую специфику древнейших предков современных угро-финских народов, был процесс интенсивного смешения.

Широкое развертывание полевых антропологических исследований за годы Советской власти и особенно в послевоенное время, а также интенсивная публикация собранных материалов привели к тому, что сейчас все народы Советского Союза, говорящие на финно-угорских языках, хорошо изучены в антропологическом отношении. Сопоставление собранных материалов с данными смежных дисциплин дало возможность использовать их в качестве источника для изучения вопросов этногенеза как финно-угорских, так и соседних народов. В то же время оно наметило контуры основных проблем, которые непосредственно связаны с изучением антропологии финно-угорских народов.

Первой из этих проблем является проблема прародины финно-угорских народов. Различные попытки ее решения насчитывают более чем столетнюю давность (Финно-угорский сборник, 1928). В основном они

опирались на лингвистические данные. Между тем значение последних резко уменьшается при переходе к бесписьменным периодам истории языка, так как о его состоянии в эти периоды можно судить не по бесспорно документированным свидетельствам, а лишь на основании реконструкции древних форм языка в процессе сравнительно-исторического исследования, которая не всегда является безупречной. Антропология располагает прямыми свидетельствами о физическом типе древнего населения (костные остатки людей ранних эпох). Эти свидетельства, а также промежуточное положение антропологического типа большинства финно-угорских народов между чистыми представителями европеоидной и монголоидной рас говорят о том, что население, составлявшее ядро финно-угорской языковой общности, сформировалось на территории, расположенной между ареалами европеоидов и монголоидов. Разница между ними сейчас практически совпадает с границей между Европой и Азией. На основании палеоантропологических материалов можно утверждать, что в эпохи неолита и бронзы европеоиды имели более широкое распространение, занимая степи Казахстана и Южной Сибири. Но в более северных лесных районах граница между зонами распространения европеоидов и монголоидов, по-видимому, существенно не изменилась за несколько последних тысячелетий. Таким образом, Приуралье, Западная и Южная Сибирь — наиболее вероятная зона формирования предков современных финно-угорских народов, как об этом можно судить на основании анализа антропологических материалов. Эта точка зрения соответствует и современному уровню разработки других видов исторических источников (см. например, Мольнар, 1955).

Вторая важная проблема антропологии финно-угорских народов — проблема происхождения их антропологического состава. Еще автор первой, тщательно разработанной классификации человеческих рас И. Е. Деникер выделил финские и угорские народы Поволжья и Западной Сибири под именем угорской расы, позже получившей наименование уральской (Деникер, 1902). За 60 лет, прошедших после выхода в свет его работы, в пользу гипотезы смешанного происхождения этой расы высказывался целый ряд авторитетных специалистов, и она стала чуть ли не общепризнанной (библиографию см. в главе 3). Но в последние годы она вызвала возражения как фактического, так и теоретического порядка со стороны В. В. Бунака (1956, 1958). Он считает, что древнее и современное население Западной Сибири и Поволжья, промежуточное по своему морфологическому типу между представителями европеоидной и монголоидной рас, образовалось не в результате их смещения, а в результате сохранения очень древнего недифференцированного типа. Этот тип характеризовался как монголоидными, так и европеоидными особенностями и имел самостоятельное происхождение. Однако при разборе взглядов В. В. Бунака указывалось на закономерный характер изменчивости многих антропологических признаков на рассматриваемой территории и закономерный характер связи между ними — обстоятельства, которые трудно объяснить, исходя из гипотезы сохранения недифференцированного типа, который, как обычно, должен отличаться противоречивым сочетанием признаков (Дебец, 1956; Алексеев, 1961). Таким образом, при решении проблем происхождения большинства финно-угорских народов следует, очевидно, исходить из гипотезы их смешанного происхождения (не исключая, правда, полностью того обстоятельства, что недифференцированные комбинации также могли сыграть какую-то роль в этом процессе). Нужно, следовательно, учитывать такие факты, как наличие небольшой монголоидной примеси в составе прибалтийских финноязычных народов, заметное увеличение доли монголоидного компонента в составе поволжских финноязычных народов по сравнению с прибалтийскими и т. д.

Наконец, третьей проблемой антропологии финно-угорских народов является выяснение их взаимной близости между собой, с одной стороны, и каждого из них с окружающими народами — с другой, иными словами: оценка степени генетической близости народов разных ветвей финно-угорской языковой семьи и их соседей. В антропологической литературе давно стало общим местом утверждение о том, что в составе одного и того же народа или группы родственных народов могут входить и, как правило, входят различные антропологические типы. Однако чаще всего эти типы имеют общее происхождение и занимают близкое место в расовой систематике. Наоборот, в интересующем нас случае в состав группы родственных народов, народов финно-угорской языковой семьи, входят типы, относящиеся как к европеоидной, так и к монголоидной расам. Следовательно, разница в морфологическом облике, скажем, прибалтийских и поволжских финских народов настолько значительна, что она ставит вопрос об особых путях их формирования и специфических этнических связях. Так, совершенно несомненно, например, что финноязычные народы Поволжья генетически гораздо более тесно связаны с чувашами, чем с представителями прибалтийской ветви финской языковой семьи. С другой стороны, антропологическая близость эстонцев с латышами больше, чем с восточнофинскими народами. Таким образом, при исследовании проблем этногенеза финно-угорских народов в свете антропологических данных в еще большей степени, чем при аналогичном исследовании других родственных народов, часто отличающихся более тесным сходством антропологического типа, нужно не упускать из виду необходимости сравнительного сопоставления с соседними народами, говорящими не на финно-угорских языках. Для прибалтийских финнов такими народами оказываются народы, говорящие на летто-литовских и германских языках, для поволжских финнов — различные территориальные группы русского народа, для угров Западной Сибири — самоедоязычные народы и кеты. Успешное решение вопросов этнической истории финно-угорских народов требует, следовательно, привлечения антропологических данных по всем этим группам.

Все сказанное иллюстрирует сложность исследования этнической истории финно-угорских народов, показывает важность привлечения в этой связи материалов по этнической антропологии, очерчивает круг тех проблем и фактов, которые следует постоянно учитывать при конкретной работе над изучением происхождения любого народа, говорящего на языке финно-угорской языковой семьи.

ИЗУЧЕНИЕ ФИННОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Большое количество работ, посвященных антропологии финноязычных народов и написанных в дореволюционное время, не перечисляется в нижеследующем обзоре. Они содержат, как правило, результаты измерений малого числа обследованных и в настоящее время имеют лишь исторический интерес. Их перечисление и краткую характеристику можно найти в специальной историографической статье Д. А. Золотарева (1928). Антропологическое изучение эстонцев было проведено антропологическим отрядом Прибалтийской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1952—1954 гг. (Чебоксаров, 1954; Витов, 1955, 1959; Витов, Марк, Чебоксаров, 1959). Огромные материалы по антропологии эстонцев были собраны Ю. М. Аулем в 30-х годах, но опубликованы они лишь в последние годы (1964). Большая ценность этих материалов увеличивается тем обстоятельством, что им изучены

также латыши и русские северо-западных районов ареала русского народа (Ауль, 1958, 1964а; Aul, 1964). Монголоидная примесь, установленная в составе восточных латышей, была отмечена и в составе эстонцев. Но более светлая пигментация, более высокий рост и большая массивность черепа у эстонцев по сравнению с латышами свидетельствуют о большем удельном весе элементов собственного северного происхождения в сложении их антропологического типа. Очень значительна доля этих элементов и в составе ливов (Денисова, 1955, 1956).

Другие народы прибалтийско-финской языковой семьи изучены комплексными экспедициями кафедры этнографии Московского государственного университета под руководством М. В. Витова, но собранные им материалы пока остаются не опубликованными. Поэтому при исследовании антропологического состава финнов Ленинградской области, карел и других прибалтийско-финских народов приходится ограничиваться данными, опубликованными Д. А. Золотаревым (1928а, 1930). Они устарели в методическом отношении, обработаны с помощью формальных статистических приемов, но все же позволяют сделать некоторые выводы (Дебец, 1933). В первую очередь следует отметить смешанность антропологического состава карел и сходство карел Калининской области с окружающим русским населением. Преобладающее место среди карел Карельской АССР занимают варианты восточно-балтийского и беломорского типов, различающихся по головному указателю. Аналогичная комбинация признаков характерна, кстати сказать, для вепсов (Дебец, 1941), води и частично ижорцев (Ауль, 1964б). Среди карел может быть отмечена также небольшая примесь северных элементов. Что же касается лопарей, то при сопоставлении материалов Д. А. Золотарева с материалами А. Скрейнер (Schreiner, 1929) не обнаруживается определенных отличий кольских лопарей от лопарей Норвегии.

Начало обстоятельному знакомству с антропологией поволжских финнов было положено работами В. В. Бунака о марийцах и мордве (1924, 1924а). Первые были отнесены к особому варианту уральской расы (которую В. В. Бунак считал тогда смешанной по происхождению), получившему наименование субуральского и укрепившемуся под этим наименованием в советской антропологической литературе, вторые — к одному из вариантов восточнобалтийского типа. Таким образом, сразу же можно было сделать вывод о том, что доля монголоидного компонента в составе этих народов резко различна. Антропология удмуртов послужила предметом исследования П. И. Зенкевича (1941). Им же были повторно изучены марийцы с охватом обеих этнографических групп этого народа (Зенкевич, 1934). Удельный вес монголоидной примеси у удмуртов оказался приблизительно соответствующим доле этой примеси у марийцев (см. также Гагаева-Вишневская, 1927). Последнее в общем было подтверждено и краниологическими данными (Акимова, 1961, 1962). Что же касается различий между горными и луговыми марийцами по признакам, отражающим степень монголоидности, то они остались не очень определенными. Все же, если учитывать и краниологические данные (Акимова, 1958, 1960), на основании уже опубликованных материалов можно как будто прийти к выводу, что монголоидный компонент сыграл, по-видимому, большую роль в этногенезе луговых марийцев.

Из признаков более низкого таксономического ранга очевидные различия проявляются между марийцами и удмуртами в головном указателе, который у последних заметно больше. На этом основании удмурты были отнесены к особому варианту уральской расы, получившему наименование сублапоноидного (Вупак, 1932). В. В. Бунак сближал, правда, этот тип с лопарской расой, но для этого нужно опираться только на головной указатель и пренебречь заметно большей выраженностью монголоидных особенностей у удмуртов по сравнению с лопарями. 30 лет

назад это было легко сделать из-за отсутствия данных о вариациях многих признаков. Быстрые изменения в величине головного указателя, зафиксированные на разных территориях и в разных этнических группах, предостерегают от переоценки различий по этому признаку и заставляют рассматривать сублапоноидный тип в качестве локального варианта, имеющего, по-видимому, очень позднее происхождение.

Субуральский и сублапоноидный типы наряду с примесью северной ветви европеоидной расы в виде беломоро-балтийских вариантов образуют и расовый состав коми (Гремяцкий, 1941; Чебоксаров, 1946). Но среди коми-зырян была отмечена также заметная примесь северопонтийского типа, относящегося к южной ветви европеоидной расы и свидетельствующего о генетических связях с далеким югом. В составе мордвы-мокши эта комбинация признаков является, по-видимому, преобладающей (Дебец, 1933а).

Расовый состав мордвы вообще очень сложен и, по-видимому, сформировался в результате широкого смешения различных типов (Дебец, 1941а; Алексеева, 1956; Марк, 1960). Наряду с влиянием южного компонента преобладающая линия генетических связей устанавливается для мордвы с северными районами, так как различные варианты северной ветви европеоидной расы — восточнобалтийский, беломорский представлены почти во всех группах мордвы, концентрируясь преимущественно в составе мордвы-эрзи. Монголоидная примесь в составе мордвы значительно меньше, чем в составе других финноязычных народов Поволжья. Некоторые группы мордвы не отличаются по степени монголоидности от окружающего русского населения и сближаются с прибалтийско-финскими народами. Последнее обстоятельство было подтверждено и краниологическими данными (Марк, 1956; Марк, 1958; Акимова, 1960).

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ПРЕДЕЛАХ ФИНСКИХ НАРОДОВ

Любой оценке географических вариаций признаков предшествует выбор того или иного способа нанесения их на карту. Эта операция может опираться на межгрупповой или внутригрупповой масштаб изменчивости в зависимости от того, что интересует исследователя в первую очередь — место всех рассматриваемых групп в системе человеческих рас или степень различия их между собой. В первом случае групповая дифференциация исследуемых популяций выражается в процентах межгрупповых панэйкуменных колебаний отдельных признаков, и часто карты их распространения не обнаруживают географической изменчивости, подчеркивая малые величины различий и единство морфологического типа исследуемого контингента. Поэтому в практической работе, где важно не столько убедиться в единстве типа населения, сколько оценить степень различий между отдельными локальными популяциями, чаще прибегают к внутригрупповому масштабу. Именно внутригрупповая оценка географических вариаций признаков позволяет уловить морфологическую дифференциацию и использовать ее для понимания сначала обобщенных морфологических, а затем и генетических различий между группами и, следовательно, их происхождения. Правда, внутригрупповой масштаб оценки признаков имеет один существенный недостаток — карты, составленные на основании внутригруппового масштаба, обнаруживают значительную дифференциацию там, где она практически очень мала, но этот недостаток, во-первых, может быть смягчен, если исследователь при рассмотрении карт постоянно помнит о величии

нах межгрупповых вариаций соответствующих признаков, а во-вторых, с лихвой окупается четкостью, с которой выявляются различия между группами.

Выбор конкретного способа нанесения вариаций признаков на карты после того, как выбран масштаб оценки различий, в общем не имеет большого значения, тем более что между ними нет принципиальной разницы. Можно рассматривать все вариации как единый вариационный ряд, вычислять для него параметры изменчивости и, пользуясь рекомендацией Хута (см. Бунак, 1941, стр. 350), выделять группы вариантов в соответствии с величиной квадратического уклонения этого ряда. Так поступила Т. И. Алексеева при рассмотрении географической изменчивости на территории Восточной Европы (см. Происхождение..., 1965). Аналогичным образом поступил и Н. Г. Абдушлишвили (библиографию его работ см. в главе 1) при исследовании географической изменчивости на Кавказе, но он не пользовался рекомендацией Хута и исходил просто из величины квадратического уклонения, не увеличивая ее в четыре раза. Можно устанавливать варианты, не опираясь на величину квадратического уклонения ряда, а исходя из условных единиц, в которых выражается признак (миллиметр, градус). В качестве примера можно указать на описание географической изменчивости признаков в пределах русского народа, осуществленное В. В. Бунаком (см. Происхождение..., 1965), или на характеристику географической изменчивости в Прибалтике, опубликованную М. В. Витовым, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксаровым. При этом количество выделяемых вариантов не всегда должно соответствовать амплитуде колебаний признаков — часто величина класса объединяет две или три условные единицы величины признака ($2-3$ мм, $2^\circ-3^\circ$). Можно, наконец, не выделять определенные варианты, а выразить на карте всю последовательность изменений признаков. Для этого каждой группе на карте должен соответствовать круг или квадрат, разбиваемый на 360° . Площадь закрашенного на этой фигуре сектора отражает величину признака. К этому способу прибегла И. М. Золотарева (1960) при описании вариаций признаков в разных территориальных группах бурят. Он имеет тот недостаток, что при близких вариациях невозможно уловить разницу в площади закрашенных на карте секторов квадрата или круга. Но зато мы избегаемся от ненужной экстраполяции, связанной с выделением классов. Поэтому при картографировании признаков использован именно этот способ показа их вариаций на карте. В целях удобства амплитуды колебаний отдельных краниологических признаков в пределах финских народов выражены в целых числах.

Размеры черепной коробки. По продольному диаметру черепной коробки среди всех финноязычных народов резко выделяются эстонцы, отличающиеся наибольшей длиной черепной коробки. К ним приближаются горные марийцы. В остальных группах преобладающие вариации колеблются между 179—181 мм. Однако на противоположном полюсе также резко, как и эстонцы, выделяются коми и удмурты. Находящаяся в нашем распоряжении серия коми представляет в основном для пермяков, что же касается удмуртов, то минимальными предельными размерами черепной коробки отличаются обе территориальные группы — как северные, так и южные. В общем, следовательно, продольные размеры головы не обнаруживают в своих территориальных вариациях определенных географических правильностей. Большие величины встречаются как на западе расселения финских народов, так и на востоке и в то же время почти совпадают территориально с малыми (относительно близкое соседство марийцев с удмуртами и коми). Все же должен быть отмечен очаг короткоголовости, представленной в составе двух народов — коми и удмуртов на северо-востоке ареала финских народов.

Преобладающие варианты в ширине черепной коробки колеблются между 142—144 мм. Некоторое превышение этой величины наблюдается только в серии северных удмуртов, причем южные удмурты имеют несколько более низкую величину поперечника черепной коробки, укладывающуюся в указанные границы вариаций. Резко отличаются от преобладающего варианта две группы — саамская и происходящая из раскопок на площади Старого Венца в Симбирске, произведенных С. М. Чугуновым. Саамы издавна, начиная с первых этапов изучения антропологического состава Северной Европы, известны своей брахицефалией, что же касается второй серии, то отмеченная большая ширина черепной коробки является первым морфологическим аргументом в пользу ее нефинской и тем более немордовской этнической принадлежности. Даже наиболее широкоголовые из восточнофинских народов — северные удмурты — отличаются, как мы убедились, более узкой черепной коробкой.

По высоте черепной коробки, характеризующейся в целом средними величинами, финские народы обнаруживают значительную однотипность. Преобладающие вариации — 133—134 мм. От них отличаются величины высоты черепа только по серии ижорцев, горных и луговых марийцев, мордвы-эрзи и мордвы-мокши. Любопытно отметить, что разные этнотерриториальные группы в составе марийцев и мордвы отличаются от среднего варианта в противоположных направлениях — горные марийцы и мордва-эрзя-высокоголовы, луговые марийцы и мордва-мокша, наоборот, низкоголовы. Высокоголовости ижорцев, по-видимому, нельзя придавать серьезного значения, так как ижорская серия более древняя, чем остальные, и отмеченная морфологическая особенность может быть объяснена ранней датировкой серии, вообще сохраняющей некоторые протоморфные особенности. Правда, при сопоставлении женских групп отличия ижорской серии от остальных почти совсем незаметны. Наиболее резко отличается не только от преобладающего варианта, но и от наиболее низкоголовых серий луговых марийцев и мордвы-мокши серия с площади Старого Венца в Симбирске. Для нее характерна минимальная величина высотных диаметров черепной коробки, не встретившаяся больше ни в одной финской серии. Это также морфологический аргумент против того, чтобы считать эту серию финской.

Указатели и форма черепной коробки. Географическая карта черепного указателя обнаруживает известную «волнообразность» в его географических вариациях (рис. 11). На крайнем западе финского ареала мы встречаемся с высокой величиной черепного указателя у саамов. Далее на восток у финнов и эстонцев он понижается до мезокранного. Еще дальше в восточном направлении наблюдается постепенное повышение указателя от ижорцев к коми и удмуртам. В серии горных марийцев он опять понижается до величин, характерных для эстонской и финской серий, и наконец, в пределах мордвы отличается дисперсным распределением: мордва-эрзя и мордва-герюхане — мезо-брахикранны, мордва-мокша — мезокранна. Наиболее брахикранна серия из Симбирска, добытая раскопками С. М. Чугунова и опять заметно отличающаяся от других поволжских финских групп. Черепа этой серии превосходят по величине черепного указателя даже брахикранных удмуртов, что отражает своеобразное положение их по соотношению горизонтальных диаметров черепной коробки — очень большой ширине при средней длине.

Высотно-продольный указатель почти во всех группах характеризуется средними величинами. Исключение составляют эстонцы, где он мал (за счет большей величины продольного диаметра), и северные восточнофинские народы — коми и удмурты, у которых он немного повышается (за счет уменьшения продольного диаметра), но все же не выходит за пределы средних величин. Минимум характерен для черепов из могиль-

Рис. 11. Карта географических вариаций черепного указателя у финских народов и русских. Min — max: финны — 77—83, русские — 77—83 (здесь и далее на картах кружочком обозначены русские серии, квадратом — финские; интенсивность штриховки соответствует возрастанию величины признака).

ника на площади Старого Венца, что отвечает их крайнему месту по высоте черепной коробки при ее средней длине. Таким образом, и по черепному и по высотно-продольному указателям, по соотношениям размеров черепной коробки можно отметить своеобразное положение этой серии, так же как и по абсолютной величине размеров.

Высотно-широтный указатель не обнаруживает никаких сколько-нибудь заметных правильностей в своем географическом распределении. Пожалуй, только у эстонцев и в еще большей степени у ижорцев заметно некоторое повышение величины этого указателя. Большая величина этого указателя отличается женские черепа коми, но она не проявляется в мужской группе. Но сравнительно значительно отличаются от среднего варианта только две серии — горных марийцев и из могильника на площади Старого Венца. В серии горных марийцев указатель вы-

сок: мы помним, что черепа горных марийцев отличаются высокой и среднеширокой черепной коробкой. Что касается второй серии, то в ней высотно-широтный указатель необычайно низок в соответствии с очень малой высотой и максимально большой шириной черепной коробки. Опять мы должны отметить своеобразие этой серии и ее отличие от всех других финских серий, даже близких ей территориально.

Переходя от рассмотрения вариаций указателей черепной коробки к вариантам ее формы в горизонтальном сечении, следует сразу же отметить заметные географические различия, следующие за черепным указателем. Мезокранные группы отличаются явным преобладанием овоидных форм, составляющих в отдельных случаях две трети всей исследуемой серии. В мезабрахикранных и брахикранных группах, наоборот, две трети падают на сфероидную форму. Крайнее место и здесь, как и по черепному указателю, занимают черепа из Симбирска, процент сфероидных форм среди которых достигает почти 80 в мужской группе.

Ширина и наклон лобной кости. По абсолютной ширине лба все финские породы распадаются на две группы — с широкой и среднеширокой лобной костью. Каждая из этих двух групп имеет определенный более или менее четко очерченный ареал. К первой относятся прибалтийско-финские народы, ко второй — волжские финны. Исключение в последнем случае составляют черепа горных марийцев, кстати сказать, вообще довольно массивные. Отличается от поволжско-финских групп, как и в предыдущих случаях, серия из Симбирска. Она сближается скорее с прибалтийскими сериями, что ввиду ее неясной этнической принадлежности не может приниматься во внимание. В целом, следовательно, прибалтийские финны противопоставляются поволжским. В первой группе наименьшая ширина лба варьирует вокруг 98—99 мм, во второй — вокруг 95—96 мм. Максимум падает на саамскую серию (может быть, ширина лба в этой серии искусственно завышена за счет малочисленности наблюдений), минимум — на серию северных удмуртов. Абсолютный размер различий между обеими территориальными группами, как видно из приведенных цифр, невелик (2—3 мм, т. е. немногим больше половины квадратического уклонения), но закономерная концентрация больших и малых вариаций на западе и востоке финского ареала свидетельствует, по-видимому, о неслучайном характере этих различий и их генетическом значении.

Наибольший лобный диаметр в отличие от наименьшего, о котором сейчас шла речь, варьирует также широко (119—124 мм), но не обнаруживает закономерного географического распределения. Резко выделяются среди остальных групп ижорцы, но не следует забывать о малочисленности ижорской серии, тем более что женские черепа ижорцев более широколобы, чем мужские.

Относительная ширина лба, выражаемая в первую очередь лобно-поперечным указателем, менее заметно дифференцирует группы, чем абсолютная ширина. Лобно-поперечный указатель варьирует в целом приблизительно от 65 до 69 единиц. Большие величины представлены как на западе, так и на востоке финского ареала. Но малые величины мы находим только среди восточнофинских народов. Эта тенденция, хотя и неотчетливо выраженная, подтверждает реальное значение различий, обнаружившихся между западными и восточными группами по наименьшей ширине лба, и также заставляет объяснить некоторую узколобость поволжских финнов расогенетическими процессами, а не случайностью выборки. Несмотря на малый масштаб различий, географический критерий является здесь решающим. Лобный указатель варьирует довольно широко — в пределах почти 10 единиц, но эти вариации не приурочены к определенным районам в пределах всего ареала расселения финских народов. Резкое увеличение указателя наблюдается на черепах ижорцев

и карел, однако при малочисленности обеих серий это увеличение может быть случайным. Во всяком случае, в женских сериях это незаметно. Наоборот, уменьшение лобного указателя характерно для обеих групп удмуртов, как северной, так и южной, что находится, очевидно, в связи с их брахикранией.

Наклон лобной кости, определяемый двумя углами и указателем высоты изгиба, также различается довольно сильно в разных сериях, но различия эти носят бессистемный характер. Сильный наклон лобной кости в мужской карельской серии может быть случайным ввиду ее малочисленности. Иногда заведомо близкие серии, например марийские, различаются между собой по обоим углам на величину квадратического уклонения. Сколько-нибудь отчетливых территориальных сдвигов в изменчивости не обнаруживают ни угол назион-метопион, ни второй угол, ни указатель. Таким образом, различаясь по ширине лба, прибалтийские и восточнофинские серии, по-видимому, не отличаются друг от друга по наклону лобной кости.

Ширина затылка. Преобладающий вариант имеет ширину затылка, равную 111—112 мм. Этот вариант в общем характерен почти для всех финских групп, которые не различаются между собой ни по абсолютной величине этого признака, ни по статистическим нереальным, но географически приуроченным малым уклонениям. Единственное исключение составляют коми, которые отличаются от преобладающего варианта почти на величину квадратического уклонения. В других восточнофинских группах аналогичные сдвиги незаметны. По-видимому, мы встречаемся в данном случае с узколокальным явлением — сдвигом в изменчивости одного признака, характерным для сравнительно небольшой группы популяций.

Развитие рельефа черепа. Развитие надбровья во всех финских сериях колеблется вокруг балла 3. Межгрупповые различия составляют приблизительно половину балла. Наблюдаются, как это и должно быть при межгрупповом сопоставлении, случаи совпадения степени развития надбровья с черепным указателем. Так, в брахикраничных сериях удмуртов развитие надбровья по сравнению с другими финскими сериями ослаблено. Но, с другой стороны, максимальная величина фиксируется в мужской серии мордвы-эрзи, черепной указатель в которой равен 80. Правда, в женской серии мордвы-эрзи надбровье развито по межгрупповому масштабу (в пределах финских групп) скорее средней. В общем в развитии надбровья трудно заметить какую-либо вариабильность. То же самое можно повторить и про иной способ определения развития надбровья, заключающийся в вычислении разницы двух углов наклона лобной кости. Небольшие различия между группами есть, но они не сочетаются в определенные территориальные комплексы и так же, как и различия, выявляющиеся при описательном определении надбровья, по-видимому, выражают случайную изменчивость.

Амплитуда колебаний балловой характеристики развития сосцевидных отростков в разных группах, как и развития надбровья, составляет, примерно, полбалла. Какой-либо заметной корреляции между этими двумя величинами нет, что объясняется, очевидно, незначительностью колебаний и ролью случайных процессов в качестве основной причины межгрупповой дифференциации по этим признакам. Соответственно балловые характеристики развития сосцевидных отростков в разных группах также не складываются в территориальные комплексы.

Размеры лицевого скелета. Ширина лицевого скелета во всех финских группах скорее средняя или приближающаяся к средней (рис. 12). Преобладающий вариант — 132—133 мм. Однако некоторые серии отличаются от среднего варианта на 3—4 мм. Значение этого обстоя-

тельства, по-видимому, не одинаково в разных случаях. Относительная широколицесть саамов подтверждается чрезвычайно многочисленными материалами К. Скрейнера и может считаться бесспорной. Правда, кольские саамы оказываются более широколицыми, чем самые широколицые группы норвежских, но на этом как раз нельзя настаивать как на факте, отражающем реальную действительность, так как кольская серия очень малочисленна. То же самое можно сказать и о двух других относительно широколицых группах — карелов и ижорцев. В последнем случае следует помнить еще о сохранении некоторых протоморфных признаков ввиду ранней датировки серии. Среди восточных финнов выделяются горные марийцы, правда, только при сравнении мужских групп — женские серии оказываются более однородными. В общем при рассмотрении вариаций скуловой ширины по всему ареалу расселения финноязычных народов трудно отметить какие-либо закономерные различия в ширине лица между населением отдельных территорий, охватывающие большие области. Бесспорен факт относительной широколицести саамов, может быть, несколько более широколицы восточные представители прибалтийско-финских народов — ижорцы и карелы по сравнению с финнами и эстонцами, в Верхнем Поволжье отдельные узлокальные очаги относительной широколицести отмечаются среди горных марийцев и, по-видимому, в несколько меньшей степени у мордвы-эрзи. Особое место, как и во многих предыдущих случаях, занимают черта из кладбища Старого Венца в Симбирске. Среди финских серий нет ни одной с такой значительной шириной лица. Это, так же как и строение черепной коробки, свидетельствует против того, чтобы рассматривать это кладбище как финское, предположительно, мордовское.

Средний вариант верхней высоты лица — 69—70 мм, т. е. обычная величина для европеоидных групп (рис. 13). Понижение высоты лица по сравнению с этим преобладающим вариантом характерно для саамов, норвежские группы которых также известны своей низколицестью. Аналогичная величина зафиксирована в серии ижорцев, но здесь я склонен связывать ее со случайным подбором черепов со специфическими пропорциями лицевого скелета, выразившимися и в большой ширине лица. Это тем более вероятно, что у родственных ижорцам карел высота лица выше среднего варианта, чему, правда, тоже нельзя придавать серьезно значения (единичные черепа). В восточнофинских группах высота лица колеблется неопределенно, и исключения составляют опять лишь черепа из кладбища на площади Старого Венца, отличающиеся известной низколицестью. Что же касается полной высоты лица, то вариации ее позволяют отметить одно обстоятельство — финны и эстонцы, если фиксировать высоту лицевого скелета полностью, а не только верхней его части, более высоколицы, чем поволжские и пермские финны. Косвенно это говорит о большей высоте симфиза в финской и эстонской сериях.

Указатели лицевого скелета. Географические вариации верхнего лицевого указателя неопределенны. Единственно четко выделяющаяся группа — это саамы, низкое и широкое лицо которых имеет соответственно низкий лицевой указатель. От территориально близких им финнов и эстонцев они отличаются на пять единиц указателя. Также приблизительно на пять единиц указателя отличаются от последних ижорцы, о своеобразном строении лицевого скелета которых уже говорилось. Пермские финны и марийцы отличаются от собственно финнов и эстонцев относительно чуть более низким лицом. Но в мордовских сериях указатель опять несколько повышается, и по этому признаку они похожи на эстонскую и финскую серии. Черепа из Старого Венца резко отличаются от мордовских относительной низколицестью. Среди остальных восточнофинских серий также нет ни одной с такой малой величиной верхнего лицевого указателя. Географическое распределение полно-

Рис. 12. Карта географических вариаций скуловой ширины у финских народов и русских. Min — max: финны — 132—138, русские — 128—135

го лицевого указателя также неопределенно. Варианты, колеблющиеся между 87 и 90 единицами индекса, распределяются дисперсно и, например, максимальные величины встречаются как на западе (эстонцы, финны — рядом с относительно очень низкими лопарями, об общем лицевом указателе у которых я сужу по данным К. Скрейнера из-за отсутствия собственных), так и на востоке (удмурты, марийцы). Мордва относительно несколько более низка по сравнению с удмуртами и марийцами. Еще более низки и значительно отличаются от мордовских серий черепа с площади Старого Венца. Таким образом, они занимают особое положение не только по строению черепной коробки, но и по размерам и пропорции лицевого скелета.

Самая высокая величина вертикального краниофациального указателя отмечена в малочисленной карельской серии, самая низкая — у саамов и ижорцев. Первое находит подтверждение в материалах К. Скрейнера, второе, по-видимому, случайно. Приближаются к карелам по величине

указателя финны и эстонцы. На востоке в поволжских сериях такая величина указателя зафиксирована на черепах северных удмуртов, мордвы-мокши и мордвы-терюхан. В остальных восточнофинских черепах указатель несколько ниже. Любопытно отметить, что в связи с очень малой высотой черепной коробки вертикальное фациоцеребральное отношение очень велико на черепах из Старого Венца (несмотря даже на сравнительно малую высоту лицевого скелета), и в этом отношении они заметно превосходят даже наиболее высоколицые мордовские группы. Налицо, следовательно, опять осязуемое отличие.

Горизонтальное фациоцеребральное отношение имеет на западе ареала финских народов наименьшие величины. Заметное повышение этого индекса характерно для ижорцев и карел (с учетом, однако, тех оговорок, которые приведены выше относительно этих групп). В составе восточных финнов, как пермских, так и поволжских, встречаются и низкие и высокие величины. Низкая величина указателя характерна для удмуртов, очень высокая для горных марийцев. Но в общем, если исключить эти крайние варианты, выражающие, очевидно, узколокальные местные процессы сдвигов в изменчивости признака, то восточнофинские народы оказываются более широколицыми, чем эстонцы, собственно финны и даже саамы. Серия из могильника на Старом Венце опять отличается от других восточнофинских серий, но на этот раз неожиданно сближается с западнофинскими. Причина такого понижения указателя — очень большая ширина черепной коробки, которую мы уже отмечали.

Размеры и указатели орбит. Ширина орбит несколько больше на западе, чем на востоке. В прибалтийско-финских сериях ширина орбиты от максиллофронтале колеблется вокруг 43 мм, в восточнофинских сериях преобладающий вариант — 41,5—42,0 мм. Наиболее низкой величиной отличаются серии мордвы-мокши и мордвы-терюхан. Однако по ширине от дакриона такой правильности не прослеживается, и поволжские финны не обнаруживают определенных отличий от прибалтийских. Это обстоятельство заставляет с сомнением отнести к территориальной дифференциации ширины от максиллофронтале, так как оба размера, получающиеся в результате применения разных способов определения ширины орбиты, связаны тесной внутригрупповой и межгрупповой корреляцией. Абсолютная величина различий между западными и восточными группами также очень невелика, не превышает 0,5 квадратического уклонения. В общем трудно решить, можно ли включать ширину орбиты в число дифференцирующих признаков в пределах финских серий. Черепа с площади Старого Венца и по ширине орбиты отличаются от других поволжских групп, имея более широкие орбиты.

Высота орбиты — чрезвычайно стойкий маловарьирующий признак, колебания которого составляют меньше половины квадратического уклонения и не превышают 1 мм. Территориальные вариации абсолютно дисперсны и не обнаруживают никаких определенных правильностей. Понижение высоты орбиты в ижорской серии отражает сохранение в ней протоморфных особенностей. Что же касается относительной высоты орбиты, то по величине обоих орбитных указателей выделяются лишь ижорцы и до какой-то степени карелы, отличающиеся низкими указателями. Остальные группы различаются, по-видимому, лишь в силу случайных причин — об этом говорят и малый масштаб различий, и отсутствие правильностей в их территориальном распределении.

Размеры носа, носовой указатель, нижний край грушевидного отверстия. Высокая корреляция, которая связывает высоту носа с верхней высотой лица, до какой-то степени отразилась на территориальном распределении этого признака. Высота носа мала у низколицых ижорцев и в то же время больше средней величины на черепах карел, отличающихся, как мы помним, относительной вы-

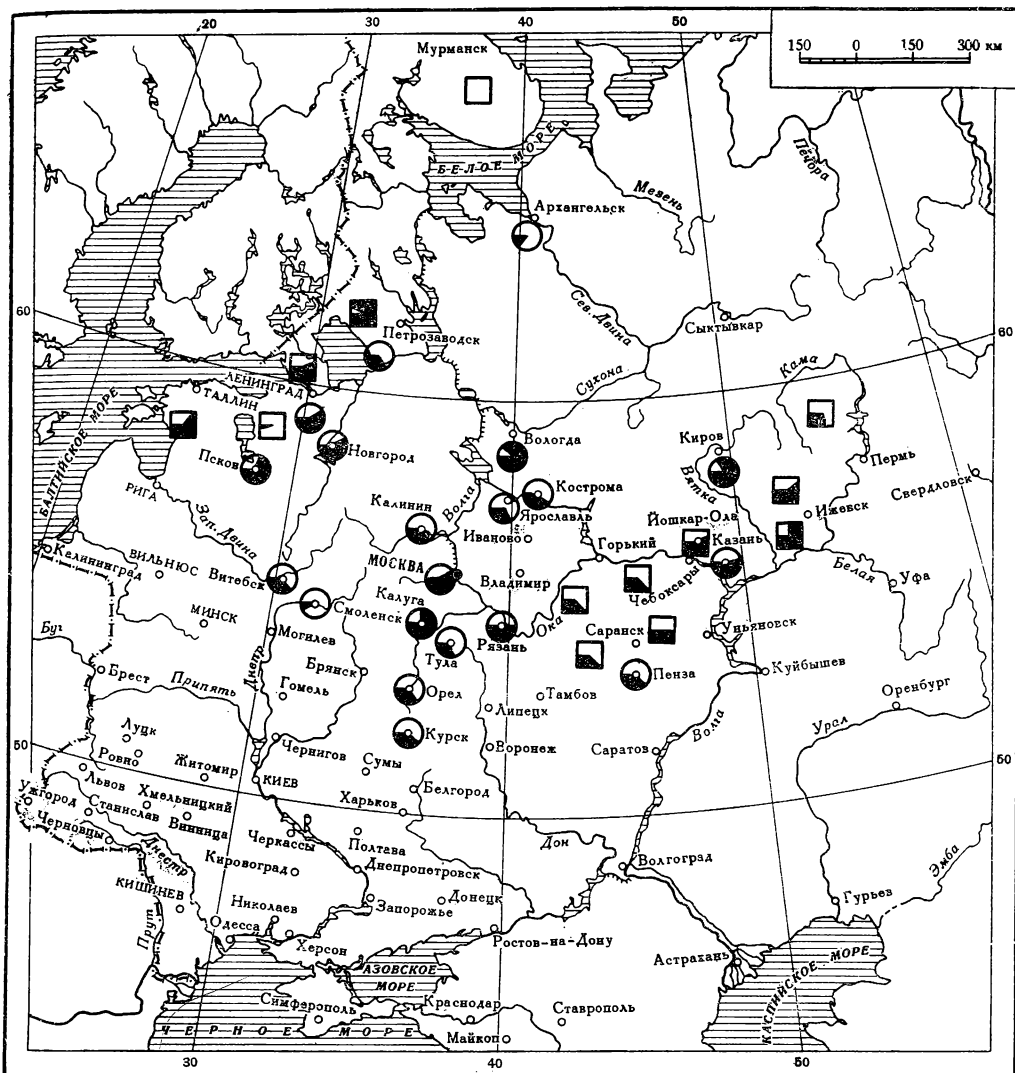

Рис. 13. Карта географических вариаций верхней высоты лица у финских народов и русских. Min — max: финны — 67—74, русские — 68—73

соколициестью. Но остальные серии не обнаруживают определенных различий, и повышение или понижение высоты носа характерны для близкородственных групп. Преобладающий вариант укладывается в пределы вариаций средних величин этого признака и составляет 51—52 мм.

В ширине грушевидного отверстия также не отмечаются вариации, которые охватывали бы значительные территории. Широконосость карел, по-видимому, случайна — на женских черепах в отличие от мужских ширина грушевидного отверстия очень мала. Остальные колебания укладываются в пределы величин, характерных для северных удмуртов и горных марийцев. Северные удмурты — узконосы, горные марийцы, наоборот, — чрезвычайно широконосы. Но в близкородственных им группах — на черепах южных удмуртов и луговых марийцев фиксируется средний вариант. Таким образом, можно думать, что в обоих случаях мы имеем дело с локальными явлениями. По носовому указателю также выделяются северные удмурты и южные марийцы, первые —

крайней относительной узконосостью, вторые — относительной широконосостью. Но в то время, как в серии южных марийцев, носовой указатель соответствует преобладающему варианту, в серии луговых марийцев он выше среднего варианта приблизительно на единицу. Таким образом, для марийцев характерна относительная широконосость по сравнению с другими финскими народами. Резкая широконосость черепов горных марийцев находится, очевидно, в связи с большими широтными размерами лица в этой серии, так как ширина грушевидного отверстия связана со скуловой шириной заметной корреляцией.

В строении нижнего края грушевидного отверстия заостренный край преобладает примерно в двух третях случаев почти во всех сериях. В серии горных марийцев удельный вес черепов с заостренным краем спускается до половины случаев, в некоторых других сериях (эстонцы, северные удмурты) поднимается до 80—85% случаев. Географические вариации неопределенны. Процент индивидуумов с предносовыми ямками колеблется от 15 до 50. Остальные варианты встречаются в единичных случаях.

Размеры нёба и нёбный указатель. Широко варьирующие нёбные размеры не обнаруживают, как правило, закономерной географической изменчивости и отличаются обычно большими колебаниями даже в пределах близкородственных групп. Однако отдельные финские народы почти не различаются по длине нёба, которая равна 44—45 мм. Обращает на себя внимание опять лишь серия из Старого Венца, длина нёба в которой на 3 мм больше. Несколько больше варьирует ширина нёба, но и она не позволяет наметить определенных правильностей в географических вариациях. На марийских черепах и черепах мордвы-эрзи нёбо чуть шире, чем в остальных черепах, но величина отличий очень мала в мужских группах и практически отсутствует в женских. Вряд ли ей можно придавать какое-либо генетическое значение. Наиболее типичная величина нёбного указателя — 87—88 единиц. Отклонения от этой величины должны быть отмечены в саамской серии (понижение) и в ижорской (повышение) сериях, но обе они, как уже неоднократно отмечалось, состоят из единичных черепов.

Выступление носа. Угол выступления носовых костей позволяет довольно четко дифференцировать прибалтийско-финские народы от поволжских финнов (рис. 14). Для саамов, финнов, эстонцев и ижорцев преобладающие вариации колеблются вокруг 30°. Некоторое понижение этого угла у финнов проявляется только на мужских черепах. Зато все серии пермских и поволжских финнов обнаруживают отчетливое понижение угла по сравнению с западными группами, проявляющееся, правда, в разной степени. Так, мордовские серии имеют более выступающие носовые кости, чем удмуртские и марийские. Особенно это заметно в серии мордвы-эрзи. Любопытно отметить, что большая разница, превышающая квадратическое уклонение, фиксируется между сериями горных и луговых марийцев. Черепа из погребений на площади Старого Венца в Симбирске отличаются малым выступанием носовых костей, но все же угол выступления в этой серии больше, чем в серии луговых марийцев.

Межгрупповое распределение признаков, отражающих высоту переносья, обычно совпадает с межгрупповой дифференциацией угла носовых костей к линии лицевого профиля. В целом это соотношение проявляется и у финских народов. Дакриальная высота во всех прибалтийско-финских группах превышает 12 мм, достигая максимума на черепах финнов, эстонцев и ижорцев, у пермских и поволжских финнов она колеблется между 11 и 12 мм. Единственное исключение — черепа мордвы-мокши и южных удмуртов, на которых дакриальная высота также превышает 12 мм. Кстати сказать, все серии мордвы имеют несколько боль-

Рис. 14. Карта географических вариаций угла носовых костей к линии лицевого профиля у финских народов и русских. Min — max: финны — 22—33, русские — 26—34

шую дакриальную высоту, чем марийские серии. Аналогичным образом варьирует и симотическая высота. На западе финского ареала симотическая высота приближается к 5 мм, достигая этой величины в сериях ижорцев и карел. На востоке в пермских и поволжских группах она на 1 мм ниже. Исключение составляют мордовская группа — эрзя и терюхане, в которой симотическая высота достигает 4 мм, и черепа мордвы-мокши, на которых симотическая высота приближается к величинам, характерным для прибалтийских финнов.

Таким образом, по абсолютным размерам высоты переносья крайнее место занимают прибалтийские финны, затем мордовские группы и, наконец, на противоположном полюсе оказываются пермские финны и марийцы. Такой же порядок, как мы помним, занимали эти группы и по углу выступания носовых костей.

Дакриальный указатель во всех сериях очень стабилен и колеблется около 60 единиц. Отклонения от этой стандартной величины редки и

очень неопределенны по своему значению (например, явно случайное отклонение в карельской серии). Но заметное понижение дакриального указателя в марийских сериях — несомненно факт, отражающий реальную действительность. Труднее это сказать о серии мордвы-эрзи, понижение дакриального указателя в которой совершенно несомненно, но не коррелирует со сдвигами в абсолютных размерах высоты переносья. То же или почти то же можно повторить и про межгрупповые вариации симотического указателя (рис. 15). В прибалтийских сериях он равен 49—50 единицам, в пермских и поволжских колеблется вокруг 45—46. В сериях северных удмуртов и мордвы-терюхан симотический указатель приближается по размеру к величине, характерной для прибалтийских серий. Обращаясь к описательному способу определения выступления носа — развитию передненосовой ости, трудно ожидать такой четкой разницы, какая выявляется по измерительным признакам. В целом средний балл развития передненосовой ости по всем группам приближается к 2,90—3,00. Но на западе он превышает три балла все же в трех сериях — саамов, эстонцев и карел, тогда как на востоке такую величину имеют только черепа мордвы-терюхан. В связи со сравнительно малым выступанием носовых костей относительно очень слабо развита носовая ость на черепахах из Старого Венца. Она развита на них даже меньше, чем на черепахах луговых марийцев, хотя в последней серии угол выступления носовых костей к линии лицевого профиля еще меньше, чем в серии из Старого Венца. Правда, при сравнении женских черепов эта разница стирается.

Суммируя данные, полученные с помощью разных способов определения выступления носовых костей по отношению к плоскости лица, получаем в итоге следующий порядок расположения групп по этому признаку: прибалтийские финны (наиболее выступающий нос), среди которых выделяются эстонцы и ижорцы, мордовские группы и, наконец, все остальные восточные финны, среди которых крайнее место занимают луговые марийцы.

Вертикальная профилировка лицевого скелета. Указатель выступления лицевого скелета на большинстве серий попадает в категорию ортогнатных или мезогнатных вариаций. Мезогнатные серии — финны, карелы и серия с площади Старого Венца. Как видно, они не образуют компактного ареала. Но близкую к собственно финской величину имеют эстонские черепа. Таким образом, можно сказать, что на территории Восточной Прибалтики мы имеем район повышения указателя. Что касается черепов из Старого Венца, их большая мезогнатность, дополняющая картину морфологического своеобразия этой серии, неудивительна. Среди ортогнатных серий наименьшим указателем отличаются саамы и ижорцы, достаточно малочисленные серии, чтобы на этих отличиях можно было настаивать с определенностью.

Не лишено интереса, что по общему углу лицевого профиля наиболее мезогнатны финская и эстонская серии. Этот факт очень существенно дополняет представление о восточнобалтийском очаге мезогнатии в пределах финноязычных народов. Что же касается остальных серий, то различия между ними очень невелики по абсолютным размерам и не группируются ни в какие территориальные комплексы. Аналогичным образом все финские народы очень сходны и по строению лицевого профиля. Но все же альвеолярный прогнатизм у пермских и поволжских финнов выражен сильнее.

Горизонтальная профилировка лицевого скелета. Саамы отличаются некоторой уплощенностью лицевого скелета на уровне назомаллярных точек (рис. 16). Остальные серии прибалтийских финнов имеют малую величину назомаллярного угла. К ним приближаются черепа коми-пермяков. Остальные восточнофинские серии характеризуются

Рис. 15. Карта географических вариаций симотического указателя у финских народов и русских. Min — max: финны — 40—62, русские — 45—61

ются уплощенностью лицевого скелета, как и саамская. Однако они не одинаковы. Величина угла меньше в сериях луговых марийцев и мордвы (исключая мордву-терюхан). Заметно отличаются уплощенностью лицевого скелета даже от терюханской серии черепа из могильника на площади Старого Венца в старом Симбирске.

Малые величины зигомаксиллярного угла также сосредоточены на западе финского ареала, включая и саамов, а также у коми-пермяков (рис. 17). Восточнофинские народы отличаются уплощенностью лицевого скелета в нижней части. Однако уплощенность эта, как и по назомялярному углу, выражена в разной степени. Удмурты и марийцы более плоскосолицы, чем мордовские группы. Черепа из Старого Венца не отличаются на этот раз от мордовских серий. В отличие от углов горизонтальной профилировки глубина клыковой ямки и указатель высоты изгиба скуловой кости не дифференцируют западные и восточные финские народы и вообще не обнаруживают закономерных географических вариаций.

Рис. 16. Карта географических вариаций назомалярного угла у финских народов и русских. Min — max: финны — 134—143, русские — 136—141

ций. Преобладающий вариант глубины клыковой ямки — 5—5,5 мм, средний вариант указателя — 21—22 единицы. Отклонения от них носят, по-видимому, случайный характер. Но в целом горизонтальная профилировка лицевого скелета дифференцирует прибалтийско-финские и восточнофинские народы. Коми-пермяки сближаются с прибалтийскими группами.

Общая характеристика. Произведенный обзор по признакам показывает, что финские народы отличаются известным полиморфизмом по многим признакам и, следовательно, не могут быть охарактеризованы суммарно. Наиболее четко комплекс признаков, характерный для прибалтийских финнов, представлен в составе эстонцев и финнов. Это безусловно европейские народы, монголоидная примесь в составе которых если и не может быть исключена полностью, то составляет ничтожный процент. Обе серии отличаются длинной среднеширокой и средневысокой мезоцефальной черепной коробкой с развитым рельефом,

Рис. 15. Карта географических вариаций симотического указателя у финских народов и русских. Min — тах: финны — 125—130, русские — 121—128

европеидным строением лицевого скелета (резкая горизонтальная профилировка, сильно выступающие носовые кости), средними его размерами. По-видимому, этот же комплекс краниологических особенностей является преобладающим и среди других прибалтийско-финских народов — ижорцев и карел. Но карельские черепа, как мы уже писали, малочисленны, а ижорские относятся к более ранней эпохе и поэтому широколицы и массивны. Однако во всяком случае по соматологическим данным ижорцы и карелы не отличаются существенно от других прибалтийских народов финской языковой семьи (Золотарев, 1930; Ауль, 1964б). Отличия лопарской серии от всех перечисленных заключаются в высоком черепном указателе, несколько более низком и заметно более широком лице. Но эти отличия не сопровождаются резкими отклонениями в признаках, характеризующих степень выраженности европеидных особенностей. И по углам горизонтальной профилировки лицевого скелета, и по углу выступаения носовых костей к линии общего профи-

ля лицевого скелета лопарские черепа мало отличаются от эстонских и финских.

Специфическое сочетание краниологических признаков представлено в серии коми-пермяков. При брахикранный черепной коробке черепа коми не отличаются от прибалтийско-финских серий более уплощенным лицевым скелетом. Таким образом, можно было бы думать, что мы имеем дело с очагом брахикефализации на территории расселения коми и только. Но коми отличаются от прибалтийских финнов также относительно слабым выступанием носовых костей. Специфика этого комплекса признаков как раз и состоит в сочетании резкой горизонтальной профилировки с умеренным выступанием носа. Поэтому этот комплекс признаков в целом должен быть сближен с европеоидными типами прибалтийских финнов и, несмотря на брахикранию, отделен от того морфологического варианта, который характерен для удмуртских серий.

Удмурты и марийцы в целом не только более плосконосы, но и более плосколицы, по сравнению с прибалтийско-финскими народами, и поэтому можно думать, что удельный вес монголоидного компонента в их составе выше, чем на западе ареала финских народов. Брахикрания удмуртов, следовательно, может иметь и несколько иное происхождение по сравнению с брахикранией коми. Мордовские серии отличаются от марийских и удмуртских несколько менее уплощенным лицевым скелетом и несколько более выступающими носовыми костями, т. е. относительно более заметной выраженностью европеоидных особенностей. На фоне этого ощутимые различия в черепном указателе между эрзянской и мокшанской сериями имеют второстепенное значение. Наконец, для черепов из могильника на площади Старого Венца в Симбирске характерны очень низкая резко брахикранный черепная коробка, широкий уплощенный лицевой скелет, сравнительно малое выступание носовых костей — сочетание признаков, не встречаемое в других мордовских группах. Специфика отличий, проявляющаяся в этой серии по сравнению с другими мордовскими сериями, позволяет достаточно уверенно говорить о немордовском происхождении симбирской серии.

Итак, в составе финских народов может быть выделено шесть краниологических вариантов, каждый из которых отличается достаточно четким морфологическим своеобразием. Первый из них представлен у саамов. Его характерные особенности — на общем фоне европеоидных признаков брахикрания, низкое и широкое лицо. Второй вариант представлен в составе прибалтийско-финских народов и отличается европеоидным сочетанием признаков в связи с мезокранией. Это, очевидно, один из вариантов северной ветви европеоидной расы. Своеобразный комплекс признаков отличает коми — опять-таки на общем европеоидном фоне для него характерно умеренное выступание носовых костей и некоторое повышение черепного указателя. Явное усиление монголоидных признаков (у удмуртов оно сопровождается брахикранией) фиксируется в краниологическом типе марийцев и удмуртов. Это четвертый вариант. Пятый вариант мы обнаруживаем в составе мордвы, и он отличается от четвертого усилением европеоидных особенностей. Наконец, шестой вариант, характерный для симбирской серии, очевидно, должен быть исключен при рассмотрении антропологического состава финских народов, как несвязанный непосредственно с финским этносом. Его значение состоит в том, что он лишней раз напоминает о сложном этническом окружении, в котором формировались финские народы, и о том, что на территории, заселенной финнами в настоящее время, в недавнем еще прошлом частично проживало население иного антропологического облика, а по-видимому, и иной этнической принадлежности.

ХАРАКТЕР РАСООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Каждый из выделенных комплексов признаков на первый взгляд может представлять собой самостоятельную мелкую единицу расовой систематики. Но с точки зрения популяционного взгляда на расу, особенно если доводить этот взгляд до логического конца и вообще отрицать образование типологических комплексов, возможно рассматривать отмеченные варианты не как четко отграниченные сочетания (в морфологическом или географическом смысле), не как очаги интенсивной изменчивости, а как локальные комбинации, характерные для отдельных популяций и отличающиеся одна от другой случайным набором признаков. Поэтому рассмотрение характера изменчивости в пределах антропологического типа финноязычных народов представляет не праздный интерес, а является одной из необходимых ступеней дальнейшего анализа.

Прежде всего известные основания для суждения о характере изменчивости дает рассмотрение вариаций в исследуемых группах. Они представлены в табл. 7 в сопоставлении с размахом изменчивости по разным признакам в русских сериях. Из числа финских серий исключены ижорская, как более ранняя по времени в сравнении со всеми остальными, и серия из Старого Венца, как, очевидно, нефинская. В число русских серий не включена серия городского населения Одессы. Сравнение вариаций отдельных признаков обнаруживает отчетливую тенденцию к увеличению краниологического полиморфизма в составе финских народов. Это увеличение амплитуды колебаний в финских сериях заметно по подавляющему числу признаков и особенно четко проявляется по признакам, отражающим выраженность европеоидных или монголоидных особенностей. В финских сериях очень значительно варьируют дакриальные и симотические размеры, угол выступления носовых костей, углы горизонтальной профилировки. В общем, если говорить об изменчивости финских серий в целом по сумме признаков, то она значительно больше, чем в русских сериях. Такая широкая амплитуда межгрупповых вариаций уже сама по себе склоняет к тому, что изменчивость в данном случае носит не случайный, а типологический характер. Правда, можно было бы предполагать, что широкая амплитуда колебаний проявляется в территориально близких группах и, следовательно, сами колебания не складываются в комплексы, имеющие определенные ареалы. Но такое предположение теоретически малооправдано, так как мы не знаем случаев резкой дифференциации от случайных причин при отсутствии географической или социальной изоляции и не имеем оснований предполагать такое явление и в данном случае.

Приведенные данные о размахе изменчивости в финских группах по сравнению с русскими до какой-то степени позволяют судить и об уровне их дифференциации, давая представление о глубине различий по каждому признаку. Действительно, отличия саамов от эстонцев и финнов, например, составляют 4—5 единиц по черепному указателю, т. е. соответствуют квадратическому уклонению и даже превышают его. То же самое можно сказать о скуловой ширине. По высоте лицевого скелета различия меньше, но и они приближаются по абсолютной величине к величине квадратического уклонения. Таким образом, саамы по нескольким признакам отличаются от территориально близких групп на величины, соответствующие квадратическим уклонениям различающихся признаков или превышающие их. Об отличии ижорских черепов от эстонских и финских можно не говорить в этой связи, так как выше уже было отмечено неоднократно значение хронологического фактора в образовании этих различий. Серия черепов коми отличается от серий прибалтийских финнов по черепному указателю немного меньше, чем на величину квад-

Таблица 7

Амплитуда колебаний краниологических признаков в финских и русских сериях ♂

Признаки	Финские народы	Русские	
1. Продольный диаметр	175,4—185,8	173,4—182,0	
8. Поперечный диаметр	140,9—147,5	140,7—145,7	
17. Высотный диаметр (ba—br)	131,7—136,9	129,5—136,8	
20. Высотный диаметр (po—br)	113,4—119,9	111,2—116,5	
5. Длина основания черепа	99,1—104,1	97,9—101,9	
9. Наименьшая ширина лба	94,6—103,4	95,4—99,0	
10. Наибольшая ширина лба	118,6—124,3	118,2—122,7	
11. Бианукулярная ширина	122,3—128,8	121,1—125,7	
12. Ширина затылка	107,4—113,1	108,1—113,2	
29. Лобная хорда	107,9—113,7	108,7—113,3	
Высота изгиба лобной кости	24,3—26,9	24,8—28,2	
32. Угол лба (па—me)	78,0—87,0	81,3—86,1	
Угол лба (gl—me)	72,0—80,4	75,1—80,4	
Общий вид сверху (погта verticalis), %	Ellipsoides	0—19,2	0—18,1
	Ovoides	13,9—58,8	8,3—45,2
	Rhomboides	0—10,5	0—16,7
	Pentagonoides	0—20,0	0—38,5
	Sphenoides	17,3—66,6	23,1—75,0
Sphaeroides	0—25,0	0—20,0	
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,56—3,33	2,39—3,23	
Сосцевидный отросток (1—3)	1,50—2,29	1,90—2,70	
8:1. Черепной указатель	76,6—82,4	79,3—83,0	
17:1. Высотно-продольный указатель	71,9—76,7	91,1—94,7	
17:8. Высотно-поперечный указатель	71,9—76,7	72,4—76,0	
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,7—70,3	66,5—69,7	
9:10. Лобный указатель	76,3—85,0	79,2—81,9	
9:12. Лобно-затылочный указатель	84,6—93,3	86,0—90,1	
Указатель высоты изгиба лобной кости	21,4—24,4	22,5—24,9	
40. Длина основания лица	95,2—99,8	95,5—101,0	
43. Верхняя ширина лица	102,9—110,3	103,7—106,9	
45. Скуловая ширина	132,0—137,6	128,6—134,9	
46. Средняя ширина лица	92,8—99,7	91,6—95,7	
47. Полная высота лица	116,2—123,5	115,6—121,6	
48. Верхняя высота лица	67,0—73,7	68,3—72,1	
50. Максиллофронтальная хорда	18,6—22,3	18,8—21,9	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	40,3—43,4	41,4—43,4	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	38,4—40,5	38,9—40,5	
52. Высота орбиты (лев.)	32,5—33,6	31,2—34,6	
54. Ширина носа	23,6—26,7	24,3—25,7	
55. Высота носа	49,3—53,3	49,2—53,0	
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Infantilis	—	0—9,1
	Anthropina	33,3—94,2	54,5—92,6
	Fossae praenasales	11,8—50,0	7,4—41,7
	Sulcus praenasalis	0—33,3	—
Передноносая сеть (1—5 по Брока)	2,65—3,50	2,55—3,39	
Глубина клыковой ямки (лев. мм)	4,3—6,5	4,2—6,5	
62. Длина неба	43,9—47,1	42,9—46,7	
63. Ширина неба	37,7—41,1	38,0—41,6	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	95,2—101,8	96,4—100,7	

Таблица 7 (окончание)

Признаки	Финские народы	Русские
10W sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	16,4—19,3	17,4—19,6
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	92,4—97,0	91,2—95,8
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	21,8—24,2	23,1—26,3
DC. Дакриальная хорда	19,6—23,9	20,1—22,5
DS. Дакриальная высота	11,4—12,9	11,8—13,2
SC. Симотическая хорда	8,2—11,7	8,7—10,1
SS. Симотическая высота	3,6—5,3	3,9—5,1
72. Угол профиля лица общий	83,3—86,7	82,9—86,0
73. Угол профиля средней части лица	83,0—88,8	82,3—86,7
74. Угол профиля альвеолярной части лица	76,8—84,4	82,4—86,5
75. Угол носовых костей к горизонтали	55,5—63,9	52,3—58,1
75(1). Угол носовых костей и линии профиля	22,0—32,5	26,0—32,2
77. Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	137,6—142,2	135,9—141,0
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	125,2—130,0	121,7—127,2
40:5. Указатель выступания лица	93,0—98,5	96,0—99,3
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	92,1—96,2	89,8—93,7
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	51,6—55,2	50,9—54,8
47:45. Общий лицевой указатель	87,6—92,3	87,9—92,0
48:45. Верхний лицевой указатель	47,9—54,2	51,7—55,0
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	76,8—81,7	74,9—80,2
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	80,3—86,0	79,9—86,0
54:55. Носовой указатель	45,0—50,4	46,8—51,0
63:62. Небный указатель	83,7—92,7	85,3—94,6
DS:DC. Дакриальный указатель	51,5—60,5	52,8—62,2
QS:SC. Симотический указатель	40,9—52,9	45,6—52,7
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У. Дин- ляну)	19,0—23,2	18,2—22,5
65. Бикондилярная ширина	112,5—124,2	113,6—121,5
66. Бигониальная ширина	99,5—108,3	97,2—104,7
68. Длина нижней челюсти от углов	75,0—79,6	74,4—80,9
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	103,4—109,8	103,1—110,9
70. Высота ветви нижней челюсти	61,7—65,4	57,0—64,6
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	30,2—35,2	29,4—34,5
79. Угол ветви нижней челюсти	120,3—126,9	119,6—125,0
Угол выступания подбородка (inf—po)	66,1—70,4	66,0—73,6

ратического уклонения, но различия по углу носа примерно соответствуют величине квадратического уклонения.

От рассмотрения уровня морфологической дифференциации легко перейти к определению степени морфологической специфичности финских серий. Предшествующий обзор по признакам и оценки величины различий между отдельными сериями в долях квадратических уклонений показывают, что морфологическая дифференциация краниологического типа финских народов проявляется в уплощенности лицевого скелета, выступании носовой области, вариациях горизонтальных диаметров черепной коробки, скуловой ширины и частично верхней высоты лицевого скелета, т. е. в признаках, отражающих основные особенности строения черепа и имеющих поэтому высокое таксономическое значение. Специфичность каждого из перечисленных выше пяти краниологических вариантов выражается в определенном сочетании вариаций четырех-пяти сравнительно мало коррелированных признаков, различия по которым,

как уже отмечалось, между каждой парой серий приближаются к величине квадратических уклонений этих признаков. Некоторые из этих дифференцирующих признаков (уплощенность лицевого скелета, выступание носовых костей) имеют, как известно, таксономическое значение первого порядка, т. е. позволяют различать европеоидные и монголоидные группы. Степень морфологической специфичности финских народов не укладывается в рамки изменчивости только европеоидных или только монголоидных популяций и, следовательно, позволяет говорить о высоком таксономическом ранге проявляющихся различий, о высокой специфичности каждого из выделенных краниологических вариантов.

Ко всему сказанному о морфологии отдельных сочетаний признаков в составе финских народов нужно добавить несколько слов о географической приуроченности этих сочетаний. Эта приуроченность видна уже из обзора вариаций отдельных признаков. Она носит не географический, а скорее этнический характер. Иными словами, сходные комплексы выражены не на близких территориях, а в составе определенных народов, иногда удаленных один от другого на значительные расстояния. Так, коми похожи по степени выраженности европеоидных особенностей не на поволжских финнов, несущих в своем составе большую монголоидную примесь, а на прибалтийско-финские народы. Наоборот, саамы заметно отличаются от эстонцев и финнов, значительные различия фиксируются между луговыми и горными марийцами в размерах черепной коробки и лицевого скелета и т. д. Таким образом, определенная география (подразумеваемая под ней, повторяю, скорее этническую, чем строго географическую локализацию) дополняет определенную морфологию выделенных вариантов, свидетельствуя об их реальном существовании и правомочности рассмотрения их в качестве генетических единиц расовой классификации. Об этом же говорит и отсутствие переходов между ними. Итак, процесс расообразования в пределах финских народов шел по типологическому пути и привел к формированию морфологически своеобразных и территориально приуроченных комплексов признаков, которые с полным основанием можно назвать типами.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА СААМОВ

Итак, краниологические особенности позволили четко отграничить саамов от эстонцев и финнов. Определенный комплекс краниологических отличий может быть дополнен и морфологическим своеобразием, выявляемым соматологическими данными. По данным норвежских и шведских исследователей (сводку данных и библиографию см.: Чебоксаров, 1936), норвежские лопари отличаются от норвежцев и шведов несколько более уплощенным лицом, более сильным выступанием скул, более развитой складкой верхнего века, более слабым развитием бороды, т. е. отличаются от них по признакам, по которым различаются европеоидные и монголоидные группы. Из второстепенных признаков, дополняющих своеобразие антропологического облика лопарей, следует отметить вогнутый профиль спинки носа, сравнительно темную пигментацию и низкий рост. Это своеобразие лопарей надолго определило неопределенное положение их в расовой классификации. Как известно, еще в конце XVIII в. Ф. Бернье выделил их в качестве самостоятельной расы наряду с европеоидами, негроидами и монголоидами (терминология современная). В первой морфологической классификации И. Е. Деникера лопарская раса включена в состав монголоидных рас. С тех пор взгляды на систематическое положение лопарей или лалоноидной расы

изменились, но продолжают оставаться противоречивыми. У. Бойд на основании соотношения групповых факторов крови включает лопарей в состав европеоидной расы (Boyd, 1963; см. также Мурент, 1964). К. Кун считает их недифференцированной популяцией, занимающей промежуточное положение между европеоидами и монголоидами (Coon, 1939). Наконец, существует и третья точка зрения, согласно которой антропологический тип лопарей образовался на основе древнего смешения европеоидного и монголоидного расовых стволов. Но во всяком случае подавляющее большинство авторов выделяют лапоноидную расу или, вернее говоря, лапоноидный тип в качестве самостоятельной единицы систематики (Бунак, 1956; Coon, Carn, Birdsell, 1950; Carn, 1962). Автор также отдал дань этой традиции (Алексеев, 1964, 1964а).

Для суждения о локальных, морфологически различающихся группах в составе саамов можно воспользоваться обширными материалами К. Скрейнера, производя их сопоставление с небольшой саамской серией, находящейся в нашем распоряжении. Описанные им серии происходят из могильников, расположенных в юго-восточных районах Норвегии и датированных XVIII — началом XIX столетия. Они достаточно многочисленны, и на каждой из могильников приходится серия в несколько десятков черепов. Все эти серии различаются небольшими сдвигами в вариациях отдельных признаков, но ни в одном случае эти различия не складываются в определенный комплекс, не обнаруживают параллелизма в группах мужских и женских черепов и являются несомненно случайными. Также не отличаются от лопарей Норвегии и лопари Финляндии, о краниологическом типе которых можно судить по неопубликованным данным Г. Ф. Дебеца, полученным при измерении черепов в музеях Хельсинки. Аналогичный комплекс краниологических особенностей обнаруживают и кольские лопари. Правда, программа измерений К. Скрейнера при всей своей обширности не содержит данных об углах горизонтальной профилировки лицевого скелета, дакриальных и симотических размерах. Но финские лопари не отличаются от кольских по уплощенности лицевого скелета и носовых костей — факт, дающий основания для распространения этого вывода и на лопарей Норвегии. Краниологические данные, следовательно, не дают возможности для выявления различий в вариациях краниологических признаков по всему ареалу лопарей. Отсутствие таких различий совпадает с отсутствием их в соматологических признаках, что фиксируется отчетливо при сопоставлении соматологических материалов А. Скрейнер (1929) и Д. А. Золотарева (1930) и о чем уже говорилось выше.

Среди описанных К. Скрейнером материалов должна быть специально выделена серия из более ранних погребений, датированных рубежом I—II тысячелетий н. э. Значительный интерес этих материалов состоит в том, что это единственные материалы по палеоантропологии непосредственных предков лопарей. Сопоставление этих данных и материалов по краниологии населения XVIII — начала XIX в. показывает, что различия между средневековым и близким к современности населением соответствуют тем, которые часто наблюдаются между ранними и поздними преемственно связанными сериями. Другими словами, черепа из средневековых погребений отличаются от черепов XVIII в. более узкой черепной коробкой и соответственно меньшим указателем, более широким лицевым скелетом и, следовательно, еще более низким, чем у современных серий, указателем. Различия проявляются и на мужских и на женских черепах. В абсолютных размерах они равны 2—4 мм, в указателях — 1,5—2 единицам. Этот факт дает возможность сделать два вывода. Первый вывод — широколищесть лопарей по европейскому масштабу представляет собой древнюю особенность, так как непосредственные предки лопарей были еще более широколицы, чем современное население

ние. Если сопоставлять их со средневековыми норвежскими и другими скандинавскими сериями по ширине лицевого скелета (Schreiner, 1939; Steffensen, 1953), то можно отметить, что различия между предками лопарей и предками норвежцев и других современных народов Скандинавии имели приблизительно ту же величину, что и между современными лопарями и другими скандинавскими народами. Второй вывод — такой характерный отличительный признак современных лопарей, как брахицефалия, образовался сравнительно недавно, и, следовательно, брахицефализация сыграла значительную роль в становлении их антропологических особенностей. Весьма вероятно, что уже в первые века н. э. предки лопарей не отличались по форме головы от предков норвежцев и шведов, т. е. были длинноголовы. Датированные серединой I тысячелетия н. э. черепа из торфяников Финляндии — Леванлухты и Кольдамяки, сходные с лопарскими по уплощенности лицевого скелета и носовых костей, отличаются резко выраженной долихокранией (Дебеч, 1964).

Констатация этого важного обстоятельства уменьшает набор признаков, по которым характерная для лопарей комбинация краниологических признаков генетически отличается от классических вариантов северной ветви еропеоидов. Действительно, различия в черепном указателе могут быть сведены к интенсивному действию процесса брахицефализации на протяжении последних полутора-двух тысячелетий. Но остаются необъяснимыми при этом различия в пропорциях лицевого скелета, его уплощенности в горизонтальной плоскости и уплощенности носовых костей. Это обстоятельство выявляется при сравнении наших материалов по краниологии саамов, финнов и эстонцев и было отмечено выше. Это же направление отличий выявляется при сопоставлении измеренных Г. Ф. Дебечем финских лопарей с измеренными им же финнами и шведами. Таким образом, лопари отличаются от финнов, шведов и эстонцев в признаках, чутко реагирующих на участие в формировании антропологических особенностей группы монголоидной примеси, и по признакам, разграничивающим отдельные типы в составе европеоидной расы. Непосредственные предки лопарей, как было сказано выше, также отличались теми же пропорциями лица от синхронного населения. Что же касается уплощенности лицевого скелета и носовых костей, то для этих признаков нет свидетельств их изменения во времени в одном направлении без участия инородной примеси. Характерный для лопарей комплекс признаков сохраняет, таким образом, свою специфику.

Специфика эта может быть, очевидно, объяснена монголоидной примесью. Европеоидный компонент, составляющий основу антропологического типа лопарей, по-видимому, мало отличался или даже совсем не отличался от других вариантов северной ветви европеоидной расы, коль скоро мы убедились, что предки лопарей были так же длинноголовы, как и остальное население Скандинавии. Впрочем, строго говоря, этот европеоидный комплекс может восходить не к древнему населению Скандинавии, а к древнему населению более восточных областей, например, Севера европейской части Советского Союза. Оно было также в основе своей европеоидным. Никаких местных локальных вариантов в составе европеоидного населения этих территорий, морфологическая специфика которых выражалась бы в понижении лицевого скелета, не прослеживается. Поэтому оправданным выглядит предположение, согласно которому низколицесть предков лопарей — следствие того, что в их состав вошел монголоидный компонент, отличавшийся низколицестью. Проблема его происхождения в целом освещена в предшествующей главе, где была сделана попытка показать, что в Западной Сибири он представлен уже в смешанном виде. Исходя из соматологических данных — сравнительно темной пигментации и низкорослости лопарей, можно думать, что в их состав вошел не тот вариант низколицевого

монголоидного типа, который примешался к древним антропологическим типам Восточной Прибалтики. С этим типом, очевидно, можно увязать и самодийский субстрат в этногенезе лопарей, вскрытый И. Себестиеном, на работу которого я также ссылаюсь в предшествующей главе. Однако, если судить по краниологическим данным, роль его в сложении антропологических особенностей лопарей была невелика. Однако она достаточна, чтобы выделение самостоятельного лапоноидного типа в расовой систематике можно было считать оправданным.

Итак, смешение древних представителей северной ветви европеоидов с какими-то низколицими монголоидами, отличавшимися низкорослостью и довольно темной пигментацией и проникшими до Скандинавии в очень небольшом числе, а может быть, смешавшимися с преобладающим европеоидным компонентом и восточнее, — вот основной процесс, сформировавший отличительные антропологические особенности лопарей. Начиная, наверно, с рубежа н. э. большую роль в этом процессе играла брахикефализация.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ

Как известно, факт принадлежности эстонского и финского языков к финно-угорской языковой семье оказал значительное влияние на первых антропологов, писавших об антропологическом типе эстонцев и финнов, — И. Блуменбаха и П. Брока. Эстонцы и финны вместе с другими финно-уграми были отнесены к монголоидной расе. Это произошло как из-за полного отсутствия антропологических данных, собранных среди эстонского народа, так и из-за неразработанности критериев для отнесения антропологического типа какой-либо народности к той или иной расе первого порядка. Непосредственные исследования физического типа эстонцев, проводившиеся в начале века в основном немецкими специалистами, использовались для обоснования идеи расовой «неполноценности» народов Прибалтики по сравнению с немцами и мало меняли теоретические установки «монголоидной» гипотезы (критический обзор см.: Марк, 1962а). Заслуга ее опровержения принадлежит уже исследователям нашего времени, из которых в первую очередь должен быть назван Ю. М. Ауль. Однако все дальнейшие работы, позволившие отнести эстонцев и финнов к северной ветви европеоидной расы, привели к выводу о возможном наличии в их составе небольшой монголоидной примеси — той проблеме, которая подробно рассматривалась в главе 3 применительно к латышам и которая, как можно судить по приведенному там обзору, пока не имеет однозначного решения, удовлетворяющего всех исследователей. Важно рассмотреть эту проблему и применительно к прибалтийско-финским народам.

Для этого воспользуемся тем же приемом, который уже был использован при сравнении краниологического типа **летго-литовских** народов и заключается в суммарном сопоставлении исследуемых групп по уплощенности лицевого скелета и носовых костей. Разбор критических замечаний по поводу применения этого способа сопоставления и все оговорки, которые необходимы при его использовании, приведены выше. Результаты сравнения прибалтийско-финских и восточнофинских народов представлены в табл. 8. Они перенесены также на график, но не полностью (некоторые восточнофинские группы исключены), так как в противном случае он нес бы слишком большую нагрузку, затрудняющую восприятие (рис. 18). Ни в таблице, ни на графике не представлены карельские черепа ввиду их малочисленности. На графике отсутствуют также серии северных удмуртов и мордвы-терюхан. К каким же выводам приво-

Таблица 8

Суммарное сопоставление финских серий по признакам, отражающим уплощенность лицевого скелета и носовых костей

Признаки	Финны	Эстонцы	Ижорцы	Коми	Северные удмурты
77. Назомалярный угол (lmo—п—lmo) . . .	25,6	5,4	3,9	24,0	48,8
Зигомаксиллярный угол (zп'—ss—zп') . . .	8,0	15,4	12,6	16,0	25,1
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля . .	38,1	30,6	13,8	46,3	46,9
DS. Дакриальная высота	15,6	8,9	—4,4	24,4	33,3
DS:DC. Дакриальный указатель	25,5	15,3	15,3	19,9	22,7
SS. Симотическая высота	28,1	15,6	21,9	53,1	53,1
SS:SC. Симотический указатель	34,2	17,1	—17,9	43,6	33,3
Итого . . .	25,0	15,5	6,5	32,5	37,6

Таблица 8 (окончание)

Признаки	Южные Удмурты	Горные марийцы	Луговые марийцы	Мордва-эрзя	Мордва-терюхане	Мордва-мокса
77. Назомалярный угол (lmo—п—lmo) . . .	44,2	41,9	28,7	32,6	34,1	31,0
Зигомаксиллярный угол (zп'—ss—zп') . . .	27,4	28,6	28,6	21,1	17,1	16,0
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля . .	43,8	51,3	74,4	36,9	41,3	49,4
DS. Дакриальная высота	22,2	35,6	42,2	24,4	35,6	26,7
DS:DC. Дакриальный указатель	26,9	47,2	54,2	33,8	19,9	35,2
SS. Симотическая высота	50,0	50,0	53,1	43,8	43,8	28,1
SS:SC. Симотический указатель	44,0	40,2	54,7	43,2	32,5	34,6
Итого . . .	36,9	42,1	48,0	33,7	32,0	31,6

дит это суммарное сопоставление? Очевидно, что по степени выраженности монголоидных особенностей эстонцы и финны мало отличаются друг от друга и представляют собой почти тождественную группу. Это особенно заметно при сравнении финской серии с более многочисленными эстонскими сериями XVII—XVIII вв. (см. Алексеев, 1963). Суммарное сравнение подтверждает, следовательно, те наблюдения, которые были сделаны при рассмотрении вариаций основных признаков черепной коробки и лицевого скелета в финской и эстонской сериях и которые привели к выводу о близости краниологического типа эстонцев и финнов по подавляющему числу признаков. При сравнении эстонцев и финнов с ижорцами и поволжскими финнами видно, что первые занимают промежуточное положение между теми и другими. По отношению к ижорцам можно с достаточной определенностью утверждать, что монголоидная примесь в их составе практически отсутствует. Следует только еще раз подчеркнуть, что находящиеся в нашем распоряжении серии черепов отстоят от современности приблизительно на половину тысячелетия и ни в какой мере не могут считаться представительными для характеристики

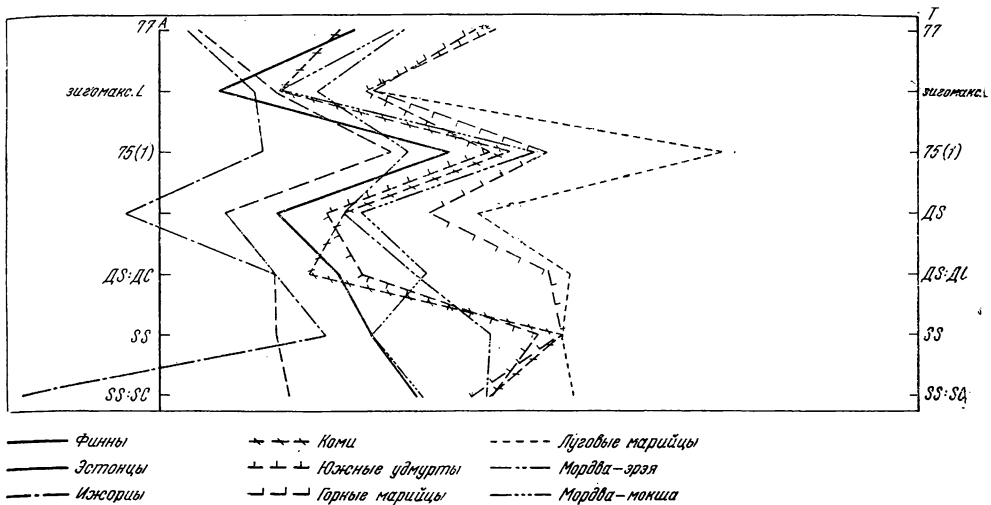

Рис. 18. График сопоставления финских серий по уплощенности лицевого скелета и носовых костей

А — армяне; Т — тунгусы

современного населения. Что же касается поволжских финнов, то в их составе монголоидная примесь выявляется отчетливо. Таким образом, краниологические данные находятся в полном соответствии с результатами антропологического исследования современного населения, свидетельствующими о меньшей выраженности монголоидных особенностей у прибалтийско-финских народов по сравнению с поволжско-финскими.

Каковы более частные заключения, непосредственно касающиеся вопросов происхождения финского и эстонского народов и вытекающие из находящегося в нашем распоряжении краниологического материала? Прежде всего почти полное тождество краниологического типа этих народов свидетельствует об общих истоках их этногенеза, о формировании в единой этнической среде. Совершенно очевидно, что племенные объединения эпохи средневековья; из которых сложился финский народ, в первую очередь емь, были близки к северному и южному племенным объединениям эстов (о племенных объединениях эпохи средневековья см.: Бубрих, 1947; Пименов, 1965). Такая близость, как известно, находит себе подтверждение и в данных языкознания. Финский язык обнаруживает специфическое сходство с северо-восточным, или прибрежным, диалектом эстонского языка (Аристэ, 1956; Каск, 1956). Антропологические материалы свидетельствуют, что специфичность этого сходства не случайна: исключительное сходство эстонцев и финнов в физических признаках не распространяется на все прибалтийско-финские народы, как это могло бы показаться заранее, — вспомним резкую выраженность особенностей европеоидной расы у ижорцев. Таким образом, при рассмотрении проблемы генетического родства финского и эстонского народов следует помнить, что сходства между ними больше, чем между финнами и ижорцами или эстонцами и ижорцами (Алексеев, 1963).

Чтобы не возвращаться больше к этому вопросу, отмечу, что сейчас трудно высказать определенное суждение о причинах резкого отличия ижорской серии от других финских серий по степени выраженности европеоидных особенностей. По соматологическим данным незаметна какая-либо разница между современными эстонцами восточных районов и ижорцами (Ауль, 1964б). И те и другие обнаруживают по сравнению с классическими представителями северной ветви некоторую припухлость

века, большее развитие скул, отличаются более низким переносом и т. д. Может быть, небольшая монголоидная примесь вошла в состав ижорцев на протяжении последних веков? А может быть, могильник, из которого происходит эта серия, не является ижорским? Повторяю, сейчас нет никаких фактических и логических оснований сделать выбор между этими многочисленными возможностями и предложить разумное объяснение для отмеченной противоречивости соматологических и краниологических данных в этом случае.

Удельный вес небольшой монголоидной примеси в составе финнов и эстонцев почти точно соответствует тому соотношению европеоидного и монголоидного компонентов, которое зафиксировано в серии восточных латышей (см. табл. 1). Характерно такое соотношение для всех эстонцев и финнов или оно колеблется по различным районам, сейчас трудно сказать, основываясь на краниологических данных. Соматологические материалы Ю. М. Ауля и антропологического отряда Прибалтийской комплексной экспедиции позволяют произвести дифференциацию западных и восточных эстонцев. Но пока в нашем распоряжении нет краниологического материала по близкому к современности населению Эстонии, аналогичному по полноте данным по современному населению Латвии, этот вывод нельзя подтвердить краниологическим сопоставлением. В целом по другим признакам финны и эстонцы также не отличаются от восточных латышей, составляя с ними один морфологический вариант. Общие вопросы формирования этого варианта, который несомненно входит в состав восточнобалтийского типа северной ветви европеоидов, рассмотрены в предшествующей главе и я отсылаю к ней, чтобы не повторяться.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП КОМИ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Антропологические данные привлекались к решению проблем этногенеза народа коми, пожалуй, даже шире, чем многих других народов Советского Союза. В обстоятельной и заполненной интересными историческими сопоставлениями статье Н. Н. Чебоксарова (1946) был, во-первых, опубликован обширный материал по антропологии коми, собранный среди основных территориальных групп и практически охватывающий все этнотерриториальные подразделения народа, а во-вторых, представлен общий очерк происхождения коми, как он рисуется в свете антропологических данных. Среди коми были выделены две группы, занимающие противоположные полюсы, — коми удорские и коми зюэдинские и показаны многочисленные и разнообразные антропологические переходы между ними. При этом расовый полиморфизм коми получил глубокое историческое объяснение. Однако как бы ни была удачна статья Н. Н. Чебоксарова, со дня ее выхода в свет накопился значительный палеоантропологический материал по Прикамью, тогда полностью отсутствовавший. Сопоставление этого материала с краниологическим дает возможность вновь вернуться к обсуждению проблемы происхождения коми на базе антропологических данных и высказать дополнительные соображения.

При рассмотрении территориальных вариаций отдельных признаков было отмечено своеобразие черепов коми — резкая, вполне европеоидная профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости и относительно слабое выступание носовых костей (см. также табл. 8 и рис. 18). Именно это сочетание отличает серию коми от удмуртских, с которыми их объединяют вариации других признаков, в частности и брахикрания. На удмуртских черепах степень выступания носа приблизительно такая же, как в серии коми, и коррелирует с заметной уплощенностью лица.

Суммарное сопоставление по этим признакам показало, что удмуртские серии не отличаются от других поволжских серий, тогда как серия коми отклоняется от них в европеоидном направлении (по углам горизонтальной профилировки, конечно). Таким образом, в рассматриваемой серии мы обнаруживаем необычное сочетание признаков, не повторяющееся в краниологическом типе других финноязычных народов Поволжья. Речь должна, очевидно, идти о каком-то особом варианте в составе северной ветви европеоидов, а более узко — в составе восточнобалтийского типа. По уплощенности лицевого скелета серия коми сближается именно с северо-европейскими, а не с субуральскими сериями, с черепами эстонцев и финнов, а не с черепами удмуртов и марийцев.

Дальнейшее уточнение места рассматриваемой серии в расовой систематике требует привлечения палеоантропологических материалов с территории Волго-Камья. Собственно говоря, следовало бы иметь такие материалы не только для территории Волго-Камья, но и для бассейна Печоры, если говорить о рассмотрении этногенеза коми в полном объеме, но их пока нет. К стати, в нашем распоряжении нет и материалов по краниологии коми-зырян. Поэтому приходится ограничиться данными по населению более южных районов, не затрагивая пока сложной проблемы происхождения антропологического состава отдельных этнических подразделений коми. Имеющиеся данные по палеоантропологии Волго-Камья суммированы в табл. 9 и 10 отдельно для мужских и женских черепов. В эти таблицы не включены отдельные единичные находки (см., например, Трофимова, 1951). В них представлены, однако, палеоантропологические материалы из могильников, локализованных не только в Волго-Камье, но и шире — в Верхнем и частично в Среднем Поволжье, по отношению к которым есть все основания относить их к финскому населению. Эти табличные данные пригодятся нам и в дальнейшем при рассмотрении происхождения остальных восточных финнов.

Эти данные почерпнуты из разных источников. Черепа из второго Маклашеевского могильника были описаны Г. Ф. Дебецом (1948), из Луговского и Гулькинского могильников — Т. А. Трофимовой (1941, 1954)¹. Черепа из второго Полянского могильника получены при новых раскопках А. Х. Халикова и пока не описаны. В таблицах представлены неопубликованные данные автора. По палеоантропологии пьяноборской культуры использованы данные М. С. Акимовой (1961а) и автора (Алексеев, 1962), по остальным могильникам, кроме Цнинских и могильников средневековой мордвы, — данные М. С. Акимовой (1961б, 1962а, 1963)². Материал из Цнинских могильников был описан Г. Ф. Дебецом (1948), о происхождении серии средневековой мордвы сказано в главе 2. Далеко не все эти материалы равноценны, некоторые из них очень немногочисленны, но в целом они позволяют восстановить основные этапы истории антропологических типов Среднего Поволжья и Волго-Камья.

Наиболее древние из ананьинских могильников, относящиеся практически еще к доананьинскому времени, — второй Маклашеевский и второй Полянский — дают палеоантропологический материал, существенно различающийся по многим важным признакам. Г. Ф. Дебец (1958) и Т. А. Трофимова (1949) указывали на сходство черепов из Маклашеевки с сериями из курганов срубной культуры. Действительно, если судить по заключению Г. Ф. Дебеца (а больше для суждения никаких данных нет, так как в этой серии не измерены многие признаки, которыми мы пользуемся сейчас для дифференциации монголоидов и европеоидов), то черепа эти характеризуются европеоидным типом. Носовые кости вы-

¹ В таблицах фигурируют новые, более полные и еще неопубликованные данные. за предоставление которых приношу Т. А. Трофимовой искреннюю признательность.

² Приношу М. С. Акимовой мою признательность за предоставленную возможность воспользоваться неопубликованными данными по некоторым признакам.

Палеоантропологические материалы с территории

Культура	Ананьинская				Пьяноборская	
	Маклаше- евка II	Полянка II	Луговской	Гулькин- ский	Мари-Лу- говской	Чегандин- ский и др.
Признаки	X—VIII вв. до н. э.	X—VIII вв. до н. э.	VII—VI вв. до н. э.	VII—VI вв. до н. э.	IV—V вв. н. э.	II в. до н. э.— III в. н. э.
1. Продольный диаметр	187,2 (5)	178,2 (6)	185,2 (13)	171,5 (2)	191,7 (6)	186,0 (9)
8. Поперечный диаметр	142,2 (5)	148,0 (6)	146,8 (14)	137,5 (6)	140,8 (6)	136,9 (9)
8:1. Черепной указатель	76,1 (5)	83,3 (6)	78,9 (12)	80,3 (2)	73,5 (6)	73,6 (9)
17. Высотный диаметр (ba—br)	137,2 (5)	130,3 (6)	135,0 (7)	126,5 (2)	134,3 (3)	138,8 (5)
5. Длина основания чере- па	105,2 (4)	97,3 (6)	100,3 (7)	98,5 (2)	106,0 (3)	103,4 (5)
9. Наименьшая ширина лба	94,0 (5)	96,8 (6)	94,9 (14)	91,5 (2)	100,3 (6)	96,2 (9)
32. Угол лба (па—пе) Надбровье (1—6 по Мартину)	83,6 (5)	87,5 (4)	77,6 (10)	75,0 (2)	87,0 (1)	85,3 (10)
40. Длина основания лица	3,00 (5)	1,83 (6)	3,78 (18)	3,33 (3)	3,17 (6)	3,20 (10)
45. Скуловая ширина . .	99,0 (3)	92,0 (4)	98,0 (5)	95,5 (2)	102,5 (2)	99,2 (4)
48. Верхняя высота лица	135,2 (5)	135,2 (4)	140,6 (9)	135,0 (1)	138,0 (3)	133,7 (9)
51. Ширина орбиты от пл (лев.)	69,4 (5)	66,2 (4)	72,0 (13)	63,5 (2)	70,0 (4)	69,6 (10)
52. Высота орбиты (лев.)	41,3 (5)*	46,0 (2)	43,2 (10)	43,0 (1)	43,5 (4)	42,9 (8)
54. Ширина носа	31,0 (5)	34,0 (4)	34,1 (11)	32,0 (1)	29,4 (4)	32,1 (10)
55. Высота носа	25,4 (5)	27,5 (2)	27,1 (12)	28,5 (2)	25,3 (3)	26,1 (9)
DC. Дакриальная хорда	52,6 (5)	50,8 (4)	54,3 (13)	52,0 (2)	52,5 (4)	50,9 (10)
DS. Дакриальная высота	—	18,7 (1)	21,1 (8)	19,7 (1)	23,8 (3)	23,9 (2)
DS:DC. Дакриальный указа- тель	—	11,1 (1)	10,4 (8)	8,2 (1)	10,7 (3)	11,2 (2)
SC. Симотическая хорда	—	59,4 (1)	50,4 (8)	41,6 (1)	46,3 (3)	46,6 (2)
SS. Симотическая высота	—	11,9 (3)	7,6 (13)	7,5 (2)	8,1 (4)	8,5 (5)
SS:SC. Симотический указа- тель	—	4,5 (3)	3,1 (13)	4,1 (2)	4,5 (4)	3,8 (5)
72. Угол профиля лица общий	—	37,6 (3)	41,2 (13)	54,7 (2)	56,3 (4)	45,7 (5)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля . .	88,6 (5)	83,8 (4)	84,1 (11)	82,0 (2)	—	86,0 (10)
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	27,2 (5)	24,8 (4)	25,6 (9)	29,5 (2)	16,5 (2)	25,8 (5)
Зигомаксиллярный угол (zп'—ss—zп')	—	143,0 (5)	145,3 (12)	159,0 (1)	136,2 (4)	139,1 (10)
	—	134,5 (2)	129,7 (9)	126,0 (1)	126,5 (2)	129,7 (10)

* К ширине от дакрiona прибавлено 2,5 мм.

ступают, правда, для европеоидов скорее слабо (тогда как срубные серии отличаются сильным выступанием носовых костей), зато черепной указатель низкий. В общем можно считать, что этот могильник оставлен какой-то группой местного населения (а то, что местное население в целом относилось к европеоидной расе, демонстрируется всей совокупностью данных по палеоантропологии Восточной Европы в эпохи неолита и бронзы). Это, так сказать, местный подслон ананьинского населения, какой-то локальный вариант европеоидов на территории, которая была зоной контакта представителей северной и южной ветвей европеоидной

Таблица 9

Среднего Поволжья и Волго-Камья ♂

Азелинская	Мазунинская	Ломоватовская		Поломская		Средневековая мордва	
		Митянский	Демёнковский	Поломский	Мыдланьшай	Цнинские	Муранский и др.
III—V вв. н. э.	III—VI вв. н. э.	IV—V вв. н. э.	VI—VIII вв. н. э.	III—IX вв. н. э.	VIII—IX вв. н. э.	VIII—X вв. н. э.	X—XIII вв. н. э.
190,8 (6)	187,1 (8)	181,0 (5)	184,6 (7)	184,0 (11)	188,6 (19)	183,0 (6)	186,2 (23)
133,3 (7)	143,2 (6)	142,7 (6)	142,7 (7)	142,1 (11)	140,3 (18)	134,2 (6)	137,1 (22)
69,7 (6)	76,5 (6)	80,6 (4)	77,1 (7)	77,3 (9)	74,2 (17)	73,3 (6)	73,6 (22)
140,5 (4)	137,6 (7)	133,0 (2)	131,5 (6)	139,0 (8)	136,7 (10)	135,4 (5)	135,5 (21)
103,6 (5)	103,0 (7)	102,3 (3)	103,2 (6)	104,2 (9)	105,9 (8)	103,0 (4)	104,7 (21)
94,7 (7)	97,9 (13)	98,0 (6)	95,8 (8)	97,0 (8)	97,2 (24)	95,6 (7)	96,6 (23)
84,4 (7)	86,3 (11)	86,2 (6)	81,3 (7)	84,6 (7)	82,0 (18)	89,0 (5)	83,8 (19)
2,71 (7)	2,54 (13)	3,00 (7)	3,44 (9)	3,31 (13)	3,13 (24)	2,60 (10)	3,08 (24)
98,5 (4)	99,0 (5)	99,0 (3)	96,2 (5)	98,2 (6)	97,7 (7)	102,5 (2)	99,8 (19)
134,0 (7)	135,1 (9)	133,0 (6)	135,1 (8)	136,6 (8)	131,2 (19)	130,3 (3)	131,8 (16)
71,6 (8)	71,2 (13)	68,3 (8)	68,9 (8)	70,1 (9)	71,8 (22)	65,6 (10)	69,3 (20)
41,7 (8)	42,4 (13)	42,1 (6)	43,1 (8)	43,3 (9)	41,8 (19)	41,0 (6)*	42,2 (11)
32,5 (8)	31,5 (13)	33,1 (7)	32,4 (9)	32,5 (9)	32,4 (24)	29,3 (6)	32,1 (20)
25,5 (8)	25,8 (11)	24,7 (8)	26,7 (8)	26,0 (8)	26,5 (23)	25,4 (8)	25,3 (20)
53,7 (8)	52,1 (13)	49,9 (8)	51,2 (9)	50,5 (8)	52,2 (22)	48,3 (10)	50,3 (20)
21,6 (4)	22,4 (8)	23,2 (4)	21,9 (6)	22,3 (9)	21,7 (13)	22,9 (12)	21,7 (11)
12,3 (4)	12,3 (8)	11,8 (4)	11,5 (6)	12,1 (9)	12,9 (13)	10,2 (12)	11,5 (11)
57,3 (4)	55,2 (8)	51,2 (4)	52,0 (6)	54,5 (9)	59,7 (13)	44,5 (12)	53,6 (11)
7,5 (6)	7,8 (9)	9,0 (7)	8,6 (7)	9,4 (9)	9,4 (15)	—	8,8 (11)
4,3 (6)	3,7 (9)	4,1 (7)	4,5 (7)	4,0 (9)	4,6 (15)	—	3,7 (11)
59,1 (6)	48,0 (9)	45,8 (7)	53,3 (7)	43,1 (9)	48,6 (15)	—	42,3 (11)
85,3 (6)	85,4 (11)	84,6 (7)	87,5 (6)	87,1 (8)	87,7 (13)	83,3 (3)	84,8 (19)
27,5 (4)	26,5 (6)	25, (6)	28,5 (4)	30,1 (8)	27,9 (13)	37,0 (1)	27,6 (17)
138,5 (6)	141,8 (12)	139,8 (6)	142,4 (8)	139,9 (9)	138,2 (24)	—	137,7 (12)
128,6 (7)	128,8 (9)	127,6 (7)	132,8 (8)	131,1 (8)	125,0 (18)	125,3 (4)	131,0 (7)

расы. По-видимому, в нем можно видеть то же население (только, может быть, несколько более темнопигментированное), морфологический тип которого составил основу формирования антропологических особенностей удорских коми. По-видимому, он же вошел в качестве европеоидной основы и в состав коми-пермяков.

Второй Полянский могильник дает, напротив, тип, близкий к типу населения, оставившего Луговской могильник, т. е. низколицый и широколицый, с уплощенным лицевым скелетом и малым выступанием носовых костей, коротко говоря, с преобладанием монголоидных особенно-

Палеоантропологические материалы с территории

Культура	Ананьинская				Пьяно
	Маклаше- евка II	Полянка II	Луговской	Гулькин- ский	Мари-Лу- говской
1. Продольный диаметр . . .	181,0 (3)	178,3 (6)	175,9 (9)	174,7 (3)	180,7 (4)
8. Поперечный диаметр . . .	135,3 (3)	138,8 (6)	142,0 (9)	144,0 (3)	142,7 (4)
8:1. Черепной указатель . . .	74,8 (3)	78,1 (6)	80,9 (9)	82,8 (3)	79,0 (4)
17. Высотный диаметр (ba—br)	130,5 (2)	126,6 (5)	130,6 (5)	128,0 (1)	129,0 (2)
5. Длина основания черепа . .	104,0 (1)	101,3 (3)	96,0 (5)	101,0 (1)	98,5 (2)
9. Наименьшая ширина лба . .	94,0 (2)	93,5 (6)	92,1 (9)	93,0 (3)	95,0 (4)
32. Угол лба (па—ме)	87,0 (1)	86,5 (4)	79,8 (5)	79,0 (1)	87,0 (1)
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,00 (3)	2,00 (5)	2,00 (6)	2,33 (3)	2,50 (4)
40. Длина основания лица . . .	96,0 (1)	97,8 (4)	88,7 (3)	102,0 (1)	89,0 (1)
45. Скуловая ширина	124,7 (3)	128,5 (4)	133,6 (5)	135,5 (2)	129,0 (1)
48. Верхняя высота лица . . .	64,5 (2)	63,6 (5)	66,9 (7)	66,0 (2)	67,7 (3)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	42,5 (2)*	40,1 (5)	42,0 (7)	41,5 (2)	42,7 (2)
52. Высота орбиты (лев.) . . .	31,0 (2)	33,3 (5)	33,3 (7)	33,5 (2)	34,0 (2)
54. Ширина носа	26,0 (2)	24,2 (5)	25,5 (6)	26,0 (2)	25,0 (1)
55. Высота носа	48,5 (2)	49,0 (5)	50,6 (7)	50,0 (2)	50,3 (3)
DC. Дакриальная хорда	—	18,8 (3)	20,1 (7)	21,6 (2)	21,3 (2)
DS. Дакриальная высота	—	11,0 (3)	10,4 (7)	11,3 (2)	10,8 (2)
DS:DC. Дакриальный указатель . .	—	58,9 (3)	52,3 (7)	52,1 (2)	50,9 (2)
SC. Симотическая хорда	—	8,8 (4)	8,8 (8)	6,4 (2)	9,1 (2)
SS. Симотическая высота	—	4,2 (4)	2,9 (8)	3,0 (2)	3,9 (2)
SS:SC. Симотический указатель . .	—	48,0 (4)	33,6 (8)	46,9 (2)	42,6 (2)
72. Угол профиля лица общий	86,0 (1)	84,7 (3)	84,0 (5)	83,0 (1)	89,0 (1)
75 (1). Угол носовых костей к ли- нии профиля	30,0 (1)	23,7 (3)	19,2 (6)	27,0 (1)	17,0 (1)
77. Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	—	141,3 (3)	144,4 (7)	153,3 (3)	138,5 (2)
Зигомаксиллярный угол (zmp'—ss—zmp')	—	136,0 (2)	137,8 (5)	132,5 (2)	132,0 (1)

* См. примечание к табл. 9.

стей. Обнаружение такого типа в могильнике доананьинского времени, относящемся к самой ранней стадии формирования ананьинской культуры,— первое доказательство столь раннего проникновения низколицых монголоидов в Прикамье. В эпоху развитой ананьинской культуры происходило, с одной стороны, смешение населения, относящегося к этому типу, с европеоидами, о чем свидетельствует серия черепов из Гулькинского могильника (заметно более европеоидная, чем серия из Полянки II и Луговского могильника), а с другой — в некоторых районах, очевидно довольно обособленных, низколицый тип с преобладанием монголоидных признаков сохранялся в относительной чистоте, пример чему серия черепов из Луговского могильника. Масштабы переселения низколицых монголоидов и степень их влияния на формирование антропологических особенностей более позднего населения можно будет оценить только после рассмотрения палеоантропологического материала более поздних веков, к чему мы и переходим.

Находящиеся в нашем распоряжении палеоантропологические материалы по пьяноборской культуре не синхронны между собой. Чегандинский и Ныргиндинский могильники в Нижнем Прикамье древнее Мари-

Среднего Поволжья и Волго-Камья ♀

борская	Азелинская	Мазунинская	Ломоватовская		Поломская		Средневековая мордва	
			Митинский	Демёнковский	Поломский	Мыдланьшай	Цирские	Муранский и др.
178,9 (16)	191,0 (1)	187,5 (2)	169,0 (1)	177,5 (4)	174,5 (10)	175,9 (8)	177,7 (7)	174,8 (9)
135,1 (15)	132,0 (2)	130,2 (2)	133,3 (3)	141,7 (4)	135,5 (10)	137,8 (8)	128,7 (7)	132,8 (9)
75,7 (15)	66,5 (1)	69,4 (2)	79,3 (1)	79,9 (4)	77,7 (10)	78,2 (8)	72,6 (7)	76,1 (9)
130,6 (11)	129,0 (2)	132,0 (1)	129,5 (2)	125,0 (3)	129,5 (5)	126,4 (5)	131,0 (5)	127,2 (6)
98,1 (12)	102,5 (2)	106,0 (1)	102,0 (2)	95,7 (3)	96,0 (6)	98,0 (5)	97,2 (5)	96,8 (6)
95,6 (15)	95,0 (2)	87,0 (3)	95,0 (4)	94,6 (5)	92,3 (10)	91,2 (9)	93,4 (7)	93,7 (10)
86,2 (15)	91,5 (2)	86,0 (3)	80,0 (1)	89,2 (5)	85,2 (6)	81,6 (8)	87,0 (3)	87,8 (4)
1,88 (16)	1,67 (3)	2,00 (5)	1,50 (4)	1,60 (5)	1,82 (11)	1,89 (9)	1,86 (7)	1,55 (11)
96,9 (10)	102,5 (2)	106,0 (1)	90,3 (3)	90,3 (3)	93,3 (4)	94,2 (5)	92,8 (4)	91,5 (4)
127,1 (13)	131,5 (2)	122,0 (2)	125,5 (2)	126,6 (5)	125,8 (5)	123,7 (9)	122,4 (5)	118,3 (3)
65,6 (14)	67,7 (3)	66,4 (5)	70,0 (4)	63,4 (5)	66,1 (7)	67,8 (9)	65,2 (5)	65,0 (6)
40,9 (15)	42,1 (3)	38,4 (4)	42,3 (4)	40,6 (5)	40,2 (6)	41,4 (9)	41,3 (4)*	38,8 (6)
32,0 (14)	31,1 (3)	30,2 (5)	33,8 (4)	31,9 (5)	31,7 (7)	32,5 (9)	31,3 (4)	31,3 (6)
25,2 (13)	25,6 (3)	25,3 (5)	25,9 (4)	24,4 (4)	24,6 (7)	25,6 (9)	25,0 (3)	22,7 (6)
48,5 (12)	49,7 (3)	48,8 (5)	51,3 (4)	49,0 (4)	48,4 (7)	49,4 (9)	50,0 (4)	46,8 (6)
23,3 (8)	21,4 (2)	21,5 (3)	20,4 (3)	21,1 (3)	22,0 (6)	20,7 (8)	20,5 (6)	19,5 (7)
10,6 (8)	9,8 (2)	9,9 (3)	10,9 (3)	9,1 (3)	11,1 (6)	11,3 (8)	9,3 (6)	10,1 (7)
45,6 (8)	45,4 (2)	46,0 (3)	53,6 (3)	43,3 (3)	50,9 (6)	54,9 (8)	45,7 (6)	52,8 (7)
9,2 (15)	8,8 (3)	7,5 (3)	8,5 (4)	9,9 (5)	9,8 (6)	9,0 (7)	—	9,0 (8)
3,2 (15)	3,4 (3)	2,7 (3)	3,5 (4)	3,5 (5)	3,5 (6)	4,3 (7)	—	3,7 (8)
35,8 (15)	36,1 (3)	36,0 (3)	41,8 (4)	34,9 (5)	35,4 (6)	47,7 (7)	—	41,9 (8)
84,5 (12)	84,3 (3)	79,5 (2)	80,0 (1)	88,3 (4)	86,0 (6)	85,9 (8)	84,7 (3)	86,2 (4)
20,9 (12)	17,3 (3)	20,5 (2)	24,7 (3)	18,8 (4)	23,8 (6)	24,7 (6)	26,0 (3)	24,7 (3)
140,6 (15)	142,0 (2)	144,0 (4)	137,5 (4)	146,8 (4)	140,3 (8)	139,9 (9)	—	139,7 (9)
128,1 (11)	131,0 (3)	130,2 (5)	129,7 (3)	133,3 (4)	132,3 (4)	129,0 (7)	127,0(2)	123,7 (3)

Луговского могильника в Марийской АССР приблизительно на половину тысячелетия. Но морфологически население, хоронившее своих покойников в этих могильниках, было очень сходно, практически, можно сказать, тождественно. В настоящее время на основании тех данных, которыми мы располагаем (не следует забывать, что в Мари-Луговском могильнике найдено немного черепов и некоторые отличия их от черепов из Чегандинского и Ныргиндинского могильников имеют поэтому, очевидно, случайный характер), нет никаких причин сомневаться в близком генетическом родстве этих групп между собой. Их происхождение от европеоидов, оставивших среди прочих и Маклашеевский могильник, весьма вероятно. Серии пьяноборской культуры также длинноголовы и характеризуются европеоидным комплексом признаков. Правда, они отличаются от маклашеевской более низким черепным указателем. Но зато их сближает гораздо более важный в силу своей специфичности комплекс признаков — сочетание резкой горизонтальной профилировки лицевого скелета с незначительным выступанием носовых костей. На черепах из Мари-Луговского могильника носовые кости выступают настолько слабо, что это обстоятельство заставило автора отметить в се-

рии наличие монголоидной примеси, по-видимому, ананьинского происхождения. Но в общем основной антропологический комплекс пьяноборской эпохи — потомок европеоидных типов более раннего времени и местного происхождения.

Близки по времени Мари-Луговскому могильнику Азелинский и Суворовский могильники, относимые автором раскопок В. Ф. Генингом к так называемой азелинской культуре (Генинг, 1963)³, и могильники Мазунинский, Ижевский и Сайгатский, относимые им же к мазунинской культуре. В. Ф. Генинг (1958) полагает, что племена мазунинской культуры целиком вытеснили пьяноборцев из Среднего Поволжья. Выводы археологии нельзя в данном случае достаточно убедительно ни доказать, ни опровергнуть на палеоантропологическом материале. Морфологически пьяноборское и мазунинское население чрезвычайно близко, и различия между двумя этими группами никак не больше, чем между отдельными группами пьяноборского населения. Правда, М. С. Акимова (1962б), очевидно желая найти подтверждение археологических выводов на своем материале, видит в совокупности отличий мазунинских черепов от пьяноборских — несколько большем черепном указателе, несколько больших размерах лицевого скелета и некоторой его уплощенности — известное подтверждение тезиса В. Ф. Генинга о проникновении в Среднее Прикамье племен, культура которых была близка к бахмутинской культуре Башкирии и которые, действительно имели в своем составе монголоидную примесь. Но почему проникновение монголоидной примеси (если различия между пьяноборской и мазунинской сериями действительно отражают реальную действительность, в чем можно очень серьезно усомниться) непременно связывать с территорией Башкирии? Палеоантропологические данные сами по себе не дают этому достаточно веских доказательств.

Тот же комплекс признаков с небольшими, не группирующимися в определенные сочетания и скорее всего случайными отличиями обнаруживается в черепах из Азелинского и Суворовского могильников. Это довольно большие, резко долихокренные черепа с типичными для европеоидных форм небольшими размерами лица, сильно профилированного в горизонтальной плоскости. Весь комплекс характеризующих этот тип морфологических особенностей — в общем европеоидный, и если можно подозревать в составе населения, оставившего азелинские могильники, так же как, впрочем, пьяноборские и мазунинские, наличие очень слабой монголоидной примеси, то скорее на основании общих соображений и сильно выраженной монголоидности предшествующего ананьинского населения, а не на основании каких-то объективных фактов. Но носовые кости и в этой серии отличаются умеренным выступанием, скорее характерным не для европеоидных, а для смешанных европеоидно-монголоидных форм. Налицо, следовательно, опять тот же специфический вариант европеоидного типа, о котором уже говорилось выше, а отсюда и общий вывод — потомки европеоидного доананьинского населения составляли основной этнический пласт на Средней Волге, Вятке, и Каме в первых веках н. э. Различия между ними в физических признаках, даже если они и были (предполагать это пока нет убедительных данных), имеют ничтожное этногенетическое значение по сравнению с фактом их тесного кровного родства.

Памятникам мазунинской культуры в Среднем Прикамье синхронны в Верхнем Прикамье памятники раннего харинского этапа ломоватовской культуры. Палеоантропологический материал, относящийся к этому этапу, представлен черепами из Митинского могильника. Для нашей

³ Культура эта признается не всеми. См. рецензию А. П. Смирнова на книгу В. Ф. Генинга (Сов. археология, 1964, № 4).

темы эта территория и происходящий с нее палеоантропологический материал особенно важны, так как можно думать, что именно с Верхним Прикамьем связано формирование коми-пермяков. Серия из Митинского могильника характеризуется в отличие от прочих уже отмеченных серий круглоголовостью. Пожалуй, это основное отличие — все остальные признаки складываются в тот же комплекс с подавляющим преобладанием европеоидных особенностей, но отличающимся незначительным выступанием носовых костей. Последняя черта неадекватна в данном случае вариациям тех признаков, в которых может быть прослежено влияние монголоидной примеси, и, по-видимому, вообще неадекватна доле этой примеси. Но она обращает на себя внимание даже больше, чем во всех предыдущих случаях, так как позволяет поставить на конкретную основу вопрос о происхождении краниологического типа современной серии коми. Вспомним только, что современная серия коми при выраженности тех черт, о которых говорилось в связи с характерными особенностями серий из второго Маклашеевского могильника, пьяноборской, азелинской и мазунинской культур, отличается еще брахикранией. Такое своеобразное сочетание и проявляющееся в нем специфическое сходство между ранними ломоватовскими черепами из Митинского могильника и современной серией коми обращают на себя внимание, и мы к нему еще вернемся.

Наиболее сложна и, с точки зрения автора, неясна проблема происхождения населения следующего, неволинского этапа ломоватовской культуры и населения полумской культуры. Если в серии из могильника Мыдлань-тай прослеживается та же комбинация признаков, что и на черепах из азелинских и мазунинских могильников, и, следовательно, население, оставшее Мыдлань-тай, может быть увязано в своем генезисе с предшествующим населением Нижнего и Среднего Прикамья, а также бассейна Вятки, то Деменковский и Полумский могильники, давшие очень сходный (это сходство отмечает М. С. Акимова) палеоантропологический материал, стоят особняком. М. С. Акимова полагает, что морфологические особенности этих серий могут быть частично объяснены, если мы допустим проникновение из Западной Сибири того типа, который фиксируется на черепах из Усть-Тартасского могильника (Дебец, 1948). Может быть, это и так, но, изучая повторно этот материал (Алексеев, 1961а), я не заметил в нем специфического сходства с сериями из Деменковского и Полумского могильников. Кроме того, на отдельных черепах из Усть-Тартасского могильника вполне отчетливо выражена циркулярная деформация. В общем проблема требует дополнительного исследования на новом и более полном материале, и не исключено, что только он и даст настоящие аналогии поздней ломоватовской серии и серии из Полумского могильника.

Не останавливаясь на рассмотрении долихокраних серий из Цнинских могильников и могильников средневековой мордвы, так как они не имеют отношения к происхождению коми. Какова судьба брахикраних варианта европеоидного типа с умеренным выступанием носа в эпоху средневековья? В отличие от более долихокраних форм, засвидетельствованных в могильнике Мыдлань-тай, мы не имеем о нем палеоантропологических свидетельств. Ближайшая аналогия ему в эпоху, более позднюю, чем середина I тысячелетия н. э., — серия черепов коми. Сочетание умеренно брахикраних черепной коробки средних размеров с небольшим лицевым скелетом, оргонатным в вертикальной плоскости и резко профилированным в горизонтальной, сочетание в общем европеоидного морфологического типа с умеренными величинами всех размеров, отражающих выступание носовых костей, характерно одинаково и для серии из Митинского могильника и для черепов современных коми-пермяков. Нельзя назвать ни одного признака, по которому между этими

двумя сериями была бы заметна осязаемая разница. На этом основании можно утверждать, что их связывает прямое генетическое родство.

М. В. Талицкий (1941, 1951) выделил в Верхнем Прикамье целую группу городищ и селищ, датируемых X—XIV вв., насельники которых, по-видимому, представляли собою непосредственных предков современных коми-пермяков. Арабские географы называли эти племена «вису» или «ису» (см.: Талицкий, 1951). Никакой информации об их физическом облике мы пока не имеем, но, может быть, именно они и были той промежуточной средой, через которую антропологический тип раннего этапа ломоватовской культуры дошел до современности и воплотился в морфологических чертах современных коми-пермяков? Косвенным аргументом в пользу этого предположения является то обстоятельство, что обе рассматриваемые группы памятников связаны с современным народом коми-пермяков: Митинский могильник — через антропологический тип, городища и селища начала II тысячелетия н. э. — через археологический материал, рисующий картину тесной культурной преемственности. Таким образом, может быть, именно в населении Верхнего Прикамья, оставившем городища и селища первых веков II тысячелетия, следует искать потомков населения харинского этапа ломоватовской культуры, как оно известно нам по Митинскому могильнику, и предков коми-пермяков.

Итак, генезис того европеоидного типа, который вошел в состав южных групп народа коми, прослеживается пока до эпохи поздней бронзы и перехода к раннему железу — времени второго Маклашеевского могильника. Так как в серии из Маклашеевского могильника мы находим этот тип выраженным вполне отчетливо, вероятно, что его формирование относится к более раннему времени — эпохе ранней или средней бронзы. Среди других типов эпохи бронзы он выделялся несколько более слабым выступанием носа. По пигментации представители этого типа занимали, по-видимому, промежуточное положение между северными балтийскими и южными средиземноморскими группами, но ближе к первым. Ясно, что они были светлее современных зюдинских коми-пермяков, так как последние, хотя бы частично, обязаны своей темной пигментацией тому населению, которое принесло в их состав монголоидную примесь. Может быть, эпохой бронзы и датируется та генетическая связь, которая объединяет европеоидный в целом тип удорских коми-зырян с европеоидным типом, вошедшим в состав зюдинских коми-пермяков. Предки первых были, несомненно, и в эпоху бронзы светлее, чем предки вторых, но различия в остальных признаках между ними могли быть значительно меньше, чем в пигментации. Что касается брахикефалии современных коми, то очаг брахикефализации возник в Прикамье не позднее середины I тысячелетия н. э. — во всяком случае в Митинском могильнике мы фиксируем черепной указатель около 80,0.

В предананьинское и ананьинское время на европеоидную основу наслонилась монголоидная примесь, принесенная ананьинскими племенами. Масштаб ананьинского влияния на формирование антропологических особенностей местного населения не следует преувеличивать, о чем справедливо писала М. С. Акимова. Все же фиксирующийся в настоящее время в составе коми-пермяков монголоидный компонент, а также монголоидная примесь у средневекового населения Прикамья восходят, очевидно, в своем генезисе к ананьинским племенам. Если бы происхождение этого монголоидного компонента было связано с кочевниками центральноазиатского происхождения, то современные коми-пермяки имели бы более крупное лицо, прямой нос, жесткие волосы, темные глаза и т. д. Таким образом, в Прикамье можно выделить самостоятельный очаг расообразования, в пределах которого сформировался особый вариант восточнобалтийского типа. В дополнение к особенностям, отмеченным в

соматологическом материале, в число отличительных признаков этого варианта нужно включить своеобразное сочетание резкой «европеоидной» профилировки лицевого скелета с умеренным выступанием носовых костей. Наибольшая монголоидная примесь у представителей этого варианта восходит к ананьинскому населению.

Само собою разумеется, что все сказанное относится лишь к южным группам народа коми — коми-пермякам. Настоятельной задачей является получение краниологического материала по северным зырянским группам народа коми, формирование антропологического состава которых, как об этом можно судить по результатам обследования современного населения, во многом происходило своеобразными путями по сравнению с южными группами. Только тогда этногенез коми может быть рассмотрен в целом в свете антропологических данных.

МЕСТО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ В РАСОВОЙ СИСТЕМАТИКЕ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Включение поволжских финнов в состав одного из типов или вариантов уральской расы в настоящее время не вызывает сомнений. Это заключение может считаться основным итогом изучения антропологического типа народов Поволжья. Но сейчас возникает вопрос о том, в каких комбинациях этот тип представлен у финноязычных народов Поволжья и в каком отношении они находятся друг к другу по выраженности особенностей этого типа. Следует иметь в виду, что характерная для марийцев, например, комбинация признаков не является единственной на территории Поволжья. От классических вариантов уральского типа она отличается в общем значительно более четкой выраженностью европеоидных черт. Пожалуй, именно это обстоятельство нужно отметить в первую очередь, если говорить о субуральском типе, употребляя этот термин вслед за В. В. Бунаком. Но многочисленные исследования показали, что финские народы Поволжья, характеризуясь в общем некоторым ослаблением выраженности монголоидных особенностей по сравнению с угорскими народами Западной Сибири, неоднородны по некоторым признакам и, в частности, заметно различаются по величине головного указателя и интенсивности пигментации. Более круглоголовые и темнопигментированные варианты были сопоставлены с лопарским или лопаноидным типом и выделены в качестве сублапоноидного или вятско-камского типа (Вунак, 1932). Таким образом, сейчас проблема места антропологического типа финских народов Поволжья в расовой систематике обогатилась новыми оттенками и переросла в проблему взаимоотношения субуральского и сублапоноидного типов. Для своего анализа она требует рассмотрения материалов не только по краниологии, но и по соматологии финских народов Поволжья на основании хорошо сопоставимых данных, так как речь идет о различиях между близкими типами. Поэтому я пользовался для сравнения групп преимущественно материалами, собранными одним работником (Алексеев, 1964б). Однако, так как ни один из исследователей, работавших на интересующей нас территории, не изучал одновременно с марийцами мордву, удмуртов и русских соседних районов за исключением К. Ю. Марк, материалы которой пока в целом неопубликованы, пришлось прибегать к интерполяции данных.

Сравнение производилось по девяти наиболее важным признакам — росту бороды, наличию эпикантуса, выраженности складки верхнего века, горизонтальной профилировке лица, выступанию скул, высоте переносья, поперечному профилю спинки носа, цвету волос и цвету глаз.

Варианты этих девяти признаков совпадают с колебаниями краниологических особенностей, рассмотренными выше, и позволяют сделать тот же вывод — удмурты и марийцы содержат в своем составе значительную монголоидную примесь. Почти по всем перечисленным особенностям они обнаруживают определенное тяготение к монголоидным группам по сравнению с привлеченными для сравнения мордовскими и русскими группами. Сложнее обстоит дело при попытке определить сравнительный удельный вес монголоидной примеси в составе марийского и удмуртского народов. Рост бороды у марийцев более слабый, чем у удмуртов, переносе несколько ниже. По этим признакам марийцы ближе к типичным представителям монголоидной расы, чем удмурты. Но зато по некоторым другим особенностям удмурты занимают место марийцев. Так, складка верхнего века развита у удмуртов заметно сильнее по сравнению с марийцами, цвет волос у них темнее. По цвету глаз удмурты не отличаются от луговых марийцев, но более светлоглазы, чем горные марийцы. В настоящее время антропология не располагает критериями, на основании которых можно было бы отдать предпочтение какому-либо из этих признаков. Поэтому приходится ограничиться выводом о том, что и удмурты, и марийцы в общем в одинаковой степени близки к представителям монголоидной расы, но эта близость выражена у тех и других в разных признаках. Возможно, что еще неопубликованные материалы К. Ю. Марк по антропологии удмуртского и марийского народов, собранные ею в связи с широким и полным изучением антропологического типа финно-угорских народов Советского Союза вообще, представят возможность более определенного решения этого вопроса.

Большое этногенетическое значение имеет оценка роли монголоидного компонента в формировании антропологического состава горных и луговых марийцев. В соответствии с теми данными о локальных вариациях в типе марийцев, которые находятся в нашем распоряжении, можно сделать заключение о том, что у горных марийцев сильнее развита складка верхнего века, более темный цвет волос и глаз. Все это признаки, сближающие их с монголоидами в большей степени, чем луговых марийцев. Однако, рост бороды в группе горных марийцев интенсивнее, чем у луговых. По высоте переносья они практически не различаются. Так как горные марийцы обнаруживают наибольшее сближение с монголоидами по трем признакам в то время, как луговые только по одному, можно было бы предполагать, что монголоидный компонент принял более интенсивное участие в сложении антропологического типа горных групп по сравнению с луговыми. Однако, краниологически луговые марийцы заметно более монголоидны, чем горные (см. обзор по признакам и табл. 8). Таким образом, окончательных данных для решения этого вопроса в нашем распоряжении пока нет.

Дальнейшая дифференциация всех исследованных групп, как и обычно при классификации типов более узкого локального значения, может быть произведена на основании вариаций размеров головы и лица. При этом наибольшее значение из головных размеров имеет их соотношение, выражаемое головным указателем. По всем данным, находящимся в нашем распоряжении, марийцы характеризуются круглой формой черепной коробки. Однако, в величине головного указателя они все же уступают удмуртам. По-видимому, то же самое заключение может быть сделано и по отношению к ширине лица, хотя в этом признаке различия чрезвычайно малы. В высоте лица они не прослеживаются совсем. Таким образом, отмеченная разница между марийцами и удмуртами в признаках, характеризующих степень выраженности монголоидных особенностей, дополняется различиями в форме головы и ширине лица. Что касается различных этнографических и территориальных групп мордовского народа, то помимо значительно менее заметной монголоидной примеси

они отличаются от марийцев и удмуртов большей долихокранией и несколько меньшими размерами лица (последнее становится ясным, если комбинировать соматологические и краниологические данные).

Нельзя не отметить, что весь комплекс различий между удмуртами и марийцами, с одной стороны, и мордвой, с другой, легко укладываются в схему, согласно которой европеоидный компонент сыграл в сложении антропологического типа мордовского народа преобладающую роль, значительно бóльшую, чем в этногенезе марийского и удмуртского народов. Аналогичный вывод был сделан и при рассмотрении краниологических данных. Этим могут быть объяснены, в частности, как меньшие размеры лица у мордвы в сравнении с марийцами и удмуртами, так и более удлиненная форма черепной коробки. Такое объяснение встречает на первый взгляд существенное возражение в том факте, что среди соседнего с мордвой русского населения встречаются группы, у которых европеоидные особенности выражены сильнее, чем у мордвы, но голова имеет круглую форму. Однако, антропологический тип мордвы не следует рассматривать как результат смешения каких-то представителей уральской расы с непосредственными предками русского населения. Речь должна идти о гораздо более древнем смешении, во всяком случае относящемся к эпохе, когда подавляющее число европеоидных групп еще характеризовалось долихокефалией. Кстати говоря, в наибольшей степени эта особенность сохранилась, как известно, у представителей северной ветви европеоидной расы, примесь которых в составе мордвы весьма вероятна (Дебец, 1941а).

Из всего сказанного вытекает, что многообразие типологических вариаций в антропологическом типе финноязычных народов Поволжья не группируется в два резко различных комплекса признаков. Наоборот, они представляют собой гамму переходов от типичных вариантов уральской расы до не менее типичных европеоидных вариантов. Различия между отдельными представителями этой группы смешанных форм сводятся к разной доле монголоидного и европеоидного компонентов в их образовании. Это означает, что в составе населения Поволжья нет оснований выделять два антропологических типа — субуральский и сублапоноидный, как это до сих пор делают некоторые исследователи (см., например: Акимова, 1958). По-видимому, следует ограничиться выделением одного типа, оставив за ним по принципу приоритета название субуральского и подразумевая под ним вариант уральской расы, европеоидная примесь в составе которого выражена значительно более отчетливо, чем в составе ее типичных представителей. К. Ю. Марк (1960) считает одним из оснований для выделения сублапоноидного типа более круглую форму черепной коробки и более широкое лицо у исследованных ею горных марийцев по сравнению с наиболее монголоидными северо-западными мокшанскими группами мордвы. Но как мы убедились при рассмотрении краниологических материалов, в составе горных марийцев были два — три века тому назад и долихокранные группы. Кроме того, выраженность монголоидного компонента по некоторым признакам у них же довольно значительна. А тенденция к круглогловости у древних представителей монголоидной расы на территории Волго-Камья демонстрируется палеоантропологическим материалом из Луговского и Гулькин-ского могильников ананьинской культуры.

Различие в головном указателе между удмуртами и марийцами, при котором первых можно было бы назвать представителями сублапоноидного, а вторых — представителями субуральского вариантов также не является достаточным основанием для их выделения. Употребление такой терминологии наводит на мысль о какой-то специфической связи преобладающей среди удмуртов комбинации признаков с типом, характерным для лопарей. Действительно, темная пигментация лопарей гово-

рит о влиянии восточных контактов на формирование их антропологических признаков, о чем уже говорилось выше. С другой стороны, было показано, что их резкая брахикефалия образовалась на протяжении последнего тысячелетия и, следовательно, имеет очень позднее происхождение. В то же время связи предков лопарей с населением Приуралья и Западной Сибири имели место, очевидно, в очень отдаленную эпоху. Таким образом, при попытке объяснить брахикефалию удмуртов незначем вспоминать о брахикефалии лопарей, а раз так, то и незначем употреблять термин «сублапоноидный тип». Речь, по-видимому, должна идти о чисто местном и позднем, узко локальном явлении повышения черепного указателя, что неоднократно отмечалось в разные эпохи на различных территориях Советского Союза, в том числе и в Волго-Камье (см. предыдущий параграф).

Итак, при оценке положения представленных в составе финских народов Поволжья морфологических вариантов в расовой систематике мы пришли к выводу, что они могут быть объединены в один тип. Наиболее целесообразное и соответствующее правилу приоритета наименование этого типа — субуральский.

В главе 3 рассмотрены данные, свидетельствующие о смешанном происхождении уральского типа. Очевидно, уже в неолите область Приуралья и Зауралья стала зоной смешения европеоидных и монголоидных форм. По всей вероятности, к этому времени относится и начало формирования той комбинации признаков, которая получила наименование уральской расы. Исходя из этой точки зрения, нужно датировать неолитической эпохой и сложение субуральского типа, которое происходило в западных по отношению к Уралу районах и в котором заметно более активное участие приняло европеоидные компоненты. Процесс этот иллюстрируется палеоантропологическими материалами из погребений культуры ямочно-гребенчатой керамики. Население этой культуры занимало, как известно, обширную область — от Прибалтики на западе до Приуралья на востоке и, следовательно, было распространено значительно шире, чем современные представители субуральского типа. Но морфологическое сходство между двумя этими вариантами, особенно если учесть большой хронологический разрыв во времени между ними, очень велико и заставляет видеть в населении культуры ямочно-гребенчатой керамики представителей того самого антропологического типа, который в качестве основного компонента входит в состав марийского и удмуртского народов.

Однако морфологическое сходство населения культуры ямочно-гребенчатой керамики с современными представителями марийского и удмуртского народов не означает, что субуральский тип не претерпел никаких изменений во времени. Такое постоянство морфологических признаков на протяжении почти четырех тысячелетий трудно представить себе теоретически, и, кроме того, оно не подтверждается фактическими данными. Приблизительно одинаковый удельный вес монголоидного компонента в составе неолитического населения культуры ямочно-гребенчатой керамики и непосредственных предков современных марийцев и удмуртов XVI—XVIII вв. Но черепной указатель в серии, например, муртов можно отчетливо увидеть при рассмотрении краниологических горных марийцев ниже, чем он должен был бы быть, судя по данным изучения современного населения. Таким образом, процесс увеличения черепного указателя, очевидно, имел место и в эпоху, близкую к современности.

Помимо локальных вариантов, существовавших и существующих внутри самого субуральского типа, что проявляется как во времени (изменение черепного указателя), так и в пространстве (различие в головном указателе между марийцами и удмуртами), палеоантропологические

материалы выявляют на территории Марийской АССР, например, наличие и других типов. Речь идет о черепах из поздних погребений Мари-Луговского могильника, датируемых XIV—XV вв. н. э. (Алексеев, 1962). При общей выраженности монголоидного комплекса признаков они отличаются большими размерами лицевого скелета, имеют низкую и круглую черепную коробку. Наибольшее сходство черепа из поздних погребений Мари-Луговского могильника обнаруживают с серией из курганов золотоордынского времени, расположенных в степях Нижнего Заволжья (Дебец, 1932, 1948). На этом основании при исследовании этих черепов было сделано предположение о том, что население, оставившее поздние погребения Мари-Луговского могильника, говорило не на финском, а на одном из тюркских или монгольских языков. По-видимому, это была какая-то золотоордынская колония, кладбище которой случайно совпало по своему местоположению с могильником более раннего времени. Судя по имеющимся данным о вариациях антропологического типа современного населения Марийской АССР, которые мы рассмотрели выше, характерный для населения этой колонии монголоидный тип, в наибольшей степени сближающийся с южносибирским типом казахов и киргизов, не сыграл никакой роли в формировании антропологических особенностей марийского народа.

Аналогичное заключение можно сделать и по отношению к черепах из могильника на площади Старого Венца в Симбирске. Они отличаются от других серий поволжских финнов в том же направлении, в каком отличаются от них черепа из поздних погребений Мари-Луговского могильника. Кажется весьма вероятным, что могильник этот оставлен группой кочевников. Судя по результатам соматологического обследования современных мордовских групп, в их составе не прослеживается того комплекса признаков, который характерен для этой серии. Можно думать, следовательно, что люди, хоронившие своих покойников на площади Старого Венца, не приняли участия в формировании этнических групп мордовского народа. Таким образом, очевидно, что сублапоноидный тип сложился без влияния примеси иных антропологических типов, во всяком случае, на поздних этапах своей истории.

Осталось сказать несколько слов о средневековых финских могильниках, лежащих в пределах расселения мордвы, и цнинских могильниках. Цнинские могильники — это европеоидное население, могильники средневековой мордвы — европеоидное население с небольшой монголоидной примесью. Весь комплекс антропологических признаков отличает эти серии от вятско-камских — они более длинноголовы и грацильны. Можно предполагать, что в истоках своего населения, оставившее эти могильники, связано с пьяноборским. Однако узколицесть средневековой мордвы и населения бассейна Цны заставляет допустить дополнительное влияние какого-то грацильного европеоидного типа. Как раз такой тип — узколицый и резко долихокранный представлен в Балановском могильнике (Акимова, 1947, 1963). Влияние грацильного и долихокранного типа особенно четко проступает в краниологическом типе мордвы-мокси. Этим перекидывается мост от балановского населения к современной мордве и в то же время легко объясняются краниологические отличия мордовских серий от марийских и удмуртских — различия, повторяющиеся, как мы помним, и в соматологических материалах. Эти различия практически позволяют исключить мордву из числа представителей субуральского типа и рассматривать ее, как и русских восточных районов расселения русского народа, в качестве населения, антропологические особенности которого сложились на основе европеоидных вариантов переходной зоны между северными и южными европеоидами.

ВЫВОДЫ

1. Большой размах изменчивости и характер распределения признаков, группирующихся в территориальные комплексы, свидетельствуют о том, что расообразовательный процесс в пределах финских народов шел в направлении формирования типов.

2. Таких типологических комплексов выделяется четыре: лапоноидный (саамы), восточнобалтийский в двух разновидностях (эстонцы и финны, с одной стороны, коми — с другой) и субуральский.

3. Брахицефалия саамов — сравнительно позднее образование (начало или середина I тысячелетия до н. э.). Своеобразие их типа объясняется своеобразием того варианта низколицевого монголоидного типа, который вошел в состав саамов. По-видимому, он отличался от монголоидного типа, вошедшего в состав населения Восточной Прибалтики, и может быть сопоставлен с самодийским субстратом в этногенезе саамов.

4. Удельный вес монголоидной примеси в составе прибалтийско-финских народов заметно меньше, чем в составе финских народов Поволжья. Тем не менее она отчетливо прослеживается в составе финнов и эстонцев, где ее пропорция примерно одинакова.

5. Одинаковое соотношение европеоидного и монголоидного компонента у этих народов сопровождается близким сходством по всему комплексу признаков. Поэтому есть основания утверждать, что это сходство специфично в пределах прибалтийско-финских народов и характерно только для финнов и эстонцев, отделяя их от финноязычных соседей.

6. Серия коми-пермяков отличается специфическим сочетанием европеоидного комплекса признаков с умеренным выступанием носовых костей. Аналогичная комбинация характерна для серии из Митинского могильника (Верхнее Прикамье), относимого к раннему харинскому этапу ломоватовской культуры.

7. Длинноголовые варианты того же типа прослеживаются во втором Маклашеевском и пьяноборских могильниках. Этот тип — европеоидная основа антропологического типа современных коми-пермяков. Монголоидная примесь принесена в состав предков коми-пермяков ананьинским населением, но удельный вес ее невелик.

8. Финноязычные народы Поволжья представляют собой результат смешения различной интенсивности между монголоидными и европеоидными группами.

9. Нет оснований выделять в составе этих народов два антропологических типа, присваивая им наименования субуральского и сублапоноидного. Все финноязычные народы Поволжья могут быть объединены в один тип, за которым по признаку приоритета целесообразно сохранить название субуральского. От классических вариантов уральской расы он отличается заметно большей долей европеоидного компонента. Формирование субуральского типа восходит к эпохе неолита.

10. Характерными представителями субуральского типа являются марийцы и удмурты. В составе восточных групп русского народа и мордвы он представлен в виде примеси. Вероятно, что на сложение антропологического типа последних оказало влияние балановское население. Особенно заметно его влияние в антропологических особенностях мордвы-мокши.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М. С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 1. М.—Л., 1947.
- Акимова М. С. Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXIX, 1958.
- Акимова М. С. Краниологическая характеристика мордвы-эрзи. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XIII. М., 1960.
- Акимова М. С. Антропологический состав населения пьяноборской культуры. Вопросы антропологии, вып. 8, 1961а.
- Акимова М. С. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья. Вопросы антропологии, вып. 7, 1961б.
- Акимова М. С. Краниологический очерк удмуртов. Вопросы антропологии, вып. 10, 1962.
- Акимова М. С. Антропологические материалы из могильника Мыдлань-шай. Вопросы археологии Урала, вып. 3. Свердловск, 1962а.
- Акимова М. С. Антропологические материалы бахмутинской культуры. Археология и этнография Башкирии, т. 1. Уфа, 1962б.
- Акимова М. С. Черепа раннего средневековья с р. Вятки. В кн.: В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Вопросы археологии Урала, вып. 5. Ижевск, 1963.
- Акимова М. С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963а.
- Алексеев В. П. О смешанном происхождении уральской расы. Вопросы археологии Урала, вып. 1. Свердловск, 1961.
- Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XX. М.—Л., 1961а.
- Алексеев В. П. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника. Тр. Марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола, 1962.
- Алексеев В. П. Краниологический тип финнов и некоторые вопросы происхождения прибалтийско-финских народов. Изв. АН Эстонской ССР (серия общественных наук), 1962, № 2.
- Алексеев В. П. Антропологические типы. В кн.: Народы зарубежной Европы, т. 1. М., 1964.
- Алексеев В. П. Некоторые проблемы происхождения народов Скандинавии и Восточной Прибалтики по данным антропологии. Скандинавский сборник, т. VIII. Таллин, 1964а.
- Алексеев В. П. Антропологические материалы к этногенезу марийского народа. Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Тр. Марийского н.-и. ин-та языка, литературы и истории, вып. XIX. Йошкар-Ола, 1964б.
- Алексеева Т. И. Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна. (К проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье). Антропологический сборник, I. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Ауль Ю. М. О взаимоотношениях эстонцев и латышей по антропологическим данным. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXIX, 1958.
- Ауль Ю. М. Антропология эстонцев. Уч. зап. Тартусского ун-та, вып. 158. Тарту, 1964.
- Ауль Ю. М. К антропологии русских восточных окраин Эстонской ССР. Тр. по антропологии, I. Уч. зап. Тартусского ун-та, вып. 155. Тарту, 1964а.
- Ауль Ю. М. Антропологические исследования води и ижорцев на западе Ленинградской области. Труды по антропологии, I. Уч. зап. Тартусского ун-та, вып. 155. Тарту, 1964б.
- Бубрик Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрик Д. В. Советское финно-угорское языкознание. Уч. зап. ЛГУ (серия востоковедческих наук), вып. 2. Л., 1948.
- Бубрик Д. В. О советском финноугроведении. Сов. этнография, 1949, № 2.
- Бунак В. В. Антропологический тип черемис. Русский антр. журнал, т. 13, 1924, кн. 3—4.
- Бунак В. В. Антропологический тип мордвы. Русский антр. журнал, т. 13, 1924а, кн. 3—4.
- Бунак В. В. Антропометрия. Практический курс. М., 1941.
- Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования. Сов. этнография, 1956, № 1.
- Бунак В. В. Об очередных задачах в изучении расообразования у человека. Сов. этнография, 1958, № 3.
- Витов М. В. Антропологические типы современного населения Прибалтики. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955.

- Витов М. В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952—1954 гг.). Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I. М., 1959.
- Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. 2. М., 1959.
- Гагаева-Вишневская М. М. Антропологический очерк топшаевских черемис. Тр. Костромского научного об-ва, вып. 40. Кострома, 1927.
- Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
- Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Вопросы археологии Урала, вып. 5. Ижевск, 1963.
- Гремяцкий М. А. Антропологический тип инвенских коми (пермяков). Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Дебец Г. Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье. Антропологический журнал, 1932, № 1.
- Дебец Г. Ф. «Неприветливые» и «радушные» (по поводу книги Д. А. Золотарева «Карелы СССР»). Антр. журнал, 1933, № 1—2.
- Дебец Г. Ф. Так называемый «восточный великорус» (к вопросу о пранародах и проторасах). Антр. журнал, 1933а, № 1—2.
- Дебец Г. Ф. Вепсы. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Дебец Г. Ф. Антропологический очерк Лукояновского уезда бывш. Нижегородской губернии. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941а.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV. М.—Л., 1948.
- Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас. Сов. этнография, 1956, № 1.
- Дебец Г. Ф. Об антропологическом типе древнего населения Финляндии. Современная антропология. Тр. Московского об-ва испытателей природы, т. XIV. М., 1964.
- Деникер И. Е. Человеческие расы. СПб., 1902.
- Денисова Р. Я. Антропологический тип ливов. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955.
- Денисова Р. Я. Антропологический тип ливов. Балтийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956.
- Зенкевич П. И. Физический тип горных и луговых мари. Марийская автономная область. Йошкар-Ола, 1934, № 8—9, 10—12.
- Зенкевич П. И. Характеристика восточных финнов. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Золотарев Д. А. Обзор русских антропологических работ по финно-угорскому населению СССР. Финно-угорский сборник. Л., 1928.
- Золотарев Д. А. Кольские лопари. Л., 1928а.
- Золотарев Д. А. Карелы СССР. Л., 1930.
- Золотарева И. М. Этническая антропология бурят. Этнографический сборник, вып. 4. Улан-Удэ, 1960.
- Каск А. Х. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР. Балтийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956.
- Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956а.
- Марк К. Ю. Этническая антропология мордвы. Вопросы этнической истории мордовского народа. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. LXIII. М., 1960.
- Мольнар Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, N 13, Budapest, 1955.
- Мурент А. Э. Группы крови народов Северной Европы и Азии. Современная антропология. Тр. Московского об-ва испытателей природы, т. XIV. М., 1964.
- Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965.
- Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 88. М., 1965.
- Смирнов А. П. Рецензия на книгу В. Ф. Генинга «Азелинская культура III—V вв.» Сов. археология, 1964, № 4.
- Советское финноугорovedение. Уч. зап. ЛГУ (серия востоковедческих наук), вып. 2. Л., 1948.
- Талицкий М. В. К этногенезу коми. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. IX, 1941.

- Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. Материалы и исследования по археологии СССР, № 22. М., 1951.
- Трофимова Т. А. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. VII. М., 1949.
- Трофимова Т. А. Антропологический состав древнейшего Прикамья и Приуралья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 22. М., 1951.
- Трофимова Т. А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 42. М., 1954.
- Финно-угорский сборник. Л., 1928.
- Чебоксаров Н. Н. Из истории светлых расовых типов Евразии. Антр. журнал, 1936, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. Сов. этнография, 1946, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР. Сов. этнография, 1948, № 3.
- Чебоксаров Н. Н. Еще раз о некоторых вопросах изучения финно-угорских народов. Сов. этнография, 1949, № 2.
- Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. Сов. этнография, 1952, № 1.
- Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики (по материалам Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции). Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXIII. М., 1954.
- Aul I. Andmeid lätlaste antropoloogiliseks tundmiseks. «Тр. по антропологии, I». Уч. зап. Тартусского ун-та, вып. 155, 1964.
- Boyd W. Achievements of the genetical method in physical anthropology. Am. anthropologist, vol. 65, 1963, N 2.
- Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, Bd. XXX, 1932, N 3.
- Coon C. The races of Europe. New York, 1939.
- Mark K. Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum. Suomen muineismuis toyhdistyksen aikakauskirja finska fornminnesföreningens tidskrift, t. 59. Helsingfors, 1958, N 4.
- Coon C., Garn S., Birdsell J. Races. A study of the problems of race formation in man. Springfield, 1950.
- Garn S. Human races. Springfield, 1962.
- Schreiner A. Anthropologische Lokaluntersuchungen in Norge, Oslo, 1929.
- Schreiner K. Crania norvegica, vol. I. Instituttet for sammenlignende kulturforskning, ser. B., vol. XXVI—I. Oslo, 1939.
- Steffensen I. The physical anthropology of the Vikings. The Journal of the Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland, vol. 83, 1953.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выход в свет новой сводной работы по антропологии русского народа (Происхождение..., 1965), а также публикация новых обширных материалов по антропологии украинцев (Дяченко, 1965) освобождают нас от необходимости давать подробный перечень материалов по антропологии восточнославянских народов, так как в них помимо оригинальных данных суммированы и литературные данные, в том числе и по белорусам. В этих работах, особенно в «Происхождении и этнической истории русского народа по антропологическим данным» антропологические материалы сопоставлены с данными смежных дисциплин и использованы для решения многих проблем происхождения не только русского, но и восточнославянских народов в целом. Поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями.

Русская антропологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, работавшая на территории Русской равнины, изучила 107 территориальных групп русского народа по основным линиям его расселения. Украинская антропологическая экспедиция Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украинской ССР изучила 72 территориальные группы украинского народа. Ею также изучены многочисленные неукраинские этнические группы на территории Украины (предварительную публикацию этих материалов см.: Дяченко, 1960). Монографическое исследование антропологии белорусского народа было осуществлено М. В. Витовым, но его данные пока остаются неопубликованными. Последними публикациями по антропологии белорусов являются работы В. В. Бунака (1956) и Р. Я. Денисовой (1958). Кроме этого, существуют обширные данные по антропологии различных групп русского народа, собранные как до революции, так и советскими исследователями. Сводка основных табличных данных из этих работ произведена Ю. А. Дурново (Происхождение..., 1965, приложение 1)¹. Картографирование этих материалов, а также материалов по антропологии народов Прибалтики, финских и тюрских народов Поволжья с учетом методических расхождений между исследователями и введением соответствующих поправок в эмпирически полученные данные было произведено Т. И. Алексеевой (Происхождение, 1965, гл. XIII). В это картографирование включены и материалы, собранные Украинской антропологической экспедицией. Весь этот огромный материал, во много

¹ См. также библиографию и перечень групп: Алексеева, 1956.

раз превышающий сборы предшествующих лет, позволил значительно детализировать картину антропологического состава Восточной Европы и уточнить географические пределы вариаций отдельных признаков.

После известных работ Е. М. Чепурковского (1913, 1917), выделившего две зоны корреляции головного указателя с интенсивностью пигментации, детальная классификация антропологических типов Восточной Европы была произведена В. В. Бунаком в работе, до сих пор не потерявшей своего значения (Бунак, 1932). Но она была основана на материалах, собранных разными исследователями, в разное время и и количественно не всегда достаточных. В ней был выделен понтийский антропологический тип, характерный для населения Северного Кавказа, северопонтийский антропологический тип, характерный для населения южных районов ареала русского народа, подтверждено существование уральской формации, выделенной в более ранних работах В. В. Бунака, на которые мы ссылались в главе 3 (уральская раса В. В. Бунака соответствует вогульской расе И. Е. Деникера). Население центральных и северных районов ареала русского народа было отнесено к балтийской расе, соответствующей восточной расе Деникера. Основные итоги последующих публикаций сводятся к более дробной морфологической характеристике отдельных областей и в то же время к генерализации представлений о происхождении отдельных типов, выделенных в составе русского народа. В последней по времени классификации в население Восточной Европы выделено восемь типов, из которых в составе русских представлено четыре — валдайско-верхнеднепровский, белозерско-камский, восточноевропейский и степной (Алексеева, 1964; Происхождение..., 1965, гл. XIII). На востоке не может быть исключено влияние волго-камского типа. В. В. Бунак намечает в общих чертах аналогичную картину дифференциации антропологических типов Восточной Европы (те же типы под другими названиями выделялись и предшествующими исследователями), но она отличается большей дробностью, а кроме того, В. В. Бунак уделяет больше внимание происхождению выделенных типов (Бунак, 1962; Происхождение..., 1965, гл. VIII, X—XII).

Самым важным итогом антропологических исследований последних лет на территории Восточной Европы применительно к проблемам этногенеза восточнославянских народов является выделение восточноевропейского типа как особой самостоятельной ветви в пределах европеоидной расы. Тип этот характерен для населения центральных районов ареала русского народа. В. В. Бунак увязывает его происхождение с древними типами европеоидной расы и видит в нем переживание «кроманьонского» комплекса признаков. Характеристике этого комплекса В. В. Бунак посвятил несколько работ (Бунак, 1951, 1959; Бунак, 1961). На юге формирование антропологических особенностей русского народа происходило под влиянием понтийского типа в его северопонтийском варианте, который В. В. Бунак теперь называет неопонтийским. На востоке такое же влияние оказали типы уральской группы. Их формирование связывается с самостоятельной морфологической дифференциацией населения, занимавшего промежуточную область между зонами расселения европеоидов и монголоидов — в Западной Сибири и Приуралье. Наконец, на северо-западе осуществлялся интенсивный контакт между представителями европейского типа и типами балтийской группы. По-видимому, этот контакт был основным процессом, сформировавшим антропологические особенности белорусского народа.

В центральных областях Украины В. Д. Дяченко выделяет центральноукраинский тип, который является действительно центральным для украинского народа и характеризуется широким распространением на территории Украины. Этот же тип под названием приднепровского

выделяет и Т. И. Алексеева, придавая ему, однако, еще более широкие границы, практически охватывающие почти все районы Украины. В этом нашло выражение известное своеобразие украинцев в антропологических особенностях по сравнению с русскими и белорусами. В целом особенности южной средиземноморской ветви европеоидной расы, в форме ли примеси понтийского типа или в какой-либо другой форме (см. также Бунак, 1948), выражены у украинцев сильнее, чем у русских и белорусов. Это обстоятельство до известной степени реабилитирует старый вывод Ф. К. Волкова (1916) о своеобразии типа украинцев по сравнению с другими восточнославянскими народами, хотя ни в коей мере не оправдывает тенденциозности в подборе материалов, которые он использовал для обоснования этого вывода, исходящей из ее националистической трактовки проблем этногенеза украинского народа и не снимает справедливости той резкой критики, которой положения Ф. К. Волкова были подвергнуты Д. Н. Анучиным (1918). Что же касается происхождения антропологического состава украинского народа, то оно пока обрисовано недостаточно отчетливо. В. Д. Дяченко сделал вывод о преемственности антропологического типа днепровских славян эпохи средневековья и неолитического населения Надпорожья-Приазовья (Дяченко, 1965), антропологические особенности которого были описаны рядом исследователей (И. И. Гохман, Г. П. Зиневич, Т. С. Кондукторова, Т. С. Сурнина). Может быть, этот вывод в какой-то мере и правилен, поскольку археологические данные, как известно, несомненно демонстрируют местные корни для многих характерных особенностей средневековой славянской культуры, но это обстоятельство не освобождает антропологов от необходимости специально аргументировать этот тезис — антропологические различия между неолитическим населением Украины и славянами огромны и едва ли не соответствуют по своим масштабам различиям между крайними вариантами европеоидной расы. Ссылка на работу Т. С. Кондукторовой (1956), которую сделал В. Д. Дяченко, ничего не доказывает, так как в работе Т. С. Кондукторовой аргументации в пользу этого тезиса нет. Таким образом, вопрос о происхождении антропологического типа средневекового славянского населения Приднепровья, а через него и антропологических особенностей современного населения Украины пока остается открытым.

Таковы те краткие выводы, которые на современном этапе наших знаний могут быть сделаны из антропологических материалов по проблемам происхождения восточнославянских народов. Эти выводы образуют тот фон, который постоянно следует иметь в виду при рассмотрении краниологических данных.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ СЕРИЙ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Территориальные вариации отдельных признаков показаны на тех же картах, на которые были сделаны ссылки в предшествующей главе. В основу картографирования славянских материалов были положены те же принципы, что и при картографировании финских серий. Что же касается приемов построения карт, то они те же самые, что и в предыдущем случае, т. е. каждая серия (в данном случае представляющая бывшую губернию) обозначается одним значком (только кружком вместо квадрата, которым, как мы помним, обозначались финские серии), а интенсивность штриховки соответствует возрастанию величины признака.

Размеры черепной коробки. Предваряя рассмотрение вариаций признаков, сразу же оговорюсь, что оно ограничивается в основном сериями мужских черепов, так как женские серии русских за немногими исключениями очень малочисленны. Все горизонтальные диаметры черепной коробки в русских сериях попадают в целом в категорию средних величин, высота черепной коробки скорее малая. Обращает на себя внимание малая амплитуда колебаний межгрупповых средних на территории расселения русских — и по продольному и по поперечному диаметрам она характеризуется величинами, чуть большими, чем стандартные величины квадратических уклонений. Наибольшие величины продольного диаметра падают на Новгородскую, Петербургскую и Архангельскую губернии, наименьшие — на Тверскую, Смоленскую и Витебскую губернии. Распределение поперечного диаметра менее закономерно — он в большинстве серий колеблется вокруг 145 мм и только в Архангельской и Олонецкой губерниях на севере, на территории расселения западных кривичей — в Смоленской и Витебской губерниях, а также в Московской губернии отличается малыми величинами. Минимум, так же как и в продольном диаметре, падает на северо-западные районы.

Высотный диаметр характеризуется скорее малыми величинами — вокруг 130—132 мм и также обнаруживает сравнительно небольшую амплитуду межгрупповых колебаний. Но в Олонецкой и Петербургской губерниях он поднимается до уровня средних величин. Наибольшая высота черепной коробки отличает население побережья Финского залива, наименьшая — население крайних районов расселения западных кривичей (Витебская губерния). Близкую величину имеют и жители восточных районов расселения западных кривичей (Смоленская губерния), а также население Подмосковья.

Указатели черепной коробки. Высотно-продольный и высотно-поперечный указатели определяются в своей величине в основном высотными размерами черепной коробки, но на них сильное влияние оказывает и знаменатель дроби — продольный или поперечный диаметр, поэтому в некоторых случаях они связаны обратной корреляцией. Оба указателя в исследуемых группах очень устойчивы по своей величине и колеблются: высотно-продольный указатель — между 73 и 75 единицами, высотно-поперечный — вокруг 91—92. Исключение составляет серия из-под Смоленска, в которой высотно-продольный указатель равен 76,0, а высотно-поперечный — 93,5. Не исключено, однако, что это либо местная особенность, либо результат случайности выборки. Если бы оказалось справедливым первое из этих предположений, то тогда это отличие должно было бы обратить на себя внимание. Но скорее всего мы сталкиваемся здесь именно со случайностью выборки, так как количество находящихся в нашем распоряжении черепов мало, а масштаб различий невелик.

Головной указатель со времени выхода в свет работ Е. М. Чепурковского служит одним из основных признаков для разграничения областных антропологических типов в составе русского народа. Обнаруживает он определенную дифференциацию и на краниологических материалах (рис. 11). Дифференциация эта не достигает большого уровня — разница между крайними величинами не превышает стандартной величины квадратического уклонения, но проявляется в известной правильности географических вариаций признака. Можно сказать, что в целом центральная зона — зона расселения кривичей — характеризуется некоторым повышением черепного указателя и противопоставляется по нему северным районам — зоне расселения словен и южным районам — зоне расселения вятичей. Единственное исключение — серия из-под Витебска, которая попадает в группу словенских серий. Но она

так же малочисленна, как и смоленская. На территории расселения кривичей наиболее высокий черепной указатель серии из Тверской губернии, что соответствует ранее полученной информации о географическом распределении соматологических признаков. Минимальная величина на территории расселения словен — в серии из Архангельской губернии, что опять хорошо коррелирует с соматологическими данными.

Черепной указатель, как известно, совпадает с определяемой описательно формой черепной коробки в горизонтальной плоскости, так как он выражает то же соотношение, которое играет роль и в описательном определении — соотношение между поперечным и продольным диаметрами. На наших материалах также обнаруживается несомненная зависимость между этими двумя признаками. Наиболее распространенные формы — овоидная и сфероидная. Но если в северных районах — районах расселения потомков словен новгородских, где, как мы помним, черепной указатель ниже, преобладает овоидная форма черепной коробки, то в сериях потомков кривичей в соответствии с повышением указателя сфероидная форма встречается заметно чаще овоидной.

Ширина и наклон лобной кости. И по ширине лба, и по его наклону все исследованные русские серии характеризуются однородными величинами, попадающими в границы средних категорий этих признаков. Наибольшая ширина лба (наиболее употребительный размер для характеристики ширины лобной кости) колеблется между 97–99 мм, угол лба назион-метопион — между 82 и 86°. И в том и в другом случае разница между минимальной и максимальной величинами признака меньше квадратических уклонений. Но в отличие от предыдущих случаев, когда при такой же небольшой амплитуде групповых колебаний они обнаруживали относительно закономерное территориальное распределение, в данном случае мы не видим правильностей в их географических вариациях — оба признака распределяются более или менее дисперсно. То же самое можно сказать и про два других способа измерения тех же признаков — наибольшую ширину лба и угол лба глабелла-метопион к горизонтали.

Относительная ширина лба, выражаемая лобно-поперечным и лобным указателями, также стабильна в разных группах (67—68 единиц — лобно-поперечный указатель, 80—81 единица — лобный указатель) и также не обнаруживает ощутимых различий в сдвигах по отдельным районам. Поэтому указатели ничего не добавляют к характеристике изменчивости ширины лба, сделанной на основании абсолютных размеров. Иной способ определения наклона лба (высота изгиба лобной кости и соответствующий указатель) также дает стабильные величины, дисперсно распределяющиеся в пространство.

Ширина затылка. Этот признак, в целом попадающий в категорию средних величин, варьирует довольно значительно. Так, в серии из Петербургской губернии ширина затылка достигает величины, которую скорее можно рассматривать как большую. Разница между этой величиной и минимальной, зафиксированной в московской и витебской сериях, составляет 1,28 квадратического уклонения (за стандартную величину квадратического уклонения принято 4 мм). Однако, несмотря на значительную вариабильность, этот признак не отличается сколько-нибудь правильным распределением. Наибольшая и близкие к наименьшей величины отмечаются на территории ареала потомков словен, то же самое характерно и для территории расселения потомков кривичей, где наряду с минимальными величинами фиксируется в Вологодской губернии размер, близкий к максимальному.

Развитие рельефа черепа. Развитие надбровья характеризуется во всех сериях средними величинами (2,6—3,0 балла). В некоторых районах, как, например, в Архангельской губернии, наблюда-

ется некоторое повышение среднего балла до 3,2. Можно было думать, что это обстоятельство не случайно, так как повышение среднего балла падает на серию, в которой наряду с этим было отмечено выше увеличение продольного диаметра черепной коробки и уменьшение черепного указателя (признаков, связанных обратной межгрупповой зависимостью с развитием надбровья). Однако черепов из Архангельской губернии мало, а статистическая ошибка в этом признаке ввиду его сильной изменчивости (как, впрочем, и в других качественных признаках) высока. Поэтому наилучшим критерием реальности отклонения в данном случае было бы закономерное географическое распределение. Но его нет — очаги повышенного развития надбровья (Псковская, Костромская, Тверская, Витебская губернии, не считая Архангельской, дают величину развития надбровья, равную 3,0 мм и выше) не занимают сплошной территории.

Сосцевидные отростки во всех сериях также развиты средне (2,0—2,2 балла). Наблюдается значительная однородность по этому признаку во всех русских сериях. Единственное исключение составляют Псковская, Костромская и Архангельская губернии, где средний балл развития сосцевидных отростков равен соответственно 2,47, 2,39 и 2,31. Но и в этих случаях отличия от центральной величины очень невелики и не связаны территориально, почему им и не следует придавать значения.

Измерительный способ определения развития надбровья по разности величин углов назион-метопион и глабелла-метопион к горизонтали дает приблизительно 6,2—6,3° в качестве центральной величины. Территориальные колебания очень невелики и абсолютно неотчетливы. Наибольшая разница между двумя углами отмечена в архангельской серии, так же как и наибольшая величина среднего балла. Но это и понятно — корреляция между двумя способами определения надбровья высока, и практически мы имеем дело в обоих случаях с одним признаком, выражаемым по-разному. Таким образом, измерительный способ определения одного из элементов рельефа ничего не прибавляет к описательным характеристикам. Суммарно исследуемые серии характеризуются средним развитием рельефа и не обнаруживают ощутимых различий ни морфологически, ни территориально.

Размеры лицевого скелета. Ширина лица чаще всего находится в значительной корреляции с шириной черепной коробки и, следовательно, и с черепным указателем. Иногда эта зависимость сохраняется и при переходе от внутригруппового к межгрупповому масштабу изменчивости. Но в русских сериях такой зависимости не отмечается. Скуловая ширина, а также верхняя и средняя ширина лица вообще варьируют мало (см. рис. 12). Почти все серии отличаются грацильным лицевым скелетом и небольшой шириной лица, попадающей в границы малых величин. Исключением является петербургская серия, в которой скуловая ширина достигает 138,1 мм. Трудно представить себе, что такая величина отражает только случайность выборки — она получена на нескольких десятках наблюдений. Никакого специфического повышения ширины лица в северных районах незаметно, скорее наоборот, правда, в псковской серии скуловая ширина равна 132,2 мм на 15 черепах, но олонекская серия дает величину в 128,8 мм, близкую к минимуму, а в архангельской серии она меньше 130 мм. Но следует вспомнить, что петербургская серия отличается максимальной высотой черепной коробки и вообще значительными размерами черепа. Легче всего это объяснить тем обстоятельством, что в нее попали в довольно большом количестве черепа жителей непосредственно самого Петербурга, проживавших, несомненно, в лучших условиях, чем сельское население, и, как всякие городские жители, лучше развитых поэтому в физическом отношении. Это соображение позволяет не придавать увеличе-

нию скулового диаметра в петербургской серии существенного расово-диагностического значения. С другой стороны, в центральных районах, где намечилось повышение черепного указателя, также не обнаруживается тенденции к расширению лицевого скелета. В сериях из Московской и Ярославской губерний скуловая ширина ниже, чем в архангельской серии, причем ярославская серия состоит из нескольких десятков черепов. Серия из Рязанской губернии с территории расселения вятичей отличается, правда, по русскому масштабу относительной широколицестью. В итоге очевидно, что отметить какие-либо закономерности в территориальном распределении широтных диаметров лицевого скелета не удается.

Высотные диаметры лица отличаются сравнительно четким постоянством (см. рис. 13). Особенно это касается верхней высоты лица, так как полная высота лица ввиду отсутствия нижних челюстей определена на сравнительно небольшом числе черепов и поэтому подвержена случайным особенностям. Почти все серии попадают по верхней высоте в категорию средних величин этого признака, которые вообще наиболее характерны для представителей европеоидной расы. Только черепа населения Вологодской губернии выделяются неожиданно большой высотой лица, превосходя центральную величину более чем на 2 мм. Но, теоретически рассуждая, в этом нет ничего неожиданного. Когда мы имеем дело с большим количеством выборок из генеральной совокупности (под ней здесь подразумевается все русское население), то неизбежно встретиться с такой выборкой, которая будет отклоняться от генеральной совокупности довольно значительно. Полагаю, что именно с таким случаем мы и столкнулись, тем более, что число черепов с увеличенной высотой лица сравнительно невелико. Территориально в высоте лица не выделяется каких-либо закономерных очагов повышения или понижения признака — в целом ее распределение носит дисперсный характер.

Указатели лицевого скелета. Указатели, которые вычисляются применительно к лицевым размерам, несут двойную функцию — выражение соотношений между отдельными элементами лицевого скелета в целом или его элементами и черепной коробкой. Соответственно этому они подразделяются на две группы — собственно лицевые и фациоцеребральные указатели, к которым относятся вертикальный (соотношение между высотой лица и черепа) и горизонтальный (соотношение между шириной лица и черепа) указатели. В принципе их рассмотрение не прибавляет ничего нового к характеристике вариаций лицевых размеров. Групповые различия невелики по всем четырем указателям, а территориальное распределение их не обнаруживает никаких правильностей и характеризуется полной дисперсностью.

Размеры и указатели орбит. По ширине и высоте орбит русские серии не отличаются от других европеоидных серий. Центральной величиной для ширины орбиты от максиллофронтале является 41,5—42 мм, для орбитной ширины до дакриона — 40 мм, для высоты орбиты — 33 мм. Неожиданное понижение дакриальной ширины орбиты в московской серии до 38,9 мм, повышение максиллофронтальной ширины до 43,3 мм в рязанской серии и другие отклонения от центральных величин не носят закономерного характера. Это подтверждается тем обстоятельством, что они не образуют определенного ареала, оставаясь отклонениями единичных групп. Той же дисперсностью отличается территориальное распределение указателей, которые также стабильно колеблются вокруг определенных центральных величин — 77 для указателя от максиллофронтале и 83 для указателя от дакриона. Некоторое понижение обоих указателей отмечается в серии из Псковской губернии, наоборот, некоторое повышение — в вологодской серии. В соседних

сериях мы таких отклонений не замечаем, да и сами отклонения невелики по абсолютной величине и статистически недостоверны.

Размеры носа, носовой указатель, нижний край грушевидного отверстия. Высота носа, коррелирующая с высотой лица, имеет, однако, и самостоятельное значение, обнаруживая иногда дифференциацию там, где она не обнаруживается по высотным диаметрам лицевого скелета. В подавляющем большинстве исследованных серий высота носа колеблется между 50 и 51 мм. Два случая увеличения высоты носа имеют, по всей вероятности, разное значение и могут быть объяснены по-разному. Первый случай — увеличение высоты носа до 51,9 мм петербургской серии. Выше было отмечено, что эта серия вообще отличается сравнительно крупными диаметрами как черепной коробки, так и лицевого скелета. Последнее утверждение, правда, относится к ширине лица больше, чем к его высоте, но и верхняя высота лица в петербургской серии попадает по русскому масштабу скорее в категорию больших величин. Поэтому увеличение рассматриваемого размера в данном случае следует оценивать, по-видимому, как это мы уже и сделали по отношению к другим размерам, как частный случай интенсификации роста, в связи с тем что сама серия частично представляет городское население. Второй случай — увеличение высоты носа в сериях из Вологодской и Костромской губерний до 53,0 и 51,5 мм. Обе серии достаточно многочисленны и происходят из соседних губерний. Таким образом, окончательный сдвиг в величине размера проявляется здесь в двух выборах, связанных географически. Это обстоятельство не дает возможности считать его случайным и заставляет предполагать, что он отражает реальное увеличение высоты носа у населения Вологодской и Костромской губерний.

В вариациях ширины носа не удается обнаружить никаких существенных территориальных различий тем более, что по абсолютной величине они не достигают квадратического уклонения. Различия, почти соответствующие максимальным, проявляются иногда в близких губерниях (25,7 мм — олонекская серия, 24,5 мм — новгородская серия). Таким образом, по ширине носа все исследованные выборки демонстрируют единство, не обнаруживая никакой ощутимой дифференциации.

Величина носового указателя колеблется между 48 и 49 единицами, т. е. по межгрупповому масштабу является средней. Некоторое повышение заметно в смоленской серии, но оно не подтверждается аналогичными сдвигами в сериях из окружающих районов и, по-видимому, является случайным. Более внимательно следует отнестись к очагу некоторой широконосости, характерному для северных районов, — в сериях из Архангельской и Олонекской губерний величина носового указателя поднимается соответственно до 50,0 и 51,0. Так как такое отклонение, равное по величине приблизительно половине стандарта, охватывает серии из двух соседних районов, с ним уже трудно не считаться, как со случайным. Его ареал свидетельствует скорее в пользу предположения о том, что русские северных районов отличаются от русского населения других областей некоторой тенденцией к относительному расширению грушевидного отверстия.

Нижний край грушевидного отверстия характеризуется отчетливым преобладанием заостренных форм. Они встречаются приблизительно в три раза чаще, чем предносые ямки. В северо-западных и западных районах — в Смоленской, Витебской и Псковской губерниях — это соотношение падает до двух к одному. Но такой масштаб различий в соотношении разных категорий качественного признака недостаточен для того, чтобы признать их реальными даже при некоторой тенденции к территориальной группировке. Осторожно отказаться поэтому от утверждения о дифференциации русского населения по этому признаку.

Размеры нёба и нёбный указатель. По длине нёба различия между населением отдельных областей очень малы и не группируются в какие-либо территориальные комплексы. Вариации ширины нёба также очень невелики и распределяются по территориям дисперсно. Соотношение этих размеров, выражаемое нёбным указателем, несколько более отчетливо дифференцирует группы. Центральной величиной нёбного указателя является величина в 87—89 единиц. Отклонения от нее в сторону увеличения фиксируются в костромской серии (отклонение остается единичным и не сопровождается аналогичным увеличением указателя в соседних районах), а также в сериях из северо-западных и западных районов — на Смоленской и Витебской областях. В последнем случае оно, по-видимому, реально, так как соответствует определенному этническому единству (потомки западных кривичей) и имеет определенный ареал. Широким относительно нёбом отличаются также потомки вятичей — население Рязанской губернии, но это население представлено всего одной серией, к тому же немногочисленной, и поэтому трудно судить, насколько представление об их широконёбности, опирающееся на эту единичную серию, будет соответствовать реальной действительности.

Выступление носа. Различные способы определения выступления носа — угловой, измерительный (симотическая и дакриальная высоты), вычисление соответствующих указателей и описательный (балловая характеристика передненосовой сети) — связаны между собой и дают согласованные коррелирующие величины, но имеют и самостоятельное значение, так как характеризуют различные элементы строения носа в целом: угол — выступание носа, дакриальные и симотические размеры — выступание переносья и т. д. Поэтому вариации отдельных признаков, характеризующих выступание носа, не только повторяют, но и дополняют друг друга. Поэтому же отклонения по разным признакам, согласованно идущие в одном направлении, увеличивают вероятность того, что эти отклонения имеют реальное расогенетическое значение.

По углу выступления носа все исследованные серии за немногочисленными исключениями характеризуются типично европеоидными величинами в 30—31° (см. рис. 14). Исключения эти падают на серии из Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний. В архангельской серии нос выступает меньше, чем в среднем в русских сериях на 2°, т. е. на половину среднего квадратического уклонения. Что же касается олонецкой и вологодской серий, то там уменьшение угла носа приблизительно равно среднему квадратическому уклонению. Аналогичный сдвиг мы имеем в северо-западных районах. Любопытно, что на севере уменьшение угла носа образует определенный ареал, а вообще оно распространяется на окраинные районы расселения русского народа, где весьма вероятно соприкосновение в недалеком прошлом с финскими и балтийскими группами. И масштаб различий, и известная последовательность в их территориальном распределении не позволяют пренебречь ими как несущественными. Есть все основания думать, что они отражают реальное уменьшение выступления носа в северных, северо-восточных и северо-западных группах русского народа.

В вариациях дакриальных и симотических размеров, а также вычисленных на их основе указателей заметна та же закономерность — уменьшение высоты переносья в сериях из северных и северо-западных районов и в вологодской серии (см. рис. 15). Правда, в некоторых других сериях также фиксируется уменьшение того или иного размера, характеризующего высоту переносья. Так, например, в московской серии понижена симотическая высота. Но в отличие от вышеперечисленных серий это понижение остается единичным сдвигом, тогда как там аналогичное понижение проявляется и в дакриальной высоте, а также в

обоих указателях. Так как понижение переносья проявляется в тех же районах, что и уменьшение угла носовых костей к линии лицевого профиля, оно, как уже указывалось выше, дополнительно подтверждает реальность отличий населения Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний от населения других областей по этим признакам.

По развитию передне носовой кости не наблюдается таких заметных и четко распределяющихся по территории различий между населением отдельных областей, как по углу носа, дакриальным и симотическим высотам и указателям. Но как раз морфологическая связь развития передне носовой кости с другими признаками, определяющими выступание носа, наименьшая. Поэтому она варьирует относительно независимо. Вариации эти достигают 0,8—0,9 балла, но распределяются абсолютно дисперсно. Поэтому вариации этого признака во всяком случае не противоречат заключению, которое мы делаем на основании других признаков этой группы о заметном отличии архангельской, олонецкой и вологодской серий от других групп по выступанию носа и о расодиагностическом значении этого отличия.

Вертикальная профилировка лицевого скелета. И по общему углу лицевого профиля, и по указателю выступания лица все русские серии попадают в категорию, промежуточную между орто- и мезогнатной. Некоторые серии отличаются мезогнатией по углу, другие — по указателю. Но и в том и в другом случае трудно выделить на карте определенные территориальные комплексы однородных вариаций. В отдельных сериях и угол и указатель дают однородные показатели — архангельская и псковская серии, но в соседних группах не обнаруживается сходных по величине сочетаний. В общем географическое распределение обоих признаков, характеризующих выступание лицевого скелета в вертикальной плоскости, не обнаруживает каких-либо закономерностей и по ним невозможно дифференцировать исследованные группы.

Не лишено интереса то обстоятельство, что перегиб лицевого профиля на уровне нижнего края грушевидного отверстия выражен в обратную сторону по сравнению с подавляющим большинством других серий — альвеолярный угол больше общего, а не наоборот. Значение этого обстоятельства неясно ни морфологически, ни генетически.

Горизонтальная профилировка лицевого скелета. По назомолярному и по зигомаксиллярному углам все исследованные серии отличаются резкой профилировкой (см. рис. 16 и 17). Последнее обстоятельство совсем не было очевидно заранее, так как мы уже отметили три серии, характеризовавшиеся пониженным выступанием носа, а этот признак связан с горизонтальной профилировкой очень существенной исторической корреляцией. Но черепа этих трех серий так же резко профилированы в горизонтальной плоскости. Архангельская и олонецкая серии занимают даже по назомолярному углу место, близкое к минимальным вариациям в пределах русских. По зигомаксиллярному углу зато, наоборот, на юге может быть отмечена зона его уменьшения. Но, во-первых, различия между южными и северными районами ничтожны по абсолютной величине (1—2°), во-вторых, они не абсолютны: московская серия сближается с северными, новгородская — с южными. Таким образом, если и можно говорить о какой-то тенденции в сдвигах зигомаксиллярного угла в северных и южных районах, то лишь с большой осторожностью. Различия в глубине клыковой ямки также неопределенны (единственное резкое отклонение от центральной величины в 5,0—5,5 мм — 4,2 мм в олонецкой серии — остается единичным). В общем, следовательно, нет достаточных оснований для включения признаков, отражающих степень профилированности лицевого скелета в горизонтальной плоскости, в число дифференцирующих признаков на нашем материале.

Общая характеристика. Итак, краниологические особенности русского народа совершенно очевидны из предшествующего изложения. Русские серии в целом характеризуются среднелинней и среднеширокой черепной коробкой скорее малой высоты. Форма черепной коробки при взгляде сверху преимущественно овоидная или сфероидная, что находится в полном совпадении с брахикранией, выраженной, правда, нерезко. И по ширине лба, и по ширине затылка русские серии попадают в категории средних величин. Наклон лба средний, как и развитие надбровья, а также других элементов рельефа черепа. Ширина лица малая, высота лица — средняя, орбиты средней высоты и ширины, размеры носа так же не выходят за пределы средних величин, как и указатели — носовой и орбитный. Носовые кости по отношению к профилю лица выступают в целом значительно, как и переносье. По вертикальной профилировке лицевого скелета исследованные серии занимают промежуточное место между ортогнатными и мезогнатными вариантами, в горизонтальной плоскости они профилированы резко и приближаются к вариантам, характеризующимся минимальными величинами даже в пределах вариаций европеоидных серий.

При рассмотрении краниологического типа русских серий следует специально подчеркнуть одно чрезвычайно важное обстоятельство. Речь идет об исключительном морфологическом сходстве, которое проявляется при сопоставлении всех находящихся в нашем распоряжении материалов. Разумеется, некоторые отклонения от центральных величин фиксируются в каждой серии, но они очень невелики по масштабу и не образуют комплексов. Тот средний тип, который только что охарактеризован, образует поэтому не абстракцию, полученную путем усреднения резко различающихся величин отдельных признаков, а реальную комбинацию, которая проявляется во всех сериях, занимая в них по своему удельному весу преобладающее положение. Все локальные отклонения, кстати сказать мозаично сочетающиеся и на географических картах, фиксируются, если можно так выразиться, в пределах единого гомогенного типа. Это основной выход из рассмотрения географической изменчивости краниологических признаков на территории расселения русского народа.

Заключение это имеет особую важность в связи с отмеченным в «Методических указаниях» 2-й главы многообразием расообразовательного процесса на разных территориях и в разных этнических группах. Отсутствие серьезных географических рубежей, сравнительное однообразие, если говорить о географической обстановке, ареала русского народа, распространение на огромной территории единого языка, хотя и распадающегося на диалекты, но родственные и понятные на всей территории расселения русских (Аванесов, 1949), наконец, отсутствие социальной изоляции (каких-либо обычаев наподобие эндогамии и т. д.) — все это в конечном итоге привело к тому, что характерная для русского населения комбинация краниологических признаков распространена на огромной территории от Архангельска до Курска и от Смоленска до Вологды и Пензы. Различия между территориальными группами не зависят от расстояния между ними, т. е. не являются функцией географической изменчивости — различия между близкими территориально сериями ничуть не меньше, чем между удаленными. Очевидно, в этих обстоятельствах особую роль играет изменчивость от случайных причин в каждом отдельном случае, сдвигающих средние на небольшие величины в самых разнообразных направлениях и способствующих мозаичности территориальных сочетаний признаков. Большая роль локальной изменчивости в формировании на территории Русской равнины демонстрируется и соматологическими материалами (Происхождение..., 1965). Таким образом, из двух резко различных и во многом противоположных

ных типов расообразования, которые могут быть выделены в настоящее время, на территории расселения русского народа, преобладающую роль играет тип расообразования, который связан не с типологической, а с локальной изменчивостью. Поэтому все локальные вариации морфологического типа на территории Русской равнины демонстрируют низкий уровень морфологической дифференциации и не отличаются сколько-нибудь отчетливой морфологической специфичностью.

Этот вывод о гомогенности русского населения имеет лишь одно ограничение — заметный сдвиг в признаках, характеризующих выступание носа, в архангельской, олонекской, вологодской, витебской и смоленской сериях. Выступание носа связано с комплексом признаков, характеризующих основные расовые деления человечества, и поэтому уменьшение выступания носа могло бы рассматриваться как аргумент в пользу наличия в составе населения, оставившего эти три серии, небольшой монголоидной примеси. Но по углам горизонтальной профилировки, которые должны были бы заметно увеличиться в этом случае, серии из Архангельской, Олонекской, Вологодской, Витебской и Смоленской губерний не отличаются от остальных. Наоборот, архангельская и олонекская серии занимают близкое к минимуму место по величине назомаллярного угла — меньшая величина этого угла фиксируется только в новгородской серии. Поэтому о монголоидной примеси в прямом смысле этого слова говорить как будто довольно трудно. Однако, как бы там ни было, речь идет о значительном сдвиге в изменчивости по таксономически важным признакам, и причина его должна послужить предметом серьезного анализа, когда мы перейдем к расогенетическому осмыслению и толкованию наблюдаемых фактов. Другие отмеченные в рассмотренных материалах различия также, по-видимому, отражающие реальную действительность, в вариациях черепного указателя (у потомков словен и вятичей он меньше, чем у потомков кривичей, а у последних выше всего в костромской и тверской группах) и в вариациях носового указателя (увеличение его в сериях из Архангельской и Олонекской губерний) затрагивают признаки гораздо более низкого таксономического ранга, но должны быть исследованы и оценены под тем же углом зрения выявления их расогенетического значения в данном случае, т. е. выявления путей их дифференциации и ее причины.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИВИЧЕЙ, ВЯТИЧЕЙ И СЛОВЕН НОВГОРОДСКИХ

К краниологическим материалам из славянских курганов исследователи антропологии Восточной Европы обращались, как уже указывалось в историографическом введении, неоднократно, и практически само изучение палеоантропологии Восточной Европы с использованием массовых данных, а не единичных находок началось с работы А. П. Богданова, посвященной краниологии славян (Богданов, 1867). Им были изучены как средневековые серии, так и серии из более поздних московских кладбищ. Отметив различие в черепном указателе между ранними и поздними сериями, А. П. Богданов сначала не исключал того, что оно происходит за счет появления нового населения, но позже вполне определенно высказал и аргументировал мысль об изменении типа во времени и о возможности и даже вероятности перестройки долихокранной формы в брахикранную (Богданов, 1892). Несколько работ, перечисленных в первой главе и изданных после публикаций А. П. Богданова, вводили в науку новые данные, но не поднимались над их эмпирическим описанием и не содержали их серьезного анализа (статьи Н. Ю. Зографа, Н. П. Константинова-Шипунина и Д. В. Держва).

Ровно через 40 лет после публикации последнего труда А. П. Богданова появилась работа В. В. Бунака, в которой было произведено тщательное сравнение краниологического типа восточнославянских племен — вятичей, северян и кривичей (Бунак, 1932а). Среди северян и вятичей преобладал, по его мнению, один из вариантов восточносредиземноморского типа, названный В. В. Бунаком северопонтийским, среди кривичей — варианты балтийской или северной расы. В составе северян была отмечена примесь брахикранного компонента. Для объяснения отличий долихокранного средневекового населения от современного брахикефального В. В. Бунак предложил чрезвычайно плодотворную гипотезу увеличения черепного указателя под влиянием смешения.

Следующий этап в изучении краниологии восточнославянских племен связан с исследованиями Г. Ф. Дебеца (1932, 1948) и Т. А. Трофимовой (1941, 1946, 1951). Т. А. Трофимовой исследованы материалы по краниологии вятичей и восточных кривичей, а также по краниологии русского населения XVI—XVIII вв. Москвы и подмосковных районов. Г. Ф. Дебец изучил средневековые краниологические серии с территории Белоруссии и Украины, представляющие славянские племена радимичей, кривичей, драговичей, северян и древлян, а также серию новгородских словен.

Этими исследованиями были охвачены практически все материалы, хранившиеся в музеях Советского Союза к началу Великой Отечественной войны, и количество фактических данных увеличено по сравнению с предшествующими работами в несколько раз. Своеобразные особенности были отмечены у вятичей и рязанских кривичей — уменьшение размеров черепа, некоторое увеличение черепного указателя, уменьшение угла носовых костей к линии профиля. Оба исследователя поставили эти особенности в связь с влиянием того типа, который в настоящее время составляет характерное отличие восточнофинских народов и образовался при участии древней монголоидной примеси. Но они разошлись в оценке масштабов этого влияния — Т. А. Трофимова считала вятичей целиком представителями этого типа, Г. Ф. Дебец полагал, что он представлен в составе вятичей в виде примеси.

Интенсивное накопление палеоантропологических данных из восточнославянских могильников в результате раскопок послевоенных лет, а также усовершенствование краниологической методики, выразившееся в расширении программы измерений и в более точной фиксации ряда размеров, потребовали повторного изучения уже исследованных серий вместе с монографической обработкой всех новых материалов (Алексеева, 1960, 1961, 1961а, 1963, 1964; Седов, 1952). Все это позволило выявить отличия восточнославянского населения от финского по уплощенности лицевого скелета и выступанию носа даже на тех территориях, где славянские и восточнофинские могильники встречаются вперемежку и где, следовательно, можно ожидать интенсивное смешение между финским и славянским населением. С другой стороны, сопоставление всех этих данных позволило выделить в составе средневекового восточнославянского населения территориальные варианты, различающиеся по ширине лица и черепному указателю, и показать, что ширина лица в целом последовательно убывает с запада на восток, а черепной указатель обнаруживает тенденцию к увеличению в трех районах — в районе расселения полян по среднему течению Днепра, в районе расселения северо-восточных кривичей и вятичей в Ярославской, Костромской, Владимирской и Рязанской областях и в зоне расселения словен новгородских вокруг озера Ильмень. Кроме этого, аналогичная тенденция к суббрахикрании была выявлена у средневекового населения городов Чернигова, Киева, Любеча и Старой Рязани. Основываясь на всех этих дан-

ных, Т. И. Алексеева (1961) предложила схему антропологической типологии восточнославянских племен, базирующуюся на сочетании скуловой ширины и черепного указателя. Итак, в нашем распоряжении имеются обширные серии из средневековых могильников для сопоставления с данными по краниологии современного русского населения. Они суммированы в табл. 11—14. Данные для них взяты из вышеупомянутых работ Т. Н. Алексеевой и В. В. Седова (см. также Происхождение..., 1965, гл. XIV), причем по сериям словен новгородских представлены суммарные данные, полученные из суммирования средних по отдельным могильникам. Основанием для такого суммирования служит сравнительно небольшой ареал, на котором группируются все эти могильники; почти все они практически могут быть приурочены к северным и северо-западным районам Новгородской губернии. Серия из Петербургской губернии (Ольгин крест и другие могильники) получена при суммировании данных Т. И. Алексеевой (1963) и К. Ю. Марк (1956). Краниологический материал из могильников западных кривичей вокруг Полоцка был утрачен почти полностью во время войны. Он не исследовался повторно и включен в таблицы по данным Г. Ф. Дебеца (1932). Некоторые дополнительные измерения произведены на черепах, сохранившихся в Музее антропологии МГУ, что объясняет резкое расхождение в количестве наблюдений по определенным признакам. Там же измерены и женские черепа, которые Г. Ф. Дебеч не измерял (№ 1940—1943, 1945, 1947—1948, 1950—1952). Рядом с данными по средневековым сериям, сгруппированным в соответствии с достигнутым сейчас уровнем определения этнических племенных границ (Арциховский, 1930; Третьяков, 1931, 1941, 1953; Никольская, 1949; Соловьева, 1956; Седов, 1960), в таблицах приводятся средние по современным группам, которые генетически могут быть увязаны с соответствующими средневековыми (исключение сделано лишь для некоторых женских серий ввиду их малочисленности — смоленской, костромской и ярославской).

Существуют ли какие-либо закономерные различия между современным и средневековым населением и если существуют, то в каких признаках они проявляются? Оказывается, эти различия охватывают особенности как черепной коробки, так и лицевого скелета и в совокупности образуют вполне определенный комплекс. Он состоит из шести признаков, определяемых на черепной коробке, — длины, ширины и высоты черепной коробки, черепного указателя, длины основания лица и ширины лобной кости, т. е. практически почти из всех признаков черепной коробки, данные о которых находятся в нашем распоряжении. В современных сериях по сравнению со средневековыми продольный и высотный диаметры черепной коробки меньше, поперечный диаметр черепной коробки, черепной указатель и наименьшая ширина лобной кости больше, длина основания черепа короче. Только надбровье и угол наклона лобной кости не обнаруживают определенных различий. Из особенностей лицевого скелета аналогичные закономерные сдвиги могут быть отмечены в 14 признаках — скуловой ширине, верхней высоте лица и верхнем лицевом указателе, высоте орбиты и орбитном указателе, размерах носа и носовом указателе, дакриальной и симотической высотах, дакриальном и симотическом указателях, угле носовых костей к линии профиля и зигмаксиллярном угле горизонтальной профилировки. Из оставшихся шести признаков два — длина основания лица и ширина орбиты — также различаются в средневековых и современных сериях, хотя и менее закономерно, чем только что перечисленные признаки. На современных черепах по сравнению со средневековыми уже и выше лицевой скелет и соответственно этому больше верхний лицевой указатель (исключение составляет только петербургская серия, об особом происхождении которой уже говорилось), несколько короче основание лица, несколько шире и

Сопоставление средневекового и современного русского населения северных, северо-западных и западных областей ♂

	Губерния		Новгородская (слоvene)		Вятская (крявизи)		Смоленская (крявизи)	
	Признаки		современная		XI—XIII вв.		X—XIV вв.	
	XI—XIV вв.	современная	XI—XIV вв.	современная	XI—XIII вв.	современная***	X—XIV вв.	современная
1. Продольный диаметр	180,2 (35)	180,3 (42)	183,9 (126)	179,2 (25)	189,8 (29)	175,7 (11)	184,7 (43)	173,4 (16)
8. Поперечный диаметр	141,1 (34)	145,2 (42)	141,9 (123)	145,3 (25)	138,4 (29)	140,7 (11)	133,1 (43)	141,1 (16)
8:1. Черепной указатель	78,5 (34)	80,7 (42)	77,2*	80,5 (25)	73,1 (29)	80,2 (11)	74,7 (39)	81,4 (16)
17. Высотный диаметр (ba—br)	134,4 (33)	134,5 (41)	136,5 (115)	132,8 (24)	135,3 (27)	129,5 (11)	134,6 (38)	131,7 (16)
5. Длина основания черепа	99,9 (33)	101,2 (42)	101,8 (105)	100,7 (25)	104,3 (26)	97,9 (11)	101,9 (39)	98,4 (16)
9. Наименьшая ширина лба	95,6 (36)	98,4 (42)	97,6 (113)	99,0 (25)	98,4 (27)	98,1 (11)	95,6 (41)	96,9 (16)
32. Угол лба (па—пе)	84,2 (29)	84,1 (41)	85,2 (91)	83,2 (24)	83,7 (24)	83,3 (11)	83,3 (15)	83,6 (15)
3. Лобные (1—6 по Мартину)	3,14 (37)	2,88 (42)	3,43 (117)	2,84 (25)	3,44 (25)	3,09 (11)	3,25 (44)	2,63 (16)
40. Длина основания лица	96,3 (30)	97,7 (39)	97,4 (70)	97,4 (24)	99,7 (24)	96,4 (11)	99,0 (22)	95,5 (16)
45. Скуловая ширина	131,5 (27)	133,1 (41)	132,5 (60)	131,2 (25)	135,6 (14)	129,1 (11)	132,2 (21)	128,6 (16)
48:45. Верхняя высота лица	67,4 (32)	70,9 (41)	68,7 (88)	71,0 (24)	67,4 (24)	69,9 (11)	68,1 (29)	68,4 (16)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,3 (26)	53,4 (40)	51,8*	53,7 (24)	50,4 (14)	54,2 (11)	51,2 (20)	53,3 (16)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	42,9 (32)	43,0 (42)	43,3 (89)	42,2 (25)	42,0 (24)**	42,4 (11)	42,6 (26)	43,0 (16)
52. Высота орбиты (лев.)	33,2 (31)	33,2 (41)	31,5 (90)	32,9 (25)	30,7 (24)	32,3 (11)	32,0 (28)	33,2 (16)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	77,4 (27)	77,3 (41)	72,7*	77,5 (25)	73,1*	76,2 (11)	76,1 (26)	77,3 (16)
54. Ширина носа	26,3 (25)	25,0 (42)	24,9 (88)	24,5 (25)	25,5 (22)	24,3 (11)	25,0 (30)	24,9 (16)
55. Высота носа	49,8 (33)	51,9 (42)	49,5 (90)	50,7 (25)	49,7 (25)	50,0 (11)	49,8 (30)	49,8 (16)
54:55. Носовой указатель	52,9 (25)	48,1 (42)	50,3*	48,7 (25)	51,6 (22)	48,6 (11)	50,2 (16)	50,2 (16)
DC. Дакриальная хорда	22,0 (23)	21,2 (37)	22,4 (73)	21,6 (24)	21,1 (7)	21,2 (11)	21,3 (29)	20,1 (14)
DS. Дакриальная высота	12,7 (23)	12,8 (37)	12,3 (71)	12,5 (24)	13,5 (7)	11,9 (11)	11,9 (29)	11,8 (14)
DS:DC. Дакриальный указатель	58,2 (23)	60,4 (37)	54,9*	58,4 (24)	64,3 (7)	56,9 (11)	55,9 (29)	59,3 (14)
SC. Симотическая хорда	9,5 (32)	9,2 (42)	9,6 (76)	10,1 (25)	9,7 (8)	9,7 (10)	9,1 (31)	8,9 (16)
SS. Симотическая высота	4,4 (32)	4,6 (42)	4,6 (74)	5,1 (25)	5,1 (8)	4,6 (10)	4,3 (32)	4,3 (16)
SS:SC. Симотический указатель	46,8 (32)	49,9 (42)	47,9*	51,4 (25)	50,4 (8)	49,5 (10)	46,1 (31)	48,9 (16)
72. Угол профиля лица общий	83,6 (26)	84,9 (39)	84,9 (74)	86,0 (23)	85,9 (21)	83,0 (11)	83,9 (19)	83,4 (16)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля								
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo)	30,3 (20)	30,1 (37)	32,1 (71)	31,9 (23)	32,0 (9)	28,8 (10)	27,5 (15)	28,1 (16)
Зитомаксиллярный угол (zmf—ss—zmf)	139,8 (27)	138,5 (42)	138,5 (69)	135,9 (25)	138,8 (5)	139,6 (11)	138,4 (26)	137,3 (16)
	126,3 (23)	126,0 (44)	125,5 (56)	123,5 (25)	124,5 (4)	125,6 (11)	126,9 (14)	124,7 (16)

* Индекс средних.

** Вычислено по ширине от дакрина, равной 39,5 мм.

Средняя разница в 2,5 мм определена на 20 современных восточнославянских сериях.

*** Здесь и далее под современностью подразумеваются два последних столетия.

Сопоставление средневекового и современного русского населения северных, северо-западных и западных областей ♀

Губерния	Новгородская (словене)		Витебская (кривичи)		Смоленская (кривичи)
	Новгородская (словене)		Витебская (кривичи)		
	XI—XIV вв.	современная	XI—XIII вв.	современная	
1. Продольный диаметр	169,8 (22)	169,1 (15)	176,0 (106)	179,2 (4)	176,9 (31)
8. Поперечный диаметр	137,0 (22)	140,6 (15)	137,2 (107)	134,8 (5)	132,8 (32)
8:1. Черепной указатель	80,8 (22)	81,9 (15)	78,0*	75,8 (4)	75,5 (28)
17. Высотный диаметр (ba—br)	128,5 (20)	125,6 (15)	130,0 (99)	132,3 (3)	127,7 (28)
5. Длина основания черепа	95,8 (20)	94,3 (15)	97,8 (99)	96,0 (2)	94,4 (27)
9. Наименьшая ширина лба	92,7 (23)	92,6 (15)	95,0 (106)	95,0 (3)	94,8 (31)
32. Угол лба (па—ме)	85,3 (18)	84,7 (15)	87,0 (90)	—	87,1 (17)
Надбровье (1—6 по Мартину)	1,74 (23)	2,13 (15)	1,80 (104)	1,75 (4)	1,61 (31)
40. Длина основания лица	92,4 (22)	93,6 (13)	94,1 (76)	—	92,1 (15)
45. Скуловая ширина	122,3 (19)	125,0 (15)	126,1 (58)	126,0 (1)	125,7 (15)
48. Верхняя высота лица	64,2 (21)	68,1 (13)	64,6 (84)	—	63,3 (23)
48:45. Верхний лицевой указатель	52,6 (19)	54,0 (13)	51,2*	—	48,6 (14)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	41,3 (20)	41,6 (15)	41,9 (97)	—	40,8 (23)
52. Высота орбиты (лев.)	33,4 (20)	33,4 (15)	31,5 (97)	—	32,7 (22)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	81,7 (20)	82,2 (15)	75,2*	—	79,8 (22)
54. Ширина носа	25,4 (16)	25,2 (15)	24,3 (89)	—	24,7 (20)
55. Высота носа	47,4 (21)	49,2 (15)	46,8 (94)	—	46,8 (23)
54:55. Носовой указатель	53,9 (16)	51,3 (15)	51,9*	—	52,3 (20)
DS. Дакриальная хорда	21,5 (14)	19,5 (14)	22,0 (78)	—	21,1 (22)
DS. Дакриальная высота	11,0 (14)	10,8 (14)	11,0 (77)	—	10,6 (22)
DS:DC. Дакриальный указатель	51,6 (14)	57,2 (14)	50,0*	—	50,0 (22)
SC. Симотическая хорда	9,3 (18)	9,4 (14)	9,5 (80)	—	9,4 (24)
SS. Симотическая высота	3,6 (18)	4,8 (14)	3,9 (81)	—	4,0 (24)
SS:SC. Симотический указатель	38,1 (18)	48,4 (14)	41,1*	—	42,5 (24)
72. Угол профилей лица общий	82,5 (17)	81,4 (12)	83,9 (81)	—	83,9 (14)
75 (1). Угол носовых костей к линии профили	23,6 (10)	27,0 (11)	25,9 (62)	—	22,3 (9)
77. Назомалярный угол (fпо—п—fпо)	139,5 (18)	140,4 (15)	140,0 (96)	141,3 (3)	138,0 (21)
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	123,8 (11)	123,9 (15)	126,8 (54)	—	126,5 (8)

* Индекс средних.

Сопоставление средневекового и современного

Губерния	Костромская (кривичи)		Ярославская
	Х—XIV вв.	современная	Х—XIV вв.
Признаки			
1. Продольный диаметр	179,1 (47)	177,0 (30)	182,2 (73)
8. Поперечный диаметр	137,3 (48)	145,1 (29)	138,6 (69)
8:1. Черепной указатель	77,1 (43)	82,1 (29)	76,5 (66)
17. Высотный диаметр (ba—br)	132,8 (46)	132,4 (28)	135,5 (65)
5. Длина основания черепа	99,8 (47)	99,2 (29)	102,3 (66)
9. Наименьшая ширина лба	94,0 (50)	97,1 (31)	96,9 (67)
32. Угол лба (па—те)	81,8 (33)	82,2 (29)	84,1 (45)
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,86 (50)	3,03 (31)	3,01 (69)
40. Длина основания лица	97,4 (34)	95,7 (29)	95,7 (50)
45. Скуловая ширина	130,5 (36)	131,8 (29)	130,0 (34)
48. Верхняя высота лица	68,1 (39)	70,3 (29)	67,3 (53)
48:45. Верхний лицевой указатель	55,4 (31)	54,1 (27)	52,1 (22)
51. Ширина орбиты от mī (лев.)	41,7 (41)	42,7 (31)	41,0 (55)
52. Высота орбиты (лев.)	32,2 (41)	34,6 (31)	32,1 (56)
52:51. Орбитный указатель от mī (лев.)	77,3 (40)	78,1 (31)	78,1 (55)
54. Ширина носа	25,7 (41)	25,0 (31)	25,5 (50)
55. Высота носа	49,0 (42)	51,5 (31)	49,0 (53)
54:55. Носовой указатель	51,4 (41)	48,5 (31)	52,1 (50)
DC. Дакриальная хорда	21,3 (38)	21,3 (24)	20,5 (54)
DS. Дакриальная высота	11,6 (38)	12,6 (24)	11,0 (53)
DS:DC. Дакриальный указатель	54,8 (38)	58,1 (24)	55,0 (53)
SC. Симотическая хорда	9,8 (44)	9,7 (31)	8,9 (57)
SS. Симотическая высота	4,1 (44)	4,7 (31)	4,2 (57)
SS:SC. Симотический указатель	41,8 (44)	48,7 (31)	47,2 (57)
72. Угол профиля лица общий	82,5 (27)	84,2 (26)	84,1 (46)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	25,5 (14)	31,7 (26)	26,5 (30)
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	138,2 (42)	139,3 (31)	138,9 (52)
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	127,9 (24)	123,9 (31)	127,4 (32)

* Учтена работа Т. В. Равдиной (1965), в которой содержится обоснование нижней даты вятических

определенно выше орбиты (как абсолютно, так и относительно), выше нос и уже грушевидное отверстие, а следовательно, меньше носовой указатель, заметно сильнее выступают носовые кости и значительно более резко профилирована нижняя часть лицевого скелета. Различий заметно только в четырех признаках — дакриальной ширине, симотической ширине, угле общего профиля лица и назомаллярном угле горизонтальной профилировки.

Принимая во внимание имеющиеся в литературе сведения о корреляциях черепных размеров (Pearson, Davin, 1924; Wallis; 1934; Рогинский, 1954), можно определенно сказать, что предыдущий довольно длинный список измерений может быть сокращен, так как они связаны прямой или обратной морфофизиологической корреляцией и отражают строение каких-то более общих элементов черепной коробки и лицевого скелета. Так, на черепной коробке речь фактически идет лишь о двух факторах — изменении формы черепной коробки, ее расширении, и уменьшении высоты черепной коробки. С перестройкой формы черепной коробки в горизонтальной плоскости связаны уменьшение продольного диаметра, умень-

русского населения центральных областей ♂

(кривичи)	Тверская и Московская (кривичи)			Владимирская и Рязанская (кривичи)	Московская и Рязанская (вятичи)	
	современная	X—XIV вв. (тверская)	современная (тверская)	современная (московская)	X—XIV вв.	XII—XIII вв.*
177,3 (47)	183,5 (80)	175,8 (65)	176,7 (12)	183,1 (24)	183,3 (167)	176,9 (23)
143,1 (46)	136,4 (76)	145,5 (65)	142,8 (12)	136,0 (21)	135,2 (159)	142,9 (23)
81,2 (46)	74,3 (73)	83,0 (65)	80,9 (12)	74,3 (21)	74,1 (156)	80,9 (23)
132,6 (44)	136,7 (72)	132,8 (63)	129,9 (12)	134,9 (21)	135,3 (137)	131,1 (22)
99,9 (47)	102,3 (72)	99,7 (65)	98,6 (12)	100,1 (21)	101,4 (136)	99,1 (21)
98,1 (47)	95,7 (83)	98,1 (66)	95,4 (12)	94,1 (19)	95,3 (161)	95,5 (23)
84,5 (44)	84,1 (58)	84,3 (64)	81,3 (12)	83,7 (12)	83,2 (118)	82,4 (23)
2,85 (47)	3,13 (84)	3,14 (66)	2,92 (12)	2,76 (25)	3,00 (159)	2,61 (23)
96,7 (45)	97,4 (46)	97,0 (65)	96,4 (12)	97,8 (14)	96,9 (102)	95,7 (20)
129,4 (46)	130,7 (44)	130,6 (66)	129,8 (12)	129,6 (10)	129,3 (81)	132,0 (22)
69,5 (46)	66,1 (55)	69,6 (66)	68,3 (12)	67,2 (20)	66,8 (120)	70,5 (22)
53,8 (45)	50,4 (36)	53,5 (66)	52,7 (12)	54,3 (10)	52,4 (69)	54,3 (21)
42,6 (47)	41,6 (66)	42,5 (66)	41,6 (12)	41,7 (19)	41,6 (135)	43,4 (23)
33,7 (46)	31,8 (67)	32,9 (66)	32,5 (12)	32,9 (21)	32,0 (134)	33,3 (23)
79,0 (46)	76,4 (66)	77,4 (66)	78,3 (12)	79,3 (19)	76,9 (133)	76,7 (23)
24,8 (47)	25,4 (63)	24,6 (66)	24,3 (12)	25,3 (18)	24,9 (128)	25,0 (23)
51,1 (47)	48,3 (65)	50,4 (66)	50,2 (12)	49,5 (20)	48,9 (132)	50,9 (23)
49,0 (47)	52,8 (63)	49,1 (66)	48,6 (12)	51,4 (18)	50,9 (128)	49,4 (23)
21,6 (42)	21,8 (62)	21,6 (63)	20,4 (12)	20,6 (20)	21,0 (139)	21,1 (21)
13,0 (42)	11,7 (62)	12,7 (63)	12,5 (12)	11,6 (20)	11,6 (138)	12,4 (21)
61,3 (42)	53,5 (62)	59,3 (63)	61,7 (12)	54,7 (20)	56,8 (136)	59,4 (21)
9,7 (47)	9,1 (66)	9,2 (65)	8,7 (11)	8,7 (19)	9,0 (144)	8,9 (23)
4,7 (47)	4,3 (66)	4,7 (65)	4,4 (11)	4,1 (19)	4,2 (144)	4,5 (23)
48,9 (47)	47,0 (66)	51,3 (65)	52,7 (11)	47,1 (19)	48,0 (137)	51,3 (23)
83,8 (42)	82,0 (41)	83,9 (63)	84,8 (12)	84,5 (10)	84,3 (104)	84,2 (22)
31,0 (42)	28,6 (25)	32,2 (62)	31,1 (12)	23,7 (7)	27,4 (73)	31,2 (22)
137,6 (47)	138,6 (71)	138,1 (66)	138,6 (12)	138,1 (13)	137,8 (139)	138,1 (23)
122,2 (46)	127,1 (40)	123,2 (66)	125,9 (12)	130,4 (7)	127,9 (90)	123,2 (23)

курганов (XIII, а не XIV в.).

шение длины основания черепа и увеличение черепного указателя. Наименьшая ширина лобной кости также увеличивается соответственно параллельно с увеличением ширины черепной коробки. Что же касается высоты черепной коробки, то она связана прямой корреляцией с горизонтальными диаметрами и должна была бы увеличиваться вслед за увеличением ширины, коль скоро фактор расширения стал ведущим. То обстоятельство, что высотный диаметр не увеличился, а уменьшился в данном случае, т. е. имел место разрыв морфофизиологических корреляций, говорит о том, что фактор уменьшения высоты черепной коробки имел самостоятельное значение.

Переходя к лицевому скелету, можно отметить то же самое — возможность свести 14 перечисленных размеров, по которым заметны различия между средневековыми и современными сериями, к нескольким ведущим факторам. Практически их можно насчитать три: перестройка формы лицевого скелета, его сужение и повышение, усиление выступающего носовых костей и усиление профилировки лицевого скелета в нижней части. Перестройка лицевого скелета одновременно отражается в

Сопоставление средневекового и современного русского населения центральных областей [♀]

Губерния	Костромская (кривичи)	Ярославская (кривичи)	Тверская и Московская (кривичи)		Владимирская и Рязанская (кривичи)	Московская и Рязанская (вятичи)
			Х—XIV вв.	Х—XIV вв. (тверская)		
Признаки	Х—XIV вв.	Х—XIV вв.	Х—XIV вв. (тверская)	современная (тверская)	современная (московская)	Х—XIV вв.
1. Продольный диаметр	175,2 (35)	174,3 (26)	178,9 (33)	172,9 (11)	168,0 (6)	172,2 (15)
8. Поперечный диаметр	134,9 (35)	134,5 (31)	132,9 (39)	139,5 (11)	138,3 (6)	131,3 (23)
8:1. Черепной указатель	77,1 (35)	76,7 (24)	74,5 (33)	80,7 (11)	82,3 (6)	77,9 (15)
17. Высотный диаметр (ha—br)	129,4 (30)	130,8 (22)	132,1 (29)	127,4 (10)	125,7 (6)	130,7 (20)
5. Длина основания черепа	96,4 (28)	97,5 (21)	98,1 (28)	96,9 (11)	95,3 (6)	96,5 (14)
9. Наименьшая ширина лба	93,3 (33)	93,2 (30)	93,1 (36)	94,8 (10)	92,8 (6)	92,7 (15)
32. Угол лба (па—те)	87,1 (18)	88,5 (11)	87,3 (18)	86,3 (11)	80,3 (6)	85,8 (4)
Надбровье (1—6 по Мартину)	1,28 (32)	1,61 (28)	1,59 (32)	2,09 (11)	1,83 (6)	1,64 (11)
40. Длина основания лица	92,2 (12)	94,7 (11)	92,4 (13)	94,5 (11)	93,2 (6)	90,6 (5)
45. Скуловая ширина	125,8 (15)	125,1 (7)	126,9 (15)	125,3 (11)	122,7 (6)	128,5 (6)
48. Верхняя высота лица	65,0 (23)	63,0 (16)	64,1 (25)	67,0 (10)	64,8 (6)	66,4 (10)
48:45. Верхний лицевой указатель	52,7 (13)	52,9 (7)	52,0 (13)	53,0 (10)	52,9 (6)	53,0 (3)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	40,6 (23)	40,1 (16)	40,3 (26)	40,3 (11)	41,6 (6)	40,6 (8)
52. Высота орбиты (лев.)	32,1 (24)	32,5 (18)	31,4 (25)	32,8 (11)	34,6 (6)	33,1 (9)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	78,2 (16)	81,2 (16)	78,0 (25)	81,6 (11)	83,2 (6)	79,7 (8)
54. Ширина носа	24,6 (20)	23,8 (13)	24,5 (24)	24,5 (11)	23,2 (6)	24,5 (8)
55. Высота носа	47,6 (24)	46,6 (17)	46,5 (26)	48,3 (11)	48,7 (6)	47,5 (12)
54:55. Носовой указатель	52,1 (20)	51,9 (13)	53,0 (24)	51,0 (11)	47,9 (6)	52,0 (8)
DC. Дакриальная хорда	21,6 (20)	21,6 (14)	21,2 (22)	21,3 (11)	17,7 (6)	21,6 (6)
DS. Дакриальная высота	10,9 (20)	10,4 (14)	10,5 (22)	11,6 (11)	11,0 (6)	10,9 (45)
DS:DC. Дакриальный указатель	50,0 (20)	50,5 (14)	49,9 (22)	54,7 (11)	62,7 (6)	45,9 (6)
SC. Симогическая хорда	9,7 (24)	8,9 (14)	9,5 (21)	9,3 (11)	8,0 (5)	9,3 (6)
SS. Симогическая высота	3,7 (24)	3,1 (14)	3,9 (21)	4,2 (11)	3,7 (5)	3,8 (6)
SS:SC. Симогический указатель	38,1 (24)	34,8 (14)	41,6 (24)	43,5 (11)	47,2 (5)	40,9 (6)
72. Угол профиля лица общий	86,4 (15)	84,2 (10)	84,3 (11)	84,3 (10)	82,8 (5)	84,3 (34)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	20,9 (8)	23,2 (6)	26,8 (8)	24,1 (10)	30,2 (4)	13,0 (2)
77. Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	138,1 (21)	139,6 (18)	138,0 (21)	138,5 (11)	140,8 (6)	139,0 (5)
Зигомаксиллярный угол (zп.—ss—zп)	128,3 (6)	126,5 (6)	126,5 (8)	126,5 (11)	127,8 (6)	135,2 (1)

уменьшении скуловой ширины, увеличении верхней высоты лица и верхнего лицевого указателя, а также связанной с высотой лица, высоты орбит и высоты носа, в уменьшении также коррелятивно связанной с шириной лица ширины грушевидного отверстия. Усиление выступания носовых костей таким же образом одновременно и параллельно отражается как в увеличении угла носовых костей к линии лицевого профиля, так и в увеличении дакриальных и симотических высот и указателей. Наконец, профилированность лица в нижней части выражается в наших сводных таблицах одним признаком—углом, и сдвиг в величине этого угла может рассматриваться как самостоятельный фактор изменений. Таким образом, при сравнении современных и средневековых серий мы насчитываем пять относительно самостоятельных признаков, по которым первые отличаются от вторых: форма и высота черепной коробки, форма лицевого скелета, выступание носовых костей и профилированность нижней части лицевого скелета. Данные, суммированные в перечисленных работах о корреляциях различных измерений на черепе, показывают, что все эти пять признаков либо связаны между собой слабой морфофункциональной связью, либо же связь эта идет в обратных направлениях по сравнению с теми, которые мы фиксируем в рассматриваемом случае.

Расхождения по этим пяти признакам имеют, по-видимому, неодинаковое значение для установления генезиса различий. Расширение черепной коробки и сужение лицевого скелета свидетельствуют об идущих на протяжении последнего тысячелетия процесса брахикефализации и грацилизации — явлениях, на темпах и причинах которых мы останавливались в главе 3 при рассмотрении основных этапов формирования антропологического состава летто-литовских народов. Очевидно, что оба эти явления также характерны для территории расселения русского народа, как они были характерны для Восточной Прибалтики. В связи с грацилизацией можно поставить и уменьшение высоты черепной коробки. Однако это трудно сделать для увеличения высоты лицевого скелета. Относительная высоколицесть, выражаемая высоким лицевым указателем, автоматически связана с грацилизацией, так как уменьшение знаменателя — скуловой ширины — сразу увеличивает указатель. Но современные русские серии отличаются от средневековых, как мы помним, и абсолютным увеличением верхней высоты. По-видимому, мы имеем здесь дело с признаком, вариации которого должны получить какое-то расогенетическое истолкование, тем более, что он служит для разграничения европеоидных и монголоидных групп.

То же самое, видимо, можно повторить и про вариации зигомаксиллярного угла и размеров, отражающих выступание носовых костей, с той, однако, разницей, что они в еще большей степени, чем высота лица, служат той же цели — разграничению основных расовых делений современного человечества. Даже небольшие сдвиги в величине этих признаков могут свидетельствовать о примеси иной по происхождению комбинации признаков к основному типу. Масштаб различий между средневековыми восточнославянскими и современными русскими сериями невелик по всем трем признакам — высоте лица, его профилированности и выступанию носа, но все же налицо вполне определенная группировка в противоположных участках на графиках корреляционного поля (рис. 19—21). Таким образом, комплексность различий по этим трем важным особенностям, не связанным функциональной корреляцией, должна рассматриваться в целом как свидетельство их неслучайного характера. Причину их легче будет выявить после рассмотрения краниологических материалов по другим восточнославянским народам. Прежде чем к нему перейти, отмечу только еще одно важное обстоятельство — известный параллелизм в изменчивости признаков на картах их распространения в современную эпоху и эпоху средневековья. Черепной указатель, о кото-

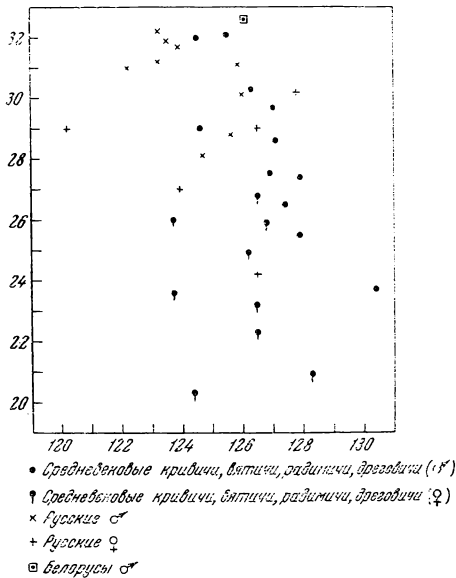

Рис. 19. График сопоставления средневекового и современного населения Русской равнины и Белоруссии по углу носовых костей к линии профиля и углу носовых костей к линии профиля

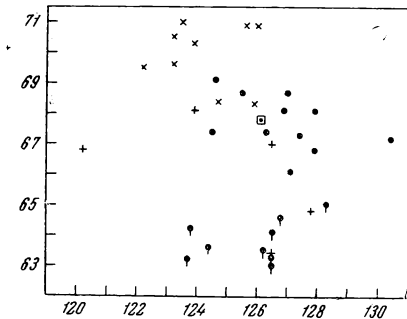

Рис. 20. График сопоставления средневекового и современного населения Русской равнины и Белоруссии по зигомаксиллярному углу и верхней высоте лица (обозначения те же, что и на рис. 19)

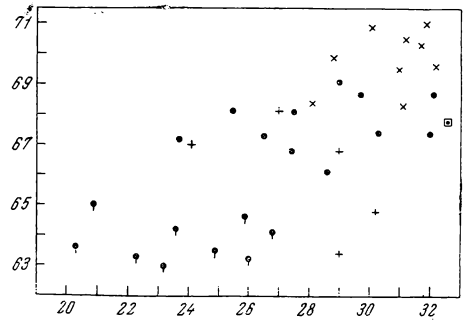

Рис. 21. График сопоставления средневекового и современного населения Русской равнины и Белоруссии по углу носовых костей к линии профиля и верхней высоте лица (обозначения те же, что и на рис. 19)

ром уже говорилось, как об очень важном признаке на территории расселения русского народа, дифференцирующем население разных областей, оказывается на средневековой карте повышенным в тех же районах, что и на карте современной, — теперь при сопоставлении краниологических данных это видно совершенно отчетливо и может подтвердить тот вывод, который был сделан и раньше при сопоставлении соматологических и палеоантропологических данных, но подтвердить его с полной точностью (при сравнении соматологических и палеоантропологических материалов эта полная точность все же недостаточна). Коль скоро современные по направлению различия по черепному указателю проявляются уже в эпоху средневековья, истоки их происхождения, совершенно очевидно, следует искать в еще более раннее время.

ВАРИАЦИИ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В СОСТАВЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП УКРАИНСКОГО НАРОДА

Размеры черепной коробки. Черепная коробка характеризуется довольно большим поперечным диаметром средней длины и довольно большим поперечным диаметром. В общем такие вариации обычны для многих групп европеоидной расы. Высотные диаметры черепной коробки от базиса и от линии, соединяющей порионы, также

падают в категорию средних величин. Последние размеры не имеют аналогов в соматологической программе. Вернее определение высоты черепной коробки у живого индивидуума настолько неточно, что было исключено из общеупотребительных измерений и в настоящее время не производится. Что же касается горизонтальных диаметров, то их вариации на краниологическом материале приблизительно соответствуют тем, которые следовало ожидать исходя из соматологических данных. Чаще всего такие величины встречаются у родственных восточнославянских и западнославянских народов, по которым имеются краниологические данные.

Указатели черепной коробки. Наиболее важным из указателей черепной коробки является в данном случае черепной указатель. Известно, что украинцы имеют резко брахицефальную форму черепной коробки. Наряду с темной пигментацией этот признак был основанием для отнесения их к динарскому типу средиземноморской расы (Волков, 1916). На соматологическом материале головной указатель в разных территориальных группах украинского народа варьирует от 81,9 в Царичанке Днепропетровской области до 85,6 в Струсове Тернопольской области. Средняя по 29 территориальным группам составляет 84,0. Распространение локальных вариантов с разной величиной головного указателя на территории Украины довольно закономерно. Более круглоголовые формы концентрируются в Восточной Украине, тенденция к понижению головного указателя отчетливо проявляется в Приднепровье и в Южной Украине. Вследствие неравномерной толщины мягких тканей на боковых стенках черепа, с одной стороны, затылочной и лобной костях — с другой, величина черепного указателя отличается от величины головного указателя на одну—полторы, иногда две единицы. Поэтому уменьшению величины черепного указателя в исследованной серии по сравнению с соматологическими данными не следует придавать существенного значения. Правда, разница достигает почти трех единиц индекса. Но все же она вряд ли выходит за пределы ошибки разницы, которая никогда не определялась, но, очевидно, довольно велика. В целом украинские группы несколько брахикраннее русских. Такой указатель, как в украинских группах, мы встречаем только на территории очага брахикрании, на территории расселения русского народа в Костромской, Ярославской и Тверской губерниях.

Высотно-продольный и высотно-поперечный указатели довольно точно отражают соотношение высотных и горизонтальных размеров черепной коробки в исследованных сериях. И тот и другой не выходят за пределы среднего класса в вариациях этих указателей и на мужских и на женских черепах.

Форма черепной коробки при взгляде сверху в соответствии с высотой и величиной черепного указателя представлена преимущественно сфероидным вариантом. Черепа с такой формой черепной коробки составляют половину и в мужской и в женской серии. Из остальных типов вариаций формы чаще всего встречаются овоидные, пентагоноидные и сфероидные. Ромбоидная форма, которая вообще редка, и эллипсоидная, соответствующая малой величине черепного указателя, встречаются в единичных случаях.

Ширина и наклон лобной кости. Лобная кость имеет среднюю ширину как в переднем, так и в заднем отделах. При большом поперечном диаметре соотношение между наименьшей шириной лба и поперечным диаметром могло бы дать малую величину лобно-поперечного указателя. На самом деле он так же, как и величина лобного указателя, попадает в категорию средних величин этих признаков.

Наклон лобной кости обычно находится в тесной морфологической корреляции с формой черепной коробки. Как и следовало ожидать в

брахикранной серии, лобная кость украинских черепов наклонена мало. Это видно как из величин углов наззион-метопион и глабелла-метопион, так и из величины высотного диаметра изгиба лобной кости. Соотношение этого диаметра с лобной хордой дает указатель, значительная величина которого совпадает с большими величинами углов наклона лобной кости к франкфуртской горизонтали.

Ширина затылка. Ширина затылочной кости, а также и ее форма варьируют в разных группах и, по-видимому, могли бы быть важными диагностическими признаками в краниологии. Но их групповые колебания и приуроченность их к определенным территориям плохо изучены. Поэтому значение вариаций ширины затылочной кости в тех или иных краниологических сериях в большинстве случаев неясно. В серии украинских черепов ширина затылочной кости выражается довольно значительной величиной.

Развитие рельефа черепа. Надбровье на украинских черепах развито сильно. То же самое можно сказать и о сосцевидных отростках. Само по себе совпадение в степени развития этих особенностей служит надежной гарантией в правильности определения, потому что они обычно находятся между собой в тесном морфологическом соотношении. Все же хорошо, что объективность определения развития надбровья можно проверить с помощью измерительной характеристики. Речь идет о разности в величине углов наззион-метопион и глабелла-метопион к франкфуртской горизонтали. На мужских черепах она равна $6,1^\circ$, на женских — $4,4^\circ$. Это довольно значительные величины, соответствующие приблизительно балловым характеристикам. Итак, общий вывод — развитие рельефа черепа в украинской серии довольно значительно. Во всяком случае, оно несколько более значительно, чем в исследованных сериях русских черепов.

Размеры лицевого скелета. Размеры лицевого скелета чаще всего используются для разграничения различных типов европеоидной расы. Украинские черепа по высоте лица относятся к классам средних величин. Ширина лица довольно значительна. Аналогичное заключение можно сделать и на основании соматологических материалов, в которых скуловой диаметр колеблется в пределах 141—143 мм. Правда, одна группа, исследованная в Жабчице Брестской области, отличается очень большой величиной скулового диаметра (144,5 мм), не уступаая или мало уступая в этом отношении кавкасионским группам Северного Кавказа, Дагестана и Грузии. Но это единичный пример. Любопытно отметить, что на краниологическом материале в некоторых группах альпийского типа отмечены чуть ли не максимальные величины высоты лица, приближающиеся к размерам, характерным для монголоидных популяций. Так, у тирольцев она равна 74,5 мм (Mogant, 1928). Но в украинской серии такие и даже большие величины встречаются только в виде индивидуальных вариаций.

Указатели лицевого скелета. Общий лицевой указатель вычислялся лишь в единичных случаях ввиду невозможности определить полную высоту лица у большинства черепов. Поэтому его величина, по-видимому, в достаточной степени случайна, обнаруживая влияние случайности выборки. Но средние верхнего лицевого и вертикального краниофациального указателя основаны на большом количестве наблюдений. Оба указателя характеризуются средними величинами, что вполне соответствует вариациям лицевого скелета и соотношению лицевой высоты с высотой черепной коробки.

Размеры и указатели орбит. В соответствии с наиболее распространенной программой измерялась левая орбита. Однако, хотя правая орбита и не измерялась, обращалось внимание на возможность резкой асимметрии в размерах обеих орбит. В украинских сериях таких

случаев не отмечено (как и в русских), поэтому результаты измерений левой орбиты полностью приложимы и к правой. Орбиты в межгрупповом масштабе среднеширокие и скорее низкие, но для представителей европеоидной расы они имеют нормальную высоту, наиболее четко встречающуюся в европеоидных сериях. Оба орбитных указателя также отличаются малыми размерами в межгрупповом масштабе и попадают в категорию средних величин, если иметь в виду только вариации, типичные для европеоидной расы.

Размеры нёба и нёбный указатель. И длина и ширина нёба не входят в число наиболее распространенных измерений. Поэтому их групповые вариации определены на сравнительно небольшом числе серий и изучены не очень хорошо. В исследованной серии количество наблюдений по обоим размерам к тому же резко различно, что проистекает за счет разрушенности альвеол коренных зубов на большинстве черепов. В общем оба нёбных размера, так же как и нёбный указатель, имеют типичную для европеоидов величину. Но это относится только к мужской группе. В женской группе ширина нёба определена всего в двух случаях, что и обусловило ее большую величину по сравнению с длиной, что почти никогда не встречается при групповых вариациях.

Размеры носа, носовой указатель и форма нижнего края грушевидного отверстия. Высота носа немного превышает средние величины, чего нельзя сказать о ширине, поэтому носовой указатель спускается ниже 50, но только в мужских группах. В женских группах может быть отмечена некоторая, правда, очень слабая, тенденция к широконосности, что иногда встречается в европеоидных сериях и не должно истолковываться как какое-то расогенетическое явление. В общем это скорее следствие нормальной морфологической изменчивости.

В форме нижнего края грушевидного отверстия резко преобладают антропные формы, что полностью коррелирует с общим европеоидным характером украинских серий. В нескольких случаях встретились предносовые ямки, но количество их примерно в шесть раз меньше, чем антропных форм. Инфантильная форма нижнего края грушевидного отверстия и предносовой жолоб не встретились ни разу.

Выступление носа. Выступление носовых костей по отношению к линии лицевого профиля имеет, как известно, наибольшее значение при дифференциации представителей основных расовых делений человечества. Все европеоидные группы имеют сильно выступающий нос, и поэтому в качестве критерия различия европеоидных типов второго порядка этот признак малопригоден. По краниологическим данным, допускающим точное сопоставление, европеоиды Кавказа все же отличаются более сильным выступанием носовых костей к линии лицевого профиля, чем население Русской равнины или Прибалтики. Естественно, что украинцы сближаются с русскими и прибалтийскими группами, а не с кавказскими. Как ни трудно сопоставлять соматологические данные разных исследователей о вариациях высоты переносья или поперечного профиля стенки носа, все же и по соматологическим материалам видно, что украинцы уступают кавказским народам в выраженности этих особенностей. Таким образом, можно заключить, что по европейскому масштабу украинцы характеризуются средним выступанием носовых костей по отношению к линии вертикального профиля лица. Об этом же свидетельствует и среднее развитие передненосового шипа.

Вертикальная профилировка лицевого скелета. Прямое определение общего профиля лица с помощью угла по отношению к франкфуртской горизонтали и косвенное определение с помощью указателя Фогта — Флауэра свидетельствуют об ортогнатности украин-

ских черепов. Таким образом, по общей вертикальной профилировке лицевого скелета они не отличаются от большинства европеоидных серий. Любопытно, что при этом у них не наблюдается почти никакого перегиб лица лицевого профиля на уровне нижнего края грушевидного отверстия. Угол профиля средней части лица на $0,3^\circ$ больше, чем общий угол профиля лица, но это различие ничтожно, особенно если принять во внимание малое число наблюдений по этим признакам. Соответственно и угол профиля альвеолярной части лица почти не отличается по своей величине от общего угла лицевого профиля средней части лица. В женской серии перегиб лицевого профиля на уровне нижнего края грушевидного отверстия несколько заметнее, и, следовательно, альвеолярный прогнатизм может быть отмечен, но, правда, в очень слабой степени. Но такое отличие женских групп от мужских представляет собой нормальную форму полового диморфизма.

Горизонтальная профилировка лицевого скелета. Углы горизонтальной профилировки лицевого скелета мало варьируют в европеоидных группах. Все же краниологические типы Кавказа и Передней Азии отличаются в этих признаках от населения Восточной и Центральной Европы, характеризуюсь большей величиной обоих углов. Украинские серии и по назомаллярному и по зигомаллярному углам не выделяются среди других европеоидных групп центральной зоны распространения европеоидной расы и имеют средние величины обоих углов. По межгрупповому масштабу эти величины, разумеется, очень значительны. При сильной горизонтальной профилировке лица клыковые ямки довольно глубоки, что дополняет комплекс особенностей, свидетельствующих о достаточно резкой выраженности европеоидного типа в украинской серии.

Несколько неожиданным фактом является значительное выступание вперед скуловых костей, что находит отражение в большой величине указателя высоты изгиба скуловой кости. Эта особенность характерна и для большинства русских серий. Но все же величины указателя заметно меньше, чем в измеренных мной монголоидных группах, а также в европеоидных группах, сохранивших особенности широколицевого протоморфного типа.

Общая характеристика. Первый итог предшествующего описания вариаций отдельных признаков — отсутствие в украинских сериях сколько-нибудь заметных отклонений в сторону приближения к краниологическим вариантам монголоидной расы, другими словами, четкая выраженность комплекса европеоидных особенностей. Но по степени выраженности европеоидных признаков украинские черепа отличаются от кавказских и переднеазиатских краниологических серий, в которых эти признаки достигают максимального развития. В наибольшей степени украинские серии сближаются по развитию комплекса европеоидных особенностей с краниологическими вариантами, характерными для населения Центральной и Восточной Европы, и занимают более или менее нейтральное положение внутри европеоидной расы. Их обобщенная характеристика может быть представлена в следующем виде.

Череп имеет средней длины и высоты, широкую, брахикранную черепную коробку, преимущественно сфеноидной формы со среднеширокой прямой лобной костью, среднеширокой затылочной костью и сравнительно сильно развитым рельефом. Лицевая часть умеренной высоты и ширины со среднеширокими, довольно низкими орбитами, средневисоким и среднешироким носом, нижний край которого имеет преимущественно антропийную форму. Небо средних размеров. Носовые кости характеризуются значительным выступанием по отношению к вертикальному лицевому профилю. Лицевой скелет ортоганален, альвеолярный прогнатизм почти отсутствует. Углы горизонтального профиля лицевого

скелета малые, клыковая ямка углублена довольно сильно, изгиб скуловых костей значителен. Описанные черепа, следовательно, не обнаруживают ни в одном из перечисленных признаков бросающихся в глаза отклонений от наиболее типичных европеоидных вариантов.

При принятой нами разбивке (см. главу 2), которая в известной мере отражает и географическое районирование территории Украины, полученные группы более или менее соответствуют одна другой по своей численности, что дает возможность до известной степени надежного сопоставления. Но численность их все же невелика. Это справедливо даже по отношению к мужским черепам. Территориальные группы в женской серии состоят из единичных наблюдений.

Вариации краниологических признаков по разным районам в общем ничтожны. При близости краниологического типа разных территориальных групп они, по-видимому, не были бы обнаружены даже с помощью гораздо более многочисленного материала. На нашем материале все проявляющиеся различия в величинах отдельных признаков по районам находят себе объяснение, как результат случайной выборки при малом количестве наблюдений. Это тем более вероятно, что различия между мужскими и женскими группами большей частью имеют разное направление, а не повторяют друг друга, что должно было бы иметь место в случае их реальности. Например, разница в скуловом диаметре мужских черепов южной и восточной групп достигает почти 3 мм, что в общем может считаться заметной величиной. Черепа южной группы более широколицы, чем черепа восточной группы. Разница в скуловом диаметре женских черепов этих двух групп составляет почти 2 мм. Но в женской серии, наоборот, восточная группа более широколица, чем южная. Количество таких примеров можно было бы без труда увеличить, но в этом нет нужды. Пожалуй, единственный пример реального отличия одной из групп от остальных проявляется в черепном указателе — черепа из южных районов более долихокранны, чем все остальные. Абсолютная величина различий в мужской серии невелика, в женской она больше, но самое важное обстоятельство заключается в их параллельной направленности. К стати сказать, в мужской серии более долихокранные черепа южной группы имеют заметно более развитое надбровье, чем черепа остальных групп, что находится в полном соответствии с исторической корреляцией этих признаков. Однако в женской серии не проявляется подобной закономерности.

Так как мы не заметили достаточно ощутимых и реальных различий в краниологическом типе украинцев различных территориальных групп, нет оснований пытаться провести сопоставление краниологических и соматологических данных на предмет выявления параллелизма между ними. Единственное, что следует проверить на соматологическом материале, — отличие южной группы от остальных по черепному указателю. Оно находит себе подтверждение. Как уже отмечалось при описании по признакам, морфологические варианты с наименьшей величиной головного указателя концентрируются как раз в населении южной части Украины и Приднепровья. Головной указатель здесь колеблется приблизительно в пределах 82,0—83,0 единиц, что близко подходит к тем величинам, которые отмечены на краниологическом материале. Таким образом, в соматологических данных мы получаем дополнительное подтверждение реальности краниологических различий по черепному указателю между южной группой, с одной стороны, и восточной, центральной и западной — с другой.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

При сопоставлении только что описанных краниологических материалов с палеоантропологическими материалами эпохи средневековья с территории Украины нужно учитывать целый ряд обстоятельств, затрудняющих такое сопоставление и использование его результатов в целях исторического исследования. Основное из них — сложность этнического состава населения Украины в эпоху средневековья. В качестве примеров укажу на доживание до XV—XVII вв. кочевников южносибирского происхождения в Поднестровье и Херсонской области (Дебеч,

Средневековые серии

Могильник или этническая группа	Салтовский	Зливинский	Каменский	Каирский
Признаки	VIII—IX вв.	VIII—XII вв.	X—XII вв.	XI—XII вв.
1. Продольный диаметр . . .	185,2 (51)	177,8 (9)	178,7 (13)	179,7 (15)
8. Поперечный диаметр . . .	138,8 (50)	147,8 (9)	146,1 (13)	140,3 (15)
8:1. Черепной указатель . . .	75,3 (47)	83,0 (9)	81,8 (13)	78,1 (15)
17. Высотный диаметр (ba—br)	135,8 (23)	136,0 (6)	129,4 (11)	135,8 (13)
5. Длина основания черепа	103,2 (21)	102,3 (6)	100,4 (12)	104,4 (13)
9. Наименьшая ширина лба	97,1 (54)	95,6 (9)	99,0 (15)	96,5 (15)
32. Угол лба (па—те) . . .	84,4 (15)	83,1 (8)	80,8 (14)	82,1 (14)
Надбровье (1—6 по Мар- тину)	3,46 (35)	2,66 (9)	3,06 (16)	3,50 (14)
40. Длина основания лица	98,3 (18)	97,5 (6)	98,8 (12)	97,4 (13)
45. Скуловая ширина . . .	131,3 (29)	137,3 (8)	135,6 (13)	132,6 (12)
48. Верхняя высота лица . .	73,1 (36)	72,1 (9)	72,4 (16)	69,5 (15)
48:45. Верхний лицевой указа- тель	55,5 (26)	52,8 (8)	54,0 (13)	52,5 (12)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	43,3 (34)	43,5 (9)	41,6 (15)	41,1 (14)
52. Высота орбиты (лев.) . .	32,8 (36)	32,5 (9)	32,0 (16)	32,7 (15)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	76,1 (34)	74,7 (9)	77,2 (15)	79,7 (14)
54. Ширина носа	25,5 (33)	27,0 (8)	24,9 (15)	24,9 (15)
55. Высота носа	53,4 (35)	53,3 (9)	52,1 (16)	51,3 (15)
54:55. Носовой указатель . . .	47,7 (31)	51,0 (8)	47,4 (15)	48,7 (15)
DC. Дакриальная хорда . . .	20,6 (22)	22,5 (8)	22,4 (12)	21,1 (14)
DS. Дакриальная высота . . .	12,6 (22)	12,6 (8)	12,7 (12)	13,2 (14)
DS:DC. Дакриальный указатель	62,6 (22)	58,5 (8)	56,8 (12)	64,4 (13)
SC. Симотическая хорда . . .	9,5 (25)	8,9 (8)	8,8 (15)	9,5 (13)
SS. Симотическая высота . . .	4,9 (25)	4,8 (8)	4,6 (15)	5,1 (13)
SS:SC. Симотический указатель	52,4 (25)	52,6 (8)	51,6 (15)	53,7 (13)
72. Угол профиля лица об- щий	85,0 (16)	88,0 (8)	84,7 (14)	84,4 (14)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	31,6 (22)	24,9 (7)	27,4 (13)	29,5 (12)
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	136,9 (22)	140,0 (8)	137,3 (15)	137,6 (14)
Зигмаксиллярный угол (zп'—ss—zп')	121,4 (18)	132,8 (9)	128,7 (13)	123,7 (15)

* Индекс средних. Вычислено по ширине от дакриона, равной 38,9 мм. Средняя разница в 2,5 мм

** Индекс средних

1930, 1934, 1948, стр. 261—265) или на сложность этнического состава населения, оставившего Салтовский могильник (Мерперт, 1949, 1951). Аналогичная неясность существует также в отношении Зливкинского (см., например, Ляпушкин, 1958), Каирского (см. Махно, 1955) и некоторых других могильников, давших палеоантропологический материал. Таким образом, результаты палеоантропологического исследования часто невозможно проверить с помощью археологических данных. Все эти предварительные замечания ни в коем случае нельзя упускать из виду в дальнейшем изложении. Материалы из только что упомянутых кочевнических могильников исключаются из рассмотрения, так как кочевники, очевидно, были чужеродной этнической группой в украинских степях. Как мы убедились в предшествующих разделах, монголоидная

с территории Украины ♂

Таблица 15

Древляне	Поляне переяславские		Поляне киевские	Поляне черниговские		Северяне
	XI—XII вв.	VIII—X вв.	XI—XIII вв.	VIII—X вв.	XI—XIII вв.	
189,5 (53)	186,6 (85)	183,3 (23)	181,5 (36)	183,3 (32)	181,7 (42)	188,5 (32)
139,8 (52)	138,1 (84)	139,0 (21)	139,9 (35)	137,3 (29)	138,5 (38)	138,1 (30)
73,9 (52)	74,1 (82)	76,2 (21)	77,5 (32)	74,7 (28)	76,3 (38)	73,7 (29)
137,2 (44)	134,9 (80)	134,6 (21)	134,1 (36)	135,5 (31)	135,7 (34)	135,6 (28)
103,1 (41)	102,3 (76)	—	101,5 (35)	100,3 (31)	100,9 (34)	103,1 (19)
97,9 (50)	96,7 (87)	95,4 (22)	95,9 (35)	94,9 (32)	95,5 (40)	96,3 (31)
85,8 (41)	84,1 (70)	87,8 (21)	83,4 (28)	84,2 (25)	84,8 (33)	86,2 (23)
3,08 (50)	3,28 (85)	—	3,57 (37)	2,85 (33)	2,83 (42)	3,43 (21)
98,2 (33)	98,6 (62)	—	97,9 (29)	98,1 (26)	97,2 (28)	98,3 (16)
134,9 (40)	132,5 (69)	130,6 (21)	134,1 (28)	130,9 (22)	132,1 (35)	130,1 (20)
71,2 (40)	69,8 (79)	68,0 (22)	67,6 (36)	68,5 (28)	67,0 (36)	68,2 (24)
53,2 (37)	52,9 (68)	51,9 (20)	50,9 (27)	52,3 (20)	50,9 (35)	51,9 (17)
41,4 (44)*	41,3 (74)	40,5 (22)	41,3 (35)	40,5 (25)	40,9 (39)	42,4 (22)
32,1 (44)	31,7 (81)	33,1 (22)	31,0 (35)	31,5 (30)	31,2 (39)	32,3 (25)
77,5**	77,0 (39)	81,8 (22)	74,7 (34)	77,8 (26)	76,6 (38)	75,9 (21)
24,9 (44)	25,1 (81)	24,8 (21)	25,6 (35)	25,6 (26)	25,3 (38)	25,5 (25)
50,9 (45)	50,1 (82)	49,9 (22)	49,9 (36)	50,2 (30)	49,7 (37)	49,1 (25)
49,0 (44)	50,0 (81)	49,8 (21)	52,3 (34)	51,1 (28)	51,0 (37)	50,4 (25)
—	21,4 (42)	—	21,4 (36)	21,6 (26)	21,2 (34)	22,1 (17)
—	12,1 (42)	—	12,1 (36)	11,6 (26)	12,4 (34)	11,6 (17)
—	58,4 (40)	58,3 (19)	58,2 (34)	54,9 (26)	58,9 (33)	56,4 (19)
—	8,9 (42)	—	8,9 (35)	8,9 (30)	9,2 (36)	9,2 (17)
—	4,3 (43)	—	4,3 (35)	4,5 (30)	4,4 (34)	4,1 (17)
—	50,2 (41)	48,2 (20)	48,9 (35)	48,1 (29)	47,6 (34)	44,1 (20)
86,5 (35)	84,3 (63)	83,4 (14)	83,6 (28)	83,0 (23)	84,0 (30)	84,6 (22)
32,1 (29)	28,7 (53)	27,1 (18)	27,3 (22)	28,2 (28)	28,1 (23)	27,0 (15)
—	137,5 (42)	137,4 (18)	137,8 (35)	138,2(23)	138,8 (37)	138,1 (20)
—	128,1 (47)	125,9 (20)	128,6 (25)	125,3 (17)	128,6 (30)	126,8 (18)

определена на 20 современных восточнославянских сериях.

Средневековые серии

Могильник или этническая группа	Салтовский	Зливинский	Каменский
	VIII—IX вв.	VIII—XII вв.	X—XII вв.
Признаки			
1. Продольный диаметр	177,0 (36)	165,7 (7)	173,1 (21)
8. Поперечный диаметр	134,8 (39)	142,3 (7)	138,8 (21)
8:1. Черепной указатель	76,5 (35)	85,7 (7)	80,9 (21)
17. Высотный диаметр (ba—br)	131,0 (17)	126,4 (7)	127,4 (21)
5. Длина основания черепа	100,0 (17)	93,4 (7)	97,9 (20)
9. Наименьшая ширина лба	93,7 (44)	89,9 (7)	92,5 (23)
32. Угол лба (па—те) ²	87,6 (16)	87,2 (7)	82,3 (23)
Надбровье (1—6 по Мартину)	2,06 (31)	1,14 (7)	1,95 (23)
40. Длина основания лица	93,6 (15)	90,4 (7)	95,9 (19)
45. Скуловая ширина	123,3 (26)	125,6 (7)	127,7 (21)
48. Верхняя высота лица	67,4 (31)	65,9 (7)	69,2 (23)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,6 (23)	52,6 (7)	53,9 (21)
51. Ширина орбиты от m ^l (лев.)	41,7 (29)	41,1 (7)	40,7 (23)
52. Высота орбиты (лев.)	32,4 (30)	32,1 (7)	32,7 (23)
52:51. Орбитный указатель от m ^l (лев.)	77,8 (29)	78,0 (7)	80,4 (23)
54. Ширина носа	24,3 (26)	24,7 (7)	24,8 (23)
55. Высота носа	50,4 (31)	49,0 (7)	49,6 (23)
54:55. Носовой указатель	48,4 (25)	50,5 (7)*	50,1 (23)
DC. Дакриальная хорда	20,7 (21)	20,7 (7)	21,1 (20)
DS. Дакриальная высота	11,8 (21)	10,3 (7)	11,5 (20)
DS:DC. Дакриальный указатель	57,7 (21)	49,6 (7)	54,8 (20)
SC. Симотическая хорда	9,7 (25)	8,0 (7)	8,6 (22)
SS. Симотическая высота	4,5 (25)	3,0 (7)	3,7 (22)
SS:SC. Симотический указатель	47,0 (25)	37,4 (7)	41,4 (22)
72. Угол профиля лица общий	85,6 (15)	87,6 (7)	84,1 (23)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	28,8 (16)	22,2 (7)	26,8 (22)
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	137,6 (23)	143,2 (7)	140,7 (23)
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	121,8 (19)	132,2 (7)	129,1 (23)

* В публикации К. Н. Наджимова — 48,7. Проверено по индивидуальным измерениям.

примесь не прослеживается в краниологическом типе украинцев, и то же самое заключение может быть сделано на основании соматологических данных. Все привлеченные для сравнения данные суммированы в табл. 15 и 16.

Салтовский могильник. В работе, посвященной характеристике черепов из Салтовского могильника, я указывал на тесное сходство салтовской серии с восточнославянскими (Алексеев, 1959, 1962)². Этот вывод был основан на результатах суммарного сопоставления салтовских черепов с выбранными для сравнения средневековыми сериями из окружающих областей. Сопоставление проводилось по многим признакам, среди которых отсутствовали, правда, углы горизонтального профиля лицевого скелета. После окончания этой работы данные об их вариациях в восточнославянских группах были опубликованы Т. И. Алексеевой (см. указанные работы). Одновременно с ними в на-

² В работе 1962 г. см. также указания на предшествующие работы, посвященные краниологии Салтовского могильника. В таблицах представлена серия из Салтовского могильника по моим данным. Данные Г. П. Зиневич (1964) не использованы, так как она, кажется, включила в подсчет средних черепов из Одесского музея, измеренные также и мной, а индивидуальные измерения изученных ею черепов пока не опубликованы.

с территории Украины ♀

Каирский	Поляне переяславские		Поляне киевские	Поляне черниговские		Северяне
	XI—XII вв.	VIII—X вв.	XI—XIII вв.	VIII—X вв.	XI—XIII вв.	
173,8 (14)	175,7 (14)	175,9 (19)	173,1 (20)	175,9 (19)	172,5 (34)	178,5 (44)
139,8 (14)	133,1 (17)	135,8 (18)	137,9 (20)	133,5 (19)	137,6 (34)	132,4 (40)
80,6 (14)	75,9 (13)	76,6 (17)	78,9 (20)	76,1 (19)	80,3 (33)	74,0 (39)
130,7 (13)	128,7 (15)	129,9 (20)	128,3 (20)	129,5 (13)	127,9 (28)	129,0 (33)
98,3 (13)	95,5 (15)	—	98,3 (20)	96,5 (12)	95,7 (29)	95,1 (26)
93,2 (14)	92,7 (14)	94,4 (20)	93,7 (18)	93,1 (17)	95,1 (36)	95,0 (41)
82,6 (13)	84,0 (7)	88,7 (19)	86,9 (14)	88,0 (10)	87,6 (24)	87,4 (30)
2,57 (14)	1,70 (17)	—	1,89 (18)	1,38 (16)	1,55 (36)	1,50 (32)
94,3 (10)	90,5 (11)	—	95,1 (14)	90,7 (6)	94,6 (24)	90,3 (20)
127,0 (10)	126,3 (10)	121,5 (15)	126,7 (15)	126,3 (9)	125,3 (25)	123,5 (29)
66,3 (13)	65,3 (12)	65,1 (17)	65,8 (16)	62,1 (12)	65,0 (15)	64,7 (33)
52,7 (9)	53,0 (8)	53,7 (14)	52,2 (15)	49,8 (8)	49,8 (24)	52,2 (27)
39,6 (13)	40,5 (13)	38,5 (20)	40,0 (15)	39,7 (13)	40,3 (27)	40,0 (34)
34,3 (14)	31,4 (13)	32,8 (20)	30,7 (16)	31,3 (13)	31,7 (28)	32,0 (34)
86,1 (13)	76,9 (13)	84,7 (14)	82,5 (15)	78,7 (13)	78,2 (26)	80,0 (34)
23,9 (14)	25,1 (13)	24,3 (20)	25,1 (19)	24,6 (12)	25,3 (25)	25,1 (32)
48,5 (14)	48,5 (13)	47,9 (20)	48,3 (15)	47,0 (13)	47,2 (26)	47,9 (32)
49,2 (14)	51,5 (12)	50,8 (20)	51,4 (14)	51,8 (11)	53,6 (25)	50,8 (31)
20,2 (10)	20,5 (10)	—	21,3 (15)	20,4 (8)	20,9 (23)	20,1 (27)
11,3 (10)	10,8 (10)	—	10,5 (15)	11,3 (8)	12,5 (22)	10,0 (27)
56,9 (10)	51,3 (10)	54,0 (19)	50,1 (15)	56,0 (8)	57,6 (22)	51,7 (30)
9,4 (11)	8,7 (11)	—	9,6 (16)	9,6 (8)	9,2 (31)	8,9 (29)
4,4 (11)	3,8 (11)	—	3,9 (16)	3,7 (9)	3,4 (30)	3,8 (29)
47,5 (11)	44,0 (11)	40,4 (19)	41,9 (17)	39,2 (8)	38,8 (30)	42,9 (33)
84,2 (11)	82,7 (6)	83,9 (16)	83,2 (13)	84,1 (6)	82,7 (23)	85,4 (29)
25,0 (9)	23,7 (4)	25,6 (17)	22,6 (11)	27,0 (5)	25,2 (17)	24,2 (22)
139,0 (11)	138,8 (12)	140,9 (18)	140,0 (17)	137,6 (14)	140,7 (33)	136,7 (34)
125,2 (12)	127,1 (11)	126,9 (19)	129,1 (13)	128,1 (8)	126,7 (23)	125,3 (28)

шем распоряжении оказались палеоантропологические материалы из средневековых аланских могильников Северного Кавказа (Алексеев, 1964), на связь культуры которых с культурой Салтовского могильника указывалось на основании анализа археологических данных (Покровский, 1905; Спицын, 1909; Готье, 1927, 1930; Мерперт, 1949, 1951; Семенов-Зусер, 1960). При общем сходстве краниологического типа всех трех групп — восточнославянской, салтовской и аланской, каждая из которых относится к длинноголовому узколицему типу европеоидной расы, они заметно различаются по уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости. Ананские серии в целом более профилированы, чем восточнославянские. Особенно это касается зигомаксиллярного угла. Салтовская серия сближается с аланскими. Таким образом, последний тезис моей статьи о том, что при большом сходстве восточнославянских и салтовской серий есть основания ожидать еще большее сходство салтовской серий с сериями из аланских могильников, получил подтверждение в новых материалах. Нет надобности аргументировать этот тезис статистически, т. е. суммарным сопоставлением по многим признакам, как это делалось в статье о Салтовском могильнике. К этому приему пришлось прибегнуть именно из-за отсутствия дифференцирующих признаков, тогда как сейчас углы горизонтальной про-

филировки как раз и являются такими признаками. Итак, новые материалы показывают, что население салтовской культуры следует рассматривать как периферию не восточнославянского, а аланского этнического мира. Но, с моей точки зрения, вопрос об участии восточнославянского антропологического компонента в сложении антропологического типа населения салтовской культуры не снят с повестки дня. Влияние восточнославянского населения на салтовское прослеживается и по археологическим данным (см., например, Плетнева, 1962)³.

Предыдущее рассуждение само по себе достаточно, чтобы отвергнуть мысль о генетическом родстве салтовского и современного украинского населения. Если морфологическими различиями между тем и другим в ширине лица и форме черепной коробки можно было бы с натяжкой пренебречь, учитывая тенденции изменения этих признаков во времени, то достаточно демонстративные различия в степени горизонтальной уплощенности лицевого скелета не могут быть оставлены без внимания. По углам горизонтальной профилировки украинские серии, как и следовало ожидать, отличаются от салтовской и сближаются с восточнославянскими. Что же касается участи характерного для салтовцев типа в формировании антропологических особенностей украинского народа, то оно в небольшом масштабе скорее даже вероятно, но антропология не располагает пока никакими прямыми данными, чтобы доказать или, наоборот, опровергнуть это предположение.

Зливкинский могильник. При сходстве культурных особенностей Салтовского и Зливкинского могильников (Городцов, 1905) антропологический тип захороненных в этих могильниках существенно различается. Брахиокранный тип черепов из Зливкинского могильника был отмечен еще первым исследователем их Д. Н. Анучиным (1905). Позже Т. А. Трофимова повторно изучила эти черепа, пользуясь современной методикой (см. Дебец, 1948, стр. 254—255). Довольно значительный удельный вес монголоидной примеси в составе населения, оставившего Зливкинский могильник, был продемонстрирован К. Н. Наджимовым, специально изучившим степень горизонтальной уплощенности лицевого скелета на черепах из Зливкинского могильника, а также определившим на них дакриальные и симотические размеры (Наджимов, 1953). При этом все черепа были повторно измерены по более полной программе по сравнению с программой Т. А. Трофимовой.

Работа К. Н. Наджимова имела также непосредственное отношение к вопросу о взаимосвязи населения, оставившего Зливкинский и Салтовский могильники. Г. Ф. Дебец (1948, стр. 252—256) видел в брахиокранных черепах салтовской серии примесь типа, характерного для погребенных в Зливкинском могильнике. Однако процент брахиокранов невелик и может быть, как я пытался показать в работе о салтовских черепах, следствием нормальной изменчивости в любой долихоокранной краниологической серии. Наличие заметной монголоидной примеси в Зливкинском могильнике и полное отсутствие ее в Салтовском также свидетельствуют против точки зрения Г. Ф. Дебца. Таким образом антропологические данные не дают аргументов для поддержки предположения даже о слабых брачных контактах этнических групп, оставивших оба могильника. Близость археологического инвентаря обоих могильников, по-видимому, следствие торговых и культурных связей.

³ На стр. 94 этой работы содержится любопытное примечание (примечание 31): «Из 40 определенных антропологически черепов из катакомбного Дмитровского могильника не было ни одного славянского (определения сделаны Т. С. Кондукторовой)». Возможности палеоантропологии в определении этнической принадлежности, судя по этому примечанию, граничат с чудом и делают, собственно говоря, излишними археологические и другие изыскания. С огорчением должен заявить, что в распоряжении палеоантропологов нет столь эффективных методов определения этнической принадлежности.

Что касается генетической связи этнической группы, оставившей Зливкинский могильник, и современных украинцев, то для ее признания больше морфологических оснований, чем для признания связи салтовцев и украинцев. Доля монголоидной примеси не настолько велика, чтобы она не могла бесследно раствориться в случае вхождения зливкинцев в состав предков современного населения Украины. Но убедительно доказать наличие такой связи в настоящее время не представляется возможным. Однако не следует упускать из виду, что речь если и может идти, то только о небольшом участии зливкинцев в этногенезе украинцев. Нет достаточно веских морфологических аргументов для того, чтобы признать характерный для них тип основой формирования краниологического типа украинского народа — этому противоречат и заметная доля монголоидной примеси в составе зливкинского населения, и иные пропорции головы и лица.

Каменский могильник. Все сказанное о черепах из Зливкинского могильника может быть повторено и по отношению к палеоантропологическим материалам из Каменского могильника, описанным Т. С. Кондукторовой (1957). Они также характеризуются брахикранией, среднешироким лицом и в общем похожи на черепа современных украинцев. Но умеренное выступание носовых костей по отношению к плоскости лицевого скелета и некоторая тенденция к его уплощенности в горизонтальной плоскости говорят о наличии в составе этой серии монголоидной примеси. Т. С. Кондукторова и визуально отмечает присутствие в ней монголоидных черепов. Таким образом, при решении проблемы генетической преемственности этнической группы, представители которой хоронили своих покойников в Каменском могильнике, и современного населения Украины встает тот же вопрос, что и при решении аналогичной проблемы по отношению к людям, захороненным в Зливкинском могильнике, — в какой мере морфологическое сходство, которое невозможно отрицать, может служить в данном случае аргументом в пользу генетического родства. Монголоидная примесь в составе серии из Каменского могильника говорит скорее об отсутствии такого родства. Но мы должны учитывать, что если оно и имеет место, то в крайнем случае проблема сводится к некоторому участию этнической группы, оставившей Каменский могильник, в сложении украинского народа, но не к формированию его на основе этой группы. Морфологическое сходство, объединяющее каменское население и современных украинцев, приблизительно таково по масштабу, какое объединяет все брахикранные типы Центральной и Восточной Европы. Специфическое сходство в пределах брахикранный ветви европеоидов трудно фиксировать — наоборот, скорее следует говорить о существенных различиях, а именно: о заметной доле монголоидной примеси в серии из Каменского могильника.

Каирский могильник. Раскопанный несколько лет назад Каирский могильник дал небольшой, но интересный палеоантропологический материал, который, правда, также возбуждает много недоуменных вопросов при сравнении его с более или менее синхронными сериями и современным населением Украины. Прежде всего археологический материал этого могильника, как уже указывалось, не дает определенных указаний на его этническую принадлежность (Махно, 1955). Таким образом, за палеоантропологическим материалом остается решающее слово в этом вопросе. Он был изучен Г. П. Зиневич (1960). Черепа в общем небольшие, грацильные, мезо- или суббрахикранные, с небольшими размерами резко профилированного в горизонтальной плоскости мезогнатного лица. Выступание носовых костей к линии лицевого профиля тем не менее по европеоидному масштабу умеренное, но переносье характеризуется очень большой высотой. Несмотря на то, что величина угла выступления носовых костей по отношению к вертикальному про-

филю лицевого скелета попадает в категорию минимальных для европеоидной расы, мы, по-видимому, все же имеем основание в комплексе других признаков видеть комбинацию, характерную скорее для южных средиземноморских групп европеоидной расы. Но, как справедливо указывает Г. П. Зиневич, малочисленность серии в общем предостерегает от окончательных выводов.

Приняли ли люди, оставившие Каирский могильник, участие в образовании украинского народа, оказав влияние на его антропологический тип, и если приняли, то каковы масштабы этого участия? Полностью отрицать факт этого участия невозможно, как и во всех предшествующих случаях, ибо антропологический и палеоантропологический материал вообще по самому своему характеру не дает возможности полностью отрицать наличие какой-либо инородной примеси, даже если она не проявляется в достаточно ощутимой форме. Но если это участие и имело место, то масштаб его был, очевидно, крайне незначителен. Различия между каирскими и современными украинскими черепами в степени горизонтальной и вертикальной профилированности лицевого скелета, а также в его ширине, с одной стороны, и различия в форме и степени массивности черепной коробки — с другой, в совокупности образуют достаточно характерный комплекс, который позволяет отрицать прямую генетическую связь между обеими группами даже при учете возможности изменения некоторых из этих признаков во времени.

Славянские могильники. Средневековое славянское население Украины различалось по ширине лица и степени массивности черепа. Гиперморфный вариант европеоидной расы был представлен у древлян, гипоморфный — у северян. Этот факт впервые был установлен Г. Ф. Дебецом (1932, 1948), повторно исследовавшим черепа, описанные до него, А. П. Богдановым (1879, 1880, 1880а) и В. В. Бунаком (Bunak, 1932а), и использовавшим также некоторые новые материалы. Позже на основании пересмотра археологического материала и выделения в составе славянских могильников Украины группы полянских могильников часть материала из северянской серии была отнесена Г. А. Трофимовой (1946) к полянам. Эта линия была в недавнее время продолжена Т. И. Алексеевой (1960; Происхождение., 1965, гл. XIV), использовавшей появившиеся за последнее время археологические данные (Рыбаков, 1947; Соловьева, 1965; Русанова, 1958, 1960)⁴. Таким образом, данные о северянской серии уменьшились в количественном отношении приблизительно наполовину, данные о полянской серии, наоборот, увеличились в четыре — пять раз. Используются также данные Г. П. Зиневич (1964). Черепа из Шестовицкого могильника присуммированы к северянской серии⁵, черепа из Николаевского и Хутор-Половецкого могильников присоединены к серии переяславских полян (оба могильника — групповые). Они фигурируют в таблицах в качестве самостоятельной группы, происходящей из грунтовых могильников и датированной XI—XII вв., т. е. более поздним временем, чем серия переяславских полян, происходящая из курганов. Различия между древлянской и северянской сериями сохранили направление и масштаб.

Полянская территория охватывает центральные районы Украины. Казалось бы, следовало ожидать наибольшего сходства полянской серии с исследованными украинскими. Между тем полянские черепа отличаются от украинских заметно более узким лицом и малой величиной черепного

⁴ См. также: Тимофеев, 1961.

⁵ Шестовицкий могильник неоднократно рассматривался зарубежными археологами-норманистами как памятник, оставленный выходцами из Скандинавии. Эта точка зрения встретила серьезные критические возражения. Указания на литературу см.: Шаскольский, 1965.

указателя. Последнее малосущественно, так как резкая брахицефализация на территории Восточной Европы, как мы убедились, падает на последнее тысячелетие. Изменение величины скулового диаметра может иметь обратное с обычным направление. Правда, в данном случае это как раз маловероятно, так как на Русской равнине грацилизация уже проявляется вполне отчетливо. Что же касается углов горизонтальной профилировки, размеров лица, носа и орбит, то они близки в обеих сериях. На этом основании можно было бы все же предполагать, что они связаны тесным генетическим родством. То же самое рассуждение справедливо и по отношению к северянской серии. Им бы следовало и ограничиться, если бы в нашем распоряжении не было данных о черепаха из древлянских курганов. Сведения о горизонтальной профилировке лицевого скелета в этой серии отсутствуют и не могут быть восполнены, так как она погибла во время Великой Отечественной войны, но по другим признакам древлянские черепа сближаются с украинскими в меньшей степени, чем северянские и полянские. В то же время они не обнаруживают разницы с украинскими в величине скулового диаметра, и при установлении генетического родства этими двумя сериями нет нужды прибегать к допущению о вероятном, но все же очень редком явлении расширения лицевого скелета во времени. Таким образом, можно предполагать, что морфологический тип древлян сыграл очень значительную, если не преобладающую роль в сложении антропологического типа украинского народа. По-видимому, в сложении этого типа принимал участие и антропологический тип полян и северян, но морфологических оснований для признания этого факта меньше, чем для установления преемственности древлян и современных украинцев.

СОПОСТАВЛЕНИЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА СОВРЕМЕННОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ

Белорусская серия в целом обнаруживает те же особенности, что и современные русские серии, поэтому нет надобности характеризовать белорусские черепа по отдельным признакам. Вместо этого отметим только их отличительные особенности, действительно составляющие комплекс, характерный для краниологического типа белорусского народа. Серия белорусских черепов отличается при сравнении с русскими сериями значительным продольным диаметром черепной коробки, что дает черепной указатель, находящийся на грани брахи- и мезокрании. По этому признаку белорусские черепа отличаются даже от русских серий, происходящих из северных губерний и характеризующихся наиболее удлиненной формой черепной коробки,— аналогичная величина черепного указателя фиксируется только в серии из Архангельской губернии. Отличает белорусскую серию от русских и высотный диаметр черепной коробки, который на белорусских черепах несколько больше.

Переходя к лицевому скелету, трудно назвать какой-либо признак, который бы четко дифференцировал белорусскую и русскую серии. Пожалуй, можно отметить только несколько более низкое лицо и некоторую уплощенность его в верхней части, но при небольшой численности белорусской серии на реальности этих отличий трудно настаивать. А в остальном и по пропорциям, и по ширине лицевого скелета, и по размерам носа и орбит, и по степени выступания носа белорусская серия не выделяется ничем особенно специфическим. После того как мы отметили это важное обстоятельство, перейдем к сравнению краниологических особенностей современного и средневекового населения.

Сопоставление средневекового и современного населения Белоруссии

Пол Этническая группа Признаки	♂			♀	
	Дреговичи	Радимичи	Белорусы	Дреговичи	Радимичи
	Х—XIII вв.	XI—XII вв.	современная	Х—XIII вв.	XI—XII вв.
1. Продольный диаметр	188,0 (61)	186,3 (37)	181,3 (15)	176,5 (14)	177,5 (17)
8. Поперечный диаметр	137,0 (59)	137,3 (36)	144,7 (15)	131,3 (17)	132,5 (18)
8:1. Черепной указатель	73,0 (59)	73,5 (35)	79,9 (15)	74,5 (14)	74,7 (17)
17. Высотный диаметр (ba—br)	136,8 (57)	136,1 (35)	135,0 (12)	130,3 (13)	127,7 (14)
5. Длина основания черепа	103,9 (56)	103,3 (35)	101,9 (15)	98,5 (11)	94,9 (14)
9. Наименьшая ширина лба	95,0 (51)	94,1 (37)	95,6 (15)	92,7 (12)	93,1 (16)
32. Угол лба (па—пе)	83,7 (42)	82,8 (31)	86,4 (14)	85,4 (8)	87,8 (9)
Надбровье (1—6 по Мартину)	3,20 (57)	3,08 (36)	2,93 (15)	1,69 (13)	1,38 (16)
40. Длина основания лица	98,5 (38)	98,5 (26)	95,9 (9)	94,5 (4)	92,3 (7)
45. Скуловая ширина	132,8 (27)	131,7 (16)	131,7 (15)	124,7 (7)	123,1 (7)
48. Средняя высота лица	68,7 (43)	69,1 (27)	67,8 (8)	63,6 (8)	63,2 (10)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,8 (26)	53,4 (14)	51,2 (8)	51,3 (7)	51,1 (5)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	40,9 (42)	40,2 (15)	42,4 (15)	40,6 (8)	39,2 (12)
52. Высота орбиты (лев.)	31,3 (41)	31,7 (32)	32,4 (15)	31,9 (8)	30,9 (14)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	75,0 (39)	79,1 (15)	76,3 (15)	78,0 (8)	79,8 (12)
54. Ширина носа	25,2 (43)	25,7 (28)	24,4 (13)	24,9 (7)	23,9 (8)
55. Высота носа	50,5 (44)	50,3 (29)	49,4 (14)	47,5 (8)	45,8 (13)
54:55. Носовой указатель	51,0 (42)	50,9 (28)	49,1 (13)	52,5 (7)	51,7 (8)
DC. Дакриальная хорда	21,8 (21)	19,9 (15)	21,1 (15)	20,0 (8)	22,2 (10)
DS. Дакриальная высота	13,4 (21)	11,6 (15)	12,4 (14)	11,3 (8)	12,0 (10)
DS:DC. Дакриальный указатель	61,7 (21)	62,3 (15)	60,1 (14)	56,9 (8)	55,6 (10)
SC. Симотическая хорда	9,5 (27)	8,5 (15)	9,4 (14)	8,4 (8)	9,0 (12)
SS. Симотическая высота	4,7 (35)	4,7 (15)	4,7 (13)	3,5 (8)	3,7 (12)
SS:SC. Симотический указатель	49,0 (25)	55,7 (15)	50,5 (13)	43,6 (8)	42,7 (12)
72. Угол профиля лица общий	84,7 (34)	84,3 (23)	85,2 (6)	83,9 (6)	84,2 (6)
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	29,7 (20)	29,0 (10)	32,6 (5)	20,3 (3)	26,0 (2)
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	136,4 (22)	137,5 (17)	140,5 (14)	138,8 (9)	138,6 (10)
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	127,0 (12)	124,6 (7)	126,1 (13)	124,4 (5)	123,7 (3)

После первых публикаций краниологических материалов из славянских курганов Белоруссии (Дебеч, 1932, 1948) весь материал и радимических и древлянских курганов был повторно исследован Т. И. Алексеевой (1960, 1961а; Происхождение., 1965, гл. XIV). Он включен в табл. 17 по ее данным. При разбивке этого материала и отнесении его к той или иной этнической группе были использованы археологические данные, позволяющие провести точные границы между ареалами славянских племен в эпоху средневековья (Рыбаков, 1932; Успенская, 1953; Соловьева, 1956; Седов, 1968). К сожалению, в нашем распоряжении находятся только единичные женские черепа белорусов, и поэтому сравнение краниологического типа современного и средневекового населения можно вести только по мужским черепам. В средневековом населении дреговичи и радимичи вместе с северянами и смоленскими кривичами образуют очаг долихокрании, который позволяет понять отмеченную выше тенденцию к сохранению относительно удлиненной формы черепной коробки у современного населения Белорусской ССР. Этим подтверждается тот вывод, который был сделан после рассмотрения ма-

териалов по краниологии русского народа, а именно: сохранение территориальных антропологических различий в составе современных восточнославянских народов во всяком случае с эпохи средневековья и, следовательно, необходимость для их объяснения накопления палеоантропологического материала по эпохе, непосредственно предшествующей славянской колонизации, который сейчас почти полностью отсутствует. Любопытно отметить, что хотя население Белоруссии по черепному указателю занимает такое же место на современной краниологической карте, как и дреговичи и радимичи на средневековой, брахикефализация имела место здесь так же, как и на Русской равнине. Темп ее был приблизительно одинаков, и поэтому масштаб различий по черепному указателю, который мы фиксируем в эпоху средневековья, сохранился до современности. Однако в отличие от населения Русской равнины в населении Белоруссии на протяжении последнего тысячелетия не проявляется грацилизации — современная серия при сравнении со средневековыми не обнаруживает отличий ни в высоте черепной коробки, ни в наименьшей ширине лобной кости, ни, наконец, в ширине лицевого скелета. Лицо становится ниже в средневековой серии, но уже отмечалось, что она слишком немногочисленна, чтобы можно было полностью избежать случайности выборки. В общем сколько-нибудь заметных и закономерных различий в величине и массивности черепа средневековое и современное население Белоруссии не обнаруживает. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о специфике процессов изменения признаков во времени на разных территориях и необходимости их дифференцированного рассмотрения.

При сопоставлении родимичей и дреговичей с белорусами по углам горизонтальной профилировки также незаметно определенных различий — тех различий, которые, как мы помним, вполне определенно проявляются при сопоставлении современного русского населения со средневековым по зигомаксиллярному углу. Но по углу выступления носа сдвиг в изменчивости идет в одном направлении как на территории Русской равнины, так и на территории Белоруссии; белорусы, подобно современным русским, отличаются заметно более выступающим носом, чем средневековое население. Аналогичная тенденция сдвигов в одном направлении проявляется также в ширине носа и носовом указателе — носовой указатель и ширина грушевидного отверстия заметно больше в эпоху средневековья в сериях родимичей и вятичей, чем в современной белорусской серии. Любопытно, что такое направление различий сохраняется несмотря на то, что лицевой указатель не увеличился, а ширина лица не уменьшилась в современной серии по сравнению со средневековыми. Очевидно, это обстоятельство связано с тем, что высота носа уменьшилась в современную эпоху, как и высота лица, но редукция ширины грушевидного отверстия (кстати сказать, осуществившаяся независимо от уменьшения скулового диаметра — он остался на прежнем уровне) произошла быстрее, и поэтому носовой указатель уменьшился, несмотря на стабильность верхнего лицевого указателя или даже некоторое его уменьшение. В общем известная тенденция изменения краниологического типа современного населения по сравнению с краниологическим типом дреговичей и радимичей имеет место, и она соответствует той же тенденции, которая была отмечена при сопоставлении территориальных групп русского народа с соответствующими им средневековыми. Современные белорусские черепа более узконосы, чем черепа радимичей и дреговичей, что проявляется как в абсолютной ширине грушевидного отверстия, так и в величине носового указателя, и имеют более выступающие носовые кости. В зигомаксиллярном угле и высоте лица различия, аналогичные сдвигам в изменчивости на территории Русской равнины, незаметны. Таким образом, тенденция, о которой мы

говорим, на территории Белоруссии проявляется все же слабее, чем при сравнении современного русского населения и летописных словен, кривичей и вятичей. Это видно и на графиках, где расстояние между радимичами и дреговичами, с одной стороны, и белорусами, — с другой, меньше, чем между всеми русскими группами и славянским населением Оки, верховьев Волги и Днепра (см. рис. 19—21).

О РОЛИ СУБСТРАТА В ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ

Итак, выше было установлено, что современное русское население отличается от средневековых племенных групп, которые, очевидно, легли в основу его формирования, целым рядом характерных признаков, из которых важнейшими являются профилированность нижней части лица в горизонтальной плоскости и выступание носа. Этими же признаками отличается от средневековых племенных групп и белорусский народ, хотя в последнем случае различия менее заметны. Как объяснить эти различия? Признаки, о которых идет речь, не подвержены изменениям во времени, а если и подвержены им, то в слабой степени. В принципе можно было бы предполагать, что различия проистекают за счет разного происхождения сравниваемого материала — средневековые черепа происходят из курганов и пролежали в земле в среднем почти тысячу лет, что могло повести к какой-то специфической деформации, тогда как на черепах, полученных при мацерации, следов такой деформации нет. Но тогда имела бы место уплощенность лица и носовых костей на всех ископаемых черепах и тем больше, чем дольше череп находился в земле, т. е. чем он древнее. Но в целом современные антропологические типы не отличаются от древних именно в этом направлении, а в пределах монголоидного ствола даже наоборот — современные сибирские монголоиды, например, более плосколицы и плосконосы, чем неолитическое население. Существует и прямой случай экспериментальной проверки — серии из Латвии. Две серии из западной и восточной Латвии происходят, как мы помним, из кладбищ XVIII в. и получены при раскопках, одна получена при мацерации трупов, как и современные русские серии. Различия в уплощенности лица и носа проявляются не между сериями XVIII в. и современной, а между сериями из западных и восточных районов, и серия XVIII в. из западных районов не обнаруживает того же сочетания признаков, что и одновременная ей серия из восточной Латвии, и наоборот, сближается с более поздней западной серией. Таким образом, механическое объяснение оказывается несостоятельным и нужно, по-видимому, дать наблюдаемым фактам генетическое истолкование.

Первый факт, который вспоминается в этой связи, установленное В. В. Седовым (1952) уплощение лицевого скелета и носовых костей на черепах из курганов с «чудским» волжско-ижорским инвентарем, распространенных на территории северо-западных земель Великого Новгорода. Черепа из славянских курганов с этой же территории не обнаруживают такого уплощения или же обнаруживают его лишь в небольшой степени. Этот факт продолжает вереницу аналогичных фактов, установленных и для других областей (см. предыдущую главу), но значение его в том, что в данном случае речь идет об одной территории и близкородственных группах. Он может быть истолкован вслед за В. В. Седовым, как свидетельство наличия небольшой монголоидной примеси в составе водьско-ижорских этнических групп в составе Новгородской республики. Правда, серия черепов из ижорского могильника XIII—XV вв.

в Гатчине не обнаруживает такой примеси, но сам могильник расположен несколько севернее. По-видимому, антропологический состав води и ижоры не был однороден, и монголоидная примесь была выражена в разных группах по-разному. С таким фактом мы столкнулись и при рассмотрении антропологического состава летто-литовских народов (ливвы и латгалы). Но в целом все же финноязычные народы Восточной Европы содержали в своем составе монголоидную примесь, хотя и небольшую, и исключения пока редки, если речь заходит о средневековых могильниках, которые можно идентифицировать с финским населением.

В табл. 18 представлены три серии новгородских словен и одна из курганов с финским инвентарем. Две из этих словенских серий происходят из Новгородской и Петербургской губерний (о происхождении их см. выше). Третья серия, описанная К. Ю. Марк (1956), собрана при раскопках курганной группы под Йьуга, находящейся на территории восточной Эстонии на север от Чудского озера. Инвентарь курганов в общем славянский, хотя встречаются в них и финские вещи. Что же касается финской серии, то она суммирована из данных В. В. Седова по отдельным могильникам с водско-ижорским инвентарем. Могильники эти расположены на сравнительно небольшом расстоянии один от другого и могут рассматриваться как этнически однородные (см. также Седов, 1953). При сравнении этих четырех серий отчетливо видно, что финская серия отличается от трех других славянских сразу и несколько более уплощенным лицом, и менее выступающим носом. Различия, правда, невелики, но следует помнить, что финские вещи встречаются в курганах словен (Йьуга), а следовательно, финское влияние может проследиться и в тех материалах, которые мы считаем заведомо славянскими, — это обстоятельство, конечно, уменьшает масштаб различий. Еще один признак, в котором намечается тенденция к определенным различиям, — ширина лица (в финской серии она больше), хотя тенденция эта не очень отчетлива и, например, на женских черепках вовсе не проявляется.

Итак, представляется весьма вероятным объяснить отличия современных русских серий от средневекового населения в уплощенности лицевого скелета и носовых костей контактом с дославянским, преимущественно, по-видимому, финноязычным населением, которое восточные славяне застали при заселении Русской равнины и северных районов Восточной Европы. В северо-западных и западных областях расселения русского народа и на территории Белоруссии аналогичное влияние могли оказать балтоязычные этнические группы, которые на востоке балтийского ареала также содержали, как мы убедились в главе 3, монголоидную примесь. Широкое распространение на восток балтийской топонимики (Топоров, Трубачев, 1962) и балтского погребального обряда (Седов, 1961) свидетельствует именно об этом — о контакте восточных славян в верхнем Поднепровье и в областях, примыкающих с востока к территории современных прибалтийских республик, со средневековыми балтийскими племенами. Весьма вероятно, что именно с их влиянием связано заметное уменьшение выступания носовых костей в витебской и смоленской сериях. Не исключено, правда, что и на западе какие-то группы восточнославянского населения испытали влияние не балтийских, а финских племен, хотя антропологически выбор между ними пока осуществить трудно. По всей вероятности, генетическими связями с древними финскими племенами объясняется и тенденция к относительной низколицести и широконосости, отличающая средневековое восточнославянское население от современных русских и белорусов — низколицыи и сравнительно широконосые варианты фиксируются, как известно, в составе народов Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху раннего железа.

Приведенное истолкование антропологических различий между средневековым и современным населением получило бы серьезную поддерж-

Сопоставление новгородских

Пол		
Этническая группа	Словене (Новгород. губ.)	Словене (Петербург. губ.)
Признаки	XI—XIV вв.	XI—XIV вв.
1. Продольный диаметр	183,9 (126)	180,2 (35)
8. Поперечный диаметр	141,9 (123)	141,1 (34)
8:1. Черепной указатель	77,2*	78,5(34)
17. Высотный диаметр (ba—br)	136,5 (115)	134,4 (33)
5. Длина основания черепа	101,8 (105)	99,9 (33)
9. Наименьшая ширина лба	97,6 (113)	95,6 (36)
32. Угол лба (па—mc)	85,2 (91)	84,2 (29)
Надбровье (1—6 по Мартину)	3,43 (117)	3,14 (37)
40. Длина основания лица	97,4 (70)	96,3 (30)
45. Скуловая ширина	132,5 (60)	131,5 (27)
48. Верхняя высота лица	68,7 (88)	67,4 (32)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,8*	51,3 (26)
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	43,3 (89)	42,9 (32)
52. Высота орбиты (лев.)	31,5 (90)	33,2 (31)
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	72,7*	77,4 (27)
54. Ширина носа	24,9 (88)	26,3 (25)
55. Высота носа	49,5 (90)	49,8 (33)
54:55. Носовой указатель	50,3*	52,9 (25)
DC. Дакриальная хорда	22,4 (73)	22,0 (23)
DS. Дакриальная высота	12,3 (71)	12,7 (23)
DS:DC. Дакриальный указатель	54,9*	58,2 (23)
SC. Симотическая хорда	9,6 (76)	9,5 (32)
SS. Симотическая высота	4,6 (74)	4,4 (32)
SS:SC. Симотический указатель	47,9*	46,8 (32)
72. Угол профиля лица общий	84,9 (74)	83,6 (26)
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	32,1 (71)	30,3 (20)
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	138,5 (69)	139,8 (27)
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	125,5 (56)	126,3 (23)

* Индекс средних.

ку, если бы удалось показать, что аналогичные различия не проявляются на территории Украины, где финское влияние не прослеживается. Для этого сопоставим средневековое славянское и современное население Украины на графиках корреляционного поля по трем признакам — верхней высоте лица, зигомаксиллярному углу горизонтальной профилировки и углу носовых костей к линии лицевого профиля (рис. 22—24), как это уже было сделано по отношению к населению Русской равнины и Белоруссии (см. рис. 19—21). Носовые кости выступают в современных украинских сериях несколько более заметно, чем в средневековых, но по зигомаксиллярному углу разницы нет. Практически она не проявляется и по высоте лица. Таким образом, различия не складываются в комплекс, как на территории Русской равнины. В известной мере это можно было бы сказать и про белорусские группы, но там очень заметна разница в степени выступления носа, сама по себе очень значительная. В украинских группах и она сводится к минимуму. То же самое видно и на суммарных графиках по трем перечисленным признакам (рис. 25—27): наиболее резко удалены друг от друга серии кривичей, вятичей и сло-

словен и чуди

♂		♀			
Словене (Эстония)	Водь или ижора (Новгород. губ.)	Словене (Новгород. губ.)	Словене (Петербург. губ.)	Словене (Эстония)	Водь или ижора (Новгород. губ.)
XII—XIV вв.	XII—XIV вв.	XI—XIV вв.	XI—XIV вв.	XII—XIV вв.	XII—XIV вв.
184,9 (18)	183,6 (127)	176,0 (106)	169,8 (22)	175,0 (22)	174,4 (111)
141,3 (18)	142,8 (127)	137,2 (107)	137,0 (22)	136,3 (22)	137,7 (111)
76,4 (18)	77,8*	78,0*	80,8 (22)	78,1 (22)	79,0*
137,1 (22)	136,7 (127)	130,0 (99)	128,5 (20)	131,1 (24)	129,9 (108)
103,6 (18)	102,2 (122)	97,8 (99)	95,8 (20)	97,2 (24)	96,8 (108)
98,5 (10)	99,4 (127)	95,0 (106)	92,7 (23)	93,6 (13)	95,4 (109)
84,4 (11)	86,4 (116)	87,0 (90)	86,3 (18)	85,1 (13)	87,6 (100)
3,53 (19)	3,37 (123)	1,80 (104)	1,74 (23)	1,78 (18)	1,67 (105)
97,1 (17)	98,8 (95)	94,1 (76)	92,4 (22)	93,4 (20)	93,2 (89)
134,0 (6)	136,0 (88)	126,1 (58)	122,3 (19)	124,2 (5)	125,7 (73)
67,9 (17)	68,7 (103)	64,6 (84)	64,2 (21)	63,6 (23)	64,3 (93)
50,7*	50,5*	51,2*	52,6 (19)	51,2*	51,2*
41,6 (11)	43,6 (116)	41,9 (97)	41,3 (20)	40,0 (16)	42,1 (100)
31,6 (10)	31,5 (117)	31,5 (97)	33,4 (20)	31,9 (15)	31,1 (100)
76,5 (10)	72,2*	75,2*	81,7 (20)	79,0 (14)	73,6*
25,1 (9)	25,2 (116)	24,3 (89)	25,4 (16)	23,7 (11)	24,1 (100)
49,2 (13)	49,8 (117)	46,8 (94)	47,4 (21)	46,3 (16)	46,8 (98)
51,3 (9)	50,6*	51,9*	53,9 (16)	50,8 (11)	51,5*
23,1 (10)	22,5 (110)	22,0 (78)	21,5 (11)	22,3 (12)	21,7 (38)
12,8 (10)	12,3 (110)	11,0 (77)	11,0 (11)	10,6 (11)	10,9 (96)
55,2 (10)	54,7*	50,0*	51,6 (11)	49,3 (10)	50,2*
10,1 (9)	9,4 (114)	9,5 (80)	9,3 (18)	9,3 (12)	9,4 (100)
4,8 (9)	4,2 (114)	3,9 (84)	3,6 (18)	3,9 (12)	3,7 (99)
46,6 (9)	44,7*	41,1*	38,1 (18)	39,9 (12)	39,4*
83,5 (4)	84,0 (106)	83,9 (81)	82,5 (17)	85,7 (7)	84,4 (91)
29,0 (1)	28,3 (93)	25,9 (62)	23,6 (10)	—	22,1 (82)
137,4 (3)	140,3 (105)	140,0 (96)	139,5 (18)	139,6 (7)	140,7 (115)
127,0 (5)	127,3 (97)	126,8 (54)	123,8 (11)	131,0 (5)	127,9 (75)

вен, с одной стороны, и русских — с другой, следующее место занимают белорусы, дреговичи и радимичи и, наконец, совсем близко, перемежаясь, располагаются древляне, поляне, северяне и современные украинцы. Таким образом, попарное сопоставление современного и средневекового населения для трех больших ареалов восточнославянских народов — Русской равнины, Белоруссии и Украины — показывает, что антропологические различия, которые могут рассматриваться как доказательство финского субстрата, четко выражены на Русской равнине, менее четко в Белоруссии и сходят на нет на территории Украины. Другими словами, средневековое славянское население Украины потому и не отличается от современных украинцев в том же направлении, в каком отличаются средневековые славяне от русских и в меньшей степени белорусов, что средневековые славяне Украины не включили в свой состав этнических групп, антропологически характеризовавшихся наличием монголоидной примеси и говоривших на каких-то финских языках.

Проблема дорусского, в первую очередь финского, субстрата в сложении русской народности получила противоположное решение в

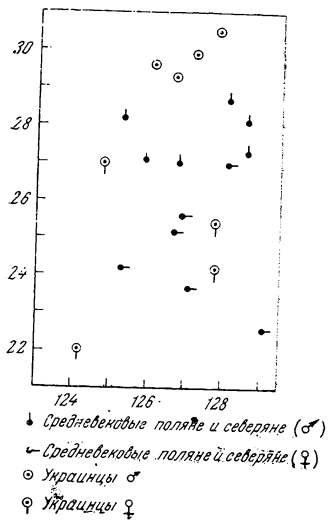

Рис. 22. График сопоставления средневекового и современного населения Украины по зигмаксиллярному углу и углу носовых костей к линии профиля

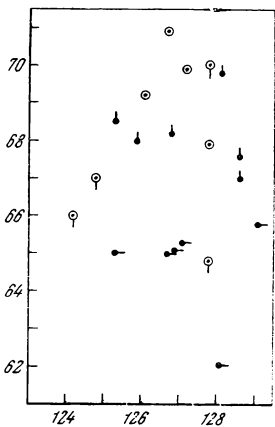

Рис. 23. График сопоставления средневекового и современного населения Украины по зигмаксиллярному углу и верхней высоте лица (обозначения те же, что и на рис. 22)

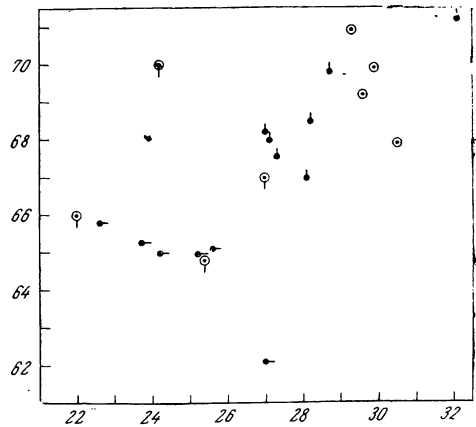

Рис. 24. График сопоставления средневекового (включая древлян) и современного населения Украины по углу носовых костей к линии профиля и верхней высоте лица (обозначения те же, что и на рис. 22)

исторической литературе. С одной стороны, начиная с известных «Историй» Н. М. Карамзина (1818), Н. А. Полевого (1829), наметилась тенденция не придавать финскому субстрату сколько-нибудь существенного значения. В последние десятилетия эту точку зрения активно защищали С. Ф. Платонов (1922) и Д. К. Зеленин (1929, 1940). С другой стороны, некоторые исследователи видели в русских преимущественно ослабленных финнов. К числу этих исследователей относятся, в частности, М. Т. Маркелов (1930), С. П. Толстов (1930), М. Н. Покровский (1933). Антропологические материалы позволяют высказать определенное отношение к этим гипотезам.

Очевидно, роль финского субстрата нельзя отрицать полностью — он сыграл заметную роль в формировании антропологических особенностей средневекового восточнославянского населения, но в то же время нельзя считать его и основным компонентом в сложении русской народности — на протяжении II тысячелетия он почти полностью растворился.

Последний вопрос, который возникает в связи с изложенной гипотезой, — отсутствие преемственности

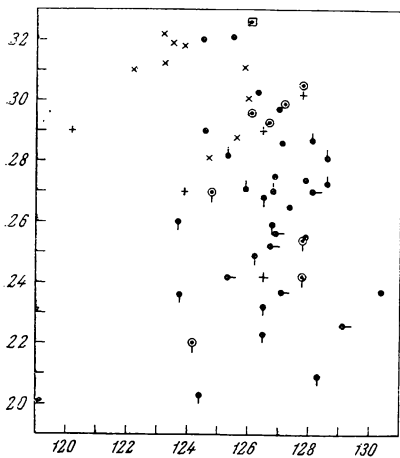

Рис. 25. График сопоставления средневекового и современного восточнославянского населения по зигомаксиллярному углу и углу носовых костей к линии профиля (обозначения те же, что и на рис. 19 и 22)

в этих признаках между средневековым и современным населением Русской равнины и до какой-то степени Белоруссии. Казалось бы, следовало ожидать, что несколько плосколицей и плосконосый морфологический вариант, который мы связываем в основном с финским населением, должен был сохраниться и в составе русского народа, коль скоро он выявляется в антропологическом составе словен, кривичей и вятичей. Между тем этого нет, и современные русские сближаются скорее с тем гипотетическим прототипом, который был характерен для предков восточнославянских народов до столкновения с финским субстратом и который мы пока в состоянии реконструировать только умозрительно из-за отсутствия соответствующих палеоантропологических материалов. Для объяснения этого на первый взгляд парадоксального факта можно высказать два предположения — связать его с разным темпом прироста славянского и финского населения или говорить о сравнительно поздних славянских переселениях, так сказать, о дополнительных миграциях уже, по-видимому, в первые века II тысячелетия, которые могли значительно увеличить контингент славянского населения и повести к растворению в нем местных финских этнических элементов, роль которых в

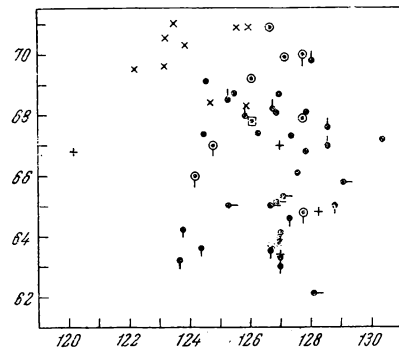

Рис. 26. График сопоставления средневекового и современного восточнославянского населения по зигомаксиллярному углу и верхней высоте лица (обозначения те же, что и на рис. 19 и 22)

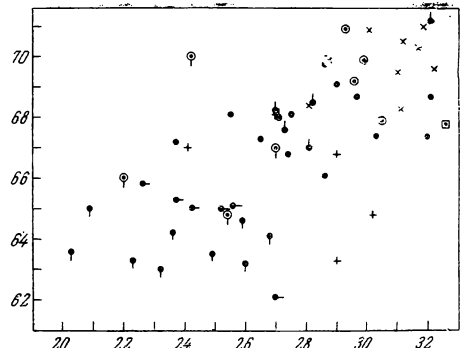

Рис. 27. График сопоставления средневекового и современного восточнославянского населения по углу носовых костей к линии профиля и верхней высоте лица (обозначения те же, что и на рис. 19 и 22)

конце I тысячелетия была еще довольно значительна. Для проверки обоих этих предположений и выбора между ними пока нет подходящих данных, и они остаются, к сожалению, умозрительными. Для проверки первого предположения нужны полностью раскопанные могильники с осуществляемой на антропологическом материале полной палеодемографической характеристикой. Они могли бы дать основания для оценки сравнительной скорости прироста населения в славянских и финских этнических группах. Вообще говоря, превосходство славян в скорости прироста, очень чувствительной к социально-экономическим условиям, кажется весьма вероятным — оно было бы связано с более высокой культурой и более высоким уровнем экономического и общественного развития. Но анализ такого рода пока проделан лишь по отношению к одному восточнославянскому могильнику, находящемуся за пределами рассматриваемой нами территории — речь идет о могильнике Бранешты в Молдавии, палеоантропологический материал которого описан М. С. Великановой (1964). Соответствующий анализ палеоантропологических материалов пока не произведен.

Что касается второго предположения, то для его обоснования нужен большой палеоантропологический материал из сельских славянских могильников, которые датировались бы XII—XVI вв. Такого материала пока также нет. До его получения было бы важно произвести анализ под этим углом зрения соответствующих исторических свидетельств, но такой анализ выходит за пределы компетенции автора, требуя специального источниковедческого исследования. Не исключено, правда, что даже такое исследование не заменит палеоантропологического, так как поздние переселения происходили уже в однородной славянской среде и могли не фиксироваться историческими источниками с большой подробностью. Пока вопрос о том, какое из этих двух предположений ближе к истине, остается открытым. Весьма вероятно, что оба отмеченных явления сыграли значительную роль в формировании антропологического облика русского и в меньшей степени белорусского народов.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Выделение именно этой территориальной группы русского народа и рассмотрение ее антропологических особенностей после общих замечаний о происхождении русского народа в целом обусловлены ее морфологическим своеобразием, выявившимся уже при описании географических вариаций отдельных признаков. То же самое характерно и для вологодской серии. Находящиеся в нашем распоряжении краниологические серии из Архангельской и Олонецкой губерний, как мы помним, обратили на себя внимание сравнительно малым выступанием носовых костей и относительно низким переносьем. Можно было бы думать, что такой сдвиг в величине этих признаков представляет собой просто следствие более интенсивного влияния древнего финского субстрата, чем в других территориальных группах. Но по величине зигомаксиллярного угла ни архангельская, ни олонеккая серия, что уже отмечалось, не обнаруживает никакой уплощенности лица, наоборот, горизонтальная профилировка лица в этих сериях очень резкая, а по назомаллярному углу они даже занимают крайнее место, отличаясь минимальными вариациями в пределах русского населения. Допущение влияния древнего субстрата не объясняет, следовательно, отмеченных отклонений в выступании носовых костей при отсутствии отклонений в профилированности лицевого скелета в горизонтальной плоскости. В то же время и оставить эти

отклонения без внимания никак нельзя, так как они проявляются по важным признакам и к тому же значительны по масштабу.

Аналогичное сочетание признаков — малое выступание носа при довольно резкой горизонтальной профилировке — было отмечено выше в серии коми, представленной в основном черепами коми-пермяков. Сочетание это, как мы убедились, не стоит изолированно и находит аналогии в некоторых древних сериях с территории Прикамья и Приуралья. Для серии коми в качестве ближайшей в морфологическом отношении аналогии были отмечены черепа из Митинского могильника, относимого к харинскому этапу ломоватовской культуры, и серий из могильников пьяноборской культуры. Таким образом, сочетание сравнительно слабого выступания носовых костей с резкой горизонтальной профилировкой нельзя считать случайным — в Приуралье среди народов финно-угорской языковой семьи оно представляло определенное направление расообразовательного процесса. Склонен думать, что два эти явления — аналогичные сдвиги в изменчивости признаков на разных территориях, с одной стороны, в составе древних финно-угорских народов и коми, с другой — в русских группах Европейского Севера причинно связаны и что в состав последних вошли какие-то группы народа коми, затем полностью обрусевшие. В монографии В. Н. Белицер (1958) приведены примеры значительного влияния русской культуры на культуру и быт коми. Весьма вероятно, что при колонизации Европейского Севера потомки словен новгородских включили в свой состав какие-то группы коми, а может быть, что, правда, менее вероятно, и какую-нибудь другую финно- или угорязычную группу, отличающуюся антропологически аналогичным сочетанием признаков. Правда, если говорить о коми, то речь в данном контексте может идти только о коми-зырянах, так как никаких исторических свидетельств проникновения коми-пермяков на север в нашем распоряжении нет (население Вологодской губернии могло, правда, сталкиваться и с пермяками). Отмеченная комбинация признаков установлена в серии, состоящей преимущественно из черепов коми-пермяков. Н. Н. Чебоксаров в своей основополагающей работе об этногенезе народа коми по антропологическим данным установил существенные морфологические различия между зырянами и пермяками (Чебоксаров, 1946). И тем не менее факт налицо: не соответствующее направлению исторической корреляции сочетание признаков, отмеченных в составе русского населения, которое исторически могло сталкиваться только с зырянами (архангельская и олонецкая серии), и в составе пермяков. Очевидно, в составе непосредственных предков зырян на севере были какие-то отдельные локальные группы, которые характеризовались краниологически теми же признаками, что и пермяки. Их то, по-видимому, и ассимилировали русские при своем движении на север и северо-восток.

Интерпретируя все эти морфологические факты и сопоставления исторически, приходим к выводу, что процесс формирования антропологического состава населения Архангельской и Олонецкой губерний прошел через несколько этапов. Первый этап, как и у других территориальных групп русского народа, — включение древних элементов финского происхождения, принесших монголоидную примесь. Второй этап — растворение этой примеси в результате увеличения удельного веса славянского компонента. Наконец, третий этап — повторное включение финских элементов, этнически представлявших, по-видимому, одну из групп предков коми-зырян.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ОСНОВНОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ЭТНОГЕНЕЗЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Предыдущие страницы были посвящены в основном рассмотрению происхождения того субстратного антропологического элемента в составе русского и частично белорусского народов, который хотя и сыграл немалую роль, но ни в коей мере не может считаться основным. К сожалению, происхождение основного типа восточнославянского населения, который, собственно говоря, и был принесен славянской колонизацией, остается пока загадкой, и здесь мы вступаем в область гипотез (обзор гипотез прародины славян см.: Филин, 1962). Так как краниологические материалы по современному населению Восточной Европы почти ничего не прибавляют в этом отношении к уже имеющимся данным, ограничусь лишь несколькими беглыми замечаниями.

Сравнительное сопоставление восточнославянских курганных серий и серий из могильников западных и южных славян показало, что между ними существуют закономерные различия (Трофимова, 1946, 1948; Великанова, 1964). Они выражаются в разной массивности и размерах черепной коробки, разных пропорциях лицевого скелета и составляющих его элементов. Западнославянские и южнославянские серии отличаются несколько более крупной и массивной черепной коробкой, несколько более узким и высоким лицом. Грушевидное отверстие у них уже, орбиты выше. Практически наиболее заметны различия в орбитном, носовом и лицевом указателях, сильнее всего — в носовом указателе. Любопытно отметить, что по всем этим признакам германские серии отличаются от восточнославянских еще значительно, чем западнославянские и южнославянские. Последние занимают как бы промежуточное положение между германскими сериями и восточнославянскими по горизонтальным диаметрам черепной коробки и по лицевому, орбитному и носовому указателям. Отличие германцев от славян в последнем признаке было отмечено почти 50 лет назад еще А. Шлицем (Schlitz, 1913). Итак, если исключить местный восточноевропейский этнически финский, как мы пытались показать, субстрат в антропологическом составе восточнославян-

Таблица 19

Сопоставление указателей пропорций лицевого скелета у современных восточнославянских народов, средневековых славян и германцев

Этнические группы Признаки	Русские	Бело- русы	Украинцы	Средневековые славяне			Средне- вековые германцы
				восточные	западные	южные	
Носовой указатель							
Число групп . .	15	1	4	17	10	5	9
Средняя	49,0	49,1	48,9	51,0	49,2	47,8	47,1
Размах вариаций	48,0—51,0	—	47,7—49,7	49,0—52,7	47,6—50,9	46,3—50,4	46,5—48,2
Орбитный указатель от n1							
Число групп . .	15	1	4	15	8	5	4
Средняя	77,7	76,3	76,1	76,7	78,5	78,5	79,8
Размах вариаций	76,2—80,3	—	75,6—76,8	74,2—78,9	75,3—80,1	77,6—79,5	—
Верхний лицевой указатель							
Число групп . .	15	1	4	18	10	4	9
Средняя	53,8	51,2	51,7	51,8	52,5	52,9	53,4
Размах вариаций	52,7—55,0	—	50,5—52,4	50,4—53,2	50,4—54,4	51,2—53,2	52,4—55,4

ских народов (а направление различий между западно- и южнославянскими, с одной стороны, и восточнославянскими сериями,—с другой, также свидетельствует в пользу реального влияния этого субстрата), то мы получим комбинацию признаков, близкую к той, которая фиксируется в средневековых славянских могильниках Польши и особенно Чехословакии. Современные краниологические серии восточнославянских народов по тем важным дифференцирующим признакам, о которых идет речь, больше сближаются с западнославянскими и южнославянскими группами, чем с восточнославянскими... Это сходство можно проиллюстрировать данными, содержащимися в табл. 19. Она взята из статьи М. С. Великановой (1964) с добавлением вариаций указателей в современных восточнославянских сериях. Больше всего это сходство с западнославянскими и южнославянскими группами характерно для русских. Они даже более высоколицы, чем южные славяне, и сближаются с германцами. Для белорусов и украинцев это сходство проявляется в вариациях носового профиля, тогда как по орбитному и верхнему лицевому указателям они все же сближаются с восточнославянскими группами эпохи средневековья. Полагаю, что такое сходство с западными славянами можно трактовать как свидетельство в пользу западного и юго-западного пути проникновения основного антропологического типа в составе восточнославянских народов на территорию Украины, Белоруссии и Русской равнины. К сожалению, этапы его формирования на западе и юго-западе из-за отсутствия достаточно полных палеоантропологических материалов I тысячелетия н. э. пока неясны. Трудно представить себе пока и то, в каком соотношении с основным типом находится широколицый вариант, зафиксированный в составе населения верхнего Поднестровья — могильник у с. Васильев (Великанова, 1964), древлян и полоцких кривичей (полочан), а также представленный в современных украинцах.

ВЫВОДЫ

1. Рассмотрение вариаций краниологических признаков на территории расселения русского народа позволяет говорить о единстве краниологического типа русских. По всему огромному русскому ареалу локальная изменчивость преобладает над типологической.

2. Исключение составляют две территориальные группы — население Вологодской, Костромской, Ярославской и Тверской губерний, отличающееся повышением черепного указателя, и население северных районов, отличающееся понижением переносья и некоторой уплощенностью носовых костей.

3. Различия в черепном указателе восходят к эпохе средневековья.

4. Уплощенность носовых костей в северных районах является следствием поздней ассимиляции русским населением финских этнических групп, предположительно коми-зырян.

5. Современные русские серии закономерно отличаются от средневековых серий летописных словен, кривичей и вятичей меньшей величиной зигмаксиллярного угла горизонтальной профилировки и большей величиной угла носовых костей к линии лицевого профиля. Автор склонен рассматривать эти различия как проявление дославянского финского субстрата в составе средневековых славян. В пользу такой трактовки свидетельствует и отсутствие аналогичных различий между украинцами и летописными полянами, древлянами, северянами, а также уменьшение абсолютной и относительной ширины носа и увеличение верхнего лицевого указателя в современном русском населении.

6. Белорусская серия отличается от серии летописных радимичей и дреговичей в том же направлении, что и русские серии от средневековых,

но в заметно меньшей степени, что свидетельствует о меньшей роли до-славянского субстрата в этногенезе белорусского народа. Этнически он мог быть не финским, а балтийским летто-литовским.

7. Судя по краниологическим данным, антропологический тип украинцев сложился на базе антропологического типа летописных древлян.

8. Участие в формировании типа украинцев вариантов, характерных для летописных полян и северян, весьма вероятно, но этот тезис в меньшей степени получает подтверждение в морфологических фактах, чем предыдущий.

9. Аналогичное утверждение по отношению к населению, оставившему Салтовский, Зливкинский, Каменский и Каирский могильники, лишено каких-либо морфологических оснований, хотя некоторое участие этих этнических групп в сложении украинского народа и нельзя отрицать полностью, исходя из антропологических данных.

10. При сопоставлении современного славянского населения Восточной Европы со средневековыми восточными, западными и южными славянами по признакам, отделяющим восточных славян от остальных, выявляется, что современные восточнославянские народы (особенно русские) в большей мере сближаются с западнославянским средневековым населением, нежели с восточнославянским. Этот факт говорит о юго-западном направлении, в котором следует искать генетические истоки антропологического типа, послужившего основным компонентом в формировании антропологического состава восточнославянских народов. Отношение к этому типу широколицего варианта (население Верхнего Поднестровья, древляне, полоцкие кривичи) пока неясно.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949.
- Алексеев В. П. Антропология Салтовского могильника (предв. сообщение). Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXI, 1959.
- Алексеев В. П. Археологія Салтівського могильника. Матеріали з антропології України, вып. 2. Київ, 1962.
- Алексеев В. П. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа. В кн.: Современная антропология. Тр. Московского об-ва испытателей природы, т. XIV. М., 1964.
- Алексеева Т. И. Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна. (К проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье). Антропологический сборник, 1. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Алексеева Т. И. Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья. Вопросы антропологии, вып. 1, 1960.
- Алексеева Т. И. Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра. Вопросы антропологии, вып. 8, 1961.
- Алексеева Т. И. Краниологическое изучение восточнославянских племен эпохи средневековья. Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae, t. V, fasc. III—VI. Anthropologia, publicatio III, pars I. Bratislava, 1961a.
- Алексеева Т. И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья. Антропологический сборник, IV. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 82. М., 1963.
- Алексеева Т. И. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян. Сов. археология, 1964, № 3.
- Анучин Д. Н. О черепе из курганов и могильников Изюмского у. Харьковской губ. Тр. XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. 1. М., 1905.
- Анучин Д. Н. К антропологии украинцев. Русский антр. журнал, 1918, № 1—2.
- Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народа коми. XIX — начало XX в. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XV. М., 1958.
- Богданов А. П. Антропологические материалы, ч. 1. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. IV, вып. 1. М., 1867.
- Богданов А. П. Курганные черепа суджанского длинноголового населения по реке Пселу, находящиеся в краниологическом собрании Общества любителей естествознания. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXI. М., 1879.

- Богданов А. П. Древние киевляне по их черепам и могилам. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXXV, ч. I. М., 1880.
- Богданов А. П. Курганные жители северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XXV, ч. I. М., 1880а.
- Бунак В. В. Антропологические исследования в Закарпатской области УССР. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. IV, 1948.
- Бунак В. В. Краниологические типы западноевропейского неолита в сравнении с более древними. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XIII, 1951.
- Бунак В. В. Антропологические исследования в южной Белоруссии. Антропологический сборник, I. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXIII. М., 1956.
- Бунак В. В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. X, IX. М., 1959.
- Бунак В. В. Антропологические типы русского народа и вопросы истории их формирования. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXXVI, 1962.
- Великанова М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. Сов. этнография, 1964, № 6.
- Волков Ф. К. Антропологические особенности украинского народа. В кн.: Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II. М., 1916.
- Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. Тр. XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. II. М., 1905.
- Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? Изв. Гос. акад. истории материальной культуры, т. V, 1927.
- Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.
- Дебец Г. Ф. Черепі кочевиків. Антропология, т. III. Київ, 1930.
- Дебец Г. Ф. Чарапы Люцынскага магільніку. Працы сэкціі археологіі Беларускай АН, т. III. Менск, 1932.
- Дебец Г. Ф. К характеристике остеологических особенностей южносибирской расы. Антр. журнал, 1934, № 3.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. IV. М.—Л., 1948.
- Денисова Р. Я. К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев. Изв. АН Латвийской ССР, 1958, № 2.
- Дяченко В. Д. Наслідки роботи Українсько антропологічно експедиції 1956 року. Матеріали з антропології України, вип. I. Київ, 1960.
- Дяченко В. Д. Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965.
- Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности. Сборник Ленинградского об-ва изучения культуры финно-угорских народностей, т. I. Л., 1929.
- Зеленин Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. Сов. этнография, т. III. М.—Л., 1940.
- Зиневич Г. П. Матеріали до вивчення антропологічних особливостей черепів з Каєрського могильника XI—XIII ст. Матеріали з антропології України, вип. I. Київ, 1960.
- Зиневич Г. П. Антропологические особенности древнего населения Украины. Автореф. дисс. Киев, 1964.
- Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. СПб., 1818.
- Кондукторова Т. С. Черепа из Вовнигских поздненеолитических могильников. Кр. сообщ. Ин-та археологии АН Украинской ССР, вып. 6, 1956.
- Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника. Сов. антропология, 1957, № 1.
- Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. Материалы и исследования по археологии СССР, № 62. М.—Л., 1958.
- Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР. Балтийский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. XXXII. М., 1956.
- Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских. Этнография, 1930, № 1—2.
- Махно Е. В. Раскопки могильника в с. Каирах. Кр. сообщ. Ин-та археологии АН Украинской ССР, вып. 5, 1955.
- Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово. Автореф. дисс. М.—Л., 1949.
- Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. XXXVI, 1951.
- Наджимов К. Н. О черепе Зливкинского могильника. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XXIV, 1955.
- Никольская Т. Н. Этнические группы Верхнего Поволжья. Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. XXIV, 1949.
- Платонов С. Ф. Новгородская колонизация Севера. В кн.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922.

- Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. Сов. археология, 1962, № 1.
- Покровский А. М. Верхнесалтовский могильник. Тр. XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. 1. М., 1905.
- Покровский М. Н. Образование Московского государства и великорусская народность. В кн.: Историческая наука и борьба классов, вып. 1. М.—Л., 1933.
- Полевой Н. А. История русского народа, т. 1. М., 1829.
- Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия), т. 88. М., 1965.
- Равдина Т. В. О датировке вятических курганов. Сов. археология, 1965, № 1.
- Рогинский Я. Я. Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека. Уч. зап. МГУ, вып. 166. М., 1954.
- Русанова И. П. Археологические памятники на территории древлян. Сов. археология, 1958, № 4.
- Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным. Сов. археология, 1960, № 1.
- Рыбаков Б. А. Радзімічы. Працы сэкціі археалогіі Беларускай АН, т. III. Менск, 1932.
- Рыбаков Б. А. Поляне и северяне (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре). Сов. этнография, т. VI—VII. М.—Л., 1947.
- Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. XV, 1952.
- Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). Сов. археология, т. XVIII. М., 1953.
- Седов В. В. Кривичи. Сов. археология, 1960, № 1.
- Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. Сов. археология, 1961, № 2.
- Седов В. В. Дреговичи. Сов. археология, 1968, № 3.
- Семенов-Зусер С. А. Раскопки колос. Верхнего Салтова 1946 р. Археологічкі пам'яткі УРСР, т. 1. Київ, 1960.
- Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). Сов. археология, т. XXV. М., 1956.
- Соловьева Г. Ф. К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. Сов. археология, 1963, № 2.
- Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. Журнал Министерства народного просвещения (нов. серия), ч. XIX (январь), 1909.
- Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. Сов. археология, 1961, № 3.
- Толстов С. П. К проблеме аккультурации. Этнография, 1930, № 1—2.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Третьяков П. Н. Костромские курганы. Изв. Гос. акад. истории материальной культуры, т. X, вып. 6—7, 1931.
- Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. Материалы и исследования по археологии СССР, № 6. М.—Л., 1941.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Трофимова Т. А. Черепа из Никольского кладбища (к вопросу об изменчивости типа во времени). Материалы по антропологии Восточной Европы. Уч. зап. МГУ, вып. 63. М., 1941.
- Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. Сов. этнография, 1946, № 1.
- Трофимова Т. А. Краниологические данные к этногенезу западных славян. (Славяне раннего средневековья на территории Германии и Польши). Сов. этнография, 1948, № 2.
- Трофимова Т. А. Палеоантропологические материалы к разработке проблемы этногенеза славян. Тезисы докладов и выступлений на совещании по методологии этногенетических исследований 1951 г. М., 1951.
- Успенская А. В. Курганы южной Белоруссии X—XIII вв. Археологический сборник. Тр. Гос. исторического музея, вып. XXII. М., 1953.
- Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962.
- Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. Сов. этнография, 1946, № 2.
- Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами. Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CXXIV, вып. 2. М., 1913.
- Чепурковский Е. М. Материалы для антропологии России (опыт выделения типов по географическому методу). М., 1917.
- Шаскольский М. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

- Bogdanov A. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? Congrès International d'archéologie préhistorique et d'anthropologie, II-me session à Moscou, t. I, 1892.
- Bunak V. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, Bd. XXX, 1932, H. 3.
- Bunak V. The craniological types of the East slavic kurgans, Anthropologie, t. X. Praha, 1932a.
- Bunak V. Neolitische Schädeltypen Ost- und Westeuropas und ihre vergleichende Charakteristik. Anthropologiai Közlemények, k. V, 1961, f. 1—4.
- Morant G. A preliminary classification of european races based on cranial measurements. Biometrika, vol. XXB, part 3—4, 1928.
- Pearson K., Davin A. On the biometric constants of the human skull. Biometrika, vol. XVI, 1924, part 3—4.
- Schliz A. Frühmittelalterliche Skelettgräberfelder ohne absichtliche Beigaben: ein Beitrag zur altslawischen Rassenkunde. Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 45, 1913.
- Wallis R. Cranial relationships and correlations. Human biology, vol. VI, 1934.

Средние размеры и показатели черепов западных латышей XVII—XVIII вв. (Дурбе)

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$	
1. Продольный диаметр	59	184,6	5,59	0,73	44	177,3	5,28	0,80	
8. Поперечный диаметр	58	144,1	4,14	0,54	50	137,6	5,60	0,79	
17. Высотный диаметр (ba—br)	47	132,6	5,94	0,87	30	126,8	4,89	0,89	
20. Высотный диаметр (po—br)	54	113,6	5,00	0,68	39	108,3	4,77	0,76	
5. Длина основания черепа	46	101,1	5,18	0,76	28	96,2	4,48	0,86	
9. Наименьшая ширина лба	60	99,4	4,20	0,54	51	94,9	4,31	0,60	
10. Наибольшая ширина лба	60	123,7	5,15	0,66	50	118,5	5,18	0,73	
11. Биангулярная ширина	55	125,7	4,83	0,65	39	117,6	5,20	0,83	
12. Ширина затылка	51	113,1	4,31	0,60	34	107,4	4,31	0,74	
29. Лобная хорда	55	112,3	4,78	0,64	48	107,8	2,21	0,32	
Высота изгиба лобной кости	53	25,0	2,31	0,32	48	26,3	2,19	0,32	
32. Угол лба (па—ме)	45	80,3	3,87	0,58	35	83,1	3,34	0,56	
Угол лба (gl—ме)	45	74,3	4,83	0,72	35	78,8	3,97	0,67	
Общий вид сверху (пог- та verti- calis), %	{ Ellipsoides	14	23,0	—	—	14	26,4	—	—
	{ Ovooides	28	46,0	—	—	21	39,6	—	—
	{ Pentagonoides	4	6,6	—	—	6	11,3	—	—
	{ Rhomboides	1	1,6	—	—	2	3,8	—	—
	{ Sphenoides	12	19,6	—	—	10	18,9	—	—
{ Sphaeroides	2	3,2	—	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	61	2,61	—	—	51	1,61	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	56	2,05	—	—	44	1,30	—	—	
8:1. Черепной указатель	58	78,2	3,12	0,41	43	77,8	3,15	0,48	
17:1. Высотно-продольный указатель	45	72,2	3,07	0,46	28	71,1	3,21	0,62	
17:8. Высотно-поперечный указатель	45	92,2	4,80	0,72	30	92,3	5,08	0,93	
9:8. Лобно-поперечный указатель	57	68,9	3,93	0,52	47	69,1	3,62	0,53	
9:10. Лобный указатель	59	80,7	4,34	0,57	48	80,3	3,54	0,51	
9:12. Лобно-затылочный указатель	51	87,9	5,35	0,75	31	87,0	5,25	0,94	
Указатель высоты изгиба лобной кости	53	22,5	1,75	0,24	48	23,9	1,97	0,28	
40. Длина основания лица	38	96,6	6,08	0,99	21	93,3	5,50	1,23	
43. Верхняя ширина лица	58	105,9	3,59	0,47	49	101,1	3,97	0,57	
45. Скуловая ширина	47	133,5	4,94	0,72	42	123,7	4,79	0,74	
46. Средняя ширина лица	41	97,4	5,74	0,90	38	90,7	5,22	0,85	
47. Полная высота лица	15	117,5	6,66	1,78	6	111,5	4,76	2,13	
48. Верхняя высота лица	47	69,4	3,64	0,53	40	66,1	3,97	0,63	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	44	21,3	2,04	0,31	40	19,7	1,95	0,31	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	48	42,6	1,56	0,23	43	40,9	1,41	0,21	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	40	39,2	1,54	0,24	41	38,0	1,35	0,21	
52. Высота орбиты (лев.)	51	33,0	5,32	0,75	43	32,6	2,00	0,30	
54. Ширина носа	44	25,2	1,74	0,26	39	24,0	1,72	0,28	
55. Высота носа	47	51,7	3,60	0,52	41	48,8	3,08	0,48	
Форма ниж- него края грушевидно- го отверстия, %	{ Anthropina	27	58,7	—	—	27	65,9	—	—
	{ Fossae praenasa- les	19	41,3	—	—	12	29,2	—	—
	{ Infantilis	—	—	—	—	2	4,9	—	—
Передненосовая ось (1—5 по Брока)	39	2,98	—	—	31	2,87	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	44	4,8	1,97	0,30	41	5,0	1,63	—	

Таблица 20 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
	62. Длина нёба	33	44,8	3,37	0,59	25	42,1	2,70	0,55
	63. Ширина нёба	23	38,3	2,99	0,62	19	37,2	2,68	0,63
	43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	52	100,1	3,43	0,48	42	95,3	3,48	0,54
IOW sub.	Высота назиона над биорби- тальной шириной	52	18,4	2,13	0,30	42	18,0	2,80	0,43
	Зигмаксиллярная ширина (zmp'—zmp')	36	94,9	4,81	0,80	35	89,4	4,37	0,74
	Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	36	23,6	2,85	0,48	34	21,8	2,18	0,37
DC.	Дакриальная хорда	32	23,3	1,69	0,30	29	19,1	2,29	0,43
DS.	Дакриальная высота	32	13,6	1,18	0,21	29	12,8	1,74	0,33
SC.	Симотическая хорда	37	10,5	1,86	0,35	34	9,8	1,55	0,27
SS.	Симотическая высота	37	4,9	0,97	0,16	34	4,3	0,93	0,18
	72. Угол профиля лица общий	40	86,0	2,96	0,47	27	84,7	2,72	0,53
	73. Угол профиля средней части лица	40	86,6	2,97	0,47	31	85,9	2,93	0,53
	74. Угол профиля альвеолярной части лица	39	82,8	5,93	0,95	27	80,7	4,77	0,94
	75. Угол носовых костей к гори- зонтالي	32	53,7	5,71	1,09	26	57,1	6,07	1,21
75 (1).	Угол носовых костей к ли- нии профиля	33	31,7	4,68	0,81	23	27,3	5,61	1,17
	77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	52	139,5	4,33	0,60	42	138,4	5,52	0,85
	Зигмаксиллярный угол (zmp'—ss—zmp')	36	126,9	5,46	0,91	34	127,6	4,95	0,85
	40:5. Указатель выступания лица	38	95,7	5,24	0,85	21	96,6	4,77	1,04
	45:8. Горизонтальный фашиоцере- бральный указатель	45	92,9	3,94	0,59	41	90,1	3,84	0,60
	48:17. Вертикальный фашиоцере- бральный указатель	38	52,6	3,46	0,56	21	51,8	4,37	0,98
	47:45. Общий лицевой указатель .	15	86,7	4,69	1,25	6	89,1	4,65	2,08
	48:45. Верхний лицевой указатель	44	52,1	2,95	0,44	35	53,7	3,83	0,65
	52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	48	78,0	5,41	0,78	43	79,9	5,30	0,81
	52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	40	84,6	6,33	1,00	41	86,2	5,37	0,84
	54:55. Носовой указатель	44	48,7	4,61	0,70	39	49,3	5,07	0,81
	63:62. Нёбный указатель	22	87,4	8,18	1,79	19	87,9	8,10	1,91
DS:DC.	Дакриальный указатель	32	58,6	7,59	1,34	29	61,7	10,84	2,05
SS:SC.	Симотический указатель	37	47,6	10,61	1,77	34	44,3	7,98	1,37
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	26	23,1	3,61	0,72	19	21,6	3,09	0,73
	65. Бикондилярная ширина	6	117,0	6,42	2,87	6	111,8	4,87	2,17
	66. Бигониальная ширина	12	101,8	4,46	1,34	10	94,1	3,48	1,16
	68. Длина нижней челюсти от углов	6	83,5	3,01	1,30	4	76,0	—	—
68 (1).	Длина нижней челюсти от мышцелков	6	110,5	3,73	1,67	4	107,8	—	—
	70. Высота ветви нижней челюсти	6	61,8	2,64	1,18	4	57,8	—	—
71a .	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	19	32,4	2,25	0,53	12	30,5	2,20	0,66
	79. Угол ветви нижней челюсти Угол выступания подбородка (inf—po)	6	124,0	5,83	2,38	4	130,8	—	—
		11	71,4	7,40	2,34	4	63,5	—	—

Средние размеры и указатели черепов западных латышей

Пол	♂				♀					
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
1.	Продольный диаметр	22	184,1	7,70	1,68	10	173,5	3,57	1,19	
8.	Поперечный диаметр	22	145,0	5,63	1,23	10	139,9	6,44	2,14	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	20	132,5	5,74	1,32	9	122,7	5,63	1,99	
20.	Высотный диаметр (po—br)	20	112,3	4,72	1,08	9	105,7	4,40	1,91	
5.	Длина основания черепа	22	101,6	5,06	1,10	10	94,1	3,14	1,04	
9.	Наименьшая ширина лба	22	97,5	4,13	0,90	10	94,1	3,21	1,07	
10.	Наибольшая ширина лба	22	120,8	5,29	1,16	9	114,3	2,18	0,77	
11.	Биаурикулярная ширина	22	126,9	5,23	1,14	10	119,1	8,21	2,74	
12.	Ширина затылка	20	113,2	3,98	0,91	9	107,0	7,51	2,65	
29.	Лобная хорда	20	113,0	6,59	1,51	9	105,0	4,29	1,52	
	Высота изгиба лобной кости	20	26,0	2,66	0,61	9	25,0	4,62	1,63	
32.	Угол лба (pa—me)	20	81,2	3,28	0,75	10	84,8	4,29	1,43	
	Угол лба (gl—me)	20	76,1	4,32	0,99	10	80,7	4,47	1,49	
	Общий вид сверху (пог- та vertica- lis), %	Ellipsoides	2	4,5	—	—	1	10,0	—	—
		Ovoides	10	45,5	—	—	3	30,0	—	—
		Rhomboides	1	4,5	—	—	1	10,0	—	—
		Pentagonoides	2	9,1	—	—	1	10,0	—	—
		Sphenoides	6	27,3	—	—	4	40,0	—	—
	Sphaeraides	1	4,5	—	—	—	—	—	—	
	Надбровье (1—6 по Мартину)	22	2,64	—	—	10	2,00	—	—	
	Сосцевидный отросток (1—3)	22	2,55	—	—	10	1,40	—	—	
8:1.	Черепной указатель	22	78,9	3,42	0,75	10	80,7	4,20	1,40	
17:1.	Высотно-продольный указатель	20	71,9	2,95	0,68	9	70,6	3,34	1,18	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	20	91,6	4,33	0,99	9	88,5	5,25	1,86	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	22	67,3	3,44	0,75	10	67,4	3,35	1,12	
9:10.	Лобный указатель	22	80,8	4,06	0,89	9	81,8	1,75	0,62	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	20	86,2	3,89	0,89	9	88,2	6,80	2,40	
	Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	20	22,9	1,59	0,36	9	23,8	1,87	0,66	
40.	Длина основания лица	21	100,8	6,31	1,41	9	93,0	4,24	1,50	
43.	Верхняя ширина лица	22	106,4	4,23	0,92	10	100,1	3,28	1,16	
45.	Скуловая ширина	22	133,9	4,94	1,08	10	122,4	5,38	1,79	
46.	Средняя ширина лица	21	95,4	4,31	0,96	10	87,3	4,37	1,46	
47.	Полная высота лица	16	119,8	6,97	1,80	5	103,4	6,43	3,21	
48.	Верхняя высота лица	20	72,3	3,70	0,85	10	65,3	3,20	1,07	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	22	19,8	1,94	0,42	10	17,7	2,32	0,77	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	21	43,5	2,08	0,47	10	40,6	2,09	0,70	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	20	40,0	1,35	0,31	10	38,0	2,13	0,71	
52.	Высота орбиты (лев.)	21	33,0	2,40	0,54	10	32,2	1,83	0,61	
54.	Ширина носа	20	25,5	2,06	0,47	10	23,1	1,91	0,64	
55.	Высота носа	21	52,2	2,41	0,54	10	47,4	2,68	0,89	
	Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	Anthropina	15	71,4	—	—	9	90,0	—	—
		Fossae prae- nasales	6	28,6	—	—	—	—	—	—
		Infantilis	—	—	—	—	1	10,0	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	21	3,14	—	—	10	2,80	—	—	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	21	5,2	1,96	0,44	10	4,8	1,65	0,55	
62.	Длина нёба	20	46,6	3,42	0,78	9	43,8	2,44	0,86	
63.	Ширина нёба	13	39,6	1,95	0,56	9	38,4	2,35	0,8	

Таблица 21 (окончание)

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	21	99,3	3,91	0,87	10	93,0	3,12	1,04
IOW sub. Высота назона над биорбитальной шириной	21	18,9	2,48	0,55	10	17,2	1,33	0,44
Зигмаксиллярная ширина (zп'—zп')	21	94,7	5,06	1,13	10	86,7	4,26	1,42
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	21	25,3	2,80	0,62	10	21,2	2,26	0,75
DC. Дакриальная хорда	21	21,8	2,53	0,57	9	19,0	1,97	0,70
DS. Дакриальная высота	21	13,1	1,68	0,38	9	10,6	1,23	0,43
SC. Симолическая хорда	22	9,3	2,23	0,49	10	8,8	2,19	0,73
SS. Симолическая высота	22	4,8	1,40	0,31	10	4,1	1,12	0,37
72. Угол профиля лица общий	20	83,4	3,41	0,78	9	83,7	3,39	1,20
73. Угол профиля средней части лица	21	83,1	3,84	0,86	10	84,0	3,20	1,07
74. Угол профиля альвеолярной части лица	20	85,3	4,82	1,11	9	81,8	5,11	1,81
75. Угол носовых костей к горизонтали	22	52,4	4,38	0,96	10	54,8	6,58	2,19
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	20	31,0	4,75	1,09	9	27,1	3,44	1,22
77. Назомалярный угол (fmo—п—fmo)	21	138,1	4,87	1,09	10	139,1	2,33	0,78
Зигмаксиллярный угол (zп'—ss—zп')	21	123,5	5,12	1,15	10	127,8	4,26	1,42
40:5. Указатель выступления лица	21	98,7	4,68	1,05	9	98,5	4,25	1,50
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	22	92,4	4,02	0,88	10	87,5	2,71	0,90
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	18	54,4	3,56	0,87	9	53,1	3,09	1,09
47:45. Общий лицевой указатель	16	88,9	4,79	1,24	5	86,5	7,36	3,68
48:45. Верхний лицевой указатель	20	52,1	2,97	0,68	10	53,4	3,08	1,03
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	21	76,2	6,46	1,45	10	79,4	2,71	0,90
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	20	82,7	7,12	1,63	10	84,7	2,55	0,85
54:55. Носовой указатель	20	48,9	4,14	0,95	10	48,6	3,83	1,28
63:62. Нёбный указатель	13	85,6	5,55	1,60	8	88,1	9,16	3,46
DS:DC. Дакриальный указатель	21	60,6	9,89	2,21	9	56,5	9,23	3,26
SS:SC. Симолический указатель	22	51,4	9,71	2,12	10	49,1	18,18	6,06
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	21	19,9	2,59	0,58	9	21,0	1,19	0,42
65. Бикондиллярная ширина	18	119,8	4,46	1,08	8	111,5	6,44	2,43
66. Бигониальная ширина	18	105,5	7,60	1,84	8	93,8	5,75	2,17
68. Длина нижней челюсти от углов	18	79,3	3,69	0,90	7	73,0	5,36	2,19
68 (1). Длина нижней челюсти от мышечков	18	109,4	5,17	1,25	7	100,6	3,51	1,43
70. Высота ветви нижней челюсти	18	66,1	6,24	1,51	7	56,9	3,29	1,34
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	18	34,1	2,61	0,63	8	29,9	1,73	0,65
79. Угол ветви нижней челюсти	18	121,1	5,93	1,40	7	123,1	4,34	1,77
Угол выступления подбородка (ipf—po)	17	68,8	6,34	1,58	7	65,0	4,94	2,02

Средние размеры и показатели черепов восточных латышей XVIII в. (Лудза)

Пол	♂				♀					
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$		
1. Продольный диаметр	46	182,4	5,10	0,75	45	174,0	6,33	0,94		
8. Поперечный диаметр	47	144,1	5,02	0,73	45	138,7	4,23	0,63		
17. Высотный диаметр (ba—br)	43	134,3	4,72	0,72	42	129,7	5,25	0,81		
20. Высотный диаметр (po—br)	45	113,0	3,87	0,58	43	109,8	4,18	0,64		
5. Длина основания черепа	43	101,9	3,93	0,60	42	97,5	3,72	0,57		
9. Наименьшая ширина лба	46	96,9	4,84	0,71	45	94,3	3,93	0,59		
10. Наибольшая ширина лба	46	119,8	5,21	0,77	44	115,6	4,96	0,75		
11. Биангулярная ширина	45	124,7	4,99	0,74	43	118,4	4,29	0,65		
12. Ширина затылка	34	111,6	5,45	0,94	38	107,4	4,32	0,70		
29. Лобная хорда	47	111,3	4,64	0,68	45	107,8	4,44	0,66		
Высота изгиба лобной кости	47	25,4	2,66	0,39	45	25,6	2,30	0,34		
32. Угол лба (pa—me)	44	84,4	5,08	0,77	39	87,7	4,68	0,75		
Угол лба (gl—me)	44	77,4	4,91	0,74	39	83,0	4,85	0,77		
Общий вид сверху (пог- та vertica- lis), %	}	Ellipsoides	8	17,0	—	—	4	8,9	—	—
		Ovoides	24	51,1	—	—	15	33,1	—	—
		Pentagonoides	1	2,1	—	—	8	17,8	—	—
		Sphenoides	14	29,8	—	—	18	40,2	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	47	3,06	—	—	45	1,93	—	—		
Сосцевидный отросток (1—3)	46	2,13	—	—	44	1,32	—	—		
8:1. Черепной указатель	46	79,2	3,26	0,48	45	79,6	3,54	0,53		
17:1. Высотно-продольный указатель	43	73,7	3,11	0,47	42	74,7	3,11	0,48		
17:8. Высотно-поперечный указатель	43	92,9	4,33	0,66	42	93,9	4,37	0,67		
9:8. Лобно-поперечный указатель	46	67,3	2,91	0,43	45	68,2	3,02	0,45		
9:10. Лобный указатель	46	80,9	3,41	0,50	44	81,6	3,24	0,49		
9:12. Лобно-затылочный указатель	34	87,1	6,23	1,07	36	88,1	5,13	0,86		
Указатель высоты изгиба лобной кости	47	22,9	2,11	0,31	45	23,8	1,92	0,29		
40. Длина основания лица	42	98,8	5,08	0,78	40	94,3	5,68	0,90		
43. Верхняя ширина лица	46	105,7	3,76	0,55	45	100,4	4,01	0,60		
45. Скуловая ширина	46	133,9	4,91	0,72	41	124,0	3,77	0,59		
46. Средняя ширина лица	43	96,0	5,07	0,77	37	90,4	3,60	0,59		
47. Полная высота лица	30	117,9	7,87	1,44	29	107,2	4,43	0,84		
48. Верхняя высота лица	45	70,4	5,12	0,76	40	65,3	3,29	0,52		
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	46	20,6	2,26	0,33	40	20,6	2,06	0,33		
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	46	42,0	1,64	0,24	41	40,3	1,61	0,25		
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	46	39,5	1,60	0,24	39	38,2	1,70	0,27		
52. Высота орбиты (лев.)	46	32,4	2,16	0,32	41	32,0	1,97	0,31		
54. Ширина носа	43	24,9	1,93	0,29	40	24,0	1,92	0,30		
55. Высота носа	46	51,2	3,59	0,53	40	47,4	2,58	0,41		
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	}	Anthropina	40	86,9	—	—	36	87,8	—	—
		Fossae praen- asales	6	13,1	—	—	2	4,9	—	—
		Sulcus praen- asales	—	—	—	—	1	2,4	—	—
		Infantilis	—	—	—	—	2	4,9	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	46	2,95	—	—	35	2,40	—	—		
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	45	5,4	1,86	0,28	40	4,6	1,59	0,25		
62. Длина нёба	41	45,5	3,14	0,49	35	43,4	2,92	0,49		
63. Ширина нёба	25	39,6	2,79	0,57	29	38,2	2,82	0,53		

Таблица 22 (окончание)

Пол		♂				♀			
Параметры		n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	46	99,1	3,93	0,58	45	93,9	4,10	0,61
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	46	17,5	2,38	0,35	45	17,4	2,29	0,34
	Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	42	96,1	5,50	0,85	37	90,2	4,12	0,68
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	42	23,7	3,59	0,55	37	22,3	2,76	0,45
DC.	Дакриальная хорда	45	21,9	2,68	0,40	38	20,5	2,29	0,37
DS.	Дакриальная высота	45	12,4	1,54	0,23	38	11,0	1,45	0,23
SC.	Симотическая хорда	45	9,5	1,56	0,23	42	9,4	2,09	0,32
SS.	Симотическая высота	45	4,3	1,27	0,19	42	3,5	1,07	0,17
72.	Угол профиля лица общий	40	84,9	3,02	0,48	38	84,7	3,02	0,49
73.	Угол профиля средней части лица	42	84,9	3,63	0,56	38	85,5	3,56	0,58
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	40	84,3	5,26	0,83	38	82,4	3,90	0,63
75.	Угол носовых костей к горизонтали	43	54,1	6,51	0,99	39	61,5	6,52	1,04
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	41	30,4	6,11	0,95	40	23,6	5,78	0,91
77.	Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	46	140,9	4,67	0,69	45	139,3	4,74	0,71
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	42	127,1	6,55	1,01	37	127,1	5,47	0,90
40:5.	Указатель выступления лица	42	97,0	4,21	0,65	40	96,5	4,29	0,68
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	46	92,9	3,96	0,58	41	89,5	2,99	0,47
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	42	52,6	3,74	0,58	40	50,4	3,21	0,51
47:45.	Общий лицевой указатель	30	88,3	7,02	1,28	29	86,8	3,62	0,67
48:45.	Верхний лицевой указатель	45	52,8	4,11	0,61	38	52,7	2,20	0,36
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	46	77,3	4,58	0,65	41	78,8	4,54	0,71
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	46	82,2	5,02	0,74	39	83,2	5,06	0,81
54:55.	Носовой указатель	43	49,0	4,25	0,65	40	51,0	4,55	0,72
63:62.	Нёбный указатель	23	87,8	7,54	1,61	28	89,2	7,74	1,49
DS:DC.	Дакриальный указатель	45	56,8	8,24	1,23	38	54,4	9,34	1,51
SS:SC.	Симотический указатель	45	46,0	14,52	2,16	42	37,3	10,31	1,59
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	38	22,6	3,06	0,50	29	21,3	3,01	0,56
65.	Бикондилярная ширина	35	119,7	6,18	1,04	35	113,7	4,75	0,80
66.	Бигониальная ширина	40	104,9	7,45	1,18	39	93,9	4,70	0,75
68.	Длина нижней челюсти от углов	37	79,3	4,47	0,74	35	73,4	3,99	0,67
68 (1).	Длина нижней челюсти полная	37	112,3	5,88	0,97	35	102,3	4,74	0,80
70.	Высота ветви нижней челюсти	37	63,1	4,39	0,72	34	54,1	4,41	0,76
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	41	32,6	2,34	0,37	40	30,2	2,64	0,42
79.	Угол ветви нижней челюсти	37	124,5	7,57	1,25	35	126,1	5,97	1,01
	Угол выступления подбородка (inf—po)	29	66,2	7,58	1,43	27	67,4	8,38	1,64

Средние размеры и показатели черепов из Люцинского могильника

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	35	189,8	5,52	0,95	16	178,5	5,59	1,44	
8. Поперечный диаметр	36	138,8	5,54	0,94	18	137,2	5,32	1,29	
17. Высотный диаметр (ba—br)	22	139,5	5,61	1,22	15	132,5	6,18	1,65	
20. Высотный диаметр (po—br)	28	114,3	6,39	1,23	15	111,1	3,95	1,05	
5. Длина основания черепа	22	107,0	3,85	0,84	13	99,7	5,28	1,53	
9. Наименьшая ширина лба	30	97,4	3,26	0,61	13	95,5	2,29	0,66	
10. Наибольшая ширина лба	24	117,8	3,28	0,68	11	116,0	4,80	1,52	
11. Биаурикулярная ширина	28	124,7	5,09	0,98	14	120,2	5,48	1,52	
12. Ширина затылка	23	108,9	4,17	0,89	13	107,4	3,34	0,96	
29. Лобная хорда	33	112,9	5,80	1,03	14	109,1	3,78	1,05	
Высота изгиба лобной кости	33	26,8	2,42	0,43	14	27,3	2,95	0,82	
32. Угол лба (pa—me)	10	83,7	2,79	0,93	8	87,1	3,05	1,15	
Угол лба (gl—me)	10	75,2	2,97	0,99	8	83,1	3,29	1,24	
Общий вид сверху (погма verticalis), %	Ellipsoides	1	2,8	—	—	4	18,2	—	—
	Ovoides	27	35,1	—	—	6	27,3	—	—
	Rhomboides	1	2,8	—	—	2	9,1	—	—
	Pentagonoides	4	11,1	—	—	5	22,7	—	—
Sphenoides	3	8,2	—	—	5	22,7	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	36	3,25	—	—	20	2,00	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	29	2,24	—	—	20	1,65	—	—	
8:1. Черепной указатель	34	73,1	3,24	0,56	15	76,8	4,57	1,22	
17:1. Выотно-продольный диаметр	22	73,7	2,76	0,60	14	74,5	3,24	0,90	
17:8. Выотно-поперечный диаметр	22	100,6	4,87	1,06	14	97,5	5,34	1,48	
9:8. Лобно-поперечный указатель	28	70,3	2,97	0,57	12	69,5	2,96	0,89	
9:10. Лобный указатель	23	82,8	2,67	0,57	11	82,3	2,31	0,73	
9:12. Лобно-затылочный указатель	20	89,1	4,20	0,96	11	90,6	3,19	1,01	
Указатель высоты изгиба лобной кости	33	23,7	1,66	0,29	14	24,9	2,11	0,58	
40. Длина основания лица	12	99,0	4,53	1,36	8	94,7	6,96	2,63	
43. Верхняя ширина лица	28	105,3	3,41	0,65	13	101,7	4,38	1,27	
45. Скуловая ширина	11	136,9	7,30	2,31	6	131,3	5,45	2,43	
46. Средняя ширина лица	8	92,5	6,40	2,45	4	86,8	—	—	
48. Верхняя высота лица	12	70,0	4,55	1,37	8	66,9	3,76	1,42	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	11	20,1	1,51	0,45	7	19,1	2,55	1,04	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	11	42,9	1,68	0,53	8	41,6	1,64	0,62	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	11	40,0	1,79	0,57	7	39,1	1,78	0,73	
52. Высота орбиты (лев.)	11	32,9	1,48	0,47	8	32,5	1,67	0,63	
54. Ширина носа	9	26,2	1,30	0,46	7	24,1	1,35	0,55	
55. Высота носа	12	51,1	2,39	0,72	8	49,6	2,88	1,09	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	Anthropina	10	100,0	—	—	9	90,0	—	—
	Fossae praenasa- les	—	—	—	—	1	10,0	—	—

Таблица 23 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
Переденосовая ость (1—5 по Брока)	4	2,75	—	—	7	2,29	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	7	60,	1,66	0,68	4	4,6	—	—
62. Длина нёба	8	45,8	4,53	1,71	6	42,0	1,41	0,63
63. Ширина нёба	9	39,3	2,06	0,73	5	38,8	1,92	0,96
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	16	99,0	4,32	1,10	7	96,9	3,74	1,53
ЮW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	16	18,5	2,24	0,58	7	19,1	2,32	0,95
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	8	92,6	5,89	2,22	3	88,3	—	—
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	8	25,1	4,00	1,51	3	23,5	—	—
DC. Дакриальная хорда	10	20,4	1,64	0,55	7	20,4	3,31	1,25
DS. Дакриальная высота	10	12,8	1,78	0,57	7	11,8	1,15	0,41
SC. Симотическая хорда	16	9,8	1,32	0,34	7	9,7	1,95	0,80
SS. Симотическая высота	15	5,0	1,26	0,34	7	4,8	0,99	0,40
72. Угол профиля лица общий	8	85,4	3,92	1,48	8	82,8	2,12	0,80
73. Угол профиля средней части лица	8	85,5	3,78	1,43	8	83,6	3,07	1,16
74. Угол профиля альвеолярной части лица	8	85,0	6,72	2,55	8	80,1	5,94	2,24
75. Угол носовых костей к горизонтали	9	57,6	5,55	1,96	5	52,2	4,99	2,50
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	7	28,4	5,77	2,36	5	30,2	4,82	2,41
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	16	138,7	4,08	1,05	7	137,1	3,35	1,37
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	8	122,9	6,81	2,57	3	123,7	—	—
40:5. Указатель выступания лица	12	92,9	2,28	0,69	7	93,1	2,97	1,21
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	11	97,2	4,31	1,36	6	95,1	2,20	0,98
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	12	49,6	3,31	1,00	7	48,6	1,90	0,78
48:45. Верхний лицевой указатель	8	52,6	2,78	1,05	5	50,9	1,52	0,76
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	11	76,7	4,36	1,40	8	78,3	5,01	1,89
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	11	82,3	4,82	1,53	7	83,0	5,84	2,38
54:55. Носовой указатель	9	50,5	1,98	0,70	7	48,9	3,97	1,62
63:62. Нёбный указатель	6	88,2	12,38	5,49	4	91,6	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	10	63,2	8,93	2,98	7	59,6	13,90	5,67
SS:SC. Симотический указатель	15	50,9	12,34	3,30	7	50,5	12,24	5,00
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	6	21,4	2,77	1,24	4	18,5	—	—

Средние размеры и указатели черепов литовцев

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	
1. Продольный диаметр	210	180,8	6,50	0,45	71	173,8	5,92	0,70	
8. Поперечный диаметр	210	144,7	5,19	0,36	71	140,8	4,95	0,59	
17. Высотный диаметр (ba—br)	210	131,4	5,68	0,39	70	124,3	5,00	0,59	
20. Высотный диаметр (po—br)	211	114,3	4,68	0,32	71	110,2	5,40	0,64	
5. Длина основания черепа	210	100,4	4,44	0,31	71	94,8	4,00	0,47	
9. Наименьшая ширина лба	210	97,6	4,44	0,31	71	94,4	3,94	0,47	
10. Наибольшая ширина лба	207	123,3	5,56	0,39	71	119,5	5,13	0,61	
11. Биаурикулярная ширина	210	125,0	5,18	0,36	71	120,5	4,84	0,57	
12. Ширина затылка	211	111,2	4,80	0,33	71	108,1	4,87	0,58	
29. Лобная хорда	211	112,0	4,78	0,33	71	107,1	5,04	0,60	
32. Угол лба (na—me)	13	81,1	5,23	1,51	2	83,5	—	—	
Угол лба (gl—me)	13	73,3	4,94	1,43	2	80,5	—	—	
Общий вид сверху (по gamma verticalis), %	Ellipsoides	10	5,0	—	—	3	5,2	—	—
	Ovoides	108	54,9	—	—	32	15,5	—	—
	Rhomboides	16	8,1	—	—	10	17,2	—	—
	Pentagonoides	28	14,1	—	—	9	55,1	—	—
	Sphenoides	23	11,7	—	—	2	3,5	—	—
	Sphaeroides	12	6,2	—	—	2	3,5	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	196	2,98	—	—	58	2,12	—	—	
8:1. Черепной указатель	209	80,3	3,71	0,26	70	81,0	3,11	0,37	
17:1. Высотно-продольный указатель	209	72,7	3,94	0,27	70	73,1	3,39	0,40	
17:8. Высотно-поперечный указатель	209	90,8	4,29	0,30	70	88,8	4,87	0,58	
9:8. Лобно-поперечный указатель	209	67,4	3,24	0,22	70	67,2	3,15	0,38	
9:10. Лобный указатель	206	79,2	3,42	0,24	71	77,8	3,37	0,40	
9:12. Лобно-затылочный указатель	—	87,8*	—	—	—	87,3*	—	—	
40. Длина основания лица	209	97,1	6,38	0,44	68	91,9	4,96	0,60	
43. Верхняя ширина лица	199	105,1	4,48	0,32	70	100,7	4,36	0,52	
45. Скуловая ширина	202	132,6	5,50	0,39	71	125,3	5,38	0,64	
46. Средняя ширина лица	206	93,6	5,30	0,37	70	89,4	4,68	0,56	
47. Полная высота лица	174	119,0	6,43	0,49	59	108,3	5,35	0,70	
48. Верхняя высота лица	210	68,1	4,02	0,28	68	63,7	3,43	0,42	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	210	21,9	2,41	0,17	68	20,5	2,48	0,30	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	210	40,4	1,97	0,14	71	39,6	1,92	0,23	
52. Высота орбиты (лев.)	210	33,2	2,00	0,14	71	32,9	2,04	0,24	
54. Ширина носа	208	24,3	1,79	0,12	69	23,5	1,55	0,19	
55. Высота носа	209	52,5	3,31	0,23	70	49,0	3,11	0,37	
Передноносовая ость (1—5 по Брока)	192	2,86	—	—	53	2,81	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	120	5,0	1,66	0,15	63	5,2	1,89	0,24	
62. Длина нёба	208	43,9	3,34	0,23	69	41,6	2,72	0,33	
63. Ширина нёба	209	36,4	2,94	0,20	70	35,6	2,62	0,31	

Таблица 24 (окончание)

Пол		♂				♀			
Параметры		n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	125	96,7	3,49	0,31	64	93,0	3,95	0,49
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	125	19,6	2,46	0,22	64	18,3	2,39	0,30
	Зигомаксиллярная ширина (zpm'—zpm')	116	93,5	4,83	0,45	60	89,1	4,80	0,62
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	116	24,4	2,81	0,26	60	23,1	2,40	0,31
DC.	Дакриальная хорда	121	22,0	2,43	0,22	58	20,9	2,21	0,29
DS.	Дакриальная высота	121	13,1	1,87	0,17	58	12,0	1,71	0,22
SC.	Симотическая хорда	123	10,1	2,29	0,21	59	9,4	1,81	0,24
SS.	Симотическая высота	123	4,7	1,07	0,10	59	4,4	1,17	0,15
72.	Угол профиля лица общий	111	84,5	3,45	0,33	56	84,5	3,12	0,43
73.	Угол профиля средней части лица	111	85,6	3,43	0,33	51	85,6	2,87	0,40
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	109	79,9	6,08	0,58	51	78,4	5,93	0,83
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	113	30,8	4,16	0,39	54	30,0	4,73	0,64
77.	Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	125	135,8	4,69	0,42	64	137,2	4,60	0,58
	Зигомаксиллярный угол (zpm'—ss—zpm')	116	124,9	5,43	0,50	60	125,3	4,57	0,59
40:5.	Указатель выступания лица	—	96,7*	—	—	—	96,9*	—	—
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	202	91,7	3,62	0,25	70	89,1	3,56	0,43
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	—	51,8*	—	—	—	51,2*	—	—
47:45.	Общий лицевой указатель	168	89,8	5,03	0,39	59	86,7	5,24	0,68
48:45.	Верхний лицевой указатель	146	52,0	3,33	0,28	64	51,2	2,94	0,37
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	210	81,8	5,52	0,38	71	83,1	5,10	0,60
54:55.	Носовой указатель	208	46,7	4,23	0,29	69	48,1	3,97	0,48
63:62.	Нёбный указатель	208	83,3	8,12	0,56	69	85,8	7,72	0,93
DS:DC.	Дакриальный указатель	121	59,4	9,26	0,84	58	58,3	8,53	1,12
SS:SC.	Симотический указатель	123	47,8	11,12	1,01	59	46,8	9,99	1,30
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	103	19,2	2,90	0,28	57	18,3	2,37	0,31
65.	Бикондильярная ширина	169	117,7	5,60	0,43	55	112,1	6,53	0,88
66.	Бигониальная ширина	174	101,4	5,74	0,44	58	95,0	6,97	0,91

* Индекс средних.

Средние размеры и показатели черепов саамов

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	\bar{x}	
1.	Продольный диаметр	6	179,0	4,77	2,43	2 169,0	
8.	Поперечный диаметр	6	147,5	5,08	2,27	2 139,5	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	5	134,6	2,88	1,44	2 127,0	
20.	Высотный диаметр (po—br)	5	119,0	1,87	0,94	2 110,5	
5.	Длина основания черепа	5	103,4	2,30	1,03	2 96,0	
9.	Наименьшая ширина лба	5	103,4	3,43	1,72	2 93,0	
10.	Наибольшая ширина лба	4	123,0	—	—	1 115,0	
11.	Биаурикулярная ширина	5	128,8	2,77	1,39	2 123,5	
12.	Ширина затылка	5	111,0	3,39	1,70	2 109,0	
29.	Лобная хорда	6	111,3	3,11	1,39	2 105,2	
	Высота изгиба лобной кости	6	25,2	2,23	1,00	2 24,2	
32.	Угол лба (pa—me)	3	83,7	—	—	1 83,0	
	Угол лба (gl—me)	3	77,7	—	—	1 81,0	
	Общий вид сверху { (погма verticalis), %	Ovoides	1	16,7	—	—	—
		Pentagonoides	1	16,7	—	—	1 50,0
		Sphenoides	4	66,6	—	—	1 50,0
	Надбровье (1—6 по Мартину)	6	2,83	—	—	2 1,50	
	Сосцевидный отросток (1—3)	6	1,50	—	—	2 1,00	
8:1.	Черепной указатель	6	82,4	3,00	1,34	2 82,5	
17:1.	Высотно-продольный указатель	5	75,1	2,27	1,14	2 75,2	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	5	91,4	4,27	2,14	2 91,1	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	5	69,2	2,85	1,43	2 66,7	
9:10.	Лобный указатель	4	84,4	—	—	1 79,1	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	5	93,3	4,56	2,28	2 85,3	
	Указатель высоты изгиба лобной кости	6	23,1	1,81	0,81	2 25,4	
40.	Длина основания лица	4	96,0	—	—	1 90,0	
43.	Верхняя ширина лица	6	107,8	2,23	1,00	2 99,5	
45.	Скуловая ширина	5	137,6	2,88	1,44	2 126,0	
46.	Средняя ширина лица	4	92,8	—	—	1 88,0	
47.	Полная высота лица	1	107,0	—	—	1 107,0	
48.	Верхняя высота лица	4	67,0	—	—	1 65,0	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	4	20,6	—	—	1 14,0	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	4	43,2	—	—	1 40,0	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	4	40,5	—	—	1 35,5	
52.	Высота орбиты (лев.)	4	33,2	—	—	1 31,0	
54.	Ширина носа	4	24,8	—	—	1 23,0	
55.	Высота носа	4	51,8	—	—	1 49,0	
	Форма нижнего { края грушевидного отверстия, %	Anthropina	3	75,0	—	—	1 100,0
		Fossae praeasales	1	25,0	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	2	3,50	—	—	1 2,00	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	4	6,5	—	—	1 11,5	
62.	Длина нёба	4	45,2	—	—	1 41	
63.	Ширина нёба	4	37,7	—	—	1 37	

Таблица 25 (окончание)

Пол	♂				♀	
	n	\bar{x}	s	$\frac{s}{\bar{x}}$	n	\bar{x}
43 (1) Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	6	101,2	2,62	1,17	1	92,0
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	6	17,7	2,40	1,07	1	15,5
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	4	96,0	—	—	1	88,0
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	4	24,2	—	—	1	21,5
DC. Дакриальная хорда	4	21,3	—	—	1	18,9
DS. Дакриальная высота	4	12,2	—	—	1	12,7
SC. Симотическая хорда	5	10,2	1,98	0,99	1	5,6
SS. Симотическая высота ³	5	4,6	0,77	0,39	1	3,2
72. Угол профиля лица общий	3	86,7	—	—	1	84,0
73. Угол профиля средней части лица	3	87,7	—	—	1	85,0
74. Угол профиля альвеолярной части лица	3	82,7	—	—	1	80,0
75. Угол носовых костей к горизонтали	3	58,0	—	—	1	71,0
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	4	32,2	—	—	1	13,0
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	6	141,5	4,72	2,11	1	142,0
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	4	125,2	—	—	1	128,0
40:5. Указатель выступания лица	4	93,0	—	—	1	96,8
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	5	92,1	2,54	1,27	2	90,3
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	4	49,7	—	—	1	50,0
47:45. Общий лицевой указатель	1	76,4	—	—	1	86,3
48:45. Верхний лицевой указатель	3	47,8	—	—	1	52,4
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	4	76,9	—	—	1	77,5
52:51. Орбитный указатель от d (лев.)	4	82,1	—	—	1	87,3
54:55. Носовой указатель	4	47,9	—	—	1	46,9
63:62. Нёбный указатель	3	83,8	—	—	1	90,2
DS:DC. Дакриальный указатель	4	59,0	—	—	1	67,2
SS:SC. Симотический указатель	5	47,1	12,63	6,32	1	57,1
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	2	19,0	—	—	1	21,4
65. Бикондилярная ширина	2	120,0	—	—	1	115,0
66. Бигониальная ширина	2	99,5	—	—	1	88,0
68. Длина нижней челюсти от углов	2	75,5	—	—	1	72,0
68 (1). Длина нижней челюсти от мышцелков	2	99,0	—	—	1	104,0
70. Высота ветви нижней челюсти	2	68,5	—	—	1	57,0
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	2	32,0	—	—	1	24,5
79. Угол ветви нижней челюсти	2	118,0	—	—	1	128,0
Угол выступания подбородка (inf—po)	1	79,0	—	—	1	63,0

Средние размеры и показатели черепов финнов

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	71	181,9	6,99	0,83	22	175,2	5,41	1,18	
8. Поперечный диаметр	71	143,2	4,68	0,56	22	140,2	4,86	1,06	
17. Высотный диаметр (ba—br)	66	133,3	5,61	0,69	21	128,8	6,41	1,44	
20. Высотный диаметр (po—br)	67	114,7	4,00	0,49	21	110,5	4,16	0,93	
5. Длина основания черепа	70	100,9	4,32	0,52	22	96,1	4,53	0,99	
9. Наименьшая ширина лба	71	98,6	5,14	0,61	22	94,4	3,90	0,85	
10. Наибольшая ширина лба	69	121,2	4,80	0,58	22	116,3	3,85	0,84	
11. Биаурикулярная ширина	70	123,9	4,31	0,51	22	120,6	6,17	1,35	
12. Ширина затылка	55	110,8	4,18	0,56	19	109,9	3,55	0,84	
29. Лобная хорда	66	112,1	4,61	0,57	21	108,2	3,68	0,82	
Высота изгиба лобной кости	66	26,9	2,50	0,31	21	26,2	2,43	0,54	
32. Угол лба (pa—me)	66	84,8	4,82	0,59	22	85,5	4,66	1,02	
Угол лба (gl—me)	66	78,4	5,30	0,65	22	80,0	4,94	1,08	
Общий вид сверху (погма verticalis), %	Ellipsoides	5	7,1	—	—	2	9,1	—	—
	Ovoides	23	32,9	—	—	6	27,3	—	—
	Rhomboides	4	5,7	—	—	1	4,5	—	—
	Pentagonoides	12	17,1	—	—	6	27,3	—	—
Sphenoides	26	37,2	—	—	7	31,8	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	71	2,80	—	—	22	2,05	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	71	2,28	—	—	22	1,27	—	—	
8:1. Черепной указатель	71	78,8	3,53	0,42	22	80,0	3,59	0,78	
17:1. Высотно-продольный указатель	66	73,3	3,54	0,44	21	73,5	4,31	0,96	
17:8. Высотно-поперечный указатель	66	93,3	4,40	0,54	21	92,0	4,81	1,08	
9:8. Лобно-поперечный указатель	71	69,0	3,83	0,45	22	67,4	2,50	0,55	
9:10. Лобный указатель	69	81,4	3,68	0,44	22	81,2	2,57	0,56	
9:12. Лобно-затылочный указатель	55	89,8	5,48	0,74	19	86,8	4,33	1,02	
Указатель высоты изгиба лобной кости	66	24,0	1,92	0,24	21	24,2	1,98	0,44	
40. Длина основания лица	68	99,3	5,30	0,64	21	92,1	5,00	1,12	
43. Верхняя ширина лица	71	106,2	4,58	0,54	22	100,9	3,24	0,71	
45. Скуловая ширина	69	132,0	5,18	0,62	18	125,2	5,06	1,23	
46. Средняя ширина лица	69	96,4	4,98	0,60	22	91,3	4,23	0,90	
47. Полная высота лица	44	123,5	5,64	0,85	12	110,0	4,80	1,45	
48. Верхняя высота лица	69	70,7	4,06	0,49	21	66,4	4,67	1,04	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	70	21,4	2,29	0,27	22	19,8	1,49	0,33	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	70	42,6	1,91	0,23	22	41,2	2,01	0,44	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	65	39,8	1,94	0,24	20	38,3	1,79	0,41	
52. Высота орбиты (лев.)	70	32,9	2,18	0,26	22	32,5	2,37	0,52	
54. Ширина носа	69	25,5	1,81	0,22	22	24,3	1,64	0,36	
55. Высота носа	69	52,1	2,97	0,36	22	49,1	3,38	0,74	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	Infantilis	—	—	—	—	3	14,3	—	—
	Anthropina	41	59,4	—	—	15	71,4	—	—
	Fossae praena- sales	28	40,6	—	—	3	14,3	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	69	2,77	—	—	18	2,72	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	69	5,4	1,95	0,23	22	5,0	1,97	0,43	
62. Длина нёба	69	45,6	3,14	0,38	21	42,1	3,11	0,70	
63. Ширина нёба	56	39,9	2,44	0,33	16	39,7	2,87	0,74	
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	71	98,7	4,16	0,49	22	93,5	2,89	0,63	

Таблица 26 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	71	17,8	2,22	0,26	22	17,2	2,19	0,48
	Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	69	94,9	5,06	0,61	21	89,1	4,21	0,94
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	68	24,0	2,68	0,32	20	21,8	3,33	0,76
DC.	Дакриальная хорда	62	22,3	2,45	0,31	20	21,0	1,76	0,40
DS.	Дакриальная высота	62	12,6	1,33	0,17	20	11,2	1,25	0,29
SC.	Симотическая хорда	69	9,9	1,86	0,22	21	9,2	2,11	0,47
SS.	Симотическая высота	69	4,6	1,22	0,15	21	3,9	1,03	0,23
72.	Угол профиля лица общий	69	83,3	3,44	0,41	21	84,9	3,29	0,74
73.	Угол профиля средней части лица	69	83,0	3,73	0,45	21	85,3	3,10	0,69
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	68	84,4	4,80	0,58	21	83,3	6,87	1,54
75.	Угол носовых костей к горизонтали	69	55,5	5,74	0,69	21	59,5	5,16	1,15
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	68	27,8	4,92	0,60	20	25,6	4,73	1,08
77.	Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	71	140,1	4,38	0,52	22	139,3	4,44	0,97
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	68	125,8	5,04	0,61	20	126,7	5,30	1,22
40:5.	Указатель выступания лица	68	98,5	3,78	0,46	21	95,9	3,56	0,80
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	69	92,2	3,84	0,46	18	89,3	3,27	0,79
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	65	53,1	3,71	0,46	21	51,7	4,49	1,00
47:45.	Общий лицевой указатель	64	90,0	4,09	0,62	10	88,2	3,87	1,29
48:45.	Верхний лицевой указатель	67	53,9	3,16	0,39	17	52,9	3,18	0,79
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	70	76,8	5,16	0,62	22	79,3	5,05	1,10
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	65	82,0	5,36	0,67	20	84,7	5,20	1,19
54:55.	Носовой указатель	69	49,0	4,17	0,50	22	49,7	4,49	0,98
63:62.	Небный указатель	56	88,0	7,40	0,99	16	94,3	7,71	1,99
DS:DC.	Дакриальный указатель	62	57,3	8,16	1,04	20	53,6	6,85	1,57
SS:SC.	Симотический указатель	69	46,8	9,33	1,12	21	43,1	8,58	1,92
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	65	20,6	2,49	0,31	16	19,6	1,68	0,43
65.	Бикондиллярная ширина	51	117,9	6,26	0,88	12	112,9	4,50	1,36
66.	Бигониальная ширина	52	103,0	5,14	0,71	13	95,8	4,06	1,17
68.	Длина нижней челюсти от углов	45	77,8	5,19	0,77	10	72,4	4,88	1,63
68 (1).	Длина нижней челюсти от мышечков	45	108,7	5,66	0,84	10	103,2	5,22	1,74
70.	Высота ветви нижней челюсти	45	63,0	5,14	0,77	10	56,8	4,61	1,54
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	52	33,8	3,31	0,46	13	31,4	2,65	0,77
79.	Угол ветви нижней челюсти	45	123,3	7,38	1,10	10	127,1	7,05	2,35
	Угол выступания подбородка (inf—po)	41	66,1	5,61	0,88	9	65,0	4,44	1,57

Средние размеры и указатели черепов эстонцев

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$	\bar{x}	
1.	Продольный диаметр	17	185,8	3,83	0,96	4 176,0	
8.	Поперечный диаметр	17	143,0	4,03	1,01	4 137,2	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	16	134,0	4,52	1,13	3 129,7	
20.	Высотный диаметр (po—br)	16	113,4	4,34	1,12	3 110,0	
5.	Длина основания черепа	17	101,7	3,71	0,93	4 99,0	
9.	Наименьшая ширина лба	17	99,0	5,11	1,28	4 96,8	
10.	Наибольшая ширина лба	17	121,8	5,40	1,35	4 117,0	
11.	Биаурикулярная ширина	17	123,8	4,97	1,24	4 118,2	
12.	Ширина затылка	14	111,0	3,13	0,87	4 107,5	
29.	Лобная хорда	15	113,1	4,14	1,15	3 107,5	
	Высота изгиба лобной кости	15	26,2	2,31	0,62	3 23,7	
32.	Угол лба (pa—me)	16	82,4	4,16	1,07	4 82,2	
	Угол лба (gl—me)	16	76,3	4,58	1,18	4 76,5	
	Общий вид сверху (по <i>gamma verticalis</i>), %	Ellipsoides	1	5,9	—	—	1 25,0
		Ovoides	10	58,8	—	—	—
		Rhomboides	1	5,9	—	—	2 50,0
		Pentagonoides	1	5,9	—	—	—
		Sphaeroides	3	17,6	—	—	1 25,0
	Sphaeroides	1	5,9	—	—	—	
	Надбровье (1—6 по Мартину)	17	3,12	—	—	4 2,00	
	Сосцевидный отросток (1—3)	17	2,29	—	—	4 1,50	
8:1.	Черепной указатель	17	77,0	3,42	0,85	4 78,0	
17:1.	Высотно-продольный указатель	16	71,9	2,28	0,59	3 73,3	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	16	94,0	3,81	0,98	3 94,0	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	17	69,2	3,11	0,80	4 70,5	
9:10.	Лобный указатель	17	81,3	3,97	0,99	4 82,9	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	14	89,0	4,45	1,23	4 90,3	
	Указатель высоты изгиба лобной кости	15	23,1	1,79	0,48	3 22,0	
40.	Длина основания лица	17	98,8	5,50	1,38	4 94,2	
43.	Верхняя ширина лица	17	106,9	5,55	1,39	4 101,7	
45.	Скуловая ширина	17	132,4	4,54	1,14	4 125,0	
46.	Средняя ширина лица	17	95,3	5,44	1,36	4 90,0	
47.	Полная высота лица	10	122,1	5,91	1,97	2 104,0	
48.	Верхняя высота лица	17	71,5	4,25	1,06	4 66,8	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	17	19,9	2,39	0,60	4 22,0	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	17	43,4	1,44	0,36	4 41,0	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	16	40,4	1,29	0,33	4 38,4	
52.	Высота орбиты (лев.)	17	33,4	2,63	0,66	4 32,6	
54.	Ширина носа	17	24,8	2,05	1,01	4 25,5	
55.	Высота носа	17	51,5	2,92	0,73	4 50,0	
	Форма нижнего края гру- шевидного отверстия, %	Anthropina	15	88,2	—	—	3 75,0
			2	11,8	—	—	1 25,0
	Переденосовая ость (1—5 по Брока)	17	3,24	—	—	4 2,25	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	17	5,0	1,50	0,38	4 5,5	

Таблица 27 (окончание)

Пол		♂				♀	
Параметры		n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
62.	Длина неба	17	44,9	2,00	0,50	3	44,0
63.	Ширина неба	7	39,4	2,08	0,85	2	40,5
43 (1).	Биорбитальная ширина ($f_{mo}-f_{mo}$) . . .	17	99,8	4,14	1,03	4	95,2
IOW sub.	Высота назнона над биорбитальной шириной	17	19,3	2,77	0,69	4	19,1
	Зигмаксиллярная ширина ($zm'-zm'$) . .	16	9,38	4,62	1,19	4	89,8
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	16	22,9	2,06	0,53	4	22,6
DC.	Дакриальная хорда	16	21,3	2,26	0,59	3	22,9
DS.	Дакриальная высота	16	12,7	1,34	0,35	3	12,2
SC.	Симотическая хорда	17	9,6	1,91	0,48	4	12,0
SS.	Симотическая высота	17	5,0	1,15	0,29	4	4,7
72.	Угол профиля лица общий	17	84,1	3,64	0,91	3	83,3
73.	Угол профиля средней части лица . . .	17	84,2	4,55	1,14	4	84,5
74.	Угол профиля альвеолярной части лица .	17	83,8	3,11	0,78	3	84,3
75.	Угол носовых костей к горизонтали . .	17	56,1	6,25	1,56	4	58,5
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля .	17	30,2	4,67	1,17	4	22,0
77.	Назомаллярный угол ($f_{mo}-n-f_{mo}$) . . .	17	137,6	5,64	1,41	4	136,0
	Зигмаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$) . .	16	127,6	3,76	0,97	4	126,2
40:5.	Указатель выступания лица	17	97,2	4,01	1,00	4	95,1
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	17	92,6	2,26	0,56	4	91,2
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	16	53,3	3,30	0,85	3	52,2
47:45.	Общий лицевой указатель	10	92,3	5,11	1,70	2	82,9
48:45.	Верхний лицевой указатель	17	54,0	3,33	0,83	4	53,4
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	17	77,1	4,96	1,24	4	79,7
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	16	82,8	6,32	1,63	4	85,3
54:55.	Носовой указатель	17	48,2	4,53	1,13	4	51,1
63:62.	Нёбный указатель	7	88,2	4,05	1,65	2	90,0
DS:DC.	Дакриальный указатель	16	60,3	9,25	2,39	3	53,9
SS:SC.	Симотический указатель	17	52,9	7,17	1,79	4	38,5
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	16	21,4	2,52	0,65	4	20,1
65.	Бикондиллярная ширина	13	120,6	4,97	1,44	3	114,0
66.	Бигонияльная ширина	13	102,0	5,57	1,61	3	97,3
68.	Длина нижней челюсти от углов	13	78,2	4,41	1,27	3	75,0
68 (1).	Длина нижней челюсти от мышелков . .	13	109,8	6,63	1,92	3	100,0
70.	Высота ветви нижней челюсти	13	65,4	4,05	1,17	3	51,7
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	13	33,9	2,10	0,61	3	29,8
79.	Угол ветви нижней челюсти	13	122,3	7,43	2,15	3	130,7
	Угол выступания подбородка ($inf-po$) .	12	69,2	9,97	3,00	2	71,5

Средние размеры и указатели черепов ижорцев

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	6	180,7	5,16	2,30	7	173,6	5,78	2,36
8. Поперечный диаметр	6	143,8	4,01	1,79	7	137,9	4,19	1,71
17. Высотный диаметр (ba—br)	6	137,5	6,53	2,92	7	130,3	4,08	1,67
20. Высотный диаметр (po—br)	6	116,7	2,25	1,00	7	111,3	3,33	1,36
5. Длина основания черепа	6	101,3	2,58	1,15	7	94,7	3,17	1,29
9. Наименьшая ширина лба	6	99,2	4,02	1,79	7	96,1	4,23	1,73
10. Наибольшая ширина лба	6	115,8	2,85	1,27	7	119,1	7,35	3,00
11. Биаурикулярная ширина	6	128,2	5,63	2,51	7	117,6	2,70	1,10
12. Ширина затылка	4	110,2	—	—	5	106,8	2,77	1,39
29. Лобная хорда	6	112,3	6,31	2,82	7	108,8	6,07	2,48
Высота изгиба лобной кости	6	26,7	2,80	1,25	7	28,6	4,06	1,66
32. Угол лба (pa—me)	6	87,0	2,61	1,17	7	91,4	1,72	0,70
Угол лба (gl—me)	6	79,3	3,93	1,75	7	87,3	2,70	1,10
Общий вид сверху { Ovoides	2	33,3	—	—	2	28,6	—	—
(погма verticalis), { Pentagonoides	2	33,3	—	—	1	14,3	—	—
% { Sphenoides	2	33,4	—	—	4	57,1	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	6	3,17	—	—	7	1,57	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	6	1,67	—	—	7	1,14	—	—
8:1. Черепной указатель	6	79,6	2,83	1,26	7	79,5	3,49	1,42
17:1. Высотно-продольный указатель	6	76,1	2,55	1,13	7	75,1	3,01	0,75
17:8. Высотно-поперечный указатель	6	95,8	5,73	2,56	7	94,6	4,65	1,90
9:8. Лобно-поперечный указатель	6	69,0	2,80	1,25	7	69,7	1,84	0,75
9:10. Лобный указатель	6	85,6	2,65	1,18	7	80,8	2,64	1,08
9:12. Лобно-затылочный указатель	4	88,1	—	—	5	90,8	3,35	1,68
Указатель высоты изгиба лобной кости	6	23,7	1,34	0,60	7	26,5	2,63	1,07
40. Длина основания лица	6	95,5	3,73	1,67	5	90,2	4,49	2,25
43. Верхняя ширина лица	6	104,8	4,95	2,21	7	100,3	3,70	1,51
45. Скуловая ширина	6	136,2	5,23	2,33	7	123,0	4,01	1,64
46. Средняя ширина лица	5	93,6	3,65	1,83	6	89,8	4,53	2,02
47. Полная высота лица	2	112,5	—	—	3	108,0	—	—
48. Верхняя высота лица	6	67,3	5,16	2,30	6	63,2	2,40	1,07
50. Максиллофронтальная хорда (mi—mi)	6	19,8	1,94	0,87	6	18,5	2,41	1,08
51. Ширина орбиты от mi (лев.)	6	42,2	2,88	1,29	6	40,3	1,13	0,50
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	4	40,6	—	—	5	36,9	0,25	0,13
52. Высота орбиты (лев.)	6	31,2	2,14	0,96	7	30,9	1,93	0,79
54. Ширина носа	6	24,3	1,63	0,73	6	23,7	0,90	0,40
55. Высота носа	6	48,8	4,49	2,00	6	47,5	1,38	0,62
Форма нижнего края грушевидного отверстия, % { Anthropina	6	100,0	—	—	6	100,0	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	5	2,80	—	—	5	2,80	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	5	3,5	0,94	0,19	5	3,8	1,20	0,60

Таблица 28 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
62.	Длина неба	5	44,6	2,79	1,40	5	42,6	2,27	1,14
63.	Ширина неба	3	40,0	—	—	3	39,3	—	—
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	6	99,2	5,24	2,34	7	94,4	2,62	1,07
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	6	20,3	3,03	1,35	7	17,4	1,87	0,76
	Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	5	94,1	5,93	2,97	5	91,8	4,72	2,36
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	5	23,7	3,29	1,65	5	22,8	3,30	1,65
DC.	Дакриальная хорда	4	21,5	—	—	5	22,8	3,05	1,52
DS.	Дакриальная высота	4	13,0	—	—	5	12,6	1,25	0,63
SC.	Симотическая хорда	6	8,3	1,20	0,54	7	8,4	1,28	0,52
SS.	Симотическая высота	6	5,0	0,87	0,39	7	4,2	0,82	0,33
72.	Угол профиля лица общий	6	86,3	2,50	1,12	5	87,0	2,35	1,17
73.	Угол профиля средней части лица	6	86,8	2,99	1,33	5	87,8	3,01	1,51
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	6	85,2	2,86	1,28	5	84,4	1,14	0,57
75.	Угол носовых костей к горизонтали	6	55,8	5,67	2,53	7	60,0	7,63	3,11
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	6	30,5	4,50	2,01	5	30,4	4,51	2,25
77.	Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	6	134,8	3,37	1,50	7	139,1	3,72	1,52
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	5	126,2	4,61	2,30	5	127,0	6,86	3,43
40:5.	Указатель выступания лица	6	94,3	3,52	1,57	5	95,3	2,45	1,23
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	6	94,8	4,21	1,88	7	89,3	2,95	1,20
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	6	49,0	3,02	1,35	6	48,2	2,42	1,08
47:45.	Общи лицевой указатель	2	84,5	—	—	3	88,4	—	—
48:45.	Верхний лицевой указатель	6	49,4	2,36	1,05	6	50,8	2,17	0,97
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	6	74,0	3,11	1,39	6	76,8	4,55	2,03
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	4	77,5	—	—	5	83,2	5,96	2,98
54:55.	Носовой указатель	6	48,6	2,70	1,21	6	49,8	1,84	0,82
63:62.	Небный указатель	3	93,7	—	—	3	89,5	—	—
DS:DC.	Дакриальный указатель	4	60,6	—	—	5	55,4	5,28	2,64
SS:SC.	Симотический указатель	6	61,6	18,07	8,07	7	51,9	11,69	4,77
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	5	22,0	2,02	1,01	5	21,4	2,49	1,24
65.	Бикондилярная [ширина	4	121,5	—	—	5	111,6	7,13	3,56
66.	Бигониальная ширина	4	102,2	—	—	6	90,3	2,50	1,12
68.	Длина нижней челюсти от углов	4	82,2	—	—	5	72,4	2,97	1,48
68 (1).	Длина нижней челюсти от мыщелков	4	106,0	—	—	5	101,2	4,76	2,38
70.	Высота ветви нижней челюсти	4	64,5	—	—	5	53,8	1,48	0,74
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	4	34,8	—	—	6	28,6	28,6	2,03
79.	Угол ветви нижней челюсти	4	113,2	—	—	5	124,6	5,46	2,73
	Угол выступания подбородка (inf—po)	4	73,0	—	—	6	64,5	4,72	2,11

Средние размеры и указатели черепов карел

Пол	♂		♀		
	п	\bar{x}	п	\bar{x}	
1. Продольный диаметр	3	180,3	5	166,2	
8. Поперечный диаметр	3	144,7	5	137,4	
17. Высотный диаметр (ba—br)	3	133,7	4	126,2	
20. Высотный диаметр (po—br)	3	115,0	4	110,8	
5. Длина основания черепа	3	100,7	4	94,2	
9. Наименьшая ширина лба	3	101,7	4	94,2	
10. Наибольшая ширина лба	3	119,7	4	117,2	
11. Биаурикулярная ширина	3	126,7	4	115,8	
12. Ширина затылка	3	112,3	5	105,8	
29. Лобная хорда	3	113,7	5	103,6	
Высота изгиба лобной кости	3	24,3	5	26,9	
32. Угол лба (па—me)	3	78,0	3	86,3	
Угол лба (gl—me)	3	72,0	3	83,3	
Общий вид сверху (norma verticalis), %	Ovoides — —	2	66,7	1	16,7
		1	—	2	33,3
		1	33,3	3	50,0
Надбровье (1—6 по Мартину)	3	3,00	6	1,83	
Сосцевидный отросток (1—3)	3	1,67	6	1,33	
8:1. Черепной указатель	3	80,3	5	82,7	
17:1. Высотно-продольный указатель	3	74,1	4	75,5	
17:8. Высотно-поперечный указатель	3	92,5	4	92,0	
9:8. Лобно-поперечный указатель	3	70,3	4	68,7	
9:10. Лобный указатель	3	85,0	4	80,3	
9:12. Лобно-затылочный указатель	3	90,6	4	89,3	
Указатель высоты изгиба лобной кости	3	21,4	5	26,0	
40. Длина основания лица	3	99,0	3	89,3	
43. Верхняя ширина лица	3	110,3	5	95,6	
45. Скуловая ширина	3	136,7	3	119,7	
46. Средняя ширина лица	3	99,7	3	82,0	
48. Верхняя высота лица	3	73,7	3	65,7	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	3	22,3	3	20,7	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	3	42,5	3	39,0	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	3	39,7	3	36,0	
52. Высота орбиты (лев.)	3	32,7	3	33,5	
54. Ширина носа	3	26,7	3	21,3	
55. Высота носа	3	53,3	3	48,0	
Форма нижнего края грушевидного отвер- стия, %	Anthropina Fossae praenasales Sulcus praenasalis	1	33,3	3	100,0
		1	33,3	—	—
		1	33,4	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	2	3,50	3	3,33	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	3	4,3	3	6,2	
62. Длина неба	1	49,0	3	42,0	
63. Ширина неба	1	40,0	2	35,0	
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	3	101,8	5	91,1	
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	3	18,7	5	15,7	
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	3	96,8	3	81,8	
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	3	24,0	3	20,2	
DC. Дакриальная хорда	3	23,9	3	21,9	
DS. Дакриальная высота	3	12,9	3	11,5	
SC. Симотическая хорда	3	11,7	3	10,1	

Таблица 29 (окончание)

Пол	♂		♀	
	п	\bar{x}	п	\bar{x}
SS. Симотическая высота	3	5,3	3	4,5
72. Угол профиля лица общий	2	85,0	3	85,3
73. Угол профиля средней части лица	3	84,7	3	86,7
74. Угол профиля альвеолярной части лица	2	82,0	3	80,3
75. Угол носовых костей к горизонтали	3	61,0	3	60,3
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	2	24,5	3	25,0
77. Назомалярный угол (fm_0-p-fm_0)	3	139,3	5	142,2
Зигмаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)	3	127,0	3	127,0
40:5. Указатель выступания лица	3	98,3	3	94,4
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	3	94,4	3	94,5
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	3	55,2	3	52,4
48:45. Верхний лицевой указатель	3	54,1	3	54,9
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	3	77,0	3	85,9
52:51а. Орбитный указатель от d (лев.)	3	80,3	3	93,0
54:55. Носовой указатель	3	49,9	3	44,5
63:62. Небный указатель	1	81,6	2	82,5
DS:DC. Дакриальный указатель	3	54,4	3	53,7
SS:SC. Симотический указатель	3	45,0	3	45,1
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	3	20,3	3	19,3

Таблица 30

Средние размеры и указатели черепов коми-пермяков

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	19	175,7	5,48	1,29	9	169,8	7,10	2,51
8. Поперечный диаметр	19	142,1	4,86	1,15	9	134,8	5,01	1,77
17. Высотный диаметр ($ba-br$)	19	133,9	4,74	1,12	9	131,9	7,59	2,68
20. Высотный диаметр ($po-br$)	18	115,2	3,57	0,87	9	111,0	4,63	1,64
5. Длина основания черепа	19	99,1	4,32	1,02	9	96,2	6,70	2,37
9. Наименьшая ширина лба	19	96,3	3,90	0,92	9	94,9	4,93	1,74
10. Наибольшая ширина лба	18	119,2	5,27	1,28	8	116,1	3,52	1,33
11. Биангулярная ширина	18	123,9	3,72	0,90	9	117,0	4,97	1,76
12. Ширина затылка	14	107,4	3,73	1,03	9	104,4	6,49	2,29
29. Лобная хорда	19	108,8	4,88	1,15	9	106,0	4,01	1,42
Высота изгиба лобной кости	19	25,3	3,18	0,75	9	25,1	2,55	0,90
32. Угол лба ($pa-me$)	18	86,6	5,51	1,34	9	87,2	4,77	1,69
Угол лба ($gl-me$)	18	79,7	5,13	1,25	9	81,4	6,12	2,16
Общий вид сверху (по ma verticalis), %	Ellipsoides	2	10,5	—	—	—	—	—
	Ovoides	4	21,0	—	—	5	55,6	—
	Rhomboides	2	10,5	—	—	—	—	—
	Pentagonoides	3	15,7	—	—	3	33,3	—
	Sphenoides	7	37,0	—	—	—	—	—
Sphaeroides	1	5,3	—	—	1	11,1	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	19	2,74	—	—	9	1,67	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	19	2,00	—	—	9	1,00	—	—
8:1. Черепной указатель	19	81,0	4,30	1,01	9	79,5	4,37	1,54
17:1. Высотно-продольный указатель	19	76,5	3,14	0,74	9	77,9	3,22	1,14

Т а б л и ц а 30 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
17:8. Высотно-поперечный указатель	19	94,5	4,98	1,17	9	98,3	7,11	2,51
9:8. Лобно-поперечный указатель	19	67,7	3,28	0,77	9	70,5	4,00	1,41
9:10. Лобный указатель	18	80,9	3,56	0,86	8	81,4	3,68	1,39
9:12. Лобно-затылочный указатель	14	90,3	4,74	1,31	9	91,0	5,36	1,89
Указатель высоты изгиба лобной кости	19	23,1	2,84	0,67	9	23,7	1,89	0,67
40. Длина основания лица	19	95,2	5,26	1,24	9	90,6	5,46	1,93
43. Верхняя ширина лица	19	105,4	3,47	0,82	9	100,1	4,22	1,49
45. Скуловая ширина	18	133,0	3,88	0,94	8	121,8	5,03	1,90
46. Средняя ширина лица	19	94,4	5,38	1,28	8	89,0	5,01	1,89
47. Полная высота лица	10	116,2	5,12	1,71	4	109,0	—	—
48. Верхняя высота лица	18	69,2	4,71	1,14	9	64,6	4,61	1,63
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	19	19,8	2,40	0,57	8	18,1	1,32	0,50
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	19	41,8	1,35	0,32	9	40,1	1,27	0,45
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	19	39,3	1,62	0,38	8	37,6	1,21	0,46
52. Высота орбиты (лев.)	19	32,7	1,84	0,43	9	31,2	2,30	0,81
54. Ширина носа	19	24,7	1,73	0,41	8	23,6	2,06	0,78
55. Высота носа	19	49,3	3,56	0,84	9	46,6	3,43	1,21
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %								
Anthropina	16	94,2	—	—	9	100,0	—	—
Fossae praenasales	3	15,8	—	—	—	—	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	17	2,65	—	—	7	2,57	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	19	5,7	2,32	0,55	9	4,8	2,34	0,83
62. Длина неба	17	43,9	3,48	0,84	8	41,4	1,51	0,57
63. Ширина неба	8	39,2	2,49	0,94	6	37,0	2,71	1,21
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	19	99,4	3,61	0,85	8	95,3	3,34	1,22
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	19	18,2	2,01	0,47	8	17,3	2,42	0,91
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	19	94,6	5,63	1,33	8	87,8	4,86	1,83
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	19	23,2	2,67	0,63	8	21,9	3,15	1,19
DC. Дакриальная хорда	19	21,2	2,42	0,57	7	20,1	1,88	0,77
DS. Дакриальная высота	19	12,2	1,62	0,38	7	10,8	1,18	0,48
SC. Симотическая хорда	19	8,7	1,58	0,37	9	8,0	1,67	0,59
SS. Симотическая высота	19	3,8	0,66	0,16	9	3,2	0,88	0,31
72. Угол профиля лица общий	16	85,6	2,48	0,64	9	85,0	1,73	0,61
73. Угол профиля средней части лица	16	86,4	2,97	0,77	7	86,3	1,98	0,81
74. Угол профиля альвеолярной части лица	15	82,7	3,20	0,86	7	82,3	5,32	2,17
75. Угол носовых костей к горизонтали	18	57,7	6,54	1,59	8	61,8	2,55	0,96
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	17	26,8	6,17	1,54	8	23,5	2,83	1,07
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	19	139,7	3,64	0,86	8	139,8	5,06	1,91
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	19	127,6	4,67	1,10	8	126,8	6,08	2,29
40:5. Указатель выступания лица	19	96,1	3,97	0,94	9	94,2	2,30	0,81
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	18	93,9	2,43	0,59	8	90,5	4,93	1,86

Таблица 30 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	18	51,6	3,85	0,93	9	48,9	3,27	1,16	
47:45. Общий лицевой указатель	10	87,6	4,11	1,37	4	90,9	—	—	
48:45. Верхний лицевой указатель	17	52,1	3,41	0,85	8	53,2	4,49	1,69	
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	19	79,6	4,44	1,05	9	78,0	6,95	2,46	
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	19	83,4	5,35	1,26	8	81,6	5,49	2,07	
54:55. Носовой указатель	19	50,4	4,34	1,02	8	50,8	6,48	2,45	
63:62. Небный указатель	8	92,7	6,30	2,38	5	91,1	7,09	3,55	
DS:DC. Дакриальный указатель	19	58,2	8,09	1,86	7	55,9	7,92	3,23	
SS:SC. Симотический указатель	19	44,8	9,20	2,11	9	40,0	9,62	3,40	
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	18	21,7	2,90	0,70	8	21,0	3,29	1,24	
65. Бикондилярная ширина	16	117,3	6,95	1,80	7	113,0	3,57	1,46	
66. Бигониальная ширина	16	101,4	6,65	1,72	7	95,6	5,30	2,16	
68. Длина нижней челюсти от углов	—	—	—	—	2	77,5	—	—	
68 (1). Длина нижней челюсти от мышелков	—	—	—	—	2	100,5	—	—	
70. Высота ветви нижней челюсти	—	—	—	—	2	50,5	—	—	
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	16	32,3	2,49	0,64	7	30,1	1,68	0,69	
79. Угол ветви нижней челюсти	—	—	—	—	2	123,0	—	—	
Угол выступания подбородка (inf—po)	—	—	—	—	1	64,0	—	—	

Таблица 31

Средние размеры и указатели черепов северных удмуртов

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	35	176,4	5,99	1,01	37	168,8	6,00	0,99	
8. Поперечный диаметр	35	144,8	6,98	1,18	37	138,8	5,74	0,94	
17. Высотный диаметр (ba—br)	33	134,0	6,36	1,11	37	130,5	5,54	0,91	
20. Высотный диаметр (po—br)	35	116,0	4,98	0,84	37	113,4	4,63	0,76	
5. Длина основания черепа	33	101,4	4,33	0,75	37	97,2	3,62	0,60	
9. Наименьшая ширина лба	36	94,6	5,18	0,86	37	92,9	3,73	0,61	
10. Наибольшая ширина лба	34	124,3	5,58	0,96	36	117,8	5,38	0,90	
11. Биаурикулярная ширина	33	128,1	4,25	0,74	37	122,0	5,12	0,84	
12. Ширина затылка	33	112,1	5,81	1,01	36	107,4	4,26	0,71	
29. Лобная хорда	35	109,1	4,83	0,82	37	106,3	4,66	0,77	
Высота изгиба лобной кости	35	26,4	2,77	0,47	37	26,9	3,09	0,51	
32. Угол лба (pa—me)	35	84,8	4,20	0,71	35	88,6	4,46	0,75	
Угол лба (gl—me)	35	79,2	4,23	0,72	35	84,6	5,41	0,91	
Общий вид сверху (пог-та verticalis), %	Ellipsoides	2	5,5	—	—	4	10,8	—	—
	Ovoides	5	13,9	—	—	8	21,6	—	—
	Rhomboides	—	—	—	—	2	5,4	—	—
	Pentagonoides	5	13,9	—	—	7	18,9	—	—
	Sphenoides	15	41,7	—	—	13	35,2	—	—
Sphaeroides	9	25,0	—	—	3	8,1	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	36	2,56	—	—	37	1,70	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	36	2,17	—	—	37	1,38	—	—	
8:1. Черепной указатель	35	82,2	3,19	0,54	37	82,3	3,74	0,61	

Таблица 31 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
17:1. Высотно-продольный указатель	33	75,8	3,59	0,62	37	77,3	3,26	0,54
17:8. Высотно-поперечный указатель	33	92,1	4,79	0,84	37	93,5	4,52	0,74
9:8. Лобно-поперечный указатель . . .	35	65,7	3,79	0,64	37	66,9	2,93	0,48
9:10. Лобный указатель	34	76,3	3,16	0,54	36	78,8	2,68	0,45
9:12. Лобно-затылочный указатель . .	33	84,6	4,53	0,79	36	86,5	3,74	0,62
Указатель высоты изгиба лобной кости	35	24,1	2,27	0,38	37	25,2	2,19	0,36
40. Длина основания лица	29	97,1	5,92	1,12	34	93,6	4,80	0,82
43. Верхняя ширина лица	34	104,1	4,16	0,71	37	101,5	4,00	0,66
45. Скуловая ширина	35	133,5	4,88	0,82	37	126,6	4,61	0,76
46. Средняя ширина лица }	31	95,4	3,78	0,68	32	91,3	3,51	0,62
47. Полная высота лица	22	120,7	5,18	1,13	28	108,3	6,42	1,24
48. Верхняя высота лица	33	71,2	4,63	0,81	35	65,7	3,75	0,63
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	30	18,6	2,50	0,46	33	18,6	1,98	0,34
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	35	41,9	1,60	0,27	35	40,2	1,79	0,30
51a. Ширина орбиты от d (лев.) . .	32	40,0	1,44	0,25	33	38,6	1,93	0,34
52. Высота орбиты (лев.)	36	33,6	2,14	0,36	35	32,1	1,93	0,33
54. Ширина носа	34	23,6	1,59	0,27	35	24,5	1,67	0,28
55. Высота носа	34	52,5	2,89	0,50	35	48,7	2,81	0,47
Форма нижнего { края грушевид- ного отверстия, { % {	—	—	—	—	1	2,8	—	—
	28	82,4	—	—	29	82,9	—	—
	6	17,6	—	—	5	14,3	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	29	2,97	—	—	32	2,59	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	33	6,4	1,76	0,31	33	5,4	1,40	0,24
62. Длина неба	25	46,4	2,56	0,52	28	44,0	2,81	0,54
63. Ширина неба	14	39,1	2,81	0,78	26	39,1	2,02	0,40
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	34	95,8	3,64	0,62	36	93,1	3,62	0,60
ЮW sub. Высота назона над биорбиталь- ной шириной	34	16,4	2,31	0,40	36	15,3	1,73	0,29
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	31	93,7	4,92	0,88	32	89,4	4,23	0,75
Высота субспинале над зигомак- силлярной шириной	31	22,3	2,80	0,50	32	21,2	2,23	0,39
DC. Дакриальная хорда	28	19,6	2,09	0,40	32	20,4	2,21	0,39
DS. Дакриальная высота	28	11,7	1,12	0,22	32	10,6	1,04	0,18
SC. Симотическая хорда	32	8,2	1,61	0,28	34	8,4	1,92	0,33
SS. Симотическая высота	32	3,9	1,02	0,18	34	3,3	0,90	0,15
72. Угол профиля лица общий . . .	32	84,3	3,96	0,70	32	84,5	3,34	0,59
73. Угол профиля средней части лица	33	86,7	4,19	0,73	33	87,5	3,24	0,56
74. Угол профиля альвеолярной части лица	32	76,8	5,51	0,97	32	74,8	6,10	1,08
75. Угол носовых костей к гори- зонтали	31	58,8	6,13	1,11	33	60,7	4,10	0,71
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	29	26,2	4,87	0,92	32	23,9	4,88	0,86
77. Назомалярный угол (fmo—п— fmo)	34	142,2	4,40	0,75	36	143,5	3,48	0,58
Зигомаксиллярный угол (zm'— ss—zm')	31	128,9	5,89	1,06	32	129,0	4,83	0,85
40:5. Указатель выступания лица . .	29	95,1	5,89	1,11	34	96,5	4,08	0,70

Т а б л и ц а 31 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	35	92,2	2,98	0,50	36	91,5	3,24	0,54
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	30	53,1	3,91	0,71	34	50,6	3,12	0,54
47:45. Общий лицевой указатель	21	90,4	3,75	0,84	28	86,3	4,95	0,95
48:45. Верхний лицевой указатель	32	53,3	3,59	0,63	35	52,2	3,19	0,54
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	34	80,2	4,94	0,85	35	79,8	4,34	0,73
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	31	83,8	5,17	0,93	33	83,1	4,49	0,78
54:55. Носовой указатель	34	45,0	3,86	0,66	35	50,5	4,35	0,74
63:62. Небный указатель	13	83,7	7,59	2,19	23	87,9	5,27	1,12
DS:DC. Дакриальный указатель	28	60,5	7,86	1,51	32	52,4	7,41	1,31
SS:SC. Симотический указатель	32	48,8	12,80	2,26	34	40,4	9,80	1,68
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	23	22,3	2,64	0,56	29	21,2	2,08	0,39
65. Бикондилярная ширина	31	122,0	6,95	1,25	30	114,9	7,11	1,30
66. Бигональная ширина	34	101,1	9,15	1,57	30	94,2	5,40	0,99
68. Длина нижней челюсти от углов	33	76,4	5,49	0,96	28	73,6	2,81	0,54
68(1). Длина нижней челюсти полная	31	104,5	3,63	0,65	27	101,3	3,96	0,78
70. Высота ветви нижней челюсти	32	62,6	6,85	1,21	29	55,3	4,85	0,92
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	34	33,0	2,57	0,44	33	30,0	5,93	1,03
79. Угол ветви нижней челюсти	33	121,8	6,53	1,14	28	124,7	6,99	1,35
Угол выступания подбородка (inf—po)	32	70,0	5,16	0,91	27	67,1	4,89	0,96

Т а б л и ц а 32

Средние размеры и указатели черепов южных удмуртов

Пол	♂				♀					
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
1. Продольный диаметр	80	175,4	7,67	0,86	53	169,0	4,26	0,59		
8. Поперечный диаметр	84	143,6	5,41	0,59	53	138,8	4,69	0,64		
17. Высотный диаметр (ba—br)	77	134,0	5,32	0,61	53	128,3	3,41	0,47		
20. Высотный диаметр (po—br)	77	116,7	4,26	0,49	54	112,6	4,13	0,56		
5. Длина основания черепа	76	100,3	4,56	0,52	53	95,4	3,33	0,46		
9. Наименьшая ширина лба	85	95,1	5,25	0,57	61	91,9	3,94	0,50		
10. Наибольшая ширина лба	80	121,0	5,21	0,58	51	116,0	5,51	0,77		
11. Биаурикулярная ширина	75	126,7	4,46	0,51	46	120,7	4,62	0,68		
12. Ширина затылка	74	111,5	4,81	0,56	44	106,8	4,06	0,61		
29. Лобная хорда	83	107,9	5,39	0,59	61	104,6	4,81	0,62		
Высота изгиба лобной кости	83	25,8	3,08	0,34	61	25,8	3,03	0,39		
32. Угол лба (па—me)	69	87,0	4,77	0,57	51	88,5	3,93	0,55		
Угол лба (gl—me)	69	80,4	5,06	0,61	51	83,3	4,94	0,69		
Общий вид сверху (по-та verticalis), %	}	Ellipsoides	4	4,6	—	—	2	3,2	—	—
		Ovoides	19	21,8	—	—	16	25,8	—	—
		Rhomboides	1	1,2	—	—	1	1,6	—	—
		Pentagonoides	14	16,1	—	—	13	21,0	—	—
		Sphenoides	47	54,0	—	—	30	48,4	—	—
Sphaeroides	2	2,3	—	—	—	—	—	—		
Надбровье (1—6 по Мартину)	88	2,68	—	—	62	1,74	—	—		
Сосцевидный отросток (1—3)	88	1,84	—	—	59	1,27	—	—		
8:1. Черепной указатель	79	81,9	3,94	0,44	50	82,2	3,10	0,44		

Таблица 32 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
17:1. Высотно-продольный указатель	73	76,7	3,37	0,39	49	76,1	2,85	0,40
17:8. Высотно-поперечный указатель	76	93,6	4,24	0,49	48	92,7	3,88	0,56
9:8. Лобно-поперечный указатель	83	66,3	3,41	0,37	52	66,7	3,25	0,45
9:10. Лобный указатель	80	78,8	3,56	0,40	51	79,6	3,11	0,44
9:12. Лобно-затылочный указатель	71	85,7	3,44	0,41	43	86,3	4,74	0,72
Указатель высоты изгиба лобной кости	83	23,9	2,36	0,26	61	24,6	2,22	0,28
40. Длина основания лица	64	96,9	5,51	0,69	41	92,2	4,28	0,67
43. Верхняя ширина лица	86	103,9	3,90	0,42	61	100,3	3,13	0,40
45. Скуловая ширина	75	132,7	4,33	0,50	46	124,7	4,13	0,61
46. Средняя ширина лица	72	94,9	4,87	0,57	49	91,0	3,81	0,54
47. Полная высота лица	44	117,2	5,76	0,87	27	111,7	5,10	1,00
48. Верхняя высота лица	79	70,5	4,19	0,47	55	67,2	3,42	0,54
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	74	20,4	2,13	0,25	57	19,2	2,12	0,28
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	82	41,3	1,57	0,17	59	39,9	1,49	0,19
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	74	39,3	1,66	0,19	57	37,9	1,69	0,22
52. Высота орбиты (лев.)	83	32,8	2,20	0,24	59	32,2	1,85	0,24
54. Ширина носа	72	24,4	1,77	0,21	50	24,0	1,74	0,25
55. Высота носа	80	50,9	3,24	0,36	59	48,5	2,81	0,37
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	—	—	—	—	3	5,4	—	—
Infantilis	52	65,0	—	—	39	69,6	—	—
Anthropina	28	35,0	—	—	14	25,0	—	—
Fossae praen-ales	37	2,70	—	—	20	2,30	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	75	5,1	1,69	0,20	57	4,9	1,77	0,23
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	69	45,6	2,93	0,35	47	44,5	1,81	0,26
62. Длина неба	44	40,3	2,71	0,41	28	38,4	2,60	0,50
63. Ширина неба	82	96,9	3,78	0,42	57	93,2	2,72	0,36
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo')	82	16,7	2,31	0,26	57	15,5	2,48	0,33
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	67	92,8	6,68	0,82	44	89,1	4,15	0,63
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	67	21,9	2,89	0,35	44	21,0	2,00	0,30
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	61	21,4	2,33	0,30	52	20,9	2,28	0,32
DC. Дакриальная хорда	61	12,2	1,38	0,18	52	11,1	1,40	0,19
DS. Дакриальная высота	71	8,8	1,86	0,22	53	8,6	1,90	0,26
SS. Симотическая хорда	71	3,9	1,03	0,12	53	3,3	1,14	0,16
72. Угол профиля лица общий	64	86,0	3,35	0,42	47	85,5	3,18	0,46
73. Угол профиля средней части лица	62	88,5	3,75	0,48	42	88,5	3,14	0,48
74. Угол профиля альвеолярной части лица	60	78,8	5,51	0,71	42	76,2	5,23	0,81
75. Угол носовых костей к горизонтали	63	59,2	6,19	0,78	44	61,8	4,51	0,68
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	65	27,0	6,21	0,77	46	24,1	4,28	0,63
77. Назомалярный угол (fmo—п—fmo')	82	141,7	4,49	0,50	57	143,1	5,38	0,71
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	67	129,5	5,78	0,71	44	129,3	4,02	0,61
40:5. Указатель выступания лица	64	96,3	4,46	0,56	41	96,6	3,00	0,47

Таблица 32 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	73	92,6	3,36	0,39	42	90,3	3,10	0,48
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	70	52,6	3,48	0,42	48	52,4	3,27	0,47
47:45. Общий лицевой указатель	40	88,9	4,69	0,74	19	91,9	4,17	0,98
48:45. Верхний лицевой указатель	67	52,9	3,14	0,38	43	54,1	2,91	0,44
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	81	79,2	5,09	0,57	59	80,8	4,43	0,58
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	73	82,9	5,25	0,61	57	85,0	4,73	0,63
54:55. Носовой указатель	72	48,0	3,86	0,45	49	49,2	3,92	0,55
63:62. Небный указатель	42	89,6	7,98	1,23	26	86,6	5,93	1,19
DS:DC. Дакриальный указатель	61	57,3	8,00	1,02	52	53,4	8,06	1,12
SS:SC. Симотический указатель	71	45,2	10,52	1,25	53	38,9	10,32	1,42
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	37	21,9	1,72	0,28	26	21,4	2,71	0,54
65. Бикондилярная ширина	32	118,6	6,69	1,18	21	114,6	6,70	1,50
66. Бигониальная ширина	41	101,6	5,88	0,92	25	101,7	4,78	0,98
68. Длина нижней челюсти от углов	39	75,0	5,23	0,84	27	72,5	3,41	0,67
68 (1). Длина нижней челюсти полная	37	105,6	5,20	0,85	25	103,6	4,20	0,86
70. Высота ветви нижней челюсти	46	61,7	3,92	0,58	30	56,1	4,24	0,77
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	57	32,6	2,71	0,36	36	30,8	2,17	0,36
79. Угол ветви нижней челюсти	39	123,6	8,08	1,29	26	127,7	6,83	1,37
Угол выступания подбородка (inf—po)	49	70,4	5,11	0,73	29	68,4	5,38	1,02

Таблица 33

Средние размеры и указатели черепов горных марийцев

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	48	185,0	6,20	0,89	35	174,2	6,03	1,02	
8. Поперечный диаметр	47	141,0	5,86	0,85	38	135,8	5,69	0,92	
17. Высотный диаметр (ba—br)	35	136,9	5,49	0,93	29	128,9	5,36	1,01	
20. Высотный диаметр (po—br)	44	115,1	3,22	0,49	32	111,2	4,82	0,85	
5. Длина основания черепа	36	103,1	4,84	0,81	29	96,7	3,25	0,61	
9. Наименьшая ширина лба	50	98,1	3,96	0,56	39	93,2	4,23	0,68	
10. Наибольшая ширина лба	45	120,8	4,39	0,65	36	116,0	4,89	0,82	
11. Биангулярная ширина	43	128,7	5,36	0,82	32	120,5	5,66	1,00	
12. Ширина затылка	40	113,1	4,09	0,65	31	106,4	4,85	0,87	
29. Лобная хорда	46	113,3	4,64	0,68	38	108,2	5,47	0,89	
Высота изгиба лобной кости	46	26,1	3,19	0,47	38	26,7	2,37	0,38	
32. Угол лба (pa—me)	41	82,8	4,63	0,72	35	85,8	3,86	0,65	
Угол лба (gl—me)	41	74,9	4,93	0,77	35	79,7	4,67	0,79	
Общий вид сверху (по- ма verticalis), %	Ellipsoides	10	19,2	—	—	1	2,6	—	—
	Ovoides	27	51,9	—	—	23	59,0	—	—
	Rhomboides	1	2,0	—	—	—	—	—	—
	Pentagonoides	5	9,6	—	—	8	20,5	—	—
	Sphenoides	9	17,3	—	—	7	17,9	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	51	3,18	—	—	39	1,82	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	51	2,29	—	—	38	1,32	—	—	
8:1. Черепной указатель	46	76,6	4,54	0,67	35	78,0	3,51	0,59	
17:1. Высотно-продольный указатель	34	74,2	3,06	0,52	29	74,1	3,49	0,66	

Таблица 33 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
17:8. Высотно-поперечный указатель	34	97,8	6,77	1,16	29	95,2	4,95	0,94
9:8. Лобно-поперечный указатель . .	46	69,8	3,36	0,50	38	68,7	3,16	0,51
9:10. Лобный указатель	45	81,3	3,45	0,51	36	80,4	2,06	0,34
9:12. Лобно-затылочный указатель	40	87,0	3,47	0,55	31	87,4	4,41	0,79
Указатель высоты изгиба лобной кости	46	23,0	2,40	0,35	38	24,6	1,50	0,24
40. Длина основания лица	33	99,8	4,75	0,83	27	94,6	3,99	0,78
43. Верхняя ширина лица	49	107,4	4,39	0,63	38	100,6	3,60	0,58
45. Скуловая ширина	40	135,3	4,95	0,78	29	123,6	4,18	0,79
46. Средняя ширина лица	40	98,4	4,16	0,66	32	92,7	3,53	0,62
47. Полная высота лица	34	121,1	6,38	1,09	22	113,4	5,93	1,29
48. Верхняя высота лица	44	70,8	4,63	0,70	35	66,7	3,65	0,62
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	41	21,1	1,85	0,29	34	19,3	1,92	0,33
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	45	42,0	1,97	0,29	36	39,5	1,51	0,25
51a. Ширина орбиты от d (лев.) . .	40	40,4	1,94	0,31	34	37,7	1,64	0,28
52. Высота орбиты (лев.)	45	32,8	1,81	0,27	35	32,4	2,01	0,34
54. Ширина носа	44	26,0	2,05	0,31	36	24,6	1,82	0,30
55. Высота носа	45	52,1	3,69	0,55	36	48,9	2,88	0,48
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %								
Infantilis	—	—	—	—	4	11,1	—	—
Anthropina	22	50,0	—	—	21	58,3	—	—
Fossae praenasales	22	50,0	—	—	11	30,6	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	33	2,94	—	—	19	2,42	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	44	4,7	1,25	0,19	33	5,0	2,10	0,37
62. Длина неба	37	47,1	2,64	0,43	29	44,7	2,70	0,51
63. Ширина неба	29	41,1	2,67	0,50	21	38,7	2,47	0,55
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	45	99,8	3,92	0,58	37	93,3	3,39	0,56
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	45	17,2	2,19	0,33	37	15,9	1,93	0,32
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	40	97,0	4,24	0,67	33	91,4	3,75	0,65
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	40	22,5	2,89	0,46	33	21,7	2,79	0,49
DC. Дакриальная хорда	37	22,3	1,87	0,31	30	21,4	1,79	0,33
DS. Дакриальная высота	37	11,4	1,46	0,24	30	10,8	1,76	0,32
SC. Симотическая хорда	39	8,5	1,57	0,25	31	8,2	1,71	0,31
SS. Симотическая высота	39	3,9	1,03	0,16	31	3,3	0,87	0,16
72. Угол профиля лица общий . .	40	84,6	3,71	0,59	33	83,9	3,13	0,55
73. Угол профиля средней части лица	41	86,9	3,83	0,60	34	87,2	3,45	0,59
74. Угол профиля альвеолярной части лица	40	77,4	6,20	0,98	33	73,7	6,19	1,08
75. Угол носовых костей к горизонтали	41	58,6	5,32	0,83	31	60,7	5,48	0,98
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	40	26,0	4,53	0,72	30	22,8	5,51	1,01
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo)	45	141,8	4,01	0,60	37	142,2	4,29	0,71
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	40	130,0	5,08	0,80	33	129,2	5,49	0,96
40:5. Указатель выступания лица . .	33	96,8	4,10	0,71	27	98,1	3,35	0,66

Т а б л и ц а 33 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	39	96,2	4,11	0,66	29	90,9	2,77	0,52
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	34	51,8	3,66	0,63	28	51,6	3,12	0,60
47:45. Общий лицевой указатель . . .	30	90,0	4,03	0,74	20	92,4	5,26	1,21
48:45. Верхний лицевой указатель . .	39	52,8	2,81	0,45	28	54,5	2,76	0,53
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	45	78,2	4,98	0,74	35	81,9	4,56	0,77
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	40	81,6	5,31	0,84	33	85,6	4,71	0,82
54:55. Носовой указатель	44	50,0	4,73	0,71	36	50,4	4,83	0,81
63:62. Небный указатель	26	87,7	8,46	1,66	19	85,5	7,52	1,77
DS:DC. Дакриальный указатель	37	51,5	7,76	1,28	30	50,8	8,44	1,54
SS:SC. Симотический указатель	39	45,9	11,10	1,78	31	40,0	7,03	1,26
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	26	21,9	3,06	0,60	13	21,1	3,73	1,08
65. Бикондиллярная ширина	26	124,2	6,45	1,26	18	116,7	6,68	1,62
66. Бигониальная ширина	28	108,3	6,65	1,26	20	96,2	6,45	1,48
68. Длина нижней челюсти от углов	30	79,6	4,59	0,84	20	75,6	4,30	0,99
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	26	107,5	4,93	0,97	18	103,6	5,25	1,27
70. Высота ветви нижней челюсти	34	63,7	4,57	0,78	24	58,5	5,41	1,13
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	42	35,2	2,53	0,39	30	31,5	2,59	0,47
79. Угол ветви нижней челюсти	31	123,9	6,54	1,17	21	127,4	6,94	1,55
Угол выступания подбородка (inf—po)	36	69,0	6,36	1,06	29	68,0	6,92	1,31

Т а б л и ц а 34

Средние размеры и указатели черепов луговых марийцев

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	33	181,4	6,48	1,13	37	174,8	4,55	0,75	
8. Поперечный диаметр	33	141,8	4,82	0,84	35	137,7	4,29	0,73	
17. Высотный диаметр (ba—br)	31	131,7	5,00	0,90	32	125,9	4,82	0,85	
20. Высотный диаметр (po—br)	31	114,9	3,55	0,64	33	111,2	4,73	0,82	
5. Длина основания черепа	29	99,2	3,82	0,72	32	94,3	3,87	0,68	
9. Наименьшая ширина лба	32	96,7	4,71	0,83	37	93,5	3,28	0,54	
10. Наибольшая ширина лба	32	119,5	5,34	0,94	34	115,6	4,07	0,70	
11. Биаурикулярная ширина	33	126,4	5,04	0,88	33	120,4	4,04	0,70	
12. Ширина затылка	33	111,6	5,09	0,89	29	108,3	4,23	0,80	
29. Лобная хорда	31	110,5	4,14	0,74	36	107,8	4,76	0,79	
Высота изгиба лобной кости	31	26,9	2,70	0,48	36	26,9	2,14	0,36	
32. Угол лба (pa—me)	29	86,2	4,84	0,91	32	87,6	4,04	0,71	
Угол лба (gl—me)	29	78,1	5,50	1,04	32	82,3	4,52	0,80	
Общий вид сверху (по ma verticalis), %	{ Ellipsoides Ovoides Rhomboides Pentagonoides Sphaenoides Sphaenoides	1	3,3	—	—	4	10,8	—	—
		14	46,7	—	—	14	37,9	—	—
		1	3,3	—	—	—	—	—	—
		6	20,0	—	—	8	21,6	—	—
		8	26,7	—	—	10	27,0	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	32	3,00	—	—	37	1,73	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	31	1,90	—	—	35	1,26	—	—	

Таблица 34 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
8:1. Черепной указатель	33	78,2	3,01	0,52	35	78,9	2,87	0,49
17:1. Высотно-продольный указатель	31	72,8	3,19	0,57	32	72,2	2,91	0,51
17:8. Высотно-поперечный указатель	31	92,9	4,78	0,86	32	91,3	3,77	0,67
9:8. Лобно-поперечный указатель	32	68,2	2,89	0,51	35	67,9	2,98	0,50
9:10. Лобный указатель	31	81,1	3,04	0,55	34	81,0	3,09	0,53
9:12. Лобно-затылочный указатель	32	87,0	5,69	1,01	29	86,3	3,89	0,74
Указатель высоты изгиба лобной кости	31	24,4	2,32	0,42	36	25,0	1,88	0,31
40. Длина основания лица	28	95,5	5,41	1,04	28	92,5	4,26	0,82
43. Верхняя ширина лица	32	103,6	3,71	0,66	36	99,4	3,07	0,51
45. Скуловая ширина	28	132,3	4,81	0,93	31	123,6	3,32	0,60
46. Средняя ширина лица	25	94,7	4,00	0,82	27	90,3	3,94	0,77
47. Полная высота лица	13	117,8	8,17	2,36	13	112,3	7,23	2,09
48. Верхняя высота лица	31	69,5	4,83	0,87	34	66,1	4,11	0,70
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	28	21,2	2,25	0,43	32	20,2	2,41	0,43
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	31	40,3	1,32	0,24	36	39,4	1,81	0,30
51a. Ширина орбиты от d (лев.) . .	30	38,4	1,51	0,28	35	37,5	1,67	0,28
52. Высота орбиты (лев.)	31	32,5	2,14	0,38	36	32,4	2,13	0,36
54. Ширина носа	29	24,8	2,10	0,40	28	24,0	2,20	0,42
55. Высота носа	31	50,0	3,44	0,62	34	47,3	4,05	0,69
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %								
{ Infantilis	—	—	—	—	2	6,4	—	—
{ Anthropina	21	72,4	—	—	7	22,6	—	—
{ Fossae praenasales	8	27,6	—	—	22	71,0	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	21	2,71	—	—	21	2,86	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	30	4,9	2,06	0,38	32	4,0	1,70	0,30
62. Длина неба	28	45,4	2,77	0,53	24	45,0	3,14	0,65
63. Ширина неба	15	40,1	3,37	0,90	18	37,2	2,96	0,72
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo— fpo)	31	96,0	2,57	0,46	34	92,4	3,12	0,54
ЮW sub. Высота назона над биорби- тальной шириной	31	17,2	2,47	0,44	34	16,6	2,11	0,36
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	22	93,4	4,94	1,08	27	89,6	3,72	0,73
Высота субспинале над зигомак- силлярной шириной	22	21,8	3,34	0,73	27	21,1	2,52	0,49
DC. Дакриальная хорда	29	22,6	2,64	0,50	33	21,2	2,35	0,41
DS. Дакриальная высота	29	11,7	1,38	0,26	33	9,9	1,20	0,21
SC. Симотическая хорда	28	8,5	2,07	0,40	34	8,8	1,78	0,31
SS. Симотическая высота	28	3,6	0,76	0,15	34	3,4	0,89	0,15
72. Угол профиля лица общий	28	86,0	3,70	0,71	27	84,8	2,71	0,53
73. Угол профиля средней части лица	28	88,7	3,87	0,74	27	87,9	3,19	0,63

Таблица 34 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	28	77,8	5,93	1,14	25	76,0	5,49	1,12
75.	Угол носовых костей к горизонтали	28	63,9	6,11	1,18	29	66,1	7,69	1,45
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	27	22,0	5,38	1,06	26	19,3	6,88	1,38
77.	Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	31	140,4	5,11	0,92	34	140,2	4,46	0,76
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	22	130,0	6,29	1,37	27	129,1	5,40	1,06
40:5.	Указатель выступления лица	28	96,2	4,45	0,86	28	98,3	3,57	0,69
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	28	93,3	2,52	0,48	31	89,3	6,27	1,13
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	29	52,7	3,68	0,70	29	52,8	3,20	0,60
47:45.	Общий лицевой указатель	13	90,1	6,34	1,83	13	91,0	6,30	1,82
48:45.	Верхний лицевой указатель	28	52,9	3,92	0,75	29	53,8	3,37	0,64
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	31	80,9	5,35	0,96	36	82,3	5,30	0,88
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	30	84,9	5,74	1,05	35	86,2	7,79	1,32
54:55.	Носовой указатель	29	49,7	6,27	1,18	28	51,1	6,74	1,30
63:62.	Небный указатель	13	88,4	8,47	2,45	18	83,1	7,76	1,88
DS:DC.	Дакриальный указатель	29	52,1	8,36	1,58	33	47,0	7,60	1,32
SS:SC.	Симотический указатель	28	40,9	10,42	2,01	34	38,1	8,42	1,44
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	23	21,6	3,16	0,67	28	20,4	2,61	0,50
65.	Бикондилярная ширина	11	119,9	4,64	1,47	10	112,3	4,47	1,49
66.	Бигонимальная ширина	12	101,3	6,29	1,90	13	93,3	5,23	1,51
68.	Длина нижней челюсти от углов	11	76,3	6,25	1,98	12	71,3	7,36	2,22
68 (1).	Длина нижней челюсти от мышечков	11	107,9	4,57	1,45	12	101,2	5,45	1,64
70.	Высота ветви нижней челюсти	13	62,1	3,35	0,97	13	56,9	4,54	1,31
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	16	32,2	2,81	0,73	19	30,3	2,34	0,55
79.	Угол ветви нижней челюсти	11	126,9	7,22	2,28	12	129,1	7,35	2,22
	Угол выступления подбородка (inf—po)	14	68,9	5,80	1,61	17	68,8	6,15	1,54

Средние размеры и указатели черепов мордвы—эрзы

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	
1. Продольный диаметр	39	179,4	5,31	0,85	33	174,5	6,50	1,13	
8. Поперечный диаметр	39	143,3	4,46	0,71	33	137,9	4,20	0,73	
17. Высотный диаметр (ba—br)	39	135,0	5,81	0,93	30	129,4	5,16	0,94	
20. Высотный диаметр (po—br)	39	114,4	4,45	0,71	34	111,8	4,35	0,75	
5. Длина основания черепа	38	101,1	3,73	0,61	29	96,8	4,42	0,84	
9. Наименьшая ширина лба	38	96,6	3,84	0,62	34	94,8	3,93	0,67	
10. Наибольшая ширина лба	35	120,1	3,83	0,65	30	117,4	4,72	0,86	
11. Биангулярная ширина	39	125,8	4,19	0,67	34	119,3	4,72	0,81	
12. Ширина затылка	33	112,4	4,55	0,79	30	108,3	4,64	0,85	
29. Лобная хорда	38	109,3	5,33	0,86	34	106,6	5,14	0,88	
Высота изгиба лобной кости	38	24,6	2,52	0,41	34	25,8	3,27	0,56	
32. Угол лба (pa—me)	37	83,6	4,35	0,72	33	85,8	4,57	0,80	
Угол лба (gl—me)	37	75,9	4,76	0,78	33	80,8	4,93	0,86	
Общий вид сверху (por- ta vertica- lis), %	{ Ellipsoides	2	5,1	—	—	1	2,9	—	—
	{ Ovoides	11	28,2	—	—	16	47,1	—	—
	{ Rhomboides	2	5,1	—	—	—	—	—	—
	{ Pentagonoides	5	12,8	—	—	9	26,5	—	—
	{ Sphenoides	18	46,2	—	—	8	23,5	—	—
{ Sphaeroides	1	2,6	—	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	39	3,33	—	—	34	1,71	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	39	2,23	—	—	34	1,44	—	—	
8:1. Черепной указатель	39	80,1	3,28	0,53	33	79,1	3,23	0,56	
17:1. Высотно-продольный указатель	39	75,3	3,23	0,52	30	74,0	2,74	0,50	
17:8. Высотно-поперечный указатель	39	94,0	6,43	1,03	30	93,9	4,82	0,88	
9:8. Лобно-поперечный указатель	38	67,4	2,63	0,43	33	68,7	3,15	0,55	
9:10. Лобный указатель	34	80,2	2,10	0,36	30	80,5	3,26	0,60	
9:12. Лобно-затылочный указатель	33	85,9	2,93	0,51	30	88,0	4,94	0,90	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	38	22,6	2,29	0,37	34	24,2	2,69	0,46	
40. Длина основания лица	38	95,8	3,91	0,63	26	92,1	5,80	1,16	
43. Верхняя ширина лица	38	105,3	2,97	0,48	34	102,2	3,54	0,61	
45. Скуловая ширина	39	134,1	3,81	0,61	33	124,6	3,92	0,68	
46. Средняя ширина лица	38	96,8	5,15	0,84	33	91,8	4,30	0,75	
47. Полная высота лица	19	118,4	8,19	1,93	23	112,7	4,54	0,97	
48. Верхняя высота лица	38	70,5	3,60	0,58	31	68,7	2,95	0,53	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	36	20,7	1,93	0,32	32	19,7	2,23	0,39	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	38	41,5	1,41	0,23	34	40,4	1,40	0,24	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	37	39,8	1,36	0,22	33	38,4	1,50	0,26	
52. Высота орбиты (лев.)	39	32,5	1,66	0,27	34	33,6	1,60	0,27	
54. Ширина носа	39	24,7	1,87	0,30	33	24,0	1,73	0,30	
55. Высота носа	39	50,6	3,12	0,50	33	49,4	1,89	0,33	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	{ Infantilis	—	—	—	—	1	3,0	—	—
	{ Anthropina	25	64,1	—	—	31	94,0	—	—
	{ Fossae praen- asales	14	35,9	—	—	1	3,0	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	35	2,97	—	—	31	2,90	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	39	6,2	1,82	0,29	33	5,2	1,61	0,28	
62. Длина неба	30	45,8	2,43	0,44	28	44,7	2,54	0,49	

Т а б л и ц а 35 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
63.	Ширина неба	17	41,1	2,68	0,67	18	39,3	2,20	0,53
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	37	97,5	2,80	0,46	33	93,9	3,30	0,57
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	37	17,2	2,37	0,39	33	16,5	2,81	0,49
	Зигмаксиллярная ширина (zп'—zп')	36	95,8	4,49	0,75	32	92,0	3,81	0,67
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	36	23,0	2,85	0,48	32	22,3	2,67	0,47
DC.	Дакриальная хорда	35	21,9	3,25	0,55	32	21,1	2,47	0,44
DS.	Дакриальная высота	35	11,9	1,24	0,21	32	11,2	1,51	0,27
SC.	Симотическая хорда	35	9,3	1,57	0,27	33	9,1	1,59	0,28
SS.	Симотическая высота	35	4,0	1,00	0,17	33	3,7	1,00	0,17
72.	Угол профиля лица общий	37	85,8	3,43	0,56	31	85,0	2,66	0,48
73.	Угол профиля средней части лица	37	87,6	3,72	0,61	34	87,5	2,69	0,46
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	37	80,4	5,69	0,94	31	77,0	4,86	0,87
75.	Угол носовых костей к горизонтали	33	58,0	6,11	1,06	34	60,4	4,30	0,74
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	32	28,5	5,39	0,95	31	24,7	3,76	0,68
77.	Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	37	140,6	4,92	0,81	33	141,1	5,35	0,93
	Зигмаксиллярный угол (zп'—ss—zп')	36	128,4	5,68	0,95	32	128,1	5,27	0,93
40:5.	Указатель выступания лица	37	94,8	3,69	0,61	26	95,5	3,66	0,73
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	39	93,6	3,36	0,54	32	90,3	2,93	0,52
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	38	52,3	2,59	0,42	27	53,1	2,58	0,51
47:45.	Общий лицевой указатель	19	88,7	5,73	1,35	23	90,2	3,79	0,81
48:45.	Верхний лицевой указатель	37	52,5	2,33	0,38	30	54,8	2,55	0,47
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	38	78,7	4,35	0,71	34	83,3	3,80	0,65
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	37	81,8	4,19	0,69	33	87,8	4,20	0,73
54:55.	Носовой указатель	39	49,0	4,12	0,66	33	48,6	3,52	0,61
63:62.	Нёбный указатель	16	88,4	8,24	2,13	18	89,4	7,49	1,82
DS:DG.	Дакриальный указатель	35	54,3	7,32	1,24	32	53,5	7,85	1,39
SS:SC.	Симотический указатель	35	43,7	7,70	1,30	33	40,9	9,32	1,62
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	35	21,8	5,29	0,89	32	21,1	2,55	0,45
65.	Бикондилярная ширина	27	123,5	6,46	1,27	26	113,9	4,49	0,90
66.	Бигониальная ширина	25	105,0	6,12	1,25	21	93,7	4,21	0,94
68.	Длина нижней челюсти от углов	28	75,4	6,42	1,24	26	72,0	5,87	1,17
68 (1).	Длина нижней челюсти полная	28	103,4	6,24	1,20	27	101,4	4,85	0,95
70.	Высота ветви нижней челюсти	27	64,5	4,46	0,87	28	57,9	4,47	0,86
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	28	32,4	2,39	0,46	30	30,2	2,96	0,54
79.	Угол ветви нижней челюсти	29	123,6	6,60	1,25	27	128,0	5,03	0,99
	Угол выступания подбородка (inf—po)	26	68,0	5,50	1,10	23	65,6	6,84	1,46

Средние размеры и показатели черепов мордвы-терюхан

Пол	♂				♀					
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	
1.	Продольный диаметр	10	178,9	10,25	3,42	6	169,8	4,62	2,06	
8.	Поперечный диаметр	10	142,8	4,73	1,58	6	137,2	4,17	1,86	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	8	134,0	5,50	2,08	4	130,2	—	—	
20.	Высотный диаметр (po—br)	8	114,3	3,28	1,24	5	112,2	4,55	2,28	
5.	Длина основания черепа	8	104,1	3,56	1,34	4	95,8	—	—	
9.	Наименьшая ширина лба	13	95,2	4,89	1,42	6	93,0	4,51	2,01	
10.	Наибольшая ширина лба	10	118,6	4,72	1,57	6	112,8	4,91	2,19	
11.	Биаурикулярная ширина	8	122,3	4,10	1,55	5	117,0	6,20	3,10	
12.	Ширина затылка	8	109,7	6,00	2,26	5	106,8	5,31	2,66	
29.	Лобная хорда	8	109,5	5,23	1,97	6	107,6	3,47	1,55	
	Высота изгиба лобной кости	8	25,5	2,58	0,97	6	25,1	2,24	1,00	
32.	Угол лба (па—ме)	9	83,1	4,43	1,57	5	86,6	2,30	1,15	
	Угол лба (gl—me)	9	76,2	5,21	1,84	5	80,0	3,08	1,54	
	Общий вид сверху (по- та verticalis), %	Ellipsoides	1	8,3	—	—	—	—	—	
		Ovoides	5	41,7	—	—	2	33,4	—	—
		Rhomboides	—	—	—	—	2	33,3	—	—
		Pentagonoides	1	8,3	—	—	2	33,3	—	—
		Sphenoides	3	25,0	—	—	—	—	—	—
	Sphaeroides	2	16,7	—	—	—	—	—	—	
	Надбровье (1—6 по Мартину)	14	3,14	—	—	6	2,00	—	—	
	Сосцевидный отросток (1—3)	13	2,15	—	—	6	1,33	—	—	
8:1.	Черепной указатель	10	80,3	5,83	1,94	6	80,8	3,95	1,76	
17:1.	Высотно-продольный указатель	8	73,8	3,71	1,40	4	76,7	—	—	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	8	94,4	6,34	2,39	4	96,5	—	—	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	10	67,2	2,59	0,86	6	67,9	3,91	1,75	
9:10.	Лобный указатель	10	79,9	2,65	0,88	6	82,5	4,31	1,92	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	8	87,4	5,08	1,92	5	87,0	3,73	1,87	
	Указатель высоты изгиба лобной кости	8	23,3	1,72	0,65	6	23,3	1,57	0,70	
40.	Длина основания лица	8	99,0	4,81	1,82	4	92,0	—	—	
43.	Верхняя ширина лица	12	102,9	6,03	1,82	6	101,2	4,36	1,95	
45.	Скуловая ширина	5	133,0	4,69	2,35	5	122,0	5,83	2,92	
46.	Средняя ширина лица	10	93,9	4,70	1,57	5	90,0	3,67	1,84	
47.	Полная высота лица	1	123,0	—	—	2	110,0	—	—	
48.	Верхняя высота лица	12	70,0	5,24	1,58	5	65,8	5,17	2,59	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	9	20,1	1,97	0,70	5	19,3	1,82	0,91	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	13	40,6	2,23	0,64	5	39,0	1,66	0,83	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	11	38,8	2,11	0,67	5	37,6	1,25	0,63	
52.	Высота орбиты (лев.)	14	33,3	2,04	0,57	5	32,4	1,14	0,57	
54.	Ширина носа	13	24,6	2,06	0,60	5	24,0	1,58	0,79	
55.	Высота носа	13	52,6	3,66	1,06	5	47,4	3,13	1,57	
	Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Infantilis	1	7,7	—	—	1	20,0	—	—
		Anthropina	8	61,5	—	—	4	80,0	—	—
		Fossae praenasales	4	30,8	—	—	—	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	4	3,50	—	—	3	2,33	—	—	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	12	5,9	2,57	0,77	5	4,2	1,04	0,52	
62.	Длина неба	10	45,3	3,02	1,01	5	44,6	5,08	2,54	
63.	Ширина неба	10	38,7	2,00	0,67	5	39,2	0,45	0,23	

Т а б л и ц а 36 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$\frac{s}{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$\frac{s}{\bar{x}}$
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	12	95,2	4,67	1,41	6	94,6	3,32	1,48
IOWsub. Высота назиона над биорбитальной шириной	12	16,6	2,14	0,64	6	16,5	2,83	1,26
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	7	92,4	3,00	1,22	5	90,1	3,45	1,73
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	7	22,1	1,46	0,60	5	22,7	1,86	0,93
DC. Дакриальная хорда	10	20,0	2,37	0,79	5	19,6	1,71	0,86
DS. Дакриальная высота	10	11,8	1,96	0,65	5	10,3	1,64	0,82
SC. Симотическая хорда	11	8,3	1,89	0,60	5	8,5	1,68	0,84
SS. Симотическая высота	11	4,1	1,55	0,49	5	3,5	1,21	0,61
72. Угол профиля лица общий	8	85,5	2,39	0,90	5	85,4	2,30	1,15
73. Угол профиля средней части лица	9	88,8	5,54	1,96	5	86,4	2,70	1,35
74. Угол профиля альвеолярной части лица	8	79,8	4,46	1,68	5	82,2	5,49	2,75
75. Угол носовых костей к горизонтали	8	59,4	4,87	1,85	5	60,6	5,46	2,73
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	7	27,3	5,45	2,22	5	24,8	3,70	1,85
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	12	141,3	3,67	1,11	6	139,7	4,97	2,22
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	7	128,7	4,08	1,67	5	126,0	2,65	1,33
40:5. Указатель выступания лица	8	95,1	3,14	1,18	4	96,0	—	—
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	5	93,6	3,12	1,56	5	89,4	4,41	2,21
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	8	53,5	3,92	1,48	4	50,3	—	—
47:45. Общий лицевой указатель	—	—	—	—	2	87,0	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	5	54,2	2,77	1,39	5	54,0	3,79	1,90
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	13	81,7	7,31	2,11	5	84,8	4,91	2,46
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	11	86,0	6,33	2,00	5	86,3	5,26	2,63
54:55. Носовой указатель	13	46,9	4,32	1,25	5	50,8	4,27	2,14
63:62. Нёбный указатель	10	85,7	6,36	2,12	5	88,8	10,06	5,03
DS:DC. Дакриальный указатель	10	59,8	13,44	4,48	5	52,6	7,78	3,89
SS:SC. Симотический указатель	11	48,0	12,26	3,88	5	41,1	9,67	4,84
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	4	23,2	—	—	2	19,0	—	—
65. Бикондилярная ширина	2	112,5	—	—	—	—	—	—
66. Бигониальная ширина	1	93,0	—	—	—	—	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	1	80,0	—	—	—	—	—	—
68 (1). Длина нижней челюсти от мышечков	1	98,0	—	—	—	—	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	1	62,0	—	—	—	—	—	—
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	2	30,2	—	—	—	—	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	1	107,0	—	—	—	—	—	—

Средние размеры и показатели черепов мордвы-мокши

Пол	♂				♀					
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	
1.	Продольный диаметр	20	182,5	6,47	1,48	15	172,0	6,88	1,84	
8.	Поперечный диаметр	18	140,9	5,45	1,32	15	136,8	4,67	1,25	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	18	131,0	5,60	1,36	14	126,7	2,61	0,72	
20.	Высотный диаметр (po—br)	20	114,5	3,85	0,88	15	109,8	3,34	0,89	
5.	Длина основания черепа	18	99,4	4,85	1,18	14	94,9	3,10	0,86	
9.	Наименьшая ширина лба	20	96,1	4,90	1,12	15	93,1	4,77	1,28	
10.	Наибольшая ширина лба	20	119,1	5,88	1,35	15	114,5	6,04	1,61	
11.	Биаурикулярная ширина	20	123,5	5,84	1,34	15	116,0	4,85	1,30	
12.	Ширина затылка	19	110,9	2,71	0,64	13	106,5	3,60	1,04	
29.	Лобная хорда	19	112,5	4,08	0,96	15	106,8	4,69	1,25	
	Высота изгиба лобной кости	19	26,1	2,38	0,55	15	26,3	2,50	0,67	
32.	Угол лба (pa—me)	19	83,4	4,15	0,99	15	86,7	3,80	1,02	
	Угол лба (gl—me)	18	76,5	5,08	1,23	14	82,0	4,94	1,37	
	Общий вид сверху (пог-та verticalis), %	{ Ellipsoides	2	10,0	—	—	1	6,7	—	—
		{ Ovoides	10	50,0	—	—	6	40,0	—	—
		{ Rhomboides	1	5,0	—	—	1	6,7	—	—
		{ Pentagonoides	3	15,0	—	—	—	—	—	—
		{ Sphenoides	3	15,0	—	—	7	46,6	—	—
		{ Sphaeroides	1	5,0	—	—	—	—	—	—
	Надбровье (1—6 по Мартину)	20	2,95	—	—	15	1,87	—	—	
	Сосцевидный отросток (1—3)	20	2,20	—	—	14	1,50	—	—	
8:1.	Черепной указатель	18	77,3	3,45	0,84	15	79,6	3,72	0,99	
17:1.	Высотно-продольный указатель	18	72,5	3,20	0,78	14	73,9	2,83	0,78	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	16	93,4	5,16	1,33	14	92,9	3,36	0,93	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	18	68,2	4,00	0,97	15	68,1	3,64	0,97	
9:10.	Лобный указатель	20	80,8	3,12	0,72	15	81,4	4,17	1,11	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	19	86,9	4,49	1,06	13	87,8	5,25	1,52	
	Указатель высоты изгиба лобной кости	19	23,2	1,94	0,46	15	24,6	1,67	0,45	
40.	Длина основания лица	17	96,7	3,37	0,84	13	91,5	3,40	0,98	
43.	Верхняя ширина лица	20	104,0	2,90	0,67	15	99,9	4,18	1,12	
45.	Скуловая ширина	18	132,1	5,61	1,36	14	122,5	4,01	1,11	
46.	Средняя ширина лица	18	93,4	4,63	1,12	11	90,0	6,21	1,97	
47.	Полная высота лица	8	117,5	6,55	2,47	5	111,8	6,30	3,15	
48.	Верхняя высота лица	19	69,9	4,77	1,12	14	64,9	3,58	0,99	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	17	20,6	1,50	0,38	14	19,9	1,82	0,50	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	17	40,8	1,55	0,39	14	39,5	1,98	0,55	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	18	38,7	1,52	0,37	14	38,2	1,99	0,55	
52.	Высота орбиты (лев.)	19	32,6	1,64	0,39	14	31,6	1,36	0,38	
54.	Ширина носа	19	24,5	1,89	0,45	14	24,5	2,17	0,60	
55.	Высота носа	20	50,7	2,47	0,57	14	47,5	2,41	0,67	
	Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	{ Anthropina	14	70,0	—	—	11	78,6	—	—
		{ Fossae praenasionales	6	30,0	—	—	3	21,4	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	16	2,69	—	—	10	2,70	—	—	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	18	5,2	1,56	0,38	14	4,9	1,79	0,50	
62.	Длина неба	14	44,9	1,54	0,43	11	43,4	2,11	0,67	

Таблица 37 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
63. Ширина неба	10	39,3	1,89	0,63	8	38,0	3,85	1,45
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	19	98,3	3,01	0,71	15	94,3	3,83	1,02
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	19	17,6	2,07	0,49	15	16,7	2,48	0,66
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	17	93,1	4,87	1,22	11	90,3	6,92	2,19
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	17	22,9	1,82	0,46	11	22,0	1,98	0,63
DC. Дакриальная хорда	17	22,1	1,78	0,45	13	20,7	2,65	0,77
DS. Дакриальная высота	17	12,4	1,50	0,38	13	10,4	1,78	0,51
SC. Симотическая хорда	15	10,1	1,73	0,46	13	9,4	3,16	0,91
SS. Симотическая высота	15	4,7	1,34	0,36	13	4,0	1,13	0,33
72. Угол профиля лица общий	15	84,7	3,28	0,88	11	84,8	3,19	1,01
73. Угол профиля средней части лица	17	85,9	3,24	0,81	12	87,3	3,26	0,98
74. Угол профиля альвеолярной части лица	15	80,1	5,89	1,57	11	77,4	5,56	1,76
75. Угол носовых костей к гори- зонтالي	14	58,1	6,53	1,81	9	63,9	5,42	1,56
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	14	26,9	5,83	1,61	8	21,9	5,22	1,97
77. Назомалярный угол (fmo—п—fmo)	20	140,4	4,03	0,92	15	140,9	4,21	1,13
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	18	127,2	3,30	0,80	11	127,6	3,80	1,20
40:5. Указатель выступания лица	17	97,5	3,69	0,92	13	96,7	3,13	0,90
45:8. Горизонтальный фациоцеребраль- ный указатель	18	93,9	3,53	0,86	14	89,0	3,16	0,88
48:17. Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	17	53,3	3,31	0,83	13	51,3	3,06	0,88
47:45. Общий лицевой указатель	8	89,5	3,90	1,47	5	91,8	3,89	1,95
48:45. Верхний лицевой указатель	17	53,1	3,78	0,95	13	53,3	2,79	0,81
52:51. Орбитный указатель от pf (лев.)	17	79,7	5,22	1,31	14	80,3	4,17	1,16
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	18	84,3	5,24	1,27	14	83,0	4,21	1,17
54:55. Носовой указатель	19	48,3	3,55	0,84	14	51,5	3,66	1,01
63:62. Небный указатель	10	88,4	5,25	1,75	8	87,8	6,76	2,55
DS:DC. Дакриальный указатель	17	56,1	6,74	1,69	13	50,7	8,93	2,58
SS:SC. Симотический указатель	15	46,1	10,23	2,74	13	42,7	7,16	2,07
Указатель высоты изгиба ску- ловой кости (по У Дин-ляну)	13	21,2	3,33	0,96	8	20,2	1,95	0,74
65. Бикондиллярная ширина	11	118,5	5,51	1,74	8	113,2	6,96	2,63
66. Бигониальная ширина	13	100,8	5,51	1,59	8	92,2	7,64	2,88
68. Длина нижней челюсти от уг- лов	12	79,2	5,45	1,64	8	73,0	2,45	0,92
68 (1). Длина нижней челюсти полная	11	108,8	3,66	1,16	8	103,6	4,03	1,52
70. Высота ветви нижней челюсти	12	64,3	4,88	1,47	8	55,9	4,76	1,80
71a. Наименьшая ширина ветви ниж- ней челюсти	13	31,3	2,33	0,67	10	28,5	2,27	0,76
79. Угол ветви нижней челюсти	12	120,3	6,00	1,81	8	126,9	5,91	2,23
Угол выступания подбородка (inf—po)	11	67,7	7,71	2,44	7	65,9	5,05	2,06

Средние размеры и показатели черепов средневековой морды

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1.	Продольный диаметр	23	186,2	8,61	1,88	9	174,8	7,80	2,76
8.	Поперечный диаметр	22	137,1	6,95	1,52	9	132,8	4,38	1,55
17.	Высотный диаметр (ba—br)	21	135,5	5,92	1,10	6	127,2	7,08	3,16
20.	Высотный диаметр (po—br)	10	112,8	2,62	0,87	6	111,8	5,37	2,40
5.	Длина основания черепа	21	104,7	5,42	1,21	6	96,8	3,54	1,58
9.	Наименьшая ширина лба	23	96,6	4,50	0,96	10	93,7	4,42	1,47
10.	Наибольшая ширина лба	14	116,9	4,36	1,21	9	114,2	4,02	1,42
11.	Биаурикулярная ширина	10	124,7	6,07	2,02	5	115,2	5,67	2,84
12.	Ширина затылка	9	109,8	3,19	1,13	7	103,6	5,66	2,31
29.	Лобная хорда	15	112,4	4,99	1,07	10	105,7	4,16	1,39
	Высота изгиба лобной кости	15	25,2	3,26	0,87	10	25,7	3,02	1,01
32.	Угол лба (pa—me)	19	83,8	3,58	0,84	4	87,8	—	—
	Угол лба (gl—me)	10	76,2	4,18	1,39	4	82,8	—	—
	Общий вид								
	сверху (погма								
	verticalis), %								
	Ellipsoides	6	25,0	—	—	—	—	—	—
	Ovoides	13	54,2	—	—	7	70,0	—	—
	Sphenoides	5	20,8	—	—	3	30,0	—	—
	Надбровье (1—6 по Мартину)	24	3,08	—	—	11	1,55	—	—
	Сосцевидный отросток (1—3)	13	2,31	—	—	8	1,25	—	—
8:1.	Черепной указатель	22	73,6	6,06	1,32	9	76,1	3,70	1,31
17:1.	Высотно-продольный указатель	21	73,2	3,40	0,76	6	73,4	5,48	2,45
17:8.	Высотно-поперечный указатель	20	98,7	6,87	1,58	6	95,9	2,91	1,30
9:8.	Лобно-поперечный указатель	22	70,9	5,51	1,20	8	69,9	4,07	1,54
9:10.	Лобный указатель	14	83,3	5,21	1,44	8	82,8	4,86	1,83
9:12.	Лобно-затылочный указатель	9	88,9	4,27	1,51	6	88,1	4,45	1,99
	Указатель высоты изгиба лобной кости	15	22,4	2,66	0,71	10	24,3	2,40	0,80
40.	Длина основания лица	19	99,8	6,16	1,45	4	91,5	—	—
43.	Верхняя ширина лица	12	105,6	4,76	1,43	9	98,0	3,67	1,30
45.	Скуловая ширина	16	131,8	5,59	1,44	3	118,3	—	—
46.	Средняя ширина лица	9	96,1	4,15	1,47	4	87,8	—	—
47.	Полная высота лица	1	123,0	—	—	1	103,0	—	—
48.	Верхняя высота лица	20	69,3	4,03	0,92	6	65,0	8,01	3,58
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	11	21,7	2,65	0,84	6	19,0	2,83	1,26
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	11	42,2	1,64	0,52	6	38,8	1,63	0,73
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	20	39,6	1,92	0,44	6	36,9	2,01	0,90
52.	Высота орбиты (лев.)	20	32,1	1,95	0,45	6	31,3	1,76	0,79
54.	Ширина носа	20	25,3	1,56	0,36	6	22,7	1,96	0,88
55.	Высота носа	20	50,3	2,90	0,67	6	46,8	3,86	1,72
	Форма нижнего								
	края грушевид-								
	ного отверстия,								
	%								
	Anthropina	14	73,7	—	—	6	100,0	—	—
	Fossae praen-	5	26,3	—	—	—	—	—	—
	nasales								
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	16	2,69	—	—	2	2,00	—	—
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	10	5,3	0,89	0,30	6	5,1	1,38	0,62
62.	Длина неба	10	46,0	3,46	1,15	3	41,7	—	—
63.	Ширина неба	10	40,2	3,33	1,11	4	35,2	—	—
43 (1).	Биорбитальная хорда (fmo—fmo)	12	98,5	5,40	1,63	9	90,1	4,51	1,59

Таблица 38 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	12	18,9	1,79	0,54	9	16,4	2,45	0,87
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	7	96,6	6,19	2,53	3	87,7	—	—
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	7	21,9	2,84	1,16	3	23,2	—	—
DC. Дакриальная хорда	11	21,7	2,84	0,90	7	19,5	3,25	1,33
DS. Дакриальная высота	11	11,5	1,11	0,35	7	10,1	0,78	0,32
SC. Симотическая хорда	11	8,8	1,51	0,48	8	9,0	1,79	0,68
SS. Симотическая высота	11	3,7	0,94	0,30	8	3,7	0,73	0,28
72. Угол профиля лица общий	19	84,8	2,52	0,59	4	86,2	—	—
73. Угол профиля средней части лица	10	84,7	3,20	1,07	4	87,2	—	—
74. Угол профиля альвеолярной части лица	10	82,5	4,05	1,35	4	81,8	—	—
75. Угол носовых костей к горизонтали	17	57,5	7,20	1,80	3	62,0	—	—
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	17	27,6	6,69	1,67	3	24,7	—	—
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	12	137,7	3,45	1,04	9	139,7	4,92	1,74
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	7	131,0	4,33	1,77	3	123,7	—	—
40:5. Указатель выступания лица	19	95,9	3,66	0,86	4	96,0	—	—
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	16	95,7	5,24	1,35	3	90,2	—	—
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	20	51,4	3,52	0,81	4	53,5	—	—
47:45. Общий лицевой указатель	—	—	—	—	1	85,1	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	16	52,0	2,34	0,60	3	55,7	—	—
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	11	77,3	6,54	2,07	6	80,6	2,40	1,07
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	20	81,0	5,29	1,21	6	84,5	2,09	0,93
54:55. Носовой указатель	20	51,6	3,23	0,74	6	48,9	7,55	3,37
63:62. Небный указатель	9	88,0	7,71	2,72	2	90,2	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	11	53,6	7,06	2,23	7	52,8	12,77	5,21
SS:SC. Симотический указатель	11	42,3	11,32	3,58	8	41,9	8,76	3,31
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	8	20,7	3,97	1,50	2	17,0	—	—

Таблица 39

Средние размеры и указатели черепов из могильника на площади Старого Венца (Симбирск)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	8	180,0	3,46	1,31	7	171,1	3,19	1,30
8. Поперечный диаметр	9	147,4	7,89	2,79	7	144,1	7,05	2,88
17. Высотный диаметр (ba—br)	9	127,9	7,35	2,60	7	125,6	4,51	1,84
20. Высотный диаметр (po—br)	8	112,6	4,14	1,56	7	110,7	3,10	1,27
5. Длина основания черепа	8	102,1	3,76	1,42	7	97,1	4,31	1,76
9. Наименьшая ширина лба	9	98,0	4,92	1,74	7	94,6	3,74	1,53
10. Наибольшая ширина лба	9	121,0	7,22	2,55	7	117,9	4,75	1,94
11. Биаурикулярная ширина	8	130,5	6,14	2,32	7	124,9	6,97	2,84

Таблица 39 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
12. Ширина затылка	6	112,2	5,11	2,28	7	107,4	3,56	1,45	
29. Лобная хорда	8	108,7	3,95	1,49	7	106,1	0,98	0,40	
Высота изгиба лобной кости . .	8	26,1	4,23	1,60	7	26,1	2,00	0,82	
32. Угол лба (па—ме)	7	83,3	6,25	2,55	7	85,3	4,16	1,70	
Угол лба (gl—me)	7	76,3	5,36	2,19	7	80,6	4,97	2,03	
Общий вид сверху (погла verticalis), %	Ellipsoides Ovoides Rhomboides Sphenoides	—	—	—	1	14,3	—	—	
		2	22,3	—	—	2	28,6	—	—
		—	—	—	—	1	14,3	—	—
		7	77,7	—	—	3	42,8	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	9	2,78	—	—	7	2,14	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3) .	9	2,00	—	—	7	1,43	—	—	
8:1. Черепной указатель	8	83,1	3,19	1,20	7	84,3	4,99	2,04	
17:1. Высотно-продольный указатель	8	70,4	4,45	1,68	7	73,4	2,29	0,93	
17:8. Высотно-поперечный указатель .	9	87,1	8,74	3,09	7	87,4	7,19	2,93	
9:8. Лобно-поперечный указатель . .	9	66,6	3,47	1,23	7	65,8	4,28	1,75	
9:10. Лобный указатель	9	81,1	3,97	1,40	7	80,3	2,82	1,15	
9:12. Лобно-затылочный указатель . .	6	89,3	2,92	1,30	7	88,2	5,37	2,19	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	8	24,0	3,84	1,45	7	24,6	1,72	0,70	
40. Длина основания лица	6	101,7	5,04	2,25	6	95,3	4,84	2,16	
43. Верхняя ширина лица	9	106,8	2,49	0,88	7	103,6	4,49	1,83	
45. Скуловая ширина	7	138,1	5,28	2,16	7	129,7	5,92	2,42	
46. Средняя ширина лица	7	97,4	5,63	2,30	7	92,3	4,73	1,93	
47. Полная высота лица	1	113,0	—	—	3	116,0	—	—	
48. Верхняя высота лица	7	68,7	6,88	2,81	6	68,2	4,87	2,17	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	7	18,4	1,46	0,60	7	16,9	1,60	0,65	
51. Ширина орбиты от mf (лев.) . .	7	43,5	2,13	0,87	7	41,2	1,04	0,42	
51a. Ширина орбиты от d (лев.) . .	7	41,0	1,94	0,79	7	38,9	1,77	0,72	
52. Высота орбиты (лев.)	7	33,0	1,81	0,74	7	33,6	3,23	1,32	
54. Ширина носа	7	25,1	1,87	0,76	7	23,9	2,12	0,87	
55. Высота носа	7	51,3	4,43	1,81	7	49,7	3,15	1,29	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	Anthropina Fossae prae- nasales	5	71,4	—	—	6	85,7	—	—
		2	28,6	—	—	1	14,3	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	5	2,20	—	—	5	3,00	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	7	4,9	1,37	0,56	7	5,1	2,44	1,00	
62. Длина неба	4	48,0	—	—	5	44,2	2,77	1,39	
63. Ширина неба	4	41,0	—	—	4	38,2	—	—	
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	8	99,6	2,02	0,71	7	94,9	1,99	0,82	
IOW sub. Высота назиона над биорбиталь- ной шириной	8	16,9	2,08	0,73	7	16,4	2,48	1,01	
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	6	95,3	5,05	2,25	7	90,3	5,12	2,09	
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	6	24,0	3,78	1,69	7	22,4	2,96	1,21	
DC. Дакриальная хорда	7	19,9	2,18	0,89	7	19,0	1,73	0,71	
DS. Дакриальная высота	7	11,3	2,11	0,86	7	10,3	1,55	0,63	
SC. Симотическая хорда	7	8,2	2,00	0,82	7	8,6	2,63	1,07	
SS. Симотическая высота	7	4,2	1,18	0,48	7	3,6	1,21	0,49	
72. Угол профиля лица общий . . .	6	84,7	1,51	0,67	6	86,7	2,66	1,19	

Т а б л и ц а 39 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
73. Угол профиля средней части лица	5	86,4	2,62	1,31	5	87,8	3,63	1,82
74. Угол профиля альвеолярной части лица	4	80,0	—	—	4	81,5	—	—
75. Угол носовых костей к горизонтали	6	60,3	4,59	2,05	6	63,2	5,53	2,47
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	5	24,8	3,03	1,52	5	22,0	4,30	2,15
77. Назомаллярный угол (fmo-n-fmo)	8	142,6	4,47	1,69	7	142,0	4,77	1,95
Зигмаксиллярный угол (zm'-ss-zm')	6	126,5	7,74	3,46	7	128,1	6,61	2,70
Указатель выступающего лица	6	98,2	2,71	1,21	6	98,8	3,93	1,75
40:5. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	7	92,2	3,05	1,24	7	90,0	2,68	1,09
45:8. Вертикальный фациоцеребральный указатель	7	54,1	6,14	2,41	6	54,8	4,67	2,08
48:17. Общий лицевой указатель	1	84,3	—	—	3	89,2	—	—
47:45. Верхний лицевой указатель	7	49,6	3,19	1,30	6	52,6	2,20	0,98
48:45. Орбитный указатель от pf (лев.)	7	75,9	3,27	1,33	7	81,5	7,41	3,02
52:51. Орбитный указатель от d (лев.)	7	80,5	3,41	1,39	7	86,5	6,58	2,69
52:51a. Носовой указатель	7	49,3	4,51	1,84	7	48,2	6,09	2,49
54:55. Небный указатель	3	87,5	—	—	4	84,5	—	—
63:62. Дакриальный указатель	7	56,9	9,76	3,98	7	54,5	8,20	3,35
DS:DC. Симотический указатель	7	51,9	12,66	5,17	7	44,1	15,02	6,13
SS:SC. Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	7	20,9	5,33	2,18	7	22,0	3,33	1,36
Бикондилярная ширина	3	123,7	—	—	5	120,0	4,12	2,06
65. Бигониальная ширина	4	100,0	—	—	6	96,2	3,71	1,66
66. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти)	7	33,3	1,94	0,79	6	31,6	2,92	1,30

Т а б л и ц а 40

Средние размеры и указатели черепов русских (Архангельская губ.)

Пол	♂				♀	
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	\bar{x}
1. Продольный диаметр	13	178,9	7,98	2,30	1	174,0
8. Поперечный диаметр	13	142,7	5,15	1,49	1	144,0
17. Высотный диаметр (ba-br)	13	130,8	5,16	1,49	1	129,0
20. Высотный диаметр (po-br)	13	113,6	5,00	1,44	1	109,0
5. Длина основания черепа	13	98,9	4,88	1,41	1	96,0
9. Наименьшая ширина лба	13	98,0	6,50	1,88	1	99,0
10. Наибольшая ширина лба	13	120,6	6,30	1,82	1	123,0
11. Биаурикулярная ширина	13	123,6	5,28	1,52	1	122,0
12. Ширина затылка	10	109,1	5,16	1,72	1	109,0
29. Лобная хорда	12	109,5	5,29	1,59	1	108,0
Высота изгиба лобной кости	12	25,8	3,00	0,90	1	30,5
32. Угол лба (pa-me)	11	85,0	4,27	1,35	1	93,0
Угол лба (gl-me)	11	77,9	5,87	1,86	1	88,0
Общий вид сверху (norma verticalis), %						
Ovoides	5	38,5	—	—	1	100,0
Pentagonoides	5	38,5	—	—	—	—
Sphenoides	3	23,1	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	13	3,23	—	—	1	2,00
Сосцевидный отросток (1—3)	13	2,31	—	—	1	1,00

Таблица 40^т (продолжение)

Пол	♂				♀	
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n
8:1. Черепной указатель	13	79,8	3,14	0,90	1	82,8
17:1. Высотно-продольный указатель	13	73,2	3,14	0,91	1	74,1
17:8. Высотно-поперечный указатель	13	91,7	3,43	0,99	1	89,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	13	68,6	4,04	1,17	1	68,8
9:10. Лобный указатель	13	81,1	2,74	0,79	1	80,5
9:12. Лобно-затылочный указатель	10	88,5	6,55	2,19	1	90,8
Указатель высоты изгиба лобной кости	13	23,4	2,00	0,58	1	28,2
40. Длина основания лица	12	97,5	5,90	1,78	1	93,0
43. Верхняя ширина лица	13	105,3	6,25	1,80	1	103,0
45. Скуловая ширина	13	129,9	6,24	1,80	1	132,0
46. Средняя ширина лица	13	91,9	4,90	1,41	1	94,0
47. Полная высота лица	12	116,0	7,20	2,17	—	—
48. Верхняя высота лица	12	69,0	4,02	1,21	1	62,0
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	13	21,9	2,08	0,60	1	23,0
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	13	41,7	2,53	0,73	1	41,0
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	13	40,5	2,32	0,67	1	38,0
52. Высота орбиты (лев.)	13	33,1	1,98	0,57	1	30,5
54. Ширина носа	13	25,0	2,72	0,61	1	25,0
55. Высота носа	13	50,1	2,39	0,69	1	47,0
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	10	83,3	—	—	1	100,0
Anthropina	2	16,7	—	—	—	—
Fossae praepalates	2	16,7	—	—	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	12	3,17	—	—	1	2,00
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	13	5,8	1,82	0,52	1	4,5
62. Длина неба	12	45,7	3,05	0,92	1	45,0
63. Ширина неба	11	39,2	2,73	0,86	1	38,0
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo) . .	13	98,3	5,33	1,54	1	98,0
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	13	19,5	6,50	1,88	1	15,5
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	13	91,4	4,59	1,32	1	91,0
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	13	23,4	1,96	0,57	1	20,0
DC. Дакриальная хорда	13	22,5	2,32	0,67	1	25,9
DS. Дакриальная высота	13	11,8	1,44	0,42	1	11,4
SC. Симотическая хорда	13	9,1	2,32	0,67	1	9,5
SS. Симотическая высота	13	3,9	1,14	0,33	1	2,5
72. Угол профиля лица общий	12	83,6	4,90	1,48	1	82
73. Угол профиля средней части лица . .	13	83,8	4,65	1,34	1	84
74. Угол профиля альвеолярной части лица	12	84,5	3,80	1,15	1	75
75. Угол носовых костей к горизонтали .	13	56,5	5,46	1,58	1	61
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	12	29,2	4,78	1,44	1	21
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo) . .	13	136,5	4,86	1,40	1	145
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	13	125,8	3,72	1,07	1	132
40:5. Указатель выступания лица	12	98,5	4,50	1,36	1	96,9
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	13	91,1	3,52	1,02	1	91,7
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	12	52,4	3,11	0,94	1	48,1
47:45. Общий лицевой указатель	12	88,8	4,22	1,27	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	12	52,7	7,45	2,44	1	47,0
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.) . .	13	77,5	5,58	1,61	1	74,4
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.) . . .	13	83,5	5,95	1,72	1	80,3
54:55. Носовой указатель	13	50,0	4,86	1,40	1	53,2
63:62. Небный указатель	11	86,9	9,23	2,92	1	84,4

Таблица 40 (окончание)

Пол	♂				♀	
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
DS:DC. Дакриальный указатель	13	52,8	7,87	2,27	1	44,0
SS:SC. Симотический указатель	13	45,6	8,65	2,50	1	26,0
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	13	19,7	2,18	0,63	1	20,0
65. Бикондилярная ширина	13	116,3	5,17	1,49	—	—
66. Бигониальная ширина	13	101,7	7,03	2,03	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов . .	13	77,5	5,54	1,60	—	—
68 (1). Длина нижней челюсти от мышелков	13	104,2	4,61	1,33	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	13	60,2	5,21	1,50	—	—
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	13	33,4	3,70	1,07	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	13	121,2	6,44	1,86	—	—
Угол выступания подбородка (inf—po)	12	68,2	4,90	1,48	—	—

Таблица 41

Средние размеры и указатели черепов русских (Олонецкая губ.)

Пол	♂				♀	
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
1. Продольный диаметр	14	176,6	5,50	1,52	1	175,0
8. Поперечный диаметр	14	142,4	5,85	1,62	1	132,0
17. Высотный диаметр (ba—br)	14	133,0	3,45	0,96	1	117,0
20. Высотный диаметр (po—br)	13	112,9	3,76	1,08	1	105,0
5. Длина основания черепа	14	99,9	4,04	1,12	1	100,0
9. Наименьшая ширина лба	14	97,4	5,57	1,54	1	94,0
10. Наибольшая ширина лба	14	120,4	5,73	1,59	1	112,0
11. Бикондилярная ширина	14	122,4	4,38	1,21	1	112,0
12. Ширина затылка	9	109,4	3,84	1,36	—	—
29. Лобная хорда	14	109,8	3,05	0,85	1	98,0
Высота изгиба лобной кости	14	26,5	2,37	0,66	1	24,5
32. Угол лба (pa—me)	14	84,7	4,62	1,31	1	90,0
Угол лба (gl—me)	14	78,9	5,41	1,53	1	85,0
Общий вид сверху (по гма verticalis), %	Ellipsoides	1	7,1	—	—	—
	Ovoides	6	42,9	—	—	1
	Pentagonoides	2	14,3	—	—	—
	Rhomboides	1	7,1	—	—	—
	Sphenoides	4	28,6	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	14	2,43	—	—	1	2,00
Сосцевидный отросток (1—3)	14	2,14	—	—	1	3,00
8:1. Черепной указатель	14	80,7	4,31	1,19	1	75,4
17:1. Высотно-продольный указатель	14	75,4	3,05	0,85	1	66,9
17:8. Высотно-поперечный указатель	14	93,5	4,26	1,18	1	88,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	14	68,4	3,60	1,02	1	71,2
9:10. Лобный указатель	14	81,9	3,78	1,07	1	83,9
9:12. Лобно-затылочный указатель	9	89,4	5,20	1,84	—	—
Указатель высоты изгиба лобной кости	14	24,0	1,89	0,54	1	25,0
40. Длина основания лица	14	96,1	4,45	1,23	—	—
43. Верхняя ширина лица	14	104,3	2,71	0,75	1	99,0
45. Скуловая ширина	14	128,8	4,04	1,12	1	121,0
46. Средняя ширина лица	14	94,2	4,50	1,25	1	88,0
47. Полная высота лица	12	116,2	6,25	1,88	—	—
48. Верхняя высота лица	14	69,6	2,92	0,81	1	65,0

Таблица 41 (окончание)

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
	50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	14	20,1	1,52	0,42	1	19,0
	51. Ширина орбиты от mf (лев.)	14	42,3	1,42	0,39	1	40,5
	51a. Ширина орбиты от d (лев.)	12	39,9	1,39	0,42	1	39,0
	52. Высота орбиты (лев.)	14	32,9	2,08	0,60	1	30,5
	54. Ширина носа	14	25,7	1,94	0,54	1	25,0
	55. Высота носа	14	50,5	2,79	0,77	1	50,0
	Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	11	78,6	—	—	100,0
		Fossae graenales	3	21,4	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	13	2,77	—	—	1	2,00
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	14	4,2	1,32	0,37	1	5,0
	62. Длина неба	14	44,6	3,29	0,91	—	—
	63. Ширина неба	13	39,1	2,59	0,75	—	—
	43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	14	96,4	3,50	0,97	1	92,5
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	14	19,1	2,38	0,66	1	20,5
	Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	14	91,7	4,95	1,37	1	90,5
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	14	24,0	2,70	0,75	1	24,0
DC.	Дакриальная хорда	12	20,9	2,26	0,68	1	18,0
DS.	Дакриальная высота	12	11,8	1,25	0,38	1	12,8
SC.	Симотическая хорда	14	9,6	1,80	0,50	1	9,0
SS.	Симотическая высота	14	4,4	1,00	0,28	1	3,3
	72. Угол профиля лица общий	14	84,1	2,95	0,85	—	—
	73. Угол профиля средней части лица	14	85,0	2,45	0,71	1	88,0
	74. Угол профиля альвеолярной части лица	14	82,4	6,26	1,76	—	—
	75. Угол носовых костей к горизонтали	14	57,8	8,57	2,40	1	65,0
	75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	14	26,4	9,08	2,53	—	—
	77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	14	136,6	4,61	1,29	1	132,0
	Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	14	124,5	4,89	1,36	1	124,0
	40:5. Указатель выступания лица	14	96,3	3,76	1,06	—	—
	45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	14	90,9	4,10	1,14	1	91,7
	48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	14	52,4	2,78	0,77	1	55,6
	47:45. Общий лицевой указатель	12	90,5	4,49	1,35	—	—
	48:45. Верхний лицевой указатель	14	54,1	2,50	0,71	1	53,7
	52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	14	77,6	3,92	1,10	1	75,3
	52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	12	82,8	4,04	1,22	1	78,2
	54:55. Носовой указатель	14	51,0	4,46	1,25	1	50,0
	63:62. Небный указатель	13	89,3	8,37	2,42	—	—
DS:DC.	Дакриальный указатель	12	56,6	7,88	2,37	1	71,1
SS:SC.	Симотический указатель	14	47,4	9,78	2,71	1	36,7
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	14	19,0	2,43	0,67	1	23,8
	65. Бикондилярная ширина	13	115,7	6,16	1,78	1	110,0
	66. Бигонияльная ширина	13	97,2	4,72	1,36	1	83,0
	68. Длина нижней челюсти от углов	13	77,0	3,18	0,92	1	76,0
	68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	13	106,3	5,93	1,71	1	107,0
	70. Высота ветви нижней челюсти	13	59,9	5,20	1,50	1	59,0
	71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	13	33,3	2,01	0,58	1	28,0
	79. Угол ветви нижней челюсти	13	122,0	5,34	1,54	1	125,0
	Угол выступания подбородка (inf—po)	13	69,3	5,58	1,61	—	—

Средние размеры и указатели черепов русских (Петербургская губ.)

Пол	♂				♀					
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	
1.	Продольный диаметр	42	180,3	8,04	1,24	15	169,1	7,34	1,96	
8.	Поперечный диаметр	42	145,2	5,84	0,90	15	140,6	5,49	1,42	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	41	134,5	5,06	0,79	15	125,6	7,64	2,04	
20.	Высотный диаметр (po—br)	40	115,5	5,02	0,79	15	108,3	5,51	1,47	
5.	Длина основания черепа	42	101,2	3,62	0,56	15	94,3	4,09	1,02	
9.	Наименьшая ширина лба	42	98,4	4,00	0,62	15	92,6	5,91	1,58	
10.	Наибольшая ширина лба	41	121,6	5,86	0,91	15	116,3	6,27	1,68	
11.	Биаурикулярная ширина	42	125,0	5,24	0,81	15	120,6	7,08	1,89	
12.	Ширина затылка	34	113,2	5,52	0,95	13	108,9	4,71	1,36	
29.	Лобная хорда	41	112,8	4,98	0,78	15	106,1	6,68	1,79	
	Высота изгиба лобной кости	41	26,5	2,61	0,41	15	25,4	2,42	0,65	
32.	Угол лба (pa—me)	41	84,1	4,30	0,67	15	84,7	5,34	1,43	
	Угол лба (gl—me)	41	77,9	4,52	0,70	15	78,8	4,43	1,15	
	Общий вид сверху (пог- та vertica- lis), %	Ellipsoides	2	4,8	—	—	1	6,7	—	—
		Ovoides	16	38,1	—	—	4	26,7	—	—
		Pentagonoides	5	12,0	—	—	6	39,9	—	—
		Rhomboides	2	4,8	—	—	—	—	—	—
		Sphenoides	14	33,2	—	—	4	26,7	—	—
	Sphaeroides	3	7,1	—	—	—	—	—	—	
	Надбровье (1—6 по Мартину)	42	2,88	—	—	15	2,13	—	—	
	Сосцевидный отросток (1—3)	41	2,15	—	—	15	1,60	—	—	
8:1.	Черепной указатель	42	80,7	3,46	0,53	15	81,9	3,82	1,02	
17:1.	Высотно-продольный указатель	40	74,8	3,28	0,52	15	74,0	3,98	1,06	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	40	92,6	3,86	0,61	15	89,4	5,28	1,41	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	42	68,0	2,56	0,40	15	65,8	2,46	0,66	
9:10.	Лобный указатель	41	80,7	3,27	0,51	15	79,6	3,35	0,89	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	34	87,1	4,08	0,70	15	86,0	5,13	1,37	
	Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	41	23,6	1,88	0,29	15	24,2	1,58	0,42	
40.	Длина основания лица	39	97,7	4,76	0,76	13	93,6	5,82	1,68	
43.	Верхняя ширина лица	42	105,7	3,84	0,59	15	99,9	5,16	1,38	
45.	Скуловая ширина	41	133,1	4,80	0,75	15	125,0	7,54	2,01	
46.	Средняя [ширина лица	41	94,4	3,86	0,60	15	88,9	5,48	1,46	
47.	Полная высота лица	30	120,0	6,10	1,14	10	111,3	7,33	2,44	
48.	Верхняя [высота лица	41	70,9	3,82	0,60	13	68,1	4,14	1,19	
50.	Максиллофронтальная [хорда (mf—mf)	42	20,1	2,09	0,32	15	18,4	1,72	0,46	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	42	43,0	1,81	0,28	15	41,6	2,37	0,63	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	39	40,2	1,86	0,30	15	38,9	2,42	0,62	
52.	Высота орбиты (лев.)	41	33,2	1,91	0,30	15	33,4	1,29	0,34	
54.	Ширина носа	42	25,0	2,14	0,33	15	25,2	2,46	0,66	
55.	Высота носа	42	51,9	3,08	0,48	15	49,2	3,14	0,84	
	Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	Anthropina	33	78,6	—	—	14	100,0	—	—
		Fossae praen- asales	9	21,4	—	—	—	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	39	2,97	—	—	12	2,58	—	—	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	42	5,8	1,79	0,28	15	5,1	1,85	0,49	
62.	Длина неба	36	44,9	3,12	0,52	11	44,2	3,51	1,11	
63.	Ширина неба	19	39,7	2,18	0,51	6	36,7	2,74	0,79	

Т а б л и ц а 42 (окончание)

Пол		♂				♀			
Параметры		n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
43 (1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	42	99,3	3,56	0,55	15	93,4	5,14	1,37
ЮOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	42	18,6	2,41	0,37	15	16,7	2,18	0,58
	Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	41	93,7	3,86	0,60	14	88,3	6,65	1,84
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	41	23,6	2,27	0,35	14	23,5	3,21	0,89
DC.	Дакриальная хорда	37	21,2	1,86	0,31	14	19,5	1,59	0,44
DS.	Дакриальная высота	37	12,8	2,17	0,36	14	10,8	1,20	0,33
SC.	Симотическая хорда	42	9,2	1,54	0,24	14	9,4	1,77	0,49
SS.	Симотическая высота	42	4,6	0,95	0,15	14	4,8	1,13	0,31
72.	Угол профиля лица общий	39	84,9	3,54	0,57	12	81,4	3,80	1,14
73.	Угол профиля средней части лица	42	84,9	3,78	0,58	14	82,1	3,77	1,05
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	39	86,0	5,56	0,89	12	80,3	4,88	1,47
75.	Угол носовых костей к горизонтали	39	55,4	3,64	0,58	14	54,9	5,70	1,59
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	37	30,1	5,60	0,92	11	27,0	2,61	0,83
77.	Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	42	138,5	4,36	0,67	15	140,4	4,57	1,22
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	41	126,0	4,84	0,76	15	123,9	5,81	1,55
40:5.	Указатель выступания лица	39	96,4	3,60	0,58	13	99,6	5,34	1,54
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	41	92,0	3,68	0,57	15	88,8	4,45	1,19
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	39	52,5	3,16	0,51	13	53,7	3,00	0,87
47:45.	Общий лицевой указатель	29	89,6	4,76	0,90	10	88,8	5,57	1,86
48:45.	Верхний лицевой указатель	40	53,4	2,96	0,47	13	54,0	2,21	0,64
52:51.	Орбитный указатель от pf (лев.)	41	77,3	4,10	0,64	15	82,2	5,31	1,42
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	38	82,3	4,58	0,74	15	86,1	5,72	1,53
54:55.	Носовой указатель	42	48,1	4,06	0,63	15	51,3	4,25	1,14
63:62.	Небный указатель	19	86,6	6,30	1,48	5	85,1	5,13	1,37
DS:DC.	Дакриальный указатель	37	60,4	7,52	1,24	14	57,2	7,03	1,95
SS:SC.	Симотический указатель	42	49,9	8,24	1,27	14	48,4	12,26	3,40
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	40	19,5	2,23	0,35	15	19,4	1,59	0,43
65.	Бикондилярная ширина	35	120,3	4,88	0,82	14	115,1	5,35	1,49
66.	Бигониальная ширина	36	104,0	6,02	1,00	14	96,2	7,29	2,03
68.	Длина нижней челюсти от углов	35	77,7	5,04	0,85	12	74,2	5,33	1,61
68 (1).	Длина нижней челюсти от мыщелков	35	107,5	5,04	0,85	12	104,4	7,84	2,36
70.	Высота ветви нижней челюсти	35	62,5	4,62	0,78	12	58,3	4,48	1,35
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	35	34,2	3,13	0,53	14	30,2	2,61	0,72
79.	Угол ветви нижней челюсти	35	121,5	6,36	1,07	12	124,8	5,06	1,52
	Угол выступания подбородка (inf—po)	28	67,2	5,73	1,10	10	68,8	6,20	2,07

Средние размеры и указатели черепов русских (Новгородская губ.)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
1. Продольный диаметр	25	179,2	6,87	1,40	5	176,0	4,74	2,37
8. Поперечный диаметр	25	145,3	7,53	1,54	5	139,8	3,77	1,89
17. Высотный диаметр (ba—br)	24	132,8	4,54	0,95	5	128,8	10,18	5,09
20. Высотный диаметр (po—br)	24	114,0	3,54	0,74	5	110,8	5,36	2,68
5. Длина основания черепа	25	100,7	4,52	0,92	5	98,6	6,11	3,06
9. Наименьшая ширина лба	25	99,0	3,57	0,73	5	96,4	6,19	3,10
10. Наибольшая ширина лба	25	121,4	4,38	0,89	5	116,8	6,06	3,03
11. Биангулярная ширина	25	123,4	5,47	1,12	5	118,8	7,56	3,78
12. Ширина затылка	19	110,5	4,42	1,04	4	108,8	—	—
29. Лобная хорда	24	110,9	4,05	0,84	5	109,2	4,27	2,14
Высота изгиба лобной кости	24	25,6	2,46	0,51	5	25,9	2,30	1,15
32. Угол лба (pa—me)	24	83,2	3,29	0,69	5	86,2	5,76	2,88
Угол лба (gl—me)	24	77,5	5,22	1,09	5	81,6	5,27	2,64
Общий вид сверху (пог- та vertica- lis), %	Ellipsoides	1	4,0	—	—	—	—	—
	Ovoides	10	40,0	—	—	1	20,0	—
	Pentagonoides	5	20,0	—	—	3	60,0	—
	Rhomboides	—	—	—	—	1	20,0	—
	Sphenoides	8	32,0	—	—	—	—	—
Sphaeroides	1	4,0	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	25	2,84	—	—	5	2,20	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	25	2,16	—	—	5	2,00	—	—
8:1. Черепной указатель	25	80,5	2,86	0,58	5	79,5	2,11	1,06
17:1. Выотно-продольный указатель	24	74,3	2,27	0,47	5	73,2	5,28	2,64
17:8. Выотно-поперечный указатель	24	92,1	3,55	0,74	5	92,0	4,89	2,45
9:8. Лобно-поперечный указатель	25	68,6	2,30	0,47	5	68,9	2,96	1,48
9:10. Лобный указатель	25	81,5	3,03	0,62	5	82,5	2,34	1,17
9:12. Лобно-затылочный указатель	19	90,1	4,66	1,10	4	88,2	—	—
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	24	23,3	1,94	0,44	5	23,7	2,28	1,14
40. Длина основания лица	24	97,4	5,14	1,07	5	97,6	8,02	4,01
43. Верхняя ширина лица	25	105,2	5,05	1,03	5	103,0	3,67	1,84
45. Скуловая ширина	25	131,2	5,86	1,20	5	122,2	6,10	3,05
46. Средняя ширина лица	25	92,7	5,26	1,07	5	91,2	5,98	2,99
47. Полная высота лица	16	115,8	7,56	1,96	3	110,0	—	—
48. Верхняя высота лица	24	71,0	4,59	0,96	5	66,8	2,59	1,30
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	25	20,4	2,33	0,48	5	19,8	1,10	0,55
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	25	42,2	2,12	0,43	5	41,6	3,77	1,89
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	25	39,6	2,06	0,42	5	38,8	2,84	1,42
52. Высота орбиты (лев.)	25	32,9	2,10	0,43	5	32,2	1,89	0,95
54. Ширина носа	25	24,5	2,47	0,50	5	24,0	2,83	1,42
55. Высота носа	25	50,7	3,73	0,76	5	47,6	2,51	1,26
Форма ниж- него края грушевид- ного отвер- ствия, %	Anthropina	21	84,0	—	—	4	80,0	—
Fossae praena- sales	4	16,0	—	—	1	20,0	—	
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	24	3,21	—	—	5	2,60	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	25	5,4	2,22	0,45	4	5,8	—	
62. Длина нёба	22	45,8	3,31	0,72	4	44,8	—	—

Т а б л и ц а 43 (окончание)

Пол		♂				♀			
Параметры		n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
63.	Ширина нёба	16	39,0	3,08	0,80	4	39,0	—	—
43 (1).	Биорбитальная ширина (fpo—fpo)	25	98,1	4,01	0,82	5	95,1	2,22	1,11
IOW sub.	Высота назона над биорбитальной шириной	25	19,7	2,00	0,41	5	19,2	2,25	1,13
	Зигмаксиллярная ширина (zп'—zп')	25	91,9	5,98	1,22	5	90,3	4,93	2,47
	Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	25	24,5	2,79	0,57	5	25,8	1,68	0,84
DC.	Дакриальная хорда	24	21,6	1,88	0,39	5	20,5	1,81	0,91
DS.	Дакриальная высота	24	12,5	1,21	0,25	5	12,6	1,05	0,53
SC.	Симотическая хорда	25	10,1	1,86	0,38	5	9,7	2,29	0,65
SS.	Симотическая высота	25	5,1	1,10	0,22	5	4,1	0,72	0,36
72.	Угол профиля лица общий	23	86,0	3,69	0,79	5	83,4	3,66	1,83
73.	Угол профиля средней части	25	84,9	3,50	0,71	5	83,2	5,02	2,51
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	23	86,4	5,03	1,07	5	84,2	2,68	1,34
75.	Угол носовых костей к гори- зонтالي	25	53,8	6,92	1,41	5	54,4	2,70	1,35
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	23	31,9	6,56	1,40	5	29,0	5,48	2,74
77.	Назомаллярный угол (fpo—п—fpo)	25	135,9	3,22	0,66	5	135,8	4,55	2,28
	Зигмаксиллярный угол (zп'—ss—zп')	25	123,5	5,69	1,16	5	120,2	3,27	1,64
40:5.	Указатель выступания лица	24	97,4	5,18	1,08	5	99,0	5,10	2,55
45:8.	Горизонтальный фациоцереб- ральный указатель	25	91,2	2,95	0,60	5	87,4	2,59	1,30
48:18.	Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	23	52,7	3,36	0,72	5	52,0	2,56	1,28
47:45.	Общий лицевой указатель	15	87,9	3,82	1,02	3	91,1	—	—
48:45.	Верхний лицевой указатель	24	53,7	3,53	0,72	5	54,7	0,91	0,46
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	25	77,5	5,91	1,21	5	76,9	3,93	1,97
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	25	82,2	6,86	1,40	5	82,5	4,70	2,35
54:55.	Носовой указатель	25	48,7	5,79	1,18	5	50,4	5,21	2,61
63:62.	Нёбный указатель	16	85,3	8,18	2,11	4	87,6	—	—
DS:DC.	Дакриальный указатель	24	58,4	8,42	1,75	5	61,6	4,04	2,02
SS:SC.	Симотический указатель	25	51,4	13,23	2,70	5	42,6	4,55	2,28
	Указатель высоты изгиба ску- ловой кости (по У Дин-ляну)	25	20,2	2,27	0,46	4	21,4	—	—
65.	Бикондилярная ширина	21	118,1	6,86	1,53	4	116,5	—	—
66.	Бигониальная ширина	22	101,1	5,55	1,21	4	91,0	—	—
68.	Длина нижней челюсти от уг- лов	21	78,2	6,62	1,48	2	77,5	—	—
68 (1).	Длина нижней челюсти от мы- шечков	21	107,0	7,36	1,65	2	105,5	—	—
70.	Высота ветви нижней челюсти	21	62,9	5,90	1,32	2	52,5	—	—
71a.	Наименьшая ширина ветви ниж- ней челюсти	22	33,9	3,40	0,74	4	33,0	—	—
79.	Угол ветви нижней челюсти	21	120,4	7,10	1,59	2	124,5	—	—
	Угол выступания подбородка (inf—po)	18	69,6	7,35	1,58	2	63,0	—	—

Средние размеры и показатели черепов русских (Псковская губ.)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$	n	\bar{x}	
1.	Продольный диаметр	15	177,7	9,40	2,51	3	175,7	
8.	Поперечный диаметр	15	145,3	4,86	1,30	3	141,0	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	14	132,4	8,83	2,45	3	130,3	
20.	Высотный диаметр (po—br)	14	113,4	6,10	1,69	3	111,3	
5.	Длина основания черепа	15	100,9	5,18	1,38	3	95,3	
9.	Наименьшая ширина лба	15	97,0	4,40	1,18	3	95,3	
10.	Наибольшая ширина лба	15	121,7	5,39	1,44	3	119,7	
11.	Биаурикулярная ширина	15	124,3	4,49	1,20	3	117,7	
12.	Ширина затылка	14	111,7	4,49	1,27	3	107,0	
29.	Лобная хорда	15	111,8	4,76	1,27	3	111,5	
	Высота изгиба лобной кости	15	26,5	1,40	0,37	3	28,8	
32.	Угол лба (pa—me)	15	83,0	4,25	1,14	3	89,0	
	Угол лба (gl—me)	15	76,7	4,76	1,27	3	84,3	
	Общий вид сверху (погма verticalis), %	Ellipsoides	—	—	—	1	33,3	
		Ovoides	3	20,0	—	—	—	
		Pentagonoides	5	33,3	—	—	1	33,4
		Rhomboides	1	6,7	—	—	—	
		Sphaeroides	1	6,7	—	—	—	
	Надбровье (1—6 по Мартину)	15	3,00	—	—	3	2,00	
	Сосцевидный отросток (1—3)	15	2,47	—	—	3	1,67	
8:1.	Черепной указатель	15	80,7	3,62	0,97	3	80,3	
17:1.	Высотно-продольный указатель	14	75,0	5,06	1,40	3	74,2	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	14	91,6	4,32	1,20	3	92,5	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	15	66,9	2,30	0,61	3	67,6	
9:10.	Лобный указатель	15	79,8	2,25	0,60	3	79,7	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	14	87,3	4,94	1,39	3	87,6	
	Указатель высоты изгиба лобной кости	15	23,5	1,69	0,46	3	25,8	
40.	Длина основания лица	15	99,5	7,95	2,12	3	90,7	
43.	Верхняя ширина лица	15	105,6	4,33	1,16	3	101,0	
45.	Скуловая ширина	15	132,2	6,59	1,76	3	121,7	
46.	Средняя ширина лица	15	95,5	4,45	1,19	3	89,3	
47.	Полная высота лица	12	121,6	4,27	1,29	3	112,0	
48.	Верхняя высота лица	15	71,6	2,90	0,78	3	68,0	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	15	21,6	1,53	0,40	3	18,5	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	15	42,3	1,54	0,41	3	42,3	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	13	39,9	1,79	0,52	3	39,2	
52.	Высота орбиты (лев.)	15	32,5	1,57	0,42	3	34,5	
54.	Ширина носа	15	25,5	1,55	0,41	3	24,7	
55.	Высота носа	15	51,3	1,99	0,53	3	50,7	
	Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	10	66,7	—	—	3	100,0
		Fossae praena- sales	5	33,3	—	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	14	3,14	—	—	3	3,00	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм) .	15	5,2	1,33	0,35	3	5,0	
62.	Длина нёба	15	45,9	3,99	1,07	3	41,0	
63.	Ширина нёба	11	40,7	3,44	1,09	2	37,0	
43 (1).	Биорбитальная ширина (imo—imo) . .	15	98,8	3,72	1,00	3	93,2	
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	15	18,8	2,10	0,56	3	17,7	

Таблица 44 (окончание)

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
	Зигомаксиллярная ширина ($zm'-zm'$)	15	94,5	4,96	1,32	3	87,7
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	15	26,3	1,89	0,50	3	21,7
	DC. Дакриальная хорда	13	22,5	2,35	0,68	3	19,2
	DS. Дакриальная высота	13	13,2	1,88	0,54	3	12,2
	SC. Симотическая хорда	15	10,0	2,09	0,56	3	7,3
	SS. Симотическая высота	15	4,8	0,87	0,23	3	3,6
	72. Угол профиля лица общий	15	82,9	2,94	0,79	3	85,3
	73. Угол профиля средней части лица . .	15	82,3	2,54	0,68	3	86,0
	74. Угол профиля альвеолярной части лица	15	84,3	6,22	1,66	3	83,3
	75. Угол носовых костей к горизонтали	15	52,3	4,82	1,29	3	61,0
	75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	15	30,8	6,86	1,83	3	24,3
	77. Назомалярный угол ($fmo-n-fmo$) . .	15	139,1	5,53	1,48	3	138,3
	Зигомаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)	15	124,0	4,45	1,19	3	126,7
	40:5. Указатель выступания лица	15	98,6	4,95	1,32	3	95,1
	45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	15	91,0	3,48	0,93	3	86,3
	48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	14	53,9	3,47	0,98	3	52,4
	47:45. Общий лицевой указатель	12	91,9	4,99	1,50	3	92,1
	48:45. Верхний лицевой указатель	15	54,3	3,79	1,01	3	55,9
	52:51. Орбитный указатель от mf (лев.) . .	15	76,8	4,30	1,15	3	81,6
	52:51a. Орбитный указатель от d (лев.) . .	13	80,9	4,54	1,31	3	88,2
	54:55. Носовой указатель	15	49,8	2,46	0,66	3	48,8
	63:62. Нёбный указатель	11	89,5	5,59	1,77	2	89,5
	DS:DC. Дакриальный указатель	13	58,0	8,71	2,51	3	63,7
	SS:SC. Симотический указатель	15	49,0	5,52	1,47	3	51,1
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	14	20,5	3,39	0,94	3	20,7
	65. Бикондиллярная ширина	14	118,2	6,49	1,80	3	111,7
	66. Бигониальная ширина	14	104,7	6,40	1,78	3	95,7
	68. Длина нижней челюсти от углов . .	14	78,4	6,67	1,86	3	73,7
	68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	14	110,9	7,19	2,00	3	32,5
	70. Высота ветви нижней челюсти . . .	14	64,6	4,78	1,33		
	71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	14	33,5	3,35	0,94		
	79. Угол ветви нижней челюсти	14	123,5	5,03	1,40		
	Угол выступания подбородка ($inf-po$)	13	66,6	3,12	0,90		

Средние размеры и указатели черепов русских северных районов (словене)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	109	179,1	7,66	0,73	25	171,7	6,93	1,41	
8. Поперечный диаметр	109	144,4	5,44	0,52	25	140,3	4,92	1,00	
17. Высотный диаметр (ba—br)	106	133,3	5,16	0,50	25	126,6	8,06	1,64	
20. Высотный диаметр (po—br)	104	114,3	4,80	0,47	25	109,2	5,05	1,03	
5. Длина основания черепа	109	100,6	4,47	0,43	25	95,6	4,54	0,93	
9. Наименьшая ширина лба	109	98,1	4,80	0,46	25	94,0	5,62	1,15	
10. Наибольшая ширина лба	108	121,3	5,46	0,53	25	116,9	5,78	1,18	
11. Биарикулярная ширина	109	124,0	5,16	0,49	25	119,6	6,54	1,33	
12. Ширина затылка	86	111,5	5,07	0,55	20	108,7	4,34	1,00	
29. Лобная хорда	106	111,5	4,84	0,47	25	106,6	6,48	1,32	
Высота изгиба лобной кости	106	26,4	2,60	0,25	25	26,1	2,63	0,54	
32. Угол лба (pa—me)	105	84,2	4,26	0,42	25	86,1	4,57	0,93	
Угол лба (gl—me)	105	77,9	5,06	0,49	25	81,0	4,85	0,99	
Общий вид сверху (пог- на vertica- lis), %	Ellipsoides	4	3,7	—	—	2	8,0	—	—
	Ovoides	40	36,7	—	—	7	28,0	—	—
	Pentagonoides	22	20,2	—	—	10	40,0	—	—
	Rhomboides	4	3,7	—	—	1	4,0	—	—
	Sphenoides	34	31,2	—	—	5	20,0	—	—
Sphaeroides	5	4,5	—	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	109	2,83	—	—	25	2,12	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	108	2,24	—	—	25	1,72	—	—	
8:1. Черепной указатель	109	80,9	3,46	0,33	25	81,9	3,85	0,79	
17:1. Высотно-продольный указатель	106	74,5	3,41	0,33	25	73,8	4,03	0,83	
17:8. Высотно-поперечный указатель	105	92,1	4,01	0,39	25	90,2	5,11	1,04	
9:8. Лобно-поперечный указатель	109	68,1	2,87	0,27	25	66,7	2,93	0,60	
9:10. Лобный указатель	108	81,0	3,20	0,31	25	80,4	3,14	0,64	
9:12. Лобно-затылочный указатель	86	87,7	4,82	0,52	20	86,4	4,80	1,07	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	106	23,6	1,89	0,18	25	24,4	1,85	0,38	
40. Длина основания лица	104	97,6	5,34	0,52	22	94,1	6,24	1,36	
43. Верхняя ширина лица	109	105,4	4,48	0,43	25	100,7	4,59	0,94	
45. Скуловая ширина	108	131,6	5,56	0,54	25	124,2	6,69	1,36	
46. Средняя ширина лица	108	93,9	5,00	0,49	25	90,4	5,75	1,17	
47. Полная высота лица	82	118,3	6,62	0,73	16	111,2	4,30	1,11	
48. Верхняя высота лица	106	70,4	3,92	0,38	23	67,4	3,66	0,78	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	109	20,6	2,15	0,21	25	18,9	1,71	0,25	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	109	42,7	1,86	0,18	25	41,6	1,99	0,41	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	102	40,0	1,93	0,19	25	38,9	1,94	0,40	
52. Высота орбиты	108	33,0	1,95	0,19	25	33,0	1,62	0,33	
54. Ширина носа	109	25,0	2,12	0,20	25	24,9	2,32	0,47	
55. Высота носа	109	51,2	3,04	0,29	25	49,0	2,86	0,58	
Форма ниж- него края грушевид- ного отвер- стия, %	Anthropina	85	78,8	—	—	23	95,8	—	—
	Fossae praena- sales	23	21,2	—	—	1	4,2	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	102	3,05	—	—	22	2,59	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	109	5,4	1,74	0,17	24	5,2	1,61	0,34	
62. Длина нёба	99	45,3	3,26	0,33	19	43,8	3,70	0,87	

Таблица 45 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
	63. Ширина нёба	70	39,6	2,82	0,34	13	37,5	2,57	0,74
	43 (1). Биорбитальная ширина (fpo—fpo)	109	98,9	4,00	0,38	25	93,9	4,26	0,87
IOW sub.	Высота назона над биорбитальной шириной	109	19,1	2,31	0,22	25	17,5	2,37	0,48
	Зигмаксиллярная ширина (zп'—zп')	108	93,1	4,86	0,47	24	88,8	5,72	1,19
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	108	24,0	2,46	0,24	24	23,6	2,99	0,62
DC.	Дакриальная хорда	99	21,7	1,96	0,20	24	19,9	1,99	0,41
DS.	Дакриальная высота	99	12,6	1,50	0,15	24	11,5	1,33	0,28
SC.	Симотическая хорда	109	9,5	1,77	0,17	24	9,2	1,72	0,36
SS.	Симотическая высота	109	4,7	1,01	0,10	24	4,0	1,00	0,21
	72. Угол профиля лица общий	103	84,5	3,46	0,34	21	82,5	4,00	0,89
	73. Угол профиля средней части лица	109	84,4	3,56	0,34	24	83,2	4,03	0,84
	74. Угол профиля альвеолярной части лица	103	85,0	5,34	0,53	21	81,4	4,87	1,09
	75. Угол носовых костей к горизонтали	106	54,9	7,06	0,69	24	56,2	6,22	1,30
	75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	101	30,0	6,68	0,66	20	26,7	5,22	1,20
	77. Назомаллярный угол (fpo—n—fpo)	109	137,5	4,58	0,44	25	139,2	5,03	1,03
	Зигмаксиллярный угол (zп'—ss—zп')	108	124,9	4,94	0,48	24	124,2	5,84	1,22
	40:5. Указатель выступания лица	104	97,1	4,12	0,40	22	98,7	4,95	1,08
	45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	108	91,3	3,53	0,34	25	89,0	3,93	0,80
	48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	102	52,7	3,20	0,32	23	53,5	3,44	0,73
	47:45. Общий лицевой указатель	80	89,5	4,66	0,52	16	89,8	4,75	1,23
	48:45. Верхний лицевой указатель	105	53,5	3,18	0,31	23	54,1	2,46	0,52
	52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	103	77,2	4,66	0,45	25	80,5	5,31	1,08
	52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	102	82,3	5,12	0,51	25	85,0	5,64	1,15
	54:55. Носовой указатель	109	49,2	4,69	0,45	25	50,8	4,16	0,85
	63:62. Нёбный указатель	70	87,7	7,54	0,90	12	85,7	4,88	1,47
	DS:DC. Дакриальный указатель	99	58,3	8,04	0,81	24	59,0	5,83	1,22
	SS:SC. Симотический указатель	109	49,3	9,48	0,91	24	46,1	11,29	2,35
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	106	19,7	2,46	0,24	24	20,1	2,39	0,50
	65. Бикондилярная ширина	96	118,4	5,92	0,61	21	113,6	6,32	1,41
	66. Бигонияльная ширина	98	101,7	6,28	0,63	22	94,6	7,80	1,70
	68. Длина нижней челюсти от углов	96	77,8	3,50	0,36	18	74,6	4,73	1,15
	68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	96	107,5	6,08	0,62	18	104,1	7,51	1,82
	70. Высота ветви нижней челюсти	96	62,3	3,22	0,33	18	57,9	4,37	1,06
	71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	97	33,7	3,10	0,31	22	31,4	3,46	0,76
	79. Угол ветви нижней челюсти	96	121,6	6,22	0,63	18	124,2	6,29	1,53
	Угол выступания подбородка (inf—po)	84	67,9	5,50	0,60	16	67,6	7,33	1,90

Средние размеры и указатели черепов русских (Витебская губ.)

Пол	♂				♀					
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
1.	Продольный диаметр	11	175,7	6,65	2,10	6	167,8	4,96	2,21	
8.	Поперечный диаметр	11	140,7	2,80	0,87	6	138,5	3,62	1,62	
17.	Высотный диаметр (ba—br)	11	129,5	3,33	1,05	6	131,0	2,61	1,17	
20.	Высотный диаметр (po—br)	11	111,2	3,25	1,03	6	108,8	2,64	1,18	
5.	Длина основания черепа	11	97,9	2,12	0,67	6	95,2	3,27	1,46	
9.	Наименьшая ширина лба	11	98,1	4,79	1,52	6	94,3	2,42	1,08	
10.	Наибольшая ширина лба	11	120,2	6,29	1,97	6	116,2	3,76	1,68	
11.	Биаурикулярная ширина	11	121,1	3,18	1,01	6	116,8	3,43	1,53	
12.	Ширина затылка	7	108,1	2,80	1,14	6	106,5	2,43	1,08	
29.	Лобная хорда	11	109,0	4,06	1,28	6	106,4	4,03	1,80	
	Высота изгиба лобной кости	11	25,5	2,71	0,86	6	25,7	2,04	0,91	
32.	Угол лба (pa—me)	11	83,3	5,69	1,80	6	86,5	2,66	1,19	
	Угол лба (gl—me)	11	76,6	6,04	1,91	6	82,0	3,41	1,52	
	Общий вид сверху (por- ta vertica- lis), %	Ellipsoides	2	18,1	—	—	—	—	—	
		Ovoides	3	27,3	—	—	—	—	—	
		Pentagonoides	1	9,1	—	—	2	33,3	—	—
		Rhomboides	1	9,1	—	—	—	—	—	—
		Sphenoides	4	36,4	—	—	4	66,7	—	—
	Надбровье (1—6 по Мартину)	11	3,09	—	—	6	1,67	—	—	
	Сосцевидный отросток (1—3)	11	2,18	—	—	6	1,33	—	—	
8:1.	Черепной указатель	11	80,2	3,01	0,95	6	82,6	3,35	1,50	
17:1.	Высотно-продольный указатель	11	73,8	2,31	0,73	6	78,1	2,62	1,13	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	11	92,1	2,25	0,71	6	94,7	4,09	1,83	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	11	69,7	3,07	0,97	6	68,2	2,83	1,26	
9:10.	Лобный указатель	11	81,7	3,25	1,03	6	80,9	2,67	1,19	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	7	89,8	6,44	2,63	6	88,6	1,81	0,81	
	Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	11	23,4	2,11	0,67	6	24,1	1,63	0,73	
40.	Длина основания лица	11	96,4	2,91	0,92	5	90,0	2,92	1,46	
43.	Верхняя ширина лица	11	105,3	5,84	1,85	6	101,3	3,39	1,51	
45.	Скуловая ширина	11	129,1	4,89	1,55	6	121,8	3,43	1,08	
46.	Средняя ширина лица	11	93,9	5,28	1,67	6	92,3	4,03	1,80	
47.	Полная высота лица	6	118,3	6,44	2,88	4	107,0	—	—	
48.	Верхняя высота лица	11	69,9	3,86	1,22	5	63,4	2,70	1,35	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	11	20,3	2,56	0,81	6	19,2	1,86	0,83	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	11	42,4	1,66	0,53	6	41,5	1,87	0,83	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	10	39,5	2,04	0,68	6	38,2	2,16	0,96	
52.	Высота орбиты (лев.)	11	32,3	2,02	0,64	6	32,3	2,44	1,09	
54.	Ширина носа	11	24,3	2,19	0,69	6	24,2	1,47	0,66	
55.	Высота носа	11	50,0	2,86	0,91	6	47,5	2,26	1,01	
	Форма ниж- него края грушевид- ного отвер- стия, %	Anthropina	6	54,5	—	—	6	100,0	—	—
		Fossae praena- sales	4	36,4	—	—	—	—	—	—
		Infantilis	1	9,1	—	—	—	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	11	2,55	—	—	5	2,00	—	—	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	11	5,9	3,18	1,01	6	6,0	2,86	1,28	
62.	Длина нёба	11	43,8	2,68	0,85	5	40,4	1,67	0,84	
63.	Ширина нёба	9	39,3	2,69	0,95	4	36,8	—	—	

Таблица 46 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	11	98,0	5,38	1,70	6	93,6	2,99	1,33
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	11	17,9	1,22	0,39	6	17,3	2,53	1,13
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	11	92,6	5,44	1,72	6	88,2	3,56	1,59
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	11	23,8	3,28	1,04	6	22,2	3,21	1,43
DC. Дакриальная хорда	11	21,2	2,44	0,77	5	20,0	2,86	1,43
DS. Дакриальная высота	11	11,9	0,63	0,20	5	12,0	1,80	0,90
SC. Симотическая хорда	10	9,7	1,90	0,63	6	8,3	1,17	0,52
SS. Симотическая высота	10	4,6	0,69	0,23	6	4,0	0,80	0,36
72. Угол профиля лица общий	11	83,0	3,00	0,95	5	84,0	1,00	0,50
73. Угол профиля средней части лица	11	82,5	3,80	1,20	6	84,5	1,38	0,62
74. Угол профиля альвеолярной части лица	11	84,6	4,84	1,53	5	83,0	1,87	0,94
75. Угол носовых костей к горизонтали	10	53,9	5,93	1,98	6	56,3	5,39	2,41
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	10	28,8	5,23	1,74	5	29,0	5,24	2,62
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	11	139,6	2,15	0,68	6	139,2	5,78	2,58
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	11	125,6	5,87	1,86	6	126,5	6,74	3,01
40:5. Указатель выступания лица	11	98,5	2,61	0,83	5	95,2	3,11	1,56
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	11	91,7	3,24	1,03	6	88,0	3,71	1,66
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	11	54,0	3,42	1,08	5	48,5	2,47	1,24
47:45. Общий лицевой указатель	6	92,0	4,09	1,83	4	87,7	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	11	54,2	2,29	0,72	5	52,2	2,25	1,13
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	11	76,2	5,05	1,60	6	77,5	5,43	2,42
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	10	81,7	5,96	1,99	6	84,2	4,41	1,97
54:55. Носовой указатель	11	48,6	3,52	1,11	6	50,9	2,28	1,02
63:62. Нёбный указатель	9	91,4	7,07	2,50	4	90,4	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	11	56,9	6,52	2,06	5	57,7	6,02	3,01
SS:SC. Симотический указатель	10	49,5	13,19	4,40	6	47,6	7,35	3,28
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	11	20,9	3,63	1,15	5	18,9	2,37	1,19
65. Бикондилярная ширина	7	116,0	5,24	2,14	4	110,5	—	—
66. Бигониальная ширина	7	99,7	10,10	4,12	4	91,0	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	7	75,4	4,17	1,70	4	71,0	—	—
68 (1). Длина нижней челюсти от мышечков	7	103,1	5,19	2,12	4	97,5	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	7	61,4	2,70	1,10	4	58,0	—	—
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	7	33,5	1,96	0,80	4	31,5	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	7	120,1	3,08	1,26	4	120,5	—	—
Угол выступания подбородка (inl—po)	7	73,6	3,57	1,46	4	70,0	—	—

Средние размеры и указатели черепов русских (Смоленская губ.)

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$	n	\bar{x}
1. Продольный диаметр	16	173,4	6,21	1,60	2	174,0	
8. Поперечный диаметр	16	141,1	5,41	1,32	2	134,5	
17. Высотный диаметр (ba—br)	16	131,7	5,46	1,33	2	126,0	
20. Высотный диаметр (po—br)	16	112,4	4,02	1,04	2	109,0	
5. Длина основания черепа	16	98,4	5,03	1,30	2	98,5	
9. Наименьшая ширина лба	16	96,9	4,73	1,22	2	92,5	
10. Наибольшая ширина лба	16	118,9	5,04	1,30	2	112,0	
11. Бианрикулярная ширина	16	122,9	4,89	1,26	2	115,0	
12. Ширина затылка	10	109,1	6,45	2,15	—	—	
29. Лобная хорда	16	110,8	2,94	0,76	2	112,3	
Высота изгиба лобной кости	16	26,1	1,99	0,51	2	25,5	
32. Угол лба (pa—me)	15	83,6	3,90	1,04	2	80,0	
Угол лба (gl—me)	15	77,5	3,90	1,04	2	75,0	
Общий вид сверху (погла verticalis), %	{ Ellipsoides Ovoides Pentagonoides Rhomboides Sphenoides	1	6,2	—	—	—	—
		4	25,0	—	—	2	100,0
		3	18,8	—	—	—	—
		1	6,2	—	—	—	—
		7	43,8	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	16	2,63	—	—	2	2,00	
Сосцевидный отросток (1—3)	16	2,13	—	—	2	1,00	
8:1. Черепной указатель	16	81,4	3,55	0,92	2	77,3	
17:1. Высотно-продольный указатель	16	76,0	3,44	0,89	2	72,4	
17:8. Высотно-поперечный указатель	16	93,5	4,87	1,26	2	93,7	
9:8. Лобно-поперечный указатель	16	68,7	2,58	0,67	2	68,8	
9:10. Лобный указатель	16	81,5	2,69	0,70	2	82,6	
9:12. Лобно-затылочный указатель	10	88,3	4,93	1,64	—	—	
Указатель высоты изгиба лобной кости	16	23,5	1,58	0,41	2	22,7	
40. Длина основания лица	16	95,5	5,58	1,18	2	96,5	
43. Верхняя ширина лица	16	103,7	4,83	1,25	2	102,0	
45. Скуловая ширина	16	128,6	6,12	1,58	2	124,0	
46. Средняя ширина лица	16	92,2	4,63	1,20	1	85,0	
47. Полная высота лица	12	115,6	4,60	1,39	1	117,0	
48. Верхняя высота лица	16	68,4	3,74	0,97	2	69,5	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	16	19,2	1,61	0,42	2	20,5	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	16	43,0	2,34	0,60	2	41,8	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	14	40,2	2,02	0,56	2	37,8	
52. Высота орбиты (лев.)	16	33,2	2,29	0,59	2	32,8	
54. Ширина носа	16	24,9	1,93	0,50	2	25,5	
55. Высота носа	16	49,8	2,86	0,74	2	51,5	
Форма нижнего края грушевид- ного отвер- стия, %	{ Anthropina Fossae praenas- les	11	68,8	—	—	1	50,0
		5	31,2	—	—	1	50,0
Передноносая ость (1—5 по Брока)	16	3,00	—	—	2	2,50	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	16	5,0	1,65	0,43	2	4,5	
62. Длина нёба	16	42,9	2,18	0,56	2	45,0	
63. Ширина нёба	11	38,8	2,14	0,68	1	43,0	
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	16	96,7	4,37	1,13	2	95,3	

Таблица 47 (окончание)

Пол		♂				♀	
Параметры		n	\bar{x}	s	$\frac{s}{\bar{x}}$	n	\bar{x}
IOW sub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	16	18,8	2,32	0,60	2	19,8
	Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	16	91,7	4,99	1,29	1	85,5
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	16	23,8	2,69	0,70	1	22,5
DC.	Дакриальная хорда	14	20,1	1,81	0,50	2	22,3
DS.	Дакриальная высота	14	11,8	1,45	0,40	2	12,2
SC.	Симотическая хорда	16	8,9	1,56	0,40	2	10,6
SS.	Симотическая высота	16	4,3	1,01	0,26	2	4,0
72.	Угол профиля лица общий	16	83,4	3,10	0,80	2	85,0
73.	Угол профиля средней части лица	16	82,6	2,92	0,75	2	84,5
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	16	85,4	7,01	1,81	2	86,5
75.	Угол носовых костей к горизонтали	16	54,6	4,81	1,24	2	62,5
75 (1).	Угол носовых костей к линии профиля	16	28,1	4,04	1,04	2	22,5
77.	Назомаллярный угол (fmo—п—fmo)	16	137,3	4,63	1,45	2	134,5
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	16	124,7	5,44	1,41	1	124,0
40:5.	Указатель выступания лица	16	96,9	3,60	0,93	2	98,0
45:8.	Горизонтальный фациocereбральный указатель	16	91,2	3,68	0,95	2	92,2
48:17.	Вертикальный фациocereбральный указатель	16	52,0	3,35	0,87	2	55,2
47:45.	Общий лицевой указатель	12	90,8	4,85	1,46	1	90,7
48:45.	Верхний лицевой указатель	16	53,3	3,26	0,84	2	56,2
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	16	77,3	5,10	1,32	2	78,8
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	14	82,0	5,97	1,65	2	86,9
54:55.	Носовой указатель	16	50,2	5,26	1,36	2	49,5
63:62.	Нёбный указатель	11	91,8	6,52	2,06	1	91,5
DS:DC.	Дакриальный указатель	14	59,3	8,95	2,48	2	54,6
SS:SC.	Симотический указатель	16	48,9	12,61	3,26	2	38,0
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	16	19,5	1,98	0,51	2	18,2
65.	Бикондилярная ширина	13	115,1	4,95	1,43	2	105,0
66.	Бигониальная ширина	13	99,8	6,64	1,92	2	94,0
68.	Длина нижней челюсти от углов	13	76,2	6,18	1,79	2	76,0
68 (1).	Длина нижней челюсти от мышечков	13	106,2	5,03	1,45	2	107,0
70.	Высота ветви нижней челюсти	13	60,7	5,58	1,61	2	59,5
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	13	33,0	2,33	0,67	2	30,5
79.	Угол ветви нижней челюсти	13	124,8	6,72	1,94	2	125,5
	Угол выступания подбородка (inf—po)	13	67,5	5,25	1,52	1	64,0

Средние размеры и показатели черепов русских западных районов (кривичи)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	27	174,4	6,37	1,25	8	169,4	5,32	2,01
8. Поперечный диаметр	27	140,9	4,25	0,83	8	137,5	3,82	1,44
17. Высотный диаметр (ba—br) . .	27	130,8	4,69	0,92	8	129,8	3,37	1,27
20. Высотный диаметр (po—br) . .	27	111,9	3,71	0,73	8	108,9	2,75	1,04
5. Длина основания черепа . . .	27	98,3	4,06	0,80	8	96,0	3,16	1,19
9. Наименьшая ширина лба . . .	27	97,4	4,69	0,92	8	93,9	2,36	0,89
10. Наибольшая ширина лба . . .	27	119,4	5,50	1,08	8	115,1	4,05	1,53
11. Бианрикулярная ширина . . .	27	122,2	4,29	0,84	8	116,4	3,02	1,14
12. Ширина затылка	17	108,7	5,16	1,29	6	106,5	2,43	1,08
29. Лобная хорда	27	110,1	3,49	0,68	8	107,2	4,64	1,75
Высота изгиба лобной кости . .	27	25,9	2,27	0,45	8	25,6	1,75	0,66
32. Угол лба (pa—me)	26	83,5	4,64	0,93	8	84,9	3,91	1,48
Угол лба (gl—me)	26	77,1	4,83	0,97	8	80,2	4,46	1,68
Общий вид сверху (пог-та verticalis), %	Ellipsoides	3	11,1	—	—	—	—	—
	Ovoides	7	26,0	—	—	2	25,0	—
	Pentagonoides	4	14,8	—	—	2	25,0	—
	Rhomboides	2	7,4	—	—	—	—	—
	Sphenoides	11	40,7	—	—	4	50,0	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	27	2,81	—	—	8	1,75	—	—
Сосцевидный отросток (1—3) . .	27	2,15	—	—	8	1,25	—	—
8:1. Черепной указатель	27	80,9	3,33	0,65	8	81,3	3,74	1,41
17:1. Высотно-продольный указатель	27	75,1	3,18	0,62	8	76,7	3,41	1,29
17:8. Высотно-поперечный указатель	27	92,9	4,01	0,79	8	94,4	3,49	1,32
9:8. Лобно-поперечный указатель .	27	69,1	2,78	0,55	8	68,3	2,41	0,91
9:10. Лобный указатель	27	81,6	2,87	0,56	8	81,3	2,44	0,92
9:12. Лобно-затылочный указатель .	17	88,9	5,51	1,38	6	88,6	1,81	0,81
Указатель высоты изгиба лобной кости	27	23,5	1,80	0,35	8	23,8	1,53	0,58
40. Длина основания лица	27	95,9	4,62	0,91	7	91,6	4,01	1,64
43. Верхняя ширина лица	27	104,3	5,21	1,02	8	101,5	3,29	1,24
45. Скуловая ширина	27	128,8	5,55	1,09	8	122,4	4,07	1,54
46. Средняя ширина лица	27	92,9	4,88	0,96	7	91,2	4,59	1,87
47. Полная ширина лица	18	116,5	5,26	1,28	5	109,0	5,24	2,62
48. Верхняя высота лица	27	69,0	3,79	0,74	7	65,1	3,72	1,56
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	27	19,6	2,07	0,41	8	19,6	1,68	0,63
51. Ширина орбиты от mf (лев.) . .	27	42,8	2,07	0,41	8	41,6	1,84	0,69
51a. Ширина орбиты от d (лев.) . .	24	39,9	2,04	0,43	8	38,1	1,88	0,71
52. Высота орбиты (лев.)	27	32,8	2,19	0,43	8	32,4	2,27	0,86
54. Ширина носа	27	24,6	2,02	0,40	8	24,5	1,93	0,73
55. Высота носа	27	49,9	2,81	0,55	8	48,5	2,67	1,01
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	17	63,0	—	—	7	87,5	—
	Fossae graeanales	9	33,3	—	—	1	12,5	—
	Infantilis	1	3,7	—	—	—	—	—
Передне носовая ость (1—5 по Брока)	27	2,81	—	—	7	2,14	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	27	5,3	2,38	0,47	8	5,6	2,57	0,97
62. Длина нёба	27	43,3	2,38	0,47	7	41,7	2,88	1,18
63. Ширина нёба	20	39,0	2,35	0,54	5	38,0	2,96	1,48

Таблица 48 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
43 (1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	27	97,2	4,74	0,93	8	94,0	2,90	1,09
IOW sub. Высота назона над биорбитальной шириной	27	18,4	1,97	0,39	8	17,9	2,43	0,92
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	27	92,1	5,10	1,00	7	87,8	3,41	1,39
Высота субспинале над зигомаксиллярной хордой	27	23,8	2,89	0,57	7	22,3	2,94	1,20
DC. Дакриальная хорда	25	20,6	2,14	0,44	7	21,3	2,50	1,02
DS. Дакриальная высота	25	11,9	1,15	0,23	7	12,0	1,48	0,60
SC. Симотическая хорда	26	9,2	1,70	0,34	8	8,9	1,56	0,59
SS. Симотическая высота	26	4,4	0,91	0,18	8	4,0	0,68	0,26
72. Угол профиля лица общий	27	83,2	3,00	0,59	7	84,3	1,12	0,46
73. Угол профиля средней части лица	27	82,6	3,24	0,64	8	84,5	1,41	0,53
74. Угол профиля альвеолярной части лица	27	85,1	6,12	1,20	7	84,0	2,31	0,94
75. Угол носовых костей к горизонтали	26	54,3	5,17	1,03	8	57,9	5,69	2,12
75 (1). Угол носовых костей к линии профиля	26	28,4	4,46	0,89	7	27,1	5,53	2,26
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo)	27	138,3	3,94	0,77	8	138,0	5,40	2,04
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	27	125,1	5,52	1,08	7	126,1	6,24	2,55
40:5. Указатель выступания лица	27	97,5	3,27	0,64	8	96,3	3,20	1,31
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	27	91,4	3,45	0,68	8	89,1	3,84	1,45
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	27	52,8	3,44	0,67	7	50,4	3,86	1,58
47:45. Общий лицевой указатель	18	91,2	4,53	1,10	5	88,3	2,52	1,26
48:45. Верхний лицевой указатель	27	53,6	2,89	0,57	7	52,2	2,25	1,13
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	27	76,8	5,01	0,98	8	77,8	6,13	2,31
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	24	81,9	5,83	1,21	8	84,9	5,19	1,96
54:55. Носовой указатель	27	49,5	4,63	0,91	8	50,6	3,51	1,32
63:62. Нёбный указатель	20	91,6	6,60	1,51	5	90,6	6,81	3,41
DS:DC. Дакриальный указатель	25	58,2	7,92	1,62	7	56,8	5,42	2,21
SS:SC. Симотический указатель	26	49,1	12,58	2,52	8	45,2	7,72	2,91
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	27	20,1	2,79	0,55	7	18,7	2,38	0,90
65. Бикондилярная ширина	20	115,4	4,94	1,13	6	108,5	4,06	1,81
66. Бигониальная ширина	20	99,8	7,74	1,78	6	92,0	6,27	2,80
68. Длина нижней челюсти от углов	20	75,9	5,45	1,25	6	72,7	6,38	2,85
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	20	105,1	5,17	1,19	6	100,7	9,37	4,18
70. Высота ветви нижней челюсти	20	60,9	4,71	1,08	6	58,5	1,38	0,62
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	20	33,2	2,16	0,50	6	31,2	3,31	1,48
79. Угол ветви нижней челюсти	20	123,1	6,06	1,39	6	122,2	3,32	1,48
Угол выступания подбородка (inf—po)	20	73,6	3,57	1,46	5	68,8	4,55	2,28

Средние размеры и указатели черепов русских (Вологодская губ.)

Пол		♂				
Параметры		n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
1.	Продольный диаметр	17	178,1	5,32	1,33	
8.	Поперечный диаметр	17	145,0	5,46	1,37	
17.	Высотный диаметр (bo—br)	17	132,8	5,56	1,39	
20.	Высотный диаметр (pa—br)	16	114,8	3,92	1,01	
5.	Длина основания черепа	17	100,2	3,26	0,82	
9.	Наименьшая ширина лба	17	98,2	4,43	1,11	
10.	Наибольшая ширина лба	17	122,2	6,20	1,55	
11.	Биаурикулярная ширина	17	125,4	6,24	1,56	
12.	Ширина затылка	14	112,0	5,89	1,63	
29.	Лобная хорда	15	113,3	3,95	1,06	
	Высота изгиба лобной кости	15	28,2	2,32	0,62	
32.	Угол лба (pa—me)	16	86,1	3,50	0,90	
	Угол лба (gl—me)	16	80,4	4,40	1,14	
	Общий вид сверху (погма verticalis), %	Ovoides	7	41,0	—	—
		Pentagonoides	4	23,7	—	—
		Rhomboides	1	5,8	—	—
		Sphenoides	4	23,7	—	—
		Sphaeroides	1	5,8	—	—
	Надбровье (1—6 по Мартину)	17	2,53	—	—	
	Сосцевидный отросток (1—3)	17	2,24	—	—	
8:1.	Черепной указатель	17	81,5	3,02	0,76	
17:1.	Высотно-продольный указатель	17	74,8	3,65	0,91	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	17	91,9	4,61	1,15	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	17	67,7	2,41	0,60	
9:10.	Лобный указатель	17	80,5	3,02	0,76	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	14	87,7	4,51	1,25	
	Указатель высоты изгиба лобной кости	15	24,9	1,65	0,44	
40.	Длина основания лица	15	97,1	4,21	1,13	
43.	Верхняя ширина лица	17	103,7	4,70	1,25	
45.	Скуловая ширина	17	131,8	6,09	1,52	
46.	Средняя ширина лица	17	94,2	5,50	1,38	
47.	Полная высота лица	14	121,0	4,51	1,25	
48.	Верхняя высота лица	16	72,6	4,49	1,16	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	17	20,1	2,90	0,73	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	17	41,7	1,87	0,47	
51a.	Ширина орбиты от mf (лев.)	17	39,3	2,11	0,53	
52.	Высота орбиты (лев.)	17	33,8	1,66	0,42	
54.	Ширина носа	17	25,6	1,88	0,47	
55.	Высота носа	17	53,0	2,42	0,61	
	Форма нижнего края гру- шевидного отверстия, %	Anthropina	14	82,4	—	—
		Fossae praenasales	3	17,6	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	15	3,07	—	—	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	17	5,5	2,04	0,51	
62.	Длина нёба	16	45,1	2,73	0,70	
63.	Ширина нёба	12	40,1	3,82	1,15	
43(1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	17	96,7	3,12	0,78	
IOV.sub.	Высота назiona над биорбитальной шири- ной	17	18,5	2,04	0,51	
	Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	17	94,5	5,95	1,49	
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	16	25,6	2,66	1,69	

Таблица 49 (окончание)

Пол	σ				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
DC.	Дакриальная хорда	17	21,2	2,46	0,62
DS.	Дакриальная высота	17	12,1	1,86	0,47
SC.	Симотическая хорда	17	9,2	1,94	0,49
SS.	Симотическая высота	17	4,3	0,77	0,19
72.	Угол профиля лица общий	16	84,9	2,31	0,60
73.	Угол профиля средней части лица	16	84,5	2,71	0,70
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	16	85,9	3,43	0,89
75.	Угол носовых костей к горизонтали	17	57,0	4,23	1,06
75(1).	Угол носовых костей к линии профиля	16	27,3	3,90	1,01
77.	Назомолярный угол ($fmo-n-fmo$)	17	138,1	3,31	0,83
	Зигмаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)	16	121,7	5,70	1,47
40:5.	Указатель выступания лица	15	96,9	3,60	0,96
45:8.	Горизонтальный фациocereбральный указатель	17	90,9	3,52	0,88
45:17.	Горизонтальный фациocereбральный указатель	16	54,8	3,49	0,90
47:45.	Общий лицевой указатель	14	91,5	5,38	1,49
48:45.	Верхний лицевой указатель	16	55,0	3,26	0,84
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	17	80,3	4,93	1,23
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	17	86,0	4,94	1,24
54:55.	Носовой указатель	17	48,2	2,86	0,72
63:62.	Нёбный указатель	12	88,2	6,73	2,03
DS.:DC.	Дакриальный указатель	17	57,8	8,65	2,16
SS:SC.	Симотический указатель	17	47,7	9,66	2,41
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	17	19,8	1,51	0,38
65.	Бикондилярная ширина	15	118,1	6,16	1,65
66.	Бигониальная ширина	15	99,3	6,25	1,67
68.	Длина нижней челюсти от углов	14	80,2	4,17	1,15
68(1).	Длина нижней челюсти от мышечков	14	108,0	4,66	1,29
70.	Высота ветви нижней челюсти	14	61,6	4,70	1,30
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	15	33,5	3,24	0,87
79.	Угол ветви нижней челюсти	14	119,6	6,00	1,66
	Угол выступания подбородка ($inf-po$)	11	69,7	6,12	1,94

Таблица 50

Средние размеры и указатели черепов русских (Костромская губ.)

Пол	σ				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
1.	Продольный диаметр	30	177,0	7,28	1,33	2	172,0
8.	Поперечный диаметр	29	145,1	5,29	1,00	2	141,5
17.	Высотный диаметр ($ba-br$)	28	132,4	4,99	0,96	2	124,0
20.	Высотный диаметр ($po-br$)	29	113,4	4,36	0,82	2	109,0
5.	Длина основания черепа	29	99,2	3,67	0,69	2	92,5
9.	Наименьшая ширина лба	31	97,1	4,94	0,89	2	96,0
10.	Наибольшая ширина лба	29	122,7	5,59	1,06	2	121,0
11.	Биаурикулярная ширина	31	124,3	5,56	1,00	2	122,5
12.	Ширина затылка	23	111,1	4,33	0,92	2	105,0
29.	Лобная хорда	28	110,8	4,76	0,92	2	107,7
	Высота изгиба лобной кости	28	26,2	2,61	0,50	2	26,7
32.	Угол лба ($pa-me$)	29	82,2	4,76	0,90	2	87,0

Таблица 50 (продолжение)

Пол	♂				♀		
	n	\bar{x}	s	$\frac{s}{\bar{x}}$	n	\bar{x}	
32. Угол лба (gl—me)	29	76,4	5,27	1,00	2	81,5	
Общий вид свер- ху (погма verti- kalis), %	Ellipsoides	2	6,9	—	—	—	
	Ovoides	7	24,1	—	—	—	
	Pentagonoides	5	17,2	—	—	—	
	Sphenoides	14	48,4	—	—	—	
	Sphaeroides	1	3,4	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	31	3,03	—	—	2	2,00	
Сосцевидный отросток (1—3)	31	2,39	—	—	2	1,50	
8:1. Черепной указатель	29	82,1	4,23	0,80	2	82,2	
17:1. Высотно-продольный указатель	28	74,8	3,45	0,66	2	72,1	
17:8. Высотно-поперечный указатель	28	91,2	4,68	0,90	2	87,7	
9:8. Лобно-поперечный указатель	29	67,3	3,35	0,63	2	68,0	
9:10. Лобный указатель	29	79,5	3,56	0,67	2	79,4	
9:12. Лобно-затылочный указатель	23	86,8	5,22	1,11	2	91,5	
Указатель высоты изгиба лобной ко- сти	28	23,5	1,76	0,34	2	24,8	
40. Длина основания лица	29	95,7	4,30	0,81	1	94,0	
43. Верхняя ширина лица	31	104,7	4,02	0,72	2	103,5	
45. Скуловая ширина	29	134,8	5,98	1,13	2	126,5	
46. Средняя ширина лица	31	93,8	6,50	1,17	2	92,5	
47. Полная высота лица	22	118,2	6,76	1,48	1	122,0	
48. Верхняя высота лица	29	70,3	4,22	0,80	1	76,0	
50. Максиллофронтальная хорда (mf— mf)	31	20,7	1,82	0,33	2	22,5	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	31	42,7	1,94	0,35	2	41,0	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	25	40,3	1,75	0,36	2	38,2	
52. Высота орбиты (лев.)	31	34,6	2,44	0,44	2	33,5	
54. Ширина носа	31	25,0	1,55	0,28	2	26,5	
55. Высота носа	31	51,5	3,22	0,58	2	49,0	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	Anthropina	25	80,7	—	—	1	50,0
	Fossae praenasales Infantilidis	5	16,1	—	—	1	50,0
	1	3,2	—	—	—	—	
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	31	3,39	—	—	2	2,50	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	31	5,6	1,85	0,33	1	4,0	
62. Длина нёба	26	44,0	2,30	0,46	1	47,0	
63. Ширина нёба	20	40,0	3,02	0,69	1	40,0	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	31	97,3	3,62	0,65	2	97,5	
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	31	18,3	2,38	0,43	2	17,3	
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	31	95,5	8,36	1,50	2	91,5	
Высота субспинале над зигомаксил- лярной шириной	31	24,7	2,92	0,52	2	22,8	
DG. Дакриальная хорда	24	21,3	1,69	0,35	2	24,3	
DS. Диакриальная высота	24	12,6	1,77	0,37	2	11,2	
SC. Симотическая хорда	31	9,7	1,57	0,28	2	11,2	
SS. Симотическая высота	31	4,7	1,15	0,21	2	3,6	
72. Угол профиля лица общий	26	84,2	3,06	0,61	1	82,0	
73. Угол профиля средней части лица	31	83,4	3,52	0,63	2	81,5	
74. Угол профиля альвеолярной части лица	26	86,0	4,51	0,90	1	82,0	
75. Угол носовых костей к горизонтали	30	53,3	6,38	1,02	2	55,5	
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	26	31,7	6,03	1,01	1	28,0	
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	31	139,3	4,88	0,88	2	141,0	
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss— zm')	31	123,9	5,68	1,02	2	127,0	

Таблица 50 (окончание)

Пол	♂				♀	
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n
40:5. Указатель выступления лица	28	96,2	3,75	0,72	1	102,2
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	28	90,9	3,90	0,75	2	89,5
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	27	53,8	3,76	0,74	1	59,8
47:45. Общий лицевой указатель	21	90,3	5,59	1,25	1	93,9
48:45. Верхний лицевой указатель	27	54,1	3,71	0,73	1	58,5
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	31	78,1	3,82	0,69	2	81,5
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	25	82,3	4,03	0,82	2	87,3
54:55. Носовой указатель	31	48,5	4,22	0,76	2	54,3
63:62. Нёбный указатель	20	91,5	8,52	1,91	1	85,1
DS:DC. Дакриальный указатель	24	58,1	8,50	1,77	2	46,1
SS:SC. Симотический указатель	31	48,7	9,36	1,68	2	32,0
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	30	18,5	2,46	0,39	1	22,9
65. Бикондилярная ширина	27	118,0	6,37	1,25	1	114,0
66. Бигониальная ширина	27	99,9	7,37	1,44	1	96,0
68. Длина нижней челюсти от углов	26	76,8	3,29	0,66	1	75,0
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	26	106,5	4,13	0,83	1	109,0
70. Высота ветви нижней челюсти	26	59,0	6,95	1,37	1	66,0
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	27	31,0	5,94	2,44	1	33,0
79. Угол ветви нижней челюсти	26	123,4	5,92	1,18	1	123,0
Угол выступления подбородка (inf—po)	23	67,9	7,07	1,51	1	65,0

Таблица 51

Средние размеры и указатели черепов русских (Ярославская губ.)

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
1. Продольный диаметр	47	177,3	6,32	0,92	1	173,0	
8. Поперечный диаметр	46	143,1	4,60	0,68	1	145,0	
17. Высотный диаметр (ba—br)	44	132,6	5,08	0,77	—	—	
20. Высотный диаметр (po—br)	44	113,9	3,17	0,48	—	—	
5. Длина основания черепа	47	99,9	3,98	0,58	—	—	
9. Наименьшая ширина лба	47	98,1	4,98	0,73	1	97,0	
10. Наибольшая ширина лба	45	122,7	5,16	0,77	1	121,0	
11. Биаурикулярная ширина	47	122,0	5,56	0,81	1	120,0	
12. Ширина затылка	38	109,9	6,68	1,08	1	111,0	
29. Лобная хорда	44	110,3	5,28	0,80	—	—	
Высота изгиба лобной кости	44	26,2	2,92	0,44	—	—	
32. Угол лба (pa—me)	44	84,5	4,14	0,62	1	92	
Угол лба (gl—me)	44	78,5	4,56	0,69	1	88	
Общий вид сверху (по <i>gma verticalis</i>), %	Ellipsoides	3	6,7	—	—	—	—
	Ovoides	12	26,7	—	—	1	100,0
	Pentagonoides	10	22,2	—	—	—	—
	Rhomboides	1	2,2	—	—	—	—
	Sphenoides	19	42,2	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	47	2,85	—	—	1	2,00	
Сосцевидный отросток (1—3)	47	2,26	—	—	1	1,00	
8:1. Черепной указатель	46	81,2	3,04	0,45	1	83,8	
17:1. Высотно-продольный указатель	44	74,8	2,94	0,44	—	—	
17:8. Высотно-поперечный указатель	44	92,2	4,01	0,65	—	—	

Таблица 51 (продолжение)

Пол	♂				♀	
	п	х	S	$\frac{S}{x}$	п	\bar{x}
9:8. Лобно-поперечный указатель	46	68,0	3,44	0,51	1	66,9
9:10. Лобный указатель	45	79,9	3,60	0,54	1	80,2
9:12. Лобно-затылочный указатель	38	89,5	4,64	0,75	1	87,4
Указатель высоты изгиба лобной кости	44	23,8	2,18	0,33	—	—
40. Длина основания лица	45	96,7	4,20	0,63	—	—
43. Верхняя ширина лица	47	104,5	4,10	0,60	1	104,0
45. Скуловая ширина	46	129,4	4,78	0,71	1	125,0
46. Средняя ширина лица	46	92,9	4,68	0,69	1	98,0
47. Полная высота лица	35	116,6	7,36	1,24	1	108,0
48. Верхняя высота лица	46	69,5	3,78	0,56	1	66,0
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	47	20,4	2,24	0,33	1	21,0
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	47	42,6	2,24	0,33	1	42,5
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	41	39,6	2,32	0,36	1	39,5
52. Высота орбиты (лев.)	46	33,7	2,37	0,35	1	33,0
54. Ширина носа	47	24,8	2,00	0,29	1	25,0
55. Высота носа	47	51,1	2,46	0,36	1	49,0
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	40	87,0	—	—	1	100,0
Anthropina	6	13,0	—	—	—	—
Fossae praepalatales	6	13,0	—	—	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	47	3,02	—	—	1	4,00
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	47	5,2	1,84	0,27	1	3,5
62. Длина нёба	43	44,4	2,80	0,43	1	41,0
63. Ширина нёба	31	38,5	2,52	0,45	1	38,0
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	47	97,6	4,26	0,62	1	97,0
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	47	18,8	2,14	0,31	1	18,0
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	46	91,2	4,88	0,72	1	95,5
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	46	24,9	2,80	0,41	1	23,0
DC. Дакриальная хорда	42	21,6	2,74	0,42	1	20,0
DS. Дакриальная высота	42	13,0	1,35	0,21	1	11,8
SC. Симотическая хорда	47	9,7	1,76	0,26	1	10,7
SS. Симотическая высота	47	4,7	1,00	0,15	1	4,0
72. Угол профиля лица общий	42	83,8	4,00	0,62	1	88,0
73. Угол профиля средней части лица	46	83,7	4,14	0,61	1	88,0
74. Угол профиля альвеолярной части лица	42	84,5	6,52	1,01	1	88,0
75. Угол носовых костей к горизонтали	46	53,2	6,73	0,99	1	59,0
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	42	31,0	6,24	0,96	1	29,0
77. Назомолярный угол (fmo—п—fmo)	47	137,6	4,06	0,59	1	139,0
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	46	122,2	5,16	0,76	1	128,0
40:5. Указатель выступления лица	45	96,9	4,16	0,62	—	—
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	45	89,9	3,16	0,47	1	86,2
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	43	52,4	3,38	0,52	—	—
47:45. Общий лицевой указатель	34	90,1	5,57	0,96	1	86,4
48:45. Верхний лицевой указатель	45	53,8	3,39	0,51	1	52,8
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	46	79,0	5,80	0,85	1	77,7
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	41	84,8	5,98	0,93	1	83,5
54:55. Носовой указатель	47	49,0	4,38	0,64	1	51,0
63:62. Нёбный указатель	31	87,4	6,44	1,16	1	92,7

Таблица 51 (окончание)

Пол	♂				♀	
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}
DS:DC. Дакриальный указатель	42	61,3	9,44	1,46	1	59,0
SS:SC. Симотический указатель	47	48,9	11,24	1,64	1	37,4
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	44	19,6	2,48	0,37	1	20,0
65. Бикондилярная ширина	39	115,5	6,16	0,99	1	112,0
66. Бигониальная ширина	39	98,3	5,96	0,96	1	88,0
68. Длина нижней челюсти от углов	36	76,5	4,40	0,73	1	77,0
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	37	105,7	5,36	0,88	1	104,0
70. Высота ветви нижней челюсти	36	60,5	4,92	0,82	1	56,0
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	40	32,8	2,80	0,44	1	32,0
79. Угол ветви нижней челюсти	36	122,9	7,84	1,31	1	123,0
Угол выступания подбородка (inf—po)	35	68,1	6,96	1,18	1	62,0

Таблица 52

Средние размеры и указатели черепов русских (Тверская губ.)

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	65	175,8	5,92	0,73	11	172,9	5,88	1,85
8. Поперечный диаметр	65	145,5	4,72	0,59	11	139,5	3,83	1,21
17. Высотный диаметр (ba—br)	63	132,8	4,76	0,60	10	127,4	2,55	0,28
20. Высотный диаметр (po—br)	63	115,1	3,92	0,49	10	109,4	2,72	0,91
5. Длина основания черепа	65	99,7	3,92	0,49	11	96,9	3,02	0,96
9. Наименьшая ширина лба	66	98,1	4,48	0,55	11	94,8	4,02	1,27
10. Наибольшая ширина лба	65	122,5	4,82	0,60	11	116,8	4,41	1,39
11. Биангулярная ширина	66	123,6	4,36	0,54	11	120,0	3,35	1,06
12. Ширина затылка	52	111,2	4,84	0,67	9	108,0	2,76	0,97
29. Лобная хорда	65	110,9	5,60	0,69	10	108,6	5,15	1,72
Высота изгиба лобной кости	65	25,8	2,96	0,37	10	27,4	2,81	0,94
32. Угол лба (pa—me)	64	84,3	4,60	0,58	11	86,3	4,17	1,32
Угол лба (gl—me)	64	78,1	4,40	0,55	11	80,5	4,58	1,45
Общий вид сверху (по-та verticalis), %	Ellipsoides	1	1,5	—	—	—	—	—
	Ovoides	8	12,3	—	—	4	36,4	—
	Pentagonoides	13	20,0	—	—	1	9,1	—
	Rhomboides	1	1,5	—	—	—	—	—
	Sphenoides	37	57,0	—	—	6	54,5	—
Sphaeroides	5	7,7	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	66	3,14	—	—	11	2,09	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	66	2,12	—	—	11	1,55	—	—
8:1. Черепной указатель	65	83,0	2,84	0,35	11	80,7	3,61	1,14
17:1. Высотно-продольный указатель	63	75,5	2,88	0,36	10	73,9	3,27	1,09
17:8. Высотно-поперечный указатель	63	91,1	4,12	0,52	10	91,3	1,88	0,63
9:8. Лобно-поперечный указатель	65	67,4	3,00	0,37	11	68,1	2,57	0,81
9:10. Лобный указатель	65	80,0	3,36	0,42	11	81,2	3,42	1,08
9:12. Лобно-затылочный указатель	52	88,6	4,68	0,65	9	87,9	3,52	1,24
Указатель высоты изгиба лобной кости	65	23,4	2,02	0,25	10	25,2	1,76	0,59
40. Длина основания лица	65	97,0	4,90	0,61	10	94,5	2,95	0,98
43. Верхняя ширина лица	66	104,6	4,32	0,53	11	100,5	3,50	1,11
45. Скуловая ширина	66	130,6	4,68	0,58	11	125,3	6,22	1,97
46. Средняя ширина лица	66	91,7	5,12	0,63	11	88,7	5,12	1,62

Т а б л и ц а 52 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
47. Полная высота лица	44	116,1	6,88	1,04	4	106,0	—	—	
48. Верхняя высота лица	66	69,6	4,02	0,49	10	67,0	4,67	1,56	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	66	20,2	2,18	0,27	11	19,3	2,84	0,90	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	66	42,5	2,28	0,28	11	40,3	1,60	0,51	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	63	39,4	1,88	0,24	11	37,8	1,52	0,48	
52. Высота орбиты (лев.)	66	32,9	2,06	0,25	11	32,8	2,50	0,79	
54. Ширина носа	66	24,6	1,57	0,19	11	24,5	2,80	0,89	
55. Высота носа	66	50,4	2,56	0,31	11	48,3	2,97	0,94	
Форма нижнего края грушевидного отверстия, % $\left\{ \begin{array}{l} \text{Anthropina} \\ \text{Fossae prae-nasales} \end{array} \right.$	58	87,9	—	—	11	100,0	—	—	
8	12,1	—	—	—	—	—	—	—	
Переденосовая ость (1—5 по Брока)	65	3,12	—	—	10	2,70	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	66	6,1	2,01	0,25	11	5,0	1,52	0,48	
62. Длина нёба	61	44,7	3,56	0,46	10	42,9	2,47	0,86	
63. Ширина нёба	45	39,2	2,82	0,42	6	37,8	2,05	0,92	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	66	98,1	3,28	0,40	11	93,7	3,45	1,09	
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	66	18,6	2,06	0,25	11	17,7	2,80	0,89	
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	66	92,4	4,84	0,60	11	88,0	5,01	1,58	
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	66	24,5	2,54	0,31	11	22,1	3,48	1,10	
DC. Дакриальная хорда	63	21,6	2,18	0,27	11	21,3	3,17	1,00	
DS. Дакриальная высота	63	12,7	1,17	0,15	11	11,6	1,30	0,41	
SC. Симотическая хорда	65	9,2	1,64	0,20	11	9,3	2,09	0,66	
SS. Симотическая высота	65	4,7	1,33	0,17	11	4,2	1,28	0,40	
72. Угол профиля лица общий	63	83,9	3,92	0,49	10	84,3	2,27	0,76	
73. Угол профиля средней части лица	65	83,7	4,18	0,52	10	85,6	1,35	0,45	
74. Угол профиля альвеолярной части лица	63	85,0	6,00	0,76	10	80,2	6,12	2,04	
75. Угол носовых костей к горизонтали	62	52,6	6,72	0,85	11	60,3	3,64	1,15	
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	62	32,2	5,92	0,75	10	24,1	4,83	1,61	
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	66	138,1	3,96	0,49	11	138,5	5,72	1,81	
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	66	123,2	5,48	0,67	11	126,5	7,51	2,37	
40:5. Указатель выступания лица	64	97,5	4,26	0,53	10	97,7	3,10	1,03	
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	65	89,8	3,90	0,48	11	89,0	4,30	1,36	
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	63	52,4	3,42	0,43	9	53,2	4,23	1,50	
47:45. Общий лицевой указатель	44	89,4	7,46	1,12	4	83,1	—	—	
48:45. Верхний лицевой указатель	66	53,5	3,10	0,38	10	53,0	3,93	1,31	
52:51. Орбитальный указатель от mf (лев.)	66	77,4	5,04	0,62	11	81,6	5,76	1,82	
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	63	83,0	5,20	0,65	11	86,9	6,24	1,97	
54:55. Носовой указатель	66	49,1	4,02	0,49	11	51,0	4,99	1,58	
63:62. Нёбный указатель	44	87,7	8,52	1,28	6	86,4	5,33	2,58	
DS:DC. Дакриальный указатель	63	59,3	7,92	1,00	11	54,7	8,12	2,57	
SS:SC. Симотический указатель	65	51,3	12,60	1,56	11	43,5	12,67	4,00	

Таблица 52 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	64	20,2	2,84	0,35	11	19,3	2,78	0,88
65. Бигондильная ширина . . .	53	117,5	4,72	0,65	8	112,1	5,18	1,96
66. Бигондильная ширина . . .	53	99,7	4,18	0,57	8	93,9	5,28	1,99
68. Длина нижней челюсти от углов	53	76,5	5,80	0,80	8	74,0	2,33	0,88
68(1). Длина нижней челюсти от мышечков	53	106,6	6,52	0,90	8	104,9	2,47	0,93
70. Высота ветви нижней челюсти	53	59,1	4,84	0,66	8	57,2	3,45	1,30
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	52	31,7	2,90	0,40	8	30,8	1,81	0,68
79. Угол ветви нижней челюсти	53	123,6	7,64	1,05	8	125,8	4,86	1,84
Угол выступания подбородка (inf—po)	47	67,4	6,56	0,96	6	63,7	2,26	1,01

Таблица 53

Средние размеры и указатели черепов русских (Московская губ.)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	12	176,7	7,08	2,13	6	168,0	3,58	1,60
8. Поперечный диаметр	12	142,8	4,65	1,40	6	138,3	4,27	1,91
17. Высотный диаметр (ba—br)	12	129,9	4,81	1,45	6	125,7	3,08	1,38
20. Высотный диаметр (po—br)	12	112,5	2,61	0,79	6	106,7	3,45	1,54
5. Длина основания черепа	12	98,6	4,58	1,38	6	95,3	1,37	0,61
9. Наименьшая ширина лба	12	95,4	4,09	1,23	6	92,8	2,93	1,31
10. Наибольшая ширина лба	12	118,5	4,96	1,50	6	114,7	5,81	2,60
11. Биангулярная ширина	12	121,9	7,18	2,16	6	118,3	4,88	2,18
12. Ширина затылка	9	108,1	6,41	2,26	5	107,0	2,12	1,06
29. Лобная хорда	12	110,6	5,48	1,65	6	107,3	4,13	1,85
Высота изгиба лобной кости	12	25,1	1,81	0,55	6	23,8	2,89	1,29
32. Угол лба (pa—me)	12	81,3	4,03	1,21	6	80,3	2,74	1,22
Угол лба (gl—me)	12	75,1	3,37	1,01	6	76,3	3,01	1,35
Общий вид сверху (пог-та verticalis), %								
{ Ellipsoides	1	8,4	—	—	—	—	—	—
{ Ovoides	1	8,3	—	—	2	33,3	—	—
{ Sphenoides	9	75,0	—	—	3	50,0	—	—
{ Sphaeroides	1	8,3	—	—	1	16,7	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	12	2,92	—	—	6	1,83	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	12	2,17	—	—	6	1,33	—	—
8:1. Черепной указатель	12	80,9	3,85	1,16	6	82,3	3,06	1,37
17:1. Высотно-продольный указатель	12	73,7	4,71	1,42	6	74,8	2,24	1,00
17:8. Высотно-поперечный указатель	12	91,1	5,86	1,77	6	91,0	4,34	1,94
9:8. Лобно-поперечный указатель	12	66,9	3,58	1,08	6	67,1	1,50	0,67
9:10. Лобный указатель	12	80,6	3,92	1,18	6	81,0	2,92	1,31
9:12. Лобно-затылочный указатель	9	87,9	6,33	2,24	5	87,1	3,62	1,81
Указатель высоты изгиба лобной кости	12	22,7	1,19	0,36	6	22,2	2,29	1,02
40. Длина основания лица	12	96,4	4,77	1,44	6	93,2	2,92	1,30
43. Верхняя ширина лица	12	103,8	3,47	1,05	6	101,2	2,14	0,96
45. Скуловая ширина	12	129,8	5,35	1,61	6	122,7	2,80	1,25
46. Средняя ширина лица	12	92,3	4,13	1,19	6	87,3	3,88	1,74
47. Полная высота лица	5	116,2	6,72	3,36	—	—	—	—
48. Верхняя высота лица	12	68,3	2,81	0,85	6	64,8	1,94	0,87

Т а б л и ц а 53 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	S_x	n	\bar{x}	s	S_x
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	12	19,2	2,74	0,83	6	17,2	2,37	1,06
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	12	41,6	2,01	0,61	6	41,6	1,25	0,56
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	12	38,9	1,73	0,52	6	39,5	1,10	0,49
52. Высота орбиты (лев.)	12	32,5	2,16	0,65	6	34,6	1,57	0,70
54. Ширина носа	12	24,3	1,83	0,55	6	23,2	1,72	0,77
55. Высота носа	12	50,2	2,21	0,67	6	48,7	2,94	1,31
Форма нижнего { Anthropina	8	66,7	—	—	4	80,0	—	—
{ Fossae praenasa-	4	33,3	—	—	—	—	—	—
{ sales	—	—	—	—	1	20,0	—	—
{ Infantilis	—	—	—	—	—	—	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	12	2,83	—	—	5	2,40	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	12	5,0	1,42	0,43	6	5,0	0,72	0,32
62. Длина нёба	12	43,8	2,33	0,70	3	42,3	—	—
63. Ширина нёба	8	38,1	2,64	1,00	3	38,3	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	12	97,2	3,43	1,03	6	95,1	2,01	0,90
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	12	18,2	2,07	0,62	6	16,8	1,84	0,82
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	12	91,5	4,46	1,34	6	89,1	4,51	2,02
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	12	23,3	1,81	0,55	6	21,8	1,60	0,72
DC. Дакриальная хорда	12	20,4	2,14	0,65	6	17,7	1,62	0,72
DS. Дакриальная высота	12	12,5	1,30	0,39	6	11,0	0,93	0,42
SC. Симотическая хорда	11	8,7	1,97	0,62	5	8,0	1,59	0,80
SS. Симотическая высота	11	4,4	0,72	0,23	5	3,7	0,64	0,32
72. Угол профиля лица общий	12	84,8	2,94	0,89	5	82,8	2,49	1,25
73. Угол профиля средней части лица	12	84,9	3,29	0,99	6	84,5	2,07	0,93
74. Угол профиля альвеолярной части лица	12	84,5	3,53	1,06	5	76,8	7,37	3,69
75. Угол носовых костей к горизонтали	12	53,8	5,01	1,51	5	53,0	4,55	2,28
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	12	31,1	4,18	1,26	4	30,2	—	—
77. Назомолярный угол (fmo—p—fmo)	12	138,6	3,94	1,19	6	140,8	3,77	1,69
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	12	125,9	4,12	1,24	6	127,8	4,07	1,82
40:5. Указатель выступа лица	12	97,8	2,72	0,82	6	97,8	1,73	0,77
45:1. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	12	90,9	2,37	0,71	6	88,8	3,53	1,58
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	12	52,6	3,58	1,08	6	51,6	1,70	0,76
47:45. Общий лицевой указатель	5	90,1	2,74	1,37	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	12	52,7	1,69	0,51	6	52,9	1,93	0,86
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	12	78,3	4,32	1,30	6	83,2	4,41	1,97
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	12	83,7	5,45	1,64	6	87,5	3,76	1,68
54:55. Носовой указатель	12	48,6	4,76	1,44	6	47,9	5,60	2,50
63:62. Нёбный указатель	8	87,8	7,08	2,67	1	88,6	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	12	61,7	7,97	2,40	6	62,7	8,53	3,81
SS:SC. Симотический указатель	11	52,7	13,96	4,21	5	47,2	5,65	2,83

Таблица 53 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	12	22,5	3,46	1,04	6	21,0	2,21	0,99
65. Бикондилярная ширина . . .	5	113,6	7,46	3,73	—	—	—	—
66. Бигониальная ширина . . .	6	97,8	5,19	2,32	—	—	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	5	74,4	3,21	1,60	—	—	—	—
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	5	103,4	6,51	3,25	—	—	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	4	57,0	—	—	—	—	—	—
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	6	29,4	2,33	1,04	—	—	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти .	5	124,0	4,18	2,09	—	—	—	—
Угол выступания подбородка (inf—po)	4	68,8	—	—	—	—	—	—

Таблица 54

Средние размеры и указатели черепов русских центральных районов (кривичи)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	175	176,9	6,46	0,49	22	171,0	5,28	1,15
8. Поперечный диаметр	173	144,6	4,98	0,38	22	139,3	4,24	0,93
17. Высотный диаметр (ba—br) .	168	132,3	5,02	0,39	20	126,6	2,90	0,66
20. Высотный диаметр (po—br) .	168	114,2	3,74	0,29	20	103,6	3,47	0,80
5. Длина основания черепа . .	174	99,7	3,87	0,29	21	96,1	3,67	0,82
9. Наименьшая ширина лба . . .	177	97,7	5,00	0,38	22	94,5	3,34	0,73
10. Наибольшая ширина лба . .	172	122,2	5,22	0,40	22	116,7	4,80	1,05
11. Биаурикулярная ширина . .	177	123,4	5,39	0,41	22	120,0	3,86	0,84
12. Ширина затылка	138	110,5	4,68	0,40	19	107,2	2,78	0,65
29. Лобная хорда	168	110,9	5,22	0,40	20	107,6	5,31	1,22
Высота изгиба лобной кости . .	168	26,1	2,50	0,19	20	26,1	2,98	0,68
32. Угол лба (pa—me)	169	83,8	4,52	0,35	22	84,5	4,11	0,90
Угол лба (gl—me)	169	77,8	4,78	0,37	22	79,8	4,43	0,97
Общий вид сверху (пог-та verticalis), %	{ Ellipsoides	9	5,2	—	—	—	—	—
	{ Ovoides	36	21,0	—	—	7	31,9	—
	{ Pentagonoides	32	18,6	—	—	3	13,6	—
	{ Rhomboides	3	1,7	—	—	—	—	—
	{ Sphenoides	84	48,9	—	—	11	50,0	—
{ Sphaeroides	8	4,6	—	—	1	4,5	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	177	2,98	—	—	22	2,05	—	—
Сосневидный отросток (1—3)	177	2,23	—	—	22	1,45	—	—
8:1. Черепной указатель	173	82,0	3,35	0,25	22	81,5	3,16	0,69
17:1. Высотно-продольный указатель	168	74,9	3,26	0,25	20	74,3	2,71	0,62
17:8. Высотно-поперечный указатель	168	91,6	4,35	0,34	20	91,1	3,12	0,71
9:8. Лобно-поперечный указатель .	173	67,7	3,27	0,25	22	67,8	2,47	0,54
9:10. Лобный указатель	172	80,1	3,47	0,26	22	81,0	2,93	0,64
9:12. Лобно-затылочный указатель .	138	87,2	4,90	0,42	19	88,4	3,40	0,80
Указатель высоты изгиба лобной кости	168	23,6	2,00	0,15	20	24,3	2,36	0,54
40. Длина основания лица	170	96,7	4,97	0,38	18	94,5	3,47	0,84
43. Верхняя ширина лица	177	104,5	4,00	0,30	22	101,2	3,35	0,73
45. Скуловая ширина	174	131,5	5,15	0,39	22	124,7	4,90	1,07
46. Средняя ширина лица	176	93,6	5,46	0,41	22	89,1	4,15	0,91

Таблица 54 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
47. Полная высота лица	122	117,3	6,92	0,63	7	112,4	7,48	3,05
48. Верхняя высота лица	173	70,0	4,02	0,31	19	67,0	4,48	1,06
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	177	20,3	2,32	0,17	22	19,5	2,59	0,57
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	177	42,4	2,15	0,16	22	40,9	1,75	0,32
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	162	39,6	2,14	0,17	22	38,5	1,79	0,39
52. Высота орбиты (лев.)	176	33,4	2,17	0,16	22	33,5	2,31	0,54
54. Ширина носа	177	24,8	1,93	0,15	22	24,2	1,90	0,41
55. Высота носа	177	51,2	2,79	0,21	22	48,6	2,66	0,58
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %								
Anthropina	147	83,5	—	—	20	91,0	—	—
Fossae praena- sales	28	15,9	—	—	1	4,5	—	—
Infantilis	1	0,6	—	—	1	4,5	—	—
Передненосовая ось (1—5 по Брока)	174	3,13	—	—	20	2,41	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	177	5,7	1,94	0,15	21	4,8	1,07	0,24
62. Длина нёба	162	44,5	3,03	0,24	16	42,6	2,68	0,69
63. Ширина нёба	119	39,1	2,97	0,27	12	38,3	1,76	0,53
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	177	97,7	3,77	0,28	22	94,7	3,44	0,75
10W sub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	177	18,2	2,35	0,18	22	17,4	2,08	0,45
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	176	95,3	5,58	0,42	22	89,1	4,55	0,99
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	175	24,7	2,72	0,25	22	22,2	2,69	0,59
DC. Дакриальная хорда	162	21,4	2,32	0,18	21	20,4	3,10	0,69
DS. Дакриальная высота	162	11,8	1,40	0,11	21	11,5	1,16	0,26
SC. Симотическая хорда	175	9,4	1,74	0,13	21	9,4	1,97	0,44
SS. Симотическая высота	175	4,7	1,35	0,10	21	4,1	1,05	0,23
72. Угол профиля лица общий	163	84,1	3,61	0,28	18	83,8	2,46	0,60
73. Угол профиля средней части лица	174	83,8	3,95	0,30	21	85,1	2,41	0,54
74. Угол профиля альвеолярной ча- сти лица	163	85,1	5,58	0,44	18	80,8	6,06	1,47
75. Угол носовых костей к горизон- тали	171	51,8	6,57	0,50	21	58,2	5,23	1,17
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	162	31,2	5,84	0,46	17	25,5	4,97	1,24
77. Назомалярный угол (fmo— п—fmo)	177	138,2	4,22	0,32	22	139,5	4,33	0,94
Зигомаксиллярный угол (zm'— ss—zm')	175	123,1	5,29	0,40	22	127,0	5,60	1,22
40:5. Указатель выступания лица	168	97,3	3,66	0,28	18	98,0	2,67	0,65
45:8. Горизонтальный фациоцереб- ральный указатель	171	90,3	3,65	0,28	22	90,0	2,83	0,62
48:17. Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	165	52,9	3,62	0,28	17	53,2	3,75	0,94
47:45. Общий лицевой указатель	120	90,1	5,14	0,47	7	86,0	5,40	2,20
48:45. Верхний лицевой указатель	170	53,8	3,28	0,25	19	53,2	3,21	0,76
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	176	78,4	5,09	0,38	22	81,5	3,23	0,70
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	162	83,5	5,40	0,42	22	86,6	5,39	1,18
54:55. Носовой указатель	177	48,8	4,13	0,31	22	49,9	5,07	1,11
63:62. Нёбный указатель	118	91,3	8,06	0,74	10	86,9	4,69	1,56

Таблица 54 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
DS:DC. Дакриальный указатель	162	59,9	8,46	0,66	21	56,8	8,36	1,87
SS:SC. Симогический указатель	175	50,0	11,40	0,86	21	45,1	9,62	2,15
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	171	19,8	2,79	0,21	21	19,9	2,34	0,52
65. Бикондилярная ширина	142	117,1	5,77	0,48	12	112,8	4,33	1,30
66. Бигониальная ширина	143	99,8	5,86	0,49	12	94,3	4,75	1,43
68. Длина нижней челюсти от углов	137	76,9	4,98	0,43	12	74,0	2,83	0,85
68(1). Длина нижней челюсти от мышечков	138	106,2	5,54	0,47	12	104,7	3,67	1,11
70. Высота ветви нижней челюсти	136	60,0	5,44	0,47	12	58,6	4,03	1,21
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	143	31,9	2,96	0,25	12	31,1	2,05	0,62
79. Угол ветви нижней челюсти	137	122,9	7,18	0,61	12	125,3	4,06	1,22
Угол выступания подбородка (inf—po)	122	69,1	6,78	0,61	9	64,0	2,24	0,79

Таблица 55

Средние размеры и указатели черепов русских Рязанской губернии (вятичи)

Пол	♂			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	23	176,9	7,25	1,53
8. Поперечный диаметр	23	142,9	4,56	0,97
17. Высотный диаметр (ba—br)	22	131,1	5,00	1,09
20. Высотный диаметр (po—br)	23	112,2	3,71	0,79
5. Длина основания черепа	21	99,1	4,44	0,99
9. Наименьшая ширина лба	23	95,5	5,49	1,17
10. Наибольшая ширина лба	23	119,1	5,51	1,17
11. Биангулярная ширина	23	123,6	4,98	1,06
12. Ширина затылка	16	109,7	3,98	1,02
29. Лобная хорда	23	108,7	3,86	0,82
Высота изгиба лобной кости	23	25,1	2,83	0,60
32. Угол лба (pa—me)	23	82,4	5,91	1,26
Угол лба (gl—me)	23	76,7	6,76	1,44
Общий вид сверху (по гма verticalis), %	Ellipsoides	1	4,3	—
	Ovoides	8	34,8	—
	Pentagonoides	3	13,0	—
	Rhomboides	2	8,7	—
	Sphenoides	8	34,8	—
Sphaeroides	1	4,4	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	23	2,61	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	23	2,13	—	—
8:1. Черепной указатель	23	80,9	4,45	0,95
17:1. Высотно-продольный указатель	22	74,1	4,00	0,87
17:8. Высотно-поперечный указатель	22	91,6	3,62	0,79
9:8. Лобно-поперечный указатель	23	66,8	2,91	0,62
9:10. Лобный указатель	23	80,3	3,29	0,70
9:12. Лобно-затылочный указатель	16	87,5	4,49	1,16
Указатель высоты изгиба лобной кости	23	23,1	2,40	0,51
40. Длина основания лица	20	95,7	4,94	1,13
43. Верхняя ширина лица	23	104,6	5,42	1,55
45. Скуловая ширина	22	132,0	6,00	1,31

Таблица 55 (окончание)

Пол	♂			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
Параметры				
46. Средняя ширина лица	23	92,8	4,63	0,99
47. Полная высота лица	20	120,3	7,89	1,81
48. Верхняя высота лица	22	70,5	4,48	0,98
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf) . .	23	19,9	2,32	0,49
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	23	43,4	2,26	0,48
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	22	40,0	1,71	0,37
52. Высота орбиты (лев.)	23	33,3	1,85	0,39
54. Ширина носа	23	25,0	1,46	0,31
55. Высота носа	23	50,9	3,22	0,69
Форма нижнего края гру- { Anthropina	18	78,3	—	—
шевидного отверстия, % { Fossae praenasales	5	21,7	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока) . .	22	3,23	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм) . .	23	5,4	1,56	0,33
62. Длина нёба	22	44,0	3,66	0,80
63. Ширина нёба	14	39,6	2,02	0,56
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo) . . .	23	97,3	4,82	1,03
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шири- ной	23	18,6	2,70	0,58
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm') . .	23	91,4	3,95	0,84
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	23	24,5	2,40	0,51
DC. Дакриальная хорда	21	21,1	2,29	0,51
DS. Дакриальная высота	21	12,4	1,12	0,25
SC. Симотическая хорда	23	8,9	1,72	0,37
SS. Симотическая высота	23	4,5	0,99	0,21
72. Угол профиля лица общий	22	84,2	2,80	0,61
73. Угол профиля средней части лица	23	83,6	3,63	0,77
74. Угол профиля альвеолярной части лица . .	22	86,3	3,31	0,72
75. Угол носовых костей к горизонтали	23	53,2	5,85	1,25
75(1). Угол носовых костей к линии профиля . .	22	31,2	4,80	1,05
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	23	138,1	4,73	1,01
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm') . .	23	123,2	4,45	0,95
40:5. Указатель выступания лица	20	96,7	3,43	0,79
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указа- тель	22	92,6	3,87	0,84
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указа- тель	21	54,7	3,90	0,87
47:45. Общий лицевой указатель	19	91,7	5,61	1,56
48:45. Верхний лицевой указатель	21	54,3	2,55	0,57
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	23	76,7	5,13	1,09
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	22	83,4	5,14	1,12
54:55. Носовой указатель	23	49,4	3,96	0,84
63:62. Нёбный указатель	14	94,6	8,63	2,67
DS:DC. Дакриальный указатель	21	59,4	7,97	1,78
SS:SC. Симотический указатель	23	51,3	8,95	1,86
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	23	18,2	2,26	0,48
65. Бикондилярная ширина	21	117,1	7,11	1,59
66. Бигониальная ширина	21	101,2	7,65	1,71
68. Длина нижней челюсти от углов	21	76,1	4,67	1,04
68(1). Длина нижней челюсти от мышечков . .	21	107,6	7,17	1,60
70. Высота ветви нижней челюсти	21	61,4	5,38	1,20
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	21	32,5	3,06	0,68
79. Угол ветви нижней челюсти	21	125,0	8,23	1,84
Угол выступания подбородка (inf—po) . .	20	68,7	5,52	1,27

Средние размеры и показатели черепов русских (Калужская губ.)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	S_x	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	27	180,2	6,61	1,30	8	175,4	3,53	1,33
8. Поперечный диаметр	27	142,6	4,82	0,95	8	139,4	3,24	1,22
17. Высотный диаметр (ba—br)	25	131,7	3,84	0,78	7	127,3	2,60	1,06
20. Высотный диаметр (po—br)	25	111,8	2,82	0,58	7	110,0	4,07	1,66
5. Длина основания черепа	27	100,7	5,22	1,02	8	94,8	4,21	1,59
9. Наименьшая ширина лба	27	97,7	4,30	0,84	8	96,0	3,00	1,13
10. Наибольшая ширина лба	27	121,0	4,71	0,92	8	117,4	3,53	1,33
11. Биангулярная ширина	27	124,1	5,41	1,06	8	118,4	3,60	1,36
12. Ширина затылка	17	110,0	3,36	0,84	6	108,2	2,11	0,94
29. Лобная хорда	27	110,3	4,19	0,82	7	109,5	3,93	1,60
Высота изгиба лобной кости	27	25,4	3,11	0,61	7	27,1	2,76	1,13
32. Угол лба (pa—me)	27	82,2	5,67	1,11	7	85,6	4,27	1,74
Угол лба (gl—me)	27	76,3	5,69	1,12	7	81,1	4,32	1,76
Общий вид { Ellipsoides	1	3,7	—	—	1	12,5	—	—
сверху (por- } Ovoides	10	37,0	—	—	2	25,0	—	—
ma vertica- } Pentagonoides	1	3,7	—	—	—	—	—	—
lis), % { Sphenoides	15	55,6	—	—	5	62,5	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	27	2,74	—	—	8	1,88	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	27	2,22	—	—	8	1,50	—	—
8:1. Черепной указатель	27	79,3	3,74	0,73	8	79,5	2,97	1,12
17:1. Высотно-продольный указатель	25	73,5	3,09	0,63	7	73,0	3,48	1,42
17:8. Высотно-поперечный указатель	25	92,8	4,06	0,83	7	91,3	5,49	2,24
9:8. Лобно-поперечный указатель	27	68,6	3,62	0,71	8	68,9	3,08	1,16
9:10. Лобный указатель	27	80,8	3,82	0,75	8	81,8	2,10	0,79
9:12. Лобно-затылочный указатель	17	88,6	3,79	0,95	6	89,3	2,29	1,02
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	27	23,0	2,61	0,51	7	24,7	2,03	0,83
40. Длина основания лица	22	97,7	5,79	1,26	6	90,2	3,29	1,47
43. Верхняя ширина лица	27	106,2	4,24	0,83	8	102,3	2,22	0,84
45. Скуловая ширина лица	27	132,8	5,17	1,01	8	125,0	5,45	2,06
46. Средняя ширина лица	27	93,6	4,91	0,96	8	91,1	4,57	1,72
47. Полная высота лица	5	120,4	5,31	2,66	—	—	—	—
48. Верхняя высота лица	21	71,7	3,61	0,81	6	64,8	2,03	0,91
50. Максиллофронтальная хорда (mi—mi)	27	19,8	2,97	0,58	8	19,7	1,80	0,68
51. Ширина орбиты от mi (лев.)	27	43,2	1,82	0,36	8	40,5	2,05	0,77
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	26	40,3	2,13	0,43	7	37,6	1,81	0,74
52. Высота орбиты (лев.)	27	33,1	2,43	0,48	8	32,5	1,44	0,54
54. Ширина носа	26	25,1	1,88	0,38	8	24,3	1,64	0,62
55. Высота носа	27	51,9	3,02	0,59	8	48,8	3,27	1,23
Форма нижнего { Anthropina	25	92,6	—	—	7	87,5	—	—
края грушевид- } Fossae praе- ного отверстия, % { nasales	2	7,4	—	—	1	12,5	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	24	2,63	—	—	7	2,71	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	27	6,5	1,86	0,36	8	4,9	1,01	0,38
62. Длина нёба	17	45,7	3,05	0,76	4	41,5	—	—
63. Ширина нёба	7	40,9	3,27	1,33	2	36,5	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	27	99,6	4,25	0,83	8	97,3	1,98	0,75

Таблица 56 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	27	19,4	2,28	0,45	8	17,4	2,49	0,94
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	27	93,7	4,71	0,92	8	91,4	4,59	1,73
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	26	24,3	3,05	0,61	7	23,1	3,39	1,38
DC. Дакриальная хорда	26	21,2	2,53	0,51	7	21,5	1,08	0,44
DS. Дакриальная высота	26	12,9	1,41	0,28	7	11,0	1,29	0,53
SC. Симотическая хорда	26	9,7	1,93	0,37	7	8,5	1,24	0,51
SS. Симотическая высота	26	4,9	1,11	0,22	7	3,6	0,55	0,22
72. Угол профиля лица общий	20	84,2	2,64	0,61	3	84,3	—	—
73. Угол профиля средней части лица	26	85,1	3,09	0,62	7	85,4	1,76	0,72
74. Угол профиля альвеолярной части лица	19	83,6	4,99	1,18	3	83,3	—	—
75. Угол носовых костей к горизонтали	24	54,6	6,41	1,34	7	58,0	3,93	1,60
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	19	30,4	6,18	1,46	3	25,7	—	—
77. Назомалярный угол (fmo—п—fmo)	27	137,3	4,07	0,80	8	140,4	5,00	1,89
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	26	124,8	5,46	1,09	7	126,0	5,45	2,22
40:5. Указатель выступания лица	22	96,8	4,04	0,88	6	96,7	3,06	1,37
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	27	93,2	4,10	0,80	8	89,7	4,44	1,68
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	19	54,2	2,94	0,69	6	51,6	4,05	1,81
47:45. Общий лицевой указатель	5	90,7	7,33	3,67	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	21	53,9	3,23	0,72	6	52,7	3,73	1,67
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	27	76,8	5,09	1,00	8	80,4	4,23	1,60
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	26	82,0	5,58	1,12	7	86,6	3,57	1,46
54:55. Носовой указатель	26	48,5	3,75	0,75	8	49,9	4,37	1,65
63:62. Нёбный указатель	7	91,6	9,54	3,89	2	89,1	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	26	61,6	10,07	2,01	7	51,2	6,28	2,56
SS:SC. Симотический указатель	26	51,5	12,80	2,56	7	42,4	6,01	2,45
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	24	20,0	1,98	0,41	8	20,5	2,99	1,13
65. Бикондилярная ширина	13	121,5	6,69	1,93	6	115,2	5,98	2,67
66. Бигониальная ширина	13	103,2	5,89	1,70	6	96,5	5,82	2,60
68. Длина нижней челюсти от углов	13	79,5	5,17	1,49	6	75,2	3,43	1,53
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	13	107,5	4,50	1,30	6	100,0	2,76	1,23
70. Высота ветви нижней челюсти	13	61,1	3,99	1,15	6	55,0	3,35	1,50
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	13	31,7	2,49	0,72	6	28,7	3,25	1,45
79. Угол ветви нижней челюсти	13	121,2	6,91	2,00	6	123,5	4,64	2,07
Угол выступания подбородка (inf—po)	10	67,4	7,82	2,61	3	68,3	—	—

Средние размеры и указатели черепов русских (Тульская губ.)

Пол	♂				♀	
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
1. Продольный диаметр	10	177,6	6,31	2,10	1	175,0
8. Поперечный диаметр	10	142,6	2,88	0,96	1	131,0
17. Высотный диаметр (ba—br)	10	134,3	4,27	1,42	1	123,0
20. Высотный диаметр (po—br)	10	113,8	2,79	0,93	1	102,0
5. Длина основания черепа	10	100,5	3,11	1,04	1	97,0
9. Наименьшая ширина лба	10	97,5	3,32	1,11	1	93,0
10. Наибольшая ширина лба	10	120,9	3,78	1,26	1	114,0
11. Бианрикулярная ширина	10	123,0	7,03	2,34	1	116,0
12. Ширина затылка	9	110,9	4,58	1,62	1	102,0
29. Лобная хорда	10	109,2	5,24	1,75	1	106,5
Высота изгиба лобной кости	10	24,8	2,72	0,91	1	27,0
32. Угол лба (pa—me)	10	84,3	3,98	1,33	1	87,0
Угол лба (gl—me)	10	78,8	4,17	1,39	1	83,0
Общий вид сверху { Ovoides	4	40,0	—	—	1	100,0
(nogma verticalis), { Pentagonoides	1	10,0	—	—	—	—
% { Sphenoides	3	30,0	—	—	—	—
{ Sphaeroides	2	20,0	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	10	2,60	—	—	1	2,00
Сосцевидный отросток (1—3)	10	1,90	—	—	1	2,00
8:1. Черепной указатель	10	80,6	3,44	1,15	1	74,9
17:1. Высотно-продольный указатель	10	75,7	3,39	1,13	1	70,3
17:8. Высотно-поперечный указатель	10	94,0	2,29	0,76	1	93,9
9:8. Лобно-поперечный указатель	10	68,4	1,77	0,59	1	71,0
9:10. Лобный указатель	10	80,7	2,41	0,80	1	81,6
9:12. Лобно-затылочный указатель	9	88,4	3,55	1,25	1	91,2
Указатель высоты изгиба лобной ко- сти	10	22,7	1,74	0,58	1	25,4
40. Длина основания лица	7	98,6	2,20	0,90	1	91,0
43. Верхняя ширина лица	10	104,1	1,70	0,57	1	103,0
45. Скуловая ширина	10	131,3	5,08	1,69	1	126,0
46. Средняя ширина лица	9	91,6	4,90	1,73	—	—
47. Полная высота лица	1	124,0	—	—	—	—
48. Верхняя высота лица	6	69,3	2,49	1,11	1	64,0
50. Максиллофронтальная хорда (mf— mf)	10	19,5	2,01	0,67	1	19,0
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	10	42,5	1,24	0,41	1	41,5
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	9	39,8	1,27	0,45	1	40,0
52. Высота орбиты (лев.)	10	33,2	2,14	0,71	1	33,5
54. Ширина носа	10	24,6	0,92	0,31	1	24,0
55. Высота носа	10	51,4	2,01	0,67	1	48,0
Форма нижнего края { Anthropina	7	77,8	—	—	—	—
грушевидного от- { Fossae praena- верстия, %	2	22,2	—	—	1	100,0
Передненосовая ость (1—5 по Брока) Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	9	3,00	—	—	1	2,00
62. Длина нёба	8	5,6	1,63	0,62	1	6,5
63. Ширина нёба	3	38,7	—	—	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	10	97,8	2,14	0,71	1	97,5
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	10	18,2	2,67	0,89	1	18,5
Зигомаксиллярная ширина (zm'— zm')	9	92,1	3,82	1,35	—	—

Таблица 57 (окончание)

Пол	♂				♀	
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	6	23,1	2,07	0,92	—	—
DC. Дакриальная хорда	9	20,9	2,31	0,82	1	18,4
DS. Дакриальная высота	9	12,8	1,14	0,40	1	11,2
SC. Симотическая хорда	10	9,0	1,65	0,55	1	8,6
SS. Симотическая высота	10	4,4	0,91	0,30	1	3,5
72. Угол профиля лица общий	6	84,3	2,36	1,05	1	85,0
73. Угол профиля средней части лица	9	84,6	3,50	1,24	1	88,0
74. Угол профиля альвеолярной части лица	6	84,2	3,97	1,77	1	74,0
75. Угол носовых костей к горизонтали	10	54,1	5,45	1,82	1	62,0
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	6	30,0	3,92	1,75	1	23,0
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	10	139,3	5,35	1,78	1	138,0
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	6	127,2	3,13	1,40	—	—
40:5. Указатель выступа лица	7	97,7	2,95	1,21	1	93,8
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	10	91,9	3,23	1,08	1	96,2
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	6	52,0	2,28	1,02	1	52,0
47:45. Общий лицевой указатель	1	95,4	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	6	53,4	1,87	0,83	1	50,8
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	10	79,0	5,51	1,84	1	81,4
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	9	82,6	4,89	1,73	1	83,8
54:55. Носовой указатель	10	48,0	3,06	1,02	1	50,0
63:62. Нёбный указатель	3	88,8	—	—	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	9	62,2	10,10	3,57	1	60,9
SS:SC. Симотический указатель	10	50,6	12,65	4,22	1	40,7
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	9	19,5	3,14	1,11	1	25,7
65. Бикондилярная ширина	5	120,2	5,85	2,92	—	—
66. Бигониальная ширина	5	100,8	5,76	2,88	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	5	80,8	2,77	1,39	—	—
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	5	106,4	4,39	2,20	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	5	61,8	6,69	3,34	—	—
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	5	33,5	2,15	1,08	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	5	119,6	6,84	3,42	—	—
Угол выступа подбородка (inf—po)	3	66,0	—	—	—	—

Таблица 58

Средние размеры и указатели черепов русских южных районов (преимущественно кривичи)

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	37	179,4	6,82	1,12	9	175,3	3,33	1,18
8. Поперечный диаметр	37	142,7	4,40	0,72	9	138,4	4,03	1,42
17. Высотный диаметр (ba—br)	35	132,5	4,39	0,74	8	126,8	6,12	2,31
20. Высотный диаметр (po—br)	35	112,5	3,04	0,51	8	109,0	4,64	1,75
5. Длина основания черепа	37	100,8	4,14	0,68	9	95,0	4,03	1,42
9. Наименьшая ширина лба	37	97,7	4,22	0,69	9	95,7	2,98	1,05
10. Наибольшая ширина лба	37	121,0	4,55	0,75	9	117,0	3,50	1,14

Таблица 58 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
11. Биорикулярная ширина . . .	37	123,8	5,82	0,96	9	118,1	3,48	1,23	
12. Ширина затылка	26	110,3	3,85	0,77	7	107,3	2,91	1,19	
29. Лобная хорда	37	110,2	4,58	0,75	8	109,1	3,81	1,44	
Высота изгиба лобной кости . . .	37	25,3	3,05	0,50	8	27,1	2,58	0,97	
32. Угол лба (па—ме)	37	82,9	5,34	0,88	8	85,8	4,02	1,52	
Угол лба (gl—me)	37	77,0	5,51	0,91	8	81,4	4,09	1,54	
Общий вид сверху (пог- та vertica- lis), %	Ellipsoides . . .	1	2,7	—	—	1	11,1	—	—
	Ovoides	14	37,8	—	—	3	33,3	—	—
	Pentagonoides . . .	2	5,4	—	—	—	—	—	—
	Sphenoides . . .	18	48,7	—	—	5	55,6	—	—
	Sphaeroides . . .	2	5,4	—	—	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	37	2,70	—	—	9	1,89	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3) . . .	37	2,14	—	—	9	1,56	—	—	
8.1. Черепной указатель	37	79,6	3,86	0,63	9	79,0	3,16	1,12	
17:1. Высотно-продольный указатель	35	74,2	3,38	0,57	8	72,6	3,36	1,27	
17:8. Высотно-поперечный указатель	35	93,2	3,84	0,65	8	91,6	5,21	1,97	
9:8. Лобно-поперечный указатель . .	37	68,6	3,21	0,53	9	69,2	2,98	1,05	
9:10. Лобный указатель	37	80,8	3,64	0,60	9	81,8	1,98	0,70	
9:12. Лобно-затылочный указатель . .	26	88,5	3,71	0,74	7	89,5	2,22	0,91	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	37	23,0	2,36	0,39	8	24,8	1,92	0,72	
40. Длина основания лица	29	97,8	5,23	0,99	7	90,3	3,06	1,25	
43. Верхняя ширина лица	37	105,5	3,82	0,63	9	102,3	2,11	0,75	
45. Скуловая ширина	37	132,3	5,12	0,84	9	125,1	5,15	1,82	
46. Средняя ширина лица	36	93,0	5,17	0,86	8	91,1	4,57	1,72	
47. Полная высота лица	6	121,0	5,03	2,25	—	—	—	—	
48. Верхняя высота лица	27	71,2	3,54	0,69	7	64,7	1,91	0,78	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	37	19,7	2,80	0,46	9	19,6	1,71	0,60	
51. Ширина орбиты от mf (лев.) . . .	37	42,8	1,65	0,27	9	40,6	1,95	0,69	
51a. Ширина орбиты от d (лев.) . . .	35	40,2	1,97	0,33	8	37,9	1,86	0,70	
52. Высота орбиты (лев.)	37	33,1	2,33	0,38	9	32,6	1,39	0,49	
54. Ширина носа	36	24,9	1,68	0,28	9	24,2	1,55	0,55	
55. Высота носа	37	51,9	2,97	0,49	9	48,7	3,09	1,09	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	32	Anthropina . . .	88,9	—	—	7	77,8	—	—
Fossae prae- nasales		4	11,1	—	—	2	22,2	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	33	2,73	—	—	8	2,63	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	35	6,3	1,85	0,31	9	5,1	1,08	0,38	
62. Длина нёба	23	45,3	2,77	0,59	5	41,2	2,14	1,07	
63. Ширина нёба	10	40,2	3,63	1,21	2	36,5	—	—	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	37	99,3	3,84	0,63	9	97,3	1,87	0,66	
IOW sub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	37	19,0	2,51	0,41	9	17,6	2,37	0,84	
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	36	93,4	4,59	0,77	7	91,4	4,59	1,73	
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	32	23,9	2,91	0,51	7	23,1	3,39	1,38	
DC. Дакриальная хорда	35	21,1	2,44	0,41	8	21,1	1,44	0,54	
DS. Дакриальная высота	35	12,9	1,37	0,23	8	11,0	1,21	0,46	

Т а б л и ц а 58 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
SC. Симотическая хорда	36	9,6	1,88	0,31	8	8,5	1,16	0,44
SS. Симотическая высота	36	4,7	1,11	0,19	8	3,6	0,50	0,19
72. Угол профиля лица общий	26	84,2	2,58	0,52	4	84,5	—	—
73. Угол профиля средней части лица	35	85,0	3,91	0,66	8	85,8	1,85	0,70
74. Угол профиля альвеолярной части лица	25	83,8	4,60	0,94	4	81,0	—	—
75. Угол носовых костей к горизонтали	34	54,5	6,02	1,03	8	59,0	3,39	1,28
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	25	30,3	5,72	1,17	4	25,0	—	—
77. Назомаллярный угол (fpo—p—fmo)	37	137,7	4,37	0,72	9	140,1	4,77	1,69
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	32	125,4	5,28	0,93	7	126,0	5,45	2,22
40:5. Указатель выступания лица	29	97,0	3,82	0,72	7	96,3	3,01	1,23
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	37	93,0	3,93	0,65	9	90,4	4,66	1,65
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	25	53,7	2,94	0,60	7	51,7	3,73	1,52
47:45. Общий лицевой указатель	6	91,5	6,91	2,82	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	27	53,8	2,99	0,59	7	52,5	3,52	1,44
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	37	77,4	5,36	0,88	9	80,5	4,00	1,41
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	35	82,3	5,55	0,94	8	86,3	3,47	1,31
54:55. Носовой указатель	36	48,2	3,71	0,62	9	49,9	4,00	1,41
63:62. Нёбный указатель	10	90,7	9,56	3,19	2	89,1	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	35	61,6	10,14	1,71	8	52,4	6,69	2,52
SS:SC. Симотический указатель	36	51,3	13,20	2,20	8	42,2	5,65	2,13
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	33	19,9	2,27	0,40	9	21,1	3,25	1,15
65. Бикондилярная ширина	18	121,2	6,32	1,53	6	115,2	5,98	2,67
66. Бигониальная ширина	18	102,5	5,89	1,43	6	96,5	5,82	2,60
68. Длина нижней челюсти от углов	18	79,9	4,59	1,11	6	75,2	3,43	1,53
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	18	107,2	4,45	1,08	6	100,0	2,76	1,23
70. Высота ветви нижней челюсти	18	61,3	4,64	1,13	6	55,0	3,35	1,50
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	18	32,2	2,49	0,60	6	28,7	3,25	1,45
79. Угол ветви нижней челюсти	18	121,9	6,86	1,67	6	123,5	4,64	2,07
Угол выступания подбородка (inf—po)	13	67,1	7,02	2,03	3	68,3	—	—

Т а б л и ц а 59

Средние размеры и указатели черепов русских (Вятская губ.) ♂

Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	10	179,5	8,96	2,99
8. Поперечный диаметр	10	145,7	6,81	2,27
17. Высотный диаметр (ba—br)	8	135,1	7,82	2,95
20. Высотный диаметр (po—br)	8	115,1	5,99	2,26
5. Длина основания черепа	10	100,0	4,12	1,37
9. Наименьшая ширина лба	10	97,1	4,44	1,48

Таблица 59 (продолжение)

Параметры	n	\bar{x}	s	$\frac{s}{\bar{x}}$
10. Наибольшая ширина лба	10	122,2	7,35	2,45
11. Биангулярная ширина	10	125,7	5,87	1,96
12. Ширина затылка	6	111,3	3,52	1,57
29. Лобная хорда	8	111,1	5,16	1,95
Высота изгиба лобной кости	8	26,4	3,08	1,16
32. Угол лба (па—ме)	9	84,9	6,49	2,29
Угол лба (gl—me)	9	77,8	5,76	2,04
Общий вид сверху { Ovoides	3	30,0	—	—
(погта verticalis), % { Sphenoides	7	70,0	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	10	3,00	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	10	2,70	—	—
8:1. Черепной указатель	10	81,3	4,93	1,64
17:1. Высотно-продольный указатель	8	75,8	3,72	1,40
17:8. Высотно-поперечный указатель	8	92,6	4,59	1,73
9:8. Лобно-поперечный указатель	10	66,7	2,64	0,88
9:10. Лобный указатель	10	79,6	2,98	0,99
9:12. Лобно-затылочный указатель	6	86,0	4,89	2,18
Указатель высоты изгиба лобной кости	8	23,7	1,85	0,70
40. Длина основания лица	10	96,0	3,39	1,13
43. Верхняя ширина лица	10	104,4	3,39	1,13
45. Скуловая ширина	10	133,9	5,97	1,99
46. Средняя ширина лица	10	95,7	3,39	1,13
47. Полная высота лица	5	121,6	3,37	1,69
48. Верхняя высота лица	10	72,1	2,07	0,69
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	10	19,5	2,55	0,85
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	10	41,5	0,98	0,33
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	10	38,9	1,24	0,41
52. Высота орбиты (лев.)	10	32,2	1,39	0,46
54. Ширина носа	10	24,4	1,17	0,39
55. Высота носа	10	52,2	2,43	0,81
Форма нижнего края гру- { Anthropina	9	90,0	—	—
шевидного отверстия, % { Fossae praenasale	1	10,0	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	9	2,78	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	10	4,7	1,68	0,56
62. Длина нёба	10	43,9	2,02	0,67
63. Ширина нёба	9	39,8	1,99	0,70
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	10	97,2	3,32	1,11
IOW ₁ sub. Высота назиона над биорбитальной шири- ной	10	17,4	2,19	0,73
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	10	94,8	4,33	1,44
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	10	24,4	1,85	0,62
DC. Дакриальная хорда	10	20,7	2,83	0,94
DS. Дакриальная высота	10	11,8	1,49	0,50
SC. Симотическая хорда	10	8,7	1,44	0,48
SS. Симотическая высота	10	4,2	1,24	0,41
72. Угол профиля лица общий	10	85,7	3,26	1,09
73. Угол профиля средней части лица	10	86,1	3,30	1,10
74. Угол профиля альвеолярной части лица	10	84,3	4,62	1,54
75. Угол носовых костей к горизонтали	10	57,5	5,36	1,79
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	10	28,2	3,00	1,00
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	10	140,7	3,93	1,31
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	10	125,5	3,71	1,24

Таблица 59 (окончание)

Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
40:5. Указатель выступления лица	10	96,0	2,65	0,88
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	10	92,0	3,21	1,07
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	8	53,2	3,54	1,34
47:45. Общий лицевой указатель	5	90,7	3,80	1,90
48:45. Верхний лицевой указатель	10	53,9	2,36	0,79
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	10	77,7	3,52	1,17
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	10	82,8	2,76	0,92
54:55. Носовой указатель	10	46,8	2,06	0,69
63:62. Нёбный указатель	9	90,9	2,75	0,97
DS:DC. Дакриальный указатель	10	57,9	11,88	3,96
SS:SC. Симотический указатель	10	48,0	13,94	4,65
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	10	19,0	3,12	1,04
65. Бикондилярная ширина	9	119,6	6,65	2,35
66. Бигонимальная ширина	9	102,4	5,31	1,88
68. Длина нижней челюсти от углов	1	84,0	—	—
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	1	99,0	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	1	66,0	—	—
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	9	32,8	3,19	1,13
79. Угол ветви нижней челюсти	1	108,0	—	—
Угол выступления подбородка (inf — po)	1	75,0	—	—

Таблица 60

Средние размеры и указатели черепов русских (Казань) ♂

Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	7	183,0	6,33	2,58
8. Поперечный диаметр	7	141,7	4,07	1,66
17. Высотный диаметр (ba—br)	4	130,0	—	—
20. Высотный диаметр (po—br)	4	114,0	—	—
5. Длина основания черепа	7	102,0	4,62	1,89
9. Наименьшая ширина лба	7	94,9	4,60	1,88
10. Наибольшая ширина лба	5	115,2	5,72	2,86
11. Биангулярная ширина	7	124,1	5,70	2,33
12. Ширина затылка	6	112,0	3,36	1,50
29. Лобная хорда	4	109,1	—	—
Высота изгиба лобной кости	4	24,8	—	—
32. Угол лба (na—me)	5	81,4	3,65	1,83
Угол лба (gl—me)	5	74,4	2,61	1,31
Общий вид сверху { Ovoides	5	71,4	—	—
(пога verticalis), % { Sphenoides	2	28,6	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	7	3,57	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	7	2,57	—	—
8:1. Черепной указатель	7	77,5	3,61	1,47
17:1. Высотно-продольный указатель	4	72,3	—	—
17:8. Высотно-поперечный указатель	4	92,7	—	—
9:8. Лобно-поперечный указатель	7	66,9	2,40	0,98
9:10. Лобный указатель	5	82,0	3,16	1,58
9:12. Лобно-затылочный указатель	6	83,7	4,28	1,91

Таблица 60 (окончание)

Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
Указатель высоты изгиба лобной кости	4	22,7	—	—
40. Длина основания лица	7	101,0	5,66	2,31
43. Верхняя ширина лица	7	104,7	3,68	1,50
45. Скуловая ширина	7	133,4	5,03	2,05
46. Средняя ширина лица	7	95,0	5,78	2,36
47. Полная высота лица	4	117,8	—	—
48. Верхняя высота лица	7	70,6	5,48	2,24
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	7	18,6	1,77	0,72
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	7	41,4	1,24	0,51
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	7	39,0	1,38	0,56
52. Высота орбиты (лев.)	7	32,6	1,60	0,65
54. Ширина носа	7	24,6	1,13	0,46
55. Высота носа	7	52,3	3,90	1,59
Форма нижнего края гру- { Antropina	6	85,7	—	—
шевидного отверстия, % { Fossae praenasales	1	14,3	—	—
Переденосовая ость (1—5 по Брока)	7	2,86	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	7	5,9	1,87	0,76
62. Длина нёба	7	45,6	2,07	0,85
63. Ширина нёба	7	41,1	3,28	1,34
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	7	98,0	2,76	1,13
IOWsub. Высота назиона над биорбитальной шириной	7	18,5	2,11	0,86
Загомаксиллярная ширина (zm'—zm')	7	95,1	4,14	1,69
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	7	25,7	3,03	1,24
DC. Дакриальная хорда	6	20,2	2,02	0,90
DS. Дакриальная высота	6	12,7	0,95	0,42
SC. Симотическая хорда	6	7,3	1,18	0,53
SS. Симотическая высота	6	4,3	0,59	0,26
72. Угол профиля лица общий	7	84,4	3,26	1,33
73. Угол профиля средней части лица	7	84,6	3,55	1,45
74. Угол профиля альвеолярной части лица	7	83,9	4,03	1,64
75. Угол носовых костей к горизонтали	6	50,7	6,47	2,89
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	6	33,7	6,34	2,83
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	7	138,9	4,42	1,80
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	7	122,7	5,38	2,20
40:5. Указатель выступания лица	7	99,0	3,54	1,44
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	7	94,2	3,90	1,59
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	4	53,6	—	—
47:45. Общий лицевой указатель	4	88,3	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	7	53,6	3,81	1,56
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	7	78,8	2,61	1,07
53:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	7	83,7	3,55	1,45
54:55. Носовой указатель	7	47,2	3,77	1,54
63:62. Нёбный указатель	7	90,6	9,64	3,93
DS:DC. Дакриальный указатель	6	63,1	5,34	2,38
SS:SC. Симотический указатель	6	60,3	13,23	5,91
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	7	23,1	2,25	0,92
65. Бикондилярная ширина	7	117,1	7,97	3,25
66. Бигонимальная ширина	7	102,4	9,49	3,87
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	7	31,8	2,29	0,93

Средние размеры и указатели черепов русских (Пензенская губ.)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$
	1. Продольный диаметр	12	180,6	9,02	2,72	5	171,6	4,17	2,09
	8. Поперечный диаметр	12	144,6	6,14	1,85	5	140,8	5,03	2,52
	17. Высотный диаметр (ba—br)	10	136,8	5,75	1,92	5	126,6	7,25	3,63
	20. Высотный диаметр (po—br)	10	116,5	5,15	1,72	5	109,6	4,40	2,20
	5. Длина основания черепа	12	101,9	6,16	1,86	5	95,0	4,31	2,16
	9. Наименьшая ширина лба	12	97,4	3,76	1,13	5	98,4	4,62	2,31
	10. Наибольшая ширина лба	12	121,1	7,26	2,19	5	116,0	5,35	2,68
	11. Биаурикулярная ширина	12	125,0	6,12	1,84	5	115,4	3,21	1,61
	12. Ширина затылка	9	111,4	4,56	1,61	4	108,5	—	—
	29. Лобная хорда	11	112,2	5,31	1,68	5	104,8	3,55	1,78
	Высота изгиба лобной кости	11	25,5	2,55	0,81	5	23,8	1,49	0,75
	32. Угол лба (pa—me)	12	85,2	4,69	1,41	4	85,8	—	—
	Угол лба (gl—me)	12	79,2	5,57	1,68	4	80,8	—	—
	Общий вид сворухи (по- та verticalis), %								
	Ovoides	3	25,0	—	—	1	20,0	—	—
	Pentagonoides	1	8,3	—	—	1	20,0	—	—
	Rhomboides	2	16,7	—	—	—	—	—	—
	Sphenoides	5	41,7	—	—	3	60,0	—	—
	Sphacroides	1	8,3	—	—	—	—	—	—
	Надбровье (1—6 по Мартину)	12	3,00	—	—	5	1,80	—	—
	Сосцевидный отросток (1—3)	12	2,08	—	—	5	2,20	—	—
	8:1. Черепной указатель	12	80,2	4,37	1,32	5	82,1	3,35	1,68
	17:1. Высотно-продольный указатель	10	76,0	2,13	0,71	5	73,7	3,08	1,54
	17:8. Высотно-поперечный указатель	10	94,7	3,47	1,16	5	90,1	6,74	3,37
	9:8. Лобно-поперечный указатель	12	67,4	4,62	1,29	5	69,9	3,29	1,65
	9:10. Лобный указатель	12	80,6	2,96	0,89	5	84,9	2,89	1,45
	9:12. Лобно-затылочный указатель	9	87,3	3,05	1,08	4	89,2	—	—
	Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	11	22,7	1,58	0,50	5	22,7	1,14	0,57
	40. Длина основания лица	12	101,0	3,82	1,15	3	96,7	—	—
	43. Верхняя ширина лица	12	105,2	5,50	1,66	4	103,8	—	—
	45. Скуловая ширина	12	132,3	2,13	0,64	5	124,6	1,68	0,84
	46. Средняя ширина лица	12	94,5	6,98	2,10	4	96,5	—	—
	47. Полная высота лица	9	117,0	5,57	1,97	2	116,0	—	—
	48. Верхняя высота лица	12	69,8	3,43	1,03	4	66,0	—	—
	50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	12	20,2	1,97	0,59	5	20,0	1,66	0,83
	51. Ширина орбиты от mf (лев.)	12	41,4	2,21	0,67	5	40,4	1,25	0,63
	51a. Ширина орбиты от d (лев.)	12	38,9	2,00	0,60	4	37,5	—	—
	52. Высота орбиты (лев.)	12	31,3	2,06	0,62	5	31,5	1,00	0,50
	54. Ширина носа	12	24,3	2,45	0,74	5	24,0	1,58	0,79
	55. Высота носа	12	49,2	3,86	1,16	5	47,2	2,39	1,19
	Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %								
	Anthropina	7	58,3	—	—	4	100,0	—	—
	Fossae praen- asales	5	41,7	—	—	—	—	—	—
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	12	2,67	—	—	4	2,25	—	—
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	12	6,2	2,04	0,61	5	5,3	1,61	0,81
	62. Длина нёба	12	46,7	3,21	0,97	3	46,7	—	—
	63. Ширина нёба	5	41,6	2,71	1,36	4	39,3	—	—
	43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	12	98,7	5,27	1,59	5	97,2	3,22	1,61

Таблица 61 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	S_x	n	\bar{x}	s	S_x
IOWsub.	Высота назиона над биорбитальной шириной	12	18,1	2,79	0,84	5	18,5	2,27	1,14
	Зигмаксиллярная ширина (zm—zm')	12	94,6	7,01	2,11	5	94,0	6,19	3,10
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	12	23,3	2,67	0,80	5	22,0	4,55	2,28
DC.	Дакриальная хорда	12	21,3	2,14	0,64	4	22,8	—	—
DS.	Дакриальная высота	12	12,5	1,52	0,46	4	12,3	—	—
SC.	Симотическая хорда	12	9,5	1,38	0,42	5	10,0	1,21	0,61
SS.	Симотическая высота	12	4,7	1,37	0,41	5	4,6	1,43	0,72
72.	Угол профиля лица общий	12	84,0	2,62	0,79	3	82,7	—	—
73.	Угол профиля средней части лица	12	84,4	3,88	1,17	4	85,5	—	—
74.	Угол профиля альвеолярной части лица	12	83,3	6,05	1,82	3	79,3	—	—
75.	Угол носовых костей к горизонтали	11	53,6	8,10	2,56	5	57,2	6,92	3,46
75(1).	Угол носовых костей к линии профиля	11	30,3	8,01	2,53	3	24,3	—	—
77.	Назональный угол (fmo—p—fmo)	12	139,7	4,44	1,34	5	138,2	3,84	1,92
	Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	12	127,1	6,85	2,06	5	129,5	7,20	3,60
40:5.	Указатель выступания лица	12	99,3	3,73	1,12	3	100,0	—	—
45:8.	Горизонтальный фациоцеребральный указатель	12	91,5	4,17	1,26	5	88,5	2,21	1,11
48:17.	Вертикальный фациоцеребральный указатель	10	50,9	3,25	1,08	4	52,2	—	—
47:45.	Общий лицевой указатель	9	89,0	3,99	1,41	2	93,2	—	—
48:45.	Верхний лицевой указатель	12	52,9	4,29	1,29	4	52,7	—	—
52:51.	Орбитный указатель от mf (лев.)	12	75,6	5,95	1,79	5	78,1	4,20	2,10
52:51a.	Орбитный указатель от d (лев.)	12	80,5	6,55	1,97	4	83,0	—	—
54:55.	Носовой указатель	12	49,7	5,52	1,66	5	51,0	4,79	2,40
63:62.	Нёбный указатель	5	89,9	7,40	3,70	3	85,0	—	2,40
DS:DC.	Дакриальный указатель	12	58,9	7,57	2,28	4	53,9	—	—
SS:SC.	Симотический указатель	12	48,7	12,21	3,68	5	46,5	13,92	6,96
	Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	10	21,8	2,76	0,92	5	20,7	2,98	1,49
65.	Бикондилярная ширина	11	117,9	7,75	2,45	4	111,2	—	—
66.	Бигониальная ширина	11	102,5	6,77	2,14	4	91,0	—	—
68.	Длина нижней челюсти от углов	11	80,9	5,70	1,80	4	76,8	—	—
68(1).	Длина нижней челюсти от мышелков	11	108,2	6,40	2,03	4	105,2	—	—
70.	Высота ветви нижней челюсти	11	60,4	6,18	1,96	4	55,5	—	—
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	11	34,5	3,94	1,25	4	32,5	—	—
79.	Угол ветви нижней челюсти	11	119,8	6,74	2,13	4	120,5	—	—
	Угол выступания подбородка (inf—po)	10	71,8	5,49	1,83	2	74,0	—	—

Средние размеры и указатели черепов русских (Орловская губ.)

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
1. Продольный диаметр	32	182,0	7,07	1,25	4	174,5	
8. Поперечный диаметр	32	144,2	5,80	1,02	4	145,8	
17. Высотный диаметр (ba—br)	27	131,6	6,78	1,33	3	122,3	
20. Высотный диаметр (po—br)	28	114,1	4,41	0,85	3	107,0	
5. Длина основания черепа	31	101,1	4,81	0,86	4	95,8	
9. Наименьшая ширина лба	32	97,2	3,54	0,63	4	96,2	
10. Наибольшая ширина лба	30	120,8	4,63	0,84	4	117,5	
11. Биангулярная ширина	32	124,6	4,74	0,84	4	126,5	
12. Ширина затылка	18	109,6	4,89	1,19	4	107,8	
29. Лобная хорда	28	112,0	5,42	1,04	3	104,2	
Высота изгиба лобной кости	28	25,2	2,42	0,47	3	24,7	
32. Угол лба (pa—me)	29	82,8	3,50	0,66	4	83,3	
Угол лба (gl—me)	29	76,1	2,96	0,56	4	78,8	
Общий вид сверху (погма verticalis), %	Ellipsoides	1	3,2	—	—	—	
	Ovoides	14	45,2	—	—	1	25,0
	Pentagonoides	3	9,7	—	—	—	
	Rhomboides	1	3,2	—	—	—	
	Sphenoides	12	38,7	—	—	3	75,0
Надбровье (1—6 по Мартину)	32	2,97	—	—	4	1,75	
Сосцевидный отросток (1—3)	32	2,34	—	—	4	1,75	
8:1. Черепной указатель	32	79,3	3,66	0,65	4	83,2	
17:1. Высотно-продольный указатель	27	72,4	3,27	0,64	3	69,9	
17:8. Высотно-поперечный указатель	27	91,5	5,40	1,06	3	85,5	
9:8. Лобно-поперечный указатель	32	67,9	2,78	0,49	4	66,4	
9:10. Лобный указатель	30	81,3	2,89	0,53	4	81,9	
9:12. Лобно-затылочный указатель	18	89,5	3,41	0,83	4	89,3	
Указатель высоты изгиба лобной ко- сти	28	22,5	1,48	0,28	3	23,6	
40. Длина основания лица	25	98,3	5,84	1,19	3	96,3	
43. Верхняя ширина лица	31	106,9	3,42	0,61	4	102,2	
45. Скуловая ширина	31	134,9	3,98	0,71	4	131,0	
46. Средняя ширина лица	30	95,0	5,27	0,98	4	90,8	
47. Полная высота лица	1	113,0	—	—	—	—	
48. Верхняя высота лица	25	69,6	3,99	0,81	4	69,5	
50. Максиллофронтальная хорда (mf— pf)	32	19,7	2,18	0,39	4	18,4	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	32	42,8	1,62	0,29	4	42,5	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	31	40,1	1,44	0,26	4	39,1	
52. Высота орбиты (лев.)	32	32,1	2,43	0,43	4	33,8	
54. Ширина носа	28	25,5	2,07	0,40	3	24,3	
55. Высота носа	32	50,9	3,36	0,59	4	50,2	
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	28	87,5	—	—	3	75,0
Fossae praepa- sales	4	12,5	—	—	1	25,0	
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	29	2,69	—	—	4	2,25	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	29	5,8	2,07	0,39	3	6,0	
62. Длина нёба	22	45,4	3,24	0,71	3	45,0	
63. Ширина нёба	2	41,0	—	—	—	—	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	31	100,7	3,48	0,62	4	96,1	
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	31	17,9	2,81	0,50	4	17,9	

Таблица 62 (окончание)

Пол	♂				♀	
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	30	95,8	5,20	0,95	4	91,5
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	28	24,5	2,48	0,48	4	24,9
DC. Дакриальная хорда	30	22,1	1,58	0,29	3	20,6
DS. Дакриальная высота	30	12,5	1,37	0,25	3	11,3
SC. Симотическая хорда	31	9,7	1,67	0,30	4	9,2
SS. Симотическая высота	31	5,0	0,89	0,16	4	4,2
72. Угол профиля лица общий	21	85,3	3,46	0,77	3	84,3
73. Угол профиля средней части лица	31	86,7	3,72	0,67	4	85,0
74. Угол профиля альвеолярной части лица	21	83,2	4,71	1,05	4	82,3
75. Угол носовых костей к горизонтали	30	58,1	6,54	1,19	4	56,5
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	20	28,3	5,64	1,29	3	25,7
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	31	138,7	4,68	0,84	4	139,0
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	28	125,6	4,10	0,79	4	122,8
40:5. Указатель выступания лица	25	97,6	4,01	0,82	3	99,0
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	31	93,7	3,10	0,56	4	90,4
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	21	53,1	3,05	0,68	3	56,2
47:45. Общий лицевой указатель	1	86,3	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	24	51,7	2,58	0,54	4	53,0
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	32	74,9	5,40	0,95	4	79,4
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	31	79,9	5,41	0,97	4	86,2
54:55. Носовой указатель	28	50,4	4,91	0,94	3	47,8
63:62. Нёбный указатель	2	87,3	—	—	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	30	57,2	7,01	1,28	3	55,1
SS:SC. Симотический указатель	31	52,2	10,84	1,95	4	45,0
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	26	20,9	2,42	0,48	3	19,5
65. Бикондилярная ширина	22	124,2	5,51	1,20	4	122,8
66. Бигониальная ширина	22	103,1	5,33	1,16	4	100,0
68. Длина нижней челюсти от углов	22	80,0	4,74	1,03	4	76,0
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	22	106,0	6,57	1,43	4	103,8
70. Высота ветви нижней челюсти	22	61,1	4,08	0,89	4	53,8
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	23	31,7	2,00	0,43	3	30,2
79. Угол ветви нижней челюсти	22	121,1	5,58	1,22	4	127,8
Угол выступания подбородка (inf—po)	10	71,0	7,76	2,59	—	—

Таблица 63

Средние размеры и указатели черепов русских (Курская губ.)

Пол	♂				♀	
	п	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}
1. Продольный указатель	10	179,2	6,02	2,01	2	176,5
8. Поперечный указатель	10	145,3	4,60	1,53	2	138,0
17. Высотный указатель (ba—br)	9	133,6	2,30	0,81	2	127,5
20. Высотный указатель (po—br)	9	115,7	3,16	1,12	2	111,0
5. Длина основания черепа	10	98,9	3,11	1,04	2	96,0
9. Наибольшая ширина лба	10	96,6	4,90	1,63	2	90,5

Таблица 63 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$\frac{S}{\bar{x}}$	n	\bar{x}	
10.	Наибольшая ширина лба	9	122,2	4,18	1,48	2	115,0	
11.	Биаурикулярная ширина	10	124,6	6,42	2,14	2	119,5	
12.	Ширина затылка	7	110,9	4,75	1,94	2	109,5	
29.	Лобная хорда	9	111,9	5,04	1,78	2	105,2	
	Высота изгиба лобной кости	9	26,2	2,68	0,95	2	23,7	
32.	Угол лба (па—me)	10	85,9	5,20	1,73	2	86,5	
	Угол лба (gl—me)	10	79,7	5,80	1,93	2	80,5	
	Общий вид свер- ху (погма ver- ticalis), %	Ovoides	4	40,0	—	—	—	
		Pentagonoides	—	—	—	—	1	50,0
		Sphenoides	4	40,0	—	—	1	50,0
		Sphaeroides	2	20,0	—	—	—	—
	Надбровье (1—6 по Марпину)	10	2,90	—	—	2	2,50	
	Сосцевидный отросток (1—3)	10	2,50	—	—	2	2,00	
8:1.	Черепной указатель	10	81,1	2,50	0,83	2	78,2	
17:1.	Высотно-продольный указатель	9	74,1	4,53	1,60	2	72,2	
17:8.	Высотно-поперечный указатель	9	91,8	3,49	1,23	2	92,4	
9:8.	Лобно-поперечный указатель	10	66,5	3,50	1,17	2	65,5	
9:10.	Лобный указатель	9	79,2	5,23	1,85	2	78,7	
9:12.	Лобно-затылочный указатель	7	87,0	4,40	1,80	2	82,6	
	Указатель высоты изгиба лобной ко- сти	9	23,4	1,90	0,67	2	22,5	
40.	Длина основания лица	7	96,7	4,04	1,65	2	94,5	
43.	Верхняя ширина лица	10	105,6	5,35	1,78	2	98,0	
45.	Скуловая ширина	10	133,5	3,66	1,22	2	123,5	
46.	Средняя ширина лица	9	91,8	5,01	1,77	2	89,5	
47.	Полная высота лица	—	—	—	—	1	109,0	
48.	Верхняя высота лица	7	70,0	1,92	0,78	2	70,0	
50.	Максиллофронтальная хорда (mf— mf)	10	18,8	1,96	0,65	2	20,7	
51.	Ширина орбиты от mf (лев.)	10	42,2	2,12	0,71	2	39,2	
51a.	Ширина орбиты от d (лев.)	10	39,0	1,75	0,58	2	36,2	
52.	Высота орбиты (лев.)	10	31,8	2,52	0,84	2	32,0	
54.	Ширина носа	9	24,7	1,58	0,56	2	22,5	
55.	Высота носа	9	50,0	2,17	0,77	2	49,5	
	Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	Anthropina	9	90,0	—	—	1	50,0
		Fossae praena- sales	1	10,0	—	—	1	50,0
	Передненосовая ость (1—5 по Брока)	9	2,89	—	—	2	2,50	
	Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	9	5,7	2,61	0,92	2	7,0	
62.	Длина нёба	5	43,6	2,07	1,04	2	46,0	
63.	Ширина нёба	1	38,0	—	—	—	—	
43(1).	Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	10	99,0	5,81	1,94	2	93,5	
IOWsub.	Высота назона над биорбитальной шириной	10	17,5	1,72	0,57	2	17,0	
	Зигомаксиллярная ширина (zп'— zп')	10	92,5	4,72	1,57	2	88,5	
	Высота субспинале над зигомаксил- лярной шириной	9	23,7	1,62	0,57	2	22,8	
DC.	Дакриальная хорда	10	21,3	2,85	0,95	2	21,8	
DS.	Дакриальная высота	10	12,9	2,08	0,69	2	11,5	
SC.	Симотическая хорда	10	9,1	1,17	0,39	2	8,5	
SS.	Симотическая высота	10	4,7	1,57	0,52	2	4,5	

Таблица 63 (окончание)

Пол	♂				♀	
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n
72. Угол профиля лица общий	6	85,8	3,06	1,37	2	84,5
73. Угол профиля средней части лица	10	86,5	4,06	1,35	2	87,0
74. Угол профиля альвеолярной части лица	6	87,5	4,59	2,05	2	77,0
75. Угол носовых костей к горизонтали	10	55,3	7,35	2,78	1	64,0
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	6	29,8	7,25	3,24	1	22,0
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	10	141,0	2,54	0,85	2	140,0
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	9	125,3	3,81	1,35	2	125,0
40:5. Указатель выступания лица	7	96,7	3,65	1,49	2	98,5
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	10	91,9	2,59	0,86	2	89,5
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	6	52,4	2,20	0,98	2	54,9
47:45. Общий лицевой указатель	—	—	—	—	1	88,6
48:45. Верхний лицевой указатель	7	52,3	1,98	0,81	2	56,6
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	10	75,3	3,04	1,01	2	81,5
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	10	81,5	3,56	1,19	2	88,3
54:55. Носовой указатель	9	49,3	2,47	0,87	2	45,5
63:62. Нёбный указатель	1	86,4	—	—	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	10	61,5	11,93	3,98	2	52,4
SS:SC. Симотический указатель	10	51,5	14,25	4,75	2	52,5
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	8	20,1	3,01	1,14	2	21,4
65. Бикондилярная ширина	6	119,0	7,64	3,41	2	117,0
66. Бигоиальная ширина	6	102,5	6,65	2,97	2	101,5
68. Длина нижней челюсти от углов	6	78,3	3,83	1,71	2	78,5
68(1). Длина нижней челюсти от мышечков	6	105,0	3,74	1,67	2	106,0
70. Высота ветви нижней челюсти	6	58,2	3,71	1,66	2	55,0
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	6	29,7	2,19	0,98	2	30,0
79. Угол ветви нижней челюсти	6	123,8	5,56	2,48	2	129,0
Угол выступания подбородка (inf—po)	2	66,5	—	—	2	67,5

Таблица 64

Средние размеры и указатель черепов русских южных районов (южная колонизация)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
1. Продольный диаметр	46	181,7	6,79	1,00	7	175,4	3,87	1,58
8. Поперечный диаметр	46	144,5	5,35	0,79	7	142,0	5,69	2,32
17. Высотный диаметр (ba—br)	39	132,0	6,12	0,98	6	126,2	6,67	2,98
20. Высотный диаметр (po—br)	40	114,5	4,04	0,64	—	—	—	—
5. Длина основания черепа	45	100,8	4,69	0,70	7	95,9	2,35	0,96
9. Наименьшая ширина лба	46	97,3	3,70	0,55	7	93,6	3,96	1,62
10. Наибольшая ширина лба	43	121,2	4,33	0,66	7	116,3	2,37	0,97
11. Бианурикулярная ширина	46	124,7	5,13	0,76	7	122,9	7,26	2,96
12. Ширина затылка	28	110,1	4,56	0,88	7	109,0	2,89	1,18
29. Лобная хорда	40	111,6	5,57	0,88	6	105,6	5,14	2,29
Высота изгиба лобной кости	40	25,5	2,36	0,37	6	24,7	2,01	0,90
32. Угол лба (па—me)	43	83,5	4,20	0,64	7	84,7	4,69	1,91
Угол лба (gl—me)	43	77,0	4,07	0,62	7	79,7	4,47	1,82

Т а б л и ц а 64 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
Общий вид сверху (по- ма verticalis), %	Ellipsoides . . .	2	4,4	—	—	—	—	—
	Ovoides	20	44,5	—	—	2	28,6	—
	Pentagonoides . . .	4	8,9	—	—	1	14,3	—
	Rhomboides	1	2,2	—	—	—	—	—
	Sphenoides	16	35,6	—	—	4	57,1	—
Sphaeroides	2	4,4	—	—	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	46	2,94	—	—	7	2,00	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	46	2,39	—	—	7	1,71	—	—
8:1. Черепной указатель	46	79,6	3,42	0,50	7	81,0	3,96	1,62
17:1. Высотно-продольный указатель	39	72,1	4,17	0,67	6	71,7	3,05	1,36
17:8. Высотно-поперечный указатель	39	91,0	4,92	0,79	6	89,9	6,83	3,05
9:8. Лобно-поперечный указатель . . .	46	67,4	2,86	0,42	7	65,9	1,70	0,69
9:10. Лобный указатель	43	80,8	3,40	0,52	7	80,5	2,52	1,03
9:12. Лобно-затылочный указатель . . .	28	88,6	3,62	0,70	7	85,9	4,94	2,02
Указатель высоты изгиба лобной кости	40	22,9	1,66	0,26	6	23,3	0,93	0,42
40. Длина основания лица	36	98,1	5,33	0,89	6	94,8	2,49	1,11
43. Верхняя ширина лица	45	106,7	3,99	0,59	7	100,4	2,94	1,20
45. Скуловая ширина	45	134,7	4,43	0,66	7	128,1	5,41	2,21
46. Средняя ширина лица	43	94,5	5,53	0,84	7	90,6	5,66	2,31
47. Полная высота лица	2	118,5	—	—	1	109,0	—	—
48. Верхняя высота лица	36	69,9	3,58	0,60	7	69,6	2,88	1,18
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	46	19,5	2,11	0,31	7	18,9	1,44	0,59
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	46	42,7	1,76	0,26	7	41,1	1,92	0,78
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	45	39,8	1,60	0,24	7	37,9	1,64	0,67
52. Высота орбиты (лев.)	46	32,1	2,38	0,35	7	32,6	2,33	0,95
54. Ширина носа	41	25,2	1,91	0,30	6	23,8	1,48	0,66
55. Высота носа	45	51,0	3,20	0,48	7	49,7	2,22	0,91
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	40	87,0	—	—	5	71,4	—	—
Anthropina nasales	6	13,0	—	—	2	28,6	—	—
Fossae praenasales	6	13,0	—	—	2	28,6	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	42	2,76	—	—	7	2,57	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	42	5,75	1,99	0,31	6	6,8	2,64	1,18
62. Длина нёба	31	45,2	2,99	0,54	6	44,7	2,24	1,00
63. Ширина нёба	5	41,6	2,88	1,44	—	—	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	45	100,3	4,08	0,61	7	94,6	3,09	1,26
IOWsub. Высота назиона над биорбитальной шириной	45	18,6	2,73	0,41	7	17,4	1,94	0,79
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	44	95,2	5,49	0,83	7	90,9	4,62	1,89
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	41	24,2	2,74	0,43	7	23,8	3,70	1,51
DC. Дакриальная хорда	44	21,9	1,97	0,30	6	20,9	1,60	0,71
DS. Дакриальная высота	44	12,7	1,49	0,22	6	11,4	1,54	0,69
SC. Симпатическая хорда	45	9,5	1,57	0,23	7	9,2	1,08	0,44
SS. Симпатическая высота	45	4,9	1,08	0,16	7	4,3	1,19	0,49
72. Угол профиля лица общий	31	85,4	3,23	0,58	6	85,0	2,68	1,20
73. Угол профиля средней части лица	45	86,6	3,64	0,54	7	86,0	3,32	1,36

Таблица 64 (окончание)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
74. Угол профиля альвеолярной части лица	31	84,5	4,79	0,86					
75. Угол носовых костей к горизонтали	44	56,8	6,91	1,04	6	59,5	7,45	3,33	
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	30	29,3	5,85	1,07	5	24,0	3,94	1,97	
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	45	139,3	4,89	0,73	7	139,6	3,27	1,33	
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—sm')	41	125,5	4,29	0,67	7	124,4	5,17	2,11	
40:5. Указатель выступания лица	36	97,2	3,69	0,62	6	98,1	2,01	0,90	
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	45	93,4	2,94	0,44	7	90,3	1,27	0,52	
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	29	53,2	3,06	0,58	6	54,9	3,64	1,63	
47:45. Общий лицевой указатель	2	86,8	—	—	1	88,6	—	—	
48:45. Верхний лицевой указатель	34	52,0	2,62	0,45	7	54,3	2,23	0,91	
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	46	75,3	4,98	0,73	7	79,3	3,88	1,58	
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	45	80,7	5,29	0,79	7	86,0	4,37	1,78	
54:55. Носовой указатель	41	49,7	4,42	0,69	6	47,8	3,90	1,74	
63:62. Нёбный указатель	5	90,5	5,20	2,60	—	—	—	—	
DS:DC. Дакриальный указатель	44	58,4	8,38	1,26	6	54,4	6,34	2,83	
SS:SC. Симотический указатель	45	51,9	11,4	1,70	7	46,1	12,17	5,43	
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	38	20,9	2,75	0,45	6	19,9	1,93	0,86	
65. Бикондилярная ширина	31	120,9	5,66	1,02	6	120,8	5,74	2,56	
66. Бигониальная ширина	31	103,1	5,27	0,95	6	100,5	5,32	2,38	
68. Длина нижней челюсти от углов	31	79,7	4,29	0,77	6	76,8	3,43	1,53	
68(1). Длина нижней челюсти от мышечелков	31	105,9	5,84	1,05	6	104,5	3,08	1,38	
70. Высота ветви нижней челюсти	31	61,2	4,55	0,82	6	54,2	3,66	1,63	
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	32	31,6	2,36	0,42	5	30,1	1,60	0,80	
79. Угол ветви нижней челюсти	31	121,2	5,46	0,98	6	128,2	3,71	1,66	
Угол выступания подбородка (inf—po)	14	70,7	6,89	1,91	2	67,5	—	—	

Таблица 65

Средние размеры и указатели черепов русских с украинской примесью (Одесса)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	61	183,8	7,09	0,91	23	174,7	6,69	1,43	
8. Поперечный диаметр	61	146,5	6,46	0,83	23	139,4	4,59	0,98	
17. Высотный диаметр (ba—br)	59	135,8	5,99	0,78	23	128,8	6,36	1,36	
20. Высотный диаметр (po—br)	58	115,8	4,82	0,63	23	111,6	4,48	0,96	
5. Длина основания черепа	61	103,3	4,81	0,62	23	97,8	3,59	0,77	
9. Наименьшая ширина лба	61	98,8	4,88	0,62	23	95,9	4,74	1,01	
10. Наибольшая ширина лба	60	122,6	6,60	0,85	23	116,4	5,33	1,14	
11. Биорикулярная ширина	60	127,8	5,90	0,76	23	119,8	4,78	1,02	
12. Ширина затылка	53	114,4	5,66	0,78	18	108,8	4,46	1,08	
29. Лобная хорда	60	112,8	4,46	0,58	23	108,7	3,94	0,84	
Высота изгиба лобной кости	60	26,3	3,26	0,42	23	26,3	2,49	0,53	

Таблица 65 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
32. Угол лба (па—me)	59	84,1	5,23	0,68	23	87,2	6,02	1,28	
Угол лба (gl—me)	59	77,5	5,39	0,70	23	82,9	6,34	1,35	
Общий вид сверху (пог- та vertica- lis), %	{ Ellipsoides	8	13,1	—	—	2	8,7	—	—
	{ Ovoides	15	24,6	—	—	9	39,1	—	—
	{ Pentagonoides	8	13,1	—	—	7	30,4	—	—
	{ Rhomboides	5	8,2	—	—	—	—	—	—
	{ Sphenoides	21	34,4	—	—	5	21,8	—	—
{ Sphaeroides	4	6,6	—	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	61	3,20	—	—	23	1,91	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	61	2,49	—	—	23	1,43	—	—	
8:1. Черепной указатель	61	79,7	3,71	0,48	23	79,9	2,86	0,61	
17:1. Высотно-продольный указатель	59	73,8	3,30	0,43	23	73,8	3,96	0,84	
17:8. Высотно-поперечный указатель	59	92,9	4,50	0,59	23	92,7	4,26	0,91	
9:8. Лобно-поперечный указатель	61	67,5	3,25	0,42	23	68,8	2,84	0,61	
9:10. Лобный указатель	60	80,5	2,93	0,38	23	82,4	2,67	0,57	
9:12. Лобно-затылочный указатель	53	86,9	5,67	0,78	18	88,6	4,16	1,01	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	60	23,4	2,36	0,30	23	24,2	2,07	0,44	
40. Длина основания лица	47	98,0	5,72	0,83	13	93,6	3,90	1,13	
43. Верхняя ширина лица	61	107,1	4,35	0,56	23	102,4	4,07	0,87	
45. Скуловая ширина	59	136,1	5,82	0,76	22	125,1	4,10	0,90	
46. Средняя ширина лица	60	94,4	6,45	0,83	23	90,2	4,56	0,97	
47. Полная высота лица	3	123,0	—	—	—	—	—	—	
48. Верхняя высота лица	42	71,0	3,95	0,61	13	65,4	3,94	1,14	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	61	19,8	1,93	0,25	23	18,8	2,55	0,54	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	61	43,5	1,82	0,23	23	42,0	1,67	0,36	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	60	40,3	1,91	0,25	23	39,0	1,59	0,35	
52. Высота орбиты (лев.)	61	33,5	1,91	0,24	23	32,4	2,02	0,43	
54. Ширина носа	59	25,6	2,08	0,27	22	24,6	2,23	0,49	
55. Высота носа	60	52,6	2,43	0,31	23	48,1	2,67	0,57	
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	{ Anthropina	48	82,8	—	—	20	87,0	—	—
{ Fossae praee- nasales	10	17,2	—	—	3	13,0	—	—	
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	55	2,80	—	—	19	2,53	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	57	6,2	2,28	0,30	21	5,4	2,01	0,45	
62. Длина нёба	32	45,3	3,11	0,55	8	43,2	2,50	0,94	
63. Ширина нёба	5	40,2	3,70	1,85	2	35,5	—	—	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	61	100,3	4,05	0,52	23	95,8	4,09	0,87	
IOWsub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	61	19,2	2,37	0,30	23	18,0	2,10	0,45	
Зигомаксиллярная ширина (zп'—zп')	58	94,8	6,51	0,85	23	89,8	4,74	1,01	
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	52	23,6	2,48	0,34	17	24,0	3,58	0,90	
DC. Дакриальная хорда	59	21,7	2,20	0,29	21	20,7	2,40	0,54	
DS. Дакриальная высота	59	13,4	1,43	0,19	21	11,7	1,09	0,24	
SC. Симогическая хорда	60	9,6	1,55	0,20	22	9,8	2,32	0,51	
SS. Симогическая высота	60	5,2	1,27	0,16	22	4,3	0,90	0,20	
72. Угол профиля лица общий	41	87,3	3,04	0,48	14	85,2	4,31	1,19	
73. Угол профиля средней части лица	54	87,1	3,27	0,44	21	86,6	4,46	1,00	

Таблица 65 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
74. Угол профиля альвеолярной части лица	41	87,4	4,45	0,70	13	83,5	7,76	2,15
75. Угол носовых костей к горизонтали	56	56,1	5,81	0,78	20	59,7	6,05	1,39
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	39	30,7	5,10	0,82	12	25,3	5,06	1,52
77. Назомалярный угол (fmo—п—fmo)	61	138,2	4,42	0,57	23	138,8	4,16	0,89
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	52	127,1	4,97	0,69	17	124,1	6,64	1,66
40:5. Указатель выступления лица	47	94,7	3,70	0,54	13	96,7	4,51	1,30
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	59	92,8	3,77	0,49	22	89,7	2,22	0,48
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	40	52,5	3,82	0,60	13	50,7	2,71	0,78
47:45. Общий лицевой указатель	3	88,1	—	—	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	40	52,7	2,79	0,44	12	52,9	3,22	0,97
52:51. Орбитный указатель от pf (лев.)	61	77,2	4,54	0,58	23	77,1	4,99	1,06
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	60	83,3	5,04	0,65	22	83,0	4,58	1,00
54:55. Носовой указатель	59	48,9	4,07	0,53	22	51,2	5,29	1,16
63:62. Нёбный указатель	5	89,3	11,37	5,69	2	86,8	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	59	62,6	8,34	1,09	21	57,3	8,07	1,81
SS:SC. Симотический указатель	60	53,6	10,83	1,40	22	44,5	9,66	2,11
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	56	20,1	2,47	0,33	16	19,7	1,82	0,47
65. Бикондильярная ширина	36	123,1	5,44	0,91	14	118,2	6,14	1,70
66. Бигониальная ширина	37	102,3	7,15	1,18	14	96,1	6,79	1,88
68. Длина нижней челюсти от углов	34	81,0	5,12	0,88	13	78,5	2,69	0,78
68(1). Длина нижней челюсти от мышечков	34	106,9	5,48	0,94	14	102,4	4,14	1,15
70. Высота ветви нижней челюсти	34	61,7	5,60	0,96	13	56,2	5,09	1,76
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	36	32,2	3,17	0,53	15	31,7	3,03	0,81
79. Угол ветви нижней челюсти	34	121,1	7,27	1,25	13	122,6	8,68	2,51
Угол выступления подбородка (inf—po)	13	67,8	5,35	1,55	3	69,3	—	—

Таблица 66

Средние размеры и указатели черепов русских XVII—XVIII вв. (Старая Ладога)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	52	178,0	6,26	0,87	23	171,0	6,03	1,29
8. Поперечный диаметр	51	144,4	4,96	0,69	23	141,4	5,77	1,23
17. Высотный диаметр (ba—br)	48	135,6	5,72	0,83	22	129,2	6,34	1,38
20. Высотный диаметр (po—br)	53	115,8	4,88	0,67	22	111,8	4,07	0,89
5. Длина основания черепа	49	101,4	4,60	0,66	22	95,7	3,84	0,84
9. Наименьшая ширина лба	51	98,8	4,66	0,65	23	95,5	7,09	1,51
10. Наибольшая ширина лба	49	120,6	5,38	0,77	23	118,1	6,01	1,28
11. Биурикулярная ширина	53	124,8	4,12	0,57	22	119,3	4,01	0,88
12. Ширина затылка	44	110,9	4,14	0,62	19	107,4	3,86	0,89
29. Лобная хорда	52	112,6	5,06	0,70	23	109,2	4,27	0,91
Высота изгиба лобной кости	52	26,1	2,34	0,32	23	26,6	2,74	0,58

Таблица 66 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	
32. Угол лба (па—me)	49	86,6	4,50	0,64	21	88,2	3,69	0,82	
Угол лба (gl—me)	49	81,3	4,52	0,65	21	83,6	3,43	0,77	
Общий вид сверху (por- ta vertica- lis), %	Ovoides	14	26,4	—	—	4	17,4	—	—
	Pentagonoides	5	9,4	—	—	7	30,4	—	—
	Rhomboides	1	1,9	—	—	—	—	—	—
	Sphenoides	28	52,9	—	—	10	43,5	—	—
	Sphaeroides	5	9,4	—	—	2	8,7	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	53	2,60	—	—	23	1,78	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	53	2,36	—	—	23	1,48	—	—	
8:1. Черепной указатель	51	81,1	3,42	0,48	23	82,3	4,49	0,96	
17:1. Высотно-продольный указатель	48	76,0	3,22	0,47	22	75,8	4,24	0,92	
17:8. Высотно-поперечный указатель	46	94,1	4,94	0,73	22	91,8	5,96	1,30	
9:8. Лобно-поперечный указатель	50	68,5	3,08	0,44	23	67,6	2,28	0,49	
9:10. Лобный указатель	48	82,1	3,00	0,43	23	81,0	2,92	0,62	
9:12. Лобно-затылочный указатель	42	89,2	3,62	0,56	20	87,0	6,77	1,55	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	52	23,0	1,71	0,24	23	24,4	2,11	0,45	
40. Длина основания лица	44	98,7	4,84	0,73	20	93,0	3,30	0,76	
43. Верхняя ширина лица	51	106,3	4,54	0,64	23	101,5	2,43	0,52	
45. Скуловая ширина	47	133,4	4,98	0,73	21	124,3	3,13	0,70	
46. Средняя ширина лица	45	95,2	4,84	0,72	21	91,0	3,49	0,78	
47. Полная высота лица	29	117,3	7,52	1,42	8	116,0	8,00	3,02	
48. Верхняя высота лица	48	69,5	4,98	0,72	20	66,3	4,52	1,04	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	43	19,5	2,15	0,33	20	18,6	1,96	0,45	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	49	41,9	2,13	0,30	20	40,3	1,28	0,29	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	43	39,0	2,70	0,41	19	38,0	1,17	0,28	
52. Высота орбиты (лев.)	48	32,2	2,64	0,38	21	32,6	2,91	0,65	
54. Ширина носа	45	24,6	1,79	0,27	21	23,5	1,66	0,37	
55. Высота носа	49	50,4	3,02	0,43	20	47,8	2,57	0,59	
Форма нижнего { Anthropina края грушевид- ного отверстия, % { Fossae prae- nasales	43	89,6	—	—	20	95,2	—	—	
5	10,4	—	—	1	4,8	—	—		
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	45	2,69	—	—	18	2,67	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	48	5,5	2,41	0,35	21	5,2	1,62	0,36	
62. Длина нёба	38	46,2	2,89	0,47	19	43,3	1,92	0,45	
63. Ширина нёба	28	41,9	2,80	0,54	16	38,3	2,44	0,63	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	49	98,9	4,78	0,68	21	94,6	2,52	0,56	
IOWsub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	49	18,5	2,49	0,36	21	16,8	1,98	0,44	
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	44	95,2	5,50	0,83	20	90,9	4,92	1,13	
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	44	23,9	2,95	0,44	20	23,3	1,73	0,40	
DC. Дакриальная хорда	41	21,4	2,35	0,37	17	20,4	1,89	0,47	
DS. Дакриальная высота	40	12,9	1,45	0,23	17	11,2	1,26	0,32	
SC. Симогическая хорда	42	9,8	1,80	0,28	19	9,0	1,28	0,30	
SS. Симогическая высота	42	4,8	1,05	0,16	19	3,9	0,91	0,21	
72. Угол профиля лица общий	47	86,0	3,40	0,50	19	85,3	3,04	0,72	
73. Угол профиля средней части лица	47	86,3	3,48	0,51	20	85,3	3,52	0,81	
74. Угол профиля альвеолярной части лица	45	85,3	4,12	0,61	19	84,8	4,19	0,99	

Таблица 66 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
75. Угол носовых костей к горизонтали	41	56,3	5,90	0,92	19	59,4	7,29	1,72
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	39	29,6	5,64	0,90	18	26,0	6,38	1,55
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	49	138,7	4,48	0,64	21	140,8	4,34	0,97
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	44	126,5	4,72	0,71	20	125,4	3,51	0,80
40:5. Указатель выступания лица	44	97,7	3,98	0,60	20	97,6	3,47	0,80
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	46	92,2	2,80	0,41	21	88,4	3,15	0,70
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	44	51,8	4,02	0,61	20	52,2	3,45	0,79
47:45. Общий лицевой указатель	25	88,4	5,42	1,11	8	92,2	6,76	2,91
48:45. Верхний лицевой указатель	44	52,8	3,46	0,52	19	53,1	3,61	0,85
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	48	76,7	5,86	0,85	21	80,3	6,17	1,38
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	42	82,3	5,86	0,90	19	85,0	7,15	1,68
54:55. Носовой указатель	45	48,9	4,82	0,72	20	49,9	4,81	1,10
63:62. Нёбный указатель	24	91,6	7,80	1,62	14	87,8	6,28	1,74
DS:DC. Дакриальный указатель	40	60,7	9,48	1,50	17	55,5	6,28	1,57
SS:SC. Симотический указатель	42	50,9	8,72	1,34	19	43,0	8,37	1,97
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	41	23,0	2,46	0,38	18	22,1	3,42	0,83
65. Бикондилярная ширина	31	120,0	6,14	1,10	5	118,4	2,70	1,35
66. Бигониальная ширина	35	103,3	6,54	1,10	9	94,8	5,28	1,87
68. Длина нижней челюсти от углов	27	79,1	4,00	0,78	5	76,8	3,27	1,64
68(1). Длина нижней челюсти от мышечков	28	108,5	4,68	0,88	5	102,4	6,50	3,25
70. Высота ветви нижней челюсти	27	62,1	4,38	0,86	5	57,6	4,88	2,44
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	33	32,3	2,60	0,45	8	30,9	1,24	0,47
79. Угол ветви нижней челюсти	27	120,2	3,80	0,75	5	120,8	7,36	3,68
Угол выступания подбородка (inf—po)	31	68,2	5,90	1,06	7	71,3	6,79	2,77

Таблица 67

Средние размеры и указатели черепов русских XVIII в. (Себеж)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	86	177,7	7,07	0,76	72	171,9	6,26	0,74
8. Поперечный диаметр	86	145,1	5,91	0,64	73	141,6	4,64	0,54
17. Высотный диаметр (ba—br)	81	134,7	4,76	0,53	66	127,4	4,50	0,55
20. Высотный диаметр (po—br)	81	114,9	4,72	0,52	68	110,1	3,92	0,48
5. Длина основания черепа	85	99,9	4,22	0,46	65	95,2	3,36	0,42
9. Наименьшая ширина лба	87	97,6	4,82	0,52	76	95,0	3,95	0,45
10. Наибольшая ширина лба	84	120,7	5,93	0,65	71	118,0	5,09	0,60
11. Бианрикулярная ширина	84	124,9	4,45	0,49	68	120,8	5,53	0,67
12. Ширина затылка	73	110,8	4,69	0,55	63	108,9	4,18	0,53
29. Лобная хорда	82	110,9	4,53	0,50	73	108,0	4,64	0,54
Высота изгиба лобной кости	82	25,5	2,64	0,29	70	26,3	2,67	0,32
32. Угол лба (па—ме)	78	85,7	3,92	0,44	64	87,6	3,59	0,45
Угол лба (gl—ме)	78	79,0	3,68	0,42	64	82,7	3,52	0,44

Таблица 67 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
Общий вид сверху (por- ma vertica- lis), %	Ellipsoides . . .	11	12,6	—	—	4	5,3	—	—
	Ovoides	13	14,9	—	—	12	16,1	—	—
	Pentagonoides . . .	10	11,5	—	—	12	16,1	—	—
	Sphenoides . . .	43	49,5	—	—	44	58,5	—	—
	Sphaeroides . . .	10	11,5	—	—	3	4,0	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	86	2,77	—	—	75	1,91	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	88	2,05	—	—	75	1,47	—	—	
8:1. Черепной указатель	86	81,7	4,46	0,48	72	82,3	4,11	0,48	
17:1. Высотно-продольный указатель	81	76,0	3,18	0,35	66	74,4	3,39	0,42	
17:8. Высотно-поперечный указатель	81	93,0	4,04	0,45	66	90,2	1,98	0,24	
9:8. Лобно-поперечный указатель	85	67,5	2,76	0,30	73	67,3	2,74	0,32	
9:10. Лобный указатель	84	81,2	2,95	0,32	71	80,8	3,07	0,36	
9:12. Лобно-затылочный указатель	72	88,5	4,46	0,53	63	87,7	4,16	0,52	
Указатель высоты изгиба лоб- ной кости	82	23,0	1,83	0,20	70	24,5	2,11	0,25	
40. Длина основания лица	81	97,3	5,34	0,59	56	93,8	4,42	0,59	
43. Верхняя ширина лица	88	104,9	4,35	0,46	40	108,4	4,17	0,66	
45. Скуловая ширина	84	133,2	5,11	0,56	67	126,8	5,62	0,69	
46. Средняя ширина лица	85	94,3	4,64	0,50	61	90,1	4,48	0,57	
47. Полная высота лица	61	114,6	5,72	0,73	75	101,7	3,46	0,40	
48. Верхняя высота лица	87	68,9	4,16	0,45	67	66,4	3,79	0,46	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	82	19,9	1,84	0,20	58	18,7	2,46	0,32	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	84	41,4	1,91	0,21	65	40,2	1,75	0,22	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	81	38,7	2,08	0,23	60	37,7	1,61	0,21	
52. Высота орбиты (лев.)	87	31,8	2,12	0,23	69	32,5	2,07	0,25	
54. Ширина носа	85	25,0	1,94	0,21	60	23,9	1,59	0,21	
55. Высота носа	88	50,2	3,17	0,34	66	48,6	3,16	0,39	
Форма нижне- го края груше- видного отвер- стия, %	Anthropina . . .	76	86,4	—	—	63	92,6	—	—
	Fossae praena- sales	12	13,6	—	—	4	5,9	—	—
	Infantililis . . .	—	—	—	—	1	1,5	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	80	2,65	—	—	60	2,62	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	84	5,5	1,78	0,19	65	5,0	1,75	0,22	
62. Длина нёба	80	45,0	2,88	0,32	56	43,0	2,42	0,32	
63. Ширина нёба	55	40,3	2,98	0,40	43	39,2	2,48	0,38	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	86	98,3	4,12	0,44	73	94,4	3,45	0,40	
IOWsub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	86	17,8	2,43	0,26	73	16,7	2,34	0,27	
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	85	94,0	4,65	0,50	62	90,0	4,96	0,63	
Высота субназиона над зиг- максиллярной шириной	84	24,6	2,16	0,24	62	23,2	2,63	0,33	
DC. Дакриальная хорда	80	21,4	2,04	0,27	51	20,4	2,81	0,39	
DS. Дакриальная высота	80	13,0	1,42	0,15	51	11,8	1,43	0,20	
SC. Симотическая хорда	83	9,4	2,13	0,23	58	8,7	2,16	0,28	
SS. Симотическая высота	83	4,7	1,39	0,15	58	3,9	1,11	0,15	
72. Угол профиля лица общий	77	85,5	3,33	0,38	57	85,4	3,01	0,40	
73. Угол профиля средней части лица	77	85,5	3,51	0,40	57	86,1	3,39	0,45	
74. Угол профиля альвеолярной части лица	73	85,6	4,16	0,49	55	83,9	4,72	0,64	
75. Угол носовых костей к гори- зонталю	77	54,7	6,45	0,73	53	57,5	5,07	0,69	

Таблица 67 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	77	31,0	5,67	0,65	53	28,4	3,97	0,55
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	86	139,9	4,70	0,51	73	141,0	4,92	0,58
Зигомаксиллярный угол (zmf—ss—zmf)	84	125,1	4,40	0,48	62	125,4	4,83	0,61
40:5. Указатель выступания лица	81	97,5	3,76	0,42	56	98,8	4,42	0,55
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	83	92,0	2,97	0,33	67	89,2	3,19	0,39
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	80	51,1	3,22	0,25	58	52,2	3,06	0,40
47:45. Общий лицевой указатель	60	86,2	4,89	0,63	38	86,6	4,30	0,70
48:45. Верхний лицевой указатель	82	51,9	3,07	0,34	61	52,7	3,04	0,39
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	84	76,9	4,72	0,51	65	80,5	5,07	0,63
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	81	81,9	4,91	0,55	60	85,8	5,28	0,68
54:55. Носовой указатель	85	50,1	3,96	0,43	60	49,7	4,26	0,55
63:62. Нёбный указатель	53	90,1	6,98	0,96	39	91,7	7,25	1,16
DS:DC. Дакриальный указатель	80	61,1	7,73	0,86	51	58,3	8,50	1,19
SS:SC. Симотический указатель	83	50,4	10,66	1,17	58	46,3	11,25	1,48
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	76	23,6	2,94	0,34	47	23,0	2,81	0,41
65. Бикондилярная ширина	70	121,2	5,26	0,63	49	115,4	5,63	0,82
66. Бигониальная ширина	73	103,7	6,37	0,75	62	95,8	4,94	0,63
68. Длина нижней челюсти от углов	69	78,0	3,93	0,47	48	74,4	3,36	0,48
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	70	107,3	4,88	0,58	49	103,6	4,08	0,58
70. Высота ветви нижней челюсти	69	60,8	4,02	0,48	49	54,2	4,72	0,67
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	77	31,7	2,75	0,31	66	29,7	2,65	0,33
79. Угол ветви нижней челюсти	69	120,7	5,90	0,71	48	125,0	5,41	0,78
Угол выступания подбородка (inf—po)	61	66,5	6,06	0,78	52	65,0	6,42	0,89

Таблица 68

Средние размеры и указатели черепов русских конца XVII—XVIII вв. (Казань)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
1. Продольный диаметр	40	179,1	6,45	1,02	21	173,8	5,72	1,28
8. Поперечный диаметр	40	144,3	5,27	0,83	21	137,9	4,09	0,91
17. Высотный диаметр (ba—br)	37	134,5	4,76	0,78	20	130,3	3,78	0,87
20. Высотный диаметр (po—br)	38	115,1	3,99	0,65	20	111,1	4,06	0,93
5. Длина основания черепа	37	101,0	4,18	0,69	21	97,3	4,08	0,91
9. Наименьшая ширина лба	40	97,1	4,54	0,72	21	93,5	3,34	0,75
10. Наибольшая ширина лба	40	120,2	4,53	0,72	21	114,3	3,31	0,74
11. Биарикулярная ширина	40	124,1	4,08	0,65	21	117,0	4,30	0,96
12. Ширина затылка	36	108,9	5,20	0,87	20	105,8	3,29	0,75
29. Лобная хорда	37	110,8	4,83	0,79	20	107,2	4,56	1,05
Высота изгиба лобной кости	37	25,6	2,56	0,42	20	25,8	2,79	0,64
32. Угол лба (па—me)	38	84,1	4,08	0,66	20	86,8	4,25	0,97
Угол лба (gl—me)	38	77,0	4,53	0,74	20	81,5	3,79	0,87

Таблица 68 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
Общий вид сверху (пома verticalis), %	Ellipsoides . . .	5	12,5	—	—	1	4,8	—	—
	Ovoides	16	40,0	—	—	12	57,1	—	—
	Pentagonoides . . .	1	2,5	—	—	4	19,1	—	—
	Rhomboides	—	—	—	—	2	9,5	—	—
	Sphenoides	16	40,0	—	—	2	9,5	—	—
	Sphaeroides	2	5,0	—	—	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	39	2,90	—	—	21	2,05	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	40	2,10	—	—	21	1,38	—	—	
8:1. Черепной указатель	40	80,8	3,36	0,53	21	79,4	3,45	0,77	
17:1. Высотно-продольный указатель	37	75,3	3,28	0,54	20	75,1	2,64	0,61	
17:8. Высотно-поперечный указатель	37	93,3	4,27	0,70	20	94,7	3,53	0,81	
9:8. Лобно-поперечный указатель . . .	40	67,5	3,18	0,50	21	67,9	3,45	0,77	
9:10. Лобный указатель	40	80,8	3,14	0,50	21	81,8	3,24	0,72	
9:12. Лобно-затылочный указатель . . .	36	89,3	4,85	0,81	20	88,4	3,64	0,83	
Указатель высоты изгиба лобной кости	37	23,3	2,09	0,34	20	24,0	2,04	0,47	
40. Длина основания лица	36	96,9	4,59	0,77	20	94,2	2,63	0,60	
43. Верхняя ширина лица	40	105,0	4,36	0,69	21	100,0	3,52	0,79	
45. Скуловая ширина	40	133,5	5,07	0,80	20	123,1	3,82	0,88	
46. Средняя ширина лица	37	95,0	4,91	0,81	19	89,8	4,39	1,04	
48. Верхняя высота лица	38	68,8	4,12	0,67	20	66,0	3,99	0,91	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	39	20,0	1,94	0,31	20	18,2	1,89	0,43	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	40	41,3	1,75	0,28	20	39,9	1,46	0,33	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	40	39,0	2,23	0,35	20	37,6	1,29	0,30	
52. Высота орбиты (лев.)	40	32,0	2,13	0,34	20	31,7	2,21	0,51	
54. Ширина носа	40	24,8	1,45	0,25	20	24,0	1,75	0,40	
55. Высота носа	39	50,5	2,79	0,45	20	47,8	3,41	0,78	
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	34	85,0	—	—	18	90,0	—	—	
Anthropina									
Fossae praenasales	6	15,0	—	—	2	10,0	—	—	
Переденосовая ость (1—5 по Брожа)	35	2,83	—	—	17	2,65	—	—	
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	40	5,5	1,88	0,30	20	5,1	1,31	0,30	
62. Длина нёба	33	45,1	3,22	0,56	20	42,9	1,90	0,44	
63. Ширина нёба	16	39,9	3,20	0,83	13	38,7	1,32	0,38	
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	38	98,5	4,62	0,75	21	93,5	3,16	0,71	
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	38	17,1	2,62	0,43	21	17,2	1,68	0,38	
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	37	94,8	5,00	0,82	19	89,3	4,05	0,96	
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	37	23,2	2,45	0,40	19	22,7	2,31	0,54	
DC. Дакриальная хорда	39	21,7	1,91	0,31	21	19,8	2,09	0,47	
DS. Дакриальная высота	39	12,2	1,47	0,24	21	11,3	1,29	0,29	
SC. Симотическая хорда	39	9,2	1,68	0,27	21	8,9	1,83	0,41	
SS. Симотическая высота	39	4,3	1,16	0,19	21	3,8	1,14	0,26	
72. Угол профиля лица общий	35	85,7	3,46	0,58	19	85,0	3,21	0,76	
73. Угол профиля средней части лица	37	86,2	4,00	0,66	19	86,4	4,32	1,02	
74. Угол профиля альвеолярной части лица	34	83,5	4,16	0,71	19	80,6	5,31	1,25	
75. Угол носовых костей к горизонтали	34	56,2	6,01	1,03	19	61,5	5,98	1,41	

Таблица 68 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{z}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	34	29,7	5,67	0,97	18	23,4	5,02	1,22
77. Назомалярный угол (fmo—n—fmo)	38	141,9	4,48	0,73	21	139,7	3,23	0,72
Зигмаксиллярный угол (zpm'—ss—zpm')	37	127,9	4,87	0,80	19	126,3	4,48	1,06
40:5. Указатель выступления лица	35	96,0	3,42	0,58	20	97,0	3,34	0,77
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	40	92,6	3,87	0,61	20	89,3	4,06	0,93
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	36	50,9	3,33	0,56	20	50,7	2,98	0,68
48:45. Верхний лицевой указатель	38	51,5	2,82	0,46	19	53,9	2,94	0,69
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	40	77,9	4,96	0,78	20	79,4	4,74	1,09
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	40	83,1	5,66	0,90	20	84,3	5,14	1,18
54:55. Носовой указатель	39	49,0	2,88	0,46	20	50,4	3,25	0,75
63:62. Нёбный указатель	16	90,3	7,46	1,93	13	89,8	4,20	1,21
DS:DC. Дакриальный указатель	39	56,8	7,32	1,17	21	57,4	7,09	1,59
SS:SC. Симотический указатель	39	46,8	12,08	1,93	21	43,4	10,49	2,35
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	36	22,2	2,50	0,42	13	22,4	2,18	0,63

Таблица 69

Средние размеры и указатели черепов русских конца XVII—XVIII вв. (Сибирск)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	19	178,1	6,10	1,44	10	172,9	5,49	1,83
8. Поперечный диаметр	21	143,6	4,90	1,10	10	137,7	6,93	2,31
17. Высотный диаметр (ba—br)	19	135,7	5,65	1,33	11	128,6	6,83	2,16
20. Высотный диаметр (po—br)	18	114,2	3,33	0,81	9	110,9	5,55	1,96
9. Длина основания черепа	17	101,3	5,38	1,31	11	96,2	3,90	1,23
5. Наименьшая ширина лба	21	97,0	3,47	0,78	11	91,6	4,85	1,53
10. Наибольшая ширина лба	20	118,5	5,27	1,24	11	114,1	5,19	1,64
11. Биаурикулярная ширина	20	125,1	4,72	1,08	8	119,6	5,43	2,05
12. Ширина затылка	20	109,0	4,91	1,13	8	103,3	3,29	1,24
29. Лобная хорда	18	110,8	3,30	0,80	11	106,3	5,68	1,80
Высота изгиба лобной кости	18	26,0	2,84	0,69	11	26,3	2,65	0,84
32. Угол лба (na—me)	15	84,5	5,60	1,50	7	88,0	4,04	1,65
Угол лба (gl—me)	15	78,2	6,24	1,67	7	81,7	3,90	1,59
Общий вид сверху (по-та verticalis), %								
Ellipsoides	—	—	—	—	2	18,2	—	—
Ovoides	8	38,1	—	—	2	18,2	—	—
Pentagonoides	1	4,8	—	—	2	18,2	—	—
Rhomboides	—	—	—	—	1	9,0	—	—
Sphenoides	12	57,1	—	—	4	36,4	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	19	3,26	—	—	11	2,18	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	21	2,33	—	—	11	1,27	—	—
8:1. Черепной указатель	19	80,7	3,33	0,79	10	79,6	2,63	0,88
17:1. Высотно-продольный указатель	17	76,3	3,38	0,85	10	75,0	3,87	1,29
17:8. Высотно-поперечный указатель	19	95,0	4,66	1,10	10	94,2	5,10	1,70
9:8. Лобно-поперечный указатель	21	67,6	2,62	0,59	10	67,1	2,66	0,89
9:10. Лобный указатель	20	81,9	3,35	0,77	11	80,4	3,46	1,09
9:12. Лобно-затылочный указатель	20	89,1	4,47	1,03	8	91,1	3,02	1,14
Указатель высоты изгиба лобной кости	18	23,5	2,46	0,60	11	24,7	1,73	0,55

Таблица 69 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
40. Длина основания лица	15	96,9	7,15	1,91	9	91,4	3,81	1,35
43. Верхняя ширина лица	21	105,0	4,10	0,92	11	98,5	4,30	1,36
45. Скуловая ширина	19	134,0	7,09	1,67	11	124,5	4,37	1,38
46. Средняя ширина лица	13	96,4	3,82	1,10	8	89,9	3,14	1,18
47. Полная высота лица	3	116,7	—	—	1	94,0	—	—
48. Верхняя высота лица	16	69,9	5,93	1,53	10	64,2	2,52	0,84
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	16	19,9	1,97	0,51	8	17,0	1,74	0,66
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	16	41,8	2,05	0,53	9	39,1	1,33	0,47
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	15	39,2	2,15	0,57	9	36,8	1,17	0,41
52. Высота орбиты (лев.)	16	31,3	2,47	0,64	9	30,8	1,94	0,69
54. Ширина носа	15	24,2	2,17	0,58	8	22,8	1,67	0,63
55. Высота носа	16	50,4	3,09	0,80	10	46,3	1,49	0,50
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %								
Anthropina	14	87,5	—	—	8	80,0	—	—
Fossae praenales	2	12,5	—	—	1	10,0	—	—
Infantilis	—	—	—	—	1	10,0	—	—
Передненосая ость (1—5 по Брока)	13	3,08	—	—	9	2,67	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	16	5,3	1,47	0,38	10	5,2	1,87	0,62
62. Длина нёба	15	45,1	3,00	0,80	9	42,4	2,01	0,71
63. Ширина нёба	10	39,6	4,28	1,43	5	38,2	1,65	0,83
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	19	97,9	4,35	1,03	10	92,8	2,66	0,89
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	19	18,1	2,84	0,67	10	16,3	2,33	0,78
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	14	95,6	4,34	1,20	7	88,8	3,01	1,23
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	14	24,5	3,58	0,99	7	21,3	1,32	0,54
DC. Дакриальная хорда	15	21,6	2,23	0,60	8	18,7	1,71	0,65
DS. Дакриальная высота	15	12,5	1,28	0,34	8	11,1	1,23	0,46
SC. Симотическая хорда	15	9,3	1,75	0,47	9	7,8	1,55	0,55
SS. Симотическая высота	15	4,6	0,87	0,23	9	4,2	1,31	0,46
72. Угол профиля лица общий	14	84,8	3,73	1,03	6	86,2	2,57	1,15
73. Угол профиля средней части лица	14	85,1	3,73	1,03	7	86,4	3,55	1,45
74. Угол профиля альвеолярной части лица	14	83,6	4,92	1,36	6	82,3	2,80	1,25
75. Угол носовых костей к горизонтали	14	54,9	7,49	2,07	6	62,3	2,08	0,93
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	14	29,9	5,27	1,46	7	23,4	5,03	2,05
77. Назомалярный угол (fmo—p—fmo)	19	139,5	5,24	1,24	10	141,4	5,54	1,85
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	14	125,8	6,40	1,77	7	128,6	3,66	1,49
40:5. Указатель выступания лица	15	95,4	4,97	1,33	9	95,4	2,20	0,78
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	19	93,6	4,37	1,03	10	90,8	3,43	1,14
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	15	51,3	3,46	0,93	10	50,4	3,23	1,08
47:45. Общий лицевой указатель	3	88,6	—	—	1	76,4	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	16	52,5	3,93	1,02	10	51,7	3,72	1,24
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	16	74,9	4,66	1,20	9	78,9	5,84	2,06
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	15	79,2	5,02	1,34	9	83,6	5,92	2,09

Таблица 69 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
54:55. Носовой указатель	15	48,0	5,58	1,49	8	49,2	3,80	1,43
63:62. Нёбный указатель	10	87,5	4,74	1,58	5	91,5	4,51	2,26
DS:DC. Дакриальный указатель	15	58,5	7,66	2,05	8	59,9	8,03	3,03
SS:SC. Симотический указатель	15	50,5	9,01	2,41	9	53,0	8,59	3,04
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	12	23,0	2,19	0,66	8	21,2	1,36	0,51
65. Бикондилярная ширина	8	118,4	6,61	2,49	4	110,2	—	—
66. Бигониальная ширина	10	104,0	7,05	2,35	6	93,7	5,20	2,32
68. Длина нижней челюсти от углов	1	87,0	—	—	—	—	—	—
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	1	113,0	—	—	—	—	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	1	67,0	—	—	—	—	—	—
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	11	32,8	3,20	1,01	6	30,7	2,18	0,97
79. Угол ветви нижней челюсти	1	118,0	—	—	—	—	—	—
Угол выступания подбородка (inf—po)	1	69,0	—	—	—	—	—	—

Таблица 70

Средние размеры и указатели черепов украинцев восточных районов

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	27	176,8	7,19	1,41	9	173,3	5,78	2,05
8. Поперечный диаметр	27	143,7	6,64	1,30	9	144,7	8,18	2,89
17. Высотный диаметр (ba—br)	25	132,8	7,64	1,56	8	127,8	4,71	1,78
20. Высотный диаметр (po—br)	25	114,1	5,19	1,06	7	111,4	4,97	2,03
5. Длина основания черепа	27	100,5	5,51	1,08	9	96,3	4,03	1,42
9. Наименьшая ширина лба	27	98,0	5,71	1,12	10	99,5	4,93	1,64
10. Наибольшая ширина лба	26	120,5	6,81	1,36	10	120,5	7,09	2,70
11. Бианурикулярная ширина	27	123,7	5,79	1,14	8	122,0	8,07	3,05
12. Ширина затылка	21	109,6	5,04	1,13	6	112,7	7,31	3,26
29. Лобная хорда	23	112,0	4,44	0,95	8	106,0	6,08	2,29
Высота изгиба лобной кости	23	26,0	2,38	0,51	8	26,1	2,00	0,75
32. Угол лба (pa—me)	23	84,4	4,16	0,89	6	90,5	1,64	0,73
Угол лба (gl—me)	23	78,9	4,18	0,89	6	85,5	2,74	1,22
Общий вид сверху (по-та verticalis), %	Ellipsoides	2	7,4	—	—	—	—	—
	Ovoides	8	29,6	—	—	1	11,1	—
	Pentagonoides	1	3,7	—	—	3	33,3	—
	Rhomboides	—	—	—	—	1	11,1	—
	Sphenoides	13	48,2	—	—	4	44,5	—
Sphaeroides	3	11,1	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	27	2,96	—	—	10	2,10	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	27	2,19	—	—	9	1,78	—	—
8:1. Черепной указатель	27	81,3	3,22	0,63	9	83,4	2,80	0,99
17:1. Высотно-продольный указатель	25	75,3	3,81	0,78	8	73,6	2,33	0,88
17:8. Высотно-поперечный указатель	25	92,7	4,86	0,99	8	87,6	3,23	1,22
9:8. Лобно-поперечный указатель	27	68,2	3,26	0,64	9	67,2	3,54	1,25
9:10. Лобный указатель	26	81,2	3,32	0,66	10	80,1	2,86	0,95
9:12. Лобно-затылочный указатель	21	88,6	4,94	1,11	6	86,1	4,98	2,22
Указатель высоты изгиба лобной кости	23	23,0	1,54	0,33	8	24,8	1,66	0,63

Т а б л и ц а 70 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
40. Длина основания лица	24	99,0	5,31	1,11	8	94,2	4,10	1,55
43. Верхняя ширина лица	27	105,5	4,89	0,96	10	102,5	3,92	1,31
45. Скуловая ширина	27	132,6	5,49	1,08	9	127,4	5,05	1,78
46. Средняя ширина лица	24	95,2	4,31	0,90	8	91,9	4,02	1,52
47. Полная высота лица	3	119,0	—	—	1	108,0	—	—
48. Верхняя высота лица	23	69,2	3,83	0,82	8	64,8	3,69	1,39
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	26	20,4	5,78	1,16	9	20,3	0,90	0,32
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	26	41,8	2,28	0,46	9	40,9	2,20	0,78
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	26	39,1	2,06	0,41	7	38,7	2,31	0,94
52. Высота орбиты (лев.)	26	31,8	2,13	0,43	9	31,7	2,68	0,95
54. Ширина носа	25	24,7	1,97	0,40	9	24,6	1,33	0,47
55. Высота носа	25	51,8	2,94	0,60	9	47,4	3,00	1,06
Форма нижнего { Anthropina края грушевид- Fossae praе- ного отверстия, % pasales	19	76,0	—	—	8	88,9	—	—
6.	6	24,0	—	—	1	11,1	—	—
Передненокосовая ость (1—5 по Брока)	24	2,50	—	—	8	2,62	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	25	5,3	1,75	0,36	8	5,1	1,73	0,65
62. Длина нёба	20	45,5	3,65	0,84	6	43,2	2,55	1,14
63. Ширина нёба	7	41,6	3,46	1,31	2	43,5	—	—
43(4). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	27	98,7	4,07	0,80	9	96,8	3,90	1,38
JOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	27	18,5	2,39	0,47	9	16,3	1,90	0,67
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	24	95,3	4,20	0,88	8	92,7	6,05	2,28
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	24	24,2	3,24	0,68	8	22,6	1,90	0,72
DC. Дакриальная хорда	25	21,2	3,03	0,62	7	22,0	2,37	0,97
DS. Дакриальная высота	25	12,9	1,44	0,29	7	11,5	1,57	0,64
SC. Симотическая хорда	26	9,6	2,04	0,41	9	10,1	2,00	0,71
SS. Симотическая высота	26	5,1	1,39	0,28	9	4,3	1,13	0,40
72. Угол профиля лица общий	20	85,1	3,52	0,81	4	83,8	—	—
73. Угол профиля средней части лица	25	85,5	4,01	0,82	8	86,9	4,12	1,55
74. Угол профиля альвеолярной части лица	20	84,2	7,17	1,64	4	75,2	—	—
75. Угол носовых костей к горизонтали	25	55,6	5,77	1,20	8	57,1	4,23	1,60
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	20	29,6	5,31	1,22	5	25,4	7,50	3,75
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo)	27	138,7	4,46	0,87	9	142,6	3,87	1,37
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	24	126,1	5,33	1,11	8	127,8	2,38	0,90
40:5. Указатель выступания лица	24	97,8	4,55	0,95	8	97,2	3,58	1,35
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	27	92,4	3,18	0,62	9	88,2	2,94	1,04
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	21	51,8	4,02	0,90	7	50,5	1,94	0,79
47:45. Общий лицевой указатель	3	85,4	—	—	1	85,0	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	23	52,0	2,83	0,60	8	50,6	2,50	0,94
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	26	76,4	5,82	1,16	9	77,5	6,03	2,13
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	26	81,5	5,96	1,19	9	81,8	6,58	2,69

Таблица 70 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s
54:55. Носовой указатель	25	47,7	4,20	0,86	9	51,9	2,73	0,96
63:62. Нёбный указатель	7	87,7	6,90	2,82	2	95,7	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	25	61,8	10,55	2,15	7	52,4	5,06	2,07
SS:SC. Симотический указатель	26	54,2	13,53	2,71	9	42,0	6,48	2,29
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	23	21,9	2,92	0,62	7	21,8	1,53	0,62
65. Бикондилярная ширина	5	120,6	5,98	2,49	3	114,7	—	—
66. Бигониальная ширина	5	97,8	5,72	2,86	3	93,7	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	5	80,0	3,74	1,87	3	78,3	—	—
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	5	107,4	4,10	2,05	3	105,0	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	5	60,6	6,66	3,33	3	58,0	—	—
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	5	34,0	2,12	1,06	3	30,2	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	5	120,8	4,71	2,36	3	123,7	—	—
Угол выступания подбородка (inf—po)	3	70,0	—	—	2	66,5	—	—

Таблица 71

Средние размеры и указатели черепов украинцев южных районов

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	25	181,4	8,71	1,78	8	173,8	7,19	2,71	
8. Поперечный диаметр	25	144,8	5,93	1,21	8	136,2	4,06	1,53	
17. Высотный диаметр (ba—br)	25	134,8	6,10	1,24	8	128,5	4,07	1,54	
20. Высотный диаметр (po—br)	25	116,0	5,33	1,09	8	109,2	4,06	1,53	
5. Длина основания черепа	25	102,7	3,62	0,70	8	96,9	4,55	1,72	
9. Наименьшая ширина лба	25	97,8	4,71	0,96	8	96,0	3,59	1,35	
10. Наибольшая ширина лба	25	121,6	4,75	0,97	8	116,9	6,44	2,43	
11. Бианурикулярная ширина	25	125,8	5,30	1,08	8	118,4	3,55	1,34	
12. Ширина затылка	22	113,8	5,27	1,15	7	105,1	3,34	1,36	
29. Лобная хорда	25	112,1	4,84	0,99	8	106,6	6,35	2,40	
Высота изгиба лобной кости	24	25,8	2,64	0,54	8	25,9	4,09	1,54	
32. Угол лба (pa—me)	23	84,3	3,44	0,73	8	87,0	5,29	2,00	
Угол лба (gl—me)	23	77,7	3,72	0,79	8	82,8	6,54	2,47	
Общий вид сверху (по-та verticalis), %	Ellipsoides	4	16,0	—	—	2	25,0	—	—
	Ovoides	5	20,0	—	—	1	12,5	—	—
	Pentagonoides	1	4,0	—	—	1	12,5	—	—
	Rhomboides	—	—	—	—	1	12,5	—	—
	Sphenoides	12	48,0	—	—	2	25,0	—	—
Sphaeroides	3	12,0	—	—	1	12,5	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	25	3,32	—	—	8	1,88	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	25	2,16	—	—	8	1,25	—	—	
8:1. Черепной указатель	25	79,9	3,57	0,73	8	78,7	3,68	1,39	
17:1. Высотно-продольный указатель	25	74,8	3,36	0,68	8	74,0	2,77	1,05	
17:8. Высотно-поперечный указатель	25	92,6	5,04	1,03	8	94,2	4,17	1,57	
9:8. Лобно-поперечный указатель	25	67,6	3,61	0,74	8	70,4	3,27	1,23	
9:10. Лобный указатель	25	80,5	4,12	0,84	8	82,2	3,39	1,28	
9:12. Лобно-затылочный указатель	22	86,2	6,07	1,33	7	92,0	5,27	2,15	
Указатель высоты изгиба лобной кости	25	23,0	1,61	0,33	8	24,2	2,64	1,00	
40. Длина основания лица	20	99,9	5,57	1,28	4	90,5	—	—	

Таблица 71 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
43. Верхняя ширина лица	25	105,3	3,75	0,77	8	102,4	3,54	1,34
45. Скуловая ширина	24	135,3	5,16	1,08	8	125,2	3,58	1,35
46. Средняя ширина лица	23	95,0	4,93	1,05	8	90,2	4,95	1,87
43. Верхняя высота лица	19	69,9	4,64	1,09	4	67,0	—	—
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	23	19,0	1,86	0,40	8	19,4	1,35	0,51
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	24	42,7	1,74	0,36	8	42,0	1,10	0,42
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	24	39,7	1,70	0,35	8	38,2	0,81	0,31
52. Высота орбиты (лев.)	25	32,3	2,02	0,41	8	32,6	2,33	0,88
54. Ширина носа	24	25,3	1,98	0,41	6	26,0	1,26	0,56
55. Высота носа	25	51,0	4,01	0,82	8	49,0	2,27	0,86
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	21	84,0	—	—	6	75,0	—	—
Anthropina								
Fossae prae- nasales	4	16,0	—	—	2	25,0	—	—
Передненосая ость (1—5 по Брока)	24	2,62	—	—	4	2,50	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	25	6,2	1,85	0,37	8	5,2	1,02	0,38
62. Длина нёба	15	46,7	3,11	0,83	3	42,7	—	—
63. Ширина нёба	3	40,0	—	—	—	—	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo)	24	98,8	3,68	0,77	8	96,3	2,90	1,09
IOW sub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	24	17,4	2,53	0,53	8	17,8	2,20	0,83
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	23	94,1	4,19	0,89	8	89,1	7,04	2,66
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	21	23,3	2,77	0,62	6	23,0	2,68	1,20
DC. Дакриальная хорда	22	20,5	1,73	0,38	8	21,8	1,61	0,61
DS. Дакриальная высота	22	13,1	1,44	0,31	8	12,9	1,26	0,48
SC. Симотическая хорда	24	9,3	1,58	0,33	8	10,2	2,20	0,80
SS. Симотическая высота	24	5,1	1,05	0,22	8	4,7	1,03	0,39
72. Угол профиля лица общий	17	85,3	2,67	0,67	5	86,6	2,19	1,09
73. Угол профиля средней части лица	25	85,7	2,78	0,57	8	86,4	3,50	1,32
74. Угол профиля альвеолярной части лица	16	84,2	4,52	1,17	5	86,6	1,34	0,67
75. Угол носовых костей к гори- зонтали	24	55,0	7,24	1,51	8	51,6	6,07	2,29
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	16	29,9	5,68	1,47	5	27,0	6,89	3,45
77. Назомалярный угол (fmo—p— fmo)	24	140,8	4,92	1,02	8	139,4	5,04	1,90
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	21	127,2	4,40	0,98	6	124,8	2,04	0,91
40:5. Указатель выступания лица	20	97,8	3,32	0,76	4	95,4	—	—
45:8. Горизонтальный фациоцере- бральный указатель	24	93,5	3,42	0,71	8	91,8	2,84	1,07
48:17. Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	9	52,3	4,85	1,14	4	52,3	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	18	51,9	3,91	0,95	4	53,3	—	—
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	24	75,6	4,11	0,86	8	77,7	4,76	1,80
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	24	81,2	4,54	0,95	8	85,2	5,13	1,94
54:55. Носовой указатель	24	49,7	5,31	1,11	6	53,3	3,21	1,43
63:62. Нёбный указатель	3	85,0	—	—	—	—	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	22	64,2	7,64	1,67	8	59,6	7,24	2,73

Таблица 71 (окончание)

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
SS:SC. Симотический указатель . . .	24	55,6	8,37	1,74	8	45,8	5,62	2,12
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	23	20,8	2,90	0,62	7	20,7	2,99	1,22
65. Бикондилярная ширина	14	121,6	5,81	1,61	4	118,2	—	—
66. Бигониальная ширина	14	104,4	5,01	1,39	4	96,5	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	14	80,1	4,78	1,32	4	76,2	—	—
68(1). Длина <u>нижней</u> челюсти от мыщелков	14	106,7	5,94	1,65	4	98,5	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	13	62,2	4,50	1,30	4	55,5	—	—
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	14	32,8	3,32	0,92	3	32,5	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти . . .	14	121,5	6,30	1,75	4	120,2	—	—
Угол выступания подбородка (inf—po)	2	66,0	—	—	1	73,0	—	—

Таблица 72

Средние размеры и указатели черепов украинцев центральных районов

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
1. Продольный диаметр	32	179,2	6,65	1,18	10	172,6	5,98	1,99
8. Поперечный диаметр	32	146,0	5,57	0,98	10	138,6	2,63	0,88
17. Высотный диаметр (ba—br)	32	133,2	5,02	0,89	9	127,3	4,92	1,74
20. Высотный диаметр (po—br)	31	113,7	4,07	0,73	9	109,9	3,14	1,11
5. Длина основания черепа	32	101,1	4,34	0,77	10	97,0	4,35	1,45
9. Наименьшая ширина лба	32	98,4	5,56	0,98	10	94,7	2,87	0,96
10. Наибольшая ширина лба	32	121,4	5,43	0,96	10	117,6	2,59	0,86
11. Биаурикулярная ширина	32	127,7	6,93	1,22	10	120,6	2,37	0,79
12. Ширина затылка	26	112,5	4,88	0,96	8	106,8	3,65	1,38
29. Лобная хорда	32	110,3	5,48	0,97	8	107,6	4,58	1,73
Высота изгиба лобной кости	32	25,3	3,12	0,55	8	25,4	1,48	0,56
32. Угол лба (pa—me)	31	86,4	3,93	0,71	9	84,2	3,76	1,33
Угол лба (gl—me)	31	78,5	4,54	0,82	9	80,4	3,74	1,32
Общий вид сверху (по-та verticalis), %	{ Ellipsoides	1	3,1	—	—	—	—	—
	{ Ovoides	7	21,9	—	—	2	20,0	—
	{ Pentagonoides	4	12,5	—	—	1	10,0	—
	{ Rhomboides	1	3,1	—	—	—	—	—
	{ Sphenoides	18	56,3	—	—	7	70,0	—
{ Sphaeroides	1	3,1	—	—	—	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	32	3,06	—	—	10	2,00	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	31	2,29	—	—	10	1,40	—	—
8:1. Черепной указатель	32	81,6	3,59	0,63	10	80,4	2,89	0,96
17:1. Высотно-продольный указатель	32	74,4	3,24	0,57	9	73,7	2,92	1,03
17:8. Высотно-поперечный указатель	32	91,5	4,69	0,83	9	91,5	4,28	1,51
9:8. Лобно-поперечный указатель	32	67,6	3,64	0,64	10	68,3	1,71	0,57
9:10. Лобный указатель	32	81,3	2,95	0,52	10	80,5	1,74	0,58
9:12. Лобно-затылочный указатель	26	87,8	4,79	0,96	8	88,3	2,76	1,04
Указатель высоты изгиба лобной кости	32	23,0	2,60	0,46	8	23,6	1,44	0,54
40. Длина основания лица	28	95,5	5,45	1,05	4	91,8	—	—
43. Верхняя ширина лица	32	106,4	4,64	0,82	10	101,6	3,41	1,14
45. Скуловая ширина	32	135,2	5,72	1,01	10	125,5	3,98	1,33
46. Средняя ширина лица	32	93,9	6,23	1,10	10	92,0	4,19	1,40

Таблица 72 (продолжение)

Пол	♂				♀				
	Параметры	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
47. Полная высота лица	1	118,0	—	—	—	—	—	—	—
48. Верхняя высота лица	27	67,9	3,16	0,62	3	70,0	—	—	—
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	32	19,7	2,29	0,40	10	17,0	1,57	0,52	—
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	32	42,6	2,08	0,37	10	42,2	1,94	0,65	—
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	32	39,3	1,97	0,35	10	39,1	2,05	0,68	—
52. Высота орбиты (лев.)	32	32,3	1,97	0,35	10	32,7	1,81	0,60	—
54. Ширина носа	31	24,9	1,94	0,35	8	24,1	1,86	0,70	—
55. Высота носа	31	50,9	2,33	0,42	10	49,3	2,75	0,92	—
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	25	83,3	—	—	9	90,0	—	—	—
Anthropina									
Fossae praenasaes	5	16,7	—	—	1	10,0	—	—	—
Переденосовая ость (1—5 по Брока)	28	2,54	—	—	9	2,22	—	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	27	5,6	1,74	0,34	8	4,6	0,87	0,33	—
62. Длина нёба	21	44,1	2,95	0,66	3	43,7	—	—	—
63. Ширина нёба	8	40,4	2,67	1,01	—	—	—	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	32	99,8	5,04	0,89	9	96,0	3,47	1,23	—
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	32	18,6	1,98	0,35	9	17,1	1,94	0,69	—
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	32	94,4	6,36	1,12	10	91,4	4,80	1,60	—
Высота субспинале над зигомаксиллярной хордой	30	22,8	2,66	0,49	9	22,4	3,16	1,12	—
DC. Дакриальная хорда	31	21,5	2,87	0,52	10	19,1	1,68	0,56	—
DS. Дакриальная высота	31	12,8	1,41	0,25	10	11,8	1,45	0,48	—
SC. Симпатическая хорда	32	9,3	1,78	0,31	10	8,2	1,41	0,47	—
SS. Симпатическая высота	32	4,8	1,11	0,20	10	3,9	1,02	0,34	—
72. Угол профиля лица общий	22	86,6	4,26	0,93	5	87,6	1,95	0,97	—
73. Угол профиля средней части лица	32	87,9	4,17	0,74	10	88,5	2,80	0,93	—
74. Угол профиля альвеолярной части лица	22	85,4	5,50	1,20	4	87,2	—	—	—
75. Угол носовых костей к горизонтали	29	56,3	8,11	1,53	10	60,6	5,54	1,85	—
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	20	30,5	7,16	1,64	5	24,2	3,56	1,78	—
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo)	32	139,1	3,48	0,63	9	140,6	3,71	1,31	—
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	30	127,8	4,91	0,91	9	127,8	6,14	2,17	—
40:5. Указатель выступания лица	28	95,1	5,00	0,96	4	94,6	—	—	—
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	32	92,7	3,11	0,55	10	90,5	2,17	0,72	—
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	27	51,0	2,35	0,46	3	55,5	—	—	—
47:45. Общий лицевой указатель	1	82,5	—	—	—	—	—	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	27	50,5	2,65	0,52	3	54,9	—	—	—
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	32	75,6	4,86	0,86	10	78,2	5,74	1,91	—
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	32	81,9	5,58	0,99	10	84,5	6,81	2,27	—
54:55. Носовой указатель	31	48,9	3,62	0,65	8	49,4	4,74	1,69	—
63:62. Нёбный указатель	8	92,2	8,32	3,14	—	—	—	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	31	60,5	9,07	1,63	10	62,3	10,58	3,53	—
SS:SC. Симпатический указатель	32	53,1	13,37	2,36	10	49,2	11,92	3,97	—

Таблица 72 (окончание)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	25	20,7	2,78	0,57	10	20,8	2,29	0,76
65. Бикондильярная ширина . . .	15	123,6	4,40	1,18	5	120,0	3,39	1,70
66. Бигонимальная ширина . . .	15	100,6	6,82	1,82	5	93,0	3,54	1,77
68. Длина нижней челюсти от углов	15	75,5	4,22	1,13	5	75,2	3,35	1,67
68(1). Длина нижней челюсти от мышечелков	15	104,9	5,67	1,52	5	99,8	3,77	1,88
70. Высота ветви нижней челюсти	15	62,2	5,00	1,34	5	51,4	5,18	2,59
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	15	32,8	2,18	0,58	5	28,6	3,59	1,80
79. Угол ветви нижней челюсти .	15	118,9	4,98	1,33	5	127,2	6,14	3,07
Угол выступания подбородка (inf—po)	6	68,8	6,49	2,90	—	—	—	—

Таблица 73

Средние размеры и указатели черепов украинцев западных районов

Пол	♂				♀				
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
1. Продольный диаметр . . .	17	180,8	5,51	1,38	6	171,2	7,81	3,49	
8. Поперечный диаметр . . .	17	145,9	4,45	1,11	6	138,7	4,97	2,23	
17. Высотный диаметр (ba—br) .	16	134,6	6,10	1,58	6	128,5	3,56	1,59	
20. Высотный диаметр (po—br) .	16	116,4	3,87	1,00	5	110,2	4,44	2,22	
5. Длина основания черепа . . .	17	101,0	4,69	1,17	6	96,3	2,94	1,31	
9. Наименьшая ширина лба . . .	17	96,3	3,62	0,90	6	94,3	2,06	0,92	
10. Наибольшая ширина лба . . .	16	121,6	4,24	1,10	6	116,0	3,35	1,50	
11. Биарикулярная ширина . . .	17	126,2	6,64	1,66	6	118,3	6,37	2,84	
12. Ширина затылка	11	113,0	3,88	1,23	5	107,6	4,83	2,42	
29. Лобная хорда	16	113,2	4,14	1,07	6	107,7	8,02	3,58	
Высота изгиба лобной кости . . .	16	26,2	1,89	0,49	6	25,8	3,30	1,47	
32. Угол лба (pa—me)	17	84,4	1,97	0,49	5	84,0	3,08	1,54	
Угол лба (gl—me)	17	78,6	2,24	0,56	5	78,4	2,97	1,49	
Общий вид сверху (по- та verticalis), %	Ellipsoides . . . 1 Ovoides 3 Pentagonoides . . . 2 Sphenoides 8 Sphaeroides 3	1	5,9	—	—	—	—	—	
		3	17,6	—	—	1	16,6	—	—
		2	11,8	—	—	1	16,7	—	—
		8	47,1	—	—	4	66,7	—	—
		3	17,6	—	—	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	17	2,76	—	—	6	1,83	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	17	2,24	—	—	6	1,00	—	—	
8:1. Черепной указатель	17	81,4	4,04	1,01	6	81,1	3,07	1,37	
17:1. Высотно-продольный указатель	16	75,3	2,52	0,65	6	75,1	2,91	1,30	
17:8. Высотно-поперечный указатель	16	92,3	4,78	1,24	6	92,7	1,44	0,64	
9:8. Лобно-поперечный указатель .	17	66,1	3,09	0,77	6	68,1	2,79	1,25	
9:10. Лобный указатель	16	79,4	3,08	0,80	6	81,4	3,00	1,34	
9:12. Лобно-затылочный указатель .	11	85,5	3,67	1,16	5	87,7	4,07	2,04	
Указатель высоты изгиба лобной кости	16	23,1	1,31	0,34	6	23,9	1,58	0,71	
40. Длина основания лица	13	96,8	5,57	1,61	4	94,5	—	—	
43. Верхняя ширина лица	17	105,6	2,96	0,74	6	99,2	2,40	1,07	
45. Скуловая ширина	17	134,1	5,12	1,28	5	122,6	4,53	2,27	
46. Средняя ширина лица	16	94,9	3,94	1,02	5	88,6	5,18	2,59	
48. Верхняя высота лица	11	70,9	2,95	0,93	4	66,0	—	—	

Таблица 73 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	s	S_x	п	\bar{x}	s	S_x
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	17	17,9	1,81	0,45	6	17,8	1,47	0,66
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	17	43,5	1,69	0,42	6	41,4	1,83	0,82
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	17	40,5	1,48	0,37	6	38,6	2,01	0,90
52. Высота орбиты (лев.)	17	33,4	1,93	0,48	6	34,0	2,53	1,13
54. Ширина носа	16	25,2	1,90	0,50	5	24,8	1,64	0,82
55. Высота носа	16	50,9	2,78	0,72	5	46,8	2,95	1,48
Форма нижнего края грушевидного отверстия, % { Anthropina	17	100,0	—	—	5	100,0	—	—
Переденосовая ость (1—5 по Брока)	17	2,71	—	—	4	2,75	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	16	5,9	1,12	0,29	5	4,9	1,19	0,60
62. Длина нёба	10	44,2	2,15	0,72	3	41,3	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo')	17	99,7	3,12	0,78	6	93,6	2,35	1,05
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	17	17,3	2,73	0,68	6	16,8	2,38	1,06
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	16	95,1	3,90	1,01	5	87,9	4,44	2,22
Высота субспинале над зигмаксиллярной хордой	15	23,8	3,45	0,92	4	22,8	—	—
DC. Дакриальная хорда	17	20,0	1,38	0,34	6	19,9	2,16	0,96
DS. Дакриальная высота	17	12,7	1,13	0,28	6	11,2	1,06	0,47
SC. Симотическая хорда	17	9,0	2,17	0,54	6	9,4	0,61	0,27
SS. Симотическая высота	17	4,9	1,36	0,34	6	4,1	0,83	0,37
72. Угол профиля лица общий	9	87,6	4,66	1,65	4	84,2	—	—
73. Угол профиля средней части лица	15	86,9	4,76	1,27	3	82,7	—	—
74. Угол профиля альвеолярной части лица	9	87,7	4,09	1,45	3	82,7	—	—
75. Угол носовых костей в горизонтали	17	57,1	7,02	1,75	5	60,2	8,06	4,03
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	9	29,3	6,67	2,36	4	22,0	—	—
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo')	17	141,5	5,40	1,35	6	140,3	5,04	2,25
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	15	126,7	5,85	1,56	4	124,2	—	—
40:5. Указатель выступания лица	13	95,6	5,17	1,49	4	97,5	—	—
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	17	91,9	3,64	0,91	5	88,0	1,93	0,97
45:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	11	52,3	3,58	1,13	4	52,0	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	11	52,4	2,73	0,86	3	53,5	—	—
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	17	76,8	4,70	1,18	6	82,1	3,76	1,68
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	17	82,6	5,45	1,36	6	88,4	3,51	1,57
54:55. Носовой указатель	15	49,3	4,16	1,07	4	52,2	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	17	63,9	6,53	1,63	6	56,6	8,49	3,79
SS:SC. Симотический указатель	17	54,7	12,95	3,24	6	43,0	7,63	3,41
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	14	20,7	2,42	0,67	5	19,2	2,09	1,05
65. Бикондилярная ширина	10	120,1	6,04	2,01	2	118,0	—	—
66. Бигониальная ширина	10	102,0	6,20	2,07	3	95,0	—	—
68. Длина нижней челюсти от углов	10	77,9	2,81	0,94	2	71,0	—	—

Таблица 73 (окончание)

Пол	♂				♀			
	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	10	103,9	3,98	1,33	2	98,0	—	—
70. Высота ветви нижней челюсти	10	59,6	5,84	1,95	2	55,0	—	—
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	10	32,0	2,69	0,90	3	29,2	—	—
79. Угол ветви нижней челюсти	10	122,8	6,21	2,07	2	128,0	—	—
Угол выступания подбородка (inf—po)	2	67,0	—	—	1	67,0	—	—

Таблица 74

Средние размеры и показатели черепов украинцев в целом

Пол	♂				♀				
	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	п	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	
1. Продольный диаметр	101	179,1	7,25	0,72	34	172,7	6,10	1,05	
8. Поперечный диаметр	101	144,9	5,82	0,58	34	139,8	5,90	1,01	
17. Высотный диаметр (ba—br)	98	133,6	6,21	0,63	32	127,9	4,04	0,71	
20. Высотный диаметр (po—br)	97	114,6	4,50	0,46	30	110,0	3,82	0,70	
5. Длина основания черепа	101	101,3	4,68	0,47	31	96,8	3,86	0,66	
9. Наименьшая ширина лба	102	97,9	5,12	0,51	35	95,5	3,43	0,58	
10. Наибольшая ширина лба	99	121,3	5,39	0,54	35	118,0	5,20	0,88	
11. Бицентрикулярная ширина	101	126,0	6,06	0,60	32	120,1	5,03	0,89	
12. Ширина затылка	80	112,2	5,20	0,58	27	107,1	5,39	1,09	
29. Лобная хорда	97	111,8	4,62	0,47	31	107,0	5,70	1,02	
Высота изгиба лобной кости	97	25,7	2,66	0,27	31	25,9	2,67	0,48	
32. Угол лба (pa—me)	94	84,3	3,75	0,39	29	86,3	4,38	0,83	
Угол лба (gl—me)	94	78,2	3,86	0,40	29	81,9	4,83	0,91	
Общий вид сверху (porta verticalis), %	{ Ellipsoides	8	7,9	—	—	2	5,9	—	—
	{ Ovoides	23	22,8	—	—	5	14,7	—	—
	{ Pentagonoides	1	1,0	—	—	2	5,9	—	—
	{ Rhomboides	8	7,9	—	—	7	20,6	—	—
	{ Sphenoides	51	50,5	—	—	17	50,0	—	—
{ Sphaeroides	10	9,9	—	—	1	2,9	—	—	
Надбровье (1—6 по Мартину)	102	3,07	—	—	35	1,94	—	—	
Сосцевидный отросток (1—3)	100	2,22	—	—	34	1,38	—	—	
8:1. Черепной указатель	101	81,1	3,51	0,35	34	81,0	3,27	0,56	
17:1. Высотно-продольный указатель	98	74,8	3,31	0,33	32	74,1	2,60	0,46	
17:8. Высотно-поперечный указатель	98	92,4	4,88	0,49	32	91,4	3,88	0,69	
9:8. Лобно-поперечный указатель	101	67,5	3,45	0,34	34	68,5	2,81	0,48	
9:10. Лобный указатель	99	80,8	3,37	0,34	35	81,1	2,70	0,46	
9:12. Лобно-затылочный указатель	80	87,3	5,14	0,57	27	88,8	4,57	0,90	
Указатель высоты изгиба лобной кости	97	23,1	1,96	0,20	32	24,3	1,81	0,32	
40. Длина основания лица	85	97,9	5,74	0,62	21	92,9	3,86	0,86	
43. Верхняя ширина лица	102	105,7	4,21	0,42	35	101,5	3,46	0,58	
45. Скуловая ширина	100	134,2	5,44	0,54	33	125,6	4,38	0,76	
46. Средняя ширина лица	98	94,8	5,11	0,52	32	90,8	4,30	0,76	
47. Полная высота лица	4	118,8	—	—	1	108,0	—	—	
48. Верхняя высота лица	80	69,1	3,78	0,42	20	66,0	3,84	0,88	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	99	19,6	2,43	0,24	34	18,8	1,99	0,34	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	100	42,4	2,41	0,21	34	41,5	1,82	0,31	
51а. Ширина орбиты от d (лев.)	100	39,5	1,81	0,18	32	38,7	1,71	0,30	

Таблица 74 (продолжение)

Пол	♂				♀			
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$
52. Высота орбиты (лев.)	101	32,4	2,09	0,21	34	32,7	2,30	0,40
54. Ширина носа	97	25,0	1,93	0,20	29	24,7	1,62	0,31
55. Высота носа	98	51,1	3,03	0,31	33	48,2	2,81	0,49
Форма нижнего края грушевид- ного отверстия, %	83	84,7	—	—	29	87,9	—	—
Anthropina								
Fossae prae- nasales	15	15,3	—	—	4	12,1	—	—
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	93	2,58	—	—	25	2,48	—	—
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	94	5,7	1,69	0,17	30	5,0	1,18	0,22
62. Длина нёба	66	45,2	3,19	0,39	15	42,7	2,46	0,66
63. Ширина нёба	18	40,8	2,78	0,67	2	43,5	—	—
43(1). Биорбитальная ширина (fmo— fmo')	101	99,3	4,29	0,43	33	95,8	3,16	0,55
IOW sub. Высота назиона над биорби- тальной шириной	101	18,0	2,35	0,23	33	17,1	1,93	0,34
Зигомаксиллярная ширина (zm'—zm')	96	94,7	4,95	0,51	32	90,7	5,44	0,96
Высота субспинале над зиго- максиллярной шириной	91	23,5	2,92	0,31	28	22,6	2,46	0,47
DC. Дакриальная хорда	96	21,0	2,55	0,26	32	20,8	2,33	0,41
DS. Дакриальная высота	96	12,9	1,39	0,14	32	11,9	1,40	0,25
SC. Симотическая хорда	100	9,4	1,95	0,20	34	9,3	1,81	0,31
SS. Симотическая высота	100	5,0	1,20	0,12	34	4,3	1,00	0,17
72. Угол профиля лица общий	68	85,9	3,73	0,45	19	85,6	3,50	0,83
73. Угол профиля средней части лица	97	86,4	4,00	0,41	30	86,7	3,70	0,68
74. Угол профиля альвеолярной части лица	67	85,1	5,78	0,71	17	83,2	7,10	1,72
75. Угол носовых костей к гори- зонтالي	95	55,9	7,02	0,72	32	59,0	5,48	0,97
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	65	29,8	6,08	0,75	20	25,0	5,75	1,32
77. Назомаллярный угол (fmo—п— fmo')	100	139,8	4,56	0,46	33	140,8	4,24	0,74
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	91	127,1	5,08	0,53	28	126,6	4,09	0,77
40:5. Указатель выступания лица	85	96,8	4,70	0,51	21	96,3	3,00	0,67
45:8. Горизонтальный фациоцере- бральный указатель	80	92,8	3,59	0,40	33	89,9	2,78	0,57
48:17. Вертикальный фациоцеребраль- ный указатель	79	51,8	3,73	0,42	19	51,9	2,91	0,69
47:45. Общий лицевой указатель	4	87,2	—	—	1	85,0	—	—
48:45. Верхний лицевой указатель	49	51,5	3,08	0,35	19	52,2	3,03	0,71
52:51. Орбитный указатель от mI (лев.)	100	76,1	4,86	0,49	34	78,6	4,99	0,86
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	100	81,8	5,39	0,54	32	84,8	5,61	0,99
54:55. Носовой указатель	96	49,1	4,32	0,44	28	51,5	3,41	0,66
63:62. Нёбный указатель	18	89,2	7,77	1,89	2	95,7	—	—
DS:DC. Дакриальный указатель	96	62,4	8,79	0,90	32	58,2	8,40	1,41
SS:SC. Симотический указатель	100	53,9	12,62	1,26	34	44,6	8,13	1,39
Указатель высоты изгиба ску- ловой кости (по У Дин-ляну)	85	21,1	2,80	0,30	30	20,9	2,27	0,41
65. Бикондиллярная ширина	44	122,0	5,65	0,85	14	116,6	4,55	1,26
66. Бигониальная ширина	44	101,7	6,13	0,92	16	94,5	6,44	1,66
68. Длина нижней челюсти от уг- лов	44	79,7	4,04	0,61	14	75,6	4,09	1,13

Таблица 74 (окончание)

Пол	♂				♀			
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}	S
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	44	105,7	5,20	0,78	14	100,3	4,37	1,21
70. Высота ветви нижней челюсти	43	61,4	5,12	0,78	14	54,5	5,09	1,41
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	44	32,7	2,60	0,39	15	29,8	2,91	0,78
79. Угол ветви нижней челюсти	44	120,9	5,94	0,90	14	124,6	7,05	1,95
Угол выступания подбородка (inf—po)	13	68,4	5,12	1,48	4	68,3	—	—

Таблица 75

Средние размеры и указатели черепов белорусов

Пол	♂				♀		
	Параметры	n	\bar{x}	S	$S_{\bar{x}}$	\bar{x}	
1. Продольный диаметр	15	181,3	7,94	2,12	2	176,3	
8. Поперечный диаметр	15	144,7	3,43	0,92	2	144,0	
17. Высотный диаметр (ba—br)	12	135,0	4,07	1,23	2	135,0	
20. Высотный диаметр (po—br)	11	114,5	4,20	1,33	2	113,5	
5. Длина основания черепа	15	101,9	2,99	0,80	2	97,5	
9. Наименьшая ширина лба	15	95,6	3,97	1,06	2	97,5	
10. Наибольшая ширина лба	15	120,8	3,07	0,82	2	121,5	
11. Бианурикулярная ширина	15	123,8	3,16	0,85	2	122,5	
12. Ширина затылка	7	111,1	4,96	2,02	1	109,0	
29. Лобная хорда	13	111,3	5,27	1,52	2	106,8	
Высота изгиба лобной кости	13	27,0	3,02	0,87	2	27,3	
32. Угол лба (pa—me)	14	86,4	3,60	1,00	2	93,0	
Угол лба (gl—me)	14	80,3	3,27	0,91	2	85,0	
Общий вид сверху (погма verticalis), %	Ovoides	6	40,0	—	—	1	50,0
	Pentagonoides	2	13,3	—	—	—	—
	Rhomboides	—	—	—	—	1	50,0
	Sphenoides	7	46,7	—	—	—	—
Надбровье (1—6 по Мартину)	15	2,93	—	—	2	3,00	
Сосцевидный отросток (1—3)	14	2,00	—	—	2	2,00	
8:1. Черепной указатель	15	79,9	3,34	0,89	2	81,9	
17:1. Высотно-продольный указатель	12	73,8	3,29	0,99	2	76,6	
17:8. Высотно-поперечный указатель	12	93,0	2,79	0,84	2	93,9	
9:8. Лобно-поперечный указатель	15	66,2	2,85	0,76	2	67,8	
9:10. Лобный указатель	15	79,2	2,32	0,62	2	80,3	
9:12. Лобно-затылочный указатель	7	86,4	4,54	1,85	1	91,7	
Указатель высоты изгиба лобной кости	13	24,1	2,18	0,63	2	25,5	
40. Длина основания лица	9	95,9	3,58	1,27	2	91,0	
43. Верхняя ширина лица	15	104,7	2,89	0,77	2	103,0	
45. Скуловая ширина	15	131,7	2,16	0,58	2	131,5	
46. Средняя ширина лица	13	92,9	6,47	1,87	2	94,5	
48. Верхняя высота лица	8	67,8	2,19	0,83	2	63,5	
50. Максиллофронтальная хорда (mf—mf)	15	18,8	1,96	0,52	2	20,5	
51. Ширина орбиты от mf (лев.)	15	42,4	1,32	0,35	2	41,0	
51a. Ширина орбиты от d (лев.)	15	39,1	1,84	0,49	2	37,5	
52. Высота орбиты (лев.)	15	32,4	1,79	0,48	2	29,3	
54. Ширина носа	13	24,4	1,71	0,49	2	26,0	
55. Высота носа	14	49,4	2,17	0,60	2	49,0	

Таблица 75 (окончание)

Пол	♂				♀	
	n	\bar{x}	s	$S_{\bar{x}}$	n	\bar{x}
Форма нижнего края грушевидного отверстия, %	1	7,1	—	—	2	—
	13	92,9	—	—	2	100,0
Передненосовая ость (1—5 по Брока)	13	2,62	—	—	2	2,00
Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	14	5,5	1,58	0,44	2	4,8
62. Длина нёба	5	45,0	1,87	0,94	1	41,0
43(1). Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	14	98,2	2,56	0,71	2	96,8
IOW sub. Высота назиона над биорбитальной шириной	14	17,5	2,04	0,57	2	17,0
Зигмаксиллярная ширина (zm'—zm')	13	93,5	5,70	1,65	2	93,0
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	13	23,7	3,12	0,90	2	21,3
DC. Дакриальная хорда	15	21,1	2,62	0,70	2	22,7
DS. Дакриальная высота	14	12,4	1,85	0,51	2	12,5
SC. Симотическая хорда	14	9,4	1,91	0,53	2	8,2
SS. Симотическая высота	13	4,7	1,36	0,39	2	3,3
72. Угол профиля лица общий	6	85,2	3,60	1,61	2	87,0
73. Угол профиля средней части лица	13	85,8	3,29	0,95	2	87,5
74. Угол профиля альвеолярной части лица	6	84,7	3,32	1,48	2	85,0
75. Угол носовых костей к горизонтали	12	53,3	5,88	1,77	2	65,0
75(1). Угол носовых костей к линии профиля	5	32,6	4,62	2,31	2	22,0
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	14	140,5	4,52	1,25	2	141,0
Зигмаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	13	126,1	4,71	1,36	2	130,5
40:5. Указатель выступания лица	9	95,4	3,87	1,37	2	93,5
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	15	91,9	2,53	0,68	2	91,5
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	7	49,1	1,89	0,77	2	47,0
48:45. Верхний лицевой указатель	8	51,2	1,00	0,38	2	48,3
52:51. Орбитный указатель от mf (лев.)	15	76,3	4,03	1,08	2	71,5
52:51a. Орбитный указатель от d (лев.)	15	82,8	4,97	1,33	2	78,0
54:55. Носовой указатель	13	49,1	2,93	0,85	2	53,0
DS:DC. Дакриальный указатель	14	60,1	10,76	2,98	2	55,0
SS:SC. Симотический указатель	13	50,5	13,84	4,00	2	40,1
Указатель высоты изгиба скуловой кости (по У Дин-ляну)	13	20,7	2,52	0,73	2	19,5
65. Бикондилярная ширина	12	119,8	4,39	1,32	2	119,0
66. Бигоиальная ширина	12	99,8	3,95	1,19	2	94,0
68. Длина нижней челюсти от углов	12	77,4	3,89	1,17	1	70,0
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	12	103,4	4,36	1,31	1	90,0
70. Высота ветви нижней челюсти	12	59,7	4,31	1,30	1	58,0
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	12	31,5	2,38	0,72	2	31,3
79. Угол ветви нижней челюсти	12	122,2	4,40	1,33	1	115,0
Угол выступания подбородка (inf—po)	8	72,2	7,40	2,79	—	—

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткие выводы, заключающие содержание каждой главы, освобождают от необходимости длинного заключения. Оно нужно лишь в той мере, в какой общий итог работы не покрывается отдельными выводами, содержащими формулировку основных моментов этногенеза народов определенной языковой группы. В связи с этим целесообразно вернуться к обсуждению двух вопросов, поставленных в главе 2, — значению краниологических данных для решения расогенетических, а следовательно, и этногенетических проблем и типам расообразования. Рассмотрение этих вопросов сейчас, когда мы обогащены опытом предыдущего анализа, краткое резюме накопленных наблюдений представляются совершенно необходимыми, так как именно эти два вопроса являются основными: один — для выяснения характера расообразования на исследуемой территории, другой — для установления эффективности выбранного для анализа материала. К этому следует добавить, что положительное или отрицательное решение этих вопросов важно не только само по себе и в связи с выбранной темой, но и для перспективы дальнейших исследований — сомнительно, чтобы стоило собирать краниологический материал, если он не дал положительного эффекта при широком сопоставлении пятидесяти серий, сомнительно, чтобы стоило защищать гипотезу различных типов расообразования, если они оказываются сходными или тождественными на такой обширной территории от Белого моря до южнорусских степей и от Украины до Урала, да еще в разной этнической среде.

Мне кажется, что после всего изложенного на предшествующих страницах я имею право положительно ответить на первый из вопросов: да, краниологический материал из поздних могильников вносит много нового в понимание генезиса современных антропологических типов, так как действительно строит прочный мост от древности к современности и, кроме того, выявляет много новых аспектов этнической истории, которые оставались неизвестными до разработки и использования краниологических данных. Для балтов — это морфологическое своеобразие восточных латышей по сравнению с западными, объясняемое финской примесью, для восточных славян — морфологическое своеобразие современных русских и белорусов в сравнении со средневековыми славянами, объясняемое финским и балтийским субстратом в составе средневековых славян, растворенным затем поздней колонизацией, а также сложение украинцев на основе широколицего компонента в составе западных групп восточных славян, в частности древлян, для прибалтийских финнов — специфическое сходство эстонцев и финнов, свидетельствующее о родстве и общей этнической истории. Для поволжских финнов трудно сформулировать общий вывод, который давали бы краниологические данные; то новое, что вносится ими, распадается по отдельным народам. Для коми — это твердо установленная увязка с насе-

лением Прикамья середины I тысячелетия н. э. (харинский этап ломоватовской культуры), для остальных поволжских финнов — преемственность субуральского антропологического типа, в состав которого все они входят (исключение составляют мордовские группы, у которых он представлен в виде примеси), с тем комплексом морфологических особенностей, который выявлен в составе населения культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Как видим, в этногенезе почти каждого народа или, во всяком случае, группы народов краниологический анализ позволил уловить детали, не попадавшие в поле зрения исследователей ранее, а в некоторых случаях направил понимание этногенеза того или иного народа по новому руслу.

Вывод из этого очевиден — необходимо и дальше собирать краниологический материал из поздних кладбищ, так как музейные коллекции, хранящиеся в Советском Союзе, практически исчерпаны. Это тем более необходимо, что по отдельным народам, иногда крупным, имеющимся материалам либо очень фрагментарны, либо совсем отсутствуют. К их числу относятся коми-зыряне, воль, белорусы. Хочется надеяться, что региональные сводки данных по краниологии населения отдельных крупных областей в конце концов дадут возможность подойти к их обобщению в масштабе Советского Союза, а может быть, и в более широком — Евразии и земного шара.

Характер расообразования также своеобразен на разных участках выбранной для исследования территории. Закономерности географии отдельных признаков, характер их сочетаний в отдельных этнических группах, размах изменчивости признаков дают возможность выявить приуроченные к определенным территориям и морфологически четко очерченные комплексы признаков в составе прибалтийских и волжско-финских народов.

С другой стороны, в составе русского народа краниологические данные не выявляют никаких заметных различий между населением отдельных областей, а наоборот, позволяют объединить его в единый морфологический тип, территориальные вариации которого носят случайный характер.

Таким образом, выдвинутые в главе 2 критерии уровня дифференциации и уровня морфологической специфичности заставляют по-разному оценить процесс расообразования на территории Русской равнины, с одной стороны, и остальной территории Восточной Европы — с другой. Локальная изменчивость в первом случае, типологическая изменчивость во втором проявились в краниологических материалах столь же отчетливо, сколь отчетливо они проявлялись и по соматологическим данным. Обстоятельство это особенно примечательно, так как краниологические материалы исключают несравнимость морфологической характеристики разных районов, и полученные результаты могут поэтому считаться вполне объективными.

Уместно отметить, что изложенный подход позволяет в общей форме дать ответ на вопрос о преобладающей на той или иной территории причине расообразования. Там, где преобладает типологическая изменчивость, вполне отчетливо видно действие изолирующих механизмов или смешения (поволжско-финские народы), где, наоборот, расообразовательный процесс не привел к формированию типологических комплексов и решающая роль принадлежит локальной изменчивости, не имеют места ни изоляция, ни смешение, на первый план выдвигается третий фактор — расселение однородного этнического массива по огромной территории без заметных географических рубежей. Единственным препятствием для территориального распространения генов расовых признаков при таком характере расселения является широта круга брачных свя-

зей. Я ограничиваюсь этими предварительными замечаниями о типах географической изменчивости, вытекающими непосредственно из широкого сопоставления краниологических данных по народам Восточной Европы и получившими некоторую аргументацию на предшествующих страницах, так как полное рассмотрение этой проблемы принадлежит будущему — для этого требуется гораздо более широкое, чем это сделано, привлечение соматологических материалов, требуется сравнение характера и закономерностей географической изменчивости на разных материках, требуется, одним словом, специальное исследование. Задача сводки краниологических материалов по народам Восточной Европы и использования их в этногенетических целях гораздо скромнее: показать, как уже говорилось, значение краниологических данных в этногенетических исследованиях и обратить внимание на асимметрию процесса расообразования у человека. Если это сделано, я считаю поставленную перед собой цель достигнутой.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Глава первая. Накопление и интерпретация краниологических материалов по народам Восточной Европы	9
Зарождение интереса к краниологическим исследованиям в России	9
Организация антропологических центров в Москве, Петербурге и Казани и краниологические исследования	11
Накопление материалов по краниологии восточноевропейских народов в первой четверти XX в.	16
Оформление современных представлений в области методологии и методики краниологических исследований	19
Советская школа в краниологии и накопление краниологических материалов по народам Восточной Европы	22
Литература	25
Глава вторая. Изученные материалы и методические вопросы	34
Значение краниологических данных в этногенетическом исследовании	34
Изученные краниологические серии	37
Методические замечания	48
Литература	57
Глава третья. Бесспорное и спорное в происхождении антропологического состава латго-литовских народов	66
Антропологическое изучение современного населения	66
Морфологические особенности латышских серий	69
Компоненты первого порядка в составе латышского народа	73
Суммарное сопоставление	78
Палеоантропологические данные	82
Происхождение европеоидного компонента в составе латышского народа	89
Происхождение монголоидного компонента в составе латышского народа	93
Изменение признаков во времени на территории Восточной Прибалтики	95
Морфологические особенности литовской серии и происхождение литовского народа	104
Выводы	107
Литература	108
Глава четвертая. Краниологические материалы к происхождению финноязычных народов	114
Основные вопросы антропологии финно-угорских народов	114
Изучение финноязычных народов в советской антропологии	116
Географическая изменчивость краниологических признаков в пределах финских народов	118
Характер расообразовательного процесса	135

К происхождению антропологического типа саамов	138
Некоторые вопросы происхождения прибалтийско-финских народов	141
Краниологический тип коми и их происхождение	144
Место антропологического типа поволжских финнов в расовой систематике и его происхождение	153
Выводы	158
Литература	159
Глава пятая. Краниологический тип восточнославянских народов и их происхождение	162
Общие проблемы происхождения восточнославянских народов в антропологической литературе	162
Морфологическая характеристика краниологических серий русского населения	164
Краниологические особенности кривичей, вятичей и словен новгородских	173
Вариации краниологических признаков в составе территориальных групп украинского народа	182
Палеоантропологические материалы эпохи средневековья с территории Украины	188
Сопоставление краниологического типа современного и средневекового населения Белоруссии	195
О роли субстрата в происхождении русского и белорусского народов .	198
Антропологические особенности населения русского Севера и их происхождение	204
К происхождению основного антропологического компонента в этногенезе восточных славян	206
Выводы	207
Литература	208
Заключение	320

Валерий Павлович Алексеев

**Происхождение народов Восточной Европы
(краниологическое исследование)**

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор издательства Л. С. Кручинина

Художник В. П. Рафальский. Технический редактор Т. В. Алексеева.

Сдано в набор 16/IV 1969 г. Подп. к печ. 27/VIII 1969 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Физ. п. л. 20,25
' Усл. печ. л. 28,35. Уч.-изд. л. 30,9. Тираж 2700 экз. Т-11274. Тип. зак. 5634. Цена 1 р. 97 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»